Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 3-10.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.111
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-3-10

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ПРОСТРАНСТВА СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Анохин А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуются проблемы совершенствования системы правового регулирования. Акцент сделан на изучении функциональных аспектов данной системы, которые воплощены в пространстве ее возможных состояний. Пространство возможных состояний системы правового регулирования рассматривается как один из видов правового пространства. Параметрические характеристики этого пространства относятся к структуре строения, структуре организации, структуре функционирования системы. Границы пространства возможных состояний определяются целью системы правового регулирования и требованиями к системе (принуждающими связями). Исследование осуществляется с учетом выделения двух уровней системы правового регулирования: системы конституционно – правового регулирования (права исходящего от народа как субъекта учредительной власти) и системы государственно – правового регулирования.

Ключевые слова: правовое пространство, пространство возможных состояний системы, система правового регулирования.

Динамика происходящих в современном мире преобразований оказывает решающее воздействие на процессы, осуществляемые в государстве и обществе, на взаимодействие государств в сфере международных отношений, на мировые интеграционные и внутрицивилизационные тенденции. Все это требует новых подходов в осмыслении формирующейся и развивающейся правовой реальности, повышения значимости права в данных преобразованиях, понимания возрастания инструментальной ценности правового регулирования в упорядочении и организации указанных процессов, придании им управляемого, целенаправленного характера.

В связи с этим ученые продолжают исследовать онтологические основы права [1], осмысливать идейные основы системы правового регулирования [2], изучать формирующуюся в новых условиях теорию и практику правового регулирования [3]. В складывающейся ситуации внимание правоведов привлекает относительно новая конструкция – «правовое пространство», имеющая обобщающее содержание и вносящая разнообразные параметрические характеристики в существующую и складывающуюся правовую реальность [4, 5, 6]. В результате этого правовая реальность формализуется, приобретает очертания правового пространства, наполняется конкретным содержанием. Поэтому категория «правовое пространство» имеет особое методологическое значение, в том числе и для лучшего понимания инструмента целенаправленного преобразования правовой реальности – системы правового регулирования. Отсюда цель статьи – обозначить и изучить фрагмент правового пространства – пространство системы правового регулирования.

Тихомиров Ю.А. под правовым пространством понимает признанную и регулируемую правом сферу жизнедеятельности людей, организаций и государств [4, с. 5]. Капустина М.А. пишет, что понятие «пространство» при обсуждении вопросов правоустановления, законотворчества используется в двух значениях: во – первых, пространство как территория государства, на которую в формально – юридическом смысле распространяется действие законодательства, во – вторых, пространство как сфера правоустановления, правового регулирования, то есть единое пространство правового регулирования. Термин «правовое пространство» призван подчеркнуть принцип единства, непрерывности и непротиворечивости правового регулирования [5, с. 9].

Балмасов О.В. рассматривая функцию единого правового пространства, подчеркивает, что это направление деятельности Российского государства по упорядочению всех правовых явлений в пределах территориально – юрисдикционных границ с целью установления равномерного режима правового регулирования [6, с. 10].

Из приведенных характеристик правового пространства следует, что в наиболее общем виде его аспекты охватывают территориальное (физическое) пространство, в пределах которого осуществляется юрисдикционная деятельность государств, и пространство как сфера правового регулирования. Дополнительно, Тихомиров Ю.А. выделяет еще и информационное (виртуальное) пространство, формируемое на основе информационных технологий, а также тематическое – экономическое, образовательное, культурное и иные пространства [4, с. 6].

При всем разнообразии выделенных видов (аспектов) правового пространства, требуется более акцентированное исследование «пространства» собственно системы правового регулирования, определение и уточнение параметрических характеристик данного пространства, решение вопросов практического использования пространственных параметров как направления совершенствования системы правового регулирования. Для этого целесообразно применить общесистемный методологический инструментарий, позволяющий эффективно исследовать конкретные системы на основе базовых теоретических положений.

В соответствии с этим, при рассмотрении трактовки понятия «пространство», которое используется в теории систем, особо подчеркивается, что, описывая конкретную систему, выделяют набор наиболее существенных (базисных) свойств, характеризующих поведение системы. Их называют параметрами. Причем параметры, описывающие свойства реальной системы, всегда составляют лишь часть множества, всех потенциально возможных параметров (пространство возможностей) [7, с. 156, 157].

Важно учитывать, что по своему смыслу пространство возможностей прямо зависит от выделенного набора свойств, которыми представлена конкретная система, и в этом проявляется его индивидуальность и параметрическая природа. Более того, один и тот же объект может быть описан различными пространствами возможностей в зависимости от аспекта исследования [7, с. 157].

Таким образом, пространство конкретной системы может быть описано как «пространство ее возможных состояний», обусловленных набором ее существенных (базисных) свойств – которые выделяют в зависимости от аспекта исследования системы. То есть исследование требуемого аспекта предполагает указания соответствующего набора параметров, охватываемых данным аспектом, и установление на

этой параметрической основе определенного пространства возможных состояний системы. Учитывая, что параметры должны выражать существенные (базисные) свойства системы, речь, прежде всего вести о структуре системы, и более точно, о параметрах структуры строения, организации, функционирования.

Следует иметь в виду, что при конкретном исследовании или конструировании систем пространство возможных состояний возникает как результат различного рода связей и ограничений, налагаемых условиями реального мира на совокупность показателей, описывающих реальный объект. Если бы не было связей и ограничений, пришлось бы допустить, что могут реализоваться все возможности [7, с. 157].

Поэтому изучение системы правового регулирования должно быть направлено на установление границ ее пространства состояний, и как следствие, выделение пространства возможных состояний, очерчивающих пределы действия данной системы. Исходя из этого, особая роль отводится ограничениям системы, имеющим субъективный (цель) и объективный (принуждающие связи) характер. Соответственно, ограничения системы определяются целями и принуждающими связями, которые устанавливают границу системы и дают возможность точно конкретизировать условия и требования, по которым она должна действовать. Под требованиями понимаются стандарты, нормативы, обязательные к исполнению.

Далее необходимо дать определение понятия системы правового регулирования, с указанием ее структурных (существенных, базисных) характеристик. Так, система правового регулирования – это организационно оформленное (в виде установленных прямых и обратных связей) и осуществляемое в процессуально – правовой форме, обладающее единством и целостностью субъектно – объектное взаимодействие (субъектного состава – регулирующей подсистемы и объектного состава – регулируемой подсистемы), направленное через выработку и реализацию нормативных и индивидуальных правовых решений на достижение цели – установления заданного правового состояния системы общественных отношений (правового порядка), совершающее регулятивные циклы.

Приведенное определение позволяет выделить три аспекта структуры системы. Первый аспект (субстанциональный) структура строения, содержит выделенный элементный состав (субъектно – объектный) – регулирующую и регулируемую подсистемы. Данный состав включает иерархию субъектов правотворчества, иерархию субъектов правоприменения, иерархию субъектов социальных систем. Различные сочетания отношений между субъектами этих иерархий, образуют все многообразие субъектно – объектного взаимодействия. При этом субъект соответствующего вышестоящего иерархического уровня, по отношению к субъекту (объекту) нижестоящего уровня, сам превращается в объект относительно субъекта вышестоящего для него иерархического уровня.

Второй аспект (организационный) – структура организации, предназначена для обеспечения информационного взаимодействия между иерархическими уровнями подсистем системы правового регулирования, включая перечень прямых – «входных» (субъектно – объектных) и «обратных» (объектно – субъектных) связей, воплощаемых в правовых статусах субъектов и объектов.

Третий аспект (функциональный) – структура функционирования, являясь логическим развитием структуры строения и структуры организации, выражает ее динамику и выступает в форме процесса правового регулирования. Данный процесс со-

стоит в последовательном воздействии субъектов на объекты, с целью их преобразования согласно заданным параметрическим требованиям. Функциональными этапами процесса являются: правотворческий процесс – «вход» информации о преобразуемом объекте (выработка параметров преобразования); процесс действия права (действие официальных параметров преобразования объекта); процесс применения права – «выход» (преобразование объекта).

Важно подчеркнуть, что рассмотрение системы правового регулирования должно осуществляться с позиций ее понимания как формы воплощения и выражения идеи самоуправления народа России [2] и выделения двух иерархических уровней – системы конституционно – правового регулирования и системы государственно – правового регулирования.

При таком подходе государственно – организованный народ России приобретает качества социально – исторической общности, процесс становления и преобразования которой происходит в правовой форме, на основе законов и закономерностей общественного развития и направлен на достижение перспективных целей, определяющих назначение системы правового регулирования.

С учетом этого, народ России, являясь социально – исторической общностью, находясь на соответствующем этапе процесса своего развития (как непрерывно сменяющих друг друга поколений россиян), осуществляет собственное историческое движение – самоуправление, посредством использования правовой формы – системы конституционно – правового регулирования. Теоретический и прикладной потенциал данной системы обусловлен способностью народа как субъекта конституционного правотворчества, основываясь на исторической традиции, учреждать целевую направленность своего развития. Отсюда, цель системы конституционно – правового регулирования обусловлена историческим движением многонационального народа России в координатах «прошлое – настоящее – будущее» и состоит в необходимости перевода народа в новое, более прогрессивное состояние.

Это будущее состояние народа – цель, достигаемое при помощи указанной системы, относится к ныне действующему и будущим поколениям россиян, а также к государственной форме организации народа. Об этом в Преамбуле Конституции Российской Федерации [8] сказано: «… стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешними и будущими поколениями …». Соответственно, цель – будущее состояние, выражается в обеспечении интересов народа, благополучии и процветании государства Россия.

Данная цель системы правового регулирования определяет назначение ее принуждающих связей, которые являются ограничениями, накладываемыми на действия системы, определяющими ее границу и точно устанавливающими условия ее функционирования. Прежде всего следует выделить внешние связи, отграничивающие народ России от иных народов, образующих мировое сообщество. В Конституции Российской Федерации закреплено: «… осознавая себя частью мирового сообщества …». Соответственно, внешние связи – внешнее пространство, выступают проявлением необходимости самоидентификации народа России, важности его конституционно – правового отграничения от территорий проживания иных народов, образующих мировое сообщество, организация которого регламентирована международным правом. Причем эти связи зависят от комплекса сопутствующих системо-

образующих факторов: исторических, географических, этнических, культурных, религиозных и других, служащих одновременно законами и закономерностями формирования единого многонационального народа России.

Далее необходимо указать связи, устанавливающие единство народа России. В Преамбуле Конституции Российской Федерации зафиксировано: «… соединенные общей судьбой на своей земле …». Особое место занимают связи, устанавливающие демократическую основу государственности России. В Преамбуле Конституции Российской Федерации сказано: « …утверждая незыблемость ее демократической основы …». Динамика исторического развития народа России и государства выражается в связях преемственности. Об этом в Преамбуле Конституции Российской Федерации сказано: «… сохраняя исторически сложившееся государственное единство, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству … возрождая суверенную государственность России …».

С учетом изложенного, выделим пространство возможных состояний системы конституционно – правового регулирования. Структура строения включает в себя пространство возможных состояний субъекта конституционного правотворчества (учредительной власти) – народа России и пространство возможных состояний объекта – диапазон зафиксированных в конституционной форме закономерностей развития (самоуправления) народа. Пространство возможных состояний субъекта учредительной власти содержит:

1)самосознание и самоидентификацию народа России, которые связаны: а) с осознанием собственной истории, исторических закономерностей своего зарождения, становления, развития; б) с осознанием задач – конкретных мероприятий, направленных на достижение цели; в) с осознанием механизма решения задач – разработка и принятие конституции.

2) самопровозглашение народа в качестве субъекта учредительной власти – субъекта конституционного правотворчества.

Пространство возможных состояний объекта учредительной власти – конституционной формы закономерностей развития (самоуправления) народа, включает: 1) стабилизацию и гарантированное обеспечение традиционных ценностей (отношений); 2) привнесение новых, перспективных отношений; 3) развитие сложившихся позитивных отношений; 4) вытеснение устаревших, не отвечающих требованиям прогресса отношений; 5) запрещение негативных отношений.

Структура организации включает диапазон возможных состояний – прав субъекта конституционного правотворчества – народа России по отношению к объекту. В данную категорию входят: 1) право разрабатывать, обсуждать, принимать конституцию; 2) право контролировать и корректировать порядок реализации и содержание конституции. Смысловое наполнение этих прав составляет: 1) право определять порядок разработки и разрабатывать проект конституции; 2) право определять порядок обсуждения и обсуждать проект конституции; 3) право определять порядок принятия и принимать конституцию; 4) право определять порядок контроля и осуществлять контроль за реализацией конституции; 5) право определять порядок корректировки и корректировать конституцию.

Структура функционирования включает диапазон возможных состояний процесса конституционно – правового регулирования: 1) определение особенностей осуществления процесса конституционного правотворчества – учредительного про-

цесса: субъекты, порядок, формы работы сроки; 2) определение особенностей контрольного процесса: субъекты, порядок, формы работы, сроки; 3) определение особенностей осуществления процесса корректировки конституции: субъекты, порядок, формы работы, сроки.

Конституционная форма государственно – организованного народа России служит основой для формирования второго уровня системы правового регулирования – государственно – правового регулирования. Цель данного уровня – преобразование сложившегося на момент принятия конституции типа государства и общества в новый, более прогрессивный тип государства и общества, который должен выступить средством достижения цели конституционно – правового регулирования.

В соответствии с данной целью, ограничения (принуждающие связи) системы государственно – правового регулирования относятся к типу и форме государства. Согласно п. 1 ст. 1 Конституции РФ, Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Исходя из п. 1 ст. 7 Конституции РФ, Российская Федерация – социальное государство. Следовательно тип Российского государства – демократическое, правовое, социальное – выступает в виде требований, предопределяющих содержательно – смысловые и ценностные характеристики государства (пространство возможных состояний государства), позволяющих конкретизировать и сформулировать исходящий из этого перечень задач, обусловливает выбор требуемой для решения данных задач формы государства (республиканской формы правления, федеративной формы государственного устройства, демократического государственного режима).

Главными признаками (требованиями, определяющими пространство возможных состояний) современной демократической, республиканской формы правления в России являются выборность и сменяемость главы государства народом, участие самого народа непосредственно или в установленных в соответствии с его волей опосредованных формах осуществления публичной власти. Источником власти выступает многонациональный народ России, делегирующий право на власть органам государства, но сохраняющий при этом за собой контроль над ними. Органы государства = это не учредительная, а учреждаемая власть, которая может действовать лишь в пределах, установленных народом в конституции и принятых в соответствии с нею законах [9, с. 58].

С учетом изложенного, государственная власть ее социального субъекта – народа (народ в статусе избирательного корпуса), последовательно воплощается в государственную волю представительных и иных органов государственной власти (субъектов правотворчества), далее реализуясь субъектами правоприменения. На этой основе система государственно – правового регулирования на следующем этапе формируется и развивается исходя из федеративного принципа ее построения (принуждающих связей).

Федеративное государство определяется как сложное государство, состоящее из ряда субъектов, образованных по территориальному или(и) национальному принципу и объединившихся для решения своих задач. Устойчивый федерализм выполняет две взаимосвязанные главные функции: с одной стороны, он децентрализирует публичную власть, посредством ее разделения по – вертикали и тем самым формирует полицентризм, с другой стороны, он интегрирует объединившиеся в федера-

цию территориальные сообщества. Тем самым формируется единое государственно – правовое объединение [9, с. 53, 54].

Следовательно, специфика модели федеративного государства служит требованием, определяющим структурные параметры системы государственно правового регулирования (структуру строение, организации, функционирования). Поэтому пространство возможных состояний структуры строения системы государственно – правового регулирования будет включать: 1) установление элементного состава и выстраивание иерархии субъектов и объектов системы государственно – правового регулирования; 2) возможность контроля и корректировки элементного состава и иерархии субъектов и объектов системы государственно – правового регулирования.

Пространство возможных состояний структуры организации системы государственно – правового регулирования содержит: 1) согласование иерархий прямых и обратных связей во взаимодействии субъектно – объектного состава системы, определение содержания связей (цели, задачи, функции, полномочия, ответственность); 2) возможность контроля и корректировки иерархий прямых и обратных связей, изменения (уточнения) содержания связей системы.

Пространство возможных состояний структуры функционирования системы государственно – правового регулирования включает: 1) определение содержания, контроль и корректировка процесса государственно – правового регулирования; 2) установление регламентации (организации) данного процесса.

Таким образом, одним из видов правового пространства выступает пространство системы правового регулирования. Данный вид пространства нацелен на выявление функционально – динамических аспектов системы правового регулирования, установление ее параметрических характеристик. Центральным элементом рассматриваемой категории является пространство возможных состояний системы, очерченное границами системы в виде ее цели и принуждающих связей, отграничивающих систему от внешнего пространства. Теоретическое и практическое использование пространства возможных состояний, позволяет исследовать функциональный ресурс системы правового регулирования, определить ее потенциальные возможности как инструмента формирования правовой реальности, структурируя ее и придавая тем самым параметрическое измерение правового пространства.

Список литературы

1.Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография / Г.А.Гаджиев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. -320с.

2.Анохин А.Н. Проблемы понимания системы правового регулирования как формы воплощения идеи самоуправления народа // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. – Т.2 (68). - №2. – С.1 – 10.

3. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю.А. Тихомиров. М.: Формула права. 2010. – 400с.

4.Тихомиров Ю.А. Правовое пространство: равновесие и отклонения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. №4. С.4 – 17.

5.Капустина М. А. Правовое пространство: формирование системной концепции правового регулирования // Вестник Санкт – Петербургского государственного университета. Серия 14. Право. Вып. 2. 2о16. С.4 -11.

6.Балмасов О.В. Обеспечение единого правового пространства как функция современного Российского государства. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.ю.н.. Нижний Новгород. – 2006. - 36с.

7.Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании. – Новосибирск: Наука, 1982. – 240с.
8.Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М.: Проспект, 2020. – 64с.
9.Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. – 3 –е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2013. – 1040 с.

A**.N. Anohin On the study of the area of the legal regulation system** // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 3-10.

Here is researched the problems of the legal regulation system. Particular attention is paid on the study of the functional aspects of this system, embodied in the space of its possible states. The space of possible states of the system of legal regulation is considered as one of the types of legal space. The parametric characteristics of this space are the following: the structure of the establishment, the structure of the organization, the structure of the functioning of the system. The boundaries of the entities of the possible states are determined by the purpose of the legal regulation system and by the requirements for the system as well (coercive relations). The study shall be based on the emphasis on two levels of legal regulation: the system of constitutional and legal regulation (rights emanating from the people as the subject of constituent power) and the system of state and legal regulation.

Keywords: legal space, space of possible states of the system, legal-regulatory system.

Spisok literaturi

1.Gadzhiev G.A. Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta deistvitelnosti): monografiya / G.A.Gadzhiev. – M.: Norma: INFRA-M, 2014. -320s.
2.Anohin A.N. Problemi ponimaniya sistemi pravovogo regulirovaniya kak formi voplosh'eniya idei samoupravleniya naroda // Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2016. – T.2 (68). - №2. – S.1 – 10.
3. Tihomirov YU.A. Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika / YU.A. Tihomirov. M.: Formula prava. 2010. – 400s.
4.Tihomirov YU.A. Pravovoe prostranstvo: ravnovesie i otkloneniya // Pravo. ZHurnal Visshei shkoli ekonomiki. 2017. №4. S.4 – 17.
5.Kapustina M. A. Pravovoe prostranstvo: formirovanie sistemnoi koncepcii pravovogo regulirovaniya // Vestnik Sankt – Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 14. Pravo. Vip. 2. 2o16. S.4 -11.
6.Balmasov O.V. Obespechenie edinogo pravovogo prostranstva kak funkciya sovremennogo Rossiiskogo gosudarstva. Avtoref. diss. na soisk. uch. st. k.yu.n.. Nizhnii Novgorod. – 2006. - 36s.
7.Markov YU.G. Funkcionalnii podhod v sovremennom nauchnom poznanii. – Novosibirsk: Nauka, 1982. – 240s.
8.Konstituciya Rossiiskoi Federacii (s gimnom Rossii). – M.: Prospekt, 2020. – 64s.
9.Kommentarii k Konstitucii Rossiiskoi Federacii / pod red. V.D. Zorkina. – 3 –e izd., peresmotr. – M.: Norma: INFRA – M, 2013. – 1040 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 11-15.

УДК 340.5
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-11-15

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАКТИК ИНТЕГРАЦИИ

Галкин А. Г., Еникеев А. А, Пастухов М. М.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

В данной работе рассматривается зарубежный опыт внедрения и развития систем электронного правительства. Проведен анализ особенностей отдельных зарубежных практик интеграции e-Government в аппарат государства. На основе анализа нормативной базы и иных отрытых источников был проведен анализ развития систем электронного правительства в странах с различными правовыми системами и формами государства. Исходя из зарубежного опыта интеграции систем электронного правительства в деятельность аппарата государства был сделан вывод о степени репрезентативности тех или иных зарубежных практик относительно интеграции и развития систем электронного правительства в Российской Федерации.

Ключевые слова: электронное правительство, аппарат государства, цифровизация, e-Government, государственные услуги, правовая система, обратная связь, общественные институты, оптимизация государственного аппарата, система органов государственной власти.

В условиях развития информационных технологий электронное правительство является необходимым элементом взаимодействия и обратной связи общества и государства.

Электронное правительство, на сегодняшний день, во многих зарубежных государствах с развитыми политико-правовыми институтам представляет собой способ предоставления информации и оказания услуг, которые уполномочены оказывать государственные органы как частным, так и публичным субъектам. Сущность электронного правительства заключается в уменьшении уровня личного и непосредственного взаимодействия те субъектов, которым необходимы государственные услуги с государственными органами, которые эти услуги осуществляет. Интеграция новых способов и методов осуществления публичных функций является необходимым элементов развития государственных институтов в цифровую эпоху [1].

При обсуждении вопросов, связанных с формированием эффективных механизмов взаимодействия государства и гражданина посредством решений информационных технологий крайне важно с практической точки зрения учитывать результаты внедрения элементов электронного правительства в зарубежных странах. Анализ зарубежного опыта интеграции электронного правительства предоставляет возможность оценить перспективность и эффективность тех или иных решений. Также необходимо учитывать, что Россия при интеграции решений электронного правительства не является пионером в этой области, что предоставляет возможность интегрировать те решения, которые уже были апробированы в других государствах.

На сегодняшний день, в мировой практике нет единой концепции формирования и развития элементов электронного правительства, представляется возможным отметить лишь отдельные критерии, с помощью которых возможно реализовать эф-

фективные способы взаимодействия человека и гражданина с государством посредством механизмов электронного правительства.

Виды взаимодействия в системе электронного правительства:

- Между государством и гражданами (G2C, Government-to-Citizen);
- Между государством и бизнесом (G2B, Government-to-Business);
-Между различными ветвями государственной власти (G2G, Government-to-Government);
-Между государством и государственными служащими (G2E, Government-to-Employees).

В данном контексте необходимо учитывать, что электронное правительство и его элементы не являются альтернативой тех или иных государственных услуг. Целью электронного правительство является создание новой платформы и методов оказания тех государственных услуг, которые можно оказывать посредством использования информационных технологий и коммуникаций.

Одним из лидеров в сфере развития систем электронного правительства мире является Великобритания, что подтверждается различными независимыми рейтингами и оценками [1]. Техническую основу элементов электронного правительства в Великобритании представляет единый правительственный портал GOV.UK.

Веб-сайты всех государственных ведомств и многих других агентств и государственных органов были объединены в GOV.UK. На сегодняшний день на данном портале представлены государственные услуги 23 правительственных департаментов и министерств, а также государственные услуги 413 других государственных учреждений и некоммерческих организаций с государственным участием.

Портал GOV.UK предусматривает специальный раздел для реализации обратной связи с гражданами, в данном разделе граждане Великобритании имеют возможность обсудить различные вопросы относительно реализации государственных услуг, а также отразить свое мнение и видение относительно функционирования электронного правительства.

Также в отдельных разделах данного информационного ресурса публикуются новости об уже вступивших в законную силу изменениях, иных изменениях, которые в той или иной степени затрагивают права граждан. Также в рамках функционирования электронного правительства действует проект GOV.UKNotify, целью которого является отправка гражданам уведомлений о состоянии отдельных государственных услуг.

Начиная с 2013 г. в Республике Корея начало свое развития информационная платформа «умное правительство» Ключевой особенностью развитие систем электронного правительства в Республике Корея является ориентированность на мобильные устройства. На сегодняшний день, практически у каждого жителя данной республики имеет смартфон, что позволяет максимально эффективно использовать возможности платформы «умного правительства» [2].

Также в республике на сегодняшний день действуют различные порталы, которые реализуют как G2B (Government-to-Business), так и G2C (Government-to-Citizen) категории услуг.

Проведя анализ правовых основ функционирования и развития электронного правительства в Республике Корея, можно сделать вывод о том, что системы электронного правительства в данной стране соответствуют общемировым тенденциям

и каких-либо ключевых особенностей не имеют, кроме ориентированности на «мобильное правительство», однако вряд ли данное отличие можно назвать качественным.

В силу опережающих темпов развития информационных технологий в конце XX века, одним из пионеров развития концепции электронного правительства являются Соединенные Штаты. Начало развития платформ электронного правительство было положено после создания необходимой нормативной базы и большого количества изменений в действующее законодательство, а именно в Закон «О свободе информации» (The Freedom of Information Act). Этот и другие нормативные источники регламентируют различные аспекты функционирования отдельных государственных органов и учреждений, также закрепляют цели и задачи интеграции систем электронного правительств в процесс взаимодействия гражданина и государства.

Одна из основных задач интеграции систем электронного правительства в США является минимизация финансовых издержек посредством сокращения расходов федерального бюджет на аппарат государства. Другой задачей является повышения качества оказываемых государством услуг как гражданам, так и представителям бизнеса.

После внедрения и развития систем электронного правительства. Как отмечают представители экспертного и научного сообществ, использование e-Government позволило повысить прозрачность управленческих решений снизить отдельные коррупционные риски в некоторых сферах оказания государственных услуг [3].

В течении последних нескольких лет в США получила свое развитие практика, связанная с интеграцией технических решений, которые заключаются в предоставлении услуг, ориентированных на конечного пользователя, а также тех технических решений, которые используют технологии обработки больших объёмов данных (Big Data). Внедрение инновационных технологий при развитии систем электронного правительства является результатам наличия высокого научного и технологического потенциала.

Однако, не менее значимую роль при развитии систем электронного правительства в США имеет политика государства, целью которой является комплексное реформирование элементов государственного аппарата в сфере управления информационными потоками. Использование систем электронного правительство было интегрировано в саму модели государственного управления посредством внесения нормативных изменений в ведомственные акты.

Также, по мнению ряда исследователей, одним из факторов эффективной интеграции электронного правительства в деятельность аппарата государства США является внедрение элементов персональной ответственности за уровень информатизации государственных органов [4].

Так, на федеральном уровне была введена должность главного управляющего по информатике в составе Управления по электронному правительству и информационным технологиям.

Однако, не во всех западных странах практика интеграции и развития электронного правительства оценивается однозначно с позитивной стороны. Таким примером, на сегодняшний день, является Германия. Несмотря на то, что в ФРГ функционирует множество интернет ресурсов, которые созданы отдельными государственными органами и учреждениями, многие авторы отмечают различные проблемы

функционирования электронного правительства. По мнению представителей экспертного сообщества общий уровень интеграции технологий в сферу государственного управления в Германии оценивается ниже среднего относительно других европейских стран [5].

Основными проблемами развития электронного правительства в Германии явятся:

- отсутствие возможности получить значительное количество государственных услугу посредством электронного правительства (онлайн);

- в запросах государственных услуг не представляется возможным отразить объективные обстоятельства, поскольку техническая возможность для этого не реализована:

- обработка данных производится различными операторами данных, которые между собой не связаны, отсутствует единая система обработки данных при оказании государственных услуг [6].

Другой проблемой развития электронного правительства Германии является недостойная разработанность правовой основы. В немецкой правовой науке данная проблематика в крайней степени лишена существенной научной разработанности. Как отмечает некоторое немецкие ученые-юристы, интеграция информационных технологий в сферу государственного управления требует существенных изменений в рамочное законодательство в сфере государственного управления, это единственное и главное условие при котором возможно комплексное развитие e-Government. Однако, исходя из анализа государственной политики Германии относительно развития и регулирования общественных отношений в сфере информационных технологии, возможно предположить, что медленное развитие интеграции систем электронного правительства в сферу государственного управления является следствием консервативного подхода немецких властей относительно интеграции информационных технологий в сфере публичных отношений.

РФ следует мировым тенденциям развития e-Government посредством интеграции систем электронного правительства для оказания государственных услуг, однако, для комплексного развития данных систем необходимо развитие законодательной базы на федеральном уровне. В данной связи, в контексте анализа зарубежного опыта развития электронного правительства, наиболее репрезентативным примером такого развития являются США в силу влияния федеративного устройства на формирование аппарата государства. Эффективное использование e-Government в США является результатом формирования прежде всего правовой базы функционирования систем электронного правительства. Деятельность всех государственных учреждений и организаций на уровне федерального законодательства предусматривает основы функционирования и оказания государственных услуг посредством систем электронного правительства. Данные практики, на наш, взгляд могут оказать позитивное влияние на развитие e-Government в России, поскольку, учитывая технический потенциал развития систем электронного правительства, формирование более проработанной правовой базы на федеральном уровне может способствовать более глубокой интеграции систем электронного правительства в сферу взаимодействия гражданина и государства.

Список литературы

1. Курдюк П.М., Упоров И.В., Архиреева А.С. Полномочия органов местного самоуправления по обеспечению избирательных прав жителей муниципального образования // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 156-159.
2. Зайнашева З. Г., Габидуллина Э. В., Смильгина К. Л. Зарубежный опыт повышения качества и доступности предоставления государственных услуг // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2016. – №. 1 (15).
3. Choi H. E-government in South Korea // Public admin-istration in East Asia. – 2010.
4. President's IT budget for FY 2016 // The White House. The Administration. Office of Management and Budget. Management. E-Gov. Recent Reports and Documents. – Wash., 2015. – 1 p. – Mode of access: https://www.whitehouse.gov/omb/assets/
egov_docs/omb_presidents_it_budget_for_fy_2016_summary_chart.pdf (дата обращения: 28.11.2020). – Текст : электронный.
5. E-Government Act implementation // FY 2014 annual report to Congress / The White House. The Administration. Office of Management and Budget. Office of E-Government and Information Technology. – Wash., 2015. – 41 p. – Mode of access: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/omb/assets/egov_docs/final_fy14_e-gov_
act_report_02_27_2015.pdf (дата обращения: 28.11.2020). –Текст : электронный.
6. Corbeil J. R., Corbeil M. E. Past, Present, and Future //International Handbook of E-Learning Volume 1: Theoretical Perspectives and Research. – 2015. – T. 2.
7. Digitalisierung im Bund, Länder, Gemeinden. IT Organisation, Management und Empfehlungen. – B.: Springer, 2018. – XVI, 335 S.

Galkin A. G., Enikeev A. A, Pastuhov M. M. E-Government: analysis of foreign integration practices // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 11-15.

This paper examines foreign experience in the implementation and development of e-government systems. The analysis of the features of certain foreign practices of integration of e-Government into the state apparatus is carried out. Based on the analysis of the regulatory framework and other open sources, an analysis of the development of e-government systems in countries with different legal systems and forms of state was carried out. Based on the foreign experience of integrating e-government systems into the activities of the state apparatus, a conclusion was made about the degree of representativeness of certain foreign practices regarding the integration and development of e-government systems in the Russian Federation.

Key words: electronic government, state apparatus, digitalization, e-Government, public services, legal system, feedback, public institutions, optimization of the state apparatus, system of public authorities.

Spisok literaturi

1. Kurdyuk P.M., Uporov I.V., Arhireeva A.S. Polnomochiya organov mestnogo samoupravleniya po obespecheniyu izbiratelnih prav zhitelei municipalnogo obrazovaniya // Obsh'estvo i pravo. 2019. № 3 (69). S. 156-159.
2. Zainasheva Z. G., Gabidullina E. V., Smilgina K. L. Zarubezhnii opit povisheniya kachestva i dostupnosti predostavleniya gosudarstvennih uslug // Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika. – 2016. – №. 1 (15).
3. Choi H. E-government in South Korea // Public admin-istration in East Asia. – 2010.
4. President's IT budget for FY 2016 // The White House. The Administration. Office of Management and Budget. Management. E-Gov. Recent Reports and Documents. – Wash., 2015. – 1 p. – Mode of access: https://www.whitehouse.gov/omb/assets/
egov_docs/omb_presidents_it_budget_for_fy_2016_summary_chart.pdf (data obrash'eniya: 28.11.2020). – Tekst : elektronnii.
5. E-Government Act implementation // FY 2014 annual report to Congress / The White House. The Administration. Office of Management and Budget. Office of E-Government and Information Technology. – Wash., 2015. – 41 p. – Mode of access: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/omb/assets/egov_docs/final_fy14_e-gov_
act_report_02_27_2015.pdf (data obrash'eniya: 28.11.2020). –Tekst : elektronnii.
6. Corbeil J. R., Corbeil M. E. Past, Present, and Future //International Handbook of E-Learning Volume 1: Theoretical Perspectives and Research. – 2015. – T. 2.
7. Digitalisierung im Bund, Länder, Gemeinden. IT Organisation, Management und Empfehlungen. – B.: Springer, 2018. – XVI, 335 S.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 16-21.

УДК 340
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-16-21

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САЙМЕНСКОГО КАНАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Гаук А. М.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Правовое регулирование деятельности Сайменского канала началось в 1858 г. с серии нормативно-правовых актов, закрепивших нормы и распределивших основные задачи и направления деятельности его персонала и высших органов власти, а продолжено инструкцией 1875 г. Очевидно, следует отметить, что в ходе этого процесса применялись как уже апробированные способы организации деятельности отдельных частей путей водного сообщения (гейматы), так и, в связи с происходившими в России и Финляндии реформами, внедрением в качестве надзорной инстанции Главного Управления путей сообщения. Учитывая важность для княжества данного сооружения высшей надзорной инстанцией для него изначально был определен хозяйственный департамент финляндского Сената.

Ключевые слова: Сайменский канал, правовое регулирование, устав, определение, инструкция, Сенат.

27 мая 2010 года, «отмечая положительные итоги реализации Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой о передаче в аренду Финляндской Республике советской части Сайменского канала и острова Малый Высоцкий, подписанного в г. Москве 27 сентября 1962 г.», между Российской Федерацией, с одной стороны, и Республикой Финляндия, с другой стороны, был подписан договор «Об аренде Финляндской Республикой российской части Сайменского канала и прилегающей к нему территории и об осуществлении судоходства через Сайменский канал» [1].

Согласно пункту 1, ст. 2 данного документа, Российская Федерация предоставила Финляндской Республике в аренду сроком на 50 лет часть территории Российской Федерации, включающую российскую часть Сайменского канала с прилегающими акваторией и земельным участком.

1 ноября 2011 г. был принят Государственной Думой, а 9 ноября 2011 г. одобрен Советом Федерации Федеральный Закон «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об аренде Финляндской Республикой российской части Сайменского канала и прилегающей к нему территории и об осуществлении судоходства через Сайменский канал» [2].

Уже одно упоминание этих документов говорит о важности деятельности данной транспортной артерии для Российской Федерации и Республики Финляндия. В тоже время, при анализе имеющихся публикаций по проблеме, мы пришли к выводу о том, что правовые основы его деятельности еще в недостаточной мере изучены [3-5].

Как известно, Сайменский канал был открыт в 1856 г. и в то время являлся одним из самых больших в мире гидротехнических сооружений. Необходимость в его сооружении была очевидна давно. В первую очередь она вызывалась потребностью в объединении и улучшении водных путей сообщения Великого Княжества Фин-

ляндского, в условиях общей неразвитости сухопутных путей сообщения, а также сложностями в прокладке железнодорожных путей.

Учитывая важность и сложность данного сооружения, специально для его эксплуатации был разработан ряд нормативно-правовых актов, направленных на урегулирование его работы. Среди наиболее важных из них можем назвать «Устав для Саймского канала» от 14 апреля 1858 года, «Положении об управлении приписанными к Саймскому каналу гейматам и проч.» от 14 апреля 1858 г.; «Высочайшем положении о сборе, отчетности и контроле по Саймскому каналу» от 14 апреля 1858 года; «Положении о сборе, отчетности и контроле по Саймскому каналу» от 14 апреля 1858 г.

Однако эти законоположения не могли навсегда обеспечить всю необходимую нормативную базу для деятельности Сайменского канала, в первую очередь из-за изменения структуры управления системы путей сообщения в княжестве. Так, в частности, 17 сентября 1860 г. была опубликована «Высочайшая Его Императорского Величества Инструкция Главному Управлению путей сообщения в Финляндии и подведомственным ему чинам» [6, с. 5], 30 июня 1869 г. Высочайшее Его Императорского Величества Инструкция Главному Управлению путей сообщения в Финляндии и подведомственным ему чинам [7, с. 1], а также другие документы. Кроме того, активное строительство мостовых сооружений потребовал принятия дополнительных положений и уточнения иных норм.

В этой связи 6 августа 1875 г. Высочайшая ЕИВ Инструкция, для управления и заведывания Саймским каналом. Данным документом, главный надзор за Саймским каналом и заведывание им, как в техническом так и в хозяйственном отношениях, со всеми принадлежащими к нему шлюзами, мостами, водопроводами, доком и прочими учреждениями и зданиями, включая в число их и отведенные в распоряжение состоящих при канале чиновников и служителей бостели с выстроенными там домами, содержание, ремонт и перестройку их, а также главный надзор за плаванием по каналу и за всем, что относится к судоходству о нему, предоставлялось Главному Управлению путей сообщения (далее – ГУПС) в Финляндии. Прежде начала каких-либо новых предприятий, перестроек, значительных изменений или починок и большим закупкам, начальство канала обязывалось, по всем таким вопросам, предварительно испрашивать ближайшего предписания указанного ГУПС; работы же, необходимые во время навигации для безостановочного по нему плавания, должны были немедленно производиться начальством канала (п. 1) [8, с. 1].

Полицейские дела при канале и в черте его подлежали вообще ведению Выборгского губернатора и местной земской полиции. Начальник же канала был обязан, однако, через указанных в пар. 10 строителей, иметь надзор за порядком в черте канала и разбирать такие состоящие в связи с этим надзором маловажные полицейские дела, которые, согласно с утвержденным для Саймского канала Уставом от 14 апреля 1858 г., принадлежали начальству канала и, как не касающиеся общего порядка, не требовали вмешательства земской полиции (п. 3).

Все вопросы, относящиеся к приписанным к Саймскому каналу гейматам и прочим состоящим в его черте землям, к управлению и отдаче их в аренду и проч., рассматривались и решались губернатором, как о том и было ранее предписано в Положении об управлении приписанными к Саймскому каналу гейматам и проч. от 14 апреля 1858 г., или впредь могло быть установлено (п. 4).

Выборгский губернатор и губернская контора, со своей стороны, обязаны были иметь ближайшее наблюдение и отвечать за сбор доходов с канала, сдачу их, и отчетность в порядке, установленном в положении о сборе, отчетности и контроле по Саймскому каналу от 14 апреля 1858 г. (п. 5).

Весь канал разделяется на две дистанции, из которых верхняя дистанция включала в себя пространство канала со всеми учреждениями от Лаурицалаской пристани на озере Сайм до южного берега Найямаярви, а нижняя дистанция, начиная от указанного берега, простиралась до набережной канала и подвижного моста у городской пристани в Выборге (п. 6).

Заведывание техническими и хозяйственными делами при канале, а также надзор за судоходством и сбором доходов с канала вверялся начальнику канала (п. 7).

Для каждой станции назначался начальник, который, под непосредственным надзором начальника канала [8, с. 2], исполнял все обязанности его по делам дистанции. Такие начальники дистанций должны были иметь техническое образование и иметь опыт технических работ (п. 8).

Для сбора пошлин за пользование каналом и доком и арендных денег за гейматы и земли канала, а также для счетоводства и отчетности в доходах, расходах и запасах (как о том установлено в Положении о сборе, отчетности и контроле по Саймскому каналу от 14 апреля 1858 г.), назначался при каждой дистанции кассир. Эти кассиры должны были представить установленное для сборщиков поручительство. Кассир верхней дистанции обязан был также составлять полный счет для годового отчета об управлении каналом, а кассир нижней дистанции также заведовать запасами материалов и инструментов канала, с отдачей в них ежегодного отчета.

В помощь кассирам на время судоходства по каналу определялись, начальником канала, при каждой дистанции по одному писарю при весах (п. 9).

Также при канале состояли 4 постоянные строители, два старшие и два младшие, которые также должны были иметь хорошие познания и опыт в строительных работах, могущих происходить при канале (п. 10).

Начальник канала, начальники дистанций, кассиры и строители состояли по ординарному штату и пользовались жалованием и прочими преимуществами согласно прилагаемого к инструкции штата. Из них начальник канала назначался хозяйственным департаментом Сената, по представлению ГУПС, а начальники дистанций, кассиры и строители – ГУПС по объявлении должности вакантной для соискания в тридцатидневный срок. От главного управления зависело также и увольнение этих чинов от службы (п. 12).

Начальник канала, начальники дистанций и кассиры пользовались таким же правом на пенсию при увольнении от службы, как и вообще чиновники гражданского ведомства края [8, с. 3].

На таком же основании и состоящие при канале строители, при увольнении от службы по законным причинам, награждались за беспорочную службу пожизненным пособием. Указанным чиновникам и служителям также предоставляется право участвовать во вдовьей и сиротской кассе финляндского милиционного ведомства (п. 13).

Кроме того, при шлюзах и каналах определялось 12 сторожей с необходимым количеством помощников и двумя сигнальщиками, из которых один на Лаурицалаской горе, а другой у Нуйякангаса, согласно тому, как значится в штатах. Началь-

ник канала определял сторожей при шлюзах и мостах, имел над ними власть хозяина и был в праве за беспорядочность и нерадение по службе и т.д. увольнять их от нее, о чем начальник канала обязан был доносить ГУПС. Сторожа при шлюзах и мостах получали содержание помесячно и лишались права на получение его за тот месяц, в течение которого они уволены, если причиной увольнения было нерадение по службе и беспорядочность (п. 14).

В случае, если возникал повод предать суду начальника канала за проступки и упущения по службе, то обвинение в таком случае следовало заявлять в Выборгском Гофгерихте.

Относительно проступков и упущений по службе прочих чинов и служителей канала следовало применять пар. 18, 19 и 20 Высочайшей инструкции главному управлению путей сообщения от 20 июня 1869 г. если бы вместе с тем плавающим по каналу или другим лицам, а также имуществу их или выгодам казны угрожала опасность, то начальник канала имел тотчас устранить виновного или нерадивого от должности и к исполнению ее непосредственно определить другое лицо. Обо всем этом начальник канала обязан был немедленно донести ГУПС, которое по совершении следствия, если к тому были уважительные причины, принимал меры к подтверждению виновного законной ответственности (п. 15).

Если кто из состоящих при канале чинов по болезни или другой законной причине не мог отправлять своей должности, или когда, по случаю выбытия такого чиновника, оказывалась на короткое время надобность в заместителе, то ГУПС принимало меры к временному исправлению должности. Если же кто-либо из этих чинов просил об увольнении его в отпуск, то ГУПС могло его разрешать: начальнику канала не более как на 14 дней, а прочим чинам по усмотрению ГУПС. При этом главное управление определяло, кому в продолжение отпуска исполнять должность.

В случае, когда начальник канала имел потребность в отпуске на срок более 14 дней, то ГУПС должно было представить прошение начальника канала с прочими приложениями, при собственном отзыве в хозяйственный департамент Сената.

Сам же начальник канала мог разрешать отпуск служителям канала не более как на 14 дней. Когда же отпуск испрашивался на более долгий срок, то вопрос о том передавался на решение главного управления (п. 16).

Жалование чиновников и служителей и содержание иным состоящим при канале лиц, а также ежегодные суммы, необходимые на содержание и исправление канала отпускались из доходов канала и следовало показывать по особому годовому штату Саймского канала, который следовало составлять ГУПС и в конце ноября представлять в хозяйственный департамент сената на утверждение. Жалование и прочие оклады ассигновывались к отпуску указанным управлением по требованию начальника канала (п. 17).

Также начальник канала обязывался содержать постоянное почтовое сообщение по линии канала и покрывать все канцелярские расходы, на что, как и на другие подобные издержки ему была определена отдельная сумма по штату (п. 18).

С целью соответствующего управления каналом, ГУПС обязано было два раза в год, т.е. весной, до открытия судоходства, и осенью, по окончании его, через своего старшего инженера корпуса инженеров, при содействии начальников канала и дистанций и состоящих при канале строителей, производить полный и подробный осмотр по всему пространству канала со всеми его водопроводами, шлюзами, мо-

стами, строениями и прочими сооружениями и учреждениями и при том исследовать в каком состоянии они находятся и какие требуются по ним улучшения или перестройки. При весеннем осмотре подвергались освидетельствованию также состоящие в пользовании чиновников и служителей бостели с построенными на них домами. Веденные при этих осмотрах протоколы и соответствующие сметы материалов и расходов на признанные необходимым работы представляются в ГУПС, если эти работы должны быть исполнены за казенный счет, а не исполнены, согласно с высочайшим постановлением о присмотре и содержании квартир в казенных зданиях от 23 января 1872 г. [8, с. 5], самим занимающим квартиру. Затем ГУПС должен был делать распоряжения как относительно исполнения необходимых работ, так и в прочем, смотря по обстоятельствам. Однако в случае, когда была потребность в значительных переделках или новых сооружениях, требующих ассигнования особой суммы сверх положенной по штату канала, то ГУПС должно было передать дело на рассмотрение хозяйственного департамента Сената (п. 19).

Следует упомянуть и о том, что ГУПС имело право, по представлению начальника канала, раздавать по окончании навигации каждого года, отличившимся усердием и хорошим поведением служителям канала назначенную по штату в награды сумму в 500 марок (п. 20).

21.Вопросы, касающиеся изменения или дополнения такс о сборе пошлин за пользование каналом и доком, или правил, установленных для судоходства по каналу, должны ГУПС, по выслушивании, смотря по обстоятельствам, судовладельцев и по истребовании отзывов начальника канала и соответствующих губернаторов, отправляться, при собственном заключении, на решение хозяйственного департамента сената.

И, наконец, устанавливалось, что ГУПС имело право производить ближайшие предписания, которые, кроме прописанных в уже изданных нормативных актах прав, были установлены и в этой инструкции, однако были необходимы для службы при канале и безопасности плавания по нему, также, как и могущие оказаться необходимыми дальнейшие предписания по инструкции для чиновников и служителей канала (п. 22) [8, с. 6].

Очевидно, следует также указать, что согласно примечанию к штату канала: «начальник канала и начальники дистанций, кассиры, строители, а равно шлюзные и мостовые сторожа пользуются готовыми помещениями, с принадлежащими к ним поземельными участками, как о том установлено в пар. 9 Высочайшего Положения от 14 апреля 1858 года об управлении приписанными к Саймскому каналу гейматами и проч., или впредь может быть предписано. Шлюзные же и мостовые сторожа обязаны давать бесплатное помещение назначаемым в помощь им работникам» [8, с. 9].

Таким образом, правовое регулирование деятельности Саймского канала началось в 1858 г. с серии нормативно-правовых актов, закрепивших нормы и распределивших основные задачи и направления деятельности его персонала и высших органов власти, а продолжено инструкцией 1875 г. Очевидно, следует отметить, что в ходе этого процесса применялись как уже апробированные способы организации деятельности отдельных частей путей водного сообщения (гейматы), так и, в связи с происходившими в России и Финляндии реформами, внедрением в качестве надзорной инстанции Главного Управления путей сообщения. Учитывая важность

для княжества данного сооружения высшей надзорной инстанцией для него изначально был определен хозяйственный департамент финляндского Сената.

Список литературы

1. Об аренде Финляндской Республикой российской части Сайменского канала и прилегающей к нему территории и об осуществлении судоходства через Сайменский канал. Договор. Не задано. 27.05.10. Предпринимательское право (businesspravo.ru)
2. Федеральный закон от 16.11.2011 № 315-ФЗ — Викитека (wikisource.org)
3. Мартынов В. Л. Сайменский канал // «География». — М.: Издательский дом «Первое сентября», 2006. — № 4.
4. Усыскин Г. С. К 145-летию Сайменского канала // «Туристские фирмы»: журнал для профессионалов туристского бизнеса / Под ред. М. Б. Биржакова. — СПб.: Невский фонд, 2001. — Вып. 25. — С. 153—172.
5. Мария Кросс. Сайменский канал: Россия и Финляндия — отношения доверия и сотрудничества // «ПравоИнформ». — 2013. — № 42 (805).
6. Высочайшая Его Императорского Величества Инструкция Главному Управлению путей сообщения в Финляндии и подведомственным ему чинам от 17 сентября 1860 г. 1860. Сборник постановлений №18 Великого Княжества Финляндского. Гельсинфорс, в Сенатской типографии 1861 г.
7. Высочайшее Его Императорского Величества Инструкция Главному Управлению путей сообщения в Финляндии и подведомственным ему чинам от 30 июня 1869 г. 1869. Сборник постановлений №20 Великого Княжества Финляндского. Гельсинфорс, в Сенатской типографии 1870 г.
8. Высочайшая ЕИВ Инструкция, для управления и заведывания Саймским каналом от 6 августа 1875 г. №24, 1 ¼ листа, печатан в Гельсингфорсе 10 июля 1876 г. Гельсингфорс, в Сенатской типографии 1876 г.

Gauk A. M. Legal regulation of the activity of the Saimaa Canal in the second half of the nineteenth century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 16-21.

The legal regulation of the activities of the Saimaa Canal began in 1858 with a series of normative legal acts that fixed the norms and distributed the main tasks and activities of its personnel and higher authorities, and was continued by the instruction of 1875. Obviously, it should be noted that in the course of this process, both the already proven methods of organizing the activities of individual parts of water transport routes (games) were used, and, in connection with the reforms taking place in Russia and Finland, the introduction of the Main Department of Transport Routes as a supervisory authority. Given the importance of this structure for the principality, the highest supervisory authority for it was initially determined by the economic department of the Finnish Senate.

Keywords: Saimaa Canal, legal regulation, charter, definition, instruction, Senate.

Spisok literatury

1.Ob arende Finlyandskoj Respublikoj rossijskoj chasti Sajmenskogo kanala i prilegayushchej k nemu territorii i ob osushchestvlenii sudohodstva cherez Sajmenskij kanal. Dogovor. Ne zadano. 27.05.10. Predprinimatel'skoe pravo (businesspravo.ru)
2. Federal'nyj zakon ot 16.11.2011 № 315-FZ — Vikiteka (wikisource.org)
3. Martynov V. L. Sajmenskij kanal // «Geografiya». — M.: Izdatel'skij dom «Pervoe sentyabrya», 2006. — № 4.
4. Usyskin G. S. K 145-letiyu Sajmenskogo kanala // «Turistskie firmy»: zhurnal dlya professionalov turistskogo biznesa / Pod red. M. B. Birzhakova. — SPb.: Nevskij fond, 2001. — Vyp. 25. — S. 153—172.
5. Mariya Kross. Sajmenskij kanal: Rossiya i Finlyandiya — otnosheniya doveriya i sotrudnichestva // «PravoInform». — 2013. — № 42 (805).
6. Vysochajshaya Ego Imperatorskogo Velichestva Instrukciya Glavnomu Upravleniyu putej soobshcheniya v Finlyandii i podvedomstvennym emu chinam ot 17 sentyabrya 1860 g. 1860. Sbornik postanovlenij №18 Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo. Gel'sinfors, v Senatskoj tipografii 1861 g.
7. Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva Instrukciya Glavnomu Upravleniyu putej soobshcheniya v Finlyandii i podvedomstvennym emu chinam ot 30 iyunya 1869 g. 1869. Sbornik postanovlenij №20 Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo. Gel'sinfors, v Senatskoj tipografii 1870 g.
8. Vysochajshaya EIV Instrukciya, dlya upravleniya i zavedyvaniya Sajmskim kanalom ot 6 avgusta 1875 g. №24, 1 ¼ lista, pechatan v Gel'singforse 10 iyulya 1876 g. Gel'singfors, v Senatskoj tipografii 1876 g.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 22-32.

УДК 340.0(09)
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-22-32

ИСТОРИЯ УЧИТ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ ВОЕННОГО И ОСАДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.

Дерюгин А. А., Никинов Д. А.

Санкт-Петербургский военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье предпринята попытка дать краткую, но объективную оценку деятельности советских государственных органов в период Великой Отечественной войны по формированию и развитию правовой основы функционирования военной организации государства и дальнейшей перестройке её на военный лад для обеспечения победы над противником. Актуальность исследования обусловливается насущной необходимостью изучения чрезвычайного законодательства, регулирующего с началом военных действий или в угрожаемый период отношения в сфере организации вооруженной защиты государства, поскольку война по своей сути является одной из опаснейших для общества чрезвычайных ситуаций. В статье с позиции принципа историзма раскрыта юридическая конструкция таких правовых явлений военного времени как режимы военного и осадного положения. Кратко показаны конкретно-исторические причины установления этих чрезвычайных правовых режимов, их содержание и характеристика. На основании исторических источников в статье обосновывается вывод о том, что целью введения рассматриваемых режимов является обеспечение защиты конституционного строя и безопасности граждан путем создания условий для отражения или предотвращения агрессии, а также для ликвидации последствий вооруженного противоборства. С помощью правовых режимов военного и осадного положения, которые выступали в качестве составных элементов механизма обеспечения военной безопасности государства, во время Великой Отечественной войны была обеспечена защита территориальной целостности страны, сохранен ее суверенитет, достигнута полная военная победа над противником. В заключении авторами формулируются некоторые выводы и рекомендации, направленные на совершенствование современного российского чрезвычайного военного законодательства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, чрезвычайное военное законодательство, правовой режим, военное положение, осадное положение, правовое регулирование, чрезвычайные меры.

Проблемы истории общественных процессов и явлений всегда важны и актуальны для последующих поколений. Так, В.И. Ленин, справедливо отмечал: «самое надёжное в вопросе общественной науки… это – не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, и с точки зрения этого его развитие смотреть. Чем данная вещь стала теперь» [1, с. 67].

Необходимо признать, что в последнее время отдельные авторы в угоду политической конъюнктуре пытаются фальсифицировать суть государственно-правовых явлений военного времени 1941–1945-х гг. Организационные и правовые меры, которые принимались советским руководством в годы Великой Отечественной войны для нейтрализации тяжелых последствий военного характера, они представляют частью репрессивной политики государства [2].

Действительно, события Великой Отечественной войны, носят далеко не однозначный характер. Однако, умозаключения, которые создают у современного поко-

ления россиян ошибочные представления об этом периоде истории, притупляют или искажают чувство патриотизма, глубокого уважения к памяти павших. Поэтому каждая новая работа, объективно отражающая события и факты, является важным источником историко-правовых знаний и служит делу укрепления патриотического сознания в российском обществе.

Исследование законодательного массива периода Великой Отечественной войны необходимо ещё и потому, что военный конфликт любого характера, является одной из серьёзнейших для государства и всего общества чрезвычайных ситуаций, следствием как межгосударственных, так и внутригосударственных противоречий.

В настоящее время прямая вооружённая агрессия в отношении Российской Федерации является маловероятной. Однако, действия отдельных государств и военных блоков говорят о необходимости «держать порох сухим». В частности, действующий военно-политический блок – Североатлантический Альянс (НАТО) продолжать увеличивать оборонные расходы, инвестировать в современные силы и средства и повышать готовность вооружённых сил к действиям против России» [3].

Как показала практика, для нейтрализации и ликвидации деструктивных проявлений военного конфликта обычные формы правового регулирования недостаточно эффективны, а потому государство, как правило, реагирует на начало военных действий введением чрезвычайного правового режима – военного положения, основными чертами которого выступают расширение полномочий органов военного управления и ограничение прав и свобод граждан и организаций. Это обстоятельство предопределяет необходимость формирования чрезвычайного механизма реализации правовых норм, которые регулируя общественные отношения в угрожаемый период, становятся надёжной гарантией обеспечения прав граждан, законности и правопорядка в военное время.

Впервые правовые нормы, определявшие содержание режима военного положения, в России были закреплены в принятых 18 июня 1892 г. Правилах о местностях, объявляемых состоящими на военном положении [4]. Изучение этого документа и правовых актов, предшествовавших и последовавших ему, позволяет выявить некоторые основные черты чрезвычайного военного законодательства Российской империи. Во-первых, акты о военном положении в подавляющем большинстве принимались в форме утверждаемых императором указов, «высочайше утвержденных» положений и правил, однако, они были разрознены и не согласованы между собой. Во-вторых, решения об объявлении военного положения и введении иных чрезвычайных мер принимались, как правило, непосредственно императором, хотя данные полномочия могли делегироваться им и иным должностным лицам (генерал-губернаторам, главнокомандующему армией и т.п.). В-третьих, ведущую роль в поддержании режима военного положения играло военное командование. Роль органов гражданского управления сводилась к мерам материально-бытового и финансового обеспечения войск. И в-четвертых, фактически не существовало детально разработанного механизма отмены военного положения, что порой позволяло использовать данный режим без его конкретных ограничений временными рамками.

Законодательство советского периода первоначально из всех чрезвычайных правовых режимов также знало лишь военное положение. Причем при разработке соответствующих нормативно-правовых актов были использованы отдельные нормы дореволюционного периода.

В дальнейшем – в 1930-х гг. на фоне прихода к власти в Германии фашистов для советского государства явно обозначилась внешняя угроза. Поэтому вопросам обеспечения обороны страны, в том числе правовым, стало уделяться большее внимание. В Конституции СССР [5] в 1938 г. появилась норма о военном положении. Согласно «п» ст. 49 Конституции СССР Президиуму Верховного Совета СССР предоставлялось право объявлять в отдельных местностях или по всему СССР военное положение в интересах обороны или общественного порядка и государственной безопасности [6, 7].

При этом следует отметить, что нормативного акта, направленного на практическую реализацию указанной конституционной нормы, в предвоенный период в СССР так и не было издано, что в условиях военного времени негативно повлияло на формирование основ чрезвычайного правового режима. Весь законотворческий процесс, связанный с подготовкой к возможному началу боевых действий выглядел весьма противоречиво. С одной стороны, институт военного положения получил конституционное закрепление, с другой – никаких новых нормативных актов, регламентирующих данный правовой режим, не принималось. Таким образом, к началу Великой Отечественной войны законодательное обеспечение деятельности Советского государства в угрожаемый период и в ходе развёртывания масштабных боевых действий имело существенные пробелы. Оно не могло в достаточной мере способствовать концентрации усилий по предотвращению и отражению надвигавшейся агрессии фашистской Германии.

В первый же день Великой Отечественной войны Президиум Верховного Совета СССР реализовал свои полномочия по объявлению военного положения, а также определил порядок поддержания данного чрезвычайного правового режима [8, 9]. Однако, Президиум Верховного Совета СССР превысил свои полномочия, так как имел право только объявить данный правовой режим, но не издавать акт законодательного характера, регламентирующий его содержание. Вместе с тем, другого пути уточнения действующего законодательства о военном положении в условиях начавшейся агрессии просто не существовало.

Наиболее ярким признаком установленного тогда режима военного положения указывавшим на его экстраординарный характер, являлся комплекс ограничений и дополнительных обязанностей, введенных для советских граждан: привлечение к трудовой повинности или к выполнению работ оборонного характера; установление военно-квартирной обязанности для расквартирования воинских частей и учреждений; изъятие транспортных средств и иного необходимого для нужд обороны имущества; запрещение появления на улицах после определённого времени (комендантский час); запрещение въезда и выезда на территорию военного положения; выдворение в административном порядке из мест проживания и т.п.

Для реализации установленных правоограничительных мер полномочия органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности на обширной территории страны, объявленной на военном положении, были переданы военным властям.

Реализуя свои полномочия, они имели право в пределах своей компетенции издавать обязательные для всего населения постановления и в административном порядке устанавливать наказания за их неисполнение, отдавать распоряжения местным органам власти, государственным учреждениям, общественным организациям

и требовать безусловного и немедленного их исполнения. За неподчинение распоряжениям и приказам военных властей виновные подлежали уголовной ответственности по законам военного времени. В связи с этим позиция авторов совпадает с мнением тех исследователей, которые считают, что характер и необходимость чрезвычайных полномочий военных властей напрямую были связаны с реальными обстоятельствами, вынудившими государство применять названные меры [10, с. 63].

Примером расширения полномочий военных властей в местностях, объявленных на военном положении, может служить тот факт, что уже в первые дни войны в Москве и Ленинграде начальниками гарнизонов были изданы приказы, направленные на обеспечение общественного порядка и государственной безопасности. Эти нормативно-правовые акты запрещали производить кино- и фотосъёмку без разрешения коменданта гарнизона, движение транспорта и лиц без специальных пропусков с 24 часов до 4 часов утра, въезд в город не зарегистрированных в нем лиц, за исключением командированных по распоряжениям наркоматов и ведомств (в Ленинграде не только въезд, но и выезд); также определялся порядок работы предприятий торговли, учреждений культуры и т.д. Исполнение данных приказов возлагалось на военные комендатуры, милицию и подразделения войск НКВД СССР.

Проведение мероприятий по передаче функций органов государственной власти военным властям нельзя было осуществить без внесения изменений в существовавшую в мирное время судебную систему. С этой целью Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. было утверждено «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении и в районах военных действий» [11].

К подсудности военных трибуналов были отнесены категории уголовных дел, направленные, в первую очередь, на повышение обороноспособности армии, в том числе и с применением исключительно суровых мер. Так, на основании постановления Государственного Комитета Обороны (далее – ГКО) № 00381 от 16 июля 1941 г., в котором указывалось, что «отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникёрство, позорную трусость, бросают оружие...» [12, с. 332–335], суду военного трибунала был предан ряд военноначальников.

Одновременно по усмотрению командования военные трибуналы могли рассматривать дела об иных преступлениях, если этого требовали обстоятельства военного времени. Например, в директиве НКГБ СССР № 48 от 26 июня 1941 г. «Об аресте и предании суду военного трибунала распространителей панических слухов, пытающихся дезорганизовать тыл» предписывалось арестовывать и предавать суду военного трибунала всех лиц, занимающихся распространением панических слухов, среди населения прифронтовой полосы [12, с. 86].

Таким образом, основной задачей советского права с началом Великой Отечественной войны было формирование чрезвычайного правового режима для успешной организации фронта и тыла в целях достижения победы над фашистскими захватчиками. Характерными чертами режима военного положения, сложившегося в СССР в годы Великой Отечественной войны стали:

передача в руки военных властей государственных полномочий по организации обороны, обеспечению государственной и общественной безопасности, охране общественного порядка, права издания общеобязательных нормативных актов;

существенное расширение компетенции органов военной юстиции;

ограничение прав и свобод всего населения страны;

возложение дополнительных обязанностей на государственные органы, организации и граждан, связанных с решением оборонных задач;

усиление юридической ответственности за определенные виды правонарушений, имеющих отношение к подрыву обороноспособности.

Итак, военное положение – это один из наиболее жёстких чрезвычайных правовых режимов, вводимых на определенных территориях страны посредством правовых актов высших органов государственной власти, в целях повышения обороноспособности страны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности в условиях повышенной политической, социальной и экономической напряжённости, связанной с ведением боевых действий или угрозой их начала путём использования правоограничительных и обязывающих механизмов.

Рассматривая чрезвычайные режимы военного времени, следует обратить внимание на ещё один правовой режим – «осадное положение». Во время войны обстановка порой требует усиления и без того экстраординарных мер охраны общественного порядка и государственной безопасности. В этих условиях военные власти наделяются ещё большим объёмом полномочий.

Впервые осадное положение было введено в соответствии с постановлением ГКО от 19 октября 1941 г. «в целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма» [13]. В период Великой Отечественной войны осадное положение также вводилось в Туле, в Крыму и в Сталинграде.

Правовой режим осадного положения предусматривал воспрещение всякого уличного движения с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспорта и лиц, имеющих специальные пропуска. Специальные правила регламентировали передвижение населения и транспорта в случае объявления воздушной тревоги. На военного коменданта возлагалась охрана порядка в городе и в пригородных районах, для чего в его распоряжение передавались войска внутренней охраны НКВД, милиция и добровольческие рабочие отряды. Нарушителей порядка предписывалось немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте [14, с. 205].

О строгости соблюдения режима осадного положения свидетельствуют данные военной комендатуры города Москвы: с 20 октября по 13 декабря 1941 г. было задержано по различным причинам 121955 чел., из которых направлено в маршевые роты 32599 чел., привлечено к административной ответственности 27445 чел., заключено под стражу 6678 чел., осуждено к лишению свободы 4741 чел., расстреляно по приговорам военного трибунала 375 чел., расстреляно на месте 15 чел. [15, с. 16].

В юридической литературе встречается точка зрения о тождественности содержания правовых режимов военного и осадного положения [16, 17]. Также существует мнение, что осадное положение является одной из разновидностей военного положения [18].

Однако, авторы в данном случае солидарны с позицией исследователей, которые определяют правовой режим осадного положения как вводимый чрезвычайными

органами специальной компетенции особый правовой режим в местностях, находящихся на военном положении, в стратегически важных районах при возникновении непосредственной угрозы захвата их противником [19]. Отличительными чертами режима осадного положения по сравнению с военным положением выступают значительно более строгие правовые ограничения, режимные правила, повышенная юридическая ответственность за правонарушения.

Анализируя советское чрезвычайное военное законодательство и историческую литературу, можно сделать вывод о том, что объективной причиной введения осадного положения всегда являлась исключительно обстановка военного характера. По другим причинам оно не вводилось.

Вместе с тем, прекращение действия режима осадного положения не означало отмены режима военного положения, который продолжал сохраняться ещё некоторое время на освобождённой территории. Для выполнения задач на территориях, освобождаемых от врага, в соответствии с постановлением ГКО СССР № 1099-сс от 4 января 1942 г. «Об организации гарнизонов войск НКВД в городах, освобождаемых Красной Армией» военным властям вменялась обязанность по организации гарнизонной службы, оказанию помощи местным органам в налаживании мирной жизни, содействию органам внутренних дел в розыске и задержании агентов врага и предателей, в борьбе с преступностью, разминированию освобождённой территории и т.д. К примеру, частями 5-й стрелковой дивизии войск НКВД СССР во исполнение указанных предписаний только за 1942 г. было выслано 830 войсковых нарядов, проведено 20 чекистско-войсковых операций по розыску и задержанию вражеской агентуры, бандитов, дезертиров [14, с. 576–577].

Следует отметить, что в довоенный период режим осадного положения с юридической точки зрения практически не прорабатывался. Данное обстоятельство, в частности, могло негативно повлиять на формирование организационно-правового механизма, направленного на нейтрализацию последствий вражеской агрессии в блокадном Ленинграде, который уже в первые месяцы войны находился в положении осаждённого города, что, бесспорно, требовало установления соответствующего чрезвычайного правового режима. Однако, режима осадного положения за весь период блокады в Ленинграде так и не было введено.

Анализ, сделанный Б. П. Белозеровым, позволил ему утверждать, что фактически в Ленинграде была установлена специфическая разновидность режима осадного положения – «город-фронт» [20, с. 180–207]. По мнению авторов, применение указанного термина для обозначения чрезвычайного правового режима, введенного в городе во время войны вполне оправдано.

Формирование вышеназванного правового режима началось 27 июня 1941 г. с издания в соответствии Указом Президиума Верховного СССР «О военном положении» приказа начальника Ленинградского гарнизона «Об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в г. Ленинграде». Приказ устанавливал начало работы всех учреждений и организаций в 8 часов 30 минут, окончание работы зрелищных, торговых и бытовых учреждений в 22 часа 45 минут, он воспрещал въезд в город всем лицам, не прописанным на жительство в Ленинграде, запрещал движение транспорта и пешеходов с 24 часов до 4 часов и другие действия без разрешения военного коменданта [21].

Ряд нормативных правовых актов был также принят в целях противодействия подрывной деятельности вражеских шпионов и диверсантов, выявления дезертиров и других преступных элементов, обеспечения охраны войскового тыла и общественного порядка в городе. 17 сентября 1941 г. Исполком Ленгорсовета принял решение «О порядке проживания военнослужащих в г. Ленинграде». В соответствии с этим решением лица, принимавшие у себя на квартирах военнослужащих, не зарегистрированных в Военной комендатуре города, подлежали суду военного трибунала, как укрыватели дезертиров. Другим актом Исполком Ленгорсовета принимает специальное решение «Об ответственности граждан и должностных лиц за нарушение правил прописки». Лица, предупрежденные об отказе в прописке, но своевременно не выехавшие, подлежали ответственности в соответствии с ч. II ст. 192-а УК РСФСР [22, с. 48–57]. Подразделениям, предназначенным для охраны войскового тыла Ленинградского фронта 11 ноября 1941 г., был отдан приказ, требовавший обеспечить порядок въезда и выезда из Ленинграда через зону заграждений и контрольно-пропускных пунктов. В соответствии с решением Исполкома Ленгорсовета от 6 октября 1941 г. «Об охране подземных сооружений» был установлен строгий режим использования подземных коммуникаций [22, с. 59–61].

9 февраля 1942 г. начальником гарнизона был издан приказ «Об укреплении революционного порядка в г. Ленинграде», который ещё строже регламентировал внутреннюю жизнь города. Запрещалось уличное движение граждан и транспорта с 23 часов до 5 часов утра, а зрелищные, торговые и другие предприятия должны были заканчивать свою работу в 21 час. Устанавливались новые пропуска для передвижения по городу и порядок их выдачи. «Нарушителей революционного порядка, – указывалось в приказе, – немедленно привлекать к ответственности с преданием суду Военного Трибунала» [23].

Таким образом, можно констатировать, что в годы Великой Отечественной войны в Ленинграде был установлен особый правовой режим блокадного города, имевший все черты режимов как военного, так и осадного положения, но юридически не оформленный как таковой. Специфика этого правового режима, в частности, нашла отражение в правовом регулировании деятельности войск НКВД СССР, объединив задачи по обеспечению внутренней безопасности города и охране тыла Ленинградского фронта, поскольку обе они стали неразделимы и выполнялись с целью поддержания режима, характерного для блокадного города. Это обусловило ряд особенностей правового регулирования деятельности войск НКВД СССР в Ленинграде, которые решали три взаимосвязанных задачи, выполняемые как самостоятельно, так и во взаимодействии с территориальными органами НКВД и воинскими частями Ленинградского фронта: обеспечение общественного порядка и безопасности в городе; охрана тыла фронта; выполнение специальных боевых задач.

По результатам рассмотрения комплекса правовых актов советского законодательства периода Великой Отечественной войны, регламентировавшего чрезвычайные правовые режимы, авторами может быть сделан ряд выводов.

С введением правового режима военного либо осадного положения расширялись пределы полномочий военных властей не только в области обороны, но и в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности. Непосредственная близость к фронту обусловливала ужесточение правового режима, устанавливая те или иные формы и методы его обеспечения. Органы государственного управления

всех уровней должны были ориентироваться на выполнение стоящих перед ними военных задач любой ценой, менее всего считаясь с правами и интересами мирных граждан и организаций.

Чрезвычайные правовые режимы неразрывно связаны с обстоятельствами, которые угрожают безопасности государства и общества, и являются факторами, обусловливающими введение особого нормативного воздействия. Специальные правовые режимы жизнедеятельности населения, осуществления экономической деятельности, функционирования органов власти на территории, где возникла та или иная чрезвычайная ситуация, изменяют правовой статус субъектов на этой территории, систему органов, осуществляющих управленческое воздействие, устанавливают дополнительные меры, которые используются для обеспечения и поддержания правопорядка. При этом особенности того или иного устанавливаемого чрезвычайного режима зависит от специфики положения территории, на которой он вводится.

Нормативные акты, регламентирующие деятельность общества и государства в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени, как составная часть чрезвычайного военного законодательства, должны носить «страховой» характер, то есть разрабатываться, приниматься и вступать в юридическую силу, как правило, в мирное время и действовать бессрочно в связи с тем, что они регулируют общественные отношения, которые могут как возникнуть, так и не возникнуть в будущем. Начало реализации указанных актов должно быть связано с введением дополнительным правовым актом самого режима военного положения, объявлением состояния войны (наступлением военного времени) или военной мобилизации. Кроме того, соответствующие правовые акты могут быть приняты только на федеральном уровне, и для этого есть два конституционных основания (п. «к» и «м» ст. 71 и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации).

Исторический опыт введения и применения чрезвычайных правовых режимов военного и осадного положения в годы Великой Отечественной войны показывает, что одним из условий успешного решения задач по обеспечению обороны страны, государственной и общественной безопасности является грамотное и скоординированное взаимодействие всех государственных органов. Взаимодействие должно обеспечиваться: взаимным знанием возложенных законодательством задач, их уяснением и согласованием различных вариантов действий; систематическим уточнением содержания взаимодействия; организацией и поддержанием непрерывной связи и постоянного обмена имеющейся информацией об обстановке; формированием совместных (межведомственных) штабов и других координационных органов; созданием единой системы оповещения и связи; постоянным контролем за соблюдением установленного порядка согласованных действий.

Опыт Великой Отечественной войны, в том числе связанный с привлечением органов и войск внутреннего назначения к обеспечению чрезвычайных режимов военного и осадного положения, а также опыт введения особых правовых режимов в постсоветской России свидетельствуют о том, что установление более строгого правового режима существенно расширяет полномочия «силового» компонента государственного механизма, а это, в свою очередь, приводит к сужению прав граждан и организаций. Вместе с тем, возможные ограничения прав, свобод и законных интересов должны быть минимизированы, граждане и организации должны знать о них еще в стабильный период общественного развития. Кроме того, если предусмотрен-

ное Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством уменьшение объема прав и свобод граждан в периоды действия особых правовых режимов (военного или чрезвычайного положения, контртеррористической операции, чрезвычайной ситуации и т.п.) является легитимным ограничением этих прав и свобод, то их умаление, понимаемое как девальвация ценности конституционных прав и свобод человека и гражданина, не допустимо ни при каких обстоятельствах.

Список литературы

1. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 39. – М : Политиздат, 1970. – 650 с. – Текст : непосредственный.
2. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 27.05.2005 № 1923-IV ГД «О Заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О попытках фальсификации истории»» // «Парламентская газета». № 98. 03.06.2005. – Текст : непосредственный.
3. Организация североатлантического договора : сайт / Брюссель. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news 180928.htmhttps://www.nato.int/cps/ru/natohq/ (дата обращения: 6.03.2021). – Режим доступа: для всех пользователей. – Текст : электронный.
4. Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении от 18 июня 1892 г. // Собр. Узак. – СПб. 1892. № 85. Ст. 925. – Текст : непосредственный.
5. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : Утверждена постановлением Чрезвычайного VIII съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 декабря. – Текст : непосредственный.
6. Об изменении и дополнении ст.ст. 22, 23, 26, 28, 29, 49, 77, 70, 78 и 83 Конституции (Основного Закона) СССР: Закон СССР от 15 января 1938 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1938. № 1. – Текст : непосредственный.
7. О внесении изменений и дополнений в некоторые статьи Конституции СССР : Доклад Секретаря Президиума Верховного Совета СССР А. Горкина Первой сессии Верховного Совета СССР // Первая сессия Верховного Совета СССР. – М., 1938. – 207 с. – Текст : непосредственный.
8. Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29. – Текст : непосредственный.
9. О военном положении : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29. – Текст : непосредственный.
10. Кучма, Ю. Н. Законодательство военного времени – средства управления государством в условиях Великой Отечественной войны (системный анализ) : специальность 20.02.03 «Военное право, военные проблемы международного права» : дис. на соиск. … канд. юр. наук / Кучма Юрий Николаевич ; Военный университет МО РФ. – М., 1995. – 191 с. – Текст : непосредственный.
11. Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29. – Текст : непосредственный.
12. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. Том второй. Книга I. – М. : Русь, 2000. – 398 с. – Текст : непосредственный.
13. О введении в Москве осадного положения : Постановление ГКО СССР от 19.10.1941 г. // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 21.10.1941. № 249. – Текст : непосредственный.
14. Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Документы и материалы. –М. : Юридическая литература, 1975. – 728 с. – Текст : непосредственный.
15. Дерюгин, А. А. Служебно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) : историко-правовой аспект : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. на соиск. … канд. юр. наук / Дерюгин Алексей Александрович ; СПб. УМВД России. – СПб., 2011. – 23 с. – Текст : непосредственный.
16. Власов, В. А. Сущность и значение осадного положения / В. А. Власов – Текст : непосредственный // Социалистическая законность. – № 9. – 1941. – С. 18–20.
17. Берцинский, С. М. Военное положение по советскому праву / С. М. Берцинский – Текст : непосредственный // Труды Военно-юридической академии. – Вып. 7. – 1947. – С. 65–80.
18. Артамонов, Д. Н. Институт военного положения по советскому праву: : специальность 20.02.03 «Военное право, военные проблемы международного права» : дис. на соиск. … канд. юр. наук / Артамонов Дмитрий Николаевич ; ВЮА. – М., 1951. – 326 с. – Текст : непосредственный.

19. Сальников, В. П., Янгол, Н. Г. Теоретические проблемы правового режима при чрезвычайных обстоятельствах / В. П. Сальников, Н. Г. Янгол – Текст : непосредственный // Советский Союз в первый период Великой Отечественной войны. – Л., 1990. – С. 102–103.
20. Белозеров, Б. П. Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла северо-запада) : монография / Б. П. Белозеров – СПб.: Агентство «РДК-принт», 2001. – 320 с. – Текст : непосредственный.
21. Об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в г. Ленинграде: Приказ начальника гарнизона города Ленинграда от 27 июня 1941 г. // Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. – 1941. – № 26. – С. 7–8. – Текст : непосредственный.
22. Дерюгин, А. А. Служебно-боевая деятельность войск НКВД СССР в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах города Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны) : монография / под ред. С.Г. Лысенкова / А. А. Дерюгин –СПб.: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2007. – 127 с. – Текст : непосредственный.
23. Об укреплении революционного порядка в Ленинграде: Приказ начальника гарнизона гор. Ленинграда от 9 февраля 1942 г. // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов 1941–1942. – Л.: Лениздат, 1942. – С. 135–137. – Текст : непосредственный.

Deryugin A.A., Nikonov D.A. History teaches: some aspects of the application of the legal regimes of war and sieve in the period of the great patriotic war of 1941-1945 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 22-32.

The article attempts to give a short but objective assessment of the activities of Soviet state bodies during the Great Patriotic War on the formation and development of the legal basis for the functioning of the military organization of the state and its further restructuring in a military manner to ensure victory over the enemy. The relevance of the study is determined by the urgent need to study the emergency legislation that regulates, with the outbreak of hostilities or during a threatened period, relations in the field of organizing the armed defense of the state, since war is inherently one of the most dangerous emergencies for society. From the standpoint of the principle of historicism, the article reveals the legal structure of such legal phenomena of wartime as martial law and siege regimes. The specific historical reasons for the establishment of these extraordinary legal regimes, their content and characteristics are briefly shown. Based on historical sources, the article substantiates the conclusion that the purpose of introducing the regimes under consideration is to ensure the protection of the constitutional order and the security of citizens by creating conditions for repelling or preventing aggression, as well as for eliminating the consequences of armed confrontation. With the help of the legal regimes of martial law and the state of siege, which acted as constituent elements of the mechanism for ensuring the military security of the state, during the Great Patriotic War, the protection of the country's territorial integrity was ensured, its sovereignty was preserved, and a complete military victory over the enemy was achieved. In conclusion, the authors formulate some conclusions and recommendations aimed at improving the modern Russian emergency military legislation.

Key words: Great Patriotic War, emergency military legislation, legal regime, martial law, state of siege, legal regulation, emergency measures.

Spisok literatury

1. Lenin, V. I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5. T. 39. – M : Politizdat, 1970. – 650 s. – Tekst : neposredstvennyj.
2. Postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 27.05.2005 № 1923-IV GD «O Zayavlenii Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii «O popytkah fal'sifikacii istorii»» // «Parlamentskaya gazeta». № 98. 03.06.2005. – Tekst : neposredstvennyj.
3. Organizaciya severoatlanticheskogo dogovora : sajt / Bryussel'. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_180928.htmhttps://www.nato.int/cps/ru/natohq/ (data obrashcheniya: 6.03.2021). – Rezhim dostupa: dlya vsekh pol'zovatelej. – Tekst : elektronnyj.
4. Pravila o mestnostyah, ob"yavlyaemyh sostoyashchimi na voennom polozhenii ot 18 iyunya 1892 g. // Sobr. Uzak. – SPb. 1892. № 85. St. 925. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik : Utverzhdena postanovleniem CHrezvychajnogo VIII s"ezda Sovetov SSSR ot 5 dekabrya 1936 g. // Izvestiya CIK SSSR i VCIK. 1936. 6 dekabrya. – Tekst : neposredstvennyj.
6. Ob izmenenii i dopolnenii st.st. 22, 23, 26, 28, 29, 49, 77, 70, 78 i 83 Konstitucii (Osnovnogo Zakona) SSSR: Zakon SSSR ot 15 yanvarya 1938 g. // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1938. № 1. – Tekst : neposredstvennyj.
7. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye stat'i Konstitucii SSSR : Doklad Sekretarya Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR A. Gorkina Pervoj sessii Verhovnogo Soveta SSSR // Pervaya sessiya Verhovnogo Soveta SSSR. – M., 1938. – 207 s. – Tekst : neposredstvennyj.

8. Ob ob"yavlenii v otdel'nyh mestnostyah SSSR voennogo polozheniya : Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 22 iyunya 1941 g. // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1941. № 29. – Tekst : neposredstvennyj.
9. O voennom polozhenii : Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 22 iyunya 1941 g. // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1941. № 29. – Tekst : neposredstvennyj.
10. Kuchma, YU. N. Zakonodatel'stvo voennogo vremeni – sredstva upravleniya gosudarstvom v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny (sistemnyj analiz) : special'nost' 20.02.03 «Voennoe pravo, voennye problemy mezhdunarodnogo prava» : dis. na soisk. … kand. yur. nauk / Kuchma YUrij Nikolaevich ; Voennyj universitet MO RF. – M., 1995. – 191 s. – Tekst : neposredstvennyj.
11. Ob utverzhdenii Polozheniya o voennyh tribunalah v mestnostyah, ob"yavlennyh na voennom polozhenii, i v rajonah voennyh dejstvij : Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 22 iyunya 1941 g. // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1941. № 29. – Tekst : neposredstvennyj.
12. Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne. Nachalo. 22 iyunya – 31 avgusta 1941 g. Tom vtoroj. Kniga I. – M. : Rus', 2000. – 398 s. – Tekst : neposredstvennyj.
13. O vvedenii v Moskve osadnogo polozheniya : Postanovlenie GKO SSSR ot 19.10.1941 g. // Izvestiya Sovetov deputatov trudyashchihsya SSSR. 21.10.1941. № 249. – Tekst : neposredstvennyj.
14. Vnutrennie vojska v Velikoj Otechestvennoj vojne. 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy. –M. : YUridicheskaya literatura, 1975. – 728 s. – Tekst : neposredstvennyj.
15. Deryugin, A. A. Sluzhebno-boevaya deyatel'nost' vojsk NKVD v usloviyah chrezvychajnyh pravovyh rezhimov voennogo vremeni (na materialah Leningrada i Leningradskoj oblasti perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.) : istoriko-pravovoj aspekt : special'nost' 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve» : avtoref. dis. na soisk. … kand. yur. nauk / Deryugin Aleksej Aleksandrovich ; SPb. UMVD Rossii. – SPb., 2011. – 23 s. – Tekst : neposredstvennyj.
16. Vlasov, V. A. Sushchnost' i znachenie osadnogo polozheniya / V. A. Vlasov – Tekst : neposredstvennyj // Socialisticheskaya zakonnost'. – № 9. – 1941. – S. 18–20.
17. Bercinskij, S. M. Voennoe polozhenie po sovetskomu pravu / S. M. Bercinskij – Tekst : neposredstvennyj // Trudy Voenno-yuridicheskoj akademii. – Vyp. 7. – 1947. – S. 65–80.
18. Artamonov, D. N. Institut voennogo polozheniya po sovetskomu pravu: : special'nost' 20.02.03 «Voennoe pravo, voennye problemy mezhdunarodnogo prava» : dis. na soisk. … kand. yur. nauk / Artamonov Dmitrij Nikolaevich ; VYUA. – M., 1951. – 326 s. – Tekst : neposredstvennyj.
19. Sal'nikov, V. P., YAngol, N. G. Teoreticheskie problemy pravovogo rezhima pri chrezvychajnyh obstoyatel'stvah / V. P. Sal'nikov, N. G. YAngol – Tekst : neposredstvennyj // Sovetskij Soyuz v pervyj period Velikoj Otechestvennoj vojny. – L., 1990. – S. 102–103.
20. Belozerov, B. P. Front bez granic. 1941–1945 gg. (istoriko-pravovoj analiz obespecheniya bezopasnosti fronta i tyla severo-zapada) : monografiya / B. P. Belozerov – SPb.: Agentstvo «RDK-print», 2001. – 320 s. – Tekst : neposredstvennyj.
21. Ob obespechenii obshchestvennogo poryadka i gosudarstvennoj bezopasnosti v g. Leningrade: Prikaz nachal'nika garnizona goroda Leningrada ot 27 iyunya 1941 g. // Byulleten' Leningradskogo gorodskogo Soveta deputatov trudyashchihsya. – 1941. – № 26. – S. 7–8. – Tekst : neposredstvennyj.
22. Deryugin, A. A. Sluzhebno-boevaya deyatel'nost' vojsk NKVD SSSR v usloviyah chrezvychajnyh pravovyh rezhimov voennogo vremeni (na materialah goroda Leningrada i Leningradskoj oblasti perioda Velikoj Otechestvennoj vojny) : monografiya / pod red. S.G. Lysenkova / A. A. Deryugin –SPb.: Sankt-Peterburgskij voennyj institut vnutrennih vojsk MVD Rossii, 2007. – 127 s. – Tekst : neposredstvennyj.
23. Ob ukreplenii revolyucionnogo poryadka v Leningrade: Prikaz nachal'nika garnizona gor. Leningrada ot 9 fevralya 1942 g. // Sbornik ukazov, postanovlenij, reshenij, rasporyazhenij i prikazov 1941–1942. – L.: Lenizdat, 1942. – S. 135–137. – Tekst : neposredstvennyj.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 33-40.

УДК: 342.5
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-33-40

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛОЦМАНОВ АРХАНГЕЛЬСКА

Киров А. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье указано, что наиболее известные и давние традиции деятельности лоцманов Архангельска были законодательно закреплены в период правления Петра I и получило свое дальнейшее развитие в череде различных нормативно-правовых актов, важнейшим из которых стали временные правила для общества Архангельских лоцманов 1886 г., принятые в ходе разработки положения о морских лоцманов, утвержденных царем 1 мая 1890 г.

Временные правила представляли собой достаточно ограниченный по сфере влияния и регулирования документ уже не соответствовавший духу развития законодательства. Однако его деятельность продолжалась до начала XX в. из-за сложностей, связанных с практическим внедрением Положения 1890 г., а также спадом торговой и судоходной активности порта Архангельска в XIX в.

Ключевые слова: Архангельск, правовое регулирование, лоцманы, правила, эволюция, указ.

О лоцманах Архангельска написано достаточно много. И это неудивительно, ведь лоцманская служба в этом регионе только официально насчитывает более 400 лет. С другой же стороны, в период до правления Петра I, Россия была лишена свободного выхода в Черное и Балтийское моря. Исходя из этого обстоятельства именно Архангельск долгое время являлся главным открытым портом страны.

Несмотря на всю важность деятельности лоцманов Архангельска, правовые основы ее, и самого лоцманского общества изучены еще не в достаточной мере.

Обратимся истории развития лоцманского цеха в Архангельске. Как указывают современные источники «Именно деревня Пустошь Приморского района Архангельской области по праву считается родиной лоцманов» [1].

«Возжи», как ранее называли лоцманов, действовали в Архангельске еще с допетровских времен. Однако именно при Петре I они получили свое законодательное и организационное оформление.

14 июля 1685 г. был издан указ «О пропуске Голландского конвойного корабля в устье Двины вместе с купеческими кораблями, о найме вольных лоцманов для проводу кораблей, об установлении особой заклеймённой гири для весу принимаемых в пошлину червонцев, и о взимании пошлины по покупаемым ценам товаров в город Архангельск» [2, с. 675-676].

Суть этого документа в том, что работа с иностранцами была отдана, официально, на откуп. Иные лоцманы, очевидно, не были допущены к работе с иностранцами. Из-за откупной системы иностранные торговцы вынуждены были значительно переплачивать за лоцманские услуги. Это положение указом отменялось, откупные платежи в казну по 92 руб. в год тоже были отменены. В последующем с лоцманов запрещалось брать налоги, а им самим находится при таможне. Ведать лоц-

манами указ предписывал «Гостю с товарищи, а Воеводам бы ни в чем не ведать». Впредь голландцам было позволено нанимать лоцманов по свободной цене.

Впрочем, на подобные ситуации возникали и далее и требовали вмешательства высшей власти. Так, 26 июня 1717 г. был издан указ «О неотдавании на откуп у города Архангельского, корабельного привода и вывода на море, и о даче подвод как иноземцам, так и Русским торговым людям» [3, 498-499]. В указе упоминался в качестве откупщика «иноземец» Андрее Мейере, а сам указ требовал более «у города Архангельска корабельного привода и вывода на откуп не отдавать, а нанимать к тому возжей повольною ценою».

Следующий шаг в развитии города вообще, и лоцманского дела в частности, был сделан в 1693 году, когда Петр I заложил на острове Соломбале верфь и основал там Адмиралтейство. С началом интенсивного иностранного судоходства в город стали заходить иностранные суда, а встречали их, соответственно, местные лоцманы.

Об искусстве архангельских лоцманов написано много, но не отвлекаясь от темы исследования лишь укажем, что заход в порт этого города был сопряжен с многими опасностями вызванными особенностями в том числе фарватера Северной Двины. Не малую роль среди этих опасностей всегда играл и Двинский бар.

Для обеспечения безопасности судоходства лоцманам приходилось регулярно выяснять глубину фарватера, выявлять новые мели, следить за загрязнением реки наносным мусором, в первую очередь бревнами, которые могли повредить проводимые суда.

Именно из этих людей, «на основании указа от 30 июня 1704 года, подписанного президентом Адмиралтейства Ф. М. Апраксиным, и была составлена первая лоцманская команда» [4]. Впрочем, на наш взгляд, Апраксин скорее всего лишь нормативно оформил уже имеющееся сословие, цех. Обосновывается это предположением тем, что практически повсеместно в изучаемый период лоцманы были закрытым сообществом, со своими профессиональными тайнами, знаниями и навыками. Даже опытному и грамотному моряку необходимо немало времени чтобы переквалифицироваться в лоцмана, узнать тонкости проводки судов в том или ином месте.

Владимир Станулевич в своей публикации отмечает, что «Каждый лоцман должен был знать глубины реки, отмели, банки, свойства грунта, направления течений, отметки приливов — отливов, направления ветров, внешний вид берегов, управление парусами и рулем. В обязанности лоцманов входила установка баканов и бочек на фарватере Двины — огнями и маяками занимались офицеры Архангельского гарнизона. В 1702 г. государство определило численность лоцманов в 40 человек, в 1711 — 32, в 1802 — 40, а в середине XIX века была расширена до 60 человек» [5].

Важность последующей деятельности лоцманов Архангельска, не смотря на уже наладившуюся активную торговлю через порт С. Петербурга подтверждают и отдельные известные нам меры государства. Так, 23 декабря 1741 г. был принят указ «Об освобождении от рекрутской повинности состоящих при Архангелогородском порте лоцманов и о приеме от них вместо того складочных рекрутских денег». Он предписывал не брать в рекруты не только лоцманов, но их детей, что правда за такую привилегию лоцманы обязаны были платить [6, с. 551-552].

Развитие правового регулирования статуса лоцманов Архангельска в начале XIX в. отмечают и иные авторы. Так, уже упоминавшийся нами Владимир Станулевич указывает, что «С 1826 года лоцманы достигшие 60 лет или по здоровью ушедшие

на покой освобождались от всех повинностей. В 1842 году создан запасной капитал артели из которого выдавались «ссуды за умеренные проценты», оказывалась регулярная денежная помощь старым и увечным лоцманам, финансировалась лоцманская школа. Внутриартельные вопросы решались самоуправлением, а профессиональные с 1704 г. разрешались под началом «капитана над Архангельским портом» или «капитана над штурманами» [5].

Прежде чем продолжить наше исследование по Архангельским лоцманам мы вынуждены несколько отвлечься. Дело в том, что именно в первой половине XIX в. в России происходит процесс становления гидрографического дела и, что важно, системы управления как гидрографами вообще, так затем и лоцманскими службами России, в частности.

13 апреля 1827 г. было издано «Высочайше утвержденное Положение Корпуса флотских штурманов, с приложением штата». В нем указывалось, что «Корпус сей состоит под начальством Генерал-Гидрографа, который есть Главный инспектор онаго» (п. 2).

Помощниками генерал-гидрографа назначались «два частных Инспектора: один для балтийского флота, другой для Черноморского; которые могут быть вместе с тем и Командирами Штурманских полуэкипажей».

И, наконец, что немаловажно для нашего исследования, обязанности, которые до этой реформы были возложены на Балтийское штурманское училище по лоции, подлежали в связи с преобразованием его в полуэкипаж, распоряжению инспектора корпуса штурманов Балтийского флота, под главным руководством генерал-гидрографа (п. 19) [7, с. 362-363].

24 Августа 1827 г. вышел указ «О предварительном образовании Морского Министерства» [8, с. 702], которым предписывалось «6. Присутствие Государственного Адмиралтейского Департамента закрыть с 1 числа Октября, или с открытия Управления Генерал-Гидрографа и Ученого Комитета, в кои и дела по роду их поступать имеют» [8, с. 703].

По данному указу, собственно Морское Министерство состояло из канцелярии министра; адмиралтейств-совета; управлений генерал-гидрографа, дежурного генерала, генерал-интенданта и генерал-штаб-доктора; ученый комитет.

Соответственно в состав управления генерал-гидрографа входили его канцелярия, гидрографическое депо и морская типография [8, с. 704].

Согласно главе IV указа, под названием «О управлении Генерал-Гидрографа», его канцелярия состояла из двух отделений. На первое отделение возлагались дела по инспекторской части корпуса штурманов и по штурманским полуэкипажам; текущие дела по вопросам лоции; дела по наблюдению за маяками в отношении к лоции.

На второе отделение, кроме прочего, возлагались «4) Предметы телеграфические и сигнальные» (п. 54) [8, с. 707].

Введя в морское министерство генерал-гидрографа, эта службу государство стало развивать и в соответствующих регионах. Так один из исследователей истории развития морского права в Черноморско-Азовском регионе Б. В. Змерзлый, в своей монографии писал:

«16 же декабря 1831 г. было принято 2 указа «О приведении в исполнение вновь составленного образования Главного Управления Черноморского Флота и Портов»

[335, с. 308] и «Образование Главного Управления Черноморского Флота и Портов» [335, с. 309]. Последним указом создавалась также должность главного командира Черноморского флота и портов, а в составе управления создано Гидрографическое отделение. Его обязанности были те же, что и означенные в п. 53, 54, 58, 59 и 60 предварительного образования Морского министерства, за исключением предметов, в п. 1, 2 и 3 параграфа 54. Гидрографическим отделением управлял инспектор корпуса штурманов Черноморского флота. Начальник гидрографического Черноморского депо подчинялся управляющему отделением, и отвечал за сохранность хранящихся в депо: карт, планов, описей, книг, инструментов и прочих предметов. В состав депо входили и чертежная, типография, библиотека, обсерватория» [9, с. 273-273].

Следующим шагом на Белогорье стало развитие маячной сети и системы управления ей. Произошло это с принятием 23 июня 1843 г. «Высочайше утвержденное положение о Беломорских маяках». Данным документом, управляющий маяков был непосредственно подчинен капитану Архангельского порта.

Также указом предусматривалось, что «Управляющий маяками и Смотрители оных, избираются, по представлению Гидрографического Департамента: первый из штаб-офицеров, а последние из обер-офицеров Корпуса флотских штурманов…» [10, с. 403-406]. Это, последнее, особенно ценно для данного исследования, так как такие требования устанавливались и в отношении лоц-командиров, что позволяет проследить не только преемственность принятых решений, но и предстоящее объединение маячной и лоцманской служб под руководством Морского министерства.

Наше предположение подтверждает и следующий указ, датированный 28 августа 1859 г., по докладу управляющего Морским министерством «О подчинении Заведывающаго лоцманскою и маячною частями в Архангельске Главному Командиру Архангельского порта, и о возложении на него обязанностей бывшаго Капитана над Архангельским портом» [11, с. 818].

Как известно, 3 июня 1885 г., в условиях реформирования управления флотом, было принято «Положение об управлении Морским ведомством». По этому документу, главный начальник флота и морского ведомства назначается царем, а непосредственное заведование морским министерством под руководством главного начальника флота возлагалось на управляющего министерством.

В состав обновленного морского министерства входили: 1) адмиралтейств-совет; 2) главный военно-морской суд; 3) главный морской штаб; 4) морской ученый комитет; 5) главное гидрографическое управление (далее – ГГУ); 6) главное управление кораблестроения и снабжений; 7) морской технический комитет; 8) морской строительный комитет; 9) канцелярия министерства; 10) главное военно-морское судное управление; 11) управление главного медицинского инспектора флота и 12) архив [12, с. 271-274].

В морском ученом комитете председательствовал начальник ГГУ, что показывает возросшую роль этого управления за прошедший период.

Собственно, на ГГУ «возлагалось принятие мер, к обеспечению безопасности мореплавания. В его обязанности входило: 1) собрание точных сведений в российских и иностранных водах и распоряжения о производстве съемок и промеров в российских морях; 2) составление и исправление карт, атласов, лоций и других руководства для плавания; 3) попечение об устройстве и содержании маяков и предо-

стерегательных знаков, лоцманских и спасательных учреждений морского ведомства; 4) снабжение портовых магазинов и военных судов мореходными инструментами, картами, лоциями и другими гидрографическими предметами, сигнальными книгами; 5) объявление сведений о состоянии фарватеров и банок в русских морях и о переменах в них по маякам и предостерегательным знакам» [9, с. 281-282].

Этой задаче ГГУ посвятило множество усилий. Стараниями военно-морских гидрографов постоянно составлялись и обновлялись лоции различных морей, проводились иные научные исследования и просветительская работа. Приведем лишь один пример, весьма важный для нашего исследования.

Так, в 1905 г., в специальном журнале было опубликовано следующее сообщение: «Влияние мелких глубин на осадку судна. Сообщаем об интересном открытии, сделанным американским инженерным корпусом, которым было произведено 33 наблюдения над пароходами с целью выяснить влияние мелких глубин на осадку судна. Поводом к тому послужило неоднократно замеченное обстоятельство, что на мелкой воде пароходы касались дня, несмотря на то, что уровень воды был выше осадки судна. Наблюдения, произведенные для проверки этого явления, вполне его подтвердили, при чем оказалось, что осадка судна возрастает с его величиной и быстротой хода… эти наблюдения во всяком случае приводят к тому заключению, что на мелкой воле, имея только несколько фут под килем, следует идти лишь малым ходом» [13, с. 97].

Переоценить это сообщения для непосредственной деятельности лоцманов весьма сложно, оно позволяло откорректировать их работу в мелких водах с судами большого тоннажа.

С созданием обновленного механизма в области гидрографии и, одновременно, единого централизованного аппарата управления всеми лоцманскими обществами в Российской империи, появилась возможность разработки и внедрения согласованных, единообразных нормативных актов, регулирующих деятельность разрозненных лоцманских обществ. Вершиной этого творчества стало «Положение о морских лоцманах» от 1 мая 1890 г., разработка которого началась в 1886 г. [9, с. 254-263].

Однако, были и дела, которые не могли ждать нового положения, к таковым относилась и настоятельная потребность лоцманов Архангельска в соответствующем нормативном акте, регулирующем основные вопросы их деятельности и статуса.

Очевидно, именно исходя из этих позиций 18 января 1886 г. был принят указ «Об утверждении Временных Правил для Общества Архангельских лоцманов». Им, «впредь до издания Общего Положения о лоцманах», постановлялось, что указанные в статье 309 ч. 1 Т 12 Свода Зак., Уст. пут. сообщ., «состоящие при Архангельском порте лоцмана и лоцманские дети образуют общество Архангельских лоцманов, находящееся в ведении директора маяков и лоции Белого моря и подчиняющиеся непосредственно лоц-командиру».

Устанавливалась и строго определенная плата лоцманам, в том числе за дополнительное время, проведенное на судне по тем или иным причинам.

Традиционно на лоцманов возлагалась постановка и уборка предостерегательных знаков, ограждающих фарватер реки Северной Двины в пределах деятельности общества. Важным в этой обязанности было то, что эта работа производилась лоцманами за счет государственного казначейства.

В связи с появлением должности лоц-командира устанавливались стандартные пределы его административной власти. Так, за проступки лоцманов, не влекущие собой предания суду, лоц-командир получил право налагать на них следующие взыскания: а) штраф до 3-х руб.; б) арест в карцере, с содержанием на хлебе и воде до 2-х дней; в) смещение из 1-го разряда во второй и г) увольнение, но лишь с утверждения директора маяков и лоции Белого моря (п. IV).

Не был обойден стороной и вопрос ответственности лоцманов за возможный ущерб судам и грузу по их вине. Эта ответственность была индивидуальной, однако указывалось, что «при несостоятельности отдельных членов общества возместить ущерб нанесенный судовладельцу», общество отвечало круговой порукой (п. V). Этим, в первую очередь обеспечивались интересы судовладельцев, стимулируя их, таким образом, посещать порт Архангельска.

В последнем пункте данного указа оговаривалось, что «Адмиралтейств-Совету предоставляется издать обязательные для общества правила…» (п. VI) [14, с. 15].

Безусловно, что такое короткое наставление вызывает вопрос о том, почему же собственно, древнейшие лоцманы России до сих пор не получили собственного, детально продуманного и разработанного устава, как это произошло уже с лоцманскими обществами на иных морях страны, в первую очередь на Балтийском и Черном. Ответ здесь кроется не в невнимательности органов государственной власти к Астраханским лоцманам, а в совершенно иных причинах.

Дело в том, что еще в самом начале XIX в., в связи активной вырубкой лесов Севера, развитием лесной промышленности и экспорта леса, начался процесс интенсивного обмеления Северной Двины, эксплуатировавшихся лоцманами фарватеров. Грузооборот порта резко снизился. В 1830-х гг. стал мелеть и Березовый бар, вследствие чего суда вынуждены были догружаться в открытом море [15]. Это усложняло процесс нагрузки, удорожало его, требовало дополнительных затрат времени. Из-за уменьшения количества проводимых судов у лоцманов Астрахани наступили сложные времена. Последующее появление и активное распространение парового флота поставили еще одну задачу – лоцманам пришлось овладевать новые знаниями, доучиваться.

Это, однако, не решало проблему с обмелением фарватера. Лишь в конце XIX в., когда Российское государство значительно окрепло экономически и технически, все более активно начали вестись работы по углублению портов и отдельных фарватеров на разных морях. Так, к примеру, в Черноморско-Азовском регионе важнейшим событием стало углубление Керченского пролива. В 1888 г. начались дноуглубительные работы и в отношении Астраханского порта, что создало необходимые предпосылки для увеличения его грузооборота и, соответственно, увеличения спроса на услуги лоцманов.

Очевидно, следует указать, что согласно данным переписи населения 1897 г. в деревне Кальчино проживало «44 семьи Пустошных – 3 лоцмана, 4 семьи Котцовых – 1 лоцман, 3 семьи Матвеевых – 1 капитан судов, 2 семьи Постниковых – 1 лоцман, 3 семьи Матвеевых – 1 капитан судов, 2 семьи Постниковых – 1 мастер по постройке судов, 1 владелец нескольких пароходов... Всего 37 человек владели лоцманской профессией, а это 15 процентов от населения деревни» [16].

Как видно из представленного выше материала, наиболее известные и давние традиции деятельности лоцманов Архангельска были законодательно закреплены в период правления Петра I и получило свое дальнейшее развитие в череде различных

нормативно-правовых актов, важнейшим из которых стали временные правила для общества Архангельских лоцманов 1886 г., принятые в ходе разработки положения о морских лоцманов, утвержденных царем 1 мая 1890 г.

Временные правила представляли собой достаточно ограниченный по сфере влияния и регулирования документ уже не соответствовавший духу развития законодательства. Однако его деятельность продолжалась до начала XX в. из-за сложностей, связанных с практическим внедрением Положения 1890 г., а также спадом торговой и судоходной активности порта Архангельска в XIX в.

Список литературы

1. Пустошь — родина лоцманов. URL: https://cultprim.ru/пустошь-родина-лоцманов/.
2. «О пропуске Голландского конвойного корабля в устье Двины вместе с купеческими кораблями, о найме вольных лоцманов для проводу кораблей, об установлении особой заклеймленной гири для весу принимаемых в пошлину червонцев, и о взимании пошлины по покупаемым ценам товаров в город Архангельск» от 14 июля 1685 г // ПСЗ, Собрание (1649-1825): Т. II (1676-1688), №1129. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. С. 675-676.
3. «О неотдавании на откуп у города Архангельского, корабельного привода и вывода на море, и о даче подвод как иноземцам, так и Русским торговым людям» от 26 июня 1717 г. // ПСЗ, Собрание (1649-1825): Т. V (1713-1719), №3093. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. С. 498-499.
4. Лоцманы России / Старый Архангельск. URL: https://www.pastar.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=265:locmany-rossii&catid=53:istorija-&Itemid=75
5. Владимир Станулевич. Остров Пустошь: четыре столетия лоцманского искусства. URL: - https://regnum.ru/news/society/2245402.html
6. «Об освобождении от рекрутской повинности состоящих при Архангелогородском порте лоцманов и о приеме от них вместо того складочных рекрутских денег» от 23 декабря 1741 г. // ПСЗ, Собрание (1649-1825): Т. XI (1740-1743), №8488. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. С. 551-552.
7. «Высочайше утвержденное Положение Корпуса флотских штурманов, с приложением штата» от 13 апреля 1827 г. // ПСЗ, Собрание (1825-1881): Т. II (1827), №1028. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. С. 362-363.
8. «О предварительном образовании Морского Министерства» от 24 августа 1827 г. // ПСЗ, Собрание (1825-1881): Т. II (1827), №1325. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. С. 702.
9. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX вв. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – С. 272-273.
10. «Высочайше утвержденное положение о Беломорских маяках» от 23 июня 1843 г. // ПСЗ, Собрание (1825-1881): Т. XVIII (1843), №16970. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1844. С. 403-406.
11. Высочайше утвержденный всеподданейший доклад Управляющего Морским Министерством «О подчинении Заведывающаго лоцманскою и маячною частями в Архангельске Главному Командиру Архангельского порта, и о возложении на него обязанностей бывшаго Капитана над Архангельским портом» от 28 августа 1869 // ПСЗ, Собрание (1825-1881): Т. XXXIV (1869), №34835. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1873. С. 818.
12. «Положение об управлении Морским ведомством» от 3 июня 1885 г. // ПСЗ, Собрание (1881-1913): Т. V (1885), №3023. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1887. С. 271-274.
13. Морской сборник. Том CCCXXVI. №1. Январь 1905 г. С. 97.
14. «Об утверждении Временных Правил для Общества Архангельских лоцманов» от 18 января 1886 г. // ПСЗ, Собрание (1881-1913): Т. VI (1886), №3459. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1888. С. 15.
15. Л. Б. Кравцов. Севтехфлот – Архморпуть в Великой отечественной войне 1941 – 1945 гг. URL: arcticwar.pomorsu/sea/arcticwar2000/crasavcev/html
16. На Севере. http://sanatatur.ru/forum/viewtopic.php?f=120&t=13427

Kirov A. A. The origin and development of the legal organization of the activity of the pilots of Arkhangelsk // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 33-40.

The article states that the most well-known and long-standing traditions of the activity of pilots of Arkhangelsk were legislated during the reign of Peter I and were further developed in a series of various normative legal acts, the most important of which were the temporary rules for the Society of Arkhangelsk Pilots of 1886, adopted during the development of the regulations on sea pilots, approved by the tsar on May 1, 1890.

The provisional Rules were a rather limited document in terms of influence and regulation, which no longer corresponded to the spirit of the development of legislation. However, its activities continued until the beginning of the twentieth century. Due to the difficulties associated with the practical implementation of the Regulations of 1890, as well as the decline in trade and shipping activity of the port of Arkhangelsk in the nineteenth century.

Keywords: Arkhangelsk, legal regulation, pilots, rules, evolution, decree.

Spisok literaturi

1. Pustosh — rodina locmanov. URL: https://cultprim.ru/pustosh-rodina-locmanov/.
2. «O propuske Gollandskogo konvoinogo korablya v uste Dvini vmeste s kupecheskimi korablyami, o naime volnih locmanov dlya provodu korablei, ob ustanovlenii osoboi zakleimlennoi giri dlya vesu prinimaemih v poshlinu chervoncev, i o vzimanii poshlini po pokupaemim cenam tovarov v gorod Arhangelsk» ot 14 iyulya 1685 g // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. II (1676-1688), №1129. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. S. 675-676.
3. «O neotdavanii na otkup u goroda Arhangelskogo, korabelnogo privoda i vivoda na more, i o dache podvod kak inozemcam, tak i Russkim torgovim lyudyam» ot 26 iyunya 1717 g. // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. V (1713-1719), №3093. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. S. 498-499.
4. Locmani Rossii / Starii Arhangelsk. URL: https://www.pastar.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=265:locmany-rossii&catid=53:istorija-&Itemid=75
5. Vladimir Stanulevich. Ostrov Pustosh: chetire stoletiya locmanskogo iskusstva. URL: - https://regnum.ru/news/society/2245402.html
6. «Ob osvobozhdenii ot rekrutskoi povinnosti sostoyash'ih pri Arhangelogorodskom porte locmanov i o prieme ot nih vmesto togo skladochnih rekrutskih deneg» ot 23 dekabrya 1741 g. // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. HI (1740-1743), №8488. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. S. 551-552.
7. «Visochaishe utverzhdennoe Polozhenie Korpusa flotskih shturmanov, s prilozheniem shtata» ot 13 aprelya 1827 g. // PSZ, Sobranie (1825-1881): T. II (1827), №1028. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. S. 362-363.
8. «O predvaritelnom obrazovanii Morskogo Ministerstva» ot 24 avgusta 1827 g. // PSZ, Sobranie (1825-1881): T. II (1827), №1325. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. S. 702.
9. Zmerzlii B. V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v CHernomorsko-Azovskom regione v konce XVIII – nachale HH vv. / B. V. Zmerzlii. – Simferopol: CHP «Predpriyatie Feniks», 2014. – S. 272-273.
10. «Visochaishe utverzhdennoe polozhenie o Belomorskih mayakah» ot 23 iyunya 1843 g. // PSZ, Sobranie (1825-1881): T. XVIII (1843), №16970. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1844. S. 403-406.
11. Visochaishe utverzhdennii vsepoddaneishii doklad Upravlyayush'ego Morskim Ministerstvom «O podchinenii Zavedivayush'ago locmanskoyu i mayachnoyu chastyami v Arhangelske Glavnomu Komandiru Arhangelskogo porta, i o vozlozhenii na nego obyazannostei bivshago Kapitana nad Arhangelskim portom» ot 28 avgusta 1869 // PSZ, Sobranie (1825-1881): T. XXXIV (1869), №34835. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1873. S. 818.
12. «Polozhenie ob upravlenii Morskim vedomstvom» ot 3 iyunya 1885 g. // PSZ, Sobranie (1881-1913): T. V (1885), №3023. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1887. S. 271-274.
13. Morskoi sbornik. Tom CCCXXVI. №1. YAnvar 1905 g. S. 97.
14. «Ob utverzhdenii Vremennih Pravil dlya Obsh'estva Arhangelskih locmanov» ot 18 yanvarya 1886 g. // PSZ, Sobranie (1881-1913): T. VI (1886), №3459. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1888. S. 15.
15. L. B. Kravcov. Sevtehflot – Arhmorput v Velikoi otechestvennoi voine 1941 – 1945 gg. URL: arcticwar.pomorsu/sea/arcticwar2000/crasavcev/html
16. Na Severe. http://sanatatur.ru/forum/viewtopic.php?f=120&t=13427

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 41-48.

УДК 342.5

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КОРРУПЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Кондакова О. А.
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина РАНХиГС

В статье анализируется многообразие различных подходов к исследованию коррупции, отмечается трудность единообразного определения данного понятия, осознается необходимость исследования коррупции во взаимосвязи с социокультурными факторами. В статье коррупция рассматривается в нормативно-ценностной парадигме и через рационалистский подход, в широком и узком смысле, анализируются недостатки и преимущества каждого из них, раскрываются проявления коррупции, отмечается многообразие факторов, под влиянием которых коррупция и коррупционные факторы формируется. Автором делается вывод, что для определения и закрепления на законодательном уровне механизмов противодействия коррупции, ее изучение в широком аспекте является необходимым и должно быть связано не с выявлением и определением негативного влияния коррупции в аспекте аморальности ее последствий, а в понимании противоправности коррупции и значения ее последствий для государственной системы.

Ключевые слова: коррупция, юридическая наука, ответственность, последствия, девиантное поведение, государственная система, правопорядок.

Коррупция представляет собой чрезвычайно многоплановое социальное явление, которое затрагивает практически все сферы общественной жизни: экономическую, политическую, духовную и т.п. Поэтому коррупция является предметом научного познания отнюдь не только юридической науки, но и экономики, политологии, социологии и т.п. Безусловно, что у всех этих отраслей познания существуют собственные «секторы» изучения коррупции и ее проявлений, однако, с позиции общей гносеологии можно говорить о существовании определенных подходов к данному явлению, определяющих основные направления его исследования.

Так, например, О.В. Епархина выделяет три основных подхода к исследованию коррупции, преимущественно сформулированных в западной литературе: экономический, социально-антропологический и социокультурный.

Экономический подход основан на анализе коррупции как определенного типа поведения, связанного с совершением преступления и возможным наказанием за него.

Социально-антропологическое направление в исследовании коррупции связано с исследованием конкретной национально-культурной среды как фактора возникновения и развития коррупции. «Такой подход очень эффективно реализуется при исследовании коррупционных проявлений в незападных обществах, поскольку западная точка зрения на коррупцию разрабатывалась с учетом веберовской концепции бюрократии как рационального явления. Речь в незападных обществах идет скорее не о «коррупции», а о различных, весьма многочисленных «коррупциях» [1, с. 113].

Социокультурный подход в его современном развитии представлен работами (Г. Хофстеда, С. Шварца, Г. Триандиса, Э. Холла и др. Эта исследовательская парадигма связана с анализом коррупции как характеристики культуры определенного

типа. В рамках подобного подхода разрабатываются различные индикаторы культуры, которые могут оказывать влияние на коррупцию: индивидуализм-коллективизм, дистанция власти, маскулинность, избегание неопределенности, конфуцианский динамизм.

Учитывая подход научного познания, свойственный для юридической науки, коррупция рассматривается в аспекте общественного опасного преступного деяния (преступления), за совершение которого предусмотрена ответственность.

Для юридической науки важным является как можно четче квалифицировать юридические составы коррупционных преступлений: объекты преступного посягательства, круг субъектов, субъективную и объективную стороны правонарушения.

Легальное нормативное определение коррупции содержится в базовом для этой сферы общественных отношений федеральном законе от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

В соответствии с пунктом 1 статьи 1 указанного закона коррупция представляет собой злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. Кроме того, к коррупции относится совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица [2, с. 1].

Таким образом, как несложно заметить, фактически это определение включает в себя две дефиниции: в первой объединяются различные составы коррупционных преступлений (злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп), а вторая – содержит «открытое» описание признаков коррупционного деяния: использование должностного положения в целях получения личной выгоды.

Несмотря на то, что представленные подходы носят явно социологический характер и в юридической науке их методологическое значение будет довольно ограниченным, в юриспруденции в последние годы учитывая значение и постоянное изменение общественных связей и социокультурных факторов, даже стала осознаваться необходимость исследования коррупции в более широком значении, во взаимосвязи с социокультурными факторами.

«Перевод» различных дискурсов и подходов к исследованию коррупции из экономической, социологической и др. сфер научного знания в плоскость юриспруденции и юридической науки представляет собой весьма нетривиальную задачу. Дело в том, что юриспруденция, прежде всего, оперирует категориями «преступление» и «наказание», поэтому вполне естественно, что концептуализация коррупции и ее проявлений в данной сфере изначально было основано на ценностно-нормативной парадигме. Согласно данному подходу, коррупция увязывается с подкупом и продажностью должностных лиц, а основными мерами противодействия ей выступает нормативное закрепление наказания за совершение коррупционных преступлений и правонарушений в виде уголовной и административной ответственности за данное деяние.

Известный российский исследователь коррупции Ю.А. Нисневич кроме «нормативно-ценностного» подхода, который иногда называют еще «морализаторским», поскольку коррупция в рамках подобного подхода соотносится с системой действующих норм и ценностей и рассматривается как девиантное поведение (незаконное и аморальное), также выделяет «рационалистский» или «функциональный» подход к коррупции, при котором «предпочтение отдается не ценностным оценкам и различным нормам, а функциональным оценкам коррупции, ее проявлениям и последствиям» [3, с. 21].

Данный подход называется рационалистским потому, что в основе возникновения проявлений коррупции в обществе его сторонники видят не «аморальность» субъекта, «коррумпированную личность» и т.п., а концепцию «рационального выбора», которая «обращает внимание на условия, в которых оказывается актор, и на мотивы и стимулы, которые порождены определенной ситуацией» [4, с. 108].

Впоследствии под влиянием общемировых тенденций противодействия коррупции сложился и иной подход, согласно которому коррупция рассматривается более широко, т.е. не сводится только к различным формам юридической девиации, а включает в себя любое использование должностными лицами своего служебного положения, статуса, административного и иного ресурса в целях извлечения неправомерных личных выгод. «В широком смысле это понятие охватывает негативное социальное явление, поразившее публичный аппарат управления и выражающееся в разложении власти, умышленном использовании государственными и муниципальными служащими, иными лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, своего служебного положения, статуса и авторитета занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [5, с. 17].

Как отмечается в специальной литературе, «среди исследователей, которые изучают коррупцию с позиции права, наибольшее распространение получили две точки зрения, в соответствии с которыми коррупция рассматривается в узком смысле (раскрываемом через модель подкупа) и в широком смысле (раскрываемом через описательные характеристики корыстного злоупотребления служебным положением)" [6,20]. Если в "узком" смысле коррупция выступает в форме преступления или правонарушения, то в "широком" коррупционные проявления могут быть связаны, например, с нарушением норм профессиональной (служебной) этики должностного лица.

Так, например, Н.Н. Меньшенина, выделяя коррупцию в «узком» и «широком» смысле, относит к последней не только взяточничество, но и «чиновничье предпринимательство». «Чиновничье предпринимательство характеризуется тем, что здесь формально нет подкупающей стороны. Заказчик служебного нарушения здесь — это сам исполнитель, извлекающий доход (предпринимательский или рентный) из монополии на принятие или согласование определенного решения» [7, с. 33]. К этому можно добавить, что далеко не все формы чиновничьего предпринимательства могут носить криминальный характер и, соответственно, предполагать применение мер юридической ответственности. Напротив, большая часть таких коррупционных проявлений подпадает под категорию «конфликт интересов», который сам по себе не носит противоправного характера.

Стоит отметить, что определение понятия «конфликт интересов» также предусмотрено Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции", в соответствии со статьей 10 которого под конфликтом интересов в настоящем Федеральном законе понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий) [2, с. 10].

Следует полагать, что выделяя отдельную категорию действий, которая охватывается понятием «конфликт интересов», законодатель при определении понятия «коррупция» использует узкий подход.

«Рассматривая коррупцию в широком смысле, следует говорить о ней как о системном явлении, которое пронизывает все общество, его политику, экономику, социальные, культурные отношения, систему образования, морально-нравственные устои, менталитет» [8, с. 12].

Недостатком «широкого» подхода к пониманию коррупции является отсутствие четких дефиниций коррупционных проявлений. Так, например, известный американский исследователь коррупции Майкл Джонсон отмечает, что «коррупция – это злоупотребление должностными полномочиями и властными ресурсами с целью получения личной выгоды. Но… понятия «злоупотребления», «полномочия», «личный» и даже «выгода» являются предметом спора во многих обществах» [9, с. 22].

«Широкий» подход к пониманию коррупции возможно обладает меньшей строгостью и четкостью формулировок в описании этого социального явления чем «криминологический» или «собственно юридический» (узкий), однако, он позволяет сместить акценты в противодействии коррупции с «карательного» аспекта на систему превенции коррупционных проявлений.

В современной юридической литературе отмечается, что противодействие коррупции сосредоточено вокруг двух основных направлений: репрессивного, связанного с применением мер юридической ответственности с такими проявлениями коррупции как преступления и правонарушения и превентивного, т.е. комплекса разноплановых мер, призванных устранить причины коррупционного поведения. При этом «сугубо репрессивный подход низкоэффективен, поскольку… имеет характер борьбы с последствиями, а не с причинами» [10, с. 688]. Поэтому основной вектор борьбы с коррупцией направлен на разработку превентивных мер противодействия коррупции: устранение избыточных административных барьеров, упрощение и ускорение бюрократических процедур, разработка антикоррупционных стандартов поведения и т.п.

В данном случае важно разграничивать коррупцию как социальное явление и различные проявления коррупции, которые могут выступать в самых разнообразных и не всегда «криминальных» формах. Например, иногда в специальной литературе выделяют «твердую» или классическую коррупцию и «мягкую», под которой предлагается понимать такие специфические формы коррупции как фаворитизм, непотизм (кумовство), кронизм (протекционизм), «блат» (связи), лоббизм и т.п. При этом отмечается, что «составить исчерпывающий перечень видов коррупционной деятельности, по-видимому, невозможно» [11, с. 72], однако «разграничение кор-

рупции «твердой» (классической) и «мягкой» может позволить выработать дополнительные механизмы защиты от относительно новых видов коррупции и контролировать старые» [11, с. 72].

Подразделение всех проявлений коррупции на правонарушения и аморальные проступки является довольно частым в отечественной юридической литературе. Так, например, А.А. Макаров и В.М. Чупров подчеркивая, что коррупция не сводится к продажности чиновников, предлагают разграничивать, с одной стороны, коррупционные правонарушения (гражданско-правовые деликты; административные и дисциплинарные проступки, преступления) и «неправовые этические коррупционные нарушения (этические проступки)» – с другой [12, с. 55].

Примером коррупционных «этических отклонений» Г.С. Гончаренко называл действия, «которые отрицательно влияют на общественное мнение о состоянии законности на государственной службе, хотя прямо они не запрещены законом или иным нормативным актом (присутствие на банкетах, устраиваемых организациями, контроль за деятельностью которых входит в компетенцию данного лица; публичное неделовое общение и контакты с людьми, имеющими судимость за корыстные преступления; приобретение движимого или недвижимого имущества, стоимость которого несопоставима с размером жалования)» [13, с. 60].

Представляется, что подобные позиции развиваются в рамках «нормативно-ценностного» подхода к пониманию коррупции как девиантного и аморального поведения. В этом смысле мы согласны с С.Н. Братановским и М.Ф. Зеленовым, что «сторонники такого подхода… исходят из презумпции аморальности коррупции, что на самом деле не соответствует социальным представлениям общества… Следует исходить не из презумпции аморальности ее проявлений, а из презумпции их противоправности» [14, с. 44]. В данном случае, скорее следовало бы говорить об институционализированных и неинституционализированных формах коррупционных проявлений. С этой точки зрения «классическая («твердая») коррупция (взяточничество, коммерческий подкуп)… дополняется все новыми псевдоинституциональными коррупционными механизмами, которые в каждый определенный исторический отрезок времени приспосабливаются к новым условиям общественно-личных коммуникаций» [11, с. 80].

Например, то, что Г.С. Гончаренко называл «этическими отклонениями» (присутствие на банкетах, которые устраиваются подконтрольными организациями, несоответствие расходов и доходов и т.п.) на сегодняшний день получило институционализацию в служебном законодательстве и представляет собой уже состав дисциплинарного проступка (например, - нарушение запретов, связанных с государственной службой).

Говоря о различных формах и видах коррупции, нельзя обойти наиболее востребованную и распространенную классификацию коррупции в зависимости от уровня коррупционных проявлений. В соответствии с данным признаком коррупцию обычно подразделяют на "верхушечную" ("верховую", «элитарную») и "низовую". Несмотря на кажущуюся "очевидность" такого разграничения проявлений коррупции, нельзя выделить единый формально определенный критерий, который бы позволил разграничить эти два вида коррупции.

Так, например, некоторые авторы полагают, что низовая коррупция сопряжена «с повседневным взаимодействием чиновников и граждан» (штрафы, пеня, реги-

страция и т. д.)., тогда как верхушечная коррупция «связана с правом принятия решений, имеющих высокую значимость, например, госзаказы, изменение формы собственности и т. д.» [15, с. 32]. «На основе условного критерия коррупцию можно разделить на мелкую (низовую, повседневную, или, что будет точнее, бытовую коррупцию, с помощью которой граждане решают свои повседневные проблемы: выплаты гаишникам, оформление документов на дачные участки, взятки в судах, медицинских учреждениях, военкоматах и т.д.) и крупную (вершинную, элитарную, деловую коррупцию, т.е. ту, с помощью которой решаются крупные проблемы бизнеса)» [16, с. 35]. Ю.Н. Юсупов в качестве специфического признака верхушечной коррупции называет «высокую стоимость сделок, заключаемых между высокопоставленными чиновниками и большими фирмами, финансово-промышленными группами» (плата за выигрыш в конкурсе на поставку большого объема продукции или получение лицензии на экспортные поставки) [17, с. 2].

Другие авторы разграничивают «верхушечную» и «низовую» коррупцию в зависимости от субъектного состава коррупционных сделок: "Верховая (вершинная, элитарная, деловая коррупция, т. е. та, с помощью которой решаются крупные проблемы бизнеса) коррупция вовлекает в процесс высшее и среднее чиновничество (например, высокая цена материального вознаграждения за формулирование законов, госзаказы, изменение форм собственности). Низовая коррупция вовлекает среднее и нижнее чиновничество в бытовую коррупцию, с помощью которой граждане решают свои повседневные проблемы: выплаты гаишникам, оформление документов на дачные участки, взятки в судах, медицинских учреждениях, военкоматах» [18, с. 34].

Эти два критерия (а) значимость или «масштаб» коррупционных проявлений и б) служебное положение субъекта коррупционной деятельности представляются довольно очевидными для обыденного сознания, однако, на самом деле, являются неоперациональными с научной точки зрения. Во-первых, один и тот же субъект может быть вовлечен как в «верхушечную», так и в «низовую» коррупцию. Например, взятка судье за постановление желаемого приговора или решения может оцениваться и как «низовая» коррупция, если речь идет о лишении водительского удостоверения или незаконной перепланировке жилого помещения, и как "верхушечная", если такое решение касается крупных хозяйственных или политических споров. Во-вторых, «масштаб» коррупционного проявления представляет собой оценочную характеристику, и демаркация между «повседневными проблемами» и «крупными проблемами бизнеса» не является однозначной. По сути данная классификация представляет собой попытку выделить «большую" и «маленькую» коррупцию, что с научной точки зрения всегда будет сталкиваться с проблемой репрезентативности.

Подводя итог нашему анализу, можно отметить, что исследование такого понятия как коррупция показывает, что в юридической науке отсутствует четкое определение дефиниций коррупционных проявлений, многообразие различных подходов к исследованию коррупции показывает на сколько многогранным и исторически изменчивым является данное понятие.

Сложность единообразного определения данного понятия также определяется постоянным изменением общественных отношений и как следствие трудностью в закреплении на законодательном уровне исчерпывающего перечня видов девиант-

ного поведения, которые охватывает понятие коррупция и ответственность за совершение которых должна наступать.

Учитывая изложенное, изучение коррупции в широком аспекте, в том числе в понимании значимости при раскрытии данного понятия во взаимосвязи с социокультурными факторами, позволит не только определить механизм ее формирования, но и механизм противодействия, что является необходимым, иной подход не может привести к формированию системной основы противодействия коррупции.

В настоящее время необходимость исследования коррупции и определения механизмов противодействия связано не настолько с выявлением и определением негативного влияния коррупции в аспекте аморальности ее последствий, а является существенным при определении последствий противоправности коррупции для существующего правопорядка и государственной системы.

Список литературы

1. Епархина О.В. Моделирование коррупции // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 1.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). ст. 6228
3. Нисневич Ю.А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса: монография / Ю. А. Нисневич. — М. : Издательство Юрайт, 2017.
4. Заурвайн Карл-Хайнц Коррупция — возвращение «старого» мира в эпоху модерна? // Социологическое обозрение. 2012. № 3.
5. Хабриева Т.Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Журнал российского права. 2012. № 6.
6. Противодействие коррупции: учебное пособие / составители: А.М. Межведилов, Л.Т. Бакулина, И.О. Антонов, М.В. Талан, Ю.В. Виноградова, А.Д. Гильфанова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016.
7. Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие: монография / Т. Е. Бейдина, С. Б. Быстрянцев, Н. Л. Захаров, Л. В. Мась, Н. Н. Меньшенина, А. Г. Наронская, М. В. Пантелеева, О. В. Погулич, С. С. Соколова, Н. В. Устинова, А. В. Чечулин / под общ. ред. проф. Н. Н. Меньшениной ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014.
8. Качкина Т.Б., Качкин А.В. Коррупция и основные элементы стратегии противодействия ей: Учебное пособие. / Качкина Т.Б., Качкин А.В. — Ульяновск: ОАО «Областная типография «Печатный двор». 2010.
9. Johnston, Michael. Syndromes of Corruption. Wealth, Power and Democracy. – New York: Cambridge University Press, 2005. P. 12. Цит. по Суханов В.А. Международное сотрудничество в борьбе с коррупцией в органах власти: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04. Москва, 2015.
10. Коррупция: природа, проявление, взаимодействие» / отв. ред. акад. РАН Т. Я. Хабриева. М.: ИД «Юриспруденция», 2014.
11. Сулакшин С.С., Максимов С.В., Ахметзянова И.Р. и др. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. Монография в 2-х томах. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2008.
12. Макаров А.А., Чупров В.М. Административно-правовые и экономические проблемы противодействия коррупции в органах власти и управления // Административное и муниципальное право. 2010. № 6.
13. Гончаренко Г.С. Понятие, сущность и виды коррупции современной России // Административное и муниципальное право. 2010. № 6.
14. Братановский С.Н., Зеленов М.Ф. Концептуальные подходы к определению сущности коррупционных проявлений // Российская юстиция. 2016. № 12
15. Ахметова Н.А. Проблема типологизации коррупции // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2011. № 2 (15).
16. Крюкова Н.И. Сущность коррупции, ее причины и влияние на правопорядок // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 2.
17. Юсупов И.Н. К вопросу о мерах антикоррупционной направленности // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 6)
18. Меньшенина, Н. Н. Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие: монография / Т. Е. Бейдина, С. Б. Быстрянцев, Н. Л. Захаров, Л. В. Мась, Н. Н. Меньшенина, А. Г. Наронская, М. В. Пантелеева, О. В. Погулич, С. С. Соколова, Н. В. Устинова, А. В. Чечулин / под

общ. ред. проф. Н. Н. Меньшениной ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014.

Kondakova O. A. Basic approaches to the study of corruption: prospects of legal science // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 41-48.

The article analyzes the variety of different approaches to the study of corruption, notes the difficulty of a uniform definition of this concept, and recognizes the need to study corruption in relation to socio-cultural factors. In the article, corruption is considered in the normative-value paradigm and through a rationalist approach, in a broad and narrow sense, the disadvantages and advantages of each of them are analyzed, the manifestations of corruption are revealed, the variety of factors under the influence of which corruption and corruption factors are formed is noted. The author concludes that in order to define and consolidate anti-corruption mechanisms at the legislative level, its study in a broad aspect is necessary and should be associated not with identifying and determining the negative impact of corruption in terms of the immorality of its consequences, but in understanding the illegality of corruption and the significance of its consequences for the state system.

Keywords: corruption, legal science, responsibility, consequences, deviant behavior, state system, law and order.

Spisok literaturi

1. Eparhina O.V. Modelirovanie korrupcii // YAroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2013. № 1.
2. Federalnii zakon ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ (red. ot 31.07.2020)
«O protivodeistvii korrupcii» // SZ RF. 2008. № 52 (chast I). st. 6228
3. Nisnevich YU.A. Politika i korrupciya: korrupciya kak faktor mirovogo politicheskogo processa: monografiya / YU. A. Nisnevich. — M. : Izdatelstvo YUrait, 2017.
4. Zaurvain Karl-Hainc Korrupciya — vozvrash'enie «starogo» mira v epohu moderna? // Sociologicheskoe obozrenie. 2012. № 3.
5. Habrieva T.YA. Korrupciya i pravo: doktrinalnie podhodi k postanovke problemi // ZHurnal rossiiskogo prava. 2012. № 6.
6. Protivodeistvie korrupcii: uchebnoe posobie / sostaviteli: A.M. Mezhvedilov, L.T. Bakulina, I.O. Antonov, M.V. Talan, YU.V. Vinogradova, A.D. Gilfanova. – Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2016.
7. Korrupciya v Rossiiskoi Federacii: genezis, formi, tehnologii, protivodeistvie: monografiya / T. E. Beidina, S. B. Bistryancev, N. L. Zaharov, L. V. Mas, N. N. Menshenina, A. G. Naronskaya, M. V. Panteleeva, O. V. Pogulich, S. S. Sokolova, N. V. Ustinova, A. V. CHechulin / pod obsh'. red. prof. N. N. Mensheninoi ; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federacii, Ural. federal. un-t. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2014.
8. Kachkina T.B., Kachkin A.V. Korrupciya i osnovnie elementi strategii protivodeistviya ei: Uchebnoe posobie. / Kachkina T.B., Kachkin A.V. — Ulyanovsk: OAO «Oblastnaya tipografiya «Pechatnii dvor». 2010.
9. Johnston, Michael. Syndromes of Corruption. Wealth, Power and Democracy. – New York: Cambridge University Press, 2005. P. 12. Cit. po Suhanov V.A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v borbe s korrupciei v organah vlasti: dissertaciya ... kandidata politicheskih nauk: 23.00.04. Moskva, 2015.
10. Korrupciya: priroda, proyavlenie, vzaimodeistvie» / otv. red. akad. RAN T. YA. Habrieva. M.: ID «YUrisprudenciya», 2014.
11. Sulakshin S.S., Maksimov S.V., Ahmetzyanova I.R. i dr. Gosudarstvennaya politika protivodeistviya korrupcii i tenevoi ekonomike v Rossii. Monografiya v 2-h tomah. T. 1. M.: Nauchnii ekspert, 2008.
12. Makarov A.A., CHuprov V.M. Administrativno-pravovie i ekonomicheskie problemi protivodeistviya korrupcii v organah vlasti i upravleniya // Administrativnoe i municipalnoe pravo. 2010. № 6.
13. Goncharenko G.S. Ponyatie, sush'nost i vidi korrupcii sovremennoi Rossii // Administrativnoe i municipalnoe pravo. 2010. № 6.
14. Bratanovskii S.N., Zelenov M.F. Konceptualnie podhodi k opredeleniyu sush'nosti korrupcionnih proyavlenii // Rossiiskaya yusticiya. 2016. № 12
15. Ahmetova N.A. Problema tipologizacii korrupcii // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 5, YUrisprud. 2011. № 2 (15).
16. Kryukova N.I. Sush'nost korrupcii, ee prichini i vliyanie na pravoporyadok // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. 2013. № 2.
17. YUsupov I.N. K voprosu o merah antikorrupcionnoi napravlennosti // Konstitucionnoe i municipalnoe pravo. 2008. № 6)
18. Menshenina, N. N. Korrupciya v Rossiiskoi Federacii: genezis, formi, tehnologii, protivodeistvie: monografiya / T. E. Beidina, S. B. Bistryancev, N. L. Zaharov, L. V. Mas, N. N. Menshenina, A. G. Naronskaya, M. V. Panteleeva, O. V. Pogulich, S. S. Sokolova, N. V. Ustinova, A. V. CHechulin / pod obsh'. red. prof. N. N. Mensheninoi ; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federacii, Ural. federal. un-t. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2014.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 49-56.

УДК 67.3
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-49-56

FACTORS OF EMERGING STATEHOOD IN THE SOUTH-WEST ASIA IN NEOLITHIC - CHALCOLITHIC

Koshman V. A.

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

It is stated that the process of initial statehood formation occurred in the North Mesopotamia. Also some statements around ascension of sedentariness and pastoralism are revised in the article. Author highlights key problems of population estimations in ancient times of the South-West Asia. New data in the article corrects population estimations by degree. One of the leading themes in the paper is the role of highly mobile part of population in functioning of interregional trade. It is emphasized that Uruk phenomenon is highly overestimated and lacks hard evidence. Author presents new approach of understanding the statehood origin. It is made on the basis of material data and careful review of archaeologic interpretations.

Key words: neolitization, statehood, South-West Asia, Uruk expansion, Halaf, semi-nomads, Iranian plateau.

The question about the origin of inequality, private property, and the state has always been attracted to the special attention of philosophers, historians and other people who are interested in the beginnings of the organization of modern society. The most ancient archeological finds connected with sedentarization, pastoralism, and farming were made on the territory of the Middle East. That is why that territory is of particular interest to researchers. The processes which were going on there become a basis for the theoretic and intercultural framework.

Consequently, exploring of occurrence above-mentioned things, their relationship, and their influence on the dynamics of social structure are necessary. Accordingly, in this article, we will analyze archeological evidence gained in recent decades and try to submit renewed reasoning and conclusions about the emergence and development of statehood of the Middle East.

Any consideration of the origin of inequality begins with the Neolithic revolution – the term which was developed by G. Child. This represents a sedentarization together with the emergence of pastoralism and farming, which led to rapid and fundamental change. However, half a century has passed since the introduction of the term and during that period, the overall picture of the process has been detailed significantly. As a result, the term «Neolithic revolution» was changed to «neolitization». This implies a lengthy and multiilinear process of mutual adaptation of humans, animals, and plants. One of its aspects is a division of processes of settlement, domestication of animals and plants as different processes. To understand it better, here is an example: the first sedentary settlements in the Levant and Anatolia were inhabited by hunter-gatherers in the Mesolithic period. The other example is ceramic. As a rule, its emergence is related to a settled way of life: at this time the first ceramic with estimates ranging from 12 to 18 thousand years ago was found on the territory of China, Russian Priamurye, and sites of early Jomon period on the Japanese islands [1].

Consequently, a whole set of the Neolithic technological integrated complex as such didn't exist originally. Technological components are a diachronic phenomenon. However, it could be identified in the Middle East by the turn of VII millennium B.C. But for further development, all signs aren't necessary. For instance, in Mesoamerica pastoralism hadn't arisen at all and in the Americas, ceramic hadn't been in demand for a long time because of the existence of the bottle gourd. Nevertheless, all of these technological components played a part in the process of the increasing complexity of society.

One of the consequences of settlement and plant domestication was a substantial population increase. For describing its consequences there is a term – «Neolithic demographic transition» that lasted approximately 1500 years [2]. It describes the alleged exploding population grows in the period of Middle Pre-Pottery Neolithic in the Middle East. The most vivid manifestation of that process is considered to be such Neolithic mega-settlements as Ain Ghazal and Bayda' in the Levant and Asikli Hoyuk and Catal Huyuk in Turkey. However, doubts as to the correct assessment of population and inhabited area of these sites have been gaining ground in the light of recent findings. It makes a major contribution to estimations of «Neolithic demographic transition».

In this matter there are two main problems related to the way of population estimate of the certain archaeological site at some stage – it is done by the survey of terrain by specialists and collection of ceramic fragments at the same time. Then, based on diagnostic signs they are classified to a particular stage of chronology. According to the density of the finds and data of the territory where they are circulated, specialists conclude as to the size of the area which was taken up by settlements at a given time. Thereafter, based on ethnographic data of the area or materially similar cultures, specialists make a simple multiplication of a land area by estimated population density. Another option might be counting some households, which are usually compared with some buildings (which can be classified as residential buildings) and multiplying them by many people in one household (which was taken from the same sources or with written evidence, if a substantial part of an archaeological site is excavated and there are data on magnetometry). But in the period under our consideration, there are no any sources or evidence. Therefore, this method is inaccurate in this particular case because such a long duration of chronological phases of the material culture does not provide us with the high reliability in the estimate of the population at one time or another.

There are peculiarities during the period under review. In Anatolia, they relate to the evaluation of data of Asikli-Hoyuk and other similar settlements. Not every building with signs of people's daily activities can be considered as a particular household and can be used as a unit of calculation. It is related to the fact that fireplaces there are only in certain buildings, while there are none in the space between houses. [3.p. 89-93] Consequently, only a building complex given the number of fireplaces can be considered as per unit. However, investigations of Akkermans in Tel Sebi Abyad gives hard evidence that significantly discredit the estimates of the population. They have enabled to make a clarification that simultaneous the area of tells was built only partially and the growth of a tell took place through the iterative process of abandonment and development its different parts. The lifespan of a building was about 17-25 years. [4] Available data suggest that some settlements of the Southern Levant and Mesopotamia (like Ain Ghazal and Tel Halaf) had a similar pattern of construction. Taken together, these data call into question their characteristics, such as Neolithic mega-villages with a population of several

thousand, and bring them to the level of small settlements with a population of about several hundred – thousand and something. Based on the above, it is impossible to talk about the exploding population, for example, in the middle Pre-Pottery Neolithic B and particularly in the Southern Levant. Likewise, estimates of the population of subsequent periods shall be reduced and handled with care.

Estimates of the population of large settlements of the Middle East, as well as settlement hierarchy, are often citing as evidence of the increasing complexity. The factor, which calls them into question, is a semi-nomadic character of the population of the region under consideration. Such a way of living is a complex phenomenon because forms of population mobility of that period are badly reconstructed. That is why there are used modern ethnographic analogies of this region, which is highly contentious due to Bernbek's data lying in the fact that the arrival of the Turkic population radically changed forms of population mobility. [5] The problem is that small settlements, which were found during foot surveys and not excavated, probably are temporary camps. In doing so, it was camps of hunters up to the beginning of 7th century BC and camps of cattlemen after the domestication of animals and making them a primary source of nutrition. The existence of signs of all-season stay in a settlement is overwhelming evidence of this fact because such a form of mobility as living of population in the same place during a few years and moving afterward are possible.

Notably, after the emergence of pastoralism in the Middle East, they became a constant and very small part of the population in the archaeological data. However, its great importance is confirmed by data of analysis of skeletal remains of animals, among which goats and sheep form a major part.

Bringing intermediate results, we conclude that the process of conversion to agriculture became a significant innovation, however, its consequences were more modest for the population and took a long time – several thousand years. Furthermore, it was one of the major occupations of a significant part of the population, along with pastoralism. In doing so, the turnover of the population didn't let to exercise effective control, which would become the beginnings of direct bureaucratic administrating. Moreover, the way of living in such a population was characterized as heterarchy along with the absence of clear indications of material stratification and hereditary status. Further, climate characteristics of the Middle East have changed possible forms of production because of the climate variations, since average rainfall in this region is 250-300 millimeters of rain per year, which are necessary for maintaining of rain-fed agriculture, and below, which requires irrigation [6]. Consequently, the percentage of the population engaged in pastoralism and agriculture was significantly changing.

One aspect of the connection of the process of the Neolithic revolution and changes in society forms is ceramics. The importance of this phenomenon also should be re-think for several reasons: firstly, in the Middle East ceramics emerged not as an untidy and rough, what would be naturally for its foundational emergence, but as a high-quality burnt at once; secondly, originally applying of ceramics was not utilitarian in nature. Archaeological materials of Tell Sabi Abyad [7] and Tell Secker al-Aheimar [8] indicate remains of the oldest ceramics of this region. It is characterized by high quality, high firing temperature, and time-consuming in the process of its production. The context of its find involves the use of these ceramics for a non-utilitarian meaning, but certain special events [7, p.80-82]. Such a phenomenon is connected with the construction of receptacles

of a similar form of other materials, for instance, from various types of stone. Nevertheless, the emergence of ceramics has not led to noteworthy changes in the organization of society. But the following stage of development of ceramics (when it became rough) is connected with a fact of the first documented use of milk by a human. [9] In this context, it is already possible to talk about the utilitarian meaning of such ceramics. The next type of ceramics had been reversed and became a subject, which required a significant amount of labor time – it is Halaf ceramics famous due to its complicated ornaments. Parallel to this, ceramics was becoming the main form of funerary equipment [10, p. 127]. This illustrates the ambiguity of consequences of technological innovation and different variants of its application, what prevents the possibility to draw firm conclusions about the role of certain phenomena of the past only on the existence of certain kind of findings.

However, what is the relationship between these phenomena and forms of social organization? The point is, that they are one of the material aspects on which specialists make judgments on the forms of organization of people. As a result, even minor changes in the available data are very important for building social models in the past. And as the Middle East reminds almost the best-known region, research on the emergence of institutions of society use data on social organization in it. Knowledge of such details is required for cross-cultural research because ignoring them undermines the validity of the researcher's findings. Moreover, in our view, using methods of mathematical modeling of such processes is highly doubtful, because the data (on the number of people of a region in ancient times, for instance), which are used there, are very approximate.

Keeping with the theme of the relationship between way of housekeeping and social organization in the Middle East, we turn to materials of the Ubeid and Late Chalcolithic. We consider the relationship between the semi-nomadic lifestyle of the part of the population and changes in the material signs of the complexity of society, which led to the emergence of the Sumerian civilization of the early dynastic period. The main and most notable change of the Ubeid was the increasing number and size of settlements, which indicates a gradual increase of the population and, perhaps, one of the cycles of resettlement of population [10, p. 12, 11, p. 1468]. The most ancient evidence of settlements in South Mesopotamia refers to that chronological period (the end of VII thousand B.C.) [12]. In doing so, the local population initially started irrigation farming, because local climatic conditions do not allow them to maintain rain-fed agriculture. Moreover, the South was the extensive marshland near the sea, because waters of the Persian Gulf were significantly further, than nowadays, which enabled the exploitation of rich marine resources. Initially, differences in material culture were significant, but they significantly decreased later. Nevertheless, the main centers of developments became not South Mesopotamia, but North Mesopotamia with Anatolia and south-western Iran. By the end of V thousand B.C., signs of specializations of handicrafts are beginning to emerge. Initially, in centers such as Yumektepe in Anatolia, relatively close to brass minefields, increasing quantities of copper products began appearing. [13, p. 56-57]This was especially true for daily tools [14].

Specialization in ceramics appeared similarly. Production of ceramics became the domain of specialized workshops. The emergence of denser 10-20 ha settlements with a permanent population led to qualitative changes in the system of redistribution. So, it is possible to distinguish styles of particular masters in materials of ceramics from Susa and

works in the same style of beginning apprentices. This fact reflects the mass production [15].

The development of metallurgy and a general intensification of pre-existing business links led to other consequences, which had its impacts. So, large settlements (like Tell Brak and Hamoukar in north-eastern Syria) occur gradually in places, which were more remoted from cooper deposits, but located in their transit routes. Hamoukar provides a clue how these centers were formed: the settlement with low population density on the territory about 300 ha initially existed near, but later it was reduced to 17 ha, however, densely built-up [17]. Probably, the semi-nomadic population, which carried out transit functions, gradually settled in profitable places and proceed to farm.

The role of the semi-nomadic population was reflected in stuff found on the territory of present-day Iran. For instance, a cemetery of a highly mobile population dated 4600-4200 B.C. was discovered in the desert area of Lorestan. The funerary equipment included ceramics. There were Susa and Mesopotamian vessels. This reflects contacts of this group with a wide geographic range: from North Mesopotamia to Khuzestan. In doing so, the emergence of such groups of highly mobile populations synchronized with the appearance of rare objects like the lapis and the wide distribution of cooper. The cemetery is located in the region reach in copper ore [17, p. 20].

Another evidence of changes is a character of graves and funerary equipment. At the end of V – the early IV thousand B.C. different non-utilitarian goods (especially beads) became the main subject of graves instead of the prevailed earlier ceramic vessels. In doing so, jewelry of rare and/or hard-to-reach materials (such as lapis, azure, and gold) appeared. There is an interesting and ambiguous fact that rich child buries emerge at the same time. It could be evidence of the emergence of elite inherited status. However, at the same time, there are any buries of adults, which appeared later, and graves of the next period are known just in a few cases, as well as unknown buries with rich equipment [10, p. 284-288].

A reflection of started changes is Tall-e Bakun A, which is dated to the middle of V thousand B.C. Because of the small size of the settlement, there were discovered large storage facilities, which were sealed with clay and seals. Such practice refers to 4600 B.C. We cannot agree with Abbas Alizade, who attracted a large amount of modern ethnographic data and made a conclusion that there was a chiefdom. He refers this fact to the evidence of the existence of a hierarchical community. [17, p.85, 91-95] In our view, such conclusions are doubtful in the absence of other material features of the property stratification. Nevertheless, drawing parallels to another archaeological site from the North Mesopotamia – Tepe Gawra is not only relevant, but also, in general, it confirms the existence of settlements of the highly mobile population, where their stocks, craft centers and, perhaps, administrative centers of elites by the end of the period of the Late Eneolithic were concentrated. It is worth noting that these settlements were located on the periphery of Mesopotamia, at the points of the named paths from resource sources to large settled settlements. Perhaps, their development is one of the possible development trajectories of the population mobility, which we described earlier. In such a way, some changes showed the complexity of the social organization happened to approximately 3800-3700 B.C.

The next stage is changing the context of the application of stamps – they became a means of denoting property rights and their transmission during the exchange of goods

within the transregional exchange network of the Late Chalcolithic. For instance, a clay bull with seal impressions of the local and alien population was found in Hacinebi, where enclaved residents of South Mesopotamia existed. It is noteworthy that seals in Hacinebi were made of clay originating from the Susa district and Deh Luran plateau, but not from the Uruk region [18]. Evidence of exchange activity and using seals in this regard in North Mesopotamia are the same. Furthermore, remains of the ceramic with symbols, which were classified as proto-writing, were found in Tell Brak. There are also clay tablets with seal impressions and notches (perhaps, for clay balls) were found. [19] It should be noted that these tablets are precursors of writing. The nature of early writing is also interpretable in this. It has an accounting nature to control the exchange of goods exactly through the system of transregional exchange, but not only demands of local administrating of the economy.

In our view, this could suggest that the center, where appropriate technologies have emerged, were not prerogative of the South Mesopotamia centers. Centers like Susa were abandoned and there is evidence of a significant decline in the population in that region [20]. So, it is highly probable that these technologies have been expanded due to the impact of migration from the mentioned region.

It is worth considering, that significance of Uruk and archaeological items of the so-called «the Quarter of Eanna» and the role given to him in interpreting the material of the Late Chalcolithic in the Middle East, in our view, is quite exaggerated, and not only because of discoveries in Syria. Such criticism is based on the fact that monumental architecture of «the Quarter of Eanna» existed just within the stratigraphic layer of the Uruk 4a. This means, that they existed approximately a century [21]. Such an assessment is rough because there were any methods of dating (like carbon dating) at the time of excavation. Moreover, discoveries of stamps and tablets were regarded as debris, which was introduced to fill up the volume after the deliberate destruction of buildings. It does not let define the context of using of such findings. In our opinion, it is important, that images of the so-called «king -priest» are extremely similar among themselves. This fact distinguishes them from later monuments. Perhaps, this is the image of a supernatural creature. In the light of the above information, we conclude, that we do not have enough convincing materials, which would indicate the emergence of centralized hierarchical forms of social organization and especially developed bureaucracy exactly in the South Mesopotamia in the middle – the end IV thousand B.C. Evidence of lists of posts and professions are insufficient because translations of texts from Uruk of this period are carried out based on monuments of writing, which are later by almost a thousand years and even then they are not fully understood.

The total sunset of the Late Chalcolithic was caused by problems arising from the long-term aridization of climate. The following dawn of the age (including growth in the size of the settlements) occurred in the Early Dynastic Period, as well as the emergence of the institution of lugals as rulers of towns. Apparently, as in the case with Neolithization, building sustainable traditions of governance institutions requires a fairly long time.

Therefore, we have demonstrated that more gradual growth of population occurred in the Middle East. It is postulated within the Neolithic demographic transition concept. Measuring the population of the Middle East regions is complicated by the fact that some parts of the population had a highly-mobile lifestyle, which can be called semi-nomadic.

That is why periods of aridization of the climate led not only to the general population decline but also to an increase in the share of the highly-mobile part of the population.

Consequently, these factors played a key role in the complexity of society, because they ensured long-range barter. This does not exclude the impact of the river trade. But at that time there are no known facts of finding its evidence in the period under view. The role of exchange networks is also quite important because evidence of their intensification (especially in connection with the development of the metallurgy) is in sync with the steady regional trend towards specialization of handicrafts, the first evidence of using of stamps in the context of administrating, the emergence of rich burials and other signs of wealth inequality.

List of sources

1. Kaner S, Taniguchi Y (2017) The development of pottery and associated technological developments in Japan, Korea, and the Russian Far East. Handbook of East and Southeast Asian Archaeology, eds Habu J, Lape P, Olsen J (Springer, New York).
2. Kuijt, Ian. (2008). Demography and Storage Systems During the Southern Levantine Neolithic Demographic Transition. 10.1007/978-1-4020-8539-0_11.
3. During, Bleda. (2006). Constructing Communities: Clustered Neighbourhood Settlements of the Central Anatolian Neolithic ca. 8500–5500 cal. BC. Nederlands Instituut Voor het Nabije Oosten.
4. Akkermans, Peter. (2013). Living Space, Temporality and Community Segmentation: Interpreting Late Neolithic Settlement in Northern Syria//Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia, Publisher: Brepols, Editors: O. Nieuwenhuyse, R. Bernbeck, P.M.M.G. Akkermans & J. Rogash, pp.63-75.
5. Bernbeck, Reinhard. (2008). An Archaeology of Multisited Communities. In: Barnard H. and Wendrich W. (eds.), The Archaeology of Mobility: Old World and New World Nomadism. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology, pp. 43-77.
6. Simmons, A. (2000). Villages on the Edge: Regional Settlement Change and the End of the Lev-antine Pre-pottery Neolithic. In I. Kuijt (Ed.), Life in Neolithic Farming Communities: Social Organization, Identity, and Differentiation. New York: Kluwer/Plenum Press, pp. 211–230.
7. Nieuwenhuyse, O., Akkermans, P., & Plicht, J. (2010). Not so coarse, nor always plain – the earliest pottery of Syria. Antiquity, 84(323), pp.71-85. doi:10.1017/S0003598X00099774
8. Bader, N., Le Mière, M. From Pre-Pottery Neolithic to Pottery Neolithic iN the Sinjar//Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia, Publisher: Brepols, Editors: O. Nieuwenhuyse, R. Bernbeck, P.M.M.G. Akkermans & J. Rogash, pp.513-520.
9. Nieuwenhuyse, Olivier & Roffet-Salque, Mélanie & Evershed, Richard & Akkermans, Peter & Russell, Anna. (2015). Tracing pottery use and the emergence of secondary product exploitation through lipid residue analysis at Late Neolithic Tell Sabi Abyad (Syria). Journal of Archaeological Science. 64. 54-66. 10.1016/j.jas.2015.10.002.
10. Brereton, GD; (2011) The social life of human remains: burial rites and the accumulation of capital during the transition from Neolithic to urban societies in the Near East. Doctoral thesis , UCL (University College London).
11. Akkermans, Peter. (2014). Settlement and Emergent Complexity in Western Syria, ca. 7000-2500 BC // C. Renfrew & P. Bahn (eds), The Cambridge World Prehistory. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1462-1473.
12. The Ubaid Period (5500–4000 B.C.) Electronic source: https://www.metmuseum.org/toah/hd/ubai/hd_ubai.htm (date of access 06.09.2020)
13. Kepinski C., Dessène F., Herveux L. 2011 - New evidence from Grai Resh, Northern Iraq, the 2001 and 2002 seasons. A pre-Uruk expansion site from the Late Chalcolithic period, Zeitschrift für Orient-Archäologie 4, pp. 26-81
14. Yalçin, Ünsal. (2000). Frühchalkolitische Metallfunde von Mersin - Yumuktepe: Beginn der Extraktiven Metallurgie?. Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi. 3, pp. 109-128. 10.22520/tubaar.2000.0006.
15. Hole Frank. The Organization of Ceramic Production during the Susa I Period. In: Paléorient, 2010, vol. 36, n°1. pp. 23-36.

16. Ur, Jason A. 2017. “The Birth of Cities in Ancient West Asia.” Ancient West Asian Civilization: Geoenvironment and Society in the Pre-Islamic Middle East, edited by Akira Tsuneki, Shigeo Yamada, and Kenichiro Hisada. Singapore: Springer, pp. 133-147.
17. Alizadeh, Abbas. 2006. The Origins of State Organizations in Prehistoric Highland Fars, Southern Iran: excavations at Tall-e Bakun. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago in association with the Iranian Cultural Heritage and Tourism Organization.
18. Blackman M. J. Chemical Characterization of Local Anatolian and Uruk Style Sealing Clays from Hacinebi. In: Paléorient, 1999,vol. 25, n°1. L'expansion urukéenne : perspectives septentrionales vues à partir de Hacinebi, Hassek Höyük et Gawra. pp. 51-56.
19. Oates, J. (2002). Tell Brak: the 4th millennium sequence and its implications. In J. N. Postgate (ed.), Artefacts of Complexity, BSAI. pp. 111-121.
20. Hole, Frank. "A Monumental Failure: The Collapse of Susa." In Robin A. Carter and Graham Philip, eds., Beyond the Ubaid: Transformation and Integration of Late Prehistoric Societies of the Middle East, 221-226. Studies in Oriental Civilization, no. 653. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2010.
21. Nissen, Hans J., Uruk: key site of the period and key site of the problem: Postgate, J.N. (Hg.), Artefacts of Complexity: Tracking the Uruk in the Near East (Iraq Archaeological Reports 5. 2002), pp. 1-16.

Кошман В. А. Факторы происхождения государственности в Юго-Западной Азии в период неолита и энеолита // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – P. 49-56.

Указывается, что процесс начального государствообразования происходил в северной Месопотамии. Также в статье рассматриваются некоторые утверждения по поводу возникновения оседлого образа жизни и скотоводства. Автор выделяет ключевые проблемы в оценках населения в древности в Юго-Западной Азии. Новые данные корректируют оценки населения на степень. Одной из ведущих статьи является роль высокомобильной части населения в функционировании межрегиональной торговли. Подчёркивается, что роль Урука существенно переоценена и ей не достает серьезных доказательств. Автор знакомит с новым подходом к пониманию происхождения государственности. Он произведен на основании материальных данных и аккуратном рассмотрении археологических интерпретаций.

Ключевые слова: неолитизация, государственность, Юго-Западная Азия, экспансия Урука, Халаф, полукочевники, Иранское плато.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 57-63.

УДК 340.15
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-57-63

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СЭВ СО СТРАНАМИ НЕ ЯВЛЯЮЩИМИСЯ ЕГО ЧЛЕНАМИ

Кошкин А. С.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье проанализированы теоретический и практический аспекты необходимости правового регулирования сотрудничества СЭВ со странами, не входящими в состав организации. Исследованы основные формы сотрудничества СЭВ, его структурных элементов и их межведомственные связи со странами – не членами союза.

Отмечена роль Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и его непосредственное участие в правовом урегулировании экономической интеграции социалистических стран, а также в создании Комплексной программы, позволяющей координировать и развивать связи с другими странами в области морских перевозок, научного сотрудничества и промышленности. Основной целью работы является анализ правовой базы, регулирующей отношение СЭВ со странами, не входящими в его состав. Для достижения цели были проанализированы основные нормативно-правовые акты СЭВ в данной области, а также двусторонние и многосторонние соглашения.

Ключевые слова: Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), договор, Устав, многосторонние соглашения, торговое судоходство, внешнеэкономические связи, правовое регулирование, формы сотрудничества.

Проблема правового регулирования отношений СЭВ со странами, не являющимися членами этой организации, представляет собой не только большой теоретический интерес, но имеет и практическое значение. Как указал в своем приветствии участникам юбилейной XXVIII сессии СЭВ Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «государства — участники Совета Экономической Взаимопомощи являются активными поборниками равноправного взаимовыгодного экономического сотрудничества стран, принадлежащих к различным социальным системам. Этот принципиальный подход вытекает из их приверженности к миру, является неотъемлемым элементом политики разрядки напряженности, которую братские социалистические страны проводят последовательно и неуклонно в соответствии с жизненными интересами и чаяниями широчайших народных масс». Указанная направленность сотрудничества нашла свое закрепление в документах совещаний представителей коммунистических и рабочих партий стран-членов СЭВ, в положениях Устава, в решениях сессий СЭВ, в Комплексной программе социалистической экономической интеграции и других актах. Она являлась не только выражением новых политических и правовых принципов международного сотрудничества, но и, что особенно важно, отражала фактическое состояние существующих на тот момент отношений между странами, входящими в СЭВ, и третьими странами, участвующими в таком сотрудничестве [1, с. 257].

Установление сотрудничества с Советом Экономической Взаимопомощи страны, не входящей в него, практически означало установление особой, специфической, опосредствованной через международную организацию формы многосторонних

связей (отношений) между странами — членами СЭВ и данной страной, формы, которая, как правило, развивала и дополняла их двусторонние отношения друг с другом и уже сложившиеся между ними экономико-правовые структуры взаимных связей.

Сотрудничество стран – не членов с Советом Экономической Взаимопомощи, как убедительно свидетельствовала практика, являлось фактором взаимовыгодных экономических отношений, способствующим укреплению экономики сотрудничающих стран. Открытый характер СЭВ как международной организации, его готовность развивать связи с другими государствами на взаимовыгодных условиях, что подтверждалось примерами сотрудничества со странами – не членами СЭВ: СРВ, КНДР, СФРЮ, Финляндией и другими странами.

Совет Экономической Взаимопомощи, будучи межгосударственной экономической организацией, основанной социалистическими государствами, с самого начала своего существования строился на принципах равноправия и уважения суверенитета участвующих в нем стран. Эти принципы получили свою реализацию и в отношении сотрудничества с СЭВ стран, не являющихся его членами.

Переходя к рассмотрению конкретных правовых форм участия стран – не членов организации в деятельности Совета Экономической Взаимопомощи, необходимо отметить, что, помимо Устава СЭВ, а также отдельных постановлений по этому вопросу, содержащихся в некоторых других актах СЭВ, например, в Правилах процедуры органов СЭВ, их сотрудничество с этой международной организацией в значительной мере основывалось на основе заключения двусторонних и многосторонних соглашений.

Уставом СЭВ установлены лишь общие, исходные положения об участии других стран в работе организации и в их сотрудничестве с Советом. Согласно статьи XI Устава, Совет Экономической Взаимопомощи может приглашать страны, не являющиеся членами Совета, принимать участие в работе органов Совета или осуществлять с ними сотрудничество в иных формах, которые определяются Советом по договоренности с этими странами, как правило, путем заключения соглашений [2, с.12].

Такое решение вопроса давало возможность, исходя из конкретных условий, дифференцированно и гибко, с наиболее полным учетом взаимных интересов сторон определять целесообразные формы взаимного сотрудничества с СЭВ.

Следует отметить, что формулировка статьи XI Устава СЭВ отнюдь не означает того, что участие в работе органов Совета или иные формы сотрудничества с ним могли иметь место только по инициативе СЭВ. Положение статьи XI Устава необходимо понимать как регламентацию действий только одной стороны в этом двустороннем процессе, а именно Совета Экономической Взаимопомощи, отнюдь не исключающую инициативы государств, желающих принять участие в работе органов СЭВ или установить с ним сотрудничество в иных формах. При этом очевидно, что независимо от того, кто явился инициатором в этом вопросе, условия участия в работе органон СЭВ других стран во всех случаях определялись по взаимной договоренности сторон.

Проанализировав практику сотрудничества СЭВ со странам – не членами и формы отношений Совета с ними в условия их участия в работе СЭВ, можно сделать вывод, что они могли основываться на такой общепринятой в международной прак-

тике форме участия, какой является направление странами-нечленамн своих наблюдателей. Такая форма, как правило, не требовала заключения специального соглашения. Договоренность о сотрудничестве могла быть в виде соглашения между СЭВ и соответствующей страной об ее участии в работе органов этой организации, например, Соглашение между СЭВ и СФРЮ 1964 г. Установление связей и сотрудничества третьих стран с Советом Экономической Взаимопомощи могло осуществляться также путем заключения специальных соглашений, вроде Соглашения о сотрудничестве между СЭВ и Финляндией 1973 года. Важно подчеркнуть, что упомянутые соглашения ввиду отсутствия конкретных уставных норм по вопросам регулирований рассматриваемых отношений имели огромное практическое значение для дальнейшего развития связей СЭВ со странами — не членами этой организации [3, с 267].

Наконец, особой, специфической формой сотрудничества стран – не членов с СЭВ являлось участие этих стран в работе органов Совета при рассмотрении вопросов, связанных с осуществлением Комплексной программы социалистической экономический интеграции.

Хронологически первой по времени возникновения в практике стала применяться такая юридическая форма сотрудничества со странами – не членами СЭВ, как их участие в работе органов этой организации путем направления на их заседания своих наблюдателей. Институт наблюдателей от государств и международных организациях в то время получил широкое распространение. Статус наблюдателей государств – не членов в международной организации по общему правилу определялся специальными актами данной международной организации, а при отсутствии таких актов – на основе общепринятой международной практики [4, с. 112].

Необходимо подчеркнуть, что институт наблюдателей в различных международных организациях государства могли использовать, как свидетельствует практика, отнюдь не только как временную, но и как постоянную фирму своего участия, определяемого в конечном счете политическими, экономическими и иными факторами.

Что же касалось Совета Экономической Взаимопомощи, то институт наблюдателей в нем от государств – не членов применялся отнюдь не как исключение и не как сугубо временная категория, а как одно из правовых средств участия в работах СЭВ этих государств, а также отдельных международных организаций. Например, согласно статьи 3, Протокола о характере и формах сотрудничества между СЭВ и Объединенным институтом ядерных исследований (ОИЯИ), подписанного 27 октября 1971 г., стороны договорились взаимно предоставлять представителям СЭВ и ОИЯИ на соответствующих заседаниях и совещаниях статус наблюдателей [5, с. 49].

Статус наблюдателей в международных организациях характеризует прежде всего то, что направившие их страны, не имея прав членства в соответствующей организации, юридически не связаны ни постановлениями Устава или иных учредительных актов, относящихся к созданию международной организации, ни решениями и рекомендациями, принимаемыми международной организацией в порядке ее нормального функционирования, за исключением, разумеется, тех положений. ко-

торые имеют в виду регулирование участия наблюдателей от стран – не членов в работе международной организации.

Еще одной формой участия стран, не вступивших в члены СЭВ, в его работе является Сотрудничество на основе специального соглашения об этом. Как акт, заключенный между суверенным субъектом международного правя — государством и международной организацией межправительственного характера, такое соглашение носит международно-правовой характер, что вытекает из Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (ст. 3 Венской конвенции) [6, с. 18].

Деятельность всякой международной организации порождает сложный комплекс правоотношений. Рассматривая только один аспект правоотношений, возникающих в результате заключения международного соглашения об участия в работе международной организации государства, которое не является членом данной организации, необходимо подчеркнуть их некоторые особенности: это, прежде всего, односторонний суверенно-волевой характер указанных международных соглашений только со стороны государства, так как международная организация, не обладая суверенитетом, не может обладать суверенной волей.

Со стороны международной межправительственной организации заключаемые соглашения об участии в ее работе государства – не члена – это, несомненно, акты функционирования данной организации, акты, принимаемые в соответствии с ее Уставом, во исполнение его норм. Однако, в то же время эти акты имеют свою специфику, отличающую их от обычных так называемых «исполнительных» актов международной организации. Она состоит в том, что соглашения с государством – не членом об участии в работе международной организации или о сотрудничестве с ней в целом ряде случаев носят в силу своего содержания характер акта — регламента, определяющего отношения организации с конкретным государством [7, с. 26].

Отметим, что сотрудничество на основе специального соглашения об участии в работе СЭВ осуществлялось на примере отношений между СЭВ и Социалистической Федеративном Республикой Югославией в соответствии с Соглашением 1964 года.

Соглашение 1964 г. регламентировало участие СФРЮ в работах СЭВ, включающее все вопросы сотрудничества, в том числе вопросы процедуры, принятия и осуществления рекомендаций и решений, которые обычно связывались с деятельностью государств в международных организациях. Международная организация (СЭВ) и государство (СФРЮ) выступают как равноправные стороны международного договора, что, как уже отмечалось выше, отнюдь не предполагает их равенства как субъектов международного права.

Участие страны – не члена в работе СЭВ в той форме, как это определено Соглашением 1964 г., это, несомненно, более глубокая юридическая форма сотрудничества, чем статус наблюдателей.

Согласно ст. 1 Соглашения между СЭВ и СФРЮ, Социалистическая Федеративная Республика Югославия сотрудничала в рамках СЭВ по вопросам, представляющим взаимный интерес, в ряде областей экономики, науки и техники. Сотрудничество осуществлялось путем участия представителей СФРЮ в работе соответствующих постоянных комиссий или других органов СЭВ. СФРЮ взяла на себя обязательство представлять в порядке взаимности странам – членам СЭВ по их запросам

материалы и информацию по вопросам экономики, науки и техники в соответствующих отраслях народного хозяйства СФРЮ [8, с. 378].

Регламентированные Соглашением между Советом Экономической Взаимопомощи и СФРЮ конкретные формы осуществления сотрудничества, принятия и проведения в жизнь решений и рекомендаций, относящихся к странам — членам СЭВ и СФРЮ, основаны на полном соблюдении принципов равноправия сторон, уважения суверенитета, национальных интересов и взаимной выгоды.

Рекомендации и решения, в осуществлении которых намечалось участие СФРЮ, принимались органами СЭВ с согласия представителей СФРЮ. Это правило не затрагивало постановлений ст. IV Устава СЭВ, касающихся принятия органами СЭВ рекомендаций и решений, относящихся только к странам — членам СЭВ [8, с. 362].

Анализ Соглашения между СЭВ и СФРЮ, а также практики участия СФРЮ в работе органов СЭВ показывают, что такое сотрудничество весьма близко к участию в СЭВ на правах ее члена. Однако это не полное членство, поскольку СФРЮ не вступила в члены СЭВ в порядке, определенном ст. II Устава СЭВ. Одним из различий участия СФРЮ в работе СЭВ от членства в СЭВ является относительная ограниченность областей сотрудничества.

Рассмотренное соглашение о сотрудничестве между СЭВ и СФРЮ, а также анализ практики дальнейшего развития связей СЭВ с другими странами – не членами этой организации свидетельствуют о том, что в осуществлении сотрудничества СЭВ со странами, не являющимися его членами, с учетом конкретных условий и особенностей могли применяться различные правовые формы.

Наконец, такая форма сотрудничества, как участие стран – не членов СЭВ в работе органов СЭВ при рассмотрении вопросов, связанных с осуществлением Комплексной программы, рассчитанная прежде всего и главным образом на объединение усилий и сотрудничество социалистических стран членов СЭВ. Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран – членов СЭВ вместе с тем предусматривала возможность участия в ее осуществлении также стран – не членов СЭВ. Согласно разделу 17 главы IV Комплексной программы, в ее осуществлении могла участвовать любая страна-нечлен СЭВ. Такое участие стран могло быть полным или частичным. Полностью могла участвовать та страна-нечлен СЭВ, которая разделяла цели и принципы программы. Участие страны – не члена СЭВ в осуществлении Комплексной программы могло иметь место при наличии специального обращения страны – не члена к секретарю СЭВ и с согласия всех стран – членов СЭВ, участвующих в Комплексной программе. При этом, поскольку центром по организации и координации деятельности стран-членов СЭВ, связанной с осуществлением программы, являлся Совет Экономической Взаимопомощи, то естественно, что участие стран – не членов СЭВ в ее осуществлении в рамках СЭВ предполагало определенное участие их в работах органов СЭВ при рассмотрении вопросов, относящихся к проведению в жизнь положений Комплексной программы или тех ее положений, в осуществлении которых участвует данная страна. Условия такого участия страны-нечлена в органах СЭВ определялись соглашением между СЭВ и соответствующей страной. В необходимых случаях в таком соглашении могли определяться условия участия этой страны в осуществлении отдельных мероприятий, предусмотренных Комплексной программой [9, с. 11].

Упомянутые соглашения, очевидно, не могут быть тождественными рассмотренному выше соглашению об участии в работе органов СЭВ и о сотрудничестве с СЭВ стран – не членов Совета. Помимо различий, определяемых спецификой сотрудничества с конкретными странами, участие стран – не членов СЭВ в работе органов СЭВ при рассмотрении вопросов, связанных с осуществлением Комплексной программы, прежде всего будет иметь строго целевое направление, уже определенное мероприятиями, предусмотренными в программе, а не общий характер с установлением только областей сотрудничества, как это имело место при заключении общих соглашений о сотрудничестве стран – не членов с СЭВ, или об участии стран в работе органов СЭВ. Такое направление сотрудничества, несомненно, оказывало влияние на содержание заключаемых соглашений об участии стран – не членов в работе органов СЭВ по вопросам осуществления Комплексной программы. Вместе с тем очевидно, что некоторые правовые категории, о которых говорилось выше, и уже сложившаяся в то время практика Взаимоотношений СЭВ со странами – не членами этой организации отражали отдельные правовые формы сотрудничества, которые могли быть использованы и при выработке форм регламентации участия этих стран в работе органов Совета по вопросам проведения в жизнь Комплексной программы. В частности, одной из форм, связанных с полным или частичным участием стран – не членов в работе но осуществлению Комплексной программы в рамках СЭВ, могло быть их участие в последующем уточнении и дополнении программы в целом или ее отдельных положений, в реализации которых участвовала соответствующая страна.

В заключение необходимо подчеркнуть, что правовые формы отношений СЭВ с другими странами не являлись статичными и постоянно развивались. Призванные служить одним из средств для расширения и углубления международных экономических связей, они постоянно развивались и совершенствовались вместе с совершенствованием имеющихся и изысканием новых более эффективных форм и методов экономического сотрудничества стран — членов СЭВ между собой и с другими странами.

Список литературы

1. Фаддеев Н. В., Совет Экономической Взаимопомощи, М.: Экономика, 1974. – С. 376.
2. Устав Совета Экономической Взаимопомощи // «Ведомости Верховного Совета СССР», 1960, № 15.
3. Основные принципы международного социалистического разделения труда, М.: Экономика, 1968. – С. 304.
4. Основные документы СЭВ. // Секретариат, М., 1979. – С. 654.
5. Протоколы заседаний Совета. // Секретариат, М., 1971. – С. 89.
6. Советский ежегодник международного права, М.: АН СССР, 1972. – С. 77.
7. Советское государство и право, М.: АН СССР, 1967. – С. 49.
8. Основные документы СЭВ. // Секретариат, М., 1965. – С. 591.
9. Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ // Сборник Материалов СЭВ, М., 1971.

Koshkin A. S. Legal forms of cooperation of the Council of Economic Mutual Assistance with non-member countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 57-63.

The article analyzes the theoretical and practical aspects of the need for legal regulation of COMECON cooperation with countries outside the organization. The main forms of COMECON cooperation, its structural elements and their interdepartmental relations with non-member countries of the Union are studied.
The role of the Council for Mutual Economic Assistance (COMECON) and its direct participation in the legal regulation of the economic integration of the socialist countries, as well as in the creation of a comprehensive program that allows coordinating and developing relations with other countries in the field of maritime transport, scientific cooperation and industry, were noted. The main purpose of the work is to analyze the legal framework governing the relationship of COMECON with countries that are not part of it. To achieve this goal, the main COMECON regulations in this area, as well as bilateral and multilateral agreements, were analyzed.

Keywords: Council for Mutual Economic Assistance (COMECON), treaty, Charter, multilateral agreements, commercial shipping, foreign economic relations, legal regulation, forms of cooperation.

Spisok literatury

1. Faddeev N. V., Sovet Ekonomicheskoj Vzaimopomoshchi, M.: Ekonomika, 1974. – S. 376.
2. Ustav Soveta Ekonomicheskoj Vzaimopomoshchi // «Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR», 1960, № 15.
3. Osnovnye principy mezhdunarodnogo socialisticheskogo razdeleniya truda, M.: Ekonomika, 1968. – S. 304.
4. Osnovnye dokumenty SEV. // Sekretariat, M., 1979. – S. 654.
5. Protokoly zasedanij Soveta. // Sekretariat, M., 1971. – S. 89.
6. Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, M.: AN SSSR, 1972. – S. 77.
7. Sovetskoe gosudarstvo i pravo, M.: AN SSSR, 1967. – S. 49.
8. Osnovnye dokumenty SEV. // Sekretariat, M., 1965. – S. 591.
9. Kompleksnaya programma dal'nejshego uglubleniya i sovershenstvovaniya sotrudnichestva i razvitiya socialisticheskoj ekonomicheskoj integracii stran — chlenov SEV // Sbornik Materialov SEV, M., 1971.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 64-73.

УДК:340.113

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД К УСТАНОВЛЕНИЮ РОДОВОГО ПРИЗНАКА СОБИРАТЕЛЬНОГО ПОНЯТИЯ

Лакиза А. А.

Статья посвящена теме формулировки понятия коррупции, необходимого для разработки нормативно правового противодействия ей, как отдельному, самостоятельно существующему социальному явлению. Проблема статьи заключается в отсутствии представления о родовом признаке собирательного понятия коррупции и неопределенностью толкования необходимого для его установления философско-правового подхода. Цель статьи — выделение, уточнение и прояснение содержания философского понятия, конкретизация которого позволит установить родовой признак собирательного понятия коррупции. Результатом проведённого изучения стал вывод о том, что родовым признаком собирательного понятия коррупции является стимул активности субъекта, который при правовой квалификации правонарушений указывает как их мотив. Значение проведенного исследования состоит в том, что оно: демонстрирует эвристическую значимость философско-правового подхода для решения проблем права; побуждает к пересмотру содержания основных вопросов о коррупции; изменяет представление о главном направлении нормативно правового противодействия коррупции.

Ключевые слова: Коррупция, родовой признак понятия, деяние, отношение, свойство, стимул активности, корысть, философско-правовой подход, системный подход, деятельностный подход, толкование, собирательные понятия, разделительные понятия.

Предпосылкой постановки проблемы философско-правового подхода к установлению родового признака собирательного понятия коррупции служит следующая ситуация.

Коррупция относится к числу самых опасных явлений современного общества – она несёт угрозу всем защищаемым законом общественным отношениям, интересам, ценностям и благам, указанным в 2-й статье УК РФ [2]: человеку, его правам и свободам, собственности, общественному порядку и общественной безопасности, окружающей среде, конституционному строю Российской Федерации миру и безопасности человечества. Одним из наиболее действенных средств противодействия таким явлениям служит нормативно правовое противодействие. Его теоретической основой служит понятие того общественно опасного явления, на которое оно направлено. В логике понятия делятся на множество видов. Для понимания возможных направлений противодействия коррупции особое значение имеет деление понятий на собирательные и разделительные.

Собирательным называют понятие, объем которого образуют элементы, имеющие общие родовые признаки, характеризующие, как эти элементы в отдельности, так и образуемую ими совокупность в целом.

Разделительным называют понятие, объем которого образуют элементы, имеющие, зачастую, различные родовые и, всегда, различные видовые признаки, а признаки содержания понятия, характеризуют только образуемую этими элементами совокупность.

Деление понятий на собирательные и разделительные относительно — многие из них, в различных контекстах, могут употребляться в обоих значениях. Так, например, понятие коррупции используется для характеристики и совокупности, с изме-

няющимся объемом, деяний, подлежащих ответственности в соответствии с большинством отраслей права, и отдельного общественно опасного социального явления.

В соответствии с двойственностью значения, в котором используется понятие коррупции, возможно два основных направления правового противодействия ей. Одно из них состоит в выявлении, правовой квалификации и правовом реагировании на деяния, признаваемые коррупционными. Другое — в противодействии коррупции, как целостному, неделимому, самостоятельно существующему социальному явлению.

До настоящего времени, как в теории, так и в практике противодействия коррупции, основное внимание уделялось реализации первого направления. Об этом свидетельствуют международные правовые акты и Закон РФ.

Из международных актов в качестве примера можно привести Конвенцию Совета Европы № 173 «Об уголовной ответственности за коррупцию» (Страсбург, 27 января 1999 г.). В ней утверждена согласованная квалификация правонарушений в форме коррупции как уголовно наказуемых деяний. Таких деяний, в Конвенции перечислено 14 [1]. (Возникает вопрос, почему не больше или не меньше…).

Закон РФ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ таких деяний указал 5, причем их список оставил открытым и дал более развернутое определение видовых признаков коррупции, предложив следующее её определение:

«1) коррупция:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица;» [3, с. 1].

Найти примеры правовых актов, в которых коррупция трактовалась как целостное, неделимое социальное явление, не удалось.

Причина отсутствия правовых актов, в которых было бы легализовано собирательное понятие коррупции, состоит, как нам думается, в отсутствии представления о её родовом признаке, включающем в объём этого понятия все проявление коррупции.

Поскольку правовые частно-научные методы не позволяют решить эту проблему, то возникает необходимость обращения к философско-правовому подходу.

Соответствие философско-правового подхода задаче установления родового признака собирательного понятия коррупции состоит в следующем.

Предметом философии, как особого направления постижения мира, являются всеобщие характеристики мира, признаки которых образуют содержание философских понятий — категорий. Родовые признаки всех частно-научных понятий служат конкретизацией всеобщих характеристик мира. Поэтому один из способов установления родового признака частно-научного понятия состоит в конкретизации определенной философской категории. Поскольку коррупция является понятием права,

то конкретизация философской категории для установления её родового признака является применением философско-правового подхода.

Применение философско-правового подхода само по себе имеет проблемный характер, вследствие часто встречающейся многозначности и неопределённости содержания философских категорий принципов. Поэтому оно имеет два аспекта. Один из них состоит в уточнении либо прояснении содержания философских категорий, второй — в их конкретизации. В связи с этим философско-правовой подход можно определить, как такой способ решения проблем права, который состоит использовании, прояснении, уточнении, конкретизации содержания философских понятий.

Таким образом, анализ предпосылок постановки проблемы философско-правового подхода к установлению родового признака собирательного понятия коррупции позволяет следующим образом раскрыть её содержание. Она состоит в неопределённости родового признака собирательного понятия коррупции, порождаемой многообразием её проявлений, что делает необходимым обращение к философско-правовому подходу, применение которого затрудняется неопределенностью и противоречивостью истолкования его принципов и категорий, а также трудностью их конкретизации в решении проблем права.

В связи с таким пониманием поставленной проблемы, цель, достижение которой станет её разрешением, видится в уточнении и прояснении содержания философского понятия, конкретизация которого позволит установить родовой признак собирательного понятия коррупции.

Прежде чем перейти к достижению поставленной цели, необходимо указать научную дисциплину, в рамках которой должно проводиться такое исследование. От этого зависит выбор методов исследования и значение полученных результатов.

Как нам представляется, такой дисциплиной является специальность 12.00.01. Основание такому утверждению даёт соответствие содержания основных компонентов паспорта ВАК РФ этой научной специальности поставленной проблеме [4].

Применение философско-правового подхода к решению конкретной проблемы права определения собирательного понятия коррупции соответствует содержанию этой специальности, в той её части, которую образуют *«методологические исследования теоретического и исторического познания права»* [4].

Предмет изучения, при решении поставленной проблемы, соответствует предмету научных исследований ТГП, который «составляют проблемы, категории, понятия, гипотезы, идеи, модели, конструкции, отражающие современный уровень знаний об общих закономерностях возникновения, развития и функционирования права и государства…» [4].

Методы, использование которых необходимо для решения поставленной проблемы, входят в содержащуюся в Паспорте «систему философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания» [4], к которым относятся системный и деятельностный подходы, а также метод толкования.

В перечне областей исследований, указанных в Паспорте, имеются те, к которым относится излагаемое исследование. Это —«1.5. Право в системе социального нормативного регулирования современных обществ. Соотношение и взаимодействие права с иными социальными нормами», «1.10. Право и правовое регулирование. Механизм правового регулирования. Правовое воздействие», «1.14. Толкование права. Способы толкования права. Виды толкования права. Акты толкования пра-

ва» [4].

Начать установления родового признака собирательного понятия коррупции, посредством применения философско-правового подхода, следует с выделения той системы категорий, которая позволит систематизировать все возможные трактовки этого признака.

Такой системой категорий, на наш взгляд, является взаимосвязь категорий вещь, свойство, отношение.

Эти категории относятся к виду соотносительных понятий. Соотносительные понятия — это понятия, которые содержат в качестве собственного признака, соотносимые с ними понятия. Философы различным образом определяли понятия вещь, свойство и отношение. Для установления родового признака собирательного понятия коррупции представляется уместным использовать трактовку этих понятий, предложенную В. Н. Сагатовским. Он определял их следующим образом: «Вещь является субстанциональным носителем свойств, приобретенных ею в других коррелятах и позволяющих вступать в новые отношения в новом корреляте. Свойства, в свою очередь, являются результатами предшествующих и предпосылками последующих отношений. Отношение обусловливает свойства и обусловливается ими. Вещь обладает свойствами, свойства принадлежат вещи. Отношение порождает вещь из определенных элементов, обладающих свойствами» [12].

Поскольку все то, что существует, существует в разных коррелятах взаимодействия либо как вещь, либо свойство или отношение, то и коррупция обнаруживает себя во всех этих универсальных аспектах существования.

Отсюда следует, что родовым признаком понятия коррупции может быть вещь, свойство или отношение, либо тот или иной вариант их проявления.

Принятие категорий вещи, свойства и отношения основанием классификации всех возможных трактовок родового признака понятия коррупции даёт направление поиска такого признака, который состоит в проверке возможности использования в этом качестве каждой из перечисленных категорий либо их конкретизации.

Проведенный нами анализ показал, что отношение и свойство не могут быть таким признаком, вследствие свойственных им особенностей. Отношение не может им быть, так как в этом случае большое число коррупционных явлений окажутся за пределами правового воздействия. Ибо коррупция существует не только как взаимодействие субъектов, статический аспект которого характеризует понятие отношение, но и действие одного субъекта, безотносительно к реакциям других субъектов.

Свойство не может быть таким признаком, так как в этом случае коррупция теряет свою целостность и самостоятельность существования, а противодействие ей обретает опосредованный и порой неосуществимый характер, так как не все проявления коррупции признаются противоправными.

Поскольку родовым признаком собирательного понятия коррупции, служащего основой разработки нормативно правового противодействия ей, как целостному явлению, не может быть ни отношение, ни свойство, а иных вариантов для него, кроме вещи, нет, то, по методу исключения, им должно быть какая-то её разновидность.

В научных и публицистических текстах существует множество вариантов трактовки родового признака коррупции, являющихся конкретизацией философского

понятия вещи. Основных три. Это — его трактовки как субъекта, деяния, морально оцениваемого психического качества.

Примером трактовки коррупции как субъекта социальных процессов в научных текстах служит следующее утверждение: «Поражая, прежде всего, бюрократический властный аппарат, коррупция имеет высочайшую приспособляемость, непрерывно мимикрирует, видоизменяется и совершенствуется, профессионально использует недостатки и проблемы социально-правового контроля и юридической ответственности» [9].

Очевидно, что признание коррупции субъектом общественных отношений — это метафора, неприемлемая к использованию в правовых актах.

Два других варианта истолкования родового признака коррупции, являющихся конкретизацией философской категории вещи, возникают посредством признания таковым какого-то одного из двух видовых сущностных признаков коррупции — либо использования полномочий, либо его цели, состоящей в корысти. Первый можно назвать деятельностным, второй — мотивационно-аморальным.

Проведенный нами анализ, деятельностного варианта, в котором деяние используется в качестве родового признака собирательного понятия коррупции, показал, что оно не может быть таким её признаком. Объясняется это слишком высоким уровнем абстракции (отвлечения от частных свойств) сущностных видовых признаков коррупции (исполнение должностных полномочий и корысть) для того, чтобы характеризовать отдельное противоправное деяние, за совершение которого может быть установлена уголовная ответственность.

Выявленная особенность видовых признаков коррупции, уровень их абстракции, имеет два следствия.

Одно из них состоит в невозможности использования элементов состава преступления для правовой квалификации коррупции, а значит и установления уголовной ответственности за неё. Объектом совершения коррупции являются все защищаемые законом общественные отношения; объективная сторона коррупции может быть не только противоправной, но и соответствовать требованию законности; признаки субъекта коррупции не могут быть ничем ограничены, кроме тех, которые достаточны для участия в правовых отношениях (возраст, вменяемость, гражданство); совершению коррупции свойственны все формы вины и даже невиновное причинение вреда, а мотив, в форме корысти, присущ практически всем противоправным деяниям, которые связаны с исполнением должностных полномочий, квалифицируемых нормами всех отраслей права.

Второе следствие высокого уровня абстракции видовых признаков коррупции состоит в том, что они свойственны всем видам правонарушений.

Так, например, А. В. Кудашкин и Т. Л. Козлов следующим образом характеризуют это ситуацию: «Как социальное явление коррупция достаточно многолика и многогранна, и, разумеется, не все формы коррупционного поведения подпадают под понятие преступления. Коррупция проявляется в совершении: — преступлений коррупционной направленности (хищение материальных и денежных средств с использованием служебного положения, дача взятки, получение взятки, коммерческий подкуп и т. д.); — административных правонарушений (мелкое хищение материальных и денежных средств с использованием служебного положения, нецелевое использование бюджетных средств и средств внебюджетных фондов и другие со-

ставы, предусмотренные КоАП РФ); — дисциплинарных правонарушений, т. е. использовании своего статуса для получения некоторых преимуществ, за которое предусмотрено дисциплинарное взыскание; — запрещенных гражданско-правовых сделок (например, принятие в дар или дарение подарков, оказание услуг госслужащему третьими лицами)» [7].

Вариант истолкования родового признака собирательного понятия коррупции, как цели деяния в форме корысти, вытекает из применения к решению поставленной проблемы деятельностного подхода. Согласно этому подходу все социальные явления делятся на два вида: они существуют либо как деятельность, либо как компонент деятельности. Поскольку родовым признаком собирательного понятия коррупции не может быть деяние, то необходимо изучить возможность использования в этом качестве какого-то её компонента.

Начать решение этой задачи следует с раскрытия универсальной структуры деятельности, конкретизацией одного из компонентов которой является цель в форме корысти.

В научной литературе можно встретить достаточно большое число вариантов построения структуры деятельности. Так, например, Ананьев Б.Г. полагал, что общую структуру деятельности образуют труд, учение, игра [5]. Каган М.С. основными видами деятельности считал преобразовательную, познавательную, ценностно-ориентационную, художественную и общение [6]. Трубников Н.И. полагал, что любую деятельность образуют цель, средства и результат [10]. По мнению Леонтьева А.Н. любая деятельность состоит из действий и операций [8].

В.Н. Сагатовский разработал структуру деятельности, названную им общей эзотерической структурой деятельности [11], содержащую компонент, конкретизация которого позволит установить родовой признак собирательного понятия коррупции. Она соответствует одному из главных требований философских концепций — универсальности, поскольку её структура служит основанием для соотнесения иных структур деятельности, в том числе и разработанных перечисленными выше исследователями, и содержит компоненты, в той или иной степени их выраженности, присутствующие во всех видах деятельности.

В самом общем плане, по мнению В.Н. Сагатовского, ее образуют блоки: предпосылки и условия, деятельность, результаты; типы: субъектно-субъектная и субъектно-объектная деятельности; этапы: освоение и усвоение [11].

Соотнося анализируемый признак коррупции и структуру деятельности, разработанную В.Н. Сагатовским, можно заметить, что его можно отнести к блоку предпосылок и условий.

Предпосылки и условия любой деятельности, по мнению В.Н. Сагатовского, делятся на два вида: объектные и субъектные. Каждый из этих видов исполняет, как он считал, две функции: побуждения и обеспечения деятельности. Объектные предпосылки и условия исполняют функцию побуждения посредством объективных требований и запретов со стороны социальной и природной среды, а функцию обеспечения – посредством предоставления объективных возможностей (ресурсов) и ограничений. Субъектные предпосылки и условия исполняют функцию побуждения посредством субъективных потребностей, ценностей и запретов, а функцию обеспечения – посредством субъективных возможностей (способностей, знаний, умениями) и запретов.

Поскольку одна из функций цели состоит в побуждении к её достижению, а корысть для отдельных субъектов выступает ценностью, то, как нам думается, цель в форме корысти является конкретизацией одного из компонентов блока субъектных предпосылок универсальной структуры деятельности.

В рамках данных рассуждений отсутствует необходимость уточнения компонента, конкретизацией которого является цель в форме корысти, поскольку, как истолкование каждого из них, так и образуемой ими системы имеет дискуссионный характер. Достаточно констатации того, что цель в форме корысти является конкретизацией, применительно к коррупции, блока универсальной структуры деятельности – её субъектных предпосылок, в который входят компоненты, исполняющие функцию побуждения субъекта к активности.

Таким образом, изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что родовым признаком собирательного понятия коррупции является определенный стимул активности субъекта.

Трактовка родового признака собирательного понятия коррупции, как стимула активности субъекта, позволяет устранить недостатки, препятствующие нормативно правовому противодействию коррупции, как самостоятельно существующему явлению социальной реальности, тех понятий коррупции, родовым признаком которых служат отношение, свойство и деяние.

Предлагаемая трактовка устраняет свойственное понятию коррупции, родовым признаком которого является отношение, сужение объёма понятия, так как побуждение к использованию должностных полномочий для удовлетворения корысти характерно и для активности отдельного субъекта, безотносительно к активности других субъектов, и для его участия во взаимодействии с другими субъектами с целью корысти.

Трактовка родового признака собирательного понятия коррупции, как стимула активности субъекта, приводит в соответствие уровень абстракции родового признака с уровнем абстракции сущностных видовых признаков коррупции, чего нет при употреблении, в качестве такого признака, деяния. Использование должностных полномочий и корысть, как видовые признаки коррупции, характерны для всех форм существования коррупции; их применение, в качестве признаков отдельного конкретного деяния, признаваемого коррупцией, сужает объём её понятия, хотя и характеризует коррупцию, как самостоятельно существующее социальное явление.

Напротив, употребление свойства, в качестве родового признака собирательного понятия коррупции, лишает коррупцию такого способа существования, поскольку, в этом случае, оно зависит от наличия тех явлений, свойством которых её признают.

Необходимо подчеркнуть, в различных коррелятах существования, коррупция, оставаясь стимулом активности субъекта, обнаруживает себя как: деяние, являясь психическим процессом; свойство, представая признаком определенной группы должностных лиц; и отношение, будучи направленностью субъекта на определенный способ исполнения должностных полномочий и реакцией на ситуации, позволяющие реализовать коррупцию.

Таким образом решение проблемы философско-правового подхода к установлению родового признака собирательного понятия коррупции состоит в следующем.

Универсальной характеристикой мира, конкретизация которой позволяет установить родовой признак собирательного понятия коррупции, является вещь. Философ-

ское понятие вещи относится к соотносительным понятиям, которые содержат в числе своих признаков соотносимые с ними понятия, в данном случае понятия отношение и свойство. Понятие вещи при поиске родового признака собирательного понятия коррупции может быть конкретизировано, в соответствии с деятельностным подходом, понятиями субъект, деяние и его компонент. Понятие субъекта неприемлемо для использования родового признака собирательного понятия коррупции, способного быть основой противодействия ей, так как является метафорой. Понятие деяние также не может быть использовано в этом качестве, поскольку сужает круг проявлений коррупции, к которым могут быть отнесены её видовые признаки и делает невозможным противодействие коррупции, как целостному предмету. Понятием, лишенным недостатков приведенных вариантов конкретизации философской категории вещи, является компонент деятельности. Этим компонентом является стимул активности субъекта. Его применение, в качестве родового признака собирательного понятия коррупции, позволяет устранить недостатки характерные для иных вариантов истолкования этого признака.

На основании изложенного представляется возможным предложить следующее определение собирательного понятия коррупции: коррупция — это стимул активности субъекта, побуждающий его к использованию должностных полномочий в корыстных целях, который при правовой квалификации деяния указывается как мотив.

Завершая рассмотрение проблемы философско-правового подхода к установлению родового признака собирательного понятия коррупции, необходимо отметить значение полученного результата предлагаемого её решения.

Проведенное исследование поставленной проблемы демонстрирует важность для решения проблем права применения философско-правового подхода, трактуемого как прояснение содержания философских понятий, используемых при характеристике правовых проблем, и конкретизации признаков философских понятий для их решения. Большинством правоведов содержание философских понятий воспринимается как аксиома, тогда как оно перманентно меняется в связи с развитием познания, и в каждый исторический период, как правило, существует несколько их трактовок. Без применения понятий вещь, свойство, отношение невозможно систематизировать все имеющиеся трактовки родового признака собирательного понятия коррупции, а без знания универсальной структуры деятельность сложно его установить.

Обоснованная здесь трактовка родового признака собирательного понятия коррупции, как стимула активности субъекта, служит основой для пересмотра широко распространенных ответов на основные вопросы о коррупции: субъекте коррупции и его признаках, её причин и условий, способов противодействия, взаимосвязи с другими социальными явлениями и т.д. Кроме того, данная трактовка устраняет неопределенность в словоупотреблении коррупции, отождествлении её с противоправными деяниями. Особенно с взяточничеством. Получение взятки и дача взятки — это деяния, подлежащие правовой ответственности. Коррупция же — это то, что побуждает субъекта к их совершению, и как компонент сознания не подлежит правовой ответственности, в том числе и уголовной, на чем настаивает Конвенция Совета Европы от 27.01.1999.

Значение трактовки родового признака собирательного понятия коррупции, как

стимула активности субъекта, состоит также в том, что она служит основой для изменения стратегии правового противодействия коррупции. Главным в этой деятельности становится противодействие не тем деяниям, к которым она побуждает, хотя такая работа должна вестись без ослабления усилий, а тем — которые создают условия её возникновения и безнаказанности.

Задача установления таких деяний — тема иного исследования.

Список литературы

1. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27.01.1999 г.). Официальный перевод на русский язык. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544/> (последнее посещение – 15 мая 2020 г.).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/f8192c0e948acf3e8e2db0e47310000811b339b6/ (последнее посещение – 15 мая 2020 г.).
3 Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ. // Собрание законодательства РФ № 52 от 29 декабря 2008 года (Части I-II), ст. 6228. — Режим доступа: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002008052000&docid=23> (последнее посещение – 15 мая 2020 г.).
4 Паспорт научной специальности 12.00.01. – Паспорта научных специальностей ВАК РФ. — Режим доступа: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/searching#tab=_tab:materials~> (последнее посещение – 15 мая 2020 г.).
5. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – . Л.: изд-во Ленинградского ун-та, 1968. – 338 с.
6. Каган М.С. Человеческая деятельность. – М., Политиздат, 1974. – 328 с.
7. Кудашкин А.В., Козлов Т.Л. Еще раз о правовом понятии коррупции // Современное право. 2010. № 6. С. 3-8. — Режим доступа: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Еще-раз-о-правовом-понятии-коррупции> (последнее посещение – 15 мая 2020 г.).
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
9. Психомахов Р.М. Правовые проблемы преодоления коррупции в государственном аппарате. Дисс. … канд. юрид. наук: М., 2000. – 182 с. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/pravovye-problemy-preodoleniya-korruptsii-v-gosudarstvennom-apparate> (последнее посещение – 15 мая 2020 г.).
10. Трубников Н.И. О категориях «цель», «средства», «результат». – М.: Высшая Школа, 1968. – 148 с.
11. Сагатовский В.Н. Структуры деятельности. – Закономерности научного познания. СБ. статей. Ред. Сухотин А.К. – Томск: Изд-ва Томск. ун-та, 1982. – 222 с.
12. Сагатовский В.Н. Философские категории: авторский словарь. – Режим доступа: <http://textarchive.ru/c-2855255-p3.html> (последнее посещение – 15 мая 2020 г.).

Lakiza A.A. Philosophical-legal method to the definition the generic feature of the collective concept of corruption // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 64-73.

The article is devoted to the topic of the formulation of the concept of corruption, which is necessary for the development of a regulatory legal opposition to it, as a separate, independently existing social phenomenon.

The problem of the article is the lack of understanding of the generic feature of the collective concept of corruption and the uncertainty of interpretation of the philosophical-legal method necessary for its define.

The purpose of the article is distinguishing and clarifying the content of the philosophical concept, the concretization of which will define the generic feature of the collective concept of corruption.

The result of the study is the conclusion that the generic feature of the collective concept of corruption is an incentive for the activity of the subject, which indicates as motive, in the legal qualification of offenses.

The significance of the research is: demonstrates the heuristic significance of the philosophical-legal method to decision the problems of law; encourages a revision of the content of the main answers about corruption; changes the notion of the main direction of the legal opposition corruption.

Key words: corruption, profit, position full powers, generic and species features. act, relation attribute, activity stimulus, philosophical-legal method, systems method, action approach method, interpretation, collective concept of corruption, disconnection concept of corruption.

Spisok literaturi

1. Konvenciya ob ugolovnoi otvetstvennosti za korrupciyu (Strasburg, 27.01.1999 g.). Oficialnii perevod na russkii yazik. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544/> (poslednee posesh'enie – 15 maya 2020 g.).
2. Ugolovnii kodeks Rossiiskoi Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 27.12.2018) // Sobranie zakonodatelstva RF. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/f8192c0e948acf3e8e2db0e47310000811b339b6/ (poslednee posesh'e-nie – 15 maya 2020 g.).
3 Federalnii zakon «O protivodeistvii korrupcii» ot 25.12.2008 N 273-FZ. // Sobranie zakonodatelstva RF № 52 ot 29 dekabrya 2008 goda (CHasti I-II), st. 6228. — Rezhim dostupa: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002008052000&docid=23> (poslednee posesh'enie – 15 maya 2020 g.).
4 Pasport nauchnoi specialnosti 12.00.01. – Pasporta nauchnih specialnostei VAK RF. — Rezhim dostupa: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/searching#tab=_tab:materials~> (poslednee posesh'enie – 15 maya 2020 g.).
5. Ananev B.G. CHelovek kak predmet poznaniya. – . L.: izd-vo Leningradskogo un-ta, 1968. – 338 s.
6. Kagan M.S. CHelovecheskaya deyatelnost. – M., Politizdat, 1974. – 328 s.
7. Kudashkin A.V., Kozlov T.L. Esh'e raz o pravovom ponyatii korrupcii // Sovremennoe pravo. 2010. № 6. S. 3-8. — Rezhim dostupa: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Esh'e-raz-o-pravovom-ponyatii-korrupcii> (poslednee posesh'enie – 15 maya 2020 g.).
8. Leontev A.N. Deyatelnost. Soznanie. Lichnost. – M.: Politizdat, 1975. – 304 s.
9. Psihomahov R.M. Pravovie problemi preodoleniya korrupcii v gosudarstvennom apparate. Diss. … kand. yurid. nauk: M., 2000. – 182 s. – Rezhim dostupa: <https://www.dissercat.com/content/pravovye-problemy-preodoleniya-korruptsii-v-gosudarstvennom-apparate> (poslednee posesh'enie – 15 maya 2020 g.).
10. Trubnikov N.I. O kategoriyah «cel», «sredstva», «rezultat». – M.: Visshaya SHkola, 1968. – 148 s.
11. Sagatovskii V.N. Strukturi deyatelnosti. – Zakonomernosti nauchnogo poznaniya. SB. statei. Red. Suhotin A.K. – Tomsk: Izd-va Tomsk. un-ta, 1982. – 222 s.
12. Sagatovskii V.N. Filosofskie kategorii: avtorskii slovar. – Rezhim dostupa: <http://textarchive.ru/c-2855255-p3.html> (poslednee posesh'enie – 15 maya 2020 g.).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 74-85.

УДК: 93.347
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-74-85

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ СЕРЕДИНЫ XIX В.: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Тур В. Г.

Крымский филиал РГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"

Статья посвящена современным тенденциям расширения влияния религиозных организаций, возникновению современных конфессиональных судов и опыту Российской империи XIX в. в разрешении проблемы сочетания государственной и конфессиональной судебных систем. Рассматривая вопрос, автор опирается на материалы Таврической губернии.

В период Российской империи конфессиональная судебная система оказалась встроенной в общеимперскую государственную систему. Религиозные православные суды и их органы - консистории в основном занимались внутрицерковными делами и в отношении прихожан только вопросами брачно-семейных отношений, нравственности, которые совпадали, как правило с общегосударственным законодательством и являлись средством морального воздействия на мирян. В отношении же священнослужителей и монашествующих применялись наказания церковные. Церковные наказания могли применяться как дополнительная религиозно-нравственная мера наказания к мирянам, осужденным уголовными судами за преступления. Что же касается конфессиональных судов общин иностранных исповеданий, которые по аналогии рассматривали также дела семейно-брачные, наследования и внутриконфессиональные, они сыграли важную роль по урегулированию отношений между государством и этно-конфессиональными группами, прежде всего, на присоединенных окраинах государства, таких как Таврическая губерния. Функционирование конфессиональных судов в Крыму позволяло снять напряжение в случае несоответствия российского законодательства с древними религиозными обычаями, которые часто проявлялось на бытовом уровне.

Дальнейшее детальное исследование архивных документов конца XVIII - XIX вв. позволит: изучить различные системы, структуру и функции конфессиональных судов в Российской империи XIX века; исследовать источники религиозного и светского права, на которые опирались конфессиональные суды Российской империи; установить юрисдикцию конфессиональных судов и круг лиц им подсудных.

Ключевые слова: Судебная система, Российская империя, религиозные организации, Таврическая губерния.

Следствием современных геополитических процессов и связанных с ними вооруженных конфликтов, политической и экономической нестабильности в ряде государств, стала миграция населения в поисках оптимальных условий выживания. Сложившееся веками этническое соотношение подвергается существенным изменениям в силу перемещения части жителей Ближнего Востока и Северной Африки, прежде всего, в страны Западной и Южной Европы. Миграционные процессы, хоть и в меньшей степени, затронули и страны СНГ после распада Советского Союза. Несмотря на то, что главной причиной является поиск работы, оптимальных условий жизни, социальной обеспеченности и безопасности, потоки переселенцев не могли не повлиять на культурную составляющую европейского мира. Формируя в местах нового проживания сообщества по культурно-религиозному принципу, представители данных групп продолжают сохранять традиционные для них культурные, религиозные, а, следовательно, и правовые обычаи. В регионах, где скла-

дываются многоконфессиональная структура общества, правовой статус религиозных организаций предполагает реализацию права удовлетворять законным путем их корпоративной потребности [32, с. 28]. При этом надо учитывать, что правовой статус религиозных объединений должен обеспечивать их юридическими инструментами, позволяющими действовать с учетом особенностей национального развития и в рамках сложившихся социальных отношений. Ни Устав ООН (ст.55), ни Всеобщая декларация прав человека (ст.1), в которых провозглашено соблюдение прав человека и основных свобод, не дают конкретного юридического инструмента и метода решения данных проблем [39, с.10-17]. Поэтому их разрешение становится задачей каждого отдельного государства.

Бесспорно, этно-религиозные диаспоры на территории Европы обязаны функционировать в рамках действующих законов, прежде всего, европейских государств. В то же время возникает необходимость с одной стороны сохранить действие существующих, как правило, демократических законов, удовлетворяющих религиозные и этнические потребности "собственных" сограждан, с другой - защитить обычаи новой диаспоры в чуждой для них культурной среде. Чаще всего данная проблема возникает в брачно-семейных отношениях, наследовании, выполнении религиозных предписаний и сохранении привычного образа жизни на бытовом уровне.

Учитывая, что европейское право далеко не всегда совпадает с традиционными обычаями и религиозными предписаниями мигрантов, но при этом допускает свободное волеизъявление и защиту культурных и религиозных прав своих граждан, складывается практика возникновения конфессиональных судов, которые регулируют вопросы деятельности внутри религиозных институтов, а также рассматривают ряд гражданских дел внутри этно-религиозных общин. Такая практика сегодня получила широкое распространение в Великобритании, Германии и ряде других государств [13; 18].

Аналогичные тенденции характерны и для многонациональной и многоконфессиональной Российской Федерации. Наряду с традиционными конфессиональными учреждениями, допустимыми в соответствии с Законом [1], Устав Русской Православной Церкви с 2000 г. предусматривает создание церковно-судебной системы в трех инстанциях [16]. Вполне официально действует в рамках Раввинского суда СНГ раввинский суд при Главном раввинате Росси [27; 41]. С 1999 по 2000 г. в Республике Ингушетии действовал шариатский суд (кадията). Не смотря на то, что по настоянию Министерства юстиции России с 2002 г. «Кадият» объявлен «консультативным органом для частных лиц при Духовном центре мусульман Республики Ингушетия» (ДЦМ РИ), его функции принципиально не изменились. Причем судами первой инстанции являются муфтии на местах. Заместитель кадия Ингушетии Магомед Хаштыров утверждает, что де-факто такие суды действуют в Татарстане, Чечне и Дагестане [28; 33]. До 2014 г. делались попытки возродить суды кадията и в Крыму [14]. И если церковно-судебная система РПЦ в правовом поле пока не выходит за пределы внутрицерковных вопросов, то суды раввината и кадията претендуют на рассмотрение гражданских дел в отношении своих прихожан, функционально заменяя государственную судебную систему, опираясь на традиционные религиозные нормы.

Социологический опрос о доверии россиян различным институтам в декабре 2018 г. показал, что, например, Русской Православной Церкви доверяет 68,8 %

населения (в 2016 г. - 71,9). Следует предположить по аналогии, что большинство оставшихся более 30% также доверяют религиозным организациям иных вероисповеданий, с которыми они себя ассоциируют. В то же время, процент доверия к государственной судебной системе колеблется от 37,3 до 62,4 % [30; 31]. Таким образом, мы можем фиксировать, что авторитет религиозных организаций растет и это способствует увеличению их численности и восприятию образа жизни по нормам религиозных уложений.

За последние 20 лет число официально зарегистрированных религиозных организаций в России выросло почти в 4 раза [20, с. 67-68]. Но есть региональные особенности. Например, в Республике Крым, за период с 1991 г. по настоящее время число религиозных организаций выросло в 18 раз [17, с. 69]. Бесспорно, говорить об официальном признании конфессиональных судов в светском государстве на современном этапе, как минимум, преждевременно. В то же время, в обществе, где растет авторитет религиозных организаций и идет процесс возрождения национальных культур, а значит и влияния древних культурных обычаев, оказался востребованным возврат к традициям в рамках брачно-семейных отношений, наследования, воспитания. Следовательно, мы не можем не замечать проблемы, а обязаны направить ее решение в правовое русло в рамках действующего законодательства.

А.Я. Клейменов в своей статье «Религиозный суд (арбитраж) в системе альтернативного урегулирования споров» обосновывает возможность создания «религиозных судов» в качестве третейских, а представителей культа в качестве медиаторов. А также интегрирования такого рода «религиозных судов» в систему альтернативного разрешения споров [29, с. 58-66; 35].

Надо учитывать, что западноевропейские государства развивались на базе сформированного еще в средневековье национального и конфессионального единства по принципу: одно государство - одна нация - одна вера. Поэтому современное вынужденное создание конфессиональных судебных инстанций для них является новым неапробированным шагом. Для нашего государства вопрос урегулирования национальных и конфессиональных отношений в рамках правового поля единого государства это исторически сложившаяся традиция. Поэтому, прежде чем рассматривать данную проблему участия религиозных институтов в судебной практике, нам следует заглянуть в свой исторический опыт, исследовать его и только после этого ставить вопрос о целесообразности создания подобных институтов.

Существенные преобразования в области государственно-конфессиональных отношений, заложенные Петром I в «Духовном регламенте» 1721 года, получили свое продолжение в последующих актах его приемников и, прежде всего, во время правления Екатерины II и Николая I. Несмотря на первенство Православной Церкви, провозглашённый Екатериной II принцип веротерпимости позволил включить в систему государственного устройства не только государственную церковь, но и представителей духовенства иных, т.н. "иностранных" исповеданий, прежде всего ислама [15, с. 23]. Многочисленные действующие акты, включая регулирование государственно-конфессиональных отношений, создания и действия конфессиональных судов, впервые были систематизированы в период правления Николая I в «Своде законов Российской империи» 1832 г.

Следует отметить, что в первой половине XIX века авторитет религиозных организаций в обществе, включая Православную церковь, существенно ослаб. Это было

связанно с тем, что духовное сословие было лишено прежних привилегий и находилось в разногласии с формировавшейся буржуазией. Однако, кодификация законодательства России 1832 г. позволила духовному сословию занять особое место в государстве.

В частности, подведомственность православных церковных судов определялась Уставом Духовных Консисторий 1841 года, и ст. 1017 – 1029 Т. XV Устава уголовного судопроизводства. В законодательстве того времени четко определялась категория лиц, в отношении которых осуществлялось духовное судопроизводство – священнослужителей и мирян. Судебное производство и привлечение их к ответственности существенно отличалось друг от друга [34, с. 158]. Судебная система церкви в середине XIX века включала в себя суд Святейшего Синода и епархиальный суд, состоящий из суда архиерея и суда консистории. Каждая из инстанций могла выносить судебное решение о назначении и исполнении наказания. Церковная судебная система была построена по государственному образцу. Все перечисленные выше судебные инстанции выполняли не только роль правосудия, но и надзорные, административные функции. В синодальный период государство фактически полностью подчинило себе церковь, однако, несмотря на это – главный орган церкви – Правительствующий Святейший Синод в государственном управлении находился на одном уровне с другими высшими органами Российской империи [36, с. 67].

Церковные суды, руководствуясь каноническим (церковным) правом, выполняли важную роль регулирования правопорядка в обществе и самой Церкви. Главная задача церковного суда заключалась в воздействии на человека и общество, используя арсенал церковных наказаний, направленных в защиту веры и нравственности. Он осуществлял функции правосудия в части защиты нарушаемых или оспариваемых прав священнослужителей или прихожан, являющихся субъектами религиозных правоотношений. В то же время, в отличие от светских судов, Церковный суд обладал специфическими особенностями:

- церковный суд не вершил правосудие от имени государства и являлся альтернативным источником правосудия, не входил в единую систему государственного правосудия, являлся частью церковной структуры, и подчинялся высшим духовным иерархам;

- церковный суд был ограничен подсудностью, которая распространялась на определенный вид дел, связанных с верой, нравственностью, брачно-семейными отношениями и наследованием;

- церковные суды опирались в разрешении дел не только на нормы церковного права, а также применяли нормы светского законодательства;

- церковный суд в качестве наказания применял неординарные санкции, например, епитимии, покаяния, отлучение от церкви, снятие сана со священнослужителей;

- духовное правосудие вершили церковные иерархи. Исторически, до урегулирования государственно-конфессиональных отношений, государственные органы власти часто осуществляли вмешательство в деятельность церковных судов.

Церковные суд не был отделен от административной власти церкви, и они выступали единым органом.

Во многом аналогично Православию, строилось и функционирование иных религиозных общин т.н. «иностранных исповеданий». Их деятельность в рамках Российского государства, включая и конфессиональную судебную систему, определялась "Уставом духовных дел иностранных исповеданий" [12].

В Государственном архиве Республике Крым сохранились многочисленные материалы, позволяющие проследить не только особенности работы церковных православных судов, но и судебных инстанций иностранных вероисповеданий в силу особенностей развития Крымской области после присоединения к России, а позднее Таврической губернии.

После присоединения Крыма к России (1783 г.), на полуострове сформировалось десять основных этно-конфессиональных общин. Из них, наиболее крупные и влиятельные: мусульманская и греко-православная Константинопольского патриархата. Последняя, после ликвидации Готской епархии Константинопольского патриархата и представленная в основном греческим населением, вошла в состав Московской патриархии. Они пользовались защитой государства и получили многочисленные преимущества, регулируемые многочисленными юридическими актами. С 1783 по 1897 гг. число православных христиан в Крыму выросло на 49,3%, т.е. с 27 412 чел. до 269 487 человек [43, с. 70].

Учитывая, что немногочисленные православные общины Крыма конца XVIII - первой половины XIX в. входили в состав Славянской и Херсонской, Екатеринославской и Херсонской епархии, духовная консистория также относилась длительное время к Херсонской. Немногочисленные документы расследований и решений церковных судов в Государственном архиве Республики Крым хранятся либо в материалах отдельных приходов, монастырей, либо в документах Феодосийского и Мариупольского викариата. Таврическая консистория создается только в 1860 г. после учреждения Таврической епархии. Материалы Таврической консистории выделены в отдельную номенклатуру дел [22].

В то же время, конфессиональные судебные учреждения иных религиозных общин на территории Крыма были сформированы изначально. Надо учитывать, что на территории полуострова, например, в 1803 году из примерно 188 тыс. жителей обоего пола, иноверцы составляли 88,8%. Большинство из них – мусульмане (80,5 %). Судя по переписи 1849 г. численность населения увеличилась за счет естественного прироста и переселенцев, составив 339 644 человека из числа постоянных жителей [9, с. 92-110]. В итоге процент иноверцев снизился до 70,8 %. Мусульмане, попрежнему составляли большинство, т.е. 66,7%. 0,6 % составляли римско-католики и армяно-римско-католики. Чуть больше насчитывалось лютеран и реформаторов (0,75%). Армяно-григорианская и караимская общины не превышали 1%. Последователи иудаизма, включая крымчаков, составляли 0,7% населения [19, с.215-216; 21, л.5,7]. Перелом в соотношении численного состава жителей по религиозному признаку фиксируются только после Крымской войны, когда число мусульман в результате эмиграции сократилось до 48,5%, а в целом процент иноверцев снизился до 60% [37, с. 270, 352, 356].

Таким образом, российские власти, присоединив Крым, столкнулись с проблемой численного преобладания населения «иностранного вероисповедания» со своей, веками складывавшейся культурой, обычаями и религиозными предписаниями. Для которых, например, судебная система являлась составной частью функциони-

рования религиозных институтов. Дальнейшая политическая судьба стратегически важного для Российского государства полуострова впрямую зависела от способности администрации найти консенсус и поддержку местного населения, а, следовательно, юридически урегулировать и приспособить сложившиеся веками правовые отношения «иноверцев» с Российской правовой системой, выросшей на основе идеологии православия.

Первый шаг по урегулированию государственно-конфессиональных отношений в Крыму был сделан Екатериной II, объявившей Манифест от 8 апреля 1783 г. [3]. Широкие льготы иноверцам были предоставлены и в именном Указе Новороссийскому генерал-губернатору князю Г.А. Потемкину «О принятии Крымских жителей и прочих Татарских народов в Российское подданство» от 28 июля 1783 г. [4].

Первым документом, регламентирующим устройство мусульманской общины, функции муфтията и его отношения с государственной администрацией, становится Указ «О бытии в Таврической области магометанскому духовному правлению, под предводительством муфтия» от 23 января 1794 г. [6]. Однако, подробная роспись деятельности Магометанского духовного правления в нем отсутствовала. Новое «Положение о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащем ведению его делах» было утверждено только при Николае I (23 декабря 1831 г.). В нем уже достаточно подробно излагались функции Правления и регламентировалась его деятельность в рамках законов Российской империи, включая судебные функции [2]. В последующем основные направления духовно-юридической практики данного учреждения нашли отражение и в Уставах 1857, 1896 и 1913 гг. [45, с. 187-190].

Таврическое магометанское духовное правление, в состав которого входили муфтий, кади-эскер и пять уездных кадиев, являлось высшей инстанцией духовного управления и суда для мусульман Таврической губернии. В функции местных кадиятов входило рассмотрение дел мусульман в уездах на основе шариата. В 1826 г. Комитетом Министров Российской империи были утверждены правила «О порядке определения кадиев в Крыму». Согласно документу, они были «как судьи в уезде по делам духовным и по разделам наследства между магометанами». В то же время, дела об имущественных спорах рассматривались судом кадия только в случае, если обе стороны были согласны решать проблему в соответствии с шариатом. В обратном случае такие дела рассматривались государственными учреждениями. Решения суда кадия, касающиеся имущества, оформлялись на гербовой бумаге с переводом на русский язык и передавались в присутственные места.

В соответствии с Указом 1826 г. суду кадията передавались дела брачно-семейные, которые предписывалось «...предоставить суду Магометанской Духовной власти». Прежде всего, это вопросы расторжения браков, о прелюбодеяниях, вопросы опеки и дела о непокорности детей родителям. В 1834 г. Государственным Советом был утвержден порядок рассмотрения таких дел. Например, «нравственное неповиновение детей родителям», подразумевало рассмотрение дел в случае брака без разрешения родителей, по вероисповеданию, по оскорблениям словесным, которые предписывалось решать в соответствии с мусульманской верой и обычаями. При этом запрещались наказания телесные или позорящие, ограничиваясь лишь «увещеваниями» и наложением духовного покаяния. Иные гражданские и уголовные дела, включая хищение имущества и нанесение личных обид, предписывалось передавать гражданским властям или уголовному суду соответственно [45, с. 187-195].

В связи с гарантиями, данными еще Екатериной II, религиозные общины Таврических армяно-католиков, несмотря на то, что они были подчинены российским католическим иерархам латинского обряда, также имели достаточно широкие права самоуправления и возможность осуществления судебной практики. После исхода христиан из Крыма в 1778 г., община обосновавшись в г. Новомосковске Екатеринославской губернии. В соответствии с Грамотой 1779 г. крымские армяно-католики получили широкие льготы, включая право иметь органы самоуправления. Им предписывалось «…учредить Ратушу, которую назвать Католическим Судом». Уже в 1780 г. был создан Новомосковский Римского закона суд [38, с. 564; 42]. Тем не менее, уже в 1787 г. ряд армяно-католических семей вместе с православными греками и прихожанами Армянской Апостольской церкви получив разрешение Г.А. Потемкина вернулись в Крым и были размешены в Карасубазаре (совр. Белогорск) [24, л. 59-64]. К 1800 г. численность Карасубазарской армяно-католической общины выросла до 1100 чел., а к концу XIX в. насчитывала около 11 тыс. человек [38, с.116]. Здесь же был учрежден Карасубазарский Армянский магистрат и Суд римо-католического закона [5]. Суд находился в прямом подчинении Таврического областного правления и Таврической Казенной Палаты, что наделяло его особым статусом и расширяло полномочия. В части судебных функций он, аналогично суду кадията наделялся правом рассмотрения гражданских споров в области брачно-семейных отношений и наследования. Вопросы же, касающиеся священнослужителей, относились к ведению вышестоящих инстанций католической церкви. Кроме судебных функций Суд римо-католического закона наделялся правом регулировать вопросы торговли и организации промыслов, ведал сбором налогов и иных податей [23, л. 11-12; 24, л. 106; 25, л. 1-2].

Общине Армянской Апостольской церкви во время переселения в 1778 г. также были выделены земли в районе Екатеринослава, но большинство предпочло поселиться в низовьях Дона, основав там город Нор-Нахичеван. В последующем часть из них по примеру армяно-католиков вернулась на полуостров, обосновавшись в Старом Крыму, рядом с древним монастырем Сурб-Хач. Уже к середине XIX века численность армяно-григорианской общины увеличилась до 4 тыс. человек, не считая тех, кто осел в иных городах Крыма. Старокрымская община также пользовалась правом внутреннего самоуправления, предоставленного императорскими грамотами 1779 и 1799 гг. В соответствии с Грамотой Павла I (1808 г.), здесь была открыта армянская городская ратуша. Это позволило «учредить собственный армянский суд под именем магистрата, и в нем рассматривать и решать дела тяжебные и исковые на армянском языке по прежним народа сего правам и обыкновениям... » [5]. С 1812 г. в Крыму была учреждена должность наместника католикоса всех армян, а сама община включена в состав Нахичевано-Бессарабской армяно-григорианской епархии [12, ст. 961]. Но уже в 1842 г. в Крыму вводится должность Главного попечителя крымских армянских церквей. Таким образом, самые крупные общины армяно-григориан и армяно-католиков Крыма в местах их компактного проживания, как и Таврические мусульмане, получили право иметь органы самоуправления на основе религиозной общины, а также осуществлять судебные функции в рамках ряда гражданских дел в соответствии с религиозными предписаниями и обычаями по аналогу с магометанскими судами кадията.

Из числа крымских жителей право на самоуправление и осуществление суда в отношении единоверцев добилась караимская община. Еще в 1795 г. Екатерина II освободила караимов от уплаты наложенного на евреев налога, выплаты рекрутских денег. В 1827 г. их освободили от рекрутской повинности, облегчены условия постоя и разрешено приобретение земли в собственность [12]. Всего, к середине XIX в. в Таврической губернии уже проживало около 5 тыс. караимов. По аналогу с крымскими мусульманами, было создано Таврическое караимское духовное правление во главе с гахамом. Аналогично Правление наделялось правом суда по ряду гражданских дел [40]. Кроме того, в 1863 г. был принят новый закон, в котором оговаривалось, что «Караимы, находясь под покровительством общих законов Российской Империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию к которому кто из них принадлежит» [7].

В результате переселенческой политики, в первой половине XIX в. конфессиональный состав Крыма пополнился католическими и протестантскими общинами Евангельско-лютеранской и Реформаторской церквей, которые в основном были представлены колонистами из Германии, Швейцарии и Польши. Данные общины получили равные права с другими общинами иностранных исповеданий. В Манифесте Павла I от 13 февраля 1798 г. подчеркивалось, что «Всем переселенцам, какого бы закона ни были, дозволяется в городах и селах строить храмы и церкви для Богослужения по обряду каждой религии... » [10]. Деятельность немецких религиозных общин колонистов регулировалась «Уставом Евангелическо-лютеранской церкви» и Постановлением «О управлении духовных дел Евангелическо-Реформатских обществ». Таврические приходы входили в округ С-Петербургской Консистории. Общины реформаторской церкви, в соответствии с Постановлением, были подчинены Вилленскому Евангелическо-Реформаторскому Синоду и Коллегии. Выборные пасторы и старосты общин пользовались широкой внутрицерковной самостоятельностью, как и лютеране [12, ст. 434, 795-800].

Протестантские институты наряду с самоуправлением получили право суда по делам внутриконфессиональным, брачно-семейным и иным вопросам морально-этических отношений в общине. В Уставе была выделена глава 8 «О судопроизводстве в Консисториях», в которой подробно дается перечень преступлений и нарушений, которые могут рассматривать комиссии, подробно расписаны процессуальные нормы ведения следствия и суда, как по внутрицерковным делам, так и частным заявлениям и жалобам.

Число католиков в Крыму выросло только после восстаний в Польше 1830-1860-х годов за счет ссыльных и беглых. Еще Манифестом Екатерины II от 30 октября 1794 г. католики получили права на неограниченное публичное вероисповедание. Как и в большинстве конфессий иностранных вероисповеданий, священники содержались за счет государственных средств и обязались давать присягу на верность Российской империи [10]. Однако, национально-освободительное движение в Польше, поддержанное католическими священниками, вынудило правительство России относиться к религиозным католическим общинам с осторожностью. В 1798 г. был утвержден «Регламент для церквей и монастырей римско-католического исповедания в России» [11]. В период правления Николая I римско-католикам удалось добиться епископской кафедры в г. Саратове, которая кроме католиков Новороссийской и Таврической губерний, объединила прихожан приходов Саратовской губернии, Бессарабии и Кавказа. В то же время,

недоверие к римско-католическому духовенству сохранялось. Это следует из ст. 47 «Свода учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных». Отмечалось, что «Никакие буллы, послания и наставления Римского Двора не могут быть приводимы в действие в Империи … без Высочайшего Его Императорского Величества разрешения, испрашиваемого Министром Внутренних Дел по предварительному удостоверению, что сии акты не заключают в себе ничего противного государственным постановлениям и священным правам и преимуществам Верховной Самодержавной Власти». Духовенство утверждалось только из числа российско-подданных, получивших соответствующее богословское образование [12, ст. 47, 49, 91]. В то же время, аналогично с православными и мусульманами, римско-католические священнослужители получили широкие полномочия в судебной практике [12, ст. 60, 64.].

Единственные религиозные общины в Крыму, как, впрочем, и во всей России, лишенные прав рассмотрения гражданских дел на основе религиозных предписаний, были иудеи из числа евреев-раввинистов и крымчаков.

Таким образом, в период Российской империи конфессиональная судебная система оказалась встроенной в общеимперскую государственную систему. Религиозные православные суды и их органы - консистории в основном занимались внутрицерковными делами и в отношении прихожан только вопросами брачно-семейных отношений, нравственности, которые совпадали, как правило с общегосударственным законодательством и являлись средством морального воздействия на мирян. В отношении же священнослужителей и монашествующих применялись наказания церковные. Церковные наказания могли применяться как дополнительная религиозно-нравственная мера наказания к мирянам, осужденным уголовными судами за преступления. Что же касается конфессиональных судов общин иностранных исповеданий, которые по аналогии рассматривали также дела семейно-брачные, наследования и внутриконфессиональные, они сыграли важную роль по урегулированию отношений между государством и этно-конфессиональными группами, прежде всего, на присоединенных окраинах государства, таких как Таврическая губерния. Функционирование конфессиональных судов в Крыму позволяло снять напряжение в случае несоответствия российского законодательства с древними религиозными обычаями, которые часто проявлялось на бытовом уровне.

Дальнейшее детальное исследование архивных документов конца XVIII - XIX вв. позволит: изучить различные системы, структуру и функции конфессиональных судов в Российской империи XIX века; исследовать источники религиозного и светского права, на которые опирались конфессиональные суды Российской империи; установить юрисдикцию конфессиональных судов и круг лиц им подсудных.

Исследование исторического опыта, анализ судебных дел XIX в. позволит сделать выводы о целесообразности или наоборот, недопустимости восстановления данной практики на современном этапе, либо ее применения в виде третейских судов, консультативных инстанций при религиозных организациях.

Список литературы

1. Закон РФ "О свободе совести и о религиозных объединениях" (26.09.1997 N 125-ФЗ, ред. от 13.07.2015).
2. ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи), т.VI, ч.2. - СПб., 1831. - № 5033. Положение о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащем ведению его делах.

3. ПСЗРИ, т. XXI. - СПб, 1830. - № 15.708. Манифест Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу».
4. ПСЗРИ, т. XXI. - СПб., 1830. - № 15.798. Указ именной, данный Новороссийскому Генерал-губернатору Князю Потемкину «О принятии Крымских жителей и прочих Татарских народов в Российское подданство».
5. ПСЗРИ, т. XXI. - СПб., 1830. - № 15.700 Об учреждении судов в завоеванных местах Екатеринославской губернии греками, армянами и католиками и о штате чинов для отправления пограничных дел.
6. ПСЗРИ, т. XXIII. - СПб.,1830. - № 17.174. Указ от 23 января 1794 г. «О бытии в Таврической области магометанскому духовному правлению, под предводительством муфтия».
7. ПСЗРИ, т. XXIII. - СПб.,1830. № 17.340. Об увольнении Таврических Евреев, именуемых Караимы, от положенных на всех вообще Евреев двойных податей.
8. ПСЗРИ, т. XXV. - СПб., 1830. № 19.168. Жалованная грамота на права, преимущества и вольности обществу Армян Старого Крыма.
9. ПСЗРИ, т.XXV. - СПб., 1830. № 18.373. Манифест. О установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам.
10. ПСЗРИ, т. XXV. - СПб., 1830. № 18.373. О установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании различных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам.
11. ПСЗРИ, т. XXV. - СПб., 1830. № 18.733 - 18.734. Регламент для церквей и монастырей римско-католического исповедания в России. Ст. 124-128.
12. СЗРИ (Свод Законов Российской Империи), т.11. ч.1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. - Спб, 1857. - 264 с.
13. Абдулаева А. Шариат шагает по Европе. Как и раввинат. – Текст : электронный // UMMA 42. Информационный портал. Новости. 2012. – URL: https://www.umma-42.ru/news-49721.html (дата обращения: 13.07.2020).
14. Андреев Е. Милли Фирка предлагает возродить в Крыму исламские суды – Текст : электронный // "Новый регион - Крым", 2010. – URL: https://newdaynews.ru/crimea/285976.html (дата обращения 17.07.2020).
15. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). - М.: МПГУ, 2004. - 287 с. – Текст : непосредственный.
16. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви принял положение о церковном суде // Православие.RU. Новости. Москва. 26.06.2008. – URL: http://pravoslavie.ru/27004.html (дата обращения: 13.07.2020).
17. Балагура О. В. Исторические особенности и современные проблемы этнокультурных и этнополитических процессов в Крыму / О.В.Балагура, Д.А.Прохоров, В.Г.Тур: монография – Симферополь: Издательство «Антиква», 2012. - 156 с. – Текст : непосредственный.
18. В ФРГ предложили ввести суды шариата. – Текст : электронный // Православный портал "Москва-Третий Рим". 07.02.12. – URL: https://3rm.info/main/20743-v-frg-predlozhili-vvesti-sudy-shariata.html (дата обращения: 17.07.2020).
19. Военно-статистическое обозрение Российской империи: [в 17 томах]. Т.XI, ч.2. Таврическая губерния. - Спб, 1849. - 298 с. – Текст : непосредственный.
20. Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Религиозный ренессанс в России: динамика и качественные характеристики. – Текст : непосредственный // Россия вчера, сегодня, завтра. Серия: Россия и современный мир. - № 3 / 2012 - М.: ИНИОН РАН, 2012. - С. 65-78.
21. ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф. 26. Канцелярия Таврического губернатора. 1803 – 1917 гг. Опись 1, д. 15040. О доставлении в Министерство Внутренних Дел ведомости о магометанах за 1845 год. - 7 л. – Текст : непосредственный.
22. ГАРК. Ф. 118. Таврическая духовная консистория. 1860-1920. - 6814 дел. – Текст : непосредственный.
23. ГАРК. Ф.179, оп.1, д. 51. О пожалованных Карасубазарскому обществу привилегий на право преимущества города Карасубазара. - 29 л. – Текст : непосредственный.
24. ГАРК. Ф. 179, оп. 1, д. 293. Материалы о работе римско-католического суда за 1864 г. - 129 л. – Текст : непосредственный.

25. ГАРК. Ф.179, оп.1, д. 340. Дело о представлении в Таврическую Казенную палату именного списка всех мещан-армян, причисленных в ведомство Карасубазарского римско-католического суда до 1804 г. - 9 л. – Текст : непосредственный.
26. ГАРК. Ф. 799, оп. 1, д.191. Дело о переселении армян. - 354 л. – Текст : непосредственный.
27. Гвилети З. Шариатский суд в Москве... – Текст : электронный // LIVEJOURNAL, 2009. – URL: https://hakk.livejournal.com/70488.html (дата обращения: 13.07.2020).
28. Ингушетия. Работа Кадията республики. – Текст : электронный // Пресс-служба ДЦМ РИ. 17.01.1919. – URL: https://go.mail.ru/search?q=16.%09Ингушетия.+Работа+Кадията+республики+&fm=1 (дата обращения: 17.07.2020).
29. Клейменов А.Я. Религиозный суд (арбитраж) в системе альтернативного урегулирования споров // Журнал "Закон". - № 2, 2013. - С. 58 - 66. – Текст : непосредственный.
30. Кому доверяют россияне (результаты опроса). – Текст : электронный // Портал "Русская весна". 15 декабря 2016 г. – URL: https://rusvesna.su/news/1481781361 (Дата обращения: 17.07.2020).
31. Кому доверяют россияне. – Текст : электронный // Портал "Русская весна". 27 декабря 2018 г. – URL: http://so-l.ru/news/y/2018_12_27_komu_doveryayut_rossiyane (дата обращения: 17.07.2020).
32. Лопарев Г.П. Социальное назначение религиозных организаций как основа их правового статуса // Государство и право. - М., 1995. - № 11. - С.28-34. – Текст : непосредственный.
33. Мальцев В. Суд по законам шариата в южных республиках России – Текст : электронный // "НГ - Религии", 2012. – URL: http://rodon.org/relig-120418122817 (дата обращения: 13.07.2020).
34. Матвеева Е.С. Церковное судопроизводство Орловской губернии второй половины XIX – начала XX века. - Орёл, 2014. - 212 с. – Текст : непосредственный.
35. Маторина И.С. Модель судебной медиации в России // Российское правосудие. - № 7., 2019. - С. 19-27. – Текст : непосредственный.
36. Павлушков А.Р. Карательно-исправительная система Русской православной церкви в имперский период. - Вологда., 2014. - 251 с. – Текст : непосредственный.
37. Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. - Симферополь, 1867. - Вып.1. - 520 с. – Текст : непосредственный.
38. Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. - Симферополь, 1897. - 208 с. – Текст : непосредственный.
39. Права и свободы личности. Международные документы. Комментарии // Библиотечка «Российской газеты». - М., 1995. - Вып. 11. - С.10-17. – Текст : непосредственный.
40. Прохоров Д.А. Караимское население Таврической губернии в конце XVIII – начале XX в. – Текст : электронный // Таврические студии. Вып. 1. 2011. Крымский университет культуры, искусств и туризма. – URL: http://kukiit.ru/docs/ts/no1/20.pdf (дата обращения: 17.07.2020).
41. Раввинский суд. – Текст : электронный // Главный раввинат России. – URL: http://ravvinat.ru/ru/about_us/rabbinical_court/ (дата обращения: 13.07.2020).
42. Ревин К. И. Возникновение и деятельность Карасубазарского римско-католического суда. // Кримський юридичний вісник. - Сімферополь, 2010. - №1(8). Ч. 2. - С.277-286. – Текст : непосредственный.
43. Родионов М. Статистико-хронолого-историческое описание Таврической епархии. Общий и частный обзор. - Симферополь, 1872. - 269 с. – Текст : непосредственный.
44. Тур В.Г. Особенности возрождения армяно-католической общины Карасубазара в конце XVIII века. // МАИЭТ. - Симферополь, 2009. - № XV. - С.561-572. – Текст : непосредственный.
45. Хутько Т. В. Магометанский духовный суд в Таврической губернии (конец XVIII первая половина XIX ст.). – Текст : электронный // Проблемы законности. 2013. - № 124. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/magometanskiy-duhovnyy-sud-v-tavricheskoy-gubernii-konets-xviii-pervaya-polovina-xix-st (дата обращения: 17.07.2020).

Tur V. G. Confessional judicial system of the Russian Empire in the middle of the XIX century: history and modern problems // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 74-85.

The article is devoted to modern trends to expand the influence of religious organizations, the emergence of modern confessional courts and the experience of the Russian Empire XIX century. In resolving the problem of combining state and confessional judicial systems. Considering the question, the author relies on the materials of the Tauride province.

During the period of the Russian Empire, a confessional judicial system was built into the general-amperk state system. Religious Orthodox courts and their bodies - consistory were mainly engaged in intracerer cases

and in relation to the parishioners only issues of marriage-family relations, morality, which coincided, as a rule with national legislation and were a means of moral influence on the laity. Regarding the priests and monastishes, punishments of church were applied. Church punishments could be applied as an additional religious political measure to the laity, convicted criminal courts for crimes. As for the confessional courts of communities of foreign confessions, which, by analogy, also considered the cases of family-marriage, inheritance and intrafefessionual, they played an important role in resolving relations between the state and ethno-confessional groups, primarily on the inquiry of the state, such as the Tauride province . The functioning of confessional courts in the Crimea made it possible to remove the stress in the event of a non-compliance of Russian legislation with ancient religious customs, which often manifested at the household level.

Further detailed study of archival documents of the end of the XVIII - XIX centuries. will allow: to study various systems, structure and functions of confessional courts in the Russian Empire of the XIX century; explore the sources of religious and secular law, which relied on the confessional courts of the Russian Empire; Install the jurisdiction of confessional courts and the circle of persons to them..

Key words: judicial system, Russian Empire, religious organizations, Tauride province.

Spisok literatury

1. Halandachev, N. P. Analiz mekhanizmov realizacii transportnoj strategii RF / N. P. Halandachev. – Tekst : neposredstvennyj. // Sinergiya Nauk. – 2019. – № 33. – S. 110-126.
2. Transportnaya strategiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda // Oficial'nyj sajt Ministerstva transporta. : [sajt]. – . – URL: https://mintrans.gov.ru/documents/3/1009 (data obrashcheniya: 17.03.2021).– Tekst: elektronnyj.
3. Sudenko, V. E. Specifika rassledovaniya prestuplenij, sovershyonnyh organizovannymi prestupnymi gruppami i prestupnymi soobshchestvami, v tom chisle na ob"ektah transportnoj infrastruktury / V. E. Sudenko. – Tekst: elektronnyj. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2019. № 2. [sajt]. – . – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-rassledovaniya-prestupleniy-sovershyonnyh-organizovannymi-prestupnymi-gruppami-i-prestupnymi-soobschestvami-v-tom-chisle (data obrashcheniya: 17.03.2021).
4. Balashov, S. K. Ugolovno-pravovaya ohrana bezopasnosti dvizheniya i ekspluatacii zheleznodorozhnogo transporta: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskih nauk : 12.00.08 / Balashov Sergej Konstantinovich; Rostovskij yuridicheskij institut MVD Rossii, – Rostov-na-Donu. – 2007. – 26 s. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Federal'nyj zakon «O transportnoj bezopasnosti» ot 09.02.2007 № 16-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami). // Dostup iz sprav.- pravovoj sistemy Konsul'tantPlyus. – Tekst: elektronnyj.
6. Rezul'taty operativno-sluzhebnoj deyatel'nosti UT MVD Rossii po YUFO za 2020 god // Upravlenie na transporte MVD Rossii po YUzhnomu federal'nomu okrugu : [sajt]. – . – URL: https://yufout.mvd.rf/document/22602412 (data obrashcheniya: 17.03.2021).– Tekst: elektronnyj.
7. Gruzdeva, L. M. Ugolovno-pravovye sredstva bor'by s prestupnost'yu na transporte / L. M. Gruzdeva. – Tekst : neposredstvennyj. // Transportnoe pravo i bezopasnost'. – 2020. – № 3(35). – C.53.
8. Ivushkina, O. V. Krazhi gruzov iz podvizhnogo sostava zheleznodorozhnogo transporta : harakteristika i preduprezhdenie : regional'nyj aspekt : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskih nauk : 12.00.08 / Ivushkina Ol'ga Viktorovna; FGAOU VO «Sibirskij federal'nyj universitet». – Krasnoyarsk. 2018. – 28 s. – Tekst : neposredstvennyj.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 86-94.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.56

DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-86-94

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Адельсеитова А. Б, Мариева А. А.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

В статье рассматривается вопрос о целесообразности создания Конституционного Суда Республики Крым, проведен анализ функционирования системы судебных органов в Республике Крым, сделан вывод о необходимости создания органа конституционного контроля на местном уровне, который бы мог своевременно разрешать текущие проблемы.

Проанализировано законодательство, регулирующее создание и функционирование конституционных (уставных) судов в субъектах, рассмотрена деятельность функционирующих на сегодняшний день конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации, определены положительные и отрицательные стороны. Предложены соответствующие изменения в законодательстве, необходимые для эффективного функционирования системы конституционных судов в субъектах Российской Федерации и в Республике Крым.

Ключевые слова: Конституционный Суд Республики Крым, Конституционный Суд Российской Федерации, конституционный (уставной) суд субъекта, органы государственной власти в Республике Крым.

Изменение государственной принадлежности территории Республики Крым повлекло за собой изменения во многих сферах, в том числе и в судебной системе. Концепции судебной реорганизации были утверждены рядом законодательных актов, принятых на федеральном уровне России.

На современном этапе судебная система на территории Республики Крым реформирована и приведена в соответствие с Федеральным конституционным законом от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» [1]. Интеграцию Крыма в правовую систему России, ввиду ряда обстоятельств нельзя обозначить как завершившуюся. Изменения, которые стали причиной соответствующих интеграционных процессов в российскую правовую систему, формирование новой структуры государственных органов, создание правовой основы их деятельности, разработку и формирование системы регионального законодательства, имеют перманентный характер.

Обращая особое внимание на деятельность органов государственной власти РК, следует отметить, что одной из основ успешной реализации задач, возложенных на органы власти республики, является обеспечение соответствия норм законодательства республики с нормами, принимаемыми на федеральном уровне.

В настоящее время вопрос об учреждении Конституционного Суда в Республике Крым привлекает особое внимание современных исследователей. В основе многих научных трудов лежит изучение практического опыта конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (далее РФ), где существует указанный орган судебной власти. На сегодняшний день отсутствует единое мнение относительно целесообразности создания органов конституционного контроля в каждом субъекте. Полагаем, данный вопрос требует внимания и глубокого изучения.

Цель исследования состоит в разработке концептуальных основ формирования, организации и развития органа конституционной юстиции в Республике Крым с учетом накопленного практического опыта в иных субъектах РФ и выявившихся проблем, а также практической необходимостью создания Конституционного Суда в Республике Крым.

В рамках проводимого исследования необходимо разрешить следующие *задачи:* рассмотреть правовые основы создания и функционирования судебной системы в Республике Крым как субъекта РФ. Рассмотреть деятельность конституционных (уставных) судов в субъектах РФ, выявить негативные и позитивные факторы, а также обосновать практическую необходимость создания в Республике Крым Конституционного Суда.

В основе многих исследований правового статуса Республики Крым особое внимание уделяется изучению вопроса создания конституционных (уставных) судов субъектов и, в том числе, Конституционного суда в Республике Крым. О проблемах и правовом статусе органов конституционной юстиции в субъектах РФ писали такие исследователи как Заметина Т.В., Кабышев В.Т., Зырянов И.А., Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А., Османов Р.А., Цалиев А.М., Слепова А.А. и другие.

В.Б. Евдокимов, Т.А. Тухватуллин в своей работе приходят к выводу о необходимости создания на текущем этапе развития Российской Федерации конституционных (уставных) судов во всех субъектах [2]. Данная позиция обосновывается необходимостью создания дополнительного механизма защиты прав и свобод граждан. Кроме того, Р.А. Османов поддерживает указанную позицию, в частности, приходит к выводу о нарушении принципа разделения властей в тех регионах, где конституционные (уставные) суды отсутствуют [3]. И.А. Зырянов в статье «К вопросу об учреждении Конституционного Суда в Республике Крым в свете обеспечения единства судебной системы» [4] отмечает огромное количество нормативных актов Российской Федерации, что создает трудности при применении законодательства не только обычным гражданам, но и профессиональным юристам. С аналогичной ситуацией столкнулась и Республика Крым, проходя интеграционные процессы. А.А. Слепова [5] приводит доводы в пользу необходимости обеспечения равенства прав граждан во всех субъектов в части доступа к конституционному правосудию. Обеспечение таких прав возможно путем создания в каждом субъекте Российской Федерации конституционных (уставных) судов, с учетом особенностей в регионе.

В целом, на сегодняшний день ученые поддерживают идею необходимости создания во всех субъектах Российской Федерации конституционных (уставных) судов, не смотря на значительные расходы на их содержание. Относительно расходов на обеспечение деятельности суда необходимо отметить, что деятельность любого регионального органа власти подразумевает расходы из регионального бюджета. Как правило, в конституционном (уставном) суде количество судей не превышает

пять-шесть человек, сотрудники аппарата суда – не более пятнадцати человек, что является незначительным по сравнению с количеством сотрудников в других региональных органах государственной власти и расходов на их содержание. Таким образом, региональный орган конституционного контроля – это единственный орган судебной власти, деятельность которого подлежит финансированию из местного бюджета. В связи с чем полагаем, что необходимость дополнительных расходов бюджета на обеспечение деятельности конституционного суда не может быть рассмотрена в качестве аргумента против создания таких судов.

Прежде всего следует отметить, что орган конституционного контроля – это орган, который входит в систему государственных органов, и осуществляет функции по проверке соответствия нормативных актов основному закону государства или основному закону субъекта, а также выполняет иные функции, возложенные на него региональным законом.

Вступление Крыма в состав России обусловило необходимость создания абсолютно новой системы региональных норм, которая должна одновременно учитывать возникшие ранее правоотношения, федеральное законодательство, специфику местного развития региона, актуальные потребности общества на современном этапе.

Правовой основой создания государственных органов на региональном уровне является ч. 2 ст. 11 Конституции РФ [6]: «государственную власть в субъектах РФ осуществляют образуемые ими органы государственной власти». Частью 1 ст. 77 Конституции установлено: «система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом».

В Республике Крым на сегодняшний день сформирована и функционирует система органов государственной власти, но говорить об окончательном формировании преждевременно, поскольку этот процесс бесконечный: одни органы ликвидируются, иные – создаются, в зависимости от текущих потребностей общества, отвечающих уровню экономического, социального и правового развития.

Федеральным законом «О создании судов Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23.06.2014 г. на полуострове была сформирована судебная система. Так, согласно указанному нормативному акту на территории Республики Крым были созданы Верховный Суд Республики Крым, Арбитражный суд Республики Крым, Крымский гарнизонный военный суд, районные и городские суды; на территории города федерального значения Севастополя – Севастопольский городской суд, Арбитражный суд города Севастополя, Севастопольский гарнизонный военный суд, районные суды города Севастополя. Федеральным конституционным законом № 10-ФКЗ от 23 июня 2014 года был создан Двадцать первый арбитражный апелляционный суд. Фактически, указанными нормативными актами была сформирована судебная система Республики Крым, которая существует и функционирует и по сегодняшний день.

В соответствии с п.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2014 г. №21 днем начала деятельности судов на территории Республики Крым и города федерального значения является 26 декабря 2014 года.

Рассматривая вопрос необходимости формирования конституционных (уставных) судов в Российской Федерации и Республике Крым, в частности, следует обратить внимание на следующие нормативно-правовые акты. Так, 16 января 2017 г. был принят Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», в котором основными целями и принципами установлено обеспечение равных возможностей для реализации установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами экономических, политических и социальных прав граждан Российской Федерации на всей территории страны. Реализация указанного принципа возможна, на наш взгляд, только в случае организации системы государственных органов на основе принципа разделения властей в каждом субъекте.

Так, Основной закон РФ закрепляет, что государственная власть осуществляется с учетом принципа разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Кроме того, государственная власть в субъектах должна быть организована в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации, в каждом субъекте принята конституция либо устав, где закреплено положение о необходимости соответствия всех региональных норм конституции либо уставу.

Региональное правосудие является неотъемлемой частью федеральной судебной системы. Создание и функционирование судебной системы Республики Крым должно соответствовать федеральному законодательству. Частью 4 ст. 4 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» установлено: к судам субъектов Российской Федерации относятся: конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, мировые судьи.

Важность принципа разделения властей закреплена и в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18.01.1996 г. №2-П [7], в частности, подчеркнута особая важность разделения власти не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов. Закрепление системы правовых гарантий сдержек и противовесов обеспечивает независимость каждой ветви власти.

Создание конституционного суда субъекта относится к полномочиям региональных властей, однако до настоящего времени этот вопрос не получил надлежащей оценки в Республике Крым.

Кроме того, нельзя не обратить внимания на содержание Конституции Республики Крым, в которой не предусмотрена региональная конституционная юстиция. Так, в частности, в п.1 ст. 86, Главы 6 определено, что «правосудие в Республике Крым осуществляется только судом, пункт 2 гласит «в Республике Крым действуют федеральные суды и мировые судьи. Полномочия, порядок образования и деятельности федеральных судов определяются законодательством Российской Федерации». Наличие норм в Конституции Республики Крым, которые законодательно регламентировали существование конституционной юстиции в республике, явились бы правовой основой создания Конституционного Суда в республике.

Отсутствие органа конституционного контроля в РК ограничивает права граждан на доступ к правосудию и ставит в неравное положение по сравнению с теми гражданами, в регионе проживания которых создан соответствующий орган.

Орган конституционной юрисдикции является неотъемлемой составляющей региональной судебной системы, направленной на защиту прав и основных свобод человека. Конечно же граждане имеют право на обращение в Конституционный Суд РФ, однако, учитывая факт загруженности жалобами указанного органа, практическая деятельность регионального органа конституционной юстиции, на который, в рамках компетенции по аналогии с уже существующими органами конституционного контроля в субъектах РФ, возможно возложить разрешение ряда вопросов.

Анализ законодательства, регламентирующего деятельность конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации, позволяет выделить следующие критерии правового регулирования по объему полномочий в сфере рассмотрения споров о компетенции: отнесение к полномочиям конституционных (уставных) судов споров о компетенции между о органами государственной власти (например, Уставной суд Московской области); отнесение к ведению конституционных (уставных) судов споров о компетенции между органами государственной власти субъекта, между органами местного самоуправления субъекта и органами государственной власти субъекта (например, Конституционный суд Республики Адыгея); отнесение к юрисдикции конституционных (уставных) судов споров о компетенции между органами местного самоуправления субъекта, споров о компетенции между органами государственной власти субъекта, споров о компетенции между органами государственной власти субъекта и органами местного самоуправления субъекта (Конституционный суд Республики Татарстан, Конституционный суд Кабардино-Балкарской Республики).

Так, конституционные (уставные) суды на сегодняшний день действуют в пятнадцати субъектах, в 2016 году действовали в шестнадцати субъектах. Данное обстоятельство свидетельствует о нежелании региональных властей создавать или сохранять действующие органы, которые наделены полномочиями по контролю, в том числе, их законотворческой деятельности. Действующим законодательством установлено, что деятельность местных конституционных судов финансируется из регионального бюджета. При этом, расходы на содержание суда в год составляют приблизительно 30 миллионов рублей. Рассматривая эффективность деятельности судов, необходимо отметить, что за год конституционный (уставной) суд может не вынести ни одного решения по существу (например, Конституционный суд Чеченской Республики в 2015 году; за 2020 год на официальном сайте суда также отсутствуют данные о принятых определениях и постановлениях [8].

В то время как деятельность Конституционного суда Республики Татарстан свидетельствует о востребованности такого органа. Ежегодно суд выносит множество решений, ведет активную деятельность по защите прав и основных свобод в Республике [9].

В связи с неоднозначной деятельностью конституционных (уставных) судов за последние годы было упразднено несколько конституционных судов: Тюменский, Иркутский, Карачаево-Черкесский. Фактически, складывается ситуация, при которой законодательная власть в регионе может упразднить неугодный суд, что не соответствует общепризнанным принципам права.

Изменить сложившуюся негативную ситуацию возможно лишь на законодательном уровне.

Анализируя проблемные аспекты федерального законодательства в рассматриваемом контексте, необходимо отметить следующие положения. Статья 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» предусматривает возможность создания субъектом Российской Федерации для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации.

Так, реализация указанной нормы создает условия, при которых порядок создания, упразднения и финансирования судов остается в поле ведения региональных властей. Такая ситуация не позволяет в полной мере конституционному (уставному) суду быть независимым органом и надлежащим образом осуществлять свои полномочия. Действительно, органы власти субъекта Российской Федерации не нацелены на создание органа конституционной юрисдикции, который бы осуществлял контроль за их деятельностью. Наглядным примером служит тот факт, что на сегодняшний день действует всего лишь пятнадцать конституционных и уставных судов субъектов.

Безусловно, конституционное судопроизводство является важным, ценным и необходимым звеном судебной системы Российской Федерации, однако законодательная регламентация данного вопроса требует оптимизации.

Учреждение Конституционного Суда в Республике Крым является, на наш взгляд, необходимой мерой. На сегодняшний день в Республике Крым отсутствует эффективный механизм, позволяющий динамично разрешать споры о компетенции органов государственной власти. Такой спор может быть разрешен конституционным судом субъекта в случае закрепления за ним таких полномочий. Так, например, рассматривая сложившуюся ситуацию на примере Республики Крым, следует отметить, 29 мая 2014 года был принят Закон Республики Крым «О системе исполнительных органов государственной власти Республики Крым», которым были определены система и структура исполнительных органов. В 2014-2015 годах в Республике Крым создана основная масса функционирующих ныне органов власти. Ситуация в Крыму в указанный период обусловила необходимость создания органов государственной власти за достаточно короткий период, что повлекло негативные последствия в части правовой регламентации деятельности таких органов.

Так, недостаточное изучение федерального законодательства, поспешная разработка положений о статусе органов исполнительной власти, недостаточная систематизация и структурирование полномочий органов исполнительной власти привело к тому, что компетенция некоторых государственных органов совпадает. Учеными-юристами и практиками неоднократно поднимался вопрос о дублировании функций таких органов государственной власти как Служба государственного строительного надзора Республики Крым и Службы капитального строительства Республики Крым [10], к полномочиям которых отнесены функции по надзору и контролю в сфере капитального строительства. Кроме того, сходными функциями наделены и местные администрации в Республике Крым.

В процессе интеграции Крыма в правовое поле РФ первоочередной задачей было принятие местных законов для регламентации наиболее важных общественных от-

ношений. В связи с необходимостью охвата огромного объема правоотношений, качество принимаемых норм, а также эффективные механизмы их реализации, не всегда выходили на первый план. Кроме того, в региональном законодательстве имеет место огромное количество отсылочных и бланкетных норм. Особенно остро эта проблема стоит в муниципальных правовых актах [11]. Принятие большого количества нормативных актов за столь короткий период привело к возникновению правовых коллизий, наличие пробелов в законодательстве, которые дают возможность злоупотреблению со стороны государственных органов и, как следствие, нарушение конституционных прав человека. Устранение обозначенных выше проблем возможно путем создания специального органа, к компетенции которого отнесено разрешение таких вопросов.

Таким образом, разрешение существующих проблем возможно достигнуть только в процессе совершенствования законодательства. В федеральном конституционном законе необходимо предусмотреть создание конституционных судов во всех субъектах федерации, возможно, не во всех субъектах федерации необходимо создание постоянно действующего суда. Исключить возможность ликвидации органа конституционной юстиции по решению местных органов власти. Финансирование таких судов для обеспечения их независимости и беспристрастности необходимо осуществлять из федерального бюджета, что позволит сделать такие суды более независимыми от местных органов власти.

Также считаем целесообразным, внести изменения в ФКЗ в части создания системы конституционных судов во главе с Конституционным Судом Российской Федерации, которому предоставить полномочия по пересмотру судебных постановлений конституционных (уставных) судов. Наличие иерархии позволит обеспечить более высокую эффективность судебных постановлений.

Не менее важным в данной сфере является четкое определение правового статуса конституционного (уставного) суда. Это возможно сделать путем принятия федерального конституционного закона о конституционных (уставных) судах в РФ.

На региональном уровне, в частности в Конституцию Республики Крым [12], необходимо внести изменения в главу 7 «Судебная власть и прокуратура в Республике Крым» положений об осуществлении судебной власти, в том числе и Конституционным судом Республики Крым. Необходимо принятие регионального закона о конституционном суде республики, а также подзаконных актов, обеспечивающих функционирование его органов.

Рассматривая вопрос о компетенции, по нашему мнению, Конституционному суду Республики Крым необходимо предоставить право рассматривать дела о конституционности законов Республики Крым, нормативных правовых актов главы Республики Крым и Совета Министров Республики Крым, иных органов государственной власти Республики Крым, нормативных правовых актов органов местного самоуправления, не вступивших в силу соглашений о международных и внешнеэкономических связях Республики Крым. Конституционный суд Республики Крым вправе толковать Конституцию Республики Крым. Конституционный суд вправе рассматривать споры о компетенции: между органами государственной власти Республики Крым, между органами государственной власти Республики Крым и органами местного самоуправления; между органами местного самоуправления. Конституционный суд Республики Крым может обладать правом давать заключения о соответствии Конституции Республики Крым действий и решений Главы Республики Крым. Конституционный суд Республики Крым по жалобам на нарушение кон-

ституционных прав и свобод граждан и по запросам судов вправе проверять конституционность закона Республики Крым или его отдельных положений, нормативных правовых актов Главы и Совета Министров Республики Крым, а также органов местного самоуправления. Конституционный суд Республики Крым возможно наделить и правом законодательной инициативы в Государственный Совет Республики Крым по вопросам своего ведения.

Таким образом, создание конституционного суда в Республике Крым позволит сделать конституционное правосудие доступным и прозрачным механизмом для реализации основных целей, закрепленных в Конституции Российской Федерации на территории субъекта. Конституционное судопроизводство является важным инструментом в сфере защиты прав и свобод человека, который на сегодняшний день не оценен и не получил широкого распространения на уровнях субъектов федерации.

Кроме того, необходимость создания Конституционного суда в Республике Крым обусловлена многочисленными коллизиями, неточностями в законодательстве, которые требуют оперативного реагирования, что возможно разрешить в порядке конституционного судопроизводства.

Список литературы

1. О судебной системе Российской Федерации N 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) 31.12.1996 – Текст: электронный // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/(дата обращения 09.12.2020).
2. Евдокимов В.Б. О необходимости создания конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации/ Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А. – Текст: электронный// Научная электронная библиотека Киберленинка – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-sozdaniya-konstitutsionnyh-ustavnyh-sudov-v-subektah-rossiyskoy-federatsii/viewer (дата обращения 09.12.2020).
3. Османов Р. А. Органы конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации: проблемы организации и функционирования/ Р.А. Османов – Текст: электронный// Научная электронная библиотека Киберленинка – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organy-konstitutsionnoy-yustitsii-v-subektah-rossiyskoy-federatsii-problemy-organizatsii-i-funktsionirovaniya/viewer (дата обращения 09.12.2020).
4. Зырянов И.А. К вопросу об учреждении Конституционного Суда в Республике Крым в свете обеспечения единства судебной системы // И.А. Зырянов – Текст: электронный // Научная электронная библиотека Киберленинка – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-uchrezhdenii-konstitutsionnogo-suda-respubliki-krym-v-svete-obespecheniya-edinstva-sudebnoy-sistemy.
5. Слепова А.А. Проблемы создания и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации / А.А. Слепова – Текст: непосредственный// Мир современной науки. – 2019. - №3(55). – С. 27-35
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) сайт – Текст: электронный - URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_krim/ (дата обращения 09.12.2020).
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.01.1996 г. №2-П // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт – Текст: электронный - URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18011996-n/ (дата обращения 10.11.2020).
8. Конституционный Суд Чеченской Республики: сайт – URL: http://kschr.ru/ (дата обращения 05.10.2020).
9. Конституционный Суд Республики Татарстан: сайт – URL: https://ks.tatarstan.ru/resheniya.htm (дата обращения 08.11.2020).
10. Русанова С.Ю. Организация исполнительной власти в Республике Крым // С.Ю. Русанова, А.И. Жуков, А.А. Пивоваров – Текст: электронный// Научная электронная библиотека Киберленинка – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-ispolnitelnoy-vlasti-v-respublike-krym/viewer (дата обращения 09.12.2020).
11. Бондарчук И.В. Проблемы муниципального правотворчества в Республике Крым // И.В. Бондарчук ,Э.И. Умеров – Текст: электронный// Электронные журналы издательства notabene – URL: http://e-notabene.ru/lr/article_23644.html (дата обращения 09.10.2020).
12. Конституция Республики Крым (принятая 14 апреля 2014 г. сайт – Текст: электронный - URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_krim/ (дата обращения 09.12.2020).

A. B. Adelseitova, A. A. Marieva. About the necessity to establish a constitutional court in the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 86-94.

The article discusses the feasibility of establishing the Constitutional Court of the Republic of Crimea, analyzes the functioning of the judicial system in the Republic of Crimea, and concludes that it is necessary to create a body of constitutional control at the local level, which would be able to resolve current problems in a timely manner.

The legislation regulating the creation and functioning of constitutional (statutory) courts in the subjects of the Russian Federation is analyzed, the activities of the constitutional (statutory) courts functioning today in the subjects of the Russian Federation are considered, the positive and negative sides are identified. The corresponding changes in the legislation necessary for the effective functioning of the system of constitutional courts in the subjects of the Russian Federation and in the Republic of Crimea are proposed.

Keywords: Constitutional Court of the Republic of Crimea, Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional (statutory) the court of the subject, the state authorities in the Republic of Crimea.

Spisok literatury

1. O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii N 1-FKZ (red. ot 08.12.2020) 31.12.1996 – Tekst: e`lektronny`j // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/(data obrashheniya 09.12.2020).
2. Evdokimov V.B. O neobxodimosti sozdaniya konstitucionny`x (ustavny`x) sudov v sub``ektax Rossijskoj Federacii / Evdokimov V.B., Tuxvatullin T.A. – Tekst: e`lektronny`j// Nauchnaya e`lektronnaya biblioteka Kiberleninka – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-sozdaniya-konstitutsionnyh-ustavnyh-sudov-v-subektah-rossiyskoy-federatsii/viewer (data obrashheniya 09.12.2020).
3. Osmanov R.A. Organy` konstitucionnoj yusticii v sub``ektax Rossijskoj Federacii: problemy` organizacii i funkcionirovaniya / R.A. Osmanov – Tekst: e`lektronny`j// Nauchnaya e`lektronnaya biblioteka Kiberleninka – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organy-konstitutsionnoy-yustitsii-v-subektah-rossiyskoy-federatsii-problemy-organizatsii-i-funktsionirovaniya/viewer (data obrashheniya 09.12.2020).
4. Zy`ryanov I.A. K voprosu ob uchrezhdenii Konstitucionnogo Suda v Respublike Kry`m v svete obespecheniya edinstva sudebnoj sistemy`// I.A. Zy`ryanov – Tekst: e`lektronny`j // Nauchnaya e`lektronnaya biblioteka Kiberleninka – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-uchrezhdenii-konstitutsionnogo-suda-respubliki-krym-v-svete-obespecheniya-edinstva-sudebnoy-sistemy.
5. Slepova A.A. Problemy` sozdaniya i deyatel`nosti konstitucionny`x (ustavny`x) sudov sub``ektov Rossijskoj Federacii/ A.A. Slepova – Tekst: neposredstvenny`j// Mir sovremennoj nauki. – 2019. - №3(55). – S. 27-35.
6. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) sajt – Tekst: e`lektronny`j - URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_krim/ (data obrashheniya 09.12.2020).
7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 18.01.1996 g. №2-P // Zakony`, kodeksy` i normativno-pravovy`e akty` Rossijskoj Federacii: sajt – Tekst: e`lektronny`j - URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18011996-n/ (data obrashheniya 10.11.2020).
8. Konstitucionny`j Sud Chechenskoj Respubliki: sajt – URL: http://kschr.ru/ (data obrashheniya 05.10.2020).
9. Konstitucionny`j Sud Respubliki Tatarstan: sajt – URL: https://ks.tatarstan.ru/resheniya.htm (data obrashheniya 08.11.2020).
10. Rusanova S.Yu. Organizaciya ispolnitel`noj vlasti v Respublike Kry`m // S.Yu. Rusanova, A.I. Zhukov, A.A. Pivovarov – Tekst: e`lektronny`j// Nauchnaya e`lektronnaya biblioteka Kiberleninka – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-ispolnitelnoy-vlasti-v-respublike-krym/viewer (data obrashheniya 09.12.2020).
11. Bondarchuk I.V. Problemy` municipal`nogo pravotvorchestva v Respublike Kry`m // I.V. Bondarchuk ,E`.I. Umerov – Tekst: e`lektronny`j// E`lektronny`e zhurnaly` izdatel`stva notabene – URL: http://e-notabene.ru/lr/article_23644.html (data obrashheniya 09.10.2020)
12. Konstituciya Respubliki Kry`m (prinyataya 14 aprelya 2014 g. sajt – Tekst: e`lektronny`j - URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_krim/ (data obrashheniya 09.12.2020)..

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 95-104.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК: 343.8

ПРЕСТУПНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТОЯНИЯ И МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Игнатов А. Н., Габрусь Н. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Криминальные угрозы и некоторые факторы детерминации преступности в Крыму отчасти являются новыми для национальной безопасности России. В значительной мере это обусловлено тем, что все явления и процессы, которые происходят в Крыму, имеют ряд характерных особенностей в основном геополитического и транзитивного характера. Кроме того, региональные особенности состояния преступности зависят и от таких факторов, как наличие (особенности размещения и взаимодействия) природных, производственно-территориальных и социально-территориальных комплексов и их компонентов. Анализ статистических данных о состоянии преступности в регионе, осуществленный с учетом указанных факторов, позволил вывить основные характеристики и тенденции состояния преступности в Республике Крым. Деятельность правоохранительных органов региона, в частности органов внутренних дел, осуществляется с учетом актуальных криминальных угроз, основными из которых, на сегодня выступают преступления в сфере экономики, в сфере оборота наркотиков, а также экстремизм и терроризм. Перспективными направлениями противодействия преступности в регионе являются формирование и развитие единого информационного пространства для всех региональных субъектов противодействия преступности, а также надлежащее кадровое и ресурсное обеспечение региональной безопасности.

Ключевые слова: преступность, противодействие, география преступности, состояние преступности, региональная безопасность, транзитивный характер, Республика Крым.

Преступность, имея в своей основе в качестве интегрирующего, фундаментального признака, отображающего его как системную целостность, криминальное (уголовно-запрещенное) поведение человека как биосоциального существа, в своем внешнем проявлении представляет собой довольно разнообразную криминальную реальность [1, с. 6-10].

Одним из перспективных направлений современной криминологической науки, изучающей закономерности распространения в пространстве и изменения во времени качественно-количественных показателей преступности, обусловленных взаимодействием компонентов социальных, природных и антропогенных подсистем на локальном, региональном и глобальном уровнях, является география преступности [2; 3]. С прикладной точки зрения, для разработки эффективных программ борьбы с преступностью необходимо обладать точным представлением о сложившейся качественно-количественной характеристике преступности исследуемой территории, знать ее тенденции и закономерности для осуществления прогнозирования.

Всестороннее изучение и анализ преступности предполагает ее постоянное измерение в масштабах всей страны и в пределах отдельных регионов. Исследование основных показателей преступности должно осуществляться в соответствии с географическими, демографическими, историческими, социально-экономическими и другими особенностями регионов и с учетом существующего административно-территориального устройства государства.

Республика Крым является уникальным государственным образованием. Уникальность данного территориального образования определяется его специфическим географическим и геополитическим положением, сложными демографическими характеристиками (многонациональность, этническое и конфессиональное разнообразие и пр.) состава населения, а также имеющими место сегодня сложными геополитическими и социально-экономическими процессами [4, с. 8-22].

Следует учитывать, что криминальные угрозы и некоторые факторы детерминации преступности в Крыму отчасти являются новыми для национальной безопасности России. В значительной мере это обусловлено тем, что все явления и процессы, которые происходят в Крыму, имеют ряд характерных особенностей в основном геополитического и транзитивного характера [5, с. 73-81.

Рассматривая детерминацию преступности с позиций системного подхода, следует учитывать, что ее состояние и региональные особенности зависят и от таких факторов, как наличие (особенности размещения и взаимодействия) на изучаемой территории природных, производственно-территориальных и социально-территориальных комплексов и их компонентов.

Климатически условия способствуют выращиванию на территории Республики Крым каннабиноидов и иных наркосодержащих растений, соответственно, осуществлять деятельность, связанную с изготовлением, производством, сбытом и иными формами незаконного оборота наркотических средств.

Однако, рассматривая такой региональный фактор, как наличие природных комплексов и их компонентов, следует учитывать, прежде всего, то, что климат в Республике Крым, а также его природно-климатические особенности определяют специфику экономики полуострова и связанную с ней масштабную миграцию населения.

Крым, учитывая его географическое положение, климат и имеющийся курортно-рекреационный потенциал, всегда являлся курортным регионом. При этом в силу объективных, прежде всего, природно-климатических, факторов туристский и рекреационный бизнес в Крыму стабильно имеет четко выраженный сезонный характер.

Сезонная трудовая (преимущественно нелегальная) миграция, а также сезонная туристская миграция в Республике Крым обуславливают сезонную миграцию криминального элемента, а также сезонные колебания уровня регистрируемой на территории полуострова преступности, отражающие уровень криминализации и виктимизации полуострова.

Миграционные потоки на территории полуострова связаны также с такими проявлениями криминальной деятельности, как организация и осуществление незаконного игорного бизнеса, а реализация на его территории проекта по созданию

масштабных «игорных зон» не может не стать объектом внимания профессиональной и организованной преступности.

Республика Крым, является аграрным регионом, в котором сельское хозяйство (животноводство, садоводство, выращивание зерновых культур и пр.) занимает значительную долю в отраслях материального производства. Реализация курортно-рекреационного потенциала региона и туризма и ресторанно-гостиничного бизнеса обусловили развитие сельского хозяйства. Данная тенденция является фактором, определяющим интерес участников российского аграрного бизнеса к территории полуострова. При этом закономерный процесс поглощению и/или ликвидации более мелких, неконкурентоспособных предприятий региона под давлением более крупных участников данного бизнеса происходит не всегда законными путями. Кроме того, учитывая дотационный и субсидиарный характер финансовой поддержки развития сельского хозяйства Республики Крым, данная отрасль с точки зрения контроля и потребления финансовых потоков не может не оставаться без «внимания» представителей криминального бизнеса, а также криминально ориентированных чиновников различных уровней [5, с. 74-80].

Региональные факторы, связанные с особенностями социально-территориальных комплексов и их компонентов, также имеют следующее детерминистическое значение. Недостаточные объемы социально доступного жилья, а также недостаточно развитая инфраструктура досуга и отдыха полуострова являются фактором детерминации различного рода проявлений бытовой, насильственной и корыстной преступности.

Геополитические факторы детерминации преступности на территории Республики Крым связаны со сложным географическим положением региона на политической карте мира, а также со сложившейся на сегодня санкционной и иной недоброжелательной политикой отдельных стран по отношению к России. Указанные факторы повлияли как на состояние экономической преступности, так и на состояние организованной преступности, а также на уровень экстремистской и террористической угрозы.

Так называемые международные санкции, введенные по отношению к региону, обусловили существенное изменения состояния и структуры регионального рынка контрабанды, с одной стороны став преградой нелегального ввоза-вывоза с территории полуострова по определенным каналам (в частности через морскую инфраструктуру) тех или иных групп товаров, а с другой стороны привели к стимулированию такого ввоза товаров и появлению новых рынков контрабандной продукции (в том числе с участием сопредельных государств).

Как результат взаимодействия старых (до присоединения Крыма к России) и новых (в составе России) противоречий, «крымская» преступность сегодня политизируется, идеологизируется, конфессионализируется, что выражается не только в закономерной для таких обстоятельств активизации угроз криминального экстремизма и терроризма, но и в изменении мотивационного фона традиционной «общеуголовной» преступности. То есть заметно проявляет себя криминологическая тенденция «культивации» характерного для современной социально-политической почвы Крыма криминогенного «гибрида» из «доморощенных» и «заморских» криминогенных ингредиентов [6, с. 24].

Учет региональных особенностей детерминации и самого состояния региональной преступности требует дифференцированного и концептуального подхода к превентивным мерам.

Анализ статистических данных о состоянии преступности в России и ее отдельных субъектах [7; 8] за период с 2014 года по 2020 год позволил вывить следующие характеристики и тенденции состояния преступности в Республике Крым.

1. Постепенное незначительное снижение абсолютных показателей количества регистрируемых в Республике Крым преступлений (если в 2015 году было зарегистрировано 27842 преступления (2014 год – 18248), то в 2020 году – 21682 преступления).

В 2020 году на территории Республики Крым зарегистрировано 21682 преступления (21682; 2019 – 20979; +3,4%), в т.ч. 4838 тяжких и особо тяжких. В массиве преступности за указанный период на территории Республики Крым уменьшилось количество убийств (-6,8%; 68), фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (-4,3%; 180), разбойных нападений (-24,3%; 56), грабежей (-29,6%; 323), краж (-12,1%; 7245), в т.ч. краж с проникновением из квартир (-33,3%; 470), краж транспортных средств (-25,9%; 186), фактов неправомерного завладения транспортными средствами (-1,2%; 167), нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (-16,7%; 280). На 83,3% увеличилось количество преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (с 2199 до 4031).

2. Количество выявленных лиц, совершивших преступления, остается практически на одном уровне, однако по отношению к количеству регистрируемых преступлений, данный показатель имеет тенденцию к увеличению.

Половина всех преступлений (в среднем 50%) совершается лицами, ранее совершавшими преступления. В группе совершается каждое двенадцатое преступление (в среднем 7,5% преступлений). 75% выявленных лиц, совершивших преступления, не имели постоянного источника дохода.

Ежегодно 3-5% преступлений совершается несовершеннолетними. Из числа выявленных лиц, совершивших преступление, 15% приходится на лиц женского пола. При этом постепенно сокращается количество женщин, а также количество несовершеннолетних, совершивших преступления. Также имеет место снижение количества преступлений, совершенных иностранными гражданами.

Каждое четвертое-пятое преступление совершается в состоянии алкогольного опьянениями и до 1,5% преступлений – в состоянии наркотического опьянения.

Следует отметить, что высокий удельный вес преступлений, совершённых иностранными гражданами в 2014-2015 годах, обусловлен значительным количеством находящихся на территории Республики Крым граждан Украины, которыми, в частности, в 2015 году было совершено 90,5% преступлений от общего количества преступлений совершенных иностранными гражданами.

3. Постепенное увеличение абсолютных показателей количества регистрируемых преступлений экономической направленности (если в 2015 году было зарегистрировано 845 преступления (2014 год – 384), то на ноябрь 2020 года зарегистрировано 997 преступлений).

В 2020 году только сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Республике Крым выявлено 530 (+21,8%)

преступлений, следствие по которым обязательно, в т.ч. 429 (+30,8%) тяжких и особо тяжких, 237 (+26,7%) с причинением ущерба в крупном и особо крупном размере. Пресечено 141 преступление коррупционной направленности (+2,2%), 54 (+20,0%) факта взяточничества, 25 присвоения или растраты (+19,0%). В бюджетной сферевыявлено 137 преступлений, в т.ч. 58 – связаны с освоением бюджетных средств. Больше выявлено преступлений в сфере земельных отношений (+3,5 р.; 94), финансово-кредитной сфере (+2,2%; 71), топливно-энергетического комплекса (+12,5%; 18) и жилищно-коммунального хозяйства (+30,0%; 13).

4. Стабильное увеличение абсолютных показателей количества регистрируемых в преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (если в 2015 году было зарегистрировано1743 преступления (2014 год – 1060), то в 2020 году – 2253 преступления).

В 2020 году в ходе противодействия незаконному обороту наркотиков на территории Республики Крым задокументировано 2253 (2019 – 1905; +18,3%) наркопреступления, в т.ч. 1145 тяжких и особо тяжких. По фактам сбыта наркотиков задокументировано 863 преступления, в крупном 475 (2019 – 443; +7,2%) и особо крупном 29 (2019 – 27; +7,4%) размерах. Установлено 1248 лиц, совершивших наркопреступления (2019 – 1100; +13,5%), в т.ч. 359 наркосбытчика (2019 – 346; +3,8%). Увеличилось количество изъятых из незаконного оборота наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ (по расследованным уголовным делам). Изъято 223,2 кг, что на 71,5 кг больше, чем в 2019 году, в т.ч. 167,3 кг - марихуаны (+33,6 кг), 43,7 кг - синтетических наркотиков (+32,3 кг). Выявлено 18 преступлений, связанных с организацией и содержанием притонов для употребления наркотиков.

5. Стабильный уровень (с тенденцией увеличения) количества регистрируемых преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (если в 2015 году было зарегистрировано 401 преступление (2014 год – 219), то в 2020 – 378 преступлений).

В 2020 году на территории Республики Крым выявлено 378 преступлений (+12,5% по сравнению с 2019 г.), связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов. Из незаконного оборота сотрудниками полиции изъято 146 ед. огнестрельного оружия, 5786 патронов различного калибра, свыше 106 кг взрывчатых веществ, 24 гранаты, 42 основные части к огнестрельному оружию и 105 взрывных устройств.

6. Отдельного внимания заслуживает резкое и стремительное возрастание террористической угрозы в Республике Крым. За период с 2014 года по 2020 год имеет место увеличение в десятки раз абсолютных показателей количества регистрируемых в Республике Крым преступлений террористического характера. Так, если в 2015 году было зарегистрировано 3 преступления (2014 год – 1), то на ноябрь 2020 года было зарегистрировано 70 преступлений террористического характера.

7. Увеличение абсолютных показателей количества регистрируемых в Республике Крым преступлений экстремистской направленности. Так, если в 2015 году было зарегистрировано 11 преступлений (2014 год – 10), то в 2017 году уже 26, а по состоянию на ноябрь 2020 года было зарегистрировано 14 преступлений террористического характера.

8. Постепенное стабильное увеличение количества (50-60% от зарегистрированных преступлений) предварительно расследованных преступлений.

Так, в 2015 году окончено 13178 преступлений, в т.ч. 2531 – тяжких и особо тяжких. Из числа оконченных преступлений в суд с обвинительными материалами направлено 10836 преступлений, 2342 – прекращено. Органами и подразделениями МВД по Республике Крым расследовано 10162 преступления, в т.ч. 1620 – тяжких и особо тяжких.

В 2020 году в Республике Крым раскрыто (расследовано) 12921 преступление, в том числе 2174 тяжких и особо тяжких, 62 убийства, 169 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 53 разбойных нападения, 270 грабежей и 3580 краж. В 2020 году больше расследовано тяжких и особо тяжких преступлений (2174; +5,1%), краж (3580; +1,0%), в т.ч. краж транспортных средств (116; +27,5%), незаконного завладения транспортных средств (139; +7,8%), мошенничеств (+2,7%; 759), преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (663; +72,7%).

9. Постепенное стабильное снижение количества нераскрытых преступлений (с 43,4% до 33,3% от числа зарегистрированных преступлений). Так, если в 2015 году по итогу года оставалось нераскрытыми 14802 преступления, то в 2019 году данный показатель снизился до 9399 преступлений. В 2020 году по сравнению с 2019 годом повысилась эффективность работы по раскрытию фактов убийств (95,4%; +6,7%), разбоев (86,9%; +1,0%), грабежей (83,6%; +9,7%), краж (49,0%; +7,0%), в т.ч. с проникновением из квартир (54,9%; +12,8%), транспортных средств (57,4%; +21,5%), незаконного завладения транспортных средств (86,9%; +8,7%), нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (92,4%; +4,2%).

Общегосударственные приоритеты [9] в сфере обеспечения общественного порядка и противодействия преступности, в государстве в целом и каждом регионе в частности, установлены государственной программой Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года N 345 [10].

С учетом положений Закона Республики Крым от 01.09.2014 N 60-ЗРК «О профилактике правонарушений в Республике Крым» [11] в рамках Государственной программы Республики Крым «Профилактика преступности и правонарушений в Республике Крым» [12], отражающей общегосударственные приоритеты в сфере обеспечения общественного порядка и противодействия преступности в Республике Крым с целью противодействия преступности в регионе правоохранительными органами на постоянной основе осуществляется комплекс организационных и практических мероприятий, направленных на стабилизацию оперативной обстановки, обеспечение охраны общественного порядка и безопасности граждан на территории республики.

Как показал анализ состояния преступности в Республике Крым, наиболее актуальными криминальными угрозами для региона на сегодня выступают преступления в сфере экономики, в сфере оборота наркотиков, а также экстремизм и терроризм. В соответствии с актуальностью данных угроз правоохранительными органами региона, в частности органами внутренних дел, реализуются соответствующие меры противодействия.

Так, МВД по Республике Крым проводится комплекс мероприятий по борьбе с преступлениями в сфере экономики, устранению экономических основ теневого и

криминального бизнеса, выявлению и пресечению фактов хищений бюджетных средств и их нецелевого использования, противодействию коррупции. Также проводятся мероприятия по ликвидации незаконно организованных игорных заведений на территории обслуживания.

Например, только в 2015 году МВД по Республике Крым выявлено 102 факта организации и проведения незаконных азартных игр на территории Республики Крым, по которым возбуждено 10 уголовных дел и составлено 8 административных протоколов. Всего изъято 1254 единицы игорного оборудования и денежные средства в сумме свыше 1,6 млн. руб.

Центром по противодействию экстремизму организуются и проводятся мероприятия, направленные на установление лиц и организаций, подготавливающих или совершающих противоправные действия экстремистского характера. Ведется сбор и анализ оперативной и иной информации в отношении деятельности радикальных религиозных и общественных организаций, а также отдельных лиц, с целью выявления признаков преступлений, предусмотренных ст. 280, 282 и 282^1 УК РФ, других преступлений экстремистской направленности. Системно проводится мониторинг социальных групп, на страницах которых опубликованы материалы, разжигающие межнациональную и межконфессиональную вражду.

Сотрудниками ЦПЭ МВД по Республике Крым на постоянной основе ведется мониторинг информационных потоков в сети Интернет с целью выявления лиц и организаций, размещающих в социальных сетях публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, распространяющих материалы экстремистского содержания либо вербующих жителей Крыма для участия в боевых действиях на территории Украины и иных стран.

МВД по Республике Крым проводятся оперативно-разыскные и профилактические мероприятия, направленные на установление жителей Республики Крым, принимавших участие в деятельности незаконных военных формирований на территории Северного Кавказа в период проведения контртеррористических операций, в боевых действиях в Сирии в составе ИГИЛ, а также в боевых действиях в составе национальной гвардии Украины. Проводится работа по выявлению носителей экстремистской идеологии, прежде всего религиозной, и постановке их на учет. Проводятся поиск и проверка оперативной и иной информации о жителях Крыма, принимающих участие в т.н. «антитеррористической операции» на юго-востоке Украины, а также установление жителей Крыма, выехавших для участия в боевых действиях в Сирийской Арабской Республике в составе международной террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта».

Также проводятся мероприятия по выявлению вербовщиков и иных лиц, способствующих перемещению жителей Крыма на территорию Сирии. Особое внимание уделяется отработке жителей республики, вернувшихся из зоны контроля «ИГИЛ», а также проходившим обучение в учебных заведениях Афгано-Пакистанской зоны, Ближнего Востока [8].

В целях консолидации усилий правоохранительных органов и гражданского общества с целью противодействия преступности в регионе, то МВД по Республике Крым реализуются следующие меры: 1) в необходимых случаях к охране общественного порядка и безопасности граждан на территории республики привлекаются представители народного ополчения Республики Крым и сотрудники частных

охранных организаций; 2) в необходимых случаях для обеспечения правопорядка в курортных регионах в курортный сезон для помощи личному составу МВД по Республике Крым привлекаются сотрудники полиции из других субъектов Российской Федерации.

Перспективным направлением противодействия преступности в Республике Крым, требующим постоянного развития, является формирование и развитие единого информационного пространства для всех региональных субъектов противодействия преступности, которое позволит достичь эффекта взаимоконтроля, которому в значительной мере будет способствовать общая координационная деятельность по обеспечению криминологической безопасности региона.

Следует отметить, что реализации задачи построения единого информационного пространства для всех региональных субъектов противодействия преступности существенным образом способствует реализация в рамках Государственной программы Республики Крым «Профилактика преступности и правонарушений в Республике Крым» подпрограммы «Построение и развитие аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», которая направлена, в частности, на информатизацию процессов управления муниципальными экстренными и коммунальными службами, организациями и предприятиями, решающими задачи по обеспечению природной, техногенной, общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания, а также дальнейшее развитие их функциональных и технических возможностей существующей инфраструктуры в данной сфере [12].

Рассматривая меры противодействия преступности Республике Крым, следует также указать на необходимость надлежащего кадрового обеспечения данной деятельности. Обеспечение региональной безопасности требует квалифицированного кадрового обеспечения, поскольку проблема профессиональной подготовки кадров в сфере противодействия преступности была и остается довольно актуальной.

Региональная система предупреждения преступности должна быть адекватной основным сферам жизнедеятельности региона и актуальным криминальным угрозам и иметь необходимый нормативный, научно-методический, кадровый и финансовый потенциал с учетом исторических, демографических, социально-экономических особенностей региона.

Перспективы криминологического обеспечения предупреждения преступности в Крыму должны приобрести, как справедливо отмечает С.Я. Лебедев, программно-целевое качество и быть положены в основу соответствующей региональной программы предупреждения преступности, направленной на:

– выявление региональных внутренних и внешних криминальных угроз и определение степени их влияния на состояние криминологической безопасности региона;

– определение состояния защищенности от криминальных угроз различных социальных групп населения и правоохранительного обеспечения их криминологической безопасности;

– определение состояния защищенности от криминальных угроз различных сфер жизнедеятельности Крыма и правоохранительного обеспечения их криминологической безопасности;

– определение криминологических приоритетов криминологической безопасности;

– разработку приоритетных направлений правоохранительного обеспечения криминологической безопасности и создание системы программно-целевого обеспечения криминологической безопасности региона;

– определение ресурсной базы реализации приоритетных направлений правоохранительного обеспечения криминологической безопасности и создание региональной индустрии криминологической безопасности региона;

– формирование криминологических механизмов реализации программы обеспечения криминологической безопасности (укрепление авторитета правоохранительных органов и органов государственной власти в Крыму, создание системы профессионального обучения специалистов правоохранительной деятельности и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов методикам обеспечения криминологической защиты населения от преступных посягательств, создание системы обучения населения самостоятельным способам и формам защиты от преступных посягательств и пр.) [6, с. 21-27].

Таким образом, можем подытожить следующее. Исследование преступности в Республике Крым должно осуществляться с учетом географических, в т.ч. геополитических, демографических, исторических, социально-демографических, социально-экономических и других особенностей региона, а также с учетом транзитивного характера социальных процессов, имеющих место в крымском социуме. Наиболее актуальными криминальными угрозами для региона в текущий период времени выступают криминальные проявления в сфере экономики, в сфере оборота наркотиков, а также экстремизм и терроризм.

Перспективными направлениями противодействия преступности в регионе являются формирование и развитие единого информационного пространства для всех региональных субъектов противодействия преступности, а также надлежащее кадровое и ресурсное обеспечение региональной безопасности в рамках программно-целевой системной превентивной деятельности.

Список литературы

1. Игнатов А.Н. Понятие общеуголовной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 1 (39). – С. 6-10.
2. Игнатов А.Н., Пахомов С.В. Влияние качественно-пространственных особенностей местности на выбор и реализацию способа совершения преступления // Общество и право. – 2016. – № 3 (57). – С. 143-147.
3. Яшенков В.О. География преступности как ее качественно-количественная характеристика // Уголовная политика и культура противодействия преступности. Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. – 2018. – С. 290-292.
4. Криминологический анализ угроз экстремистского характера в Крымском федеральном округе: монография / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров, Д.В. Новиков. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2016. – С. 8-22.
5. Игнатов А.Н., Кашкаров А.А., Заброда Д.Г. Факторы криминализации экономики Крыма в транзитивный период // Вестник экономической безопасности. –2017. –№ 4. –С. 73-81.
6. Лебедев С.Я. Перспективы криминологического обеспечения общественной безопасности и предупреждения преступности в Крымском федеральном округе // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском федеральном округе». – Краснодарский университет МВД России, 2016. – С. 21-27.
7. Преступность в регионах // [Электронный ресурс]. – URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total
8. Информационно-аналитические справки о состоянии преступности и основных результатах оперативно-служебной деятельности МВД по Республики Крым за 2015-2020 г.г. // [Электронный ресурс]. – URL: https://82.мвд.рф/Dejatelnost/Rezultati_dejatelnosti

9. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.garant.ru
10. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.garant.ru
11. Закон Республики Крым от 01.09.2014 N 60-3РК «О профилактике правонарушений в Республике Крым» // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.garant.ru
12. Постановление Совета Министров Республики Крым от 08.11.2016 N 533 «Об утверждении Государственной программы Республики Крым «Профилактика преступности и правонарушений в Республике Крым» // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.garant.ru

Ignatov A.N., Gabrus N.N. Crime in the Republic of Crimea: general characteristics of the state and counteractions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 95-104.

Criminal threats and some of the determinants of crime in Crimea are partly new to Russia's national security. This is largely due to the fact that all the phenomena and processes that take place in Crimea have a number of characteristic features, mainly of a geopolitical and transitive nature. In addition, the regional features of the state of crime also depend on such factors as the presence (peculiarities of location and interaction) of natural, industrial-territorial and socio-territorial complexes and their components. The analysis of statistical data on the state of crime in the region, carried out taking into account these factors, made it possible to identify the main characteristics and trends in the state of crime in the Republic of Crimea. The activities of the region's law enforcement agencies, in particular the internal affairs bodies, are carried out taking into account the current criminal threats, the main of which, today, are crimes in the economic sphere, in the sphere of drug trafficking, as well as extremism and terrorism. Promising areas of combating crime in the region are the formation and development of a single information space for all regional actors in combating crime, as well as proper staffing and resource support for regional security.

Key words: crime, counteraction, geography of crime, state of crime, regional security, transitive nature, Republic of Crimea.

Spisok literatury

1. Ignatov A.N. Ponyatie obshcheugolovnoj prestupnosti // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 1 (39). – S. 6-10.
2. Ignatov A.N., Pahomov S.V. Vliyanie kachestvenno-prostranstvennyh osobennostej mestnosti na vybor i realizaciyu sposoba soversheniya prestupleniya // Obshchestvo i pravo. – 2016. – № 3 (57). – S. 143-147.
3. Yashenkov V.O. Geografiya prestupnosti kak ee kachestvenno-kolichestvennaya harakteristika // Ugolovnaya politika i kul'tura protivodejstviya prestupnosti. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-h tomah. – 2018. – S. 290-292.
4. Kriminologicheskij analiz ugroz ekstremistskogo haraktera v Krymskom federal'nom okruge: monografiya / A.N. Ignatov, A.A. Kashkarov, D.V. Novikov. – Simferopol': Krymskij filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 2016. – S. 8-22.
5. Ignatov A.N., Kashkarov A.A., Zabroda D.G. Faktory kriminalizacii ekonomiki Kryma v tranzitivnyj period // Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti. –2017. –№ 4. –S. 73-81.
6. Lebedev S.YA. Perspektivy kriminologicheskogo obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti i preduprezhdeniya prestupnosti v Krymskom federal'nom okruge // Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye voprosy obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstviya prestupnosti v Krymskom federal'nom okruge». – Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2016. – S. 21-27.
7. Prestupnost' v regionah // [Elektronnyj resurs]. – URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total
8. Informacionno-analiticheskie spravki o sostoyanii prestupnosti i osnovnyh rezul'tatah operativno-sluzhebnoj deyatel'nosti MVD po Respubliki Krym za 2015-2020 g.g. // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://82.mvd.rf/Dejatelnost/Rezultati_dejatelnosti
9. Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 N 683 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» Garant: komp. sprav. pravovaya sistema [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.garant.ru
10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 N 345 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Obespechenie obshchestvennogo poryadka i protivodejstvie prestupnosti» // Garant: komp. sprav. pravovaya sistema [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.garant.ru
11. Zakon Respubliki Krym ot 01.09.2014 N 60-ZRK «O profilaktike pravonarushenij v Respublike Krym» // Garant: komp. sprav. pravovaya sistema [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.garant.ru
12. Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Krym ot 08.11.2016 N 533 «Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy Respubliki Krym «Profilaktika prestupnosti i pravonarushenij v Respublike Krym» // Garant: komp. sprav. pravovaya sistema [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.garant.ru

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 105-115.

УДК 343.85
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-105-115

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ РОССИИ

Нагорный А. П., Попов А. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье приведены трактовки понятий «экстремизм» и «терроризм». Раскрыты причины возникновения молодежного экстремизма в России и как крайней формы его проявления – террористических настроений и убеждений в молодежной среде. Автор приходит к выводу, что одним из основных и важнейших направлений противодействия сегодня экстремизму и терроризму в Российской Федерации является их профилактика. В статье приведены позиции разных авторов касаемо профилактики экстремизма и терроризма среди молодежи России.

В результате чего сделан вывод о том, что успех в профилактике экстремизма и терроризма во многом зависит от: во-первых, степени взаимного доверия и скоординированных действий государства и правоохранительных органов, общественных организаций и средств массовой информации; во-вторых, от их готовности не допустить попадания молодежи в антиобщественные группы. Более того, необходимо исключить или минимизировать саму возможность возникновения и развития данного феномена в молодежной среде.

Ключевые слова: профилактика, экстремизм, терроризм, молодежь, Россия.

Сегодня наблюдается рост числа радикальных и экстремистских молодежных объединений, а также преступлений, мотивированных социальной ненавистью [13]. Кроме того, в условиях активизации политической борьбы за власть существует опасность появления в ближайшем будущем организованных молодежных формирований, объединяющих экстремистов различных политических направлений, которые будут использовать насилие и террор в качестве методов политической борьбы.

Сегодня российское общество столкнулось с вызовом идеологии и практики экстремизма и терроризма. В качестве составляющих данных явлений выступают нетерпимость, ксенофобия, национализм и фашизм. Статистические данные из официальных источников свидетельствуют об увеличении числа преступлений экстремистского и террористического характера (число преступлений террористического характера в прошлом году выросло почти на 30%, экстремистской направленности — на 42%) [13].

Таким образом, с каждым днем проблема современного молодежного экстремизма и терроризма в России привлекает все большее внимание властей и средств массовой информации. Если в прошлом агитация молодого поколения распространялась через личные контакты с реальным взаимодействием двух и более людей, то сегодня деструктивные организации активно действуют в виртуальном мире на базе Интернета, что значительно увеличивает их распространение среди молодежи. Поэтому сегодня актуальной является профилактика экстремизма и терроризма среди молодежи.

Но прежде чем перейти к главной проблеме статьи, следует разобраться в основных понятиях выбранной темы, а именно - раскрыть сами понятия «экстремизм» и «терроризм», а также их сущностные характеристики.

Приведем позиции разных авторов касаемо понятия «экстремизм».

Таблица 1. №Трактовки понятия «экстремизм».

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ “О противодействии экстремистской деятельности”	• экстремистская деятельность или экстремизм – это изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание экстремизма и терроризма; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда неполноценности человека; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики; публичные призывы к осуществлению данной деятельности; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению [2].
М.Н. Горфина, В.Л. Горфин	• экстремизм (от лат. extremus – крайний) – идеология и практика использования незаконных, часто насильственных экстремистских методов и средств борьбы. Основой экстремистской идеологии являются убеждения об исключительной задаче конкретной социальной общности (нации, конфессии, расы и т.д.) в отношении судьбы страны или человечества в целом, оправдания и допустимости использования любых средств для достижения своих интересов [5, с. 109].
Г.М. Мусаев	• экстремизм – это приверженность экстремистским взглядам, действиям, которые наиболее ярко проявляются в международных отношениях, политике, религии и т.д. Экстремизм – это выражение враждебности и ненависти, а религиозный экстремизм – это нетерпимое отношение к инакомыслящим [11, с. 64].

Таким образом, рассмотрев позиции различных авторов, можно сделать вывод, что экстремизм следует понимать как приверженность в политике и идеологии к крайним позициям о взглядах и выборе противоправных средств для достижения определенных целей.

Далее приведем позиции разных авторов касаемо понятия «терроризм».

Таблица №2. Трактовки понятия «терроризм».

Федеральный закон № 35-ФЗ от 06.03.2006 «О противодействии терроризму»	• терроризм определяется «как идеология насилия, террористическая деятельность лиц осуществляющих террористические преступления направлена, путем совершения взрыва, поджога и иных действий, оказать воздействие на принятие решения властными структурами в своих интересах [3].
М.Н.Горфина, В.Л. Горфин	• терроризм (от лат. terror – страх, ужас) – это насилие или угроза, угрожающие жизни людей, причиняющие физический

	или материальный ущерб или иные опасные последствия для запугивания людей; давление на власти с целью принятия решений, благоприятных для террористов; провоцирование войны или осложнение международных отношений [5, с. 110]

Таким образом, рассмотрев позиции нескольких авторов, можно сделать вывод, что терроризм – это деятельность, осуществляемая с целью нарушения общественной безопасности, запугивания населения, влияния на процесс принятия решений органами власти; это средство, используемое экстремистами как единичное явление для получения ожидаемого результата; одно из проявлений экстремизма.

Как справедливо отмечает М.К. Кочесокова, «экстремистские и террористические организации уделяют большое внимание именно молодежи как социальной группе. Это связано не только с тем, что социально-экономические «лифты» общества функционируют не в полной мере, но и с тем, что молодежь легче заинтересовать и обмануть. Большую роль играет и психологический фактор. Молодые люди не готовы к психологическому воздействию сетевых технологий, направленных на формирование экстремистских мировоззрений и образа жизни» [10, с. 142].

По результатам анализа деятельности экстремистских молодежных организаций, действующих в России, их можно разделить на следующие основные течения в зависимости от направленности их деятельности (Таблица 3).

Таблица №3. Основные течения молодежных экстремистских организаций [16, с. 236].

1.	Националистическо-расистской направленности. Движение скинхедов наиболее распространено в Москве, Санкт-Петербурге, Красноярске, Томске, Иркутске, Владивостоке, Воронеже, Ярославле. Еще одной характерной чертой скинхедского движения в России является принадлежность некоторых групп к криминальной среде. Это связано с тем, что некоторые лидеры группировок имеют криминальное прошлое и придерживаются традиций «воров».
2.	Религиозная направленность. Наибольшую угрозу внутренней безопасности страны сегодня представляют последователи ваххабизма, нетрадиционной для российских мусульман религии.
3.	Политизированной направленности. Среди наиболее активно действующих экстремистских политических организаций и движений в России, стремящихся изменить конституционный строй, следует отметить партию «Русское национальное единство» (РНЕ), которая в настоящее время является крупной радикальной правой политической организацией

Далее пытаемся понять причины молодежного экстремизма в России и его крайние проявления - террористических настроений и убеждений в молодежной среде. Приведем позиции разных авторов. Г.М. Мусаева к ним относит следующие (Таблица 4).

Таблица №4. Причины возникновения молодежного экстремизма и терроризма [11, с. 65].

1.	Резкое имущественное расслоение общества на бедных и богатых, снижение доходов населения, уровня и качества жизни, идеологическая неприязнь

2.	Низкий уровень социальной защищенности и невозможность законными методами повысить свое благосостояние, кризис справедливости
3.	Негативное воздействие некоторых средств массовой информации
4.	Желание самоутвердиться, ощутить собственную значимость, изначальная конфликтность молодежи и возможность использования сети Интернет в противоправных целях

М.Н. Горфин, В.Л. Горфин выделяют следующие основные факторы, которые оказывают влияние на формирование экстремизма и терроризма в России (Таблица 5)

Таблица 5. Факторы, которые оказывают влияние на формирование экстремизма и терроризма в России [5, с. 111].

1.	Социально-экономические – значительное расслоение общества по уровню материального благосостояния, высокий уровень безработицы, порождающий формирование значительной части населения, ощущение социальной несправедливости, особенно среди молодежи, представители которой довольно легко попадают под влияние радикальных политических тенденций
2.	Идеологические – состояние идеологического вакуума в результате попыток копирования старых форм идеологической работы с молодежью и, как следствие, формирования широкого круга молодежных субкультур, в том числе деструктивной направленности; возможности практически неконтролируемого использования новых информационных систем (Интернет); нелегитимных технологий управления и манипулирования человеческим поведением
3.	Миграционные – увеличение миграционных потоков с вытекающими из этого проблемами компактного расселения и адаптации к новой среде, приводящее к изменению этнического состава населения, особенно в крупных городах, и, как следствие, к росту напряженности в межэтнических отношениях

Несомненно, перечисленные выше факторы существуют объективно, независимо от воли и желаний людей, а в общественной жизни они проявляются в виде межличностных и межгрупповых конфликтов.

В свою очередь, Т.Ю. Иванова считает, что значительную роль играет и упадок преемственности поколений, а также упадок патриотизма среди молодежи, некоторые из которой открыто говорят, что ненавидят власть и законы, диктующие правила их будущей жизни. Молодые люди боятся своей будущей жизни, поэтому они пытаются изменить ее, но не понимают, что они делают.

Молодые люди, которые не видят себя в будущем, начинают идти против систем, пытаясь реализовать все свои амбиции, что часто приводит к агрессии и различным агитациям. О молодежи начинают говорить, писать, бороться. Экстремистская молодежь уже не скрывается от глаз общества, поэтому они чувствуют, что диктуют правила и становятся значимыми людьми в обществе. Им трудно смириться с современными реалиями и пытаться создавать свои собственные.

Сюда можно отнести и виртуальный мир компьютерных игр. После нескольких месяцев виртуальной жизни молодым людям трудно общаться. В рамках игры они могут быть главами групп, но в реальной жизни – обычными школьниками, у которых возникают проблемы в общении. Человеческая психика представляет собой прозрачную пленку, которую невероятно легко порвать. Психика подростков еще более неустойчива, чем у взрослых. Именно поэтому подростки так сильно

реагируют на все внешние факторы, что проявляется в агрессии, которая часто доходит до убийства. Дети и подростки путают виртуальный мир с реальным и убивают своих предполагаемых врагов. На мой взгляд, это также является проблемой в контексте экстремизма и терроризма, в частности. Если не прямо, то, конечно, косвенно. Молодежные группы начинают бороться со своими врагами, они предпринимают действия против принятых систем. Они начинают играть в реальность, разрушая себя и общество [8, с. 99].

Поэтому одним из важнейших направлений противодействия экстремизму в Российской Федерации на сегодняшний день является профилактика – просветительская и профилактическая работа против экстремистских проявлений. Оно особенно актуально и важно среди подрастающего поколения и общественных объединений различного типа и вероисповедания.

Профилактика террористической и иной экстремистской деятельности, как отмечают Н.М. Сажина, Т.Н. Ступенко, «предполагает подготовку и осуществление государством и его уполномоченными органами комплексной системы политических, социально-экономических, информационных, образовательных, организационных, следственных, правовых, специальных и иных мер, направленных на предупреждение, выявление, пресечение террористической деятельности, минимизацию ее последствий, выявление и устранение причин и условий, способствующих ее возникновению.

Профилактика экстремизма и терроризма является задачей не только государства, но и во многом представителей гражданского общества» [14, с. 154].

Профилактика экстремистской и террористической деятельности среди молодежи требует пристального внимания правоохранительных органов, а также педагогов, психологов и общественных организаций. Эта работа тесно связана с профилактикой психического здоровья, адаптацией в социальной среде и проблемами воспитания

Эффективная борьба с экстремистскими и террористическими проявлениями невозможна без целенаправленной работы по устранению причин, порождающих их, и содействию экстремистской и террористической деятельности.

Одной из приоритетных задач, изложенных в «Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 г. № 1666 [4], является развитие системы образования, патриотического и гражданского воспитания, формирование культуры международного общения и отношения толерантного сознания у подрастающего поколения.

Ниже представлены позиции различных авторов по профилактике экстремизма и терроризма среди молодежи России.

На таблице 6 продемонстрируем роль государства в профилактике экстремизма и терроризма.

Таблица №6. Роль государства в профилактике экстремизма и терроризма.

И.А. Макеева, Е.Ю. Агаркова	• роль государства заключается не только в том, чтобы донести до сознания людей отношение недопустимости применения насилия для решения каких-либо проблем, но и способствовать формированию полноценной личности, осознающей свое место в жизни и обществе. Создание благоприятных условий для со-

	циализации личности, воспитания и развития молодежи – главная задача современного общества. Организовывая качественную работу в этих направлениях, можно ликвидировать терроризм в корне его развития, не прибегая к насильственному подавлению массовых течений [12, с. 135].
И.М. Смагина	• обязанность государства включает в себя не только создание условий для нормального функционирования общества, в том числе молодежных организаций, и сотрудничество с ними. Его обязанностью также является мониторинг и контроль деятельности общественных объединений и организаций с целью предотвращения развития среди них антигосударственных, антиобщественных и экстремистских тенденций. Это требует своевременного выявления, предотвращения и пресечения экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, других организаций и лиц [15, с. 233].

Т. Ю. Иванова отмечает, что «необходимо показать молодежи, что она может реализовать себя там, где захочет. Мир огромен, и они являются его частью. Учащиеся, студенты и молодежь на работе должны быть мотивированы на личностный рост, взяв пример с соотечественников, которые пытались развиваться в своем возрасте, активно участвовали в студенческой жизни - как в академической, так и во внеучебной.

Также профилактикой экстремизма и терроризма может быть:

Качественное образование, в котором учащиеся мотивированы учиться, а не просто зубрить определенные предметы. Молодые люди должны понимать, почему они учатся. Если они посещают школу только для «галочки», то они охладеют и будут искать что-то интересное и более живое на стороне.

Социальная защита молодежи. Многие не видят себя в будущем, их психика все еще борется за то, чтобы воспринимать взрослую жизнь, где нужно платить налоги, быть в достатке и зарабатывать хорошие деньги. Для молодых людей могут быть организованы курсы, направленные на улучшение их финансовых и юридических знаний. Также нужно обратить внимание на вопрос трудоустройства после окончания учебы, а также жилищную сферу.

Понимание себя в обществе. В эпоху современных технологий, когда появляются новые профессии, а старые уходят на второй план, желательно информировать студентов о нововведениях, чтобы они имели примерное представление о том, в каком направлении им нужно двигаться после окончания учебы. Молодые люди не боятся пробовать что-то новое в рамках своей профессиональной подготовки. Таким образом, они даже не будут думать о пропагандировании экстремизма и терроризма.

Досуг. Желательно также улучшить досуг молодежи. Если в больших городах они могут выбирать, как отдохнуть душой и телом, то в маленьких городах вопрос досуга очень важен. Можно организовать различные интересные фестивали, концерты, научно-популярные лекции и многое другое. Службы опеки должны следить за неблагополучными семьями, потому что дети, выросшие в плохих условиях, с большей вероятностью присоединятся к террористическим и

экстремистским организациям» [8, с.100]. Эти рекомендации можно внедрять постепенно, изучив сначала современную молодежь и ее социальные наклонности.

А.М. Гайфутдинова считает, что «безусловным приоритетом является внеучебная деятельность, организованная в таких формах, как выездные экскурсионные, культурно-развлекательные, театральные, музейные мероприятия.

Необходимо создавать специальные молодежные программы, учитывающие современные предпочтения молодежи, организуются альтернативные молодежные организации (Таблица 7).

Таблица №7. Комплексная программа

1.	Разработка комплекса мер по реализации в общественном сознании молодежи новой модели личностных ценностей, основанной на толерантности, культуре мира, патриотизме и гражданской ответственности
2.	Активизация социальных молодежных движений, основанных на идее позитивного решения различных молодежных проблем
3.	Организация оздоровительных мероприятий в пространстве организации образования для всех возрастных групп детей и молодежи. Реализация пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта
4.	Проведение комплексных мероприятий по повышению уровня социальной и материальной защиты детей и подростков, разработка программ и инициатив для детей и подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации.
5.	Организация в организациях образования тренингов для педагогических кадров по оценке, анализу и прогнозированию социально-политической ситуации в среде молодежи, формированию толерантного сознания
6.	Регулярная организация дней национальной культуры, творческих фестивалей, конкурсов, лагерей и школ толерантности
7.	Разработка и внедрение в учебные программы специальных курсов по противодействию религиозному и политическому экстремизму, таких как «Современные подходы к пониманию экстремизма»; модули «Социально-психологическая профилактика межэтнических и межрелигиозных конфликтов» и др.
8.	Привлечение ресурсов средств массовой информации (молодежное радио, газеты, журналы, социальные сети и т.д.), пропагандирующих толерантность, гражданственность, патриотизм, здоровый образ жизни, успех и т.д. среди молодежи
9.	Формирование образовательной работы с молодежью путем создания организованных платформ для развития молодежного досуга
10.	Развитие форм работы ассоциаций, основанных на идеях неформальных отношений, демократии, самоуправления и самоорганизации
11.	Создание комплексных структур для снижения разрушительного влияния неформальных молодежных организаций, которые по разным причинам слились
12.	Формирование системной работы по формированию межнациональных отношений в молодежной среде

Они реализуют комплексные направления профилактики экстремизма и терроризма в организациях и учреждениях культуры: информационно-

образовательное направление, психолого-педагогическое направление, организационное направление» [6, с. 155]

А.А. Капустина, Н.А. Фарадиева считают, что «безусловно, гораздо выгоднее проводить профилактику терроризма и экстремизма среди молодежи, чем ликвидировать последствия этих явлений» [9, с. 226]. Этими авторами предлагаются следующие меры, направленные на снижение радикальных проявлений в среде молодежи (Таблица 8)

Таблица 8. Меры, направленные на снижение радикальных проявлений

1.	Осуществлять комплексные меры по формированию правовой культуры среди молодежи. Этому может способствовать, в частности, значительное расширение правовой составляющей образования и профессиональной подготовки. Знание своих прав и свобод поможет молодому поколению сформировать у себя чувство уважения к правам и свободам других людей, в том числе к их жизни, здоровью и достоинству.
2.	Способствовать формированию у молодых людей толерантного мировоззрения, толерантного отношения ко всем людям, независимо от их национальности, вероисповедания, социального положения, происхождения и других обстоятельств. Как известно, частью 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации [1] запрещаются любые формы ограничения прав граждан в зависимости от социальной, расовой, национальной, языковой и религиозной принадлежности. Каждый человек должен с детства воспитываться в духе уважения ко всем людям, независимо от обстоятельств, и не разделять людей ни по каким причинам. Это позволит противостоять различным видам религиозного, национального и социального экстремизма.
3.	Повышение требований молодежи к досугу и отдыху. Не секрет, что многие молодые люди вступают в различные радикальные организации, в основном потому, что у них нет желания, а зачастую и возможности проводить свободное время так, чтобы это было полезно для тела и души. В частности, государство должно обеспечить наличие активных клубов, культурных центров, кинотеатров, музеев и других социально-культурных учреждений не только в крупных мегаполисах, но и в небольших населенных пунктах. Необходимо также более активно пропагандировать среди молодежи здоровый образ жизни, спорт и физкультуру. Важно отметить, что вышеуказанные мероприятия также должны быть материально доступными для всей молодежи.
4.	Повышение уровня социальной и материальной защиты молодежи, поддержка в трудоустройстве молодых специалистов, поддержка в реализации жилищных программ для молодежи.

Эти меры помогут молодым людям понять, что государство заботится о них и нет необходимости совершать противоправные действия и получать материальные ресурсы от террористов и экстремистов.

По результатам каждой профилактической программы должны быть разработаны и изданы методические материалы (брошюры, пособия и т.д.) для распространения в местах массовых скоплений людей, находящихся под угрозой вступления в организации экстремистского и террористического характера [9, с. 227].

Интересна также позиция Е. В. Долгушева, который пишет, что «для привития молодежи антитеррористический иммунитет, необходимо:

во-первых, использование наилучших методов, учитывающие интересы и потребности современной молодежи;

во-вторых, вопросы антитеррористического образования и воспитания молодежи должны быть включены в звенья каждой цепочки системы образования: от начальной школы до университета;

в-третьих, работа должна носить комплексный характер и основываться на сотрудничестве с институтами гражданского общества: общественными движениями, ветеранскими организациями, военными патриотами и молодежью, религиозными деятелями» [7, с.272].

На основе всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что экстремизм и терроризм являются деструктивными явлениями в обществе. Они влияют не только на правосознание, но и, в более широком смысле, на образ мышления и жизни молодежи. В этой связи необходимо разработать наиболее эффективные меры по нейтрализации наиболее опасных проявлений негативных тенденций.

Надеяться на успех можно только в том случае, если принимать в учет социально-экономические причины, которые приводят к терроризму и экстремизму. Без этого надежды нет, даже не взирая на все предпринимаемые действия государственных и общественных структур.

Успех в профилактике экстремизма и терроризма во многом зависит от: 1) степени взаимного доверия и скоординированных действий государства и правоохранительных органов, общественных организаций и средств массовой информации; 2) от их готовности не допустить попадания молодежи в антиобщественные группы.

Кроме того, необходимо исключить или свести к минимуму возможность возникновения и развития этого явления в молодежной среде.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 4 июля 2020 г. – N 144.
2. Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29 июля 2002 г. – N 30. – Ст. 3031.
3. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии терроризму»// Собрание законодательства Российской Федерации. – 13 марта 2006 г. – N 11. – Ст. 1146.
4. Указ Президента РФ от 19.12.2012 N 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»// Собрание законодательства Российской Федерации. – 24 декабря 2012 г. – N 52. – Ст. 7477.
5. Горфина М.Н., Горфин В.Л. Сущностные характеристики экстремизма и терроризма среди молодежи в России // В сборнике: Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях. сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции: в 3 частях. 2018. – С. 109-117
6. Гайфутдинова А.М. Основные направления в сфере профилактики экстремизма и терроризма в подростково-молодежной среде // В сборнике: Технология культурно-досуговой деятельности как фактор укрепления социального, межнационального и межконфессионального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской электронной научно-практической конференции. КазГИК ; КазГИК; науч. ред.: Д.В. Шамсутдинова, Р.И. Турханова, Л.Ф. Мустафина. 2017. – С. 150-156.
7. Долгушев Е.В. Педагогическая профилактика экстремизма и терроризма в подростковой среде школы // Мир образования - образование в мире. – 2020. – № 1 (77). – С. 269-274.

8. Иванова Т.Ю. Причины возникновения молодежного экстремизма и терроризма в современной России // В сборнике: Актуальные проблемы противодействия идеологии терроризма и экстремизма в современном обществе. материалы городской научно-практической конференции. 2018. – С. 98-102.
9. Капустина А.А., Фараджева Н.А. Проблемы профилактики терроризма и экстремизма в молодежной среде // В сборнике: Инновационные технологии в технике и образовании. VI Международная научно-практическая конференция. Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет». 2015. – С. 225-229.
10. Кочесокова М.К. К вопросу о профилактике терроризма в молодежной среде//В сборнике: Молодежь России в XXI веке. Материалы студенческой научно-практической конференции, проводимой в рамках VI Всероссийского студенческого форума "Россия - наш общий дом". 2019. –С. 140-146.
11. Мусаева Г.М. Актуальные проблемы молодежного экстремизма и терроризма//Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2017. – Т. 32. – № 1. – С. 63-69.
12. Макеева И.А., Агаркова Е.Ю. Противодействие распространению идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде // В сборнике: Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований. Материалы всероссийской научно-практической конференции . Сост. А.А. Сарсенова. 2021. – С. 134-137
13. Отчет МВД России «Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года» [Электронный источник] // Режим доступа: file:///C:/Users/hp/Downloads/Sb_2012.pdf (Дата обращения: 02.03.2021).
14.Сажина Н.М., Ступенко Т.Н. Теоретические аспекты педагогической профилактики экстремизма и терроризма в студенческой среде//Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – № S1. – С. 152-156.
15. Смагин И.М. Профилактика экстремизма и терроризма как приоритетное направление государственной и молодежной политики // В сборнике: XVII Бушелевские чтения. сборник материалов научно-практической конференции. 2018. – С. 232-235.
16. Шмырина Д.А., Хохлов Н.И. Молодежный экстремизм и терроризм//В сборнике: Актуальные проблемы противодействия идеологии терроризма и экстремизма в современном обществе. материалы городской научно-практической конференции. 2018. – С. 235-238.

A. P. Nagornyi, A. N. Popov. Prevention of extremism and terrorism among Russian youth // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 105-115.

The article provides interpretations of the concepts of "extremism" and "terrorism". Revealed the reasons for the emergence of youth extremism in Russia and as an extreme form of its manifestation - terrorist sentiments and beliefs in the youth environment. The author comes to the conclusion that one of the main and most important directions of countering extremism and terrorism in the Russian Federation today is their prevention. The article presents the positions of various authors regarding the prevention of extremism and terrorism among the youth of Russia.

As a result, it was concluded that success in the prevention of extremism and terrorism largely depends on: first, the degree of mutual trust and coordinated actions of the state and law enforcement agencies, public organizations and the media; secondly, from their willingness to prevent young people from falling into antisocial groups. Moreover, it is necessary to exclude or minimize the very possibility of the emergence and development of this phenomenon in the youth environment.

Key words: prevention, extremism, terrorism, youth, Russia.

Spisok literatury

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. – 4 iyulya 2020 g. – N 144.
2. Federal'nyj zakon ot 25.07.2002 N 114-FZ (red. ot 08.12.2020) «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti»// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 29 iyulya 2002 g. – N 30. – St. 3031.
3. Federal'nyj zakon ot 06.03.2006 N 35-FZ (red. ot 08.12.2020) «O protivodejstvii terrorizmu»// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 13 marta 2006 g. – N 11. – St. 1146.
4. Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 N 1666 (red. ot 06.12.2018) «O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda»// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 24 dekabrya 2012 g. – N 52. – St. 7477.
5. Gorfina M.N., Gorfin V.L. Sushchnostnye harakteristiki ekstremizma i terrorizma sredi molodezhi v Rossii//V sbornike: Dinamika vzaimootnoshenij razlichnyh oblastej nauki v sovremennyh usloviyah. sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 3 chastyah. 2018. – S. 109-117.
6. Gajfutdinova A.M. Osnovnye napravleniya v sfere profilaktiki ekstremizma i terrorizma v podrostkovo-molodezhnoj srede//V sbornike: Tekhnologiya kul'turno-dosugovoj deyatel'nosti kak faktor ukrepleniya social'nogo, mezhnacional'nogo i mezhkonfessional'nogo soglasiya v molodezhnoj srede. Materialy

Vserossijskoj elektronnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. KazGIK; KazGIK; nauch. red.: D.V. Shamsutdinova, R.I. Turhanova, L.F. Mustafina. 2017. – S. 150-156.
7. Dolgushev E.V. Pedagogicheskaya profilaktika ekstremizma i terrorizma v podrostkovoj srede shkoly//Mir obrazovaniya - obrazovanie v mire. – 2020. – № 1 (77). – S. 269-274.
8. Ivanova T.Yu. Prichiny vozniknoveniya molodezhnogo ekstremizma i terrorizma v sovremennoj Rossii//V sbornike: Aktual'nye problemy protivodejstviya ideologii terrorizma i ekstremizma v sovremennom obshchestve. materialy gorodskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2018. – S. 98-102
9. Kapustina A.A., Faradzheva N.A. Problemy profilaktiki terrorizma i ekstremizma v molodezhnoj srede//V sbornike: Innovacionnye tekhnologii v tekhnike i obrazovanii. VI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, FGBOU VPO «Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet». 2015. – S. 225-229.
10. Kochesokova M.K. K voprosu o profilaktike terrorizma v molodezhnoj srede//V sbornike: Molodezh' Rossii v XXI veke. Materialy studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, provodimoj v ramkah VI Vserossijskogo studencheskogo foruma \"Rossiya - nash obshchij dom\". 2019. – S. 140-146.
11. Musaeva G.M. Aktual'nye problemy molodezhnogo ekstremizma i terrorizma//Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki. – 2017. – T. 32. – № 1. – S. 63-69.
12. Makeeva I.A., Agarkova E.Yu. Protivodejstvie rasprostraneniyu ideologii terrorizma i ekstremizma v molodezhnoj srede//V sbornike: Pravoohranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennih del v kontekste sovremennyh nauchnyh issledovanij. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sost. A.A. Sarsenova. 2021. – S. 134-137.
13. Otchet MVD Rossii «Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2020 goda» [Elektronnyj istochnik] // Rezhim dostupa: file:///C:/Users/hp/Downloads/Sb_2012.pdf (Data obrashcheniya: 02.03.2021).
14. Sazhina N.M., Stupenko T.N. Teoreticheskie aspekty pedagogicheskoj profilaktiki ekstremizma i terrorizma v studencheskoj srede//Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2016. – № S1. – S. 152-156.
15. Smagin I.M. Profilaktika ekstremizma i terrorizma kak prioritetnoe napravlenie gosudarstvennoj i molodezhnoj politiki//V sbornike: XVII Bushelevskie chteniya. sbornik materialov nauchno-prakticheskoj konferencii. 2018. – S. 232-235.
16. Shmyrina D.A., Hohlov N.I. Molodezhnyj ekstremizm i terrorizm//V sbornike: Aktual'nye problemy protivodejstviya ideologii terrorizma i ekstremizma v sovremennom obshchestve. materialy gorodskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2018. – S. 235-238.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 116-125.

УДК 343.3
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-116-125

ОСОБЕННОСТИ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ В РОССИИ И УЗБЕКИСТАНЕ

Новикова Т. Ю., Палиева О. Н., Фоменко И. В.

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье проводится сравнительно-правовой анализ особенностей официальной политики противодействия терроризму в России и Узбекистане, а также меры по противодействию терроризму в отдельных сферах жизнедеятельности общества этих двух государств. Анализируется законодательство Российской Федерации и Республики Узбекистан, а также меры по противодействию терроризму в указанных государствах. Отдельное внимание в статье уделено проблемам борьбы с терроризмом в информационной среде.

Авторы приходят к выводу, что данных государствах сформировалась достаточно устойчивая и эффективная общегосударственная система противодействия терроризму, однако эта система вряд ли сможет решать свои задачи в полном объеме без взаимодействия с гражданским обществом. В данном вопросе необходимо объединять усилия государств, общественных объединений и организаций, средств массовой информации и самих граждан для достижения высоких результатов в борьбе с терроризмом. Авторы также считают, что на данный момент требуется осознать особую важность появления, а также юридического закрепления таких понятий, как «международный терроризм» и «кибертерроризм».

Ключевые слова: терроризм, Российская Федерация. Республика Узбекистан, международный терроризм, кибертерроризм, меры противодействия терроризму, уголовное законодательство, государственная политика, безопасность общества, профилактика терроризма, террористическая идеология, органы государственной власти.

В настоящее время борьба с терроризмом является приоритетной задачей в любом государстве. Терроризм – явление, которое не может существовать в рамках границ одного государства, оно опасно тем, что носит международный характер и поэтому эффективно бороться с ним можно только объединив усилия всех стран, которые заинтересованы в защите своих граждан от данных преступных посягательств. В связи с этим очень важно понимать, насколько развиты меры по противодействию терроризму в некоторых странах – участниках СНГ, членом которого является РФ. В данной статье попробуем сравнить особенности официальной политики противодействия терроризму в России и Узбекистане, а также меры по противодействию терроризму в отдельных сферах жизнедеятельности общества этих двух государств.

Вопросами противодействия международному терроризму активно занимаются международные межправительственные организации, такие как ООН, Совет Европы и другие, которые постоянно разрабатывают контртеррористические программы. Однако особое значение для борьбы с таким масштабным и многоаспектным явлением как терроризм имеют внутригосударственные механизмы противодействия. Российская Федерация является примером государства, которое активно сотрудничает с другими странами и регионами в контртеррористической деятельности.

Антитеррористическая политика РФ является основной составляющей частью государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности, положения которой нашли свое отражение в Концепции противодействия терроризму в РФ, формулирующей основные принципы, цели, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в российском государстве [1]. На основе указанной Концепции реализуются специальные государственные целевые программы как федерального уровня, так и на уровне субъектов РФ. Также необходимо отметить, что в соответствии с данным документом одной из основных задач противодействия терроризму является противодействие распространению идеологии терроризма и активизация работы по информационно-пропагандистскому обеспечению антитеррористических мероприятий.

Необходимо отметить, что за последние два десятилетия в РФ и создана мощная общенациональная система противодействия терроризму. С принятием закона № 35-ФЗ от 06.03.2006 г. «О противодействии терроризму» [2] и Указа Президента РФ № 116 от 15.02.2006 г. «О мерах по противодействию терроризму» [3] был образован новый орган, в компетенцию которого вошло нормативно-правовое регулирование деятельности по борьбе с терроризмом в стране – Национальный антитеррористический комитет (далее по тексту – НАК). Одной из главных особенностей его деятельности явилось включение в его состав в дополнение к руководителям федеральных органов исполнительной власти представителей парламента России, президентской администрации и членов правительства России.

Национальный антитеррористический комитет является, по своей сути, коллегиальным органом, который обеспечивает координацию и организацию деятельности федеральных органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления по противодействию терроризму. В положении о НАК отражены основные его задачи. В частности, это разработка мер по противодействию терроризму, участие в международном сотрудничестве, подготовка предложений Президенту России по формированию государственной политики и совершенствованию законодательства в этой области, а также организация информирования населения о возникновении и нейтрализации угроз террористической направленности. Кроме этого, НАК сотрудничает с аналогичными структурами и комитетами на различных уровнях (в том числе и международном) в борьбе с указанным видом преступлений. В субъектах Российской Федерации координацию деятельности территориальных органов государственной власти по профилактике терроризма, минимизации и ликвидации последствий его проявлений осуществляют антитеррористические комиссии, возглавляемые высшими должностными лицами соответствующих субъектов [4, с. 440]. Кроме этого, в правовое поле НАК входит оценка уровня эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти, контроль исполнений различного рода решений в области борьбы с терроризмом. Для обеспечения выполнения вышеуказанных задач Комитет имеет право требовать от федеральных органов государственной власти субъектов, органов местного самоуправления, общественных объединений, организаций, а также должностных лиц соответствующие документы, содержащие в себе необходимые сведения для проведения дальнейшего их анализа.

В регионах России созданы антитеррористические комиссии, которыми руководят главы органов исполнительной власти, являющиеся организационной основой предупреждения и профилактики терроризма и террористических проявлений. Деятельность территориальных органов, органов исполнительной власти субъектов и органов местного самоуправления, касающаяся предупреждения терроризма, его профилактики, является основной целью указанных комиссий. Кроме этого, сюда следует отнести и всевозможную минимизацию последствий совершения террористических актов во всех сферах жизнедеятельности общества. Во всех субъектах страны, помимо антитеррористической комиссии, параллельно осуществляет деятельность свой территориальный оперативный штаб, который является основным временным органом управления, создаваемым при различных чрезвычайных обстоятельствах (чрезвычайных ситуациях) с целью планирования, управления и применения сил и средств федеральных органов исполнительной власти, органов местного управления, а также взаимодействующих органов по предупреждению и пресечению террористических актов.

В Министерстве иностранных дел при дипломатических представительствах создаются кризисные штабы, целью которых является противодействие террористическим угрозам, направленным против предприятий, учреждений и российских граждан, находящихся и осуществляющих свою деятельность за рубежом, а также организация и проведение неотложных следственных действий. Иные структуры, в обязанность которых входит противодействие терроризму, могут быть также сформированы в законодательном порядке в определенных случаях, в частности, в случаях возникновения каких-либо новых элементов, представляющих террористическую угрозу [4, с. 441].

Значительный вклад в обеспечение безопасности граждан РФ вносит Уголовный кодекс РФ [5], который закрепляет ответственность за целый ряд преступлений, напрямую связанных с террористической деятельностью, что позволяет прогрессивно характеризовать уголовное законодательство РФ. Основным элементом системы противодействия терроризму в любом государстве является борьба с террористической идеологией. При этом бороться необходимо как с конкретными ситуациями ее возникновения, так и в целом распространять в обществе недопустимость террористических методов воздействия. В связи с этим особого внимания заслуживает ст. 205.2 УК РФ, закрепляющая уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма.

Уголовные кодексы государств СНГ также предусматривают ответственность за совершение актов терроризма. Например, данное явление называется терроризмом в следующих статьях: ст. 214 УК Республики Азербайджан, ст. 217 УК Республики Армения, ст. 233 УК Республики Казахстан, ст. 226 УК Кыргызской Республики, ст. 155 УК Республики Узбекистан, ст. 271 УК Туркменистана; террористическим актом – в ст. 278 УК Республики Молдова, ст. 205 УК РФ, ст. 258 УК Украины; в Белорусском УК (ст. 289) – актом терроризма. В соответствии с УК некоторых стран из СНГ основным объектом терроризма являются отношения в обществе, которые обеспечивают безопасность общества. Причиной такого единодушия в странах-участницах СНГ является унификация уголовно-правового механизма, направленного на борьбу с преступностью согласно Модельному УК стран-участниц СНГ [6].

УК Республики Узбекистан в ст. 155 использует термин «терроризм», под которым понимается «насилие, использование силы, иные деяния, создающие опасность личности или собственности, либо угроза их осуществления для понуждения государственного органа, международной организации, их должностных лиц, физического или юридического лица совершить или воздержаться от совершения какой-либо деятельности в целях осложнения международных отношений, нарушения суверенитета и территориальной целостности, подрыва безопасности государства, провокации войны, вооруженного конфликта, дестабилизации общественно-политической обстановки, устрашения населения» [7]. Помимо терроризма, в УК Республики Узбекистан в разделе 2 «Преступления против мира и безопасности», главе VIII «Преступления против мира и безопасности человечества» предусмотрены такие составы преступлений, как «Несообщение сведений и фактов о готовящихся или совершенных террористических актах», «Прохождение обучения, выезд или передвижение в целях осуществления террористической деятельности» и «Финансирование терроризма».

В законе Республики Узбекистан «О борьбе с терроризмом» также используется термин «терроризм», обозначающий «насилие, угрозу его применения или иные преступные деяния, создающие опасность жизни, здоровью личности, уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов и направленные на понуждение государства, международной организации, физического или юридического лица совершить или воздержаться от совершения каких-либо действий, осложнение международных отношений, нарушение суверенитета, территориальной целостности, подрыв безопасности государства, провокацию вооруженных конфликтов, устрашение населения, дестабилизацию общественно-политической обстановки, для достижения политических, религиозных, идеологических и иных целей, ответственность за которые предусмотрена Уголовным кодексом Республики Узбекистан» [8].

Одним из важных направлений внутринациональных мер по борьбе с терроризмом в Республике Узбекистан является совершенствование и расширение концептуальных основ и правовой базы официальной политики по противодействию терроризму и экстремизму. Наиболее значимым документом, отражающим государственные меры, направленные на противодействие терроризму в Республике Узбекистан, можно назвать Стратегию действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 гг., утвержденную Указом Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 г. № УП-4947 [9]. Данная Стратегия действий реализуется в пять этапов, каждый из которых предусматривает утверждение отдельной ежегодной Государственной программы по ее реализации. В Стратегии определены приоритетные направления обеспечения верховенства закона и дальнейшего реформирования судебно-правовой системы, а именно – в целях совершенствования системы противодействия преступности и профилактики правонарушений предполагается уделить особое внимание усилению организационно-практических мер по борьбе с религиозным экстремизмом, терроризмом и другими формами организованной преступности.

Еще один значимый нормативно-правовой акт, отражающий меры, направленные на противодействие терроризму, предпринимаемые на государственном уровне – Закон Республики Узбекистан «О профилактике правонарушений» [10], в котором

четко обозначены органы и учреждения, осуществляющие и участвующие в профилактике правонарушений. К ним относятся Кабинет Министров Республики Узбекистан и органы государственной власти на местах. Основной функцией этих государственных органов является их деятельность по разработке, утверждению и реализации государственных программ по профилактике правонарушений, в том числе и преступлений террористического характера. В этом же Законе обозначена система органов и учреждений, непосредственно осуществляющих профилактику правонарушений. К ним относятся: органы внутренних дел; органы прокуратуры; органы Службы государственной безопасности; органы Государственной службы безопасности Президента Республики Узбекистан; органы Национальной гвардии Республики Узбекистан; органы юстиции; органы государственной таможенной службы и иные специализированные органы.

Согласно ст. 11 названного Закона, профилактику правонарушений, включая профилактику налоговых, валютных правонарушений, легализации преступных доходов, финансирования терроризма и финансирования распространения оружия массового уничтожения, осуществляют органы прокуратуры республики Узбекистан, в том числе выявляют, устраняют причины совершения этих правонарушений и условия, им способствующие.

Среди подзаконных актов, содержащих меры, направленные на противодействие терроризму в Республике Узбекистан, можно отметить Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному повышению эффективности деятельности органов внутренних дел, усилению их ответственности за обеспечение общественного порядка, надежной защиты прав, свобод и законных интересов граждан» № УП-5005 от 10 апреля 2017 [11]. В Указе предусматривается ряд организационных изменений в системе органов внутренних дел, которые были обусловлены возникновением новых угроз международного терроризма и религиозного экстремизма в различных частях мира и вызвали необходимость дальнейшего усиления деятельности по борьбе с преступностью в качестве первостепенной задачи ОВД.

Таким образом, можно констатировать, что и в РФ, и в Узбекистане сформировалась достаточно устойчивая и эффективная общегосударственная система противодействия терроризму, однако эта система вряд ли сможет решать свои задачи в полном объеме без взаимодействия с гражданским обществом. Поэтому немаловажно объединить усилия государств, общественных объединений и организаций, средств массовой информации и самих граждан для достижения высоких результатов в борьбе с терроризмом.

Помимо общих мер противодействия терроризму, отдельно хотелось бы рассмотреть особенности в подходе законодателей России и Узбекистана к вопросам борьбы с терроризмом в информационной среде. Очевиден факт, что XXI в. характеризуется стремительным научно-техническим прогрессом, что, в целом, положительно влияет на развитие всех сфер жизнедеятельности мирового сообщества. Однако вместе с положительным влиянием научно-технического прогресса весьма стремительно развиваются и новые риски. В мире непрерывно возрастает число пользователей сети Интернет, но следствием данного прогрессивного развития является то, что террористические организации также активно адаптируются к новым сферам.

В связи с данным влиянием научно-технического прогресса совершенно справедливо уже с 2016 г. в РФ применяются уголовные наказания за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Именно данные действия, совершаемые в информационной сфере, по нашему мнению, оказывают серьезное влияние на распространение террористической идеологии среди отдельных уязвимых категорий населения (например, молодежь). Мы считаем, что развитие системы противодействия терроризму в РФ должно проводиться в тех же сферах, где развивается террористическая деятельность, в том числе международная. Как бы эффективно не работали национальные механизмы противодействия и предупреждения терроризма, всегда сохраняется риск организации и проведения террористических актов, в которых заинтересованы преступные группировки из других государств.

Узбекистан также активно включился в борьбу с терроризмом в информационной среде, в связи с чем был принят ряд законов и постановлений его Кабинета министров. Однако они, в первую очередь касаются общих проблем информационной безопасности, а не кибертерроризма как такового. В гл. 20 УК Узбекистана «Преступления в сфере информационных технологий» речь идет не о терроризме в киберпространстве, а о нарушении правил информатизации, незаконном доступе к компьютерной информации, распространении и создании вредных программ [7].

Таким образом, можно сказать, что в Республике Узбекистан нет четкого определения понятия «кибертерроризм». Тем не менее, отдельные нормы законодательства Республики Узбекистан призваны обеспечивать информационную безопасность, то есть противостоять экстремистским и террористическим организациям, действующим в киберсетях. Так, согласно ст. 12.1 Закона «Об информатизации» [12], владелец веб-сайта и (или) страницы веб-сайта, в том числе блогер, обязан не допускать использование своих веб-сайта и (или) страницы веб-сайта во всемирной информационной сети Интернет, на которых размещается общедоступная информация, в целях пропаганды войны, насилия и терроризма, а также идей религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма. В случае неисполнения владельцем веб-сайта и (или) страницы веб-сайта, в том числе блогером, данных требований, доступ к интернет-ресурсам может быть ограничен специально уполномоченным органом в порядке, установленном Кабинетом Министров Республики Узбекистан. Такие меры направлены, в первую очередь, на предупреждение терроризма путем целенаправленного воздействия на потоки информации. В этом случае есть основания надеяться, что информационная война, развязанная ведущими террористическими организациями в киберпространстве, будет прекращена.

На основе анализа масштабности современных угроз терроризма представляется необходимым выделить приоритетные направления для совершенствования мер борьбы с данным явлением на уровне государства. Важно отметить, что ведущую роль в данном вопросе необходимо отдавать как национальным органам отдельных государства, так и международным организациям. Проблема терроризма, в том числе в информационной сфере, не является вызовом для отдельной страны или региона. Каждому государству необходимо не только создавать и развивать национальные подразделения по борьбе с киберпреступностью, но и проводить активную по-

литику эффективного международного сотрудничества с иностранными государствами, их правоохранительными органами и специальными службами, а также международными организациями, в задачу которых входит борьба с кибертерроризмом и транснациональной компьютерной преступностью.

Причины популярности Интернета у преступников - легкий доступ к аудитории, обеспечение анонимной коммуникации, слабое регулирование этого вопроса на государственном уровне, глобальное распространение, высокая скорость передачи информации, дешевизна и простота в использовании, мультимедийные возможности. Экстремистские и террористические ресурсы широко используют средства психологической войны, в том числе дезинформацию, запугивание, манипуляцию общественным сознанием, подмену понятий и фактов. На интернет-ресурсах террористических организаций освещается психологический ущерб, наносимый государствам-объектам атаки в результате терактов. Кроме того, террористические организации, в том числе действующие в России и в Узбекистане, используют Интернет для вербовки новых членов, включая террористов-смертников из числа как исламистов, так и экстремистски настроенной молодежи с целью привлечения их сначала в радикальный ислам, а затем и в противоправную деятельность. Кроме того, Интернет используется для формирования лояльно настроенной среды, играющей активную роль в поддержке террористических организаций.

В настоящее время во всемирной сети представлены практически все типы организаций, применяющих в своей деятельности экстремистские и террористические методы. Число сайтов, содержащих материалы экстремистского характера, превышает семь тысяч, из них более ста пятидесяти - русскоязычных, и оно постоянно растет. Спецслужбами и правоохранительными органами фиксируется использование идеологами террористических организаций все новых и новых средств коммуникации для наибольшего охвата аудитории. Так, параллельно с развитием сервисов мобильной связи делаются доступными скачивание экстремистской литературы на мобильный телефон, соответствующие E-mail, MMS и SMS-рассылки и т.д. Наряду с использованием новейших информационных технологий экстремистскими и террористическими организациями в целях вербовки молодежи также задействуются и традиционные каналы социального взаимодействия. Значительным идеологическим ресурсом экстремистов, террористов и бандподполий является обучение молодых граждан в различных теологических учебных заведениях. Основная категория обучающихся - молодые люди в возрасте 20-25 лет.

Для противодействия этим негативным тенденциям органы государственной власти, местного самоуправления с привлечением возможности гражданского общества должны сосредоточить свои усилия на работе по следующим направлениям:

- информационно-аналитическое обеспечение противодействия терроризму и экстремизму (выпуск всевозможных памяток, брошюр, книг, обращений, плакатов, социальной рекламы, объективные публикации в прессе о деятельности правоохранительных органов, оперативных штабов и антитеррористических комиссий, создание тематических документальных фильмов и видеороликов и т.д.);

- пропагандистское обеспечение (своевременное доведение объективной информации о результатах деятельности в указанной сфере); контрпропагандистское (адекватная и своевременная реакция на дезинформацию, выступления, высказыва-

ния прекративших свою преступную деятельность главарей бандформирований, распространение листовок и пропагандистской литературы);

- идеологическое (формирование религиозной и межнациональной терпимости, патриотизма, здорового образа жизни, приоритетов общечеловеческих ценностей и т.д.);

- организационное (содействие деятельности общественных и религиозных объединений традиционной конструктивной, в том числе антитеррористической, направленности; взаимодействие со СМИ, проведение конференций, слётов, «круглых столов», конкурсов на лучшие материалы антитеррористического характера и т.д.);

- образовательное направление (создание системы подготовки специалистов, в том числе из числа гражданских лиц, в области информационного противодействия терроризму).

Подобную работу следует вести наступательно, в том числе отстаивая интересы своего государства в этой области на международном уровне.

В заключении хочется отметить, что сегодня всем странам необходимо стремиться к созданию эффективно функционирующей системы противодействии терроризму. Она должна представлять собой комплексное, в организационном, материально-техническом и координационном отношениях сбалансированное образование. В условиях современной динамичной социально-политической обстановки, изменений в структуре терроризма как социально-политическом явлении, требуется поддержание системы противодействия терроризму в состоянии адекватном складывающимся реалиям. Предупреждение терактов, профилактика новых жертв от таких акций состоит только в одном – в общественном мнении должна утвердиться однозначная позиция, что террористическое нападение – это действие, направленное на все общество с целью его дестабилизации. Борьба с терроризмом должна основываться на выявлении реальных, а не декларируемых целей террористических угроз. Террористы должны знать, что при любых условиях они будут уничтожены, компромиссы с террористами только множат жертвы будущих терактов. Также необходимо отметить, что при реализации мероприятий по противодействию терроризму, необходимо опираться на закон и верховенство демократических ценностей, основные права и свободы граждан и т.д. На данный момент требуется осознать особую важность появления, а также юридического закрепления таких понятий, как «международный терроризм» и «кибертерроризм». Следует отметить, что при условиях глобализации безопасность отдельно взятой страны можно обеспечить лишь за счет совместных усилий мирового сообщества. На данный момент надобность объединения усилий мирового сообщества в противодействии международному терроризму является очевидной. Безусловно, это будет отражаться в сотрудничестве государственных полномочных органов, а также компетентных служб на правовой надёжной основе.

Список литературы

1. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009 г.) // Российская газета. № 198. 20.10.2009.

2. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

3. Указ Президента РФ от 15.02.2006 № 116 «О мерах по противодействию терроризму» (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 8. Ст. 897.
4. Киреев М.П., Баклицкий К.А. Организация предупреждения терроризма в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 439-441.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Дмитриева Э.С. Анализ российских и зарубежных правовых актов о терроризме // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2019. Т. 7. № 2 (26) Электронный ресурс. URL: http://esj.pnzgu.ru (дата обращения 21.12.2020)
7. Уголовный Кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 (в ред. 23.01.2020) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 1.
8. Закон Республики Узбекистан «О борьбе с терроризмом» № 167-II от 15.12.2000 (в ред. 05.09.2019) // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 2001. № 1-2. Ст. 15.
9. Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» № УП-4947 от 07.02.2017 (в ред. от 11.12.2019) // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2017. № 6. Ст. 70.
10. Закон Республики Узбекистан «О профилактике правонарушений» № ЗРУ-371 от 14.05.2014 (в ред. от 30.10.2019) // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2014. № 20. Ст. 221.
11. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному повышению эффективности деятельности органов внутренних дел, усилению их ответственности за обеспечение общественного порядка, надежной защиты прав, свобод и законных интересов граждан» № УП-5005 от 10.04.2017 (в ред. от 11.12.2019) // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2017. № 15. Ст. 243.
12. Закон Республики Узбекистан «Об информатизации» № 560-II от 11.12.2003 (в ред. от 05.09.2014) // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2004. № 6. Ст. 67.

Novikova T. Y., Fomenko I. V., Palieva O. N. Features of the official policyof countering terrorism by criminal law measures in Russia and Uzbekistan // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 116-125.

The article provides a comparative legal analysis of the features of the official counter-terrorism policy in Russia and Uzbekistan, as well as measures to counter terrorism in certain areas of the society of these two states. The article analyzes the legislation of the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan, as well as measures to counter terrorism in these states. Special attention is paid to the problems of combating terrorism in the information environment.

The authors conclude that these states have formed a fairly stable and effective national system of countering terrorism, but this system is unlikely to be able to solve its tasks in full without interaction with civil society. In this matter, it is necessary to combine the efforts of States, public associations and organizations, the media and citizens themselves to achieve high results in the fight against terrorism. The authors also believe that at the moment it is necessary to realize the special importance of the emergence, as well as the legal consolidation of such concepts as" international terrorism "and"cyberterrorism".

Keywords: terrorism, Russian Federation. The Republic of Uzbekistan, international terrorism, cyberterrorism, measures to counter terrorism, criminal legislation, state policy, public security, prevention of terrorism, terrorist ideology, state authorities.

Spisok literaturi

1. Koncepciya protivodeistviya terrorizmu v Rossiiskoi Federacii (utv. Prezidentom RF 05.10.2009 g.) // Rossiiskaya gazeta. № 198. 20.10.2009.
2. Federalnii zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ «O protivodeistvii terrorizmu» (s posled. izm. i dop.) // Sobranie zakonodatelstva RF. 2006. № 11. St. 1146.
3. Ukaz Prezidenta RF ot 15.02.2006 № 116 «O merah po protivodeistviyu terrorizmu» (s posled. izm. i dop.) // Sobranie zakonodatelstva RF. 2006. № 8. St. 897.
4. Kireev M.P., Baklickii K.A. Organizaciya preduprezhdeniya terrorizma v sovremennoi Rossii // Probeli v rossiiskom zakonodatelstve. 2008. № 2. S. 439-441.
5. Ugolovnii kodeks Rossiiskoi Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (s posled. izm. i dop.) // Sobranie zakonodatelstva RF. 1996. № 25. St. 2954.
6. Dmitrieva E.S. Analiz rossiiskih i zarubezhnih pravovih aktov o terrorizme // Elektronnii nauchnii zhurnal «Nauka. Obsh'estvo. Gosudarstvo». 2019. T. 7. № 2 (26) Elektronnii resurs. URL: http://esj.pnzgu.ru (data obrash'eniya 21.12.2020)

7. Ugolovnii Kodeks Respubliki Uzbekistan ot 22.09.1994 (v red. 23.01.2020) // Vedomosti Verhovnogo Soveta Respubliki Uzbekistan. 1995. № 1.
8. Zakon Respubliki Uzbekistan «O borbe s terrorizmom» № 167-II ot 15.12.2000 (v red. 05.09.2019) // Vedomosti Olii Mazhlisa Respubliki Uzbekistan. 2001. № 1-2. St. 15.
9. Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan «O Strategii deistvii po dalneishemu razvitiyu Respubliki Uzbekistan» № UP-4947 ot 07.02.2017 (v red. ot 11.12.2019) // Sobranie zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan. 2017. № 6. St. 70.
10. Zakon Respubliki Uzbekistan «O profilaktike pravonarushenii» № ZRU-371 ot 14.05.2014 (v red. ot 30.10.2019) // Sobranie zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan. 2014. № 20. St. 221.
11. Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan «O merah po korennomu povisheniyu effektivnosti deyatelnosti organov vnutrennih del, usileniyu ih otvetstvennosti za obespechenie obsh'estvennogo poryadka, nadezhnoi zash'iti prav, svobod i zakonnih interesov grazhdan» № UP-5005 ot 10.04.2017 (v red. ot 11.12.2019) // Sobranie zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan. 2017. № 15. St. 243.
12. Zakon Respubliki Uzbekistan «Ob informatizacii» № 560-II ot 11.12.2003 (v red. ot 05.09.2014) // Sobranie zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan. 2004. № 6. St. 67.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 126-130.

УДК 343.341

DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-126-130

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Оболенский Ю. Б.

Севастопольский государственный университет

Работа посвящена анализу вопроса освобождения от уголовной ответственности за деятельность устойчивых преступных объединений, а именно: террористическое сообщество, террористическая организация, незаконное вооруженное формирование, преступное сообщество (преступная организация). Обосновывается целесообразность установления условий освобождения от уголовной ответственности, за совершение преступления, предусмотренного ст. 209 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: организованная преступность, террористическое сообщество, террористическая организация, незаконное вооруженное формирование, преступное сообщество (преступная организация), банда.

Организованная преступность по оценкам многих ученых – сложное социальное явление, которое сопровождает политическое, экономическое и культурное развитие большинства стран. В современности организованная преступность приняла довольно большие масштабы и вышла на международную арену. Необходимо отметить, что борьба с организованной преступностью является одной из приоритетных задач, в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 дек. 2015 № 683 [1].

Высокий уровень сплоченности организованных преступных сообществ, их коррумпированность и продуманность системы защиты от правоохранительных органов должны находить адекватное отражение в разработке мер борьбы с ними в нормативных правовых актах. В связи с этим, перед государством, в лице ее законодательных, исполнительных и правоохранительных органов встала важнейшая задача – не допустить дальнейшего развития разрастания преступности и, в первую очередь, организованной, содержать ее на максимально низком уровне, который не угрожает жизненно важным интересам государства.

Следует указать, что отдельным вопросом темы, которая исследуется, уже уделялось внимание отдельных ученых, среди которых можно выделить труды П.И. Гришаева, Г.А. Кригера, В.Н. Кудрявцева, А.А. Пионтковского, Н.С. Таганцева и др.; вопросы противодействия организованным преступным группам, бандам, преступным сообществам освещены в трудах Л.Д. Гаухмана, П.Ф. Гришанина, А.И. Долговой, В.С. Комиссарова, Н.Г. Кадникова; проблема ответственности за создание преступных сообществ была исследована в диссертациях Е.А. Галактионова, Е.А. Гришко, Н.Ю. Клименко, В.А. Конарева, О.Н. Литовченко, А.А. Мордовца и др. Однако, несмотря на существующие публикации остается много дискуссионных вопросов, которые влияют на дальнейшее развитие науки уголовного права, совершенствование уголовного законодательства и практики его применения.

Отдельный вопрос, который, по нашему мнению, требует исследования является применение «поощрительных норм», которые предусмотрены в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающих ответственность за отдельные формы организованной преступности.

При раскрытии этого вопроса следует отметить, что в науке уголовного права существует несколько видов освобождения лица от уголовной ответственности. Наиболее распространенным вариантом классификации указанных обстоятельств является их разделение на «общие» и «специальные».

Относительно «общих» видов освобождения от уголовной ответственности, спорные вопросы среди авторов отсутствуют, из-за того, что они предусмотрены Общей частью УК РФ. Среди указанных обстоятельств можно отметить: добровольный отказ от доведения преступления до конца (ст. 31); деятельное раскаяние (ст. 75); примирение с потерпевшим (ст. 76); возмещение ущерба (ст. 76.1), назначение судебного штрафа (ст. 76.2), изменение обстановки (ст. 77), истечение срока давности (ст. 78), амнистия и помилование (стст. 84-85 85-87); применение принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90).

Относительно «специальных» видов освобождения от уголовной ответственности, следует отметить, что существуют дискуссионные вопросы среди авторов по этому вопросу. Так, авторы которые придерживаются мнения, относительно разделения данных обстоятельств на указанные виды, отмечают, что они предусмотрены законодателем в Особенной части УК РФ и касаются отдельных преступлений, поэтому не могут отождествляться с общими обстоятельствами, которые установлены в Общей части УК РФ.

По мнению иных авторов, нельзя выделять институт освобождения от уголовной ответственности, который содержится в Особенной части УК РФ в качестве отдельного, обосновывая это положение тем, что результатом применения действия указанных обстоятельств в обоих случаях является освобождение лица от уголовной ответственности.

По нашему мнению, являются верными мнения авторов, которые отмечают, что виды освобождения от уголовной ответственности необходимо разделять на «общие» и «специальные», в виду того, что, первая категория видов, при наличии определенных условий, предусмотренных уголовным законом, может быть применена к любому лицу, которое совершило преступление. Вторая же категория видов, может быть применена лишь к лицам, которые совершили определенные преступления, за которые законодатель непосредственно предусмотрел указанные условия.

Относительно освобождения лица от уголовной ответственности за преступления, которые являются проявлениями организованной преступности, следует отметить, что некоторые исследователи и практические сотрудники считают, что преступные группировки могут состоять лишь из негативно настроенных лиц, и не могут быть из «нейтральных» и «позитивных». Однако, следует заметить, что опыт работы указывает на то, что группировки состоят не только из негативно настроенных лиц, но и из «позитивных» («нейтральных») [2, с. 130].

В соответствии с вышеуказанным, необходимо отметить, что при принятии нового уголовного кодекса законодатель предусмотрел условия, в соответствии с которыми лицо может быть освобождено от ответственности за совершение преступлений, которые являются проявлениями организованной преступности.

В соответствии с п. 1 примечания к ст. 205.4 УК РФ: «Лицо, добровольно прекратившее участие в террористическом сообществе и сообщившее о его существовании, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Не может признаваться добровольным прекращение участия в террористическом сообществе в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении его и заведомо для него следственных либо иных процессуальных действий».

В соответствии с примечанием к ст. 205.5 УК РФ: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, и добровольно прекратившее участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Не может признаваться добровольным прекращение участия в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении его и заведомо для него следственных либо иных процессуальных действий».

В соответствии с примечанием к ст. 208 УК РФ: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

В соответствии с примечанием к ст. 210 УК РФ: «Лицо, совершившее хотя бы одно из преступлений, предусмотренных настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении либо сообщившее о готовящемся собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп и активно способствовавшее раскрытию или пресечению деятельности преступного сообщества (преступной организации) или входящего в него (нее) структурного подразделения и (или) раскрытию и (или) пресечению преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) или входящим в него (нее) структурным подразделением, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления» [3].

На основе анализа указанных норм можно сделать вывод, что освобождение от уголовной ответственности за указанные преступления предусматривает наличие ряда условий:

- совершение преступления впервые (ст. 205.5, ст. 208);
- сдача оружия (ст. 208);
- прекращение участия в сообществе или сообщение о готовящемся собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп (ст. 210);
- активно способствовавшее раскрытию или пресечению деятельности преступного сообщества (преступной организации) (ст. 210);
- активно способствовавшее раскрытию и (или) пресечению преступлений, совершенных преступным сообществом (ст. 210);

- отсутствие иных преступлений в действиях лица (ст. 205.5, 208, 210).

В соответствии с вышеуказанным следует отметить, что при принятии нового УК РФ законодатель, прежде всего, руководствовался конституционными принципами построения правового государства и, в первую очередь, принципом гуманизма. На основании этого, в содержании уголовного закона, он предусмотрел определенные условия освобождения лица от уголовной ответственности.

По нашему мнению, устанавливая определенные условия освобождения от ответственности за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, какими являются нормы, предусматривающие ответственность за деятельность организованных преступных объединений, законодатель преследовал не только цель освободить лицо, виновное в совершении этого преступления, которое встало на путь исправления, осознало свои общественно опасные деяния и выполнило определенные условия, предусмотренные законом, но и цель предупредить или пресечь это или иные преступления, в соответствии с тем, что одной из задач УК РФ является предупреждение преступлений [3].

Раскрывая вопрос, который анализируется, необходимо отметить, что в ст. 209 УК РФ предусмотрена ответственность за еще одну форму организованной преступности – банду, а именно за создание устойчивой вооруженной группы (банды) с целью нападения на граждан или организации. Поощрительные нормы в данной статье отсутствуют.

В соответствии с вышеуказанным, с целью более эффективной борьбы и предупреждения преступления предусмотренного ст. 209 УК РФ, по нашему мнению, является целесообразным установление условий освобождения лица от ответственности за его совершение, а именно, дополнив его примечанием следующего содержания: лицо, совершившее хотя бы одно из преступлений, предусмотренных настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в вооруженной группе (банде), сдавшее оружие (при условии его наличия у данного лица) и активно способствовавшее раскрытию или пресечению деятельности вооруженной группы (банды) и (или) раскрытию и (или) пресечению преступлений, совершенных вооруженной группой (бандой), освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

На основании указанного, по нашему мнению, освобождение от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 209 УК РФ, по аналогии с иными тождественными нормами, должно соответствовать ряду условий: условиям, а именно:

- добровольность прекращения участия в вооруженной группе (банде);
- сдача оружия, при условии, если оно имелось у данного лица. Такая формулировка данного условия, по нашему мнению, будет отвечать положениям постановления, Пленума Верховного суда РФ от 17 янв. 1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», в котором указано, что вооруженность предполагает наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного оружия, как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия [4], из чего можно сделать заключение, что оружие может иметь место не у всех участников данного сообщества.

- активное содействие раскрытию преступной деятельности, должно заключаться в помощи работникам правоохранительных органов в нейтрализации деятельности вооруженной группы (банды). Указанная помощь должна выражаться в предоставлении полной и достоверной информации о деятельности указанной группировки, даче правдивых показаний в ходе допросов и проведении других следственных действий и выполнения любых других действий, необходимых для прекращения преступной деятельности вооруженной группы (банды);
- отсутствие в деяниях лица состава иного преступления. Мы считаем, что данное условие является необходимым в связи с тем, что освобождение от ответственности за совершение одного преступления, не может автоматически освобождать и от ответственности других преступлений, даже и, если они связаны с его совершением. Необходимо отметить, что в случае выполнения лицом указанных выше условий, оно должно освобождаться от уголовной ответственности за совершение преступления предусмотренного ст. 209 УК РФ, и нести ответственность только за иные совершенные преступления.

Список литературы

1. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1, ч. 2, ст. 212.
2. Организованная преступность – 2: «Круглый стол» Криминологической ассоциации // Отв. ред. Долгова А. И., Дьяков С. В. – М. : Криминологическая ассоциация, 1993. – 326 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 No 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ fb522826ace216c139340de9ed06214ba989c656/. – Текст электронный.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 янв. 1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм». URL: http://www.advokat-profes.ru/2010-12-06-13-43-33/434------17011997--1.html

Obolensky Y. B. Exemption from criminal liability for the activities of organized criminal associations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 126-130.

The work is devoted to the analysis of the issue of exemption from criminal liability for the activities of stable criminal associations, namely: terrorist community, terrorist organization, illegal armed formation, criminal community (criminal organization). The expediency of establishing the conditions for exemption from criminal liability for committing a crime under Art. 209 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: organized crime, terrorist community, terrorist organization, illegal armed formation, criminal community (criminal organization), gang.

Spisok literaturi

1. Strategii nacionalnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federacii : Ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 31 dek. 2015 g. № 683 // Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federacii. – 2016. – № 1, ch. 2, st. 212.
2. Organizovannaya prestupnost – 2: «Kruglii stol» Kriminologicheskoi associacii // Otv. red. Dolgova A. I., Dyakov S. V. – M. : Kriminologicheskaya associaciya, 1993. – 326 s.
3. Ugolovnii kodeks Rossiiskoi Federacii ot 13 iyunya 1996 No 63-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ fb522826ace216c139340de9ed06214ba989c656/. – Tekst elektronnii.
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17 yanv. 1997 № 1 «O praktike primeneniya sudami zakonodatelstva ob otvetstvennosti za banditizm». URL: http://www.advokat-profes.ru/2010-12-06-13-43-33/434------17011997--1.html

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 131-138.

УДК 343.85
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-131-138

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ИДЕЙ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Родителева Я. Н., Царева Е. С.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Данная статья отражает основные приемы, обеспечивающие противодействие экстремистским идеям в сети «Интернет». Отмечены главные направления по противодействию экстремистским идеям, а также стратегии, которые необходимо применять с целью осуществления противодействия экстремистской деятельности на более эффективном уровне. Представлены характерные особенности профилактических мер и борьбы с проявлением экстремистских идей в обществе и сети «Интернет». Рассмотрен один из методов, который способный оказать противодействующее влияние на экстремистские идеи в современном обществе, – законодательство. Данный метод является главным элементом борьбы с экстремистской деятельностью, поскольку одним из основных принципов противодействия ей выступает законность, определяющая рамки, в границах которых могут осуществлять свою деятельность органы, противодействующие экстремизму. Противодействие и борьбу с экстремистской деятельностью в глобальной сети осуществляют органы государственной власти и органы местного самоуправления, в перечень обязанностей которых включается мониторинг и анализ сети «Интернет» на постоянной основе. Данный анализ обуславливает необходимость создания новых подходов к процессу социального управления во всех государственных и общественных сферах, в особенности формирования устойчивой и адекватной системы государственной безопасности.

Ключевые слова: терроризм, интернет, социальные сети, СМИ, экстремизм, глобализация, глобальная сеть.

В настоящее время актуальное развитие общества невозможно представить отдельно от системы массовых коммуникаций и ее главных технических средств, формирующих содержание этого социального института. Преуменьшение роли, которую выполняет система массовой коммуникации в современном обществе, а также ее рассмотрение только в качестве средства общественного управления, вызывает в последствии поверхностное и некомпетентное мышление в данной системе, что в результате обеспечивает возникновение ее дисфункциональных эффектов в сферах противодействия экстремизму и государственной безопасности.

Роль современной всемирной системы объединенных компьютерных сетей, предназначенных для хранения и передачи информационных данных в сети «Интернет» увеличивается из года в год быстрыми темпами. Необходимо отметить, что на сегодняшний день наблюдается постоянный рост показателя, отражающего интернетизацию общества России. В состав ведущих актуальных информационных источников добавились: интернет-форумы; информационные порталы; социальные сети.

Социальные сети зачастую выступают в качестве единственного источника информации для некоторого числа представителей социальной группы молодежи [3].

Глобальная сеть, используя форумы, порталы и социальные сети, помимо реализации собственной информативной функции оказывает значительное влияние на процесс формирования общественного мнения. Таким образом, в современных

условиях всемирная сеть «Интернет» широко распространилась и прочно закрепилась во всех сферах жизнедеятельности человека и общества (экономической, политической, духовной и социальной), при этом для определенных категорий граждан и вовсе выступает в качестве основного элемента быта и повседневности. На сегодняшний день большинство пользователей ассоциируют сеть «Интернет» с компьютерными сетями, передающих информационные данные путем использования соответствующих ресурсов и объединенные между собой.

Экстремизм представляет собой достаточно многогранное и необычное явление. Согласно его характерным признакам, данное понятие можно рассматривать в качестве искусственного явления, нуждающегося в поддерживающих действиях. В настоящее время как в обществе, так и в глобальной сети реализуется противодействие не только проявлению экстремистских идей, но и популизма, развитие которого осуществляется в зависимости от типа общества.

В современных условиях информационно-пропагандистское воздействие Рунета, представляющего собой русскоязычный сегмент глобальной сети «Интернет», в совокупности с сетевыми СМИ, а именно интернет-журналами и газетами, на общественное настроение и сознание населения будет увеличиваться. Целесообразно отметить, что глобальная сеть «Интернет» в меньшей степени подвергается внешнему контролю, чем СМИ, при этом всемирная сеть предполагает возможность анонимного изложения собственных мыслей и идей для любого пользователя. По указанным причинам сегодня отмечается активное развитие интернет-преступлений и отследить их по-прежнему сложно.

Доступность сети «Интернет» для современного общества обуславливает активное использование собственных ресурсов с целью размещения и распространения материалов экстремистского характера. С его помощью сторонники экстремизма создают интернет-сообщества, размещают в сети, соответствующие фото и видеоматериалы, вербуют и осуществляют координирующие действия экстремистских группировок. Таким образом, с целью достижения собственных целей экстремисты используют все средства и ресурсы глобализации, при этом актуальные информационные технологии обеспечивают их неуязвимость перед правоохранительными органами.

Необходимо также отметить, что глобальная сеть «Интернет» включает в свой состав совокупность различных ресурсов, при этом на некоторые из них не распространяется закон, принятый в отношении СМИ, что также обеспечивает широкие возможности для распространения экстремистских идей.

Согласно статистическим данным, собранным за последние несколько лет, экстремистская деятельность активно распространяется во всемирной сети «Интернет». По этой причине, на сегодняшний день противодействие экстремизму, распространяющегося через сеть, рассматривается в качестве актуального направления государственной деятельности [9].

В современном обществе выделяют совокупность проблем, связанных с противодействием экстремистской деятельности в сети «Интернет». С целью лучшего их понимания рассмотрим действия, реализация которых возможна с применением глобальной сети, а именно:

1. Размещение в сети материалов, отражающих информацию побудительного характера по вопросам ненависти и вражды к неполноценным гражданам либо отно-

шения граждан к расовой, социальной, национальной и иным культурам, а также насильственного изменения конституционного строя страны и нарушения целостности государства;

2. Применение на практике сторонниками экстремизма информационных материалов, отражающих методы реализации акций экстремистского характера и процесс изготовления огнестрельного оружия и самодельной взрывчатки;

3. Использование всемирной сети экстремистами с целью финансирования и координации собственной преступной деятельности.

Интернет-сайт Министерства юстиции РФ содержит актуальный список, согласно которому те или иные материалы признаются решением федерального суда экстремистскими. Данный список содержит разнообразные виды информационных материалов: книги, видеоролики, музыкальные композиции, фильмы, аудиозаписи, тексты стихотворений и др. Так, по состоянию на 10 марта 2021 года в списке значится 5 158 пункта [4].

Одна из наиболее известных поисковых систем сети на запрос «руководство по созданию самодельной взрывчатки» отражает более 146 тысяч ответов, а на запрос «руководство по созданию самодельного огнестрельного оружия» – более 34 тысяч ответов. Таким образом целесообразно сделать вывод, что на сегодняшний день найти актуальную информацию, используемую в дальнейшем с целью подготовки и совершения экстремистских преступных деяний достаточно просто.

Субъекты реализации экстремизма представляют собой пользователей сети «Интернет», распространяющих и пропагандирующих информационные материалы соответствующего характера. При этом, если данная информация была размещена в глобальную сеть неавторизованным пользователей, отследить его в данном случае практически невозможно. Однако, в случае размещения информации экстремистского характера с домашнего персонального компьютера, обнаружить пользователя не составит труда.

По вышеуказанной причине сторонники экстремизма реализуют собственные цели с помощью общественных сетей, расположенных, к примеру, в интернет-кафе, заведениях развлекательного характера и иных общественных местах. Данная уловка экстремистов обуславливает возникновение и обострение в настоящее время вопроса относительно привлечения к уголовной ответственности администраторов или модераторов общественных сетей. Однако данный процесс предполагает необходимость определения и утверждения критериев, согласно которым будет реализовываться привлечение к уголовной ответственности.

Практика большинства мировых стран отражает неоднозначность решения данного вопроса: полная ответственность за содержание информационных материалов, размещенных на интернет-сайтах и видео-хостингах, возложена на провайдеров. Необходимо отметить, что данное решение на сегодняшний момент неприемлемо по отношению к России прежде всего по причине отсутствия привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. Соответственно, особой актуальностью обладает вопрос относительно присутствия в российском законодательстве средств, необходимых для реализации противодействующих мер, направленных на борьбу с экстремистской деятельностью в сети «Интернет».

Ключевая особенность современности отражается в виде глобализации социальных процессов, а также вовлечения в их состав значительного числа групп населе-

ния различных культур и мировоззрения. Данная особенность обуславливает необходимость создания новых подходов к процессу социального управления во всех государственных и общественных сферах, в особенности формирования устойчивой и адекватной системы государственной безопасности [6].

Экстремизм на современном этапе развития – это разветвленная и отлаженная система, которая обладает значительными объемами финансовых и человеческих ресурсов, и управление которой осуществляется из международных центров. Экстремистская деятельность представляет собой многогранное явление, которое прикрывается и маскируется под разнообразными политическими и идеологическими доктринами, включая религию. Экстремизм оказывает непоправимое негативное воздействие на сложившиеся общественные ценности населения, а также отрицательно влияет на «чувство защищенности» человека.

Основу правовой базы Российской Федерации, направленной на противодействие и борьбу с экстремистской деятельностью как в обществе, так и в сети «Интернет» составляет Конституция РФ [1]. Согласно ее положениям, на российской территории запрещается любая пропаганда или агитация, побуждающая какую-либо ненависть. Так же в настоящее время наряду Конституции имеется закон «о противодействии экстремистской деятельности», также направленный на борьбу с экстремистской деятельностью. Содержание данного закона отражает точные и полные определения экстремизма, и с его помощью имеется возможно осуществлять правильным образом квалификацию соответствующих преступлений.

Противодействие и борьбу с экстремистской деятельностью в глобальной сети осуществляют органы государственной власти и органы местного самоуправления, в перечень обязанностей, которых включается мониторинг и анализ сети «Интернет» на постоянной основе.

Информационно-техническое и аналитическое обеспечение обуславливает решение следующих задач:

– исследование главных факторов, которые предопределяют текущее состояние экстремистских настроений и угрозу формирования настроений данного рода;

– прогнозирование возможных тенденций развития экстремистской деятельности;

– анализ актуальных информационных данных, отражающих не только аспекты проявления экстремистских идей, но и социальных, политических и других общественных явлениях;

– формирование и реализация на практике взаимодействия информационного характера субъектов противодействия и борьбы с экстремистской деятельностью;

– задействование специализирующихся сотрудников научно-исследовательских учреждений с целью анализа риска развития экстремистской деятельности;

– повышение уровня квалификации специалистов в сферы защиты и противодействия экстремистской деятельности.

Информационное противодействие экстремисткой деятельности предполагает деятельность, направленную на выявление сущности и разъяснение опасности экстремизма. Деятельность такого рода включает в свой состав множество процессов по аккумулированию информации, в том числе её:

– сбор;

– накопление;

– анализ;

– оценка.

Процесс организации борьбы с экстремистской деятельностью реализуется на практике комплексно, при этом осуществляется анализ источников появления и дальнейшего распространения идей экстремистского характера, установление всей совокупности субъектов экстремизма, а также обеспечение субъектов противодействия данной деятельности необходимыми информационными ресурсами, включающими в свой состав своевременные аппаратно-программные комплексы.

Применение комплексного подхода к процессу организации противодействующих мер по отношению к экстремистской деятельности увеличивает степень эффективности совокупности всех мер, направленных на информационное противодействие процессу его дальнейшего распространения. Главными направлениями реализации на практике процесса противодействия экстремистской деятельности являются:

– диагностика текущего положения в регионах страны;

– выявление характерных качеств экстремизма в отдельных регионах;

– формирование тесного взаимного сотрудничества со СМИ;

– использование совокупности средств и кадров на эффективном уровне.

Осуществление на практике перечисленных выше направлений требует формирование системы «базового» противодействия, включающей следующие меры:

1. Проведение диагностики специфических характеристик проявлений экстремистской деятельности в регионах страны на ежегодной основе, в том числе выявление основных причин и условий ее развития, а также установление объектов, взаимодействующих с экстремистскими организациями и т.д.

2. Разработка мероприятий, направленных на реализацию «базовой» профилактики среди групп населения, которые в большей степени подвержены отрицательному влиянию экстремистских идей [8].

Необходимо отметить, что в настоящее время важным средством, способным оказать противодействие экстремисткой деятельности в глобальной сети «Интернет», выступает применение технических средств. Сторонники экстремизма зачастую используют в собственных целях поддельные IP-адреса, сайты и иные интернет-адреса, что значительно усложняет поиск их местонахождения. По этой причине органы, реализующие противодействие и борьбу с экстремистской деятельности, прибегают к услугам соответствующих специалистов, знания которых обеспечивают эффективное противодействие экстремизму.

Применение совокупности всех технических средств и мер, оказывающих противодействие экстремистской деятельности в глобальной сети, находится в зависимости от законодательства, принятого в стране. Судебная практика РФ по вопросам закрытия интернет-сайтов, содержащих экстремистские идеи, отражает важность правильности и доскональности проведения анализа имеющихся доказательств.

Как уже было ранее отмечено, пространство сети «Интернет» крайне трудно поддается контролю по причине наличия в правовом регулировании РФ множества изъянов и недостатков, которыми зачастую пользуются сторонники экстремизма. Документы Следственного комитета РФ выделяют необходимость осуществления на практике всей совокупности оперативно-розыскных мероприятий, главной целью которых является противодействие использования глобальной сети сторонниками

экстремизма и органами, реализующими соответствующую оперативно-розыскную деятельность. Процесс расследования преступных деяний, совершенных с помощью пространства сети «Интернет», достаточно усложнен, и зачастую не имеется возможности установить преступное лицо.

Экстремизм представляет собой крайне опасное явление, угрожающее мировой безопасности. это очень опасное явление, которое угрожает безопасности всего мира. Данный род деятельности угрожает всему обществу и разрушает признанные на общем уровне правила и нормы морали и чести. По этой причине процесс противодействия экстремизму в обществе рассматривается в качестве основного направления деятельности каждого государства.

На сегодняшний день противодействие экстремистской деятельности в обществе реализуется по таким направлениям:

– принятие мер профилактического характера, целью которых является предупреждение экстремизма;

– выявление, предупреждение и устранение экстремистских идей среди социальной группы молодежи;

– реализация комплексных мер с целью формирования методов, направленных на разработку признанных на общем уровне правил и норм;

– модернизация текущей правовой базы и правоприменительной практике в области противодействия экстремистской деятельности;

– информационное и научно-методическое обеспечение с целью осуществления наиболее эффективных профилактических мер противодействия экстремистской деятельности.

С целью осуществления противодействия экстремистской деятельности на более эффективном уровне на практике применяют определенную стратегию.

Первая и наиболее значимая стратегия, направленная на противодействие экстремистской деятельности, отражается в виде образования и культурного просвещения населения страны. По причине того, что образование граждан всех возрастных групп предполагает изучение истории, правильное токование данной науки и рассмотрение исторически сложившихся фактов формирует положительное правосознание населения. Однако, необходимо отметить, что толкование исторических факторов только с положительной стороны недопустимо, необходимо также изучать явления геноцида, репрессий, рабства и других похожих событий, которые могут выступить в качестве источника экстремистских идей или ксенофобии. Экстремистская деятельность на современном уровне развития может брать за собственную основу исторически сложившиеся факты прошлых лет, при этом искажая их в пользу трактуемой ей идеологии.

Вторая стратегия, направленная на противодействие экстремизма, представляет собой мониторинг, профилактику и нейтрализацию экстремистской деятельности на массовом уровне. Реализация данной стратегии осуществляется с целью противодействия экстремистских идей в местах массового скопления граждан, например, в школах, молодежных кружках и других собраниях. Такая стратегия предполагает процесс распространения среди населения информации антиэкстремистского характера с помощью газет, печатной продукции, листовок и т.д. При этом главным требованием в данной стратегии является доступность и распространенность информации [5].

Немало важная стратегия, оказывающая противодействие экстремистской деятельности, заключается в работе с социальной группой молодежи, так как сознание данной группы населения в наибольшей степени восприимчив к информации любого рода, а ее преподношение в определенной форме может обусловить возникновение экстремистских идей. В рамках данной стратегии также подразумевается реализация негласного наблюдения за местами массового скопления молодого населения: учебные заведения или заведения развлекательного характера. В современных российских условиях формируется и реализуется система по работе с социальной группой молодежи, однако назвать ее совершенной пока невозможно, она находится на пути собственного становления.

Следующий метод, способный оказать противодействующее влияние на экстремистские идеи в современном обществе, – законодательство. Данный метод является главным элементом борьбы с экстремистской деятельностью, поскольку одним из основных принципов противодействия ей выступает законность, определяющая рамки, в границах которых могут осуществлять свою деятельность органы, противодействующие экстремизму.

Все перечисленные выше методы эффективно функционируют в комплексе друг с другом, и именно они формируют механизм, включающий работу всех элементов.

Согласно ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [2], все муниципальные образования РФ принимают участие в профилактической деятельности терроризма и экстремизма, а также в снижении до минимально возможного уровня и устранения их проявления в границах муниципального образования, при этом в качестве приоритетных выступают предупредительные меры.

Противодействие экстремистской деятельности возможно реализовывать на эффективном уровне только совместно и на опережение, то есть направлять усилия на раннее предотвращение негативных последствий экстремизма. Общество само по себе не имеет устойчивое мнение и отношение к экстремизму. Оно не обладает однозначным мнением по той причине, что некоторые граждане могут иметь положительное мнение относительно каких-либо меньшинств, другие – отрицательное, остальные и вовсе относиться безразлично.

Как правило, предшественниками актов экстремистских идей являются митинги, протесты либо акты малого насилия. Так, экстремистское настроение всегда подогревается ксенофобией, которая сама по себе не рассматривается в качестве запрещенного действия. Она представляет собой мысли человека, запрет которых невозможен и которые свободны для каждого гражданина. Соответственно, в актуальных условиях главной задачей является создание самовоспроизводящейся системы идей, субъектов-носителей и каналов их распространения в обществе, способная самостоятельно, вне зависимости от государства, сформировать позитивное общественное сознание, и исключающая возможность применять насилие для достижения каких-либо целей [7]. Данной системой могут и должны выступать институты гражданского, научного и бизнес-сообщества, образовательные структуры и СМИ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 15.02.2021.

2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 15.02.2021.
3. Бижоева М.К. Противодействие экстремизму в сети интернет. Ростовский научный журнал. 2018. № 1. С. 43-48.
4. Валеев А.Х. Противодействие экстремизму в сети «интернет». Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 3. С. 27-29.
5. Геронин В.Н. Проблемные вопросы осуществления противодействия экстремизму в сети интернет. В сборнике: борьба с преступностью: теория и практика. Москва, 2018. С. 370-372.
6. Лошкарев А.В. Правовые основы противодействия терроризму и экстремизму в сети интернет. В сборнике: развитие современной науки. Пермь, 2018. С. 132-134.
7. Мартыненко С.В. Причины молодежного экстремизма в мировой сети интернет и его профилактика. Алтайский юридический вестник. 2018. № 2 (22). С. 111-114.
8. Скороваров И.И. Проблемы борьбы с молодежным экстремизмом в сети интернет. Инновационная наука. 2018. № 6. С. 121-123.
9. Усманова Э.З. Особенности реализации российской государственной информационной политики противодействия экстремизму и терроризму в сети интернет. Novainfo.ru. 2018. № 82. С. 195-200.

Roditeleva Y.N., Tsareva E.S. Some aspects of activities to counter the spread of extremist ideas on the Internet // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 131-138.

This article reflects the main techniques for countering extremist ideas on the Internet. The main directions for countering extremist ideas, as well as strategies that need to be applied in order to counter extremist activities at a more effective level, are noted. The characteristic features of preventive measures and combating the manifestation of extremist ideas in society and the Internet are studied. One of the methods that is capable of exerting a counteracting influence on extremist ideas in modern society is considered - legislation. This method is the main element of the fight against extremist activity, since one of the main principles of countering it is the rule of law, which determines the framework within which bodies countering extremism can carry out their activities. Counteraction and fight against extremist activity in the global network is carried out by state authorities and local self-government bodies, the list of duties, which includes monitoring and analysis of the Internet on an ongoing basis. This analysis necessitates the creation of new approaches to the process of social management in all state and public spheres, in particular the formation of a stable and adequate system of state security.

Key words: terrorism, Internet, social networks, mass media, extremism, globalization, global network.

Spisok literatury

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii http://www.pravo.gov.ru, 15.02.2021.
2. Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ (red. ot 29.12.2020) «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii http://www.pravo.gov.ru, 15.02.2021.
3. Bizhoeva M.K. Protivodejstvie ekstremizmu v seti internet. Rostovskij nauchnyj zhurnal. 2018. № 1. S. 43-48.
4. Valeev A.H. Protivodejstvie ekstremizmu v seti «internet». Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina. 2018. № 3. S. 27-29.
5. Geronin V.N. Problemnye voprosy osushchestvleniya protivodejstviya ekstremizmu v seti internet. V sbornike: bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika. Moskva, 2018. S. 370-372.
6. Loshkarev A.V. Pravovye osnovy protivodejstviya terrorizmu i ekstremizmu v seti internet. V sbornike: razvitie sovremennoj nauki. Perm', 2018. S. 132-134.
7. Martynenko S.V. Prichiny molodezhnogo ekstremizma v mirovoj seti internet i ego profilaktika. Altajskij yuridicheskij vestnik. 2018. № 2 (22). S. 111-114.
8. Skorovarov I.I. Problemy bor'by s molodezhnym ekstremizmom v seti internet. Innovacionnaya nauka. 2018. № 6. S. 121-123.
9. Usmanova E.Z. Osobennosti realizacii rossijskoj gosudarstvennoj informacionnoj politiki protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu v seti internet. Novainfo.ru. 2018. № 82. S. 195-200.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 139-145.

УДК 343.3/.7

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И СПЕЦИФИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Семенцова И. А., Федорова Е. А.

Статья посвящена дискуссионным аспектам природы транспортной преступности. Описывается современное состояние транспортной отрасли и транспортной безопасности. Приводятся статистические данные о состоянии преступности в сфере транспорта на примере Южного федерального округа. Предлагается классификация и критерии разграничений транспортных преступлений и преступлений, совершенных на транспорте, по объекту преступного посягательства, месту их совершения, предмету посягательства и иным элементам состава преступления. Раскрываются способы их совершения. Формулируется вывод о наличии единого объекта транспортных преступлений - безопасность движения или эксплуатации транспорта (транспортного средства).

Ключевые слова: Транспортная преступность, преступления на транспорте, безопасность движения, безопасность эксплуатации транспортных средств.

Транспорт давно является необходимой и уже неотъемлемой составляющей жизни общества и государства, а преступность стала неизбежным социальным злом, пересечение этих реалий является закономерным.

Транспортная отрасль сегодня – это сложная система экономических отношений, связанная с разнообразием ее элементов железнодорожным, водным, воздушным, автомобильным, трубопроводным, конвейерным, канатоподвесным, монорельсовым и другими видами средств перемещения кого-либо или чего-либо.

Развитие транспортной системы в России и ее интеграция в мировую транспортную систему призвано обеспечить необходимые предпосылки для модернизации национальной экономики, удовлетворить потребности граждан и организаций в качественных, конкурентоспособных транспортных услугах [1]. Кроме того, от ее состояния зависят и возможности государства для выравнивания социально-экономического развития регионов и укрепления их связей.

Для решения указанных задач нашему государству и без того приходится прикладывать массу усилий и средств (к слову, для реализации мероприятий, предусмотренных в Транспортной стратегии России на период до 2030 года [2] выделяется более 100 трлн. рублей). В этой связи, совершаемые на транспорте преступления, вовсе не способствуют укреплению отрасли, подрывают авторитет транспортных компаний и государственных органов, сводят к минимуму усилия по обеспечению транспортной безопасности.

Развитие транспортных правоотношений, а также самой транспортной отрасли, повлекло не только возникновение в принципе отдельных видов преступности, таких, например, как дорожно-транспортная преступность (совокупность уголовно-наказуемых нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств), но и изменение тактики преступной деятельности в иных сферах, например, при незаконном пересечении товаров через государственную границу с использованием транспортных средств.

На современном этапе развития социальных отношений широкое использование преступниками транспортных средств в криминальной деятельности стало естественным следствием процесса «транспортизации» нашей жизни. Транспортное средство может считаться одними из самых распространенных орудием (предметом) совершения самых различных преступлений – хищений, контрабанды, незаконных перевозок ограниченных в обороте объектов, преступлений против жизни, здоровья и свободы, преступлений террористической направленности и других.

Преступления, посягающие на безопасность движения и эксплуатации транспорта, заключаются в нарушении установленных правил и требований, обеспечивающих безопасное функционирование транспорта. Под безопасностью функционирования транспорта понимается такое состояние транспортной деятельности, которое исключает причинение вреда жизни и здоровью людей, транспортным средствам, материальным ценностям, окружающей природной среде и обеспечивается мерами экономического, технического, организационного, социального и правового характера [4, с. 13]. Обеспечение безопасности на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры, в соответствии с Федеральным законом от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [5], относится к числу приоритетных задач, решаемых государственными органами. Достижению указанной цели должен отвечать уровень правоохранительной работы, осуществляемой на объектах транспорта.

По данным Управления на транспорте МВД России по Южному федеральному округу за 2020 год зарегистрировано 1548 преступлений на территории его оперативного обслуживания, что на 6 % больше, зарегистрированных в 2019 году [6]. Проведенные нами анализ статистических данных позволяет прийти к выводу, что бóльшую часть из зарегистрированных составляют преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ - 30,7%. На втором месте по распространенности кражи – 25 %, преступления экономической направленности – 14,3%. Удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия составляет 3,4%, доля мошенничеств – 4,7%, против личности – 1,3%. На объектах железнодорожного транспорта совершено 75,2% преступлений, от числа всех зарегистрированных, 14,1% на объекты воздушного транспорта и 10,6% – морского транспорта. Зарегистрировано по одному факту таких преступлений, как убийство умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью. Преступления террористической направленности, угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, изнасилования за 2020 год не зарегистрированы.

Как и следовало ожидать, в период режима самоизоляции общее число преступлений на транспорте снизилось: с апреля по июнь 2020 г. Наибольшее снижение темпа роста транспортной преступности было зафиксировано в апреле 2020 г. именно этот месяц был наиболее «жестким» по соблюдению карантинных мер [7, с. 53].

Из вышеприведенных данных становится явным значительное количество преступлений, совершенных на объектах железнодорожного транспорта и транспортной инфраструктуры. Остается стабильно высокое количество совершенных краж. Речь идет о хищениях и грузов, и личного имущества граждан. Как правило, предметом краж становятся мобильные телефоны, денежные средства, а также детали гардероба (верхняя одежда, обувь и т.д.).

При этом процент раскрываемости краж самый низкий в сравнении с другими преступлениями и составляет всего 51,2%. Приведенные данные указывают на своеобразную устойчивость тенденции к совершению данного вида преступлений, а также на отсутствие эффективной системы предупреждения и противодействия им. Место совершения преступления в большинстве случаев не совпадает с местом обнаружения преступного посягательства, что обусловлено спецификой перевозок, при этом сезонность фактически не влияет на частоту совершения краж грузов из подвижного состава» [8, с 9].

Кроме того, в последние годы наблюдается устойчивый рост краж на железнодорожном транспорте, представляющих серьезную угрозу для безопасности движения и эксплуатации указанного вида транспорта. Преступники совершают хищение межрельсовых стыковых соединителей, костылей для крепления шпал, проводов, кабелей и пр. Преступные посягательства на железнодорожном транспорте все более носят групповой характер.

Таким образом, анализ официальных статистических данных и результатов отдельных научных исследований позволяет заключить, что состояние криминальной ситуации на объектах транспорта не улучшается. Снижение же регистрируемых показателей преступности связывается не только с повышением результативности профилактической деятельности уполномоченных субъектов, но и с увеличением латентной части насильственной преступности, в том числе ввиду организационно-штатных преобразований правоохранительных органов на объектах транспорта и изменений действующего уголовного законодательства.

Хотелось бы отметить особенности групп транспортных преступлений на морском транспорте, с учетом расположения крупнейших морских портов, которые преобладают в таких регионах (городах ЮФО), как Новороссийск, Туапсе, Сочи, в Крымском регионе. Преступления на объектах морского транспорта здесь можно условно разделить на следующие группы:

преступления против собственности (кражи, мошенничества, иные хищения);

преступления экономической направленности;

преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, оружия;

преступления, относящиеся к сфере грузовых перевозок, а также связанные с незаконным перемещением товаров (в том числе, транспортных средств) через границу;

экологические преступления;

преступления, посягающие на безопасность движения и эксплуатации транспорта, а также преступные нарушения правил охраны труда;

преступления коррупционной направленности.

Правовая природа транспортной деятельности в известной мере определяет и границы транспортной преступности. Законодатель регламентирует отдельными актами различные правила (дорожного движения, эксплуатации судов, пользования воздушным пространствами т.д.) Данный факт, например, наглядно прослеживается из бланкетных по характеру диспозиций статей в главе 27 УК РФ. «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта».

Итак, транспортное средство рассматривается нами объединяющим звеном целой группы преступлений, однако, учитывая специфику различных их видом, особенности транспортной инфраструктуры и деятельности в сфере транспорта, необ-

ходимо заключить что понятие «транспортная преступность» очень неоднородно. Различия могут проявляться как в объективных, так и субъективных признаках транспортных преступлений.

Транспортные средства выступают в качестве предметов преступлений, средств или орудий преступлений и специфического места совершения преступлений.

Анализ способов совершения преступлений на транспорте показывает, что хищения грузов на объектах транспорта, как правило, совершаются путем сруба запорных устройств и закруток, взлома дверей и люков, выдавливания пола контейнеров, а также путем мошенничества, подлога, изготовления и использования фиктивных документов, проникновения в компьютерные сети железных дорог и морских портов, снятия информации об организациях, для использования в хищении грузов, оформления «ложного транзита», переадресовок грузов, подмены перевозочных документов и т.п. Предметом краж на транспорте являются грузы, среди которых могут быть как различная бытовая техника, так и черные, цветные металлы, нефтепродукты, строительные материалы и другие. Кражи, как правило, совершаются в ночное время, чему дополнительно способствует плохая освещенность объектов транспорта.

К примеру, отдельные виды преступлений могут совершаться организованными преступными группами (хищения транспортных средств, транспортировка оружия и наркотиков и т.д.) или же могут совершаться вполне законопослушными гражданами, впервые и по неосторожности (нарушения безопасности движения и эксплуатации транспорта и пр.). Отдельные составы требуют специального субъекта, например, при незаконном перемещении товаров через государственную границу (не декларировании) субъектом может быть лицо, имеющее особый статус в соответствии с актами, составляющими право ЕАЭС, а именно «декларант».

Учитывая такую многогранность рассматриваемого явления в научной литературе не утихают споры по поводу определения природы объекта того или иного посягательства с использованием транспортного средства; классификации преступлений, совершенных на транспорте; самих понятий «транспортные преступления», «преступления на транспорте», «преступления против безопасности и эксплуатации транспорта».

Сходства и различия данных понятий можно определить исходя их анализа элементов состава преступлений. Таким образом, например, предлагает порассуждать ученый Суденко В.Е. [3] к транспортным преступлениям он относит общественно-опасные деяния, которые непосредственно связаны с движением и (или) эксплуатацией транспорта, либо направленные против интересов транспортной инфраструктуры и ее безопасности. И к таковым предлагается отнести перечень, деяний, предусмотренный главой 27 УК РФ, а также разделом IX УК РФ. Преступления, совершаемые на транспорте, предусмотрены и в других составах Особенной части УК РФ с VII по XII разделы. Они могут совершаться на объектах транспортной инфраструктуры (например, убийства и иные преступления против личности, различного рода хищения, налоговые и экономические преступления, преступления коррупционной направленности, экологические преступления, террористический акт и т.д.). То есть, основные критерии отличия – место совершения и объект посягательства. Ели преступления совершено на объекте транспортной инфраструктуры и не посягает на

безопасность эксплуатации и движение транспорта – это «преступление на транспорте».

Но не все так однозначно, большая часть транспортных преступлений имеют многообъектные составы, к примеру, статьи 263, 264, 266, 267 УК РФ. Помимо интересов общества и государства относительно безопасности эксплуатации транспорта затрагиваются и законные интересы личности относительно неприкосновенности его жизни, здоровья, собственности. При этом причинение вреда последним является составообразующим, а, следовательно, объектом транспортных преступлений выступают интересы общества, государства, человека и организации.

Говоря о предмете преступной деятельности, отметим, что им является материальная часть объекта, на которую направлено преступление. Такой признак имеется в составе, предусмотренном статьей 267 УК РФ «Приведение в негодность транспортных средств и путей сообщения». Предметом здесь выступают по первых, транспортное средство (автомобиль, локомотив, летательный аппарат, водное судно, средство связи и сигнализации); во-вторых, пути сообщения (железнодорожные, водные каналы, дороги, аэродромы); в-третьих, иное транспортное оборудование (платформы железнодорожные и метро, стрелочные переводы, шлюзы и т.д.).

Если же похищенное транспортное средство используется для совершения теракта, то таковое уже из предмета хищения перейдет в ранг средства совершения террористического акта.

Особенностью оценки объективной стороны транспортных преступлений и преступлений, совершаемых на транспорте, состоит в том, что значительное количество транспортных преступлений совершается в виде бездействия, учитывая конструкцию диспозиции, выражаемую словосочетаниями: «неисполнение обязанностей…», «нарушение правил…» и прочее. Причем бездействие в данном случае должно отвечать уголовно-правовому критерию долженствования: виновные должен был совершить определенные активные действие в соответствии с должностными обязанностями или иными обязанностями, предусмотренными Правилами, Индукциями, указаниями. Поэтому также значительная часть транспортных преступлений совершается специальным субъектом, помимо общих признаков у которого имеются свойства, вытекающие из специфики должностного положения, например, капитан или иное лицо, управляющее судном, лицо, ответственное за техническое состояние транспортного средства, участник дорожного движения и т.д.

Транспортные преступления в большинстве своем имеют материальный состав и считаются оконченными с момента наступления последствий, кроме того, с субъективной стороны могут совершаться по неосторожности, в то время, преступления на транспорте по конструкции относятся как к формальному, так и материальному типу, а с субъективной стороны как умышленно, так и по неосторожности.

Анализ состояния транспортной преступности позволил прийти к выводу о том, что объектом посягательства рассматриваемой группы преступлений является безопасность транспорта и транспортных систем, которое включает в себя, в том числе, состояние защищенности жизни, здоровья человека и собственности. Это позволяет сделать вывод об однообъектости именно транспортных преступлений.

Подводя итог вышесказанному, мы можем сделать вывод о том, что преступления, совершаемые на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры, имеют

свою специфику, обусловленную наличием особенностей, присущих транспортному комплексу, их необходимо систематизировать и выделить в единую главу уголовного закона. При этом к транспортным будут относиться преступления, совершаемые во взаимосвязи человека и транспорта, как внутри транспортной системы, так и извне, нарушающие безопасность движения или эксплуатации транспорта (транспортного средства) и влекущие предусмотренные в законе преступные последствия.

Список литературы

1. Халандачев, Н. П. Анализ механизмов реализации транспортной стратегии РФ / Н. П. Халандачев. – Текст : непосредственный. // Синергия Наук. – 2019. – № 33. – С. 110-126.
2. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года // Официальный сайт Министерства транспорта. : [сайт]. – . – URL: https://mintrans.gov.ru/documents/3/1009 (дата обращения: 17.03.2021).– Текст: электронный.
3. Суденко, В. Е. Специфика расследования преступлений, совершённых организованными преступными группами и преступными сообществами, в том числе на объектах транспортной инфраструктуры / В. Е. Суденко. – Текст: электронный. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 2. [сайт]. – . – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-rassledovaniya-prestupleniy-sovershyonnyh-organizovannymi-prestupnymi-gruppami-i-prestupnymi-soobschestvami-v-tom-chisle (дата обращения: 17.03.2021).
4. Балашов, С. К. Уголовно-правовая охрана безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Балашов Сергей Константинович; Ростовский юридический институт МВД России, – Ростов-на-Дону. – 2007. – 26 с. – Текст : непосредственный.
5. Федеральный закон «О транспортной безопасности» от 09.02.2007 № 16-ФЗ (с изменениями и дополнениями). // Доступ из справ.- правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
6. Результаты оперативно-служебной деятельности УТ МВД России по ЮФО за 2020 год // Управление на транспорте МВД России по Южному федеральному округу : [сайт]. – . – URL: https://юфоут.мвд.рф/document/22602412 (дата обращения: 17.03.2021). – Текст: электронный.
7. Груздева, Л. М. Уголовно-правовые средства борьбы с преступностью на транспорте / Л. М. Груздева. – Текст : непосредственный. // Транспортное право и безопасность. – 2020. – № 3(35). – С.53.
8. Ивушкина, О. В. Кражи грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта : характеристика и предупреждение : региональный аспект : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Ивушкина Ольга Викторовна; ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». – Красноярск. - 2018. – 28 с. – Текст : непосредственный.

Sementsova I.A., Fedorova E. A. Crimes in the field of transport: the criminological aspect and the specifics of the criminal law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 139-145.

The article is devoted to the discussion aspects of the nature of transport crime. The current state of the transport industry and transport security is described. Statistical data on the state of crime in the field of transport are given on the example of the Southern Federal District. The classification and criteria for the delimitation of transport crimes and crimes committed on transport, under the object of criminal encroachment, the place of their commitment, the subject of encroachment and other elements of the composition of the crime are proposed. Methods of their commit are revealed. Formulate the conclusion about the presence of a single object of transport crimes safety of motion or operation of transport (vehicle).

Keywords: transport crime, transport crimes, traffic safety, safety of vehicle operation.

Spisok literatury

1. Halandachev, N. P. Analiz mekhanizmov realizacii transportnoj strategii RF / N. P. Halandachev. – Tekst : neposredstvennyj. // Sinergiya Nauk. – 2019. – № 33. – S. 110-126.
2. Transportnaya strategiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda // Oficial'nyj sajt Ministerstva transporta. : [sajt]. – . – URL: https://mintrans.gov.ru/documents/3/1009 (data obrashcheniya: 17.03.2021).– Tekst: elektronnyj.
3. Sudenko, V. E. Specifika rassledovaniya prestuplenij, sovershyonnyh organizovannymi prestupnymi gruppami i prestupnymi soobshchestvami, v tom chisle na ob"ektah transportnoj infrastruktury / V. E. Suden-

ko. – Tekst: elektronnyj. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2019. № 2. [sajt]. – . – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-rassledovaniya-prestupleniy-sovershyonnyh-organizovannymi-prestupnymi-gruppami-i-prestupnymi-soobschestvami-v-tom-chisle (data obrashcheniya: 17.03.2021).
4. Balashov, S. K. Ugolovno-pravovaya ohrana bezopasnosti dvizheniya i ekspluatacii zheleznodorozhnogo transporta: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskih nauk : 12.00.08 / Balashov Sergej Konstantinovich; Rostovskij yuridicheskij institut MVD Rossii, – Rostov-na-Donu. – 2007. – 26 s. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Federal'nyj zakon «O transportnoj bezopasnosti» ot 09.02.2007 № 16-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami). // Dostup iz sprav.- pravovoj sistemy Konsul'tantPlyus. – Tekst: elektronnyj.
6. Rezul'taty operativno-sluzhebnoj deyatel'nosti UT MVD Rossii po YUFO za 2020 god // Upravlenie na transporte MVD Rossii po YUzhnomu federal'nomu okrugu : [sajt]. – . – URL: https://yufout.mvd.rf/document/22602412 (data obrashcheniya: 17.03.2021).– Tekst: elektronnyj.
7. Gruzdeva, L. M. Ugolovno-pravovye sredstva bor'by s prestupnost'yu na transporte / L. M. Gruzdeva. – Tekst : neposredstvennyj. // Transportnoe pravo i bezopasnost'. – 2020. – № 3(35). – C.53.
8. Ivushkina, O. V. Krazhi gruzov iz podvizhnogo sostava zheleznodorozhnogo transporta : harakteristika i preduprezhdenie : regional'nyj aspekt : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskih nauk : 12.00.08 / Ivushkina Ol'ga Viktorovna; FGAOU VO «Sibirskij federal'nyj universitet». – Krasnoyarsk. 2018. – 28 s. – Tekst : neposredstvennyj.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 146-153.

УДК 343.542.2:004.77
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-146-153

РАЗВРАТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Скворцова О. В., Макаренко Д. Д.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Статья посвящена анализу одного из преступлений, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних – развратным действиям с использованием ресурсов Интернет. В статье рассмотрены механизмы совершения развратных действий в отношении лиц, не достигших возраста шестнадцати лет, посредством сети Интернет. Исследованы вопросы квалификации развратных действий с использованием сети Интернет. Обозначены основные проблемы выявления таких преступных деяний для привлечения к ответственности и разработки средств защиты от них, возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: развратные действия, уголовная ответственность, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, сеть Интернет.

На современном этапе развития общества Интернет стал незаменимым элементом обучения, работы и коммуникации. Большое количество электронных почт, социальных сетей и сайтов знакомств заполонили значительную часть всемирной сети. Человек уже не представляет свою повседневную жизнь без их использования. Но наряду с инновационным развитием появляется преступная деятельность, которая совершается с использованием компьютеров, систем и компьютерных сетей и Интернета, так называемая, киберпреступность [1, с. 19].

На сегодня киберпреступность можно считать новым видом преступности, существующим в обществе. Так, преступления, совершаемые в киберпространстве, объединены сферой проявления, а именно всемирной сетью Интернет, использованием компьютеров, систем и сетей [2, с. 121].

Появление киберпреступлений в конце XX - начале XXI века обусловило необходимость их правового закрепления, квалификации и привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении, как на международном, так и на государственном уровне. В ответ на распространение преступлений с использованием сети Интернет был принят ряд международных правовых актов, направленных на минимизацию последствий киберпреступности. Так, в 1989 году были утверждены Комитетом министров совета Европы Рекомендации № 89, разработанные Специальным Комитетом экспертов Совета Европы по вопросам преступности, связанные с компьютерами, содержащие списки правонарушений с использованием компьютеров, которые должны считаться наказуемыми. 23 ноября 2001 года в г. Будапешт была принята Европейская Конвенция о киберпреступности (преступления в киберпространстве) с целью реализации общей политики по вопросам уголовного права для защиты общества от киберпреступности [3, с. 9].

К преступным деяниям, которые требуют особого внимания, относятся преступления против половой свободы и половой неприкосновенности. Ответствен-

ность за развратные действия регламентируется ст. 135 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [4].

Проблема половых преступлений против несовершеннолетних всегда приобретала широкий общественный резонанс. Эти преступления являются одними из самых опасных, которые могут совершаться человеком, ибо они направлены против наиболее незащищенных членов общества – детей. На уровне мирового сообщества особое внимание уделяется защите ребенка, правам несовершеннолетних, охране их здоровья и интересов. Развитие общества, телекоммуникационных систем, Интернета, печатных средств массовой информации привели к тому, что в открытом доступе появляется большое количество продукции эротического и порнографического характера, которая противоречит нормам морали и воспитания детей, молодежи. Происходит значительное падение общественной морали [5, с. 12].

Несмотря на то, что многие ученые утверждают, что совершение развратных действий посредством сети Интернет характеризуется небольшим уровнем общественной опасности, так как данное преступление совершается без применения насилия, все же данная проблема является актуальной в виду того, что, в любом случае, это сексуальное преступление, которое негативно влияет на еще не сформировавшуюся психику ребенка. Многочисленные исследования устанавливают, что сексуальные посягательства в отношении детей способствуют развитию у них психических расстройств и заболеваний, нарушений в развитии идентичности, снижению сексуальной удовлетворенности и расстройству партнерских отношений в будущем.

Лица, не достигшие возраста шестнадцати лет, в силу своих физических и психических особенностей являются особенно уязвимыми, так как в данном возрасте они еще не способны до конца осознавать последствия своих действий. Подростки во все времена хотели иметь новых друзей, строить первые романтические отношения и познавать собственную сексуальность. В связи с этим, они могут проявлять неосмотрительное виктимное поведение, охотно вступая в контакт с незнакомыми лицами, раскрепощенно обсуждая темы сексуального характера. Данное явление получило в России распространение в ужасных масштабах. Практически каждый третий несовершеннолетний, не достигший возраст шестнадцати лет, получал сообщение сексуального содержания от незнакомого лица.

Еще одним вопросом, требующим разрешения, является вопрос квалификации данного преступления, так как до сегодняшнего дня ни в законодательстве Российской Федерации, ни в Постановлении Пленума Верховного суда РФ не установлено достаточно четко, по каким статьям Уголовного Кодекса Российский Федерации следует предъявлять обвинение за совершение развратных действий посредством сети Интернет.

Таким образом, целью исследования является изучение механизмов совершения развратных действий в отношении лиц, не достигших возраста шестнадцати лет, посредством сети Интернет, разработка средств защиты от них, а также исследование вопросов квалификации за совершение данного преступления.

Неудивительно, что совершение преступлений сексуального характера стало возможным с помощью сети Интернет. В этом аспекте речь идет не о реальных физиологических половых сношениях, а о «виртуальных». Нередко такие действия являются предпосылкой совершения преступлений уже в реальной жизни (вовлече-

ние в проституцию, торговля людьми, похищение людей, изготовление и распространение материалов порнографических характера).

На сегодняшний день злоумышленники чаще всего используют для бесконтактного развращения подростков такие каналы передачи электронной информации как: социальные сети, электронная почта, мобильные приложения типа WhatsApp или Viber, сайты знакомств, форумы и чаты [6, с. 123].

Совершению развратных действий в отношении несовершеннолетних посредством сети Интернет почти всегда предшествует установление доверительного контакта с лицом, не достигшим возраста восемнадцати лет. Такие действия злоумышленника, являющиеся, по сути, приготовлением к совершению преступления, именуются в зарубежной литературе как «кибергруминг» [7, с. 152].

Рассмотрим более подробно способ совершения развращения несовершеннолетних с использованием сети Интернет. Совершение указанных действий возможно при общении преступника и жертвы в социальных сетях, сайтах знакомств, интернет-средствах коммуникации.

Преступник, желающий познакомиться с малолетними (несовершеннолетними), как правило, сам подыскивает жертву в социальных сетях, затем посылает электронное письмо с запросом на дружбу. Аккаунты могут содержать как правдивую информацию о личности преступника, так и быть вымышленными, под псевдонимом несуществующего несовершеннолетнего. С течением времени, когда преступник и жертва начинают дружить в сети, переписываются, делятся новостями, лицо планирует приступить к растлению несовершеннолетнего, пытается войти в доверие, завоевать уважение и привязанность потерпевшего. Впоследствии, когда эта промежуточная цель достигнута, преступник начинает вести разговоры на сексуальные темы, расспрашивать об интимной жизни подростка, может, посылает фотографии собственного обнаженного тела или половых органов и просит, чтобы и несовершеннолетний прислал ему свои фотографии в обнаженном виде. Если после этого виновный и потерпевший продолжают общение во всемирной сети, то они могут перейти с сайтов знакомств к сетям, которые поддерживают аудио- и видеообщения. Именно с использованием этих средств связаны наиболее травмирующие случаи совершения развращения несовершеннолетних [8, с. 15].

Оценивая степень общественной опасности совершения развратных действий в отношении несовершеннолетних посредством сети Интернет, следует обратиться к утверждению А. Д. Оберемченко, который в своем исследовании говорил о том, что разговоры на интимные темы или обмен откровенными фото- и видеоизображениями характеризуются относительно невысоким уровнем общественной опасности [9, с. 69].

Но, с другой стороны, необходимо также учитывать специфику информационно-телекоммуникационных сетей, поскольку данное средство:

- дает возможность преступнику действовать анонимно, создав для несовершеннолетнего необходимый образ;
- позволяет коммуницировать сразу с большим количеством лиц, не достигших совершеннолетия;
- трансгранично (действие не происходит в границах определенной территории, что серьезно усложняет поиск потерпевших);
- обеспечивает высокую латентность совершаемых преступных деяний.

Все вышеуказанные обстоятельства, безусловно, усложняют процесс выявления, пресечения и уголовного преследования лиц за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних с использованием сети Интернет [10 , с. 324].

Так, в период с 2013-2015 г.г. в социальной сети «Вконтакте» действовал паблик «Модный приговор Симферополь», куда неизвестные лица скидывали фото обнаженных девушек, не достигших возраста 18 лет, и призывали их бить за недостойное поведение. Одной из девушек, чьи фотографии попали в данное сообщество, являлась 13-летняя Н., которая стала жертвой развратных действий в сети Интернет.

Так, Н. познакомилась с молодым человеком Б. в социальной сети «Вконтакте». Инициатором общения был пользователь Б., он выступает в активной роли, вводит, поддерживает и развивает основные темы беседы, а также выясняет, что Н. считает себя недостаточно красивой и имеет низкую самооценку. В ходе переписки парень применяет различные приемы психологического воздействия на несовершеннолетнее лицо с целью формирования у нее готовности присылать свои фото- и видеоизображения в обнаженном виде:

– убеждение несовершеннолетней в том, что наличие обнаженных фотоизображений является правильным, приемлемым, необходимым, ведь она очень красива;

– установление с Н. доверительных контактов, и убеждение ее в том, что если она не скинет фото, парень прекратит с ней общение по причине того, что «для любимого человека можно сделать пару фотографий, ничего страшного не случится»;

– апелляции к «взрослости» девочки;

– убеждение пользователя Н. в том, что пользователь Б. распространит фото, на котором Н. запечатлена в обнаженном виде, в случае отказа последней вступить в половой контакт с пользователем Б.

По итогу Н. отказалась вступать в половой контакт с Б., в связи с чем стала героиней паблика «Модный приговор Симферополь», куда были отправлены пользователем Б. все ее обнаженные фотографии. К сожалению, из-за неуверенности в себе, травли со стороны окружающих, девочка рассказала обо всем случившемся только своим подругам (ровесницам), боясь поделиться этой проблемой с родителями, педагогами и другими взрослыми людьми, которые объективно понимали, что в данной ситуации имеет местно не распутное поведение несовершеннолетней, а преступление.

Таким образом, выявить случаи совершения развратных действий через Интернет достаточно сложно, поскольку они, как правило, не получают огласку. Это возможно сделать только при общении детей со своими родителями, внимательном слежении за поведением детей, кругом их друзей и общения. Широкое распространение получила деятельность так называемых «кибер-нянь», которые призваны выявлять лиц, использующих социальные сети для совершения развратных действий с несовершеннолетними и распространяющие материалы порнографического характера. Под «кибер-нянями» понимают, как компьютерную программу («Киберняня») перекрытия доступа детей к пользованию сайтами аморального и жестокого характера, так и людей, которые выявляют аккаунты и сайты лиц, являющихся подозреваемыми в совершении преступлений сексуального характера, и блокируют

их. Особенно активно деятельность «кибер-нянь» применяется в Америке и странах Европы [11, с. 159].

Отдельные страны организуют деятельность специализированных центров, которые непосредственно обеспечивают безопасное пользование всемирной сетью без риска стать жертвой преступлений, в том числе, сексуальных. Так, в Российской Федерации в 2012 году был создан Центр защиты прав и законных интересов граждан в информационной сфере «Чистый Интернет», задачей которого является досудебное блокирование сайтов с детской порнографией, информацией о способах совершения суицида и наркотиках [12].

В Великобритании в 2006 году с целью внедрения механизмов защиты детей, молодежи от сексуальной эксплуатации и насилия в сети и вне сети Интернет был создан Центр защиты от детской эксплуатации и онлайн преступлений (Child Exploitation and Online Protection Center (CEOP). Центр играет решающую роль при взаимодействии всех государственных и негосударственных органов и организаций для защиты детей, молодых людей, семей и общества в целом от педофилии и сексуальных преступников, в том числе тех, кто использует Интернет и другие технологии для сексуальной эксплуатации детей. Деятельность этих организаций находит поддержку широких слоев населения и способствует сотрудничеству различных организаций и частных лиц для достижения общей цели.

Следующей проблемой является вопрос квалификации данного преступления, так как часто преступное посягательство на половую неприкосновенность несовершеннолетних посредством сети Интернет совершается с использованием фото, видео, аудио файлов, которые относятся к категории порнографических, и в таких ситуациях возникает вопрос, следует ли отдельно от развратных действий (ст. 135 УК РФ) квалифицировать данное деяние по п. "б" ч.3 ст. 242 УК РФ, либо же проводить квалификацию данного деяния только по соответствующей части ст. 135 УК РФ [4].

Так, Г., являясь совершеннолетним лицом, реализуя свой преступный умысел – совершение развратных действий в отношении несовершеннолетних посредством сети Интернет (социальная сеть «Вконтакте»), осуществил непристойную переписку на сексуальную тему с несовершеннолетней девушкой К. В ходе переписки девушка получила не менее 5 файлов эрегированного полового органа Г., а также не менее 10 файлов, содержащих материалы порнографического характера. Г. действуя с умыслом на распространение порнографических материалов среди несовершеннолетних, осознавая, что его действия носят общественно опасный характер, желая совершить преступление, умышленно направил К. файлы, содержащие изображение порнографического характера в виде эрегированного полового органа Г. При этом преступник заранее осознавал, что своими действиями он посягает на общественную нравственность, психологическое состояние девушки, не достигшей возраста восемнадцати лет, так как незаконное изготовление и оборот порнографических материалов и предметов запрещены УК РФ.

Таким образом, Г. совершил бесконтактное посягательство на половую неприкосновенность несовершеннолетней. Кроме того, своими умышленными действиями Г. совершил незаконное изготовление и распространение порнографических материалов среди несовершеннолетних посредством сети Интернет, то есть преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 135 УК РФ, п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ [13].

По иному аналогичному делу суд не согласился данной квалификацией деяния, указав на то, что отправка материалов порнографического содержания охватывается умыслом совершаемого преступления и является частью объективной стороны и не требует дополнительной квалификации по ст. 242 УК РФ [14, с. 32].

Существует также решение суда, в соответствии с которым лицу было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 135 УК РФ, где обвиняемый отправлял электронные сообщения, а также фото и видео файлы порнографического характера, но такие действия не квалифицировались по ст. 242 УК РФ. Совокупность преступлений может быть только в том случае, когда совершенные противоправные деяния направлены против разнородных объектов преступного посягательства. Так объектом преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ выступает нормальное половое и нравственное развитие, в то время, когда объектом ст. 242 УК РФ является общественная нравственность, также примечание к ст. 73 УК РФ не относит ст. 242 УК РФ к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Поэтому более правильной и точной квалификацией будет соответственно по ст. 135 и 242 УК РФ [15, с.397].

Таким образом, преступления сексуального характера против несовершеннолетних с использованием Интернет-ресурсов представляют серьезную опасность нормальному психологическому и нравственному развитию несовершеннолетних, что вызывает необходимость защиты данных лиц от подобных посягательств. Внедрение действенных механизмов выявления и предотвращения развращения несовершеннолетних через всемирную сеть позволит защитить подрастающее поколение от преждевременной сексуализации и ее негативных последствий.

Во время исследования механизма совершения развращения несовершеннолетних с использованием всемирной сети, авторы выделили следующие мероприятия по предотвращению данных преступлений:

1) родительский контроль за кругом общения ребенка во всемирной сети;

2) применение компьютерных программ «Родительский контроль», «Киберняня», «Чистый Интернет» в домашних условиях и в игровых интернет-клубах;

3) необходимость выработки мер, позволяющих ограничивать создание множества интернет страниц одним пользователем, в целях минимизации появления страниц, созданных для реализации преступного умысла. Например, подтверждение аккаунта в социальных сетях путем его регистрации через портал государственных услуг.

Также авторы считают целесообразным дополнить ст. 135 УК РФ квалифицирующими признаками, предусматривающими ответственность за совершение развратных действий с использованием порнографических материалов и склонение детей к действиям сексуального характера, совершенное с помощью компьютерных систем или телекоммуникационных сетей. Такое положение позволит избежать вопроса необходимости дополнительной квалификации по ст. 242 УК РФ, также такой вариант регламентации будет полно отражать объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ.

Список литературы

1. Курушин, В. Д. Компьютерные преступления и информационная безопасность / В. Д. Курушин, В. А. Минаев. М.: Новый юрист, 1998. – 35 с.
2. Антонос Г. А. Международные изменения права киберпространства // Право и информатизация общества: сб. науч. тр. – М.: ИНИОНРАН, 2012. – 241 с.
3. Быков В. Совершенствование уголовной ответственности за преступления, сопряженные с компьютерными технологиями / В. Быков, А. Нехорошее, В. Черкасов // Уголовное право. 2013. – № 3. – 23 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М. : Проспект, 2020. – 336 с.
5. Попова Л. В. Уголовная ответственность за совершение действий сексуального характера с использованием сети Интернет / Л.В. Попова, В. В. Михайлов // Законность, 2016. – № 2. – 42 с.
6. Соловьев В. С. Использование социального сегмента сети Интернет для совершения посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних // В. С. Соловьев // Вестник Московского университета МВД России, 2017. – № 3. – 194 с.
7. Айков Д. В. Компьютерные преступления. Руководство по борьбе с компьютерными преступлениями / Д. В. Айков. – М.: Мир, 2014. – 351 с.
8. Семенцова И. А. Актуальные вопросы предупреждения преступлений, совершаемых лицами с расстройством сексуального предпочтения (педофилией) посредством сети интернет // И. А. Семенцова, А. И. Фоменко // Теория и практика общественного развития, 2015. – № 10. – 32 с.
9. Обременченко А. Д. Развратные действия: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Краснодар, 2014. – 180 с.
10. Букалерова Л. А. О необходимости криминализации предложения несовершеннолетнему вступить в сексуальный контакт / Л.А. Букалерова, А.А. Атабекова, М.А. Симонова // Административное и муниципальное право. 2015. N 6. – 673 с.
11. Авчаров И. В. Борьба с киберпреступностью // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. XI межд. конф. – М., 2012. – 320 с.
12. Ассоциация «Чистый интернет» [Электронный ресурс] // URL: https://whoiswhopersona.info/archives/47036.
13. Контрольное производство по уголовному делу. По материалам Следственного управления СК России по Забайкальскому краю [Электронный ресурс] // URL: https://zabaykalye.sledcom.ru/.
14. Коротаева М. А. Развратные действия, совершенные лицами гомосексуальной направленностью в отношении несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции, 2010. № 1. – 47 с.
15. Бриллиантов А. В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. – С. 742.

Skvortsova O.V., Макаренко D.D. Acts of sexual abuse through the use of Internet // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 146-153.

The article is devoted to the analysis of one of the crimes that infringe on sexual immunity of minors - acts of sexual abuse through the use of Internet resources. The mechanisms of committing acts of sexual abuse against persons under the age of sixteen years through the use of Internet are considered. The questions of qualification of acts of sexual abuse through the use of Internet are investigated. The main problems of identifying such criminal acts for bringing to responsibility and developing means of protection against them, as well as possible ways to resolve them, are outlined.

Key words: acts of sexual abuse, criminal liability, crimes committed against the sexual inviolability of minors, the Internet.

Spisok literatury

1. Kurushin, V. D. Komp'yuternye prestupleniya i informacionnaya bezopasnost' / V. D. Kurushin, V. A. Minaev. M.: Novyj yurist, 1998. – 35 c.
2. Antonos G. A. Mezhdunarodnye izmeneniya prava kiberprostranstva // Pravo i informatizaciya obshchestva: sb. nauch. tr. – M.: INIONRAN, 2012. – 241 c.
3. Bykov V. Sovershenstvovanie ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, sopryazhennye s komp'yuternymi tekhnologiyami / V. Bykov, A. Nekhoroshee, V. CHerkasov. // Ugolovnoe pravo. 2013. – № 3. – 23 s.
4. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii. – M. : Prospekt, 2020. – 336 s.
5. Popova L. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za sovershenie dejstvij seksual'nogo haraktera s ispol'zovaniem seti Internet / L.V. Popova, V. V. Mihajlov // Zakonnost', 2016. – № 2. – 42 s.

6. Solov'ev V. S. Ispol'zovanie social'nogo segmenta seti Internet dlya sovershenіya posyagatel'stv na polovuyu neprikosnovennost' nesovershennoletnih // V. S. Solov'ev // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, 2017. – № 3. – 194 s.
7. Ajkov D. V. Komp'yuternye prestupleniya. Rukovodstvo po bor'be s komp'yuternymi prestupleniyami / D. V. Ajkov. – M.: Mir, 2014. – 351 s.
8. Semencova I. A. Aktual'nye voprosy preduprezhdeniya prestuplenij, sovershaemyh licami s rasstrojstvom seksual'nogo predpochteniya (pedofiliej) posredstvom seti internet // I. A. Semencova, A. I. Fomenko // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 2015. – № 10 . – 32 s.
9. Obremenchenko A. D. Razvratnye dejstviya: ugolovno-pravovaya harakteristika i problemy kvalifikacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Krasnodar, 2014. – 180 s.
10. Bukalerova L. A. O neobhodimosti kriminalizacii predlozheniya nesovershennoletnemu vstupit' v seksual'nyj kontakt / L.A. Bukalerova, A.A. Atabekova, M.A. Simonova // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2015. N 6. – 673 s.
11. Avcharov I. V. Bor'ba s kiberprestupnost'yu // Informatizaciya i informacionnaya bezopasnost' pravoohranitel'nyh organov. XI mezhd. konf. – M., 2012. – 320 s.
12. Associaciya «CHistyj internet» [Elektronnyj resurs] // URL: https://whoiswhopersona.info/archives/47036.
13. Kontrol'noe proizvodstvo po ugolovnomu delu. Po materialam Sledstvennogo upravleniya SK Rossii po Zabajkal'skomu krayu [Elektronnyj resurs] // URL: https://zabaykalye.sledcom.ru/.
14. Korotaeva M. A. Razvratnye dejstviya, sovershennye licami gomoseksual'noj napravlennost'yu v otnoshenii nesovershennoletnih // Voprosy yuvenal'noj yusticii, 2010. № 1. – 47 s.
15. Brilliantov A. V. Ugolovnoe pravo Rossii. CHasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnik/ pod red. A. V. Brilliantova. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Prospekt, 2018. – S. 742.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 154-160.

УДК 343.2/.7
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-154-160

ВРЕМЯ СОВЕРШЕНИЯ НАЛОГОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Цуканов А. Н.

Прокуратура Курской области

Вопрос определения времени совершения налогового преступления является достаточно сложным как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Диспозиции статей об уклонении от уплаты налогов, сборов и страховых взносов указывают на обязательный признак объективной стороны – непредставление обязательных документов; доктрина и правоприменительная практика ориентируются на то, что преступным является неуплата обязательных платежей, а не факт неподанной декларации (иных обязательных документов), следовательно, и временем совершения налогового преступления является непоступление денежных средств в бюджет. Ситуация осложняется тем, что в доктрине уголовного права отсутствует единство подхода к пониманию считать ли налоговые преступления длящимися или продолжаемыми. В статье предложено разрешение данного вопроса: если налогоплательщик представляет ложную декларацию в течение трех лет подряд, то его деяние следует расценивать как продолжаемое преступление, в случае непредставления декларации действия налогоплательщика следует расценивать как длящееся преступление, которое начинается с момента первой неуплаты и заканчивается вследствие пресечения правоохранительными органами или наступлением иных событий, препятствующих дальнейшему продолжению.

Ключевые слова: налоговое преступление, время совершения преступления, длящееся преступление, продолжаемое преступление.

Время совершения налогового преступления – это период между первой неуплатой обязательных платежей до момента истечения установленного налоговыми органами срока на добровольное погашение задолженности по налогам и другим обязательным платежам.

Несколько иной вывод должен напрашиваться при буквальном толковании диспозиций налоговых статей УК РФ – момент непредставления декларации или представление ложной декларации. Наименование норм может свидетельстввовать, что моментом окончания налогового преступления является уклонение лица от уплаты обязательных платежей в соответствующий бюджет.

Сказанное требует определения термина «уклонение». Так, П.С. Яни под уклонением понимает осознанное распоряжение денежными средствами, которые согласно закону, должно перечислять в бюджет государства [1, с. 48]. Уклонение – это непосредственная неуплата налоговых платежей, что влечет непоступление денежных средств в бюджет государства, наносит ему вред и оказывает негативное влияние на деятельность госорганов [2, с. 58.]. Именно непоступление доходов в бюджетную систему государства является ratio legis криминализации таких деяний.

Верховный Суд РФ указывает, что общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов - есть умышленное невыполнение конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы и «***заключается в непоступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации***» [3] (выделено авт). Следовательно, позиция Верховного Суда РФ выглядит более последовательной, т.к. отражает сущность налоговых преступлений. Учитывая, что

общественная опасность заключается не неподаче декларации, а не в уплате, диспозиция ст. 198, 199 УК РФ выглядит неудачной.

Кроме того, подача декларации (иных обязательных документов) или предоставление ложной декларации не всегда является обязанностью налогоплательщика. В соответствии со ст. 396 НК РФ сумму налога для юридических лиц исчисляет сам налогоплатильщик, для физических лиц размер налоговых выплат исчисляет налоговый орган. Таким образом в отдельных случаях представление декларации или иных документов от налогоплатильщика не требуется, что исключает возможность привлечения его к уголовной ответственности в случае неуплаты налогов и иных обязательных платежей. Таким образом, возвращаясь к вопросу определения времени совершения налогового преступления можно сделать вывод о том, что таковым является ***время неуплаты обязательных платежей в соответствии с теми сроками, которые определяет налоговое законодательство для каждого обязательного платежа.*** «…Сам факт непредставления налоговой декларации не является преступлением, т.к. налоговое законодательство РФ не связывает ее подачу с выполнением обязанности по уплате налогов» [4]. Административное законодательство предусматривает ответственность за нарушение сроков подачи декларации (расчета по страховым взносам) (ст. 15.5 КоАП РФ), грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности (ст. 15.11 КоАП РФ), поэтому непредставление декларации в установленный срок или ложной декларации является административным правонарушением. Правонарушение, предусмотренное ст. 15.11 КоАП РФ не является длящимся, поэтому суды признают днем совершения данного административного правонарушения день, следующий за окончанием налогового периода, в котором допущено соответствующее правонарушение. Как в доктрине [5, с. 43], так и правоприменительной практике [6] по данному вопросу сформирована единая позиция.

Для правоприменительной практики время совершения налогового преступления является крайне важным и одновременно крайне сложным вопросом. Момент окончания такого рода деяния определялся по следующим критериям:

– дата уплаты налога;
– дата предоставления налогоплательщиком первичной налоговой декларации в налоговые органы;
– дата предоставления уточненной налоговой декларации;
– дата завершения налогового периода [7, с.174].

В научной литературе одна группа ученых относит налоговые преступления к длящимся [8, с. 74; 9, с. 85], другая – к продолжаемым преступлениям [10, с.63].

Пленум Верховного Суда СССР от 04.03.1929 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» (далее - Постановление Пленума 23) под длящимся преступлением понимал «действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования». В современных судебных решениях содержатся следующие определения: «Длящееся преступление складывается из ряда юридически тождественных деяний, объединенных единым умыслом, единством объекта посягательства и преступных последствий. … То есть длящееся преступление невозможно разделить на разные составы преступлений в силу их схожести, единства цели и последствий [11].

Генпрокуратура РФ длящее преступление определяет, как совершение одного преступного деяния в течение определенного периода времени [12]. Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) указывает: «длящееся преступление состоит из отдельных деяний, объединенных общей целью, представляющих собой одно и то же преступление и связанных тем, что они осуществлялись одним и тем же способом, произошли примерно в одно и то же время и преследовали одну и ту же цель» [13].

Современная уголовно-правовая доктрина длящееся преступление чаще всего определяет, как преступление, «при совершении которого действия или бездействие сопряжено с последующим более или менее продолжительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного наказания» [14, с. 511–512]. Довольно необычную позицию занимает Н.Г. Иванов, утверждая, что длящихся преступлений не существует [15, с. 39]. Действительно, дезертирство, побег из мест лишения свободы и иные аналогичные по конструкции составы преступлений считаются длящимися преступлениями, где моментом юридического окончания преступления является момент оставления воинской части или покидание места содержания под стражей, а фактический – когда виновное лицо само вернулось или его задержали. Прав в этом смысле Н.С. Таганцев, когда говорит, что после совершения преступного деяния наступает преступное состояние. Еще более емко по данному вопросу говорил В. Спасович: «Если допустить понятие длящегося преступления, то под это понятие надобно бы, конечно, подводить и кражу, когда вор не возвратил краденого и постоянно пользовался им или, когда он употребил в свою пользу деньги, вырученные продажею краденого» [16, с. 311]. Поэтому следуя логике «классиков» уголовного права, мнение современных ученых, основанное на позиции Верховного Суда РФ, определяющих, что неуплата налога (сбора) – длящееся преступление, то есть оно продолжается до момента, пока недоимка не будет добровольно погашена или взыскана [17], следовало бы расценивать критически. Но вопрос заключается в том, что налоговое преступление может быть начато в один момент, а закончено в другой, и законодатель оговаривает, что неуплата налогов и других обязательных платежей становится преступлением, когда в течение трех финансовых лет лицо не заплатило соответствующую сумму налогов. Иными словами, так называемое «преступное состояние» еще не возникло с момента первой неуплаты, т.к. размер недоплаченных налогов в первый год может не соответствовать законодательным критериям крупного (или особо крупного) размера – криминообразующему признаку всех налоговых преступлений. Полагаем, окончание налогового преступления следует определять не с момента «как недоимка не будет добровольно погашена или взыскана», а с момента, когда денежные средства не поступили в установленный налоговыми органами срок. Сходная позиция наблюдается среди процессуалистов. Так, Э.В. Чалабаева предлагает закрепить возможность следственных органов начинать процедуру предварительного расследования уже на этапе фактического истечения срока уплаты налогов [18]. Такая позиция автора обосновывается целями сохранности как можно большего объема доказательственной базы. Действительно, в соответствии с п.3 ст. 32 НК РФ налоговые органы обязаны направить материалы в правоохранительные органы по истечении двухмесячного срока, отводимого на добровольное исполнение требования об уплате налоговых платежей. За данный период недобросовестные налогоплательщики могут уничто-

жить доказательства преступной деятельности, а также скрыть имущество, за счет которого возможно возмещение ущерба. Требование п.3 ст. 32 НК РФ соответствует принципу налоговой юрисдикции (ст. 108 НК РФ), в соответствии с которы основанием привлечения лица к ответственности за налоговое правонарушение является установление факта совершения данного нарушения решением налогового органа, вступившим в законную силу. Требование налогового органа об уплате обязательных платежей является юридическим фактом, подтверждающим неуплату, а предоставляемый законом двухмесячный срок для добровольной уплаты – в определенной степени «золотой мостик», позволяющий избежать уголовного преследования.

Под продолжаемым преступлением Генпрокуратура РФ понимает преступление, складывающееся из ряда юридически тождественных деяний (действия или бездействия), направленных к единой цели, объединенных единым умыслом, единством объекта посягательства, возможных преступных последствий и квалифицируемых как одно преступление [19]. Аналогичное понимание можно встретить в решениях российских судов [20]. ЕСПЧ также определяет продолжаемое преступление как вид преступления, совершающегося в течение какого-то периода времени. ЕСПЧ налоговые преступления относит к продолжаемым. Так, в одном из решений данной международной судебной инстанции сказано: «Сторона совершала умышленное преступление (в частности, выразившееся в продолжительном сокрытии налогооблагаемых сумм в крупных размерах и в представлении недостоверной информации о расходах компаний налоговым органам в течение определенного периода времени) [21].

Таким образом, принципиальная разница между длящимися и продолжаемыми преступлениями заключается в непрерывности (длящиеся преступления) или периодичности (продолжаемые преступления) совершения противоправного деяния в форме действия или бездействия.

В этой связи следует поддержать мнение тех авторов, которые считают, что налоговые преступления могут быть как длящимися, так и продолжаемыми преступлениями [22, с.78]. Однако здесь важно обратить внимание еще на одну деталь: продолжаемые преступления в форме бездействия совершаться не могут. Данная позиция в науке является доминирующей [23, с. 16; 24, 25, 26, с.96]. Следовательно, если налогоплательщик представляет ложную декларацию в течение трех лет подряд, то его деяние следует расценивать как продолжаемое преступление, т.е. каждое из действий содержит в себе признаки состава преступления, но самостоятельным не является, т.к. является лишь этапом для реализации преступного единого умысла. В случае непредставления декларации действия налогоплательщика следует расценивать как длящееся преступление, которое начинается с момента первой неуплаты и заканчивается вследствие пресечения правоохранительными органами или наступлением иных событий, препятствующих дальнейшему продолжению.

Список литературы

1. Яни П.С. Налоговые преступления. Статья первая. Уклонение от уплаты налогов // Законодательство. – 1999. - № 11. - С. 46-54.
2. Золотов М.А., Данилова Е.Е. Уголовно-правовая характеристика налоговых преступлений и проблемы их квалификации // Актуальные проблемы правоведения. - 2019. - № 3 (63). - С. 57-62.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Российская газета. - N 276. - 06.12.2019.
4. Коновод А.А. Объект и объективная сторона уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица как основные ориентиры в расследовании // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. - 2015. - №4-2. Электронный ресурс. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-obektivnaya-storona-ukloneniya-ot-uplaty-nalogov-i-ili-sborov-s-fizicheskogo-litsa-kak-osnovnye-orientiry-v-rassledovanii (дата обращения: 20.12.2019). – Текст электронный.
5. Нечипоренко В.Г. Об административной ответственности за грубое нарушение правил бухгалтерского учета и представления бухгалтерской отчетности // Административное право и процесс. - 2012. - №10. - С. 43-46.
6. Обзор судебной практики по рассмотрению судами Камчатской области дел об административных правонарушениях в области налогов и сборов в соответствии с главой 15 КоАП РФ // Электронный ресурс. СПС «Гарант». (дата обращения: 12.06.2020). – Текст электронный.
7. Бобринев Р.В. К вопросу об определении момента окончания налоговых преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьями 198, 199 Уголовного кодекса РФ // Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2013. - №2(35). - 173-182.
8. Черненко Т., Силаев С. О соотношении длящихся и продолжаемых преступлений (на примере от уплаты налогов и сборов) // Уголовное право. - 2010. - №4. - С. 73-78.
9. Улезько С.И. Сравнительный анализ некоторых положений Украинского и Российского законодательства об ответственности за налоговые преступления // Современные парадигмы юридической компаративистики в аспекте развития национальных правовых систем: сб. науч. ст. по мат. VII Межд. науч.-практ. конф. Киев – Ростов-на-Дону.- 2012. - С.84-86.
10. Ахтырская Н.В. К вопросу о моменте окончания налоговых преступлений, предусмотренных статьями 198,199 УК РФ // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. - 2017. - №3 (23). - С. 62-66.
11. Постановление президиума Ростовского областного суда от 19.02.2015 N 44у-31/2015, Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2014 г. (утв. президиумом Пермского краевого суда 13.03.2015). // Электронный ресурс. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 12.06.2020). – Текст электронный.
12. Приказ Генпрокуратуры России N 39, МВД России N 1070, МЧС России N 1021, Минюста России N 253, ФСБ России N 780, Минэкономразвития России N 353, ФСКН России N 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» // Электронный ресурс. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 12.06.2020). – Текст электронный.
13. Постановление ЕСПЧ от 27.01.2015. "Дело "Рохлена (Rohlena) против Чешской Республики" (жалоба N 59552/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. - 2018. - № 1.
14. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: СТАТУТ, 2012. - 879 с.
15. Иванов Н.Г. Давность привлечения к уголовной ответственности за "длящиеся преступления" и время совершения преступления // Уголовное право. - 2019. - N 1. - С. 38 - 44.
16. Учебник уголовного права. Т. 1 / Спасович В. - С.-Пб.: Тип. И. Огризко, 1863. - 438 с.
17. Уголовная ответственность за неуплату налогов и сборов // Электронный ресурс. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 12.06.2020). – Текст электронный.
18. Чалабаева Э.В. Актуальные проблемы расследования налоговых преступлений // Известия Института систем управления СГЭУ. - 2019. - Т. 19. - № 1. - С. 103.
19. Приказ Генпрокуратуры России N 39, МВД России N 1070, МЧС России N 1021, Минюста России N 253, ФСБ России N 780, Минэкономразвития России N 353, ФСКН России N 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» // Электронный ресурс. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 12.06.2020). – Текст электронный.
20. Постановление Московского городского суда от 19.05.2016 N 4у-2304/2016, Постановление Московского городского суда от 15.04.2013 N 4у/2-2400, Постановление Московского городского суда от 27.07.2012 N 4у/2-6107 // Электронный ресурс. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 12.06.2020). – Текст электронный.

21. Постановление ЕСПЧ от 21.01.2003 "Дело "Веебер (Veeber) против Эстонии (N 2)" (жалоба N 45771/99) // Электронный ресурс. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 12.06.2020). – Текст электронный.
22. Луценко С.И. Длящиеся и продолжаемые преступления // СПС КонсультантПлюс. 2019; Мусостов А.Б. Момент окончания налоговых преступлений // Мир политики и социологии. - 2018. - № 12. - С. 78-81.
23. Галахова А.В. Вопросы квалификации преступлений в уголовном праве и судебной практике (по признакам объективной стороны) // Российский следователь. 2010. N 14. С. 16 – 22.
24. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: Монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. - 288 с.
25. Луценко С.И. Длящиеся и продолжаемые преступления // Электронный ресурс. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 12.06.2020). – Текст электронный.
26. Kirillova E.A., Suslikov V.N., Bogdan V.V., Baybarin A.A., Sheveleva S.V. Mobile real estate: legal status and succession principles // Journal of Advanced Research in Law and Economics. - 2015. - Т. 6. - № 1. - С. 96-103.

Tsukanov A. N. Time of commission of the tax crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 154-160.

The question of determining the time of committing a tax crime is quite complex both in theory and in practice. Dispositions of articles on evasion of taxes, fees and insurance premiums indicate a mandatory feature of the objective side – the failure to submit mandatory documents; the doctrine and law enforcement practice are guided by the fact that it is criminal to fail to pay mandatory payments, and not the fact of an unsubstantiated declaration (other mandatory documents), therefore, the time of committing a tax crime is the failure to receive funds to the budget.

The situation is complicated by the fact that the doctrine of criminal law lacks a unified approach to understanding whether to consider tax crimes as continuing or c ongoing. In the article the resolution of this question: if the taxpayer submits a false Declaration within three years, his act should be regarded as the offense continued in the case of non-Declaration of the actions of the taxpayer should be regarded as a continuing offence, which starts with the date of the first unpaid and ends as a result of restraint by law enforcement or the occurrence of other events that prevent the further continuation.

Keywords: tax crime, time of commission of the crime, continuing crime, continuing crime.

Spisok literatury

1. YAni P.S. Uklonenie ot uplaty nalogov // Zakonodatel'stvo. Vyp. 11. 1999. (data obrashcheniya 27.02.2019)
2. Zolotov M.A., Danilova E.E. Ugolovno-pravovaya harakteristika nalogovyh prestuplenij i problemy ih kvalifikacii // Aktual'nye problemy pravovedeniya. 2019. № 3 (63). S. 58.
3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 26.11.2019 N 48 "O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya" // Rossijskaya gazeta. N 276. 06.12.2019.
4. Konovod A.A. Ob"ekt i ob"ektivnaya storona ukloneniya ot uplaty nalogov i (ili) sborov s fizicheskogo lica kak osnovnye orientiry v rassledovanii // Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2015. №4-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-obektivnaya-storona-ukloneniya-ot-uplaty-nalogov-i-ili-sborov-s-fizicheskogo-litsa-kak-osnovnye-orientiry-v-rassledovanii (data obrashcheniya: 20.12.2019).
5. Nechiporenko V.G. Ob administrativnoj otvetstvennosti za gruboe narushenie pravil buhgalterskogo ucheta i predstavleniya buhgalterskoj otchetnosti // Administrativnoe pravo i process. 2012. №10. S. 45.
6. Obzor sudebnoj praktiki po rassmotreniyu sudami Kamchatskoj oblasti del ob administrativnyh pravonarusheniyah v oblasti nalogov i sborov v sootvetstvii s glavoj 15 KoAP RF // SPS «Garant».
7. Bobrinev R.V. K voprosu ob opredelenii momenta okonchaniya nalogovyh prestuplenij, otvetstvennost' za kotorye predusmotrena stat'yami 198, 199 Ugolovnogo kodeksa RF // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2013. №2(35). 173-182.
8. CHernenko T., Silaev S. O sootnoshenii dlyashchihsya i prodolzhaemyh prestuplenij (na primere ot uplaty nalogov i sborov) // Ugolovnoe pravo. 2010. №4. S. 73-78.
9. Ulez'ko S.I. Sravnitel'nyj analiz nekotoryh polozhenij Ukrainskogo i Rossijskogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya // Sovremennye paradigmy yuridicheskoj komparativistiki v aspekte razvitiya nacional'nyh pravovyh sistem : sb. nauch. st. po mat. VII Mezhd. nauch.-prakt. konf. Kiev – Rostov-na-Donu. 2012. S.84.

10. Ahtyrskaya N.V. K voprosu o momente okonchaniya nalogovyh prestuplenij, predusmotrennyh stat'yami 198,199 UK RF // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tekhnologij. 2017. №3 (23). S. 62-66.
11. Postanovlenie prezidiuma Rostovskogo oblastnogo suda ot 19.02.2015 N 44u-31/2015, Obzor apellyacionnoj i kassacionnoj praktiki po ugolovnym delam Permskogo kraevogo suda za vtoroe polugodie 2014 g. (utv. prezidiumom Permskogo kraevogo suda 13.03.2015).
12. Prikaz Genprokuratury Rossii N 39, MVD Rossii N 1070, MCHS Rossii N 1021, Minyusta Rossii N 253, FSB Rossii N 780, Minekonomrazvitiya Rossii N 353, FSKN Rossii N 399 ot 29.12.2005 (red. ot 15.10.2019) «O edinom uchete prestuplenij» // SPS Konsul'tantPlyus.
13. Postanovlenie ESPCH ot 27.01.2015. "Delo "Rohlena (Rohlena) protiv CHeshskoj Respubliki" (zhaloba N 59552/08) // Byulleten' Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. Rossijskoe izdanie. 2018. № 1.
14. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshchaya chast': Uchebnik dlya vuzov / Pod red. V.S. Komissarova, N.E. Krylovoj, I.M. Tyazhkovoj. M.: STATUT, 2012. S. 511 - 512.
15. Ivanov N.G. Davnost' privlecheniya k ugolovnoj otvetstvennosti za "dlyashchiesya prestupleniya" i vremya sovershenia prestupleniya // Ugolovnoe pravo. 2019. N 1. S. 38 - 44.
16. Spasovich V. Uchebnik ugolovnogo prava. T. 1. SPb., 1863. S. 311.
17. Ugolovnaya otvetstvennost' za neuplatu nalogov i sborov // SPS Konsul'tantPlyus. 2019.
18. CHalabaeva E.V. Aktual'nye problemy rassledovaniya nalogovyh prestuplenij // Izvestiya Instituta sistem upravleniya SGEU. 2019. T. 19. № 1. S. 103.
19. Prikaz Genprokuratury Rossii N 39, MVD Rossii N 1070, MCHS Rossii N 1021, Minyusta Rossii N 253, FSB Rossii N 780, Minekonomrazvitiya Rossii N 353, FSKN Rossii N 399 ot 29.12.2005 (red. ot 15.10.2019) «O edinom uchete prestuplenij» // SPS Konsul'tantPlyus.
20. Postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 19.05.2016 N 4u-2304/2016, Postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 15.04.2013 N 4u/2-2400, Postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 27.07.2012 N 4u/2-6107.
21. Postanovlenie ESPCH ot 21.01.2003 "Delo "Veeber (Veeber) protiv Estonii (N 2)" (zhaloba N 45771/99) // SPS Konsul'tantPlyus
22. Lucenko S.I. Dlyashchiesya i prodolzhaemye prestupleniya // SPS Konsul'tantPlyus. 2019; Musostov A.B. Moment okonchaniya nalogovyh prestuplenij // Mir politiki i sociologii. 2018. № 12. S. 78-81.
23. Galahova A.V. Voprosy kvalifikacii prestuplenij v ugolovnom prave i sudebnoj praktike (po priznakam ob"ektivnoj storony) // Rossijskij sledovatel'. 2010. N 14. S. 16 – 22.
24. Inogamova-Hegaj L.V. Konceptual'nye osnovy konkurencii ugolovno-pravovyh norm: Monografiya. M.: NORMA, INFRA-M, 2015. - 288 s.
25. Lucenko S.I. Dlyashchiesya i prodolzhaemye prestupleniya // Elektronnyj resurs. SPS «Konsul'tantPlyus». (data obrashcheniya: 12.06.2020). – Tekst elektronnyj.
26. Kirillova E.A., Suslikov V.N., Bogdan V.V., Baybarin A.A., Sheveleva S.V. Mobile real estate: legal status and succession principles // Journal of Advanced Research in Law and Economics. - 2015. - T. 6. - № 1. - S. 96-103.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 161-165.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.121
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-161-165

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ

Анисимова Г. Ю., Сошина Н. В.

В статье рассматриваются отдельные вопросы участия защитника в судебном следствии.

Авторы указывают, что защитник является одним из основных субъектов уголовного процесса, призванным защищать права и законные интересы подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления.

В тексте статьи проанализированы нормы действующего законодательства, постановление ВС РФ и судебная практика. Авторами проводится анализ дискуссионных аспектов участия защитника в судебном следствии их толкования, на основе которого выдвинуты предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

В статье отмечается необходимость дальнейшего совершенствования механизма судебной защиты в рамках уголовного судопроизводства, важным элементом которого является институт судебного следствия.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебное следствие, адвокатура, адвокат, защитник, юридическая помощь, доступ к правосудию.

Развитие отечественной правовой системы на сегодняшний день базируется на приоритетных направлениях защиты человеческой личности, ее основных прав и свобод, что в свою очередь нашло закрепление в основном законе Российской Федерации.

Центральное место в этом процессе занимает реформирование института оказания квалифицированной юридической помощи, который выступает в качестве гаранта охраны и защиты прав граждан.

В ст. 48 Конституции Российской Федерации [1] закрепляется право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Осуществляет данную помощь защитник.

В рамках уголовного судопроизводства согласно ч. 2 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее – УПК РФ), в качестве защитников допускаются адвокаты. Институт адвокатуры является частью правоохранительной системы государства и отражает в себе, как в зеркале, характер политического устройства и общие принципы правовой системы, провозглашенные в правовой доктрине страны.

Наличие у подозреваемого, обвиняемого, подсудимого возможности защищаться от имеющегося в отношении его подозрения, обвинения обусловлено тем, что в основе уголовного процесса России заложен принцип презумпции невиновности, в соответствии с которым лицо считается невиновным, пока его виновность в совер-

шении преступления не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49 Конституции Российской Федерации, ст. 14 УПК РФ).

Последовательное продолжение данные конституционные положения находят в уголовно-процессуальном принципе обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, закрепленному в ст. 16 УПК РФ. Содержание этого принципа сводится к следующим установкам: во-первых, обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое он может осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя; во-вторых, суд, прокурор, следователь, дознаватель разъясняют обвиняемому его права и обеспечивают возможность защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами; в-третьих, в случаях, предусмотренных законом, обязательное участие защитника и (или) законного представителя обвиняемого обеспечивается должностными лицами, осуществляющими производство по делу; в-четвертых, в определенных законом случаях обвиняемый может пользоваться помощью защитника бесплатно

Функция защиты, осуществляемая защитником, представляет собой направление деятельности, целью которой является оспаривание возникшего подозрения или предъявленного обвинения, выяснение обстоятельств, оправдывающих обвиняемого и подозреваемого или смягчающих их ответственность, а также оказание подозреваемому и обвиняемому необходимой юридической помощи [3].

В соответствии с ч. 1 ст. 49 УПК РФ [2] защитник – это лицо, осуществляющее защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

Защитник является одним из основных субъектов уголовного процесса, призванным защищать права и законные интересы подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления [3].

Честность, принципиальность и добросовестность – вот критерии, которые предъявляются к деятельности адвоката-защитника, при этом он должен соблюдать как процессуальные нормы законодательства, так и положения законодательства, регламентирующие статус адвоката.

В исключительных случаях по ходатайству обвиняемого совместно с адвокатом сторону защиты может представлять один из близких родственников ходатайствующего или иное лицо, при производстве у мировой судьи допускается и полная замена адвоката последними.

Не смотря на законодательное закрепление такого права, практика участия «непрофессиональных» защитников является неоднородной. Некоторые суды отказывают в таких ходатайствах, аргументируя это, во-первых, отсутствием необходимой квалификации у родственников обвиняемого и иных лиц, во-вторых правом суда на свое усмотрение решать данный вопрос, ссылаясь на ч. 2 ст. 49 УПК РФ, которая гласит, что «по определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников».

Учитывая спорность разрешения вопроса о допуске по ходатайству обвиняемого в качестве защитника близкого родственника высшей судебной инстанцией были даны разъяснения в Постановлении Постановления Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

Так согласно п. 11 Постановления Верховного Суда Российской Федерации при разрешении ходатайства заявленного обвиняемым на основании ч. 2 ст. 49 УПК РФ «суду следует не только проверять отсутствие обстоятельств, указанных в статье 72 УПК РФ, но и учитывать характер, особенности обвинения, а также согласие и возможность данного лица осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь при производстве по делу. В случае отказа в удовлетворении такого ходатайства решение суда должно быть мотивированным». [4].

При этом право на обжалование такого отказа со стороны суда у обвиняемого возникает только после вынесения судом приговора.

Еще одним немаловажным аспектом, вызывающим дискуссии со стороны ученых-правоведов, является использование законодателем в тексте статьи термина «допущены» в отношении родственников обвиняемого и иных лиц.

Так, Рыжаков А.П. делает вывод, что «защитником лицо становится после и в связи с его приглашением участвовать в этом качестве. Приглашает адвоката подозреваемый (обвиняемый и др.), его законный представитель или же другое лицо по поручению или с согласия подозреваемого (обвиняемого и др.). Исключение из этого правила лишь участие защитника в уголовном процессе по назначению» [5, с. 115].

Представляется возможным поддержать мнение ряда авторов, которые достаточно критично комментируют использование понятия «наряду» в тексте нормы, указывая на то, что «процессуальную судьбу одного участника уголовного судопроизводства связывать с судьбой другого недопустимо, так как их участие основано на различных правовых основаниях» [6, с. 15].

Некоторые процессуалисты относят к пробелу со стороны законодателя отсутствие нормативного закрепления предельного количества возможных защитников, участвующих в рамках уголовного разбирательства [7, с. 79]. Судьи сходятся во мнении, что для представления интересов стороны в судебном разбирательстве вполне достаточно одного профессионального защитника и не имеется оснований для привлечения иных лиц. На наш взгляд ограничение в количестве защитников выступает в качестве нарушение конституционных прав личности и является недопустимым.

Наиболее актуальным в рамках анализируемой темы остается вопрос о цели привлечения близкого родственника в качестве «дополнительного» защитника.

Например, по одному из уголовных дел подсудимый указывал, что есть необходимость привлечения родственника в качестве защитника, так как он имеет медицинское образование, и сможет осуществить его защиту по обвинению в причинении тяжких телесных повреждений. Такой защитник разбирается в понятиях и категориях судебно-медицинской экспертизы, может корректно задавать медицинские вопросы участникам судопроизводства, в т.ч. приглашенному эксперту, сможет грамотно составить ходатайство.

По другому уголовному делу, близкий родственник обладал познаниями в компьютерной технике и работе с телекоммуникационной сетью «Интернет» и мог оказать помощь именно в этом направлении. Он проанализировал всю информацию, изъятую на диск в ходе компьютерной экспертизы, и составил перечень вопросов, подлежащий выяснению в ходе допроса свидетелей обвинения, обнаружил и предо-

ставил в суд информацию из социальных сетей, которая позже была признана доказательством по уголовному делу. Как мы видим, польза от таких защитников может быть существенной.

Есть мнения о том, что защитник в лице близкого родственника является субсидиарным защитником и может выполнять определенную работу по поручению защитника-адвоката [8, с. 60].

В судах есть и иная практика, в связи с которой суд отказывает в удовлетворении ходатайства подсудимого. Основанием отказа является отсутствие высшего юридического образования у родственника [9, с. 14].

Несмотря на то, что в рамках ч. 2 ст. 49 УПК РФ отказ по причине отсутствия «юридической квалификации» является недопустимым, мы считаем, что суду все же необходимо выяснять о наличии либо отсутствии юридической подготовки и юридического опыта у родственника-защитника обвиняемого. Иначе близкий родственник или иное лицо могут не оказать помощь обвиняемому, а наоборот навредить.

В связи с этим представляется актуальным дополнить ч. 2 ст. 49 УПК РФ [2] следующими критериями: «… один из близких родственников подсудимого или иное лицо, имеющие юридическое образование, навыки или опыт работы в области права».

Практика знает случаи, когда допущенные к участию в деле защитники в лице близких родственников не оказывают реальную юридическую помощь подзащитному, а используют такое процессуальное положение в целях посещения следственного изолятора для свиданий. Безусловно, использование норм уголовно-процессуального законодательства в таких целях, недопустимо.

Представляется, что в каждом случае заявления ходатайства о допуске в качестве защитника близкого родственника необходимо подробно мотивировать свою просьбу, указывая конкретные обстоятельства привлечения защитника в лице близкого родственника. Думается, что при наличии оснований суду будет гораздо труднее отказывать подсудимому в его праве на защиту.

Для действующего в Российской Федерации уголовно-процессуального законодательства характерна направленность на защиту законных интересов и прав личности, что определяет необходимость и актуальность углубленного анализа значения и пределов участия защитника в судебном следствии как одного из основных институтов уголовного процесса с целью его дальнейшего совершенствования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Поправки, внесенные Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ, вступили в силу 4 июля 2020 года (Указ Президента РФ от 03.07.2020 N 445).//СПС Консультант Плюс.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020).// "Ведомости Федерального Собрания РФ", 01.01.2002, N 1, ст. 1.
3. Адвокатура в России: учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Сергеева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2019. 548 с.
4. Постановление Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.
5. Рыжаков А.П. Защитник в уголовном процессе / А.П. Рыжаков. — 2-е издание, переработанное и дополненное. — М.: Издательство Дело и Сервис, 2017. – 336 с.

6. Быков В.М. Проблемы обеспечения права обвиняемого на защиту// Российская юстиция. 2009. № 10. – С. 46-49.
7. Зайцев О.А., Емельянов Д.В. Обеспечение подсудимому права пользоваться защитником в ходе судебного следствия по уголовному делу // Российское правосудие. 2018. № 5. – С. 78-85
8. Уруков В.Н. Вопросы допуска субсидарного защитника // Российская юстиция. 2007. № 10. – С. 58-63.
9. Игнатова С. Отсутствие в УПК РФ правового регулирования механизма реализации подсудимым и осужденным права на приглашение нескольких защитников – пробел в российском уголовно-процессуальном праве // Мировой судья. 2008. № 7. – С. 14-18.

Anisimova G. Y., Soshina N. V. Certain aspects of the defender's participation in the judicial investigation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 161-165.

The article deals with certain issues of the participation of the defender in the judicial investigation. The authors point out that the defender is one of the main subjects of the criminal process, designed to protect the rights and legitimate interests of suspects and accused of committing a crime. The text of the article analyzes the norms of the current legislation, the resolution of the Supreme Court of the Russian Federation and judicial practice. The authors analyze the debatable aspects of the defender's participation in the judicial investigation of their interpretation, on the basis of which they put forward proposals for improving the criminal legislation. The article notes the need to further improve the mechanism of judicial protection in the framework of criminal proceedings, an important element of which is the institution of judicial investigation.

Keywords: criminal procedure, judicial investigation, advocacy, lawyer, defender, legal aid, access to justice.

Spisok literaturi

1. Konstituciya Rossiiskoi Federacii (prinyata vsenarodnim golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennimi v hode obsh'erossiiskogo golosovaniya 01.07.2020) Popravki, vnesennie Zakonom RF o popravke k Konstitucii RF ot 14.03.2020 N 1-FKZ, vstupili v silu 4 iyulya 2020 goda (Ukaz Prezidenta RF ot 03.07.2020 N 445).//SPS Konsultant Plyus.
2. Ugolovno-processualnii kodeks Rossiiskoi Federacii ot 18.12.2001 N 174-FZ (red. ot 08.12.2020) (s izm. i dop., vstup. v silu s 19.12.2020).// "Vedomosti Federalnogo Sobraniya RF", 01.01.2002, N 1, st. 1.
3. Advokatura v Rossii: uchebnik dlya vuzov / pod obsh'. red. V.I. Sergeeva. 5-e izd., pererab. i dop. M.: YUsticinform, 2019. 548 s.
4. Postanovlenie Verhovnogo Suda RF ot 30 iyunya 2015 g. № 29 «O praktike primeneniya sudami zakonodatelstva, obespechivayush'ego pravo na zash'itu v ugolovnom sudoproizvodstve» // Byulleten Verhovnogo Suda RF. 2015. № 9.
5. Rizhakov A.P. Zash'itnik v ugolovnom processe / A.P. Rizhakov. — 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. — M.: Izdatelstvo Delo i Servis, 2017. – 336 s.
6. Bikov V.M. Problemi obespecheniya prava obvinyaemogo na zash'itu// Rossiiskaya yusticiya. 2009. № 10. – S. 46-49.
7. Zaicev O.A., Emelyanov D.V. Obespechenie podsudimomu prava polzovatsya zash'itnikom v hode sudebnogo sledstviya po ugolovnomu delu // Rossiiskoe pravosudie. 2018. № 5. – S. 78-85.
8. Urukov V.N. Voprosi dopuska subsidarnogo zash'itnika // Rossiiskaya yusticiya. 2007. № 10. – S. 58-63
9. Ignatova S. Otsutstvie v UPK RF pravovogo regulirovaniya mehanizma realizacii podsudimim i osuzhdennim prava na priglashenie neskolkih zash'itnikov - probel v rossiiskom ugolovno-processualnom prave // Mirovoi sudya. 2008. № 7. – S. 14-18.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 166-171.

УДК 343.121
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-166-171

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПОДСУДИМОГО В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ

Анисимова Г. Ю.

Ростовская областная коллегия адвокатов (филиал «Присяжный поверенный»)

В статье рассматриваются отдельные вопросы участия подсудимого в судебном следствии. В тексте статьи проанализированы нормы как отечественного, так и международного законодательства, постановления ВС РФ и позиции ученных-правоведов.

Значимость участия подсудимого в судебном следствии ни раз отмечалась Европейским судом по правам человека и высшими судебными инстанциями Российской Федерации. Для действующего в Российской Федерации уголовно-процессуального законодательства характерна направленность на защиту законных интересов и прав личности, что определяет необходимость и актуальность углубленного анализа значения и пределов участия подсудимого в судебном следствии как одного из основных институтов уголовного процесса с целью его дальнейшего совершенствования.

Существующие пробелы в законодательстве порождают расхождения в судебной практике. Нормы действующего УПК РФ регламентирующие права подсудимого на стадии судебного следствия должны быть пересмотрены и более четко сконструированы с целью соблюдения принципов законности судебного решения, а также состязательности и равноправия сторон. Автор, основываясь на анализе дискуссионных аспектов участия подсудимого в судебном следствии вносит предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебное следствие, доступ к правосудию, подсудимый, судебные прения, заочное разбирательство, защитник, адвокат, прокурор.

Конвенция «О защите прав человека и основных свобод», ратифицированная Россией в 1998 году, провозглашает право каждого в случае предъявления ему уголовного обвинения на справедливое разбирательство его дела в судебной инстанции [1]. Российская Федерация в своем законодательстве также отразила позиции и принципы международных актов: в ст. 46 Конституции РФ говорится о праве каждого на судебную защиту, ст. 123 закрепляет принципы равноправия и состязательности сторон. В отраслевом законодательстве права подсудимого закреплены в ст. 47 УПК РФ, где говорится не только о праве обвиняемого знать в чем он обвиняется, но и о праве возражать против обвинения, представлять доказательства и других правах.

Этап судебного следствия занимает центральное место в процессе судебного разбирательства в суде первой инстанции и является одним из важнейших средств обеспечения права личности на защиту от неправосудного обвинения. В ходе судебного следствия, на основе исследования доказательств формируются выводы суда, убеждение в достаточной доказанности или недоказанности предъявляемого обвинения подсудимому. Именно на стадии судебного следствия разрешается главный вопрос о виновности или невиновности лица.

Эффективность практического применения уголовно-процессуальных норм и институтов находится в прямой зависимости от соблюдения принципов и достижения задач, стоящих перед уголовным судопроизводством в связи с этим можно

настаивать на том, что порядок участия подсудимого в судебном следствии нуждается в тщательной правовой регламентации с целью соблюдения принципов справедливости и законности использования мер уголовно-правового реагирования.

С одной стороны, процедура участия подсудимого в судебном следствии достаточно урегулирована на уровне закона. Вместе с тем, как показывает судебная практика, ряд вопросов, связанных с заочным вынесением решения, допросом участников процесса, участием подсудимого в судебных прениях и другие вызывают наибольшие трудности на практике. Указанное выше, свидетельствует об актуальности исследования положения подсудимого на стадии судебного следствия, требующего дальнейшей теоретической и практической проработки.

Актуальность исследования участия подсудимого в судебном следствием обуславливается тем, что реальное обеспечение прав личности, и в первую очередь подсудимого, является важным критерием в оценке демократического института правовой системы любого государства, а также сложности и неточности в восприятии статуса подсудимого как участника судебного разбирательства.

Сформулированная проблема указывает на научную новизну исследования и предопределяет целесообразность разработки вопроса о необходимости уточнения норм, регламентирующих статус подсудимого на стадии судебного следствия, в целях обеспечения правильного и единообразно применения закона на практике.

Вопросы судебного следствия постоянно находятся в центре внимания правоведов. В теории уголовного процесса, вопросы, связанные с рассмотрением уголовных дел по существу в ходе судебного следствия, нашли отражение в ряде монографических и диссертационных исследований. В XIX в. эту тему развивали И.Я. Фойницкий, К.К. Арсеньев, В.Д. Спасович и другие. Процессуальная деятельность участников судебного следствия в советский период рассматривалась В.М. Савицким, В.А. Лазаревой, М.С. Строговичем, И.Д. Перловым. В современной науке уголовного процесса положение подсудимого изучалось В.М. Лебедевым, П.А. Лупинской. Т.М. Маховой, А.О. Машно, Т.Н. Карабановой, А.А. Хайдаровым и другими.

Непосредственно участию подсудимого в судебном следствии посвящены работы И.А. Насоновой, Б.Р. Накаева, О.А. Зайцева и Д.В. Емельянова и других.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе проведенного анализа проблемных вопросов участия подсудимого в судебном следствии, имеющихся в теории российского законодательства, а также встречающихся в судебной практике, выработать конкретные предложения и рекомендации по совершенствованию норм уголовного закона с целью повышения эффективности их применения.

Методологической основой настоящего исследования послужил диалектический метод познания, а также методы системного анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнительно-правовой и статистический методы, метод изучения уголовных дел.

Одним из основных гарантов права на защиту подсудимого выступает его право на личное участие в судебном разбирательстве. Именно личное присутствие дает подсудимому возможность активно выражать свою позицию, принять участие в исследовании доказательств, допросе свидетелей, а также прениях сторон. При этом уголовно-процессуальное законодательство в ряде случаев допускает возможность проведения судебного разбирательства по уголовным делам при отсутствии подсу-

димого, Речь идет о заочном рассмотрении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 247 УПК РФ.

При рассмотрении уголовного дела в отсутствие подсудимого на первый план выходит вопрос о соблюдении его прав и законных интересов, предусмотренных как международными нормами права, так и национальным законодательством. Применительно к положениям ч. 4 ст. 247 УПК РФ важно убедится, что ходатайство было заявлено именно подсудимым, а не каким-либо иным лицом. На наш взгляд, в данной ситуации более верным будет принятие во внимание именно тех заявлений, которые составлялись в присутствии защитника подсудимого, а также были заверены им. Это создаст дополнительные правовые гарантии защиты прав личности и позволит суду постановить законный и обоснованный приговор.

Определенным противоречием в правовых нормах, с которыми можно столкнуться при проведении заочного судебного разбирательства по уголовному делу в соответствии с ч. 4 ст. 247 УПК РФ является участие защитника. В соответствии со ст. 51 УРК РФ такое участие обязательно только в случае наличия обстоятельств, предусмотренных п. 5 ст. 247 УПК РФ. Однако согласно разъяснениям, которые были даны Верховным Судом РФ в постановлении Пленума от 30 июня 2015 г. № 29 участие защитника по данной категории уголовных дел обязательно всегда [2]. Если при рассмотрении дела в отсутствие обвиняемого в соответствии с ч. 4 ст. 247 УПК РФ защитник не приглашен самим обвиняемым, его законным представителем или другим лицом по поручению обвиняемого, то суд в целях обеспечения состязательности и равноправия сторон и права обвиняемого на защиту принимает меры к назначению защитника.

Ряд авторов считает, что наделять подсудимого правом на отсутствие в судебном заседании неправильно, так как это не способствует осуществлению воспитательного воздействия со стороны суда, а также ущемляет права потерпевшего. Так, А. А. Хайдаров считает, что при решении вопроса о заочном разбирательстве право давать согласие на такое разбирательство уголовного дело должно быть закреплено за потерпевшим, а не за подсудимым [3, с. 105].

На наш взгляд, такие изменения могут привести к затягиванию судебного разбирательства, особенно в случаях наличия нескольких потерпевших, которые не смогут прийти к единому мнению.

Еще одним дискуссионным является вопрос о возможности предоставления стороне защиты права ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела в отсутствие подсудимого по делам небольшой и средней тяжести [4, с. 77].

Как мы полагаем законодателем неслучайно такое право закреплено лишь в рамках п. 5 ст. 247 УПК РФ, так как, во-первых, это будет нарушать конституционное право подсудимого на личное участие в судебном разбирательстве, во-вторых, способствовать злоупотреблению правом со стороны обвинения.

В соответствии с действующим законодательством помимо производства полного судебного разбирательства в отсутствии подсудимого могут быть проведены и отдельные процессуальные действия, а в силу ч. 3 ст. 258 УПК РФ возможность разбирательства дела в отсутствие подсудимого допускается также в случаях, когда по решению суда он удаляется из зала судебного заседания в связи с нарушением порядка в судебном заседании и неподчинением распоряжениям председательствующего и судебного пристава.

В данном случае, на наш взгляд следует согласиться с С. И. Викторским, который отмечал, что не могут «почитаться» как заочные, приговоры, если подсудимого удалят из зала заседания ввиду его поведения, мешающего правильному течению судебного следствия, или его заявления, что он настоящего суда не признает и присутствовать на нем не желает, ибо присутствие таких подсудимых не даст ничего для более правильного суждения о деле» [5, с. 178].

Указанные правовые ситуации нельзя приравнивать к заочному рассмотрению уголовного дела, так как отсутствие подсудимого является временным и после своего возвращения он вправе ознакомиться с содержанием показаний, данных в его отсутствие и задать вопросы потерпевшим, свидетелям, другому подсудимому, допрошенным в его отсутствие.

Говоря о принципе состязательности сторон. Стоит отметить, что наиболее полно он проявляется именно на стадии судебного следствия.

В процессе предварительного расследования возможности обвиняемого защиты от предъявленного обвинения ограничены. В соответствии с ч. 2 ст. 14 УПК РФ в обязанности подозреваемого или обвиняемого не входит доказывание своей невиновности. Тем не менее подозреваемый, обвиняемый в целях реализации своего права на защиту от предъявленного обвинения вправе представлять не только мотивированные и обоснованные возражения, но и доказательства, направленные на подтверждение своей невиновности. Но на закрепление такого права на стадии предварительного расследования невозможно. Согласно п. 10 ч. 4 ст. 46 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый вправе знакомиться лишь с протоколами следственных действий, проведенных по его ходатайству или по ходатайству его защитника. С иными же доказательствами (различными документами, протоколами других следственных действий и т.д.) он вправе знакомиться только по окончании предварительного расследования, что не позволяет ему в полной мере реализовать свое право на защиту, поэтому основную активную защиту он будет выполнять именно в ходе судебного следствия.

В соответствии с Европейской конвенцией «О защите прав и основных свобод», а также Международным пактом «О гражданских и политических правах» одним из законных средств защиты от предъявленного обвинения является право обвиняемого допрашивать свидетельствующих против него лиц или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены. [6]. Как отмечает Ю. А. Курохтин «По сути дела, все показания, на основании которых строится обвинение, должны быть взяты в присутствии обвиняемого в ходе публичных слушаний с учетом принципа состязательности» [7, с. 24].

По мнению ряда ученных, «Главный принцип заключается в том, что обвиняемым должно быть позволено вызывать и допрашивать любых свидетелей, чьи показания они считают важными для рассмотрения их дела; они также должны иметь возможность допросить любого свидетеля, вызванного прокурором или на чьи показания прокурор полагается» [8, с. 116].

Одним из затруднений на практике является то, что от первых показаний свидетелей до их допроса в рамках судебного следствия проходит достаточно большой промежуток времени, как следствие их показания зачастую бывают противоречивы, непоследовательны, в связи с чем установить событие преступления, выяснить не-

обходимые обстоятельства становится очень сложно, а иногда и невозможно. Выходом из этой ситуации, как может показаться, становится предусмотренная законом возможность оглашения показаний, данных при производстве предварительного расследования

Одним из прав подсудимого на стадии судебного следствия является право на участие в судебных прениях. Как верно отмечает Г.И. Загорский ст. 292 УПК РФ, закрепляющая данное право, порождает немало противоречий [9, с. 15]. Так, в соответствии с ч. 1 указанной нормы подсудимый участвует в прениях сторон при отсутствии защитника в любом случае. Однако в ч. 2 этой же статьи говорится, что подсудимый вправе только ходатайствовать об участии в прениях сторон.

С одной стороны, решение об удовлетворении или отклонении ходатайство остается за судом, с другой на основании п. 6 ч. 2 ст. 389.14 УПК РФ одним из нарушений уголовно-процессуального закона, которое повлечет за собой отмену судебного решения является непредоставление подсудимому права участия в прениях сторон. Иными словами, суд во исполнение принципов уголовного судопроизводства обязан предоставить подсудимому возможность принять участие в прениях сторон, независимо от того, заявлено им такое ходатайство или нет.

На наш взгляд для преодоления вышеописанных противоречий необходимо в тексте уголовно-процессуального закона внести изменения и предусмотреть обязательное право подсудимого на участие в судебных прениях и изложить ч. 2 ст. 292 УПК РФ в следующей редакции: «В прениях сторон имеют право участвовать потерпевший и его представитель, гражданский истец, гражданский ответчик, и их представители, подсудимый».

Изучение норм, регламентирующих участие подсудимого на стадии судебного следствия, а также обобщение теоретических и практических проблем, связанных с их применением показало необходимость в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства.

В судебном следствии подсудимый является участником судебного разбирательства со стороны защиты, который обладает всеми правами стороны в процессе и вправе участвовать в исследовании всех доказательств, представляемых участниками судебного разбирательства в ходе исследования обстоятельств дела.

При этом особую роль приобретают гарантии законности обеспечения прав подсудимого в судебном заседании. В судебном заседании обеспечение прав и свобод участников уголовного судопроизводства, защита их законных интересов, в том числе лица, привлеченного к уголовной ответственности, осуществляется судом, государственным обвинителем, защитником.

Следует отметить, что, несмотря на, казалось бы, детальную регламентацию положения подсудимого в уголовном процессе и широкий перечень его прав, тем не менее остаются некоторые сложности и неточности в восприятии статуса подсудимого как участника судебного разбирательства.

Как представляется, уголовно-процессуальное законодательство в части регламентации прав подсудимого в судебном разбирательстве нуждается в совершенствовании.

Список литературы

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собрание законодательства. 2001. №2

2. Постановление Пленума Верховного Суда России от 30 июня 2015 г. №29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС КонсультантПлюс
3. Хайдаров А.А. Проблемы заочного участия подсудимого в ходе судебного следствия в уголовном судопроизводстве России // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 1. – С. 104-106.
4. Бендерская Е.Г. Рассмотрение уголовного дела в отсутствии подсудимого: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 209.
5. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М., 2007. – 447 с.
6. Международный пакт «О гражданских и политических правах» принятый резолюцией Генеральной Ассамблее ООН 16 декабря 1966 года // СПС КонсультантПлюс
7. Курохтин Ю.А. Актуальные проблемы реализации конституционного принципа состязательности в уголовном процессе // Российская юстиция. 2006. № 3. – С. 22-25.
8. Прецеденты и комментарии к статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: Пособие / Н. Маул, К. Харби, Л.Б. Алексеева; Российская академия правосудия. 2001. – С. 145
9. Загорский Г.И. Развитие уголовно-процессуального законодательства на современном этапе // Судья. 2017. № 4. – С. 15-19.

Anisimova G. Y. Topical issues of the defendant's participation in the judicial investigation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 166-171.

The article deals with certain issues of the defendant's participation in the judicial investigation. The text of the article analyzes the norms of both domestic and international legislation, the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the positions of legal scholars.

The significance of the defendant's participation in the judicial investigation has been repeatedly noted by the European Court of Human Rights and the highest judicial instances of the Russian Federation. The criminal procedure legislation in force in the Russian Federation is characterized by a focus on protecting the legitimate interests and rights of the individual, which determines the need and relevance of an in-depth analysis of the meaning and limits of the defendant's participation in the judicial investigation as one of the main institutions of the criminal process in order to further improve it.

Existing gaps in legislation give rise to discrepancies in judicial practice. The norms of the code of criminal procedure governing the rights of the defendant at the trial stage of the investigation should be reviewed and more clearly designed with the purpose of observance of the principles of law judicial decisions and the adversarial nature and equality of the parties. The author, based on the analysis of the debatable aspects of the defendant's participation in the judicial investigation, makes proposals for improving the criminal procedure legislation.

Keywords: criminal proceedings, judicial investigation, access to justice, the defendant, judicial debates, absentee proceedings, defense counsel, lawyer, prosecutor.

Spisok literaturi

1. Konvenciya o zash'ite prav cheloveka i osnovnih svobod ETS N 005 (Rim, 4 noyabrya 1950 g.) (s izm. i dop. ot 21 sentyabrya 1970 g., 20 dekabrya 1971 g., 1 yanvarya 1990 g., 6 noyabrya 1990 g., 11 maya 1994 g.) // Sobranie zakonodatelstva. 2001. №2
2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossii ot 30 iyunya 2015 g. №29 «O praktike primeneniya sudami zakonodatelstva, obespechivayush'ego pravo na zash'itu v ugolovnom sudoproizvodstve» // SPS KonsultantPlyus
3. Haidarov A.A. Problemi zaochnogo uchastiya podsudimogo v hode sudebnogo sledstviya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskii zhurnal. 2013. № 1. – S. 104-106.
4. Benderskaya E.G. Rassmotrenie ugolovnogo dela v otsutstvii podsudimogo: dis. … kand. yurid. nauk. – M., 2010. – S. 209.
5. Viktorskii S.I. Russkii ugolovnii process. – M., 2007. – 447 s.
6. Mezhdunarodnii pakt «O grazhdanskih i politicheskih pravah» prinyatii rezolyuciei Generalnoi Assamblee OON 16 dekabrya 1966 goda // SPS KonsultantPlyus
7. Kurohtin YU.A. Aktualnie problemi realizacii konstitucionnogo principa sostyazatelnosti v ugolovnom processe // Rossiiskaya yusticiya. 2006. № 3. – S. 22-25.
8. Precedenti i kommentarii k state 6 Evropeiskoi konvencii o zash'ite prav cheloveka i osnovnih svobod: Posobie / N. Maul, K. Harbi, L.B. Alekseeva; Rossiiskaya akademiya pravosudiya. 2001. – S. 145
9. Zagorskii G.I. Razvitie ugolovno-processualnogo zakonodatelstva na sovremennom etape // Sudya. 2017. № 4. – S. 15-19.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 172-176.

УДК 343.1

ОСНОВАНИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И СУДЕБНАЯ ПРОВЕРКА ЗАКОННОСТИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Арсентьева С. С., Савченко А. Н.

В статье представлена точка зрения о присутствии формального подхода в судебной практике к рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ по проверке законности и обоснованности постановления о возбуждении уголовного дела. Автора считают, что для преодоления складывающейся «традиции» достаточно более широкое разъяснение Верховного Суда Российской Федерации, ориентирующей суды не анализ текста обжалуемого постановления, а его содержания с точки зрения его обоснованности имеющимися сведениями в материалах уголовного дела.

Ключевые слова: «досудебное производства», «жалоба в порядке ст. 125 УПК РФ», «законность», «поводы и основание к возбуждению уголовного дела», «существо спора».

Конституционное положение ст. 46 (части первой), изложенное в естественном состоянии в виде гарантии признания за каждым на судебную защиту его прав и свобод, имеет руководящее значение для судей при отправлении правосудия в широком понимании его смысла и решающее значение в оценке каждым (человеком и гражданином) качества отправления российского правосудия.

В преамбуле постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – постановление № 1 (2009) Верховного Суда РФ) обращено внимание судей, что называется с первых строк, на право обжалования решений и действий (бездействия) должностных лиц в досудебном производстве как гарантию судебной защиты прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве [1].

Содержание ее применения в судебной практике, должно, как представляется, еще прирасти пониманием существа смысла судебного контроля о законности постановления о возбуждении уголовного дела на этапе досудебного производства.

В абз. 1 п.16 постановления № 1 (2009) Верховного Суда РФ дано разъяснено судам, что при рассмотрении жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела необходимо проверять порядок его вынесения, полномочие должностного лица на вынесение такого рода решения, имеются ли поводы и основания к возбуждению уголовного дела, нет ли обстоятельств, исключающих производство по делу.

В п. 14 постановления № 1 (2009) Верховного Суда РФ даны идентичные разъяснения по проверке законности и обоснованности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

При этом, указывается в абз. 2 п. 16 постановления № 1 (2009) Верховного Суда РФ, суд не вправе давать правовую оценку действиям подозреваемого, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку

эти вопросы подлежат разрешению в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

Создается впечатление, что суды порой эти правильные разъяснения Верховного Суда РФ используют как текст для цитирования. В постановлениях цитируются и фрагменты правовых суждений Конституционного Суда РФ. Содержание ст. 125 УПК РФ какие действия и бездействия могут быть обжалованы участниками в суд. Нам представляется, что такая практика оставляет доводы заявителей обращения в суд за защитой свих прав без их рассмотрения. Декларирование в самом обширном смысле положений закона и разъяснений Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ стороне (или сторонам), презумпция известности которых для сторон является неопровержимой, и не должно присутствовать в судебных решениях.

Так, в Обзоре судебной практики Владимирского областного суда (далее – Обзор практики Владимирского областного суда) приведен тезис апелляционной инстанции, в разделе «Производство по жалобам, поданным в порядке ст. 125 УПК ПФ», о правильности решения суда первой инстанции при отказе в удовлетворении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, подтверждающий такой подход судов.

«Вопреки **доводам** (выделено нами, здесь и далее, если не оговорено иное – С.С. Арсентьевой и А.Н. Савченко) апелляционной жалобы заявителя, указывается в Обзоре практики Владимирского областного суда, суд первой инстанции, проверяя материал по жалобе, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление следователя о возбуждении уголовного дела, пришел к правильным выводам об отсутствии оснований для признания данного решения незаконным и необоснованным и правомерно отказал в ее удовлетворении» [2].

Приведем и извлечение из апелляционного постановления, обосновывающий этот тезис из примера, приведенного в Обзоре.

«Постановлением Ковровского городского суда Владимирской области от 4 июля 2019 года отказано в удовлетворении жалобы Р., поданной в порядке ст.125 УПК РФ на действия следователя СО МО МВД России «Ковровский» по возбуждению уголовного дела, признании постановления о возбуждении уголовного дела незаконным (необоснованным) и обязании устранить допущенные нарушения.

Суд апелляционной инстанции, **вопреки доводам** апелляционной жалобы заявителя, счел необходимым оставить указанное постановление без изменения, а апелляционную жалобу Р. – без удовлетворения, исходя из следующего.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 125 УПК РФ действия (бездействие) и решения следователя, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

По смыслу закона при рассмотрении доводов жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела судье следует проверять, соблюден ли порядок вынесения данного решения, обладало ли должностное лицо, принявшее соответствующее решение, необходимыми полномочиями, имеются ли повод и основание к возбуждению уголовного дела, нет ли обстоятельств, исключающих производство по делу. **При этом судья не вправе давать правовую оценку действиям подозреваемого, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания** сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих

доказыванию, поскольку эти вопросы подлежат разрешению в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

Принимая решение по жалобе Р., суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что уголовное дело в отношении нее было возбуждено при наличии повода и оснований, уполномоченным на то должностным лицом, при соблюдении порядка вынесения постановления и его содержания уголовно-процессуальному закону, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по делу.

Как следовало из письменных материалов, уголовное дело в отношении Р. возбуждено 9 апреля 2019 года следователем СО МО МВД России «Ковровский» и принято им к производству, что отвечало требованиям ч. 1 и п.п. 1,2 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Поводом для возбуждения уголовного дела послужили поданные на основании ст. 140 УПК РФ заявления общества с ограниченной ответственностью в лице представителя Л. от 18 и 26 марта 2019 года в отношении Р., которые были зарегистрированы в установленном порядке в указанные даты в КУСП МО МВД России «Ковровский», что отвечало требованиям п. 1 ч. 1 ст. 140 и ст. 141 УПК РФ. При этом из содержания заявлений усматривается, что они обладали признаками повода для возбуждения уголовного дела.

Основанием к возбуждению уголовного дела явилось **наличие достаточных фактических данных, указывающих на признаки преступления,** предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, в отношении Р., полученных в ходе проведения проверки, материалы **которой представлены в суд.** По смыслу закона при определении достаточности данных, содержащих признаки преступления, следует учитывать, что стадия возбуждения уголовного дела, исходя из присущих ей задач, не может быть направлена на установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. **На этой стадии разрешается лишь вопрос о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а не о наличии самого преступления** и не о виновности лица в его совершении (Определения Конституционного Суда РФ от 22 марта 2011г.№ 353-О-О, от 26 мая 2011г. № 675-О-О и др.). С учетом изложенного, не могли быть приняты во внимание как состоятельные доводы жалобы относительно оценки авансовых отчетов с приложенными к ним накладными и счетами, суждения об отсутствии достаточных (с точки зрения Р.) данных для возбуждения уголовного дела.

Из текста постановления о возбуждении уголовного дела усматривалось, что оно соответствовало положениям ч. 2 ст. 146 УПК РФ: содержало указание даты, времени, места его вынесения, кем оно вынесено, повод и основание для его возбуждения, часть, статью УК РФ, на основании которых уголовное дело возбуждено.

При этом сведений, которые бы подвергали сомнению законность получения документов в материале проверки, представлено не было. Обстоятельств, исключающих производство по делу, также не приведено.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции пришел к правомерному выводу об отсутствии оснований для признания решения следователя о возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным, поэтому в удовлетворении жалобы Р. в порядке ст.125 УПК РФ было отказано» [3].

Мы привели один лишь пример, но подобное обоснование правильности решения суда первой инстанции судом апелляционной инстанции, к сожалению, не является редкостью в судебной практике.

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной им в Определение от 12 марта 2019 г. № 578-О, которая множества раз приводилась и других решениях, по смыслу ст. 125 УПК РФ Российской Федерации при рассмотрении жалобы «по правилам названной статьи, суд не должен, во избежание искажения сути правосудия, ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от оценки наличия или отсутствия законного повода и основания для возбуждения уголовного дела, фактической обоснованности обжалуемых действий (бездействия) и решений» [4].

Как нам представляется, такой подход судов к рассмотрению жалоб не соответствует и правовым позициям Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. В таком подходе судов за основу берется внешнее обжалуемого решения – «текст», а не содержание текста обжалуемого решения, что и составляет существо спора. Это очевидно из приведенного фрагмента решения Конституционного Суда РФ, приведенного нами в обоснование данной позиции.

И Верховный Суд Российской Федерации в цитируемых судами постановлении также требует, с оговорками о том, что суд не вправе давать правовую оценку действиям подозреваемого, а также собранным материалам относительно их полноты содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, на этапе досудебного производства, проверить поводы и основания к возбуждению уголовного дела, а не наличия их в тексте обжалуемого решения.

Удивительно схожа позиция спора по пониманию необходимости реальной, а не формальной проверки законности судебного решения без вхождения *в существо* дела мы нашли у С.А.Андреевского.

«Против кассационной жалобы может быть сделано то общее возражение, что она, по преимуществу, старается вовлечь Правительствующий Сенат в существо дела. На этом вопросе я считаю необходимым остановиться несколько подробнее.

Как-то еще очень давно, в одном из первых решений кассационного Сената, ст. 5 Учреждения судебных установлений была случайно цитирована не в ее точном значении, а в приблизительном смысле. Но эта недомолвка, сразу не объясненная, с течением лет породила целую традицию, которая вкоренилась в практике Правительствующего Сената как незыблемая истина. И как только в кассационной жалобе подсудимый говорил что-либо о своей невиновности, то Правительствующий Сенат ограждал себя от всякого касательства к этим местам жалобы, ссылаясь на ст. 5 Учреждения судебных установлений. Сложилась даже формула: «Правительствующий Сенат не входит в существо дела». Между тем все мы прекрасно знаем, что в действительности это не так, да и ст. 5 Учреждения судебных установлений говорит совсем другое. В ней только сказано, что Правительствующий Сенат «не *решает* дел по существу», но нигде решительно не говорится, чтобы Сенат *не входил* в существо дела» [6].

Мы не видим для устранения исследуемой проблемы вносить какие-либо законодательные новеллы, так как считаем, что Верховный Суд РФ в постановлении, к которому обращаются судьи и приводят из него цитаты, должен уделить большее

внимание своей позиции о необходимости проверки повода и основания к возбуждения уголовного дела. Разъяснив судам, что в досудебном производстве при рассмотрении жалоб *суд не решает дело по существу*, но обязан входить *в существо спора,* опираясь не на текст обжалуемого постановления, а на наличие сведений, подтверждающих утверждения, содержащиеся в тексте.

Список литературы

1. Пленум Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. https://yandex.ru/turbo/fzakon.ru/s/verhovnyy-sud/postanovlenie-plenuma-verhovnogo-suda-rf-ot 10.02.2009-n-1/
2. Обзор практики Владимирского областного суда № 2 (2019)
http://oblsud.wld.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=76
3. Апелляционное постановление по делу № 22-1655/2019
4. Определение от 12 марта 2019 г. № 578-О «По жалобе гражданина Суслова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72110550/
5. Андреевский, С.А. Судебные речи. Дело тальмы. *Убийство генеральши Болдыревой* /С.А. Андреевский: вступительная статья Г.М. Резника. – М.: Издательство Юрайт, 2010. -371 с.- (Антология юридической мысли). С.346-347.

Arsentieva S., Savchenko A. Grounds for initiating a criminal case and judicial review of the legality of the decision to initiate a criminal case in pre-trial proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 172-176.

The article presents a point of view on the presence of a formal approach in judicial practice to the consideration of complaints in accordance with article 125 of the code of criminal procedure to verify the legality and validity of the decision to initiate a criminal case. The authors believe that in order to overcome the emerging "tradition", a broader explanation of the Supreme Court of the Russian Federation is sufficient, which directs the courts not to analyze the text of the appealed decision, but its content in terms of its validity by the available information in the criminal case materials.

Keywords: "pre-trial proceedings", "complaint under article 125 of the criminal procedure code of the Russian Federation", "legality", "reasons and grounds for initiating a criminal case", "substance of the dispute".

Spisok literaturi

1. Plenum Verhovnogo Suda RF ot 10 fevralya 2009 g. № 1 «O praktike rassmotreniya sudami zhalob v poryadke stati 125 Ugolovno-processualnogo kodeksa Rossiiskoi Federacii.
https://yandex.ru/turbo/fzakon.ru/s/verhovnyy-sud/postanovlenie-plenuma-verhovnogo-suda-rf-ot 10.02.2009-n-1/
2. Obzor praktiki Vladimirskogo oblastnogo suda № 2 (2019)
http://oblsud.wld.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=76
3. Apellyacionnoe postanovlenie po delu № 22-1655/2019
4. Opredelenie ot 12 marta 2019 g. № 578-O «Po zhalobe grazhdanina Suslova Olega Borisovicha na narushenie ego konstitucionnih prav chastyami pervoi, shestoi i sedmoi stati 148 Ugolovno-processualnogo kodeksa Rossiiskoi Federacii» https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72110550/
5. Andreevskii, S.A. Sudebnie rechi. DELO TALMI Ubiistvo generalshi Boldirevoi /S.A. Andreevskii: vstupitelnaya statya G.M. Reznika. – M.: Izdatelstvo YUrait, 2010. -371 s.- (Antologiya yuridicheskoi misli). S.346-347.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 177-184.

УДК 343.13
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-177-184

ПРАВООБЕСПЕЧИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ: ПОНЯТИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

Асанов Р. Ш.
Следственное управление МВД по Республике Крым

Будучи одной из функций следователя, правообеспечительная деятельность обрела приоритетное значение после принятия Конституции РФ, однако концептуально в современной науке уголовного процесса не изучалась, и на нормативном уровне в системном виде не представлена. Традиционная трактовка данной функции следователя, предложенная в свое время профессором А.М. Лариным, отражает не в полной мере сущность работы органа предварительного следствия по указанному направлению, в связи с чем, дополнена недостающим элементом. На основе единого критерия автором также выделены пять направлений реализации правообеспечительной функции следователя, позволяющие получить ясное представление о ее содержании.

Ключевые слова: следователь, личность, участник, досудебное производство, деятельность, обеспечение, правообеспечительная функция, права, свободы, законные интересы.

Закрепив в УПК РФ принцип состязательности, законодатель признал современного российского следователя носителем лишь одной функции обвинения (уголовного преследования). Однако ряд норм Кодекса, например, ст. 7, ст. 11, ст. 16, ст. 73 УПК РФ и др. указывают на то, что следователь не стал односторонним обвинителем, а сохранил за собой статус полновластного правоприменителя, осуществляющего всестороннее, полное и объективное расследование, в ходе которого, по нашему мнению, реализуются четыре уголовно-процессуальные функции: познавательная, разрешительная, правообеспечительная и процедурная [4].

Учитывая, что с принятием Конституции РФ права и свободы человека провозглашены высшей социальной ценностью, правообеспечительная деятельность государственных органов обрела приоритетное значение, и потому стала одним из основных аспектов работы органов предварительного расследования.

В ответ на это юридическая наука представила множество работ, посвященных вопросам обеспечения прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса [3; 6; 8; 10; 15]. Вместе с тем, правообеспечительная деятельность следователя в системном виде современными процессуалистами не изучалась. Как правило, исследования многих авторов в данном аспекте сводятся лишь к некоторым институтам предварительного расследования [5; 17], либо к конкретным участникам досудебного производства [1; 7; 16].

Не прослеживается определенность и в УПК РФ, который, хоть и содержит множество норм, регламентирующих действия следователя по обеспечению прав, свобод и законных интересов личности, однако не дает цельного представления о реализации данной функции. Так, обращение к закону позволяет наглядно выделить ряд правообеспечительных действий следователя, «разбросанных» по многочисленным статьям УПК РФ, например: вручение копии протокола обыска (ч. 15 ст. 182);

доведение лицу результатов рассмотрения ходатайства (ст. 122); допуск представителей потерпевшего и гражданского истца (ч. 1 ст. 45); извещение о реабилитации (ч. 1, 2 ст. 134); извещение о дне предъявления обвинения (ч. 2 ст. 172); назначение защитника (ч. 3 ст. 50); обеспечение возможности осуществления прав (ч. 1 ст. 11); обеспечение обязательного участия защитника (ч. 3 ст. 16); объявление состава следственной группы (ч. 2 ст. 163); ознакомление с постановлением о назначении экспертизы (ч. 3 ст. 195); ознакомление с материалами уголовного дела (ст. 216); предоставление права на телефонный звонок (ч. 3 ст. 46); предоставление свидания адвокату с подозреваемым (ч. 4.1 ст. 49); предоставление возможности снять копии с изъятых документов (ч. 3 ст. 81.1); предъявление материалов уголовного дела (ст. 215); принятие решения о признании потерпевшим (ч. 1 ст. 42); разрешение и рассмотрение ходатайств (ст. 121); разъяснение прав, обязанностей и ответственности (ч. 1 ст. 11); разъяснение порядка производства следственного действия (ч. 5 ст. 164); разъяснение цели следственного действия понятым (ч. 4 ст. 170); разъяснение существа обвинения обвиняемому (ч. 5 ст. 172); сообщение заявителям о принятом решении (ч. 2 ст. 145); уведомление родственников о задержании подозреваемого (ч. 1 ст. 96); уведомление заявителя о принятом решении (ч. 4 ст. 146); уведомление заинтересованных лиц о продлении сроков предварительного следствия (ч. 8 ст. 162) и т.д.

При данных обстоятельствах современному российскому следователю, который находится в условиях демократизации общества и расширения частных начал уголовного судопроизводства, сложно обрести ясное представление о понятии и направлениях реализации (содержании) правообеспечительной деятельности, что нередко влечет за собой нарушение прав личности, а также признание судами собранных материалов недопустимыми доказательствами.

Вышеуказанное обуславливает актуальность рассматриваемой темы, а также подчеркивает ее проблематику.

В решении обозначенной проблемы первостепенное значение имеет уяснение понятия правообеспечительной функции, осуществляемой следователем. Необходимо сразу сделать оговорку: используемые нами формулировки «правообеспечительная функция» и «правообеспечительная деятельность» следователя используются как синонимы, что обусловлено значением категории «функция», традиционно определяемой как «обязанность, круг деятельности чего-нибудь, подлежащая исполнению работа» [18, с. 730].

К настоящему времени в отечественной науке уголовного процесса сформировалось относительно общее определение термина «правообеспечительная деятельность» или «правообеспечение». Одним из первых процессуалистов, который подверг глубокому исследованию данный аспект работы следователя, является профессор А.М. Ларин. В своем фундаментальном труде «Расследование по уголовному делу: процессуальные функции» ученый обозначил функцию следователя по обеспечению прав личности как создание условий для реализации участниками уголовного процесса их прав, свобод и законных интересов [9, с. 61].

В дальнейшем авторы, исследовавшие этот вопрос, практически не вышли за пределы указанного понятия, поскольку сущность правообеспечительной деятельности следователя усматривают в предоставлении участникам досудебного производства возможностей для осуществления их правомочий. Так, по мнению В.Н.

Парфенова, «под обеспечением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства следует понимать … создание необходимых условий для реализации участниками уголовного судопроизводства своих прав и законных интересов» [14, с. 6]. Ю. К. Владимирова полагает, что обеспечение прав – это «деятельность следователей, дознавателей, руководителей следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, прокурора, суда по созданию с помощью предусмотренных законом средств реальных возможностей для осуществления…процессуальных прав» [2, с. 12]. В. Ю. Мельников отмечает, что «обеспечение прав и свобод человека в уголовном процессе – это деятельность следователя, дознавателя, прокурора, суда, направленная на создание оптимальных условий для реализации процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства» [11, с. 14].

Мы в целом разделяем сложившийся подход, однако считаем, что традиционная трактовка правообеспечительной деятельности все же является неполной и требует определенной доработки. Вызвано это тем, что по своему смыслу термин «обеспечение» определяется в двух значениях: 1) как создание возможности для чего-либо; 2) как предоставление кому-либо готового продукта для потребления [13, с. 350].

Примечательной особенностью выступает тот факт, что в деятельности следователя имеют место оба указанных значения.

К первому следует отнести те правообеспечительные действия, которые следователь осуществляет по воле участника уголовного процесса, например: обеспечивает участие переводчика (п. 7 ч. 2 ст. 42, п. 7 ч. 4 ст. 46, п. 7 ч. 4 ст. 47 УПК РФ); оставляет подозреваемого наедине с защитником до первого допроса (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ); принимает меры к привлечению защитника по назначению, если его участие не является обязательным (ч. 2 ст. 50 УПК РФ); предоставляет возможность задержанному лицу осуществить один телефонный звонок (ч. 1 ст. 96 УПК РФ) и др.

Ко второму же относятся действия, в ходе которых участникам досудебного производства в обязательном порядке предоставляются процессуальные средства обеспечения их законных интересов со стороны следователя, например: вынесение постановления о признании лица, которому преступлением причинен вред, потерпевшим по уголовному делу (ч. 1 ст. 42 УПК РФ); назначение уголовно преследуемым лицам защитника в случаях обязательного его участия (ст. 51 УПК РФ); вручение (направление) копий отдельных процессуальных документов (ч. 2 ст. 101, ч. 8 ст. 162, ч. 8 ст. 172, ч. 15 ст. 182 УПК РФ) и др.

Из этого следует, что правообеспечительная функция следователя включает в себя не только создание возможности для реализации участниками досудебного производства своих прав, но и предоставление им процессуальных средств охраны их законных интересов.

Следующим вопросом, играющим не менее важную роль, выступает изучение содержания рассматриваемой функции следователя на концептуальном уровне.

Как и любая целенаправленная деятельность, правообеспечение состоит из множества отдельных действий следователя, которые являются частями одного целого, объединенные общей целью, и потому вполне обоснованно могут быть обозначены как направления реализации функции по обеспечению прав личности.

Нами отмечалось, что законодателю не удалось закрепить в УПК РФ правообеспечительные действия следователя в системном виде, в связи с чем, выделение направлений данной деятельности имеет особое прикладное значение, т.к. позволит правоприменителю получить ясное видение того, из чего конкретно складывается работа по обеспечению прав участников досудебного производства.

Исследуя данную проблему, профессор А.М. Ларин в вышеупомянутом труде выделил следующие виды правообеспечительных действий следователя: 1) разъяснение участвующим в деле лицам их прав и обязанностей; 2) обеспечение права давать объяснения по делу; 3) обеспечение права иметь защитника; 4) обеспечение права знакомиться с материалами дела; 5) обеспечение права заявлять ходатайства, присутствовать при следственных действиях и участвовать в них, представлять доказательства, приносить жалобы и заявлять отводы; 6) меры по охране личных и имущественных прав, законных интересов лиц, участвующих в деле [9, с. 62]. Важно отметить, что приведенная система действий следователя в рамках исследуемой функции являлась прорывом своего времени, поскольку прежде никем из процессуалистов настолько глубоко не исследовалась.

Современная наука уголовного процесса, к сожалению, таких фундаментальных трудов в исследуемом вопросе не предложила. Лишь немногие авторы предприняли попытку выделить содержательные элементы правообеспечительной деятельности в уголовном процессе.

Например, В.С. Шадрин отмечает, что «обеспечение прав личности охватывает все формы благоприятствования участникам уголовного процесса в осуществлении прав, включая информирование лица об обладании правами и их разъяснение; создание необходимых условий для полноценной реализации прав; охрану прав от нарушений; защиту прав; восстановление нарушенных прав» [19, с. 43]. Г.А. Нафикова полагает, что содержание деятельности по охране прав личности включает в себя, «во-первых, информационный уровень (разъяснение прав участникам уголовного судопроизводства); во-вторых, правореализационный уровень (обеспечение возможности реализации прав участниками уголовного судопроизводства); в-третьих, превентивно-правовой уровень (меры безопасности, применяемые к участникам уголовного судопроизводства) и, в-четвертых, восстановительный уровень (возмещение вреда, причиненного в результате нарушения прав и свобод человека судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование)» [12, с. 12].

Безусловно, приведенные точки зрения имеют важное значение в исследуемом вопросе, однако, по нашему мнению, представляется необходимым выделить иную систему направлений реализации правообеспечительной деятельности.

Признавая достоинства вышеуказанной концепции А.М. Ларина, все же следует отметить, что приведенный данным автором перечень правообеспечительных действий следователя, на наш взгляд, не отвечает в полной мере принципу системности. Так, в одних случаях А.М. Ларин раскрыл содержание правообеспечительной функции через реализацию следователем отдельных прав участников уголовного процесса (обеспечение права давать объяснения по делу; обеспечение права знакомиться с материалами дела), а в других – через осуществление группы однородных действий (разъяснение участвующим в деле лицам их прав и обязанностей; обеспечение права заявлять ходатайства, присутствовать при следственных действиях и

участвовать в них, представлять доказательства, приносить жалобы и заявлять отводы; принятие мер по охране личных и имущественных прав, законных интересов лиц, участвующих в деле).

Мы считаем, что методологически правильней определять направления реализации (содержание) правообеспечительной функции следователя на основе единого критерия.

Не вызывает сомнений то, что правообеспечительные действия, в первую очередь, должны объединяться общей целью. Однако для того, чтобы перечень направлений таких действий полностью охватил все аспекты взаимодействия следователя с личностью от момента ее вхождения в досудебное производство и до окончания предварительного расследования, также необходимо учитывать закономерность развития данных правоотношений. Поэтому, по нашему мнению, критерием выделения направлений реализации правообеспечительных действий следователя является их однородность в сочетании с логикой уголовно-процессуальной деятельности.

Итак, чтобы человек стал участником досудебного производства и имел реальную возможность реализовать свои законные интересы, следователю, прежде всего, необходимо определить его правовое положение и наделить соответствующим уголовно-процессуальным статусом, разъяснив роль, права, обязанности и ответственность.

В связи с этим, первым направлением реализации правообеспечительной деятельности следователя являются действия по наделению лиц, участвующих в досудебном производстве, соответствующим уголовно-процессуальным статусом.

Отсутствие специальных познаний в области уголовного судопроизводства, а также развитие гражданского общества приводит к тому, что участники уголовного процесса все чаще прибегают к помощи специальных субъектов судопроизводства, отстаивающих их интересы. В первую очередь это адвокаты, призванные оказывать квалифицированную юридическую помощь любому участнику уголовного процесса. Кроме адвокатов интересы иных субъектов отстаивают законные представители лиц, которые неспособны в силу возраста или психического состояния самостоятельно реализовывать свои права, свободы и законные интересы.

Соответственно, вторым направлением реализации правообеспечительной деятельности следователя выступают действия по привлечению субъектов, отстаивающих интересы других участников досудебного производства.

Как правило, лица, участвующие в досудебном производстве, хотят быть проинформированными о его ходе и результатах. Для этого законодатель обязал следователя извещать участников о предстоящих процессуальных действиях путем направления повестки, вручать им копии ряда процессуальных документов, уведомлять о принятых решениях и произведенных действиях, а также предоставлять те или иные материалы производства для ознакомления.

Из этого следует, что третьим направлением правообеспечительной деятельности следователя выступают действия по информированию субъектов об участии в досудебном производстве, его ходе и результатах.

Законные интересы личности зачастую обеспечиваются по инициативе лица, когда субъект намеревается реализовать предоставленные ему права путем обращения к следователю в форме ходатайств, либо иных волеизъявлений (отводов, заяв-

лений, замечаний). В этом случае следователь принимает меры, направленные на создание необходимых условий для осуществления правомочий личности.

То есть, четвертым направлением правообеспечительной деятельности следователя выступают действия по разрешению ходатайств и иных обращений участников досудебного производства.

Вовлечение того или иного субъекта в досудебное производство, как правило, связано с проведением каких-либо процессуальных или следственных действий с его участием. Обязанность следователя в данном случае заключается в предоставлении возможности реализации участником производимого действия предоставленных ему правомочий для отстаивания своих законных интересов.

Отсюда пятым направлением правообеспечительной деятельности следователя выступают действия по реализации правомочий участников при производстве процессуальных действий.

Как видно, указанная система позволяет полностью охватить все аспекты взаимодействия следователя с личностью в досудебном производстве, раскрывая тем самым содержание правообеспечительной функции.

Подведем итоги. Правообеспечительная функция следователя – это деятельность органа предварительного расследования, которая заключается в: а) создании возможности для реализации участниками досудебного производства своих прав; б) предоставлении участникам процессуальных средств охраны их законных интересов.

Направлениями (содержанием) данной деятельности выступают следующие действия следователя:

1) по наделению лиц, участвующих в досудебном производстве, соответствующим уголовно-процессуальным статусом;

2) по привлечению субъектов, отстаивающих интересы других участников досудебного производства;

3) по информированию субъектов об участии в досудебном производстве, его ходе и результатах;

4) по разрешению ходатайств и иных обращений участников досудебного производства;

5) по реализации правомочий участников при производстве процессуальных действий.

Список литературы

1. Андреев, А.В. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при привлечении в качестве обвиняемого: специальность 12.00.09: «Уголовный процесс»: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Андреев Алексей Владимирович; ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя». – Москва, 2017. – 24 с. – Текст: непосредственный.

2. Владимирова, Ю.К. Обеспечение уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы: специальность: 12.00.09: «Уголовный процесс»: дис. на соиск. … канд. юрид. наук / Владимирова Юлия Константиновна; ФГБОУ ВО «Воронежский Государственный университет». – Воронеж, 2018. – 227 с. – Текст: непосредственный.

3. Гладышева, О.В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве: монография / О.В. Гладышева; под науч. ред. В.А. Семенцова. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – 188 с. – Текст: непосредственный.

4. Давлетов, А.А. Проблема функций следователя в уголовном процессе / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок, Р.Ш. Асанов. – Текст: непосредственный // Российский юридический журнал. – 2019. – № 4 (127). – С. 56-68.

5. Егорова, М.С. Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Егорова Марина Сергеевна; ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России». – Волгоград, 2004. – 24 с. – Текст: непосредственный.
6. Ефимичев, П.С. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности: монография / П.С. Ефимичев, С.П. Ефимичев. – Москва: Юстицинформ, 2008. – 503 с. – Текст: непосредственный.
7. Ильин, П.В. Процессуальное обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве: специальность 12.00.09: «Уголовный процесс»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ильин Павел Викторович; ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России». – Москва, 2015. – 32 с. – Текст: непосредственный.
8. Кондрат, И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: монография / И.Н. Кондрат. – Москва: Юстицинформ, 2015. – 174 с. – Текст: непосредственный.
9. Ларин, А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции: монография / А.М. Ларин. – Москва: Юридическая литература, 1986. – 160 с. – Текст: непосредственный.
10. Мельников, В.Ю. Обеспечение прав личности в ходе расследования преступлений: монография / В.Ю. Мельников. – Ростов-на-Дону: РГУПС, 2011. – 287 с. – Текст: непосредственный.
11. Мельников, В.Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: специальность 12.00.09: «Уголовный процесс»: дис. на соиск. ... д-ра юрид. наук / Мельников Виктор Юрьевич; ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия». – Москва, 2014. – 552 с. – Текст: непосредственный.
12. Нафикова, Г.А. Механизм реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: специальность 12.00.09: «Уголовный процесс»: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Нафикова Нульнара Айдаровна; ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) Федеральный университет». – Екатеринбург, 2010. – 26 с. – Текст: непосредственный.
13. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова.– 26-е изд., испр. и доп. – Москва: ООО «Издательство Оникс», 2010. – 736 с. – Текст: непосредственный.
14. Парфенов, В.Н. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при особом порядке судебного разбирательства: специальность 12.00.09: «Уголовный процесс»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Парфенов Владимир Николаевич; ФГОУ ВПО «Московский университет МВД Российской Федерации». – Москва, 2010. – 24 с. – Текст: непосредственный.
15. Семенцов, В.А. Обеспечение прав личности при производстве дознания: монография / В.А. Семенцов, О.А. Науменко. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 198 с. – Текст: непосредственный.
16. Стельмах, В.Ю. Обеспечение законных прав несовершеннолетних участников следственных действий / В.Ю. Стельмах. – Текст: непосредственный // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 3. – С. 141-146.
17. Устов, Т.Р. Обеспечение прав участников следственных и иных процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении: специальность 12.00.09: «Уголовный процесс»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Устов Тимур Русланович; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». – Краснодар, 2016. – 32 с. – Текст: непосредственный.
18. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – Москва: «Аделант», 2014. – 800 с.
19. Шадрин, В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений: монография / В.С. Шадрин. – Москва: Юрлитинформ, 200. – 232 с. – Текст: непосредственный.

Asanov R. S. The right-supporting function of the investigator: the concept and directions of implementation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 177-184.

As one of the functions of the investigator, legal support activities gained priority after the adoption of the Constitution of the Russian Federation, but at the conceptual level in the modern science of criminal procedure has not been studied, and at the normative level in a systematic form is not presented. The traditional interpretation of this function of the investigator, proposed by Professor A.M. Larin back in 1986, does not fully reflect the essence of the work of the preliminary investigation body in this direction, and therefore, it is supplemented with the missing element. On the basis of a single criterion, the author also identifies five areas of implementation of the investigator's legal support function, which allows us to get a clear idea of its content.

Keywords: investigator, person, participant, pre-trial proceedings, activity, security, legal support function, rights, freedoms, legitimate interests.

Spisok literaturi

1. Andreev, A.V. Obespechenie prav i zakonnih interesov uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva pri privlechenii v kachestve obvinyaemogo: specialnost 12.00.09: «Ugolovnii process»: avtoref. dis. … kand.

yurid. nauk / Andreev Aleksei Vladimirovich; FGKOU VO «Moskovskii universitet Ministerstva vnutrennih del Rossiiskoi Federacii imeni V.YA. Kikotya». – Moskva, 2017. – 24 s. – Tekst: neposredstvennii.
2. Vladimirova, YU.K. Obespechenie ugolovno-processualnih prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva, soderzhash'ihsya pod strazhei ili otbivayush'ih nakazanie v vide lisheniya svobodi: specialnost: 12.00.09: «Ugolovnii process»: dis. na soisk. … kand. yurid. nauk / Vladimirova YUliya Konstantinovna; FGBOU VO «Voronezhskii Gosudarstvennii universitet». – Voronezh, 2018. – 227 s. – Tekst: neposredstvennii.
3. Gladisheva, O.V. Teoreticheskie osnovi obespecheniya zakonnih interesov lichnosti v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya / O.V. Gladisheva; pod nauch. red. V.A. Semencova. – Moskva: YUrlitinform, 2012. – 188 s. – Tekst: neposredstvennii.
4. Davletov, A.A. Problema funkcii sledovatelya v ugolovnom processe / A.A. Davletov, N.V. Azarenok, R.SH. Asanov. – Tekst: neposredstvennii // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. – 2019. – № 4 (127). – S. 56-68.
5. Egorova, M.S. Institut priostanovleniya proizvodstva po ugolovnomu delu i obespechenie prav i zakonnih interesov uchastnikov ugolovnogo processa pri realizacii ego norm: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk / Egorova Marina Sergeevna; FGKOU VO «Volgogradskaya akademiya MVD Rossii». – Volgograd, 2004. – 24 s. – Tekst: neposredstvennii.
6. Efimichev, P.S. Rassledovanie prestuplenii: teoriya, praktika, obespechenie prav lichnosti: monografiya / P.S. Efimichev, S.P. Efimichev. – Moskva: YUsticinform, 2008. – 503 s. – Tekst: neposredstvennii.
7. Ilin, P.V. Processualnoe obespechenie prav poterpevshego v dosudebnom proizvodstve: specialnost 12.00.09: «Ugolovnii process»: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Ilin Pavel Viktorovich; FGKOU VO «Akademiya upravleniya MVD Rossii». – Moskva, 2015. – 32 s. – Tekst: neposredstvennii.
8. Kondrat, I.N. Obespechenie prav lichnosti v dosudebnom proizvodstve po ugolovnim delam: zakonodatelnoe regulirovanie i pravoprimenitelnaya praktika: monografiya / I.N. Kondrat. – Moskva: YUsticinform, 2015. – 174 s. – Tekst: neposredstvennii.
9. Larin, A.M. Rassledovanie po ugolovnomu delu: processualnie funkcii: monografiya / A.M. Larin. – Moskva: YUridicheskaya literatura, 1986. – 160 s. – Tekst: neposredstvennii.
10. Melnikov, V.YU. Obespechenie prav lichnosti v hode rassledovaniya prestuplenii: monografiya / V.YU. Melnikov. – Rostov-na-Donu: RGUPS, 2011. – 287 s. – Tekst: neposredstvennii.
11. Melnikov, V.YU. Obespechenie i zash'ita prav cheloveka pri primenenii mer processualnogo prinuzhdeniya v dosudebnom proizvodstve Rossiiskoi Federacii: specialnost 12.00.09: «Ugolovnii process»: dis. na soisk. ... d-ra yurid. nauk / Melnikov Viktor YUrevich; FGBOU VPO «Rossiiskaya akademiya pravosudiya». – Moskva, 2014. – 552 s. – Tekst: neposredstvennii.
12. Nafikova, G.A. Mehanizm realizacii principa ohrani prav i svobod cheloveka i grazhdanina v ugolovnom sudoproizvodstve: specialnost 12.00.09: «Ugolovnii process»: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk / Nafikova Nulnara Aidarovna; FGAOU VPO «Kazanskii (Privolzhskii) Federalnii universitet». – Ekaterinburg, 2010. – 26 s. – Tekst: neposredstvennii.
13. Ozhegov, S.I. Tolkovii slovar russkogo yazika / S.I. Ozhegov; pod red. prof. L.I. Skvorcova.– 26-e izd., ispr. i dop. – Moskva: OOO «Izdatelstvo Oniks», 2010. – 736 s. – Tekst: neposredstvennii.
14. Parfenov, V.N. Obespechenie prav i zakonnih interesov uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva pri osobom poryadke sudebnogo razbiratelstva: specialnost 12.00.09: «Ugolovnii process»: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Parfenov Vladimir Nikolaevich; FGOU VPO «Moskovskii universitet MVD Rossiiskoi Federacii». – Moskva, 2010. – 24 s. – Tekst: neposredstvennii.
15. Semencov, V.A. Obespechenie prav lichnosti pri proizvodstve doznaniya: monografiya / V.A. Semencov, O.A. Naumenko. – Moskva: YUrlitinform, 2016. – 198 s. – Tekst: neposredstvennii.
16. Stelmah, V.YU. Obespechenie zakonnih prav nesovershennoletnih uchastnikov sledstvennih deistvii / V.YU. Stelmah. – Tekst: neposredstvennii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 3. – S. 141-146.
17. Ustov, T.R. Obespechenie prav uchastnikov sledstvennih i inih processualnih deistvii pri proverke soobsh'eniya o prestuplenii: specialnost 12.00.09: «Ugolovnii process»: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Ustov Timur Ruslanovich; FGBOU VO «Kubanskii gosudarstvennii universitet». – Krasnodar, 2016. – 32 s. – Tekst: neposredstvennii.
18. Ushakov, D.N. Tolkovii slovar sovremennogo russkogo yazika / D.N. Ushakov. – Moskva: «Adelant», 2014. – 800 s.
19. SHadrin, V.S. Obespechenie prav lichnosti pri rassledovanii prestuplenii: monografiya / V.S. SHadrin. – Moskva: YUrlitinform, 200. – 232 s. – Tekst: neposredstvennii.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 185-190.

УДК 343.133

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНСТИТУТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

Биляев В. А., Чухраев Д. А.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В настоящей статье рассматриваются вопросы обоснованности и мотивированности постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Исходя из требований уголовно-процессуального законодательства законодателя, автор заключает, что на этапе предъявления обвинения (первичной версии или окончательной) следует указывать на окончательную причастность лица к совершенному преступлению. Далее доказательная деятельность должна развиваться в русле конкретизации отдельных квалифицирующих признаков с возможной переквалификацией деяния, установлении иных, не влияющих на вопрос наличия/отсутствия состава преступления обстоятельств, для того, чтобы в отношении обвиняемого не должно оставаться сомнений о совершении им преступления, однако допустимо изменение как объема обвинения, так и состава совершенного деяния. Констатируется недостаток его содержания в части обоснованности существа обвинения фактическими данными, формулируется теоретическая модель новой последовательности предъявления обвинения и предлагается введение в уголовный процесс нового документа-решения, устраняющего недостатки обоснованности и мотивированности вышеуказанного документа.

Ключевые слова: привлечение в качестве обвиняемого, существо обвинения, обоснованность, мотивированность, постановление.

Привлечение лица в качестве обвиняемого является важнейшим процессуальным этапом предварительного следствия. Указанное действие находится в системной связи с реализацией фактически всех основополагающих принципов уголовного процесса, определяющих его структуру, выражает итоговый результат деятельности стороны обвинения. Качественный уровень уголовного процесса требует не только наличия эффективных правовых средств у стороны уголовного преследования, но и аргументированное выдвижение обвинения, формулирование которого входит в назначение стадии предварительного расследования, надлежащее закрепление существа обвинения в материалах дела, соответствующее современному уровню развития уголовного процесса. В настоящее время на предварительном следствии таким средством фиксации сформулированного существа обвинения выступает постановление о привлечении в качестве обвиняемого, содержащее результат обвинительной деятельности стороны уголовного преследования. Особенностью данного процессуального документа является то, что он выносится зачастую на этапах, которым характерно неполное установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, в условиях ограничения возможности распространения всей обвинительной информации в интересах следствия. Иной особенностью данного документа, и одновременно, на наш взгляд, проблемой традиционной его структуры, является расположение в постановлении существа обвинения в описательно-мотивировочной части без приведения фактических оснований его принятия, что влечет недостаточную обоснованность и мотивированность его принятия, допускает предъявление «завышенного» объема обвинения.

Существу обвинения, порядку его предъявления на предварительном следствии уделялось внимание во многих научных исследованиях. Подробно многие аспекты института привлечения лица в качестве обвиняемого рассматриваются в работах А.В. Андреева, В.Ю. Белицкого, Д.Д. Донского, З.Ш. Гатауллина, М.Ю. Колбеева, Д.Е. Оборина, В.Ш. Харчиковой. Несмотря на значительное внимание ученых-процессуалистов к соответствующим проблемам привлечения лица в качестве обвиняемого, остаются неразрешенными вопросы, связанные с недостаточной обоснованностью и мотивированностью на предварительном следствии существа обвинения, постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Целью настоящей статьи является рассмотрение проблем обоснованности и мотивированности предъявляемого лицу обвинения на предварительном следствии и выработка модели подхода, направленного на совершенствование указанного процессуального института.

В действующем законодательстве форма содержания постановления о привлечении в качестве обвиняемого регламентирована статьей 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Законодатель в указанной норме не применил подход точного закрепления структуры содержания, ограничившись указанием на обязательные элементы постановления а именно: дата и место его составления; кем составлено постановление; фамилия, имя и отчество лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, число, месяц, год и место его рождения; описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1 - 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ; пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за данное преступление; решение о привлечении лица в качестве обвиняемого по расследуемому уголовному делу. Общие требования, предъявляемые в том числе и к рассматриваемому постановлению, закреплены в ч. 4 ст. 7 УПК РФ в виде законности, обоснованности и мотивированности процессуального решения. В дополнение к перечисленным правовым положениям ученые также указывают на необходимость соблюдения требований своевременности, справедливости, всесторонности, полноты, объективности, определенности, грамотности, высокой культуры оформления при вынесении процессуального акта [8, с.75]. В пределах настоящей статьи остановимся на тех требованиях, которые, по нашему мнению, являются проблемными относительно содержания постановления о привлечении в качестве обвиняемого и влекут отсутствие четкой логической последовательности механизма предъявления обвинения в целом. К таким требованиям, на наш взгляд, относятся обоснованность и мотивированность документа.

Сущность обоснованности по мнению большинства исследователей заключается в наличии оснований для проведения действий или принятия решений, подтвержденных фактическими данными [11, с.70; 1, с.79; 6, с.86; 8, с.81; 9, с.30].

Под мотивированностью решения ученые понимают совокупность доводов и аргументов, приведенных в систему, подтверждающую и убеждающую в правильности процессуального решения [10, с.34; 5, с.119; 2, с.114]. И.Е. Слепнева разграничивая основания и мотивы принятия решения, правильно отмечает, что если основания - это фактическая база, исходя из которой принимается решение, то мотивы - побудительные причины принятия соответствующего решения [9, с.34].

Для полного соответствия изложенным требованиям обоснованности и мотиви-

рованности постановление о привлечении в качестве обвиняемого по своему содержанию должно быть близко к обвинительному заключению в части анализа доказательств, собранных по уголовному делу. Данное постановление должно содержать указания на все особенности фактических данных, которые были установлены до момента вынесения данного постановления и таким образом должен быть обоснован каждый отдельный элемент предмета доказывания. Указанный подход к постановлению о привлечении в качестве обвиняемого ранее обсуждался в уголовно-процессуальной науке.

З.Ш. Гатауллин правильно отмечает, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого не может быть основано на предположении: это обвинение, которое прокурор должен будет доказать в суде. По мнению ученого, обстоятельства фабулы обвинения должны подтверждаться доказательствами, а обвинение, изложенное в этом постановлении, должно быть полным, исчерпывающим, так как недостатки его полноты в судебном разбирательстве невосполнимы [3, с.108]. Закономерность, определяемая данным исследователем, полностью соответствует конечной версии постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Несколько завышает требования к рассматриваемому постановлению Д.Е. Оборин, однако, считаем справедливым его суждение в части недостатка процедуры предъявления обвинения. Ученый обращает внимание на то, что отсутствие обязанности указывать в данном постановлении доказательства обвинения конкурирует с общим правилом мотивированности постановлений (ч. 4 ст. 7 УПК), которая означает необходимость письменного анализа всех оснований в тексте постановления [7, с.100]. По нашему мнению, общее правило мотивированности указывает на то, что соответствующие доказательства должны быть установлены до момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и все положения, излагаемые в описательно-мотивировочной части постановления, должны быть обоснованы в материалах уголовного дела, которыми соответствующая информация вводилась в область доказанных фактических данных по конкретному делу.

Однако такой подход, который фактически преобладает в настоящее время в правоприменительной области, имеет ряд недостатков, нарушающих требования своевременности, полноты, а в некоторых случаях влекущих значительное завышение объема обвинения. Д.Е. Оборин пишет, что на практике получило распространение явление, которое можно назвать «квалификацией с запасом», когда следователь при малейшем сомнении в юридической оценке деяния пытается вменить обвиняемому максимально тяжкое преступление из всех возможных в конкретном случае [7, с.111]. По поводу указанного отметим, что эффективно воспрепятствовать подобным ситуациям могла бы подробная аргументация каждого обвинительного положения доказательствами в процессуальном решении. Но закономерным остается вопрос: должно ли подобное обоснование содержаться в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого?

В пользу того, чтобы в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого не указывались доказательства высказывается А.В. Андреев. Ученый считает, что обвиняемый ставится в известность лишь об обстоятельствах инкриминируемого ему деяния, а не о доказательствах, изобличающих его в совершении преступления. Действующий в настоящее время порядок, по его мнению, является более обоснованным, так как он минимизирует возможность противодействия расследованию по

уголовному делу со стороны защиты [1, с.36].

Аналогичный, но спорный в части доводов вывод делает Д.Д. Донской. Исследователь полагает, что закон не требует изложения в постановлении доказательств обвинения, видимо потому, что данное обвинение есть первое, аргументированное по своей природе, но все еще не окончательное утверждение следователя о причастности лица к преступлению [4, с.138]. Соглашаясь с мыслью указанных ученых о необходимости ограничения отображения в постановлении доказательственной информации, остановимся на аргументации Д.Д. Донского. По нашему мнению, законодатель требует от следователя конкретного определения фрагмента временного периода доказательственной деятельности, когда появляются достаточные доказательства, дающие основания для обвинения лица. Если указанные доказательства добыты надлежащим способом, имеют необходимый качественный уровень, то после прохождения данного временного фрагмента, и, соответственно, после предъявления обвинения, лицо не должно становиться вновь подозреваемым или не должны утрачиваться основания для обвинения. Поэтому, исходя из требований законодателя, изложенных в ст. 171 УПК РФ, на этапе предъявления обвинения (первичной версии или окончательной) следует указывать на окончательную причастность лица к совершенному преступлению. Далее доказательная деятельность должна развиваться в русле конкретизации отдельных квалифицирующих признаков с возможной переквалификацией деяния, установлении иных, не влияющих на вопрос наличия/отсутствия состава преступления обстоятельств. Иными словами, в отношении обвиняемого не должно оставаться сомнений о совершении им преступления, однако допустимо изменение как объема обвинения, так и состава совершенного деяния.

Несмотря на вышеуказанное, как известно, в практической области далеко не по всем уголовным делам имеет место многократное вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Распространены ситуации, когда указанные постановления выносятся только по факту установления всего объема обвинения, а не на первых этапах появления первичных достаточных доказательств для обвинения лица, как этого требует ч. 1 ст. 171 УПК РФ. Соответственно, кроме прямого нарушения норм уголовно-процессуального закона, в том числе права на защиту, теряется возможность проследить динамику формирования обвинения, снижается эффективность проверки объема обвинения со стороны субъектов, которым по закону предоставлено такое право, и оценки качества расследования.

Подытоживая изложенное, сформулируем общий подход, который позволит разрешить рассмотренные а также иные проблемы, выходящие за пределы исследования настоящей статьи. Во-первых, необходимо конкретное закрепление в процессуальных документах сформулированного обвинения с наличием анализа доказательственной основы по уголовному делу. Во-вторых, на текущем уровне развития уголовно-процессуального права следует оставить ограничения распространения информации аргументирующего характера (до момента ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела) в части конкретных доказательств, подтверждающих формулировки обвинения. В-третьих, в силу очевидной значимости для назначения уголовного процесса деятельности стороны обвинения и ее результата в виде формулируемого обвинения, считаем необходимым формально в материалах уголовного дела отражать последовательность развития обвинительной формулировки в виде отдельных процессуальных документов, содержащих анализ доказательств. В-

четвертых, по нашему мнению, следует «перенести» сформулированное существо обвинения из описательно-мотивировочной в резолютивную часть соответствующего решения, которое направлено на обоснование обвинения. В-пятых, предусмотреть соответственно перепредъявление обвинения в виде его изменения или дополнения исключительно в случаях динамики существа обвинения, а не его фактических оснований.

По нашему мнению, реализовать вышеизложенный общий подход позволит введение в систему уголовного процесса дополнительного процессуального решения, выносимого перед постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, в котором бы содержался анализ доказательств в описательно-мотивировочной части и формулировалось в резолютивной существо обвинения, которое впоследствии предъявлялось бы обвиняемому в отдельном процессуальном документе. Указанный подход позволит стабилизировать следственную деятельность в части формирования обвинения, внести конкретику в процедуру его формирования за счет явной обоснованности и мотивированности в процессуальных документах. Для предмета дальнейших исследований считаем необходимым оставить рассмотрение вопроса оснований повторного вынесения предлагаемого документа, особенности его формы и связи с иными процессуальными документами.

Список литературы

1. Андреев А.В. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при привлечении в качестве обвиняемого: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.09 / Андреев Алексей Владимирович. – М., 2017. – 230 с.
2. Белицкий В.Ю. Мотивированность процессуальных решений органов предварительного расследования как одно из требований их законности / В.Ю. Белицкий // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2018. – №16–1. – С. 113–114.
3. Гатауллин З.Ш. Понятие «обвинение» и этапы его формулирования / З.Ш. Гатауллин // Современное право. – 2009. – №6. – С. 104–108.
4. Донской Д.Д. Функция уголовного преследования на этапе досудебного производства: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.09 / Донской Дмитрий Дмитриевич. – Ростов–на–Дону, 2005. – 212 с.
5. Ефремова С.В. Обоснованность следственный действий как гарантия прав и свобод участников процесса: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.09 / Ефремова Светлана Владимировна. – Самара, 2004. – 182 с.
6. Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... доктора юрид. наук : 12.00.09 / Капинус Николай Иванович. – М., 2001. – 547 с.
7. Оборин Д.Е. Привлечение в качестве обвиняемого в российском уголовном процессе: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.09 / Оборин Дмитрий Евгеньевич. – СПб., 2005. – 183 с.
8. Подольский М.А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.09 / Подольский Михаил Алексеевич. – Казань, 2007. – 273 с.
9. Слепнёва И.Е. Проверка судом законности и обоснованности процессуальных решений органов расследования в досудебных стадиях: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.09 / Слепнёва Инна Евгеньевна. – Волгоград, 1998. – 234 с.
10. Трухин С.А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.09 / Трухин Сергей Алексеевич. – М., 2016. – 315 с.
11. Яблоков В.А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.09 / Яблоков Вячеслав Анатольевич. – Самара, 2001. – 206 с.

Bilyaev V. A., Chukhrayev D. A. On the issue of improving the institution of bringing a person as an accused // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 195-190.

This article examines the issues of the validity and motivation of the decision to prosecute as an accused. On the basis of the requirements of the law of criminal procedure of the legislator, the author concludes that at the stage of indictment (primary version or final) it should be indicated that the person is finally involved in the crime committed. Further, the evidentiary activity should be developed in line with the specificity of certain qualifying signs with the possible re-qualification of the act, the identification of other circumstances that do not affect the issue of the presence/absence of the corpus delicti, so that there should be no doubt about the crime committed by the accused, but both the scope of the charge and the composition of the act committed can be changed. The lack of its content in terms of the substantiation of the merits of the accusation by factual data is stated, a theoretical model of a new sequence of indictment is formulated and the introduction of a new decision document into the criminal process is proposed, which eliminates the shortcomings of the justification and motivation of the above document.

Keywords: involvement as an accused, the essence of the charge, validity, motivation, ruling.

Spisok literatury

1. Andreev A.V. Obespechenie prav i zakonnyh interesov uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva pri privlechenii v kachestve obvinyaemogo: dis. ... kandidata yurid. nauk : 12.00.09 / Andreev Aleksej Vladimirovich. – M., 2017. – 230 s.
2. Belickij V.YU. Motivirovannost' processual'nyh reshenij organov predvaritel'nogo rassledovaniya kak odno iz trebovanij ih zakonnosti / V.YU. Belickij // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. – 2018. – №16–1. – S. 113–114.
3. Gataullin Z.SH. Ponyatie «obvinenie» i etapy ego formulirovaniya / Z.SH. Gataullin // Sovremennoe pravo. – 2009. – №6. – S. 104–108.
4. Donskoj D.D. Funkciya ugolovnogo presledovaniya na etape dosudebnogo proizvodstva: dis. ... kandidata yurid. nauk : 12.00.09 / Donskoj Dmitrij Dmitrievich. – Rostov–na–Donu, 2005. – 212 s.
5. Efremova S.V. Obosnovannost' sledstvennyj dejstvij kak garantiya prav i svobod uchastnikov processa: dis. ... kandidata yurid. nauk : 12.00.09 / Efremova Svetlana Vladimirovna. – Samara, 2004. – 182 s.
6. Kapinus N.I. Processual'nye garantii prav lichnosti pri primenenii mer presecheniya v ugolovnom processe: dis. ... doktora yurid. nauk : 12.00.09 / Kapinus Nikolaj Ivanovich. – M., 2001. – 547 s.
7. Oborin D.E. Privlechenie v kachestve obvinyaemogo v rossijskom ugolovnom processe: dis. ... kandidata yurid. nauk : 12.00.09 / Oborin Dmitrij Evgen'evich. – SPb., 2005. – 183 s.
8. Podol'skij M.A. Sudebnye resheniya v dosudebnom proizvodstve po ugolovnomu delu: dis. ... kandidata yurid. nauk : 12.00.09 / Podol'skij Mihail Alekseevich. – Kazan', 2007. – 273 s.
9. Slepnyova I.E. Proverka sudom zakonnosti i obosnovannosti processual'nyh reshenij organov rassledovaniya v dosudebnyh stadiyah: dis. ... kandidata yurid. nauk : 12.00.09 / Slepnyova Inna Evgen'evna. – Volgograd, 1998. – 234 s.
10. Truhin S.A. Predmet i predely apellyacionnogo razbiratel'stva ugolovnyh del: dis. ... kandidata yurid. nauk : 12.00.09 / Truhin Sergej Alekseevich. – M., 2016. – 315 s.
11. YAblokov V.A. Realizaciya sudebnoj vlasti na dosudebnyh stadiyah ugolovnogo processa Rossii: dis. ... kandidata yurid. nauk : 12.00.09 / YAblokov Vyacheslav Anatol'evich. – Samara, 2001. – 206 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 191-197.

УДК 347.9
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-191-197

ЗНАЧЕНИЕ СТАДИИ ПОДГОТОВКИ ДЕЛ К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ И ЕЕ ЗАДАЧИ

Люманова А. Л., Фирсова А. А., Яценко А. О.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Стадия подготовки дела к судебному разбирательству является неотъемлемой, так как от данной стадии зависит качественное и своевременное рассмотрение дела. При соблюдении задач и целей, поставленных перед стадией подготовки дела к судебному разбирательству, достигается законность и обоснованность процессуальных действий, совершенных при подготовке дела к судебному разбирательству.

Ключевые слова: гражданский процесс; подготовка гражданского дела; судебное разбирательство; стадия в гражданском судопроизводстве; суд; исковые требования; иск; судебное заседание.

Одной из обязательных и важных стадий в гражданском судопроизводстве является – подготовка дел к судебному разбирательству. Тщательная подготовка дела к судебному разбирательству представляет собой стадию процесса в которой закладывается начало основательного и правомерного разрешения судебного разбирательства. Подготовка дела к судебному разбирательству – это обязательная стадия гражданского процесса, связанная с процессуальными действиями, осуществляющих судом, участвующими в деле сторонами и других лиц во исполнение задач гражданского судопроизводства. Принятие искового заявления является основанием для возбуждения гражданского дела, следовательно, после принятие искового заявления судьёй возникают обязанности для проведения обязательных действий, связанных с подготовкой дела к судебному разбирательству.

Подготовка гражданского дела к судебному разбирательству является самостоятельной и обязательной стадией разбирательства в суде первой инстанции, а именно самостоятельное направление определяется специальной цель, задачами и значением. Обязательность предусматривается в том, что подготовка дела к судебному разбирательству должна осуществляться по всем гражданским делам, независимо от сложности, объёма доказательств, социальной значимости и иных факторов. Тем самым, подготовка дела к судебному разбирательству создаёт условия для решения задач сформулированных в ст. 2 ГПК РФ с помощью исполнения индивидуальных задач в ходе процесса подготовки рассмотрения гражданского дела.

Обязательность стадии подготовки дела к судебному разбирательству по любым гражданским делам, в соответствии с п. 2 ст. 147 ГПК РФ.

Предметом исследования является нормы гражданско-процессуального законодательства, закрепляющие значение стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Объектом исследования является стадия подготовки дела к судебному разбирательству как одна из обязательных и самостоятельных стадий судебному разбирательства.

Методы исследования являются изучение законодательства, анализ научной литературы, сравнение и обобщение результатов исследования.

Целью исследования – определение значения стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Для осуществления цели предусматривается решение следующих **задач**:

– раскрыть понятие и значение подготовки дела к судебному разбирательству;

– рассмотреть цели и задачи подготовки дела к судебному разбирательству;

– проанализировать значение предварительного судебного разбирательства и определить его место в пределах стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Повышенная роль подготовки дел к судебному разбирательству в суде первой инстанции обоснована, так как основа судебного разбирательства закладывается на данной стадии и от качества исполнения данных процессуальных действий зависит итоговый результат судебного разбирательства.

Актуальность данного исследования указывается в центральном и значительном месте в гражданском процессе как подготовки дела к судебному разбирательству.

Исходя из практики, сложность и проблематичность данной стадии проявляется в ненадлежащей подготовке дела, что нарушает «принцип законности» в гражданском процессе.

Подготовка гражданских дел к судебным разбирательствам является обязательной стадией гражданского процесса, так как при грамотной подготовке дела к судебному разбирательству послужит обоснованному и своевременному рассмотрению и разрешению дела, соответственно и к результату всего процесса.

Существенное значение стадии подготовки дела к судебному разбирательству проявляется, во-первых, при должной проведенной подготовке имеется возможность избежать пропуск процессуальных сроков с рассмотрением дела и вынести правильное постановление по делу, во-вторых, на стадии подготовки стороны могут прийти к мировому соглашению, что немедленно прекратит производство по данному делу.

Гражданско-процессуальный кодекс РФ содержит главу 14 в которой регулируется стадия подготовки дела к судебному разбирательству. В действующем законодательстве отсутствует понятие «подготовка дела к судебному разбирательству», на основе указанной главы представляется возможность сформулировать определение самостоятельно. Стадия подготовки дела к судебному разбирательству – это обязательная и самостоятельная стадия, содержащая систему процессуальных действий участников процесса, направленная на реализацию целей и задач, указанных в ст. 2 ГПК РФ.

Прежде всего, стадия подготовки дела к судебному разбирательству имеет свою специфическую цель и задачи, регулирующих ГПК РФ. Согласно, п. 1 ст. 147 ГПК РФ целью стадии подготовки дела к судебному разбирательству представляется обеспечение своевременного и правильного рассмотрения и разрешения дела [1].

Исходя из вышесказанного, судьи обязаны проводить надлежащую подготовку к судебному разбирательству и руководствоваться немаловажными пунктами «своевременности» и «правильности» на данной стадии.

Задачами стадии подготовки в судебном разбирательстве в первом случае, является, при их исполнении создание необходимых условий для реализации цели стадии, во втором, определение направления деятельности суда и участвующих лиц в деле при подготовке дела к судебному разбирательству.

Закрепление задач нашло своё отражение в ст. 148 ГПК РФ, имеется возможность подразделить их на определённые группы.

1. Уточнение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

При заблуждении сторон по поводу фактов, являющиеся существенно важными, судья, руководствуясь нормами материального права, подлежащих применению, должен разъяснить им, какие именно факты будут иметь значение для дела и на ком лежит бремя доказывания.

2. Определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и установление правоотношений сторон;

Осуществление данной задачи определяется исходя из совокупности данных по делу, непосредственно: предмет и основание по иску, возражений ответчика относительно иска, иных обстоятельств, являющиеся значимыми для законного разрешения дела, так как основание для иска – фактические обстоятельства.

3. Разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. N 11 "О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству" есть указание для судов, что в ст. 34 ГПК РФ закреплён состав лиц, участвующих в деле [7]. Участие тех или иных лиц в процессе определяется характером спорного правоотношения и наличие материально-правового интереса. То есть при определении возможного круга лиц, встаёт вопрос о данных правоотношения, установление конкретных носителей прав и обязанностей по делу.

4. Представление необходимых доказательств сторонами, другими лицами, участвующими в деле.

Обязанностью судьи на стадии подготовки создать условия, при которых возможно рассмотрение со всех сторон и в полном объёме исследование предоставленных доказательств, являющиеся значимыми для дела. Судья должен разъяснить на ком лежит бремя доказывания обстоятельств, в частности, и последствия непредставления доказательств.

5. Примирение сторон.

Относительно новой задачей является примирение сторон при заключении мирового соглашения, отказа истца от иска, признание ответчиков исковых требований, предъявленных к нему. Примирение сторон происходит в указанном порядке, при процедуре медиации, согласно, Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [10]. На стадии подготовки дела к судебному разбирательству возможно вынесение определения судом о заключении мирового соглашении, либо об отказе истца от иска.

Благодаря указанным задачам совершаются значимые юридические задачи и для правильного и законного результата должны выполняться в полном объёме.

При исследовании стадии «подготовка дел к судебному разбирательству» важно было обратить внимание на Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г. и Гражданский процессуальный кодекс РФ 2002 г., а именно рассмотреть, как раньше закреплялась данная стадия и насколько значима была, и какие изменения внесены по сей день.

В главе 14 статьи 142 Гражданского процессуального кодекса 1964 г. закреплено, что «определение о подготовке дела к судебному разбирательству выносится судьей единолично без извещения лиц, участвующих в деле», что не даёт возможность сторонам процесса обратиться за помощью к суду в целях урегулирования спора, тем временем как в главе 14 статьи 147 Гражданского процессуального кодекса 2002 г. указывается подробное разъяснения данного пункта, где участникам даётся возможность на урегулирование спора путём примирительных процедур и действий [2].

Существенным закреплением в Гражданском процессуальном кодексе 2002г. является то, что стадия подготовки дела к судебному разбирательству является обязательной.

Гражданский процессуальный кодекс 2002 г. на данный момент закрепляет значительно больше положений о стадии «подготовки дела к судебному разбирательству», где отражены задачи и цели стадии, действия сторон и действия судьи при подготовке дела к судебному разбирательству, в отличии от Гражданского процессуального кодекса 1964 г., который закрепляет всего три статьи.

Современное гражданское законодательство придаёт данной стадии большее значение, что гарантирует сторонам процесса объективное и законное решение, а также защиту своих нарушенных прав, законодательное закрепление всей процедуры даёт возможность проследить выполняется ли всё без нарушений, которые не позволят принять правильного решения по делу.

Мнение по поводу значения и важности стадии подготовки дела к судебному разбирательству уделяли такие исследователи, как Треушников М.К. который указывает, что подготовка дел к судебному разбирательству является неотъемлемой частью процессуальных действий по делу для обоснованного и законного решения по делу, ведь главной целью данной стадии является – правильное и своевременное рассмотрение дела, пропустив которые будут возникать поводы для того, чтоб считать решение необъективным [3].

Треушников отмечает, что не бывает исключений для дел, то есть является обязательной для всех поступающих заявлений. На данной стадии у сторон есть возможность собрать все доказательства по делу.

Жилин Г. А. комментируя статью 147 ГПК РФ пишет, что на стадии подготовки дела к судебному разбирательству у судьи должно складываться предварительное мнение о деле, а именно применение норм права, предмет доказывания по делу, характер правоотношений и действиях, которые должны быть предприняты для правильного и своевременного рассмотрения дела [5].

Жилин Г.А. также рассматривает стадию подготовки дел к гражданскому разбирательству как основополагающую и считает, что для эффективной подготовки дела к судебному разбирательству важно усовершенствовать законодательство, так

как при создании всех необходимых условий будет способствовать исполнению цели и задач стадии [6].

Вышенаписанное подтверждается несомненно судебной практикой, что указывает на значимость подготовки дела к судебному разбирательству, так в Решении Владимирского областного суда рассматривалось дело по административному иску о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и после принятия заявления судья вынес постановление о подготовке дела к судебному разбирательству и для точного и законного рассмотрения указывает действия, которые необходимо совершить всем сторонам по делу и сроки для совершения данных действий. То есть на данной стадии суд предоставляет возможность участникам собрать все необходимые доказательства, в данном случае требовалось устранить недостатки по выполненной работе и для того, чтоб доказать этот факт суд будет истребовать все необходимые доказательства, проводить экспертизу и уточнять все имеющие значение обстоятельства по данному делу [8].

Тем самым, это доказывает, что у участников не нарушаются права по рассмотрению дела, а именно, суд содействует в правильном рассмотрении дела.

В Устиновском районном суде рассматривался иск о взыскании задолженности по уплате членских и целевых взносов и процентов за пользование чужими денежными средствами и определением о подготовке дела к судебному разбирательству было разъяснено о возможности предоставить свои возражения и доказательства в обоснование своих возражений, в случае несогласия с указанными требованиями [9].

Подтверждается значимость подготовки дела к судебному разбирательству и соответственно эту стадию никаким образом нельзя пропускать, так как тогда сразу нарушается возможность на доказывание обстоятельств по делу и в соответствии законному решению.

Следует сказать, что подготовка дела к судебному разбирательству имеет ряд своих особенностей, которую делают стадию самостоятельной и обязательной:

1) подготовка дела к судебному разбирательству имеет самостоятельную цель – достижение которой возможно при совершении процессуальных действий.

2) действия суда и участников дела, включая истребование доказательств, уточнение обстоятельств по делу и проверка.

3) соответствующее оформление совершенных процессуальных действий [4].

Результатом исследования является выполненные задачи и достигнутые цели, так как было установлено значение стадии подготовки дела к судебному разбирательству, раскрыто определение стадии подготовки дела к судебному разбирательству, рассмотрены цели и задачи стадии подготовки дела к судебному разбирательству, определено место стадии в судебном разбирательстве.

Выводом исследования является то, что стадия подготовки дела к судебному разбирательству предотвращает появление сомнений в законности и обоснованности решения по делу, так как подготовка дела к судебному разбирательству проходит под руководством судьи, обеспечивающее правильность, законность и своевременность рассмотрения дела.

Из этого следует, что подготовка дела к судебному разбирательству – это обязательная и самостоятельная стадия гражданского процесса, обусловленная соверше-

нием процессуальных действий со стороны суда и участвующих лиц в деле, что способствует объективному и своевременному рассмотрению дела.

Существенным является то, что данная стадия проводится по каждому иску, который принимает суд первой инстанции, Гражданский процессуальных кодекс не делает никаких исключений.

Закрепленные задачи в статье 148 ГПК РФ стадии подготовки дела к судебному разбирательству помогают путём их исполнения достичь достоверного и законного результата по делу.

Современное гражданское законодательство окончательно закрепила существенное значение подготовки дела к судебному разбирательству, в отличии от гражданского законодательства прошлого времени.

Стоит отметить, что стадия подготовки обеспечивает и направляет процессуальные действия для рассмотрения дела уже в первом судебном заседании и даёт возможность разрешить спор на ранней стадии дела.

Список литературы

1. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) гл. 14, ст.147.
2. "Гражданский процессуальный кодекс РСФСР" (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 31.12.2002) гл. 14, ст. 142.
3. Гражданское процессуальное право: Гражданский процесс. Постатейный комментарий к главе 19\ Под редакцией М.К. Треушникова, - 1-2 с. [Электронный ресурс]. URL: https://uristinfo.net/grazhdanskij-protsess/88-mk-treushnikov-grazhdanskij-protsess/1945-glava-19-podgotovka-del-k-sudebnomu-razbiratelstvu.html (дата обращения 20.01.2021).
4. Гражданское процессуальное право: Гражданский процесс. Постатейный комментарий к главе 14\ Под редакцией Г. А. Жилина, 185 с.
5. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. А.Г. Коваленко, д.ю.н. проф. А.А. Мохова, д.ю.н., проф. П.М. Филиппова. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», 2008г. – 153-156 с.
6. Жилин Г.А. Подготовка гражданских дел к рассмотрению в суде кассационной инстанции: автореф. дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург. 1991. – 16 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 N 11 (ред. от 09.02.2012) "О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству" П. 17
[Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78038/ (дата обращения 05.01.2021).
8. Решение № 3А-96/2020 3А-96/2020~М-70/2020 М-70/2020 от 25 июня 2020 г. по делу № 3А-96/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/SoCAo (дата обращения 10.01.2021).
9. Решение № 2-2996/2019 2-570/2020 2-570/2020(2-2996/2019;)~М-2652/2019 М-2652/2019 от 29 мая 2020 г. по делу № 2-2996/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://c-/lck.ru/SoCuN (дата обращения 15.01.2021).
10. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения 09.01.2021).

Lyumanova A., Firsova A., Yatsenko A. The significance of the stage of preparation of cases for trial and its tasks // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 191-197.

The stage of preparing the case for trial is an integral one, since the quality and timely consideration of the case depends on this stage. If the tasks and goals set before the stage of preparing the case for trial are met, the legality and validity of the procedural actions performed during the preparation of the case for trial are achieved.

Keywords: civil procedure; preparation of a civil case; trial; stage in civil proceedings; court; claims; claim; court session.

Spisok literaturi

1. "Grazhdanskii processualnii kodeks Rossiiskoi Federacii" ot 14.11.2002 N 138-FZ (red. ot 31.07.2020) gl. 14, st.147.
2. "Grazhdanskii processualnii kodeks RSFSR" (utv. VS RSFSR 11.06.1964) (red. ot 31.12.2002) gl. 14, st. 142.
3. Grazhdanskoe processualnoe pravo: Grazhdanskii process. Postateinii kommentarii k glave 19\ Pod redakciei M.K. Treushnikova, - 1-2 s. [Elektronnii resurs]. URL: https://uristinfo.net/grazhdanskij-protsess/88-mk-treushnikov-grazhdanskij-protsess/1945-glava-19-podgotovka-del-k-sudebnomu-razbiratelstvu.html (data obrash'eniya 20.01.2021).
4. Grazhdanskoe processualnoe pravo: Grazhdanskii process. Postateinii kommentarii k glave 14\ Pod redakciei G. A. ZHilina, 185 s.
5. Grazhdanskii process: Uchebnik / Pod red. d.yu.n., prof. A.G. Kovalenko, d.yu.n. prof. A.A. Mohova, d.yu.n., prof. P.M. Filippova. – M.: YUridicheskaya firma «KONTRAKT»; «INFRA-M», 2008g. – 153-156 s.
6. ZHilin G.A. Podgotovka grazhdanskih del k rassmotreniyu v sude kassacionnoi instancii: avtoref. dis. kand. yurid. nauk. Ekaterinburg. 1991. – 16 s.
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.06.2008 N 11 (red. ot 09.02.2012) "O podgotovke grazhdanskih del k sudebnomu razbiratelstvu" P. 17
[Elektronnii resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78038/ (data obrash'eniya 05.01.2021).
8. Reshenie № 3A-96/2020 3A-96/2020~M-70/2020 M-70/2020 ot 25 iyunya 2020 g. po delu № 3A-96/2020 [Elektronnii resurs]. URL: https://clck.ru/SoCAo (data obrash'eniya 10.01.2021).
9. Reshenie № 2-2996/2019 2-570/2020 2-570/2020(2-2996/2019;)~M-2652/2019 M-2652/2019 ot 29 maya 2020 g. po delu № 2-2996/2019 [Elektronnii resurs]. URL: https://c-/lck.ru/SoCuN (data obrash'eniya 15.01.2021).
10. Federalnii zakon ot 27 iyulya 2010 g. N 193-FZ "Ob alternativnoi procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii)». [Elektronnii resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (data obrash'eniya 09.01.2021).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 198-204.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

УДК 342.6

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АППАРАТОВ ПОЛНОМОЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ С ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ-ПРОГРАММ)

Бойко К. В.
Аппарат полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе

В статье проведен теоретико-правовой анализ понятия взаимодействия аппаратов полномочных представителей Президента в федеральных округах, а также практические аспекты реализации отдельных форм взаимодействия аппаратов полномочных представителей Президента в федеральных округах с органами исполнительной власти Республики Крым при реализации национальных проектов, в частности «Демография», «Образование» и региональных проектов-программ «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет», «Активное долголетие», «Успех каждого ребенка» и др.

Целью статьи является изучение практики реализации и эффективности государственных программ. Проанализирован ход реализации отдельных национальных проектов и региональных программ, действующих в Республике Крым, с использованием материалов аппарата полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе. Также выяснено, что отдельные поручения Президента России выполняются не в полном объеме, что приводит к трудностям планирования и реализации национальных проектов и региональных программ, а также обуславливают относительно низкую результативность их реализации.

Ключевые слова: аппарат полномочного представителя Президента РФ, национальные проекты, региональные программы, взаимодействие, Республика Крым, органы исполнительной власти.

В отечественной юридической литературе достаточно большое внимание уделяется анализу всевозможных аспектов взаимодействия различных государственных органов, их представителей и вспомогательных органов с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (далее – РФ). Не исключением являются вопросы организации взаимодействия аппаратов полномочных представителей Президента РФ и органов исполнительной власти субъектов РФ по различным направлениям [1]. При этом, в большинстве современных научных трудов проблемы, касающиеся взаимодействия указанных субъектов по вопросам реализации национальных проектов и региональных программ, нахождения приемлемого баланса взаимодействия между ними, поиск научно обоснованных руководящих начал в названном контексте комплексно не изучены, хотя остаются актуальными и имеют важное научное и практическое значение.

Отметим, что функционирование полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах предусматривает «тесный контакт» с органами исполнитель-

ной власти субъектов РФ по различным вопросам. Сегодня в законодательстве предусмотрены такие формы взаимодействия:

– принятие участия в работе органов государственной власти субъектов РФ, а также органов местного самоуправления, находящихся в пределах федерального округа;

– организация по поручению Президента РФ проведения согласительных процедур для разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, находящимися в пределах федерального округа [2].

С целью непосредственного обеспечения деятельности полномочного представителя создается его аппарат, являющийся самостоятельным подразделением Администрации Президента Российской Федерации и руководство которым осуществляет полномочный представитель [3].

В вопросе о формах взаимодействия аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации важное место отводится реализации такой формы взаимодействия, как: направление сотрудников своего аппарата для участия в работе органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, находящихся в пределах федерального округа. В рамках реализации данной формы взаимодействия Федеральные инспекторы аппарата осуществляют: проверку исполнения указов и распоряжений Президента Российской Федерации, а также хода реализации федеральных программ, использования федерального имущества и средств федерального бюджета в федеральном округе; контроль за исполнением федеральных законов, указов, распоряжений, поручений и указаний Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, а также за реализацией федеральных программ в федеральном округе.

Ярким примером реализации указанных полномочий является контроль за исполнением поручений Президента Российской Федерации от 22.11.2019 № Пр-2397 [4]. Так, осуществляя контроль выполнения установления нормативов и норм обеспеченности населения объектами спортивной инфраструктуры (ч. 1 подпункта «а» пункта 2 Поручения) было установлено, что в соответствии с постановлением Совета министров Республики Крым от 05 февраля 2016 года № 36 «О порядке разработки, утверждения и реализации ведомственных целевых программ», Министерством спорта Республики Крым разработана ведомственная целевая программа «Активное долголетие» на 2021-2024 годы, которая утверждена приказом Министерства спорта Республики Крым от 23 сентября 2020 года № 314-ОД. Финансирование мероприятий ведомственной целевой программы будет осуществляться в рамках Государственной программы развития физической культуры и спорта в Республике Крым, утвержденной постановлением Совета министров Республики Крым от 30 декабря 2015 года № 874 [5].

Целью программы является увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего возраста. Результатом реализации запланировано увеличение доли граждан старшего возраста (женщины: 55-79 лет; мужчины: 60-79 лет), систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности граждан старшего возраста в Республике Крым с 3%

(2019 год) до 15% (2024 год). Также данный целевой показатель реализуется в Республике Крым в рамках национального проекта «Демография», регионального проекта «Спорт – норма жизни».

В то же время, в ходе проведенного мониторинга установлено, что в других субъектах РФ программы «Активное долголетие» принимаются на региональном, а не на ведомственном уровне и, соответственно, утверждаются постановлениями высших должностных лиц или высших органов исполнительной власти субъектов РФ (к примеру: постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского Края от 29 ноября 2019 г. № 822 «Об утверждении региональной программы «Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности жизни граждан старшего поколения в Краснодарском крае» на 2020 - 2024 годы» [6], постановление Правительства Москвы от 18 декабря 2018 года № 1578-ПП «О реализации в городе Москве проекта «Московское долголетие» [7], постановление правительства Ростовской области от 16 декабря 2019 № 945 «Об утверждении региональной программы «Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения в Ростовской области на 2019 – 2024 годы» [8], постановление Правительства Воронежской области от 28 мая 2020 г. № 461 «Об утверждении региональной программы «Активное долголетие», направленной на вовлечение граждан старшего возраста в систематические занятия физической культурой и спортом, на 2020 – 2024 годы» [9]).

Опыт других субъектов показывает, что программа «Активное долголетие» не ограничивается задачей вовлечения граждан старшего возраста в систематические занятия физической культурой и спортом. Кроме того, учитывая цель программы, а именно, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего возраста, она может включать довольно широкий спектр задач, таких как: развитие мероприятий, направленных на профилактику заболеваний среди граждан старшего поколения; развитие гериатрической службы; обеспечение долговременного ухода за гражданами пожилого возраста; вовлечение граждан старшего поколения в культурную жизнь общества и обеспечение доступности учреждений культуры; организация досуга граждан старшего поколения; обеспечение конкурентоспособности граждан старшего поколения на рынке труда и борьба с дискриминацией по возрастному признаку; вовлечение граждан старшего поколения в активную социальную деятельность, в волонтерство; создание условий для формирования комфортной потребительской среды для граждан старшего поколения и субъектов предпринимательской деятельности через развитие многоформатной инфраструктуры торговли; обеспечение публичности информации о плановых и фактических результатах деятельности программы и т.п.

Следует отметить, что в целях повышения эффективности реализации Поручения, а также обеспечения взаимодействия органов исполнительной власти и местного самоуправления в ходе исполнения Поручения, было проведено соответствующее совещание, протокольными решениями которого были даны ряд рекомендаций органам исполнительной власти и местного самоуправления Республики Крым относительно разработки и утверждения программы «Активное долголетие» с учетом лучших региональных практик.

Реализуя контрольные полномочия выполнения Советом Министров Республики Крым Поручений Президента России по обеспечению необходимых условий для создания спортивных клубов по месту жительства и работы граждан, а также для осуществления деятельности этих клубов, предусмотрев стимулирование членства в них, организацию системы соревнований между такими клубами, их грантовую поддержку за счёт бюджетных ассигнований бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов (часть 3 подпункта «а» пункта 2 Поручения) отмечено, что по состоянию на октябрь 2020 г. в республике функционирует 171 спортивный клуб по месту жительства и работы граждан. Численность занимающихся в клубах – 29 425 человек. В то же время, следует отметить, что часть мероприятий требуют принятия со стороны руководства полуострова большего внимания, а именно:

– обеспечить грантовую поддержку спортивных клубов по месту жительства и работы граждан за счет бюджетных ассигнований бюджета Республики Крым и местных бюджетов;

– обеспечить стимулирование членства в клубах;

– осуществить мероприятия по созданию необходимых условий для создания спортивных клубов.

Также целесообразно обеспечить исполнение комплекса мероприятий по созданию спортивных клубов по месту жительства и работы граждан, в том числе, направленных на привлечение частных инвестиций с учетом лучших региональных практик, рассмотрев также вопрос вовлечения в оборот неиспользуемых земельных участков.

Результатом контроля выполнения мер по обеспечению реализации образовательных программ по направлению «Спорт» региональными центрами выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодёжи, создаваемыми с использованием опыта Образовательного фонда «Талант и успех», предусмотрев формирование инфраструктуры для спортивной подготовки обучающихся в таких центрах (часть 4 подпункта «а» пункта 2 Поручения Президента России) установлено, что региональные центры выявления и поддержки одаренных детей (далее - Центр) создаются в соответствии с поручением Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № Пр-2346 [10] (пункт 4б) с целью обеспечения условий для реализации Стратегии научно-технического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 1 декабря 2016 г. № 642 [11], в рамках приоритетного проекта «Доступное дополнительное образование для детей».

Создание подобного Центра в Республике Крым предусмотрено Паспортом регионального проекта «Успех каждого ребенка» в рамках реализации национального проекта «Образование» за счет средств федерального бюджета.

Протоколом заседания комиссии Министерства просвещения РФ по проведению отбора субъектов РФ на предоставление в 2020-2022 годах субсидии из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ по мероприятию «Создание центров выявления и поддержки одаренных детей» в рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование» от 28 августа 2019 года № МР-27/02пр утверждено приоритетное право на предоставление субсидии в 2024 году Республике Крым на создание Центра.

На отчетную дату осуществляется подготовка технического задания на изготовление проектно-сметной документации для создания Центра с учетом необходимой инфраструктуры и материальной базы по 3 направлениям (наука, искусство, спорт). Имущественный комплекс Центра будет включать в себя инфраструктурные объекты, позволяющие организовать работу по выявлению и сопровождению одаренных детей, в том числе кабинеты для аудиторных занятий, современные лаборатории, хореографические, концертные залы и спортивный комплекс. Для реализации спортивных программ Центра на основе кластерного взаимодействия субъектов спортивной подготовки будут использоваться крупные спортивные инфраструктурные объекты республики.

В соответствии с Методическими рекомендациями по созданию и развитию региональных центров выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, созданных с учетом опыта фонда «Талант и успех» в рамках региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результата федерального проекта «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование» (утверждены Распоряжением Министерства просвещения РФ от 5 декабря 2019 г. № Р-122), к 2024 г. региональные центры будут функционировать во всех субъектах РФ с охватом не менее 5% обучающихся по образовательным программам основного и среднего общего образования в конкретном регионе. При этом, для реализации мероприятий по созданию регионального центра, необходимо заключение соглашения о сотрудничестве между Советом министров Республики Крым и образовательным фондом «Талант и успех» в области развития и реализации интеллектуально-творческого потенциала детей и молодежи в субъекте Российской Федерации.

Относительно реализации мер по обеспечению разработки и утверждения порядка использования населением объектов спорта, находящихся в собственности субъектов РФ или муниципальной собственности, в том числе спортивной инфраструктуры образовательных организаций во внеучебное время (часть 5 подпункта «а» пункта 2 Поручения Президента России) следует отметить, что Министерством спорта Республики Крым разработан порядок использования населением объектов спорта, находящихся в собственности Республики Крым или в муниципальной собственности, в том числе спортивной инфраструктуры образовательных организаций во внеучебное время (далее – Порядок использование объектов во внеучебное время).

При этом в Порядке использование объектов во внеучебное время не в полной мере предусмотрена возможность предоставления указанной инфраструктуры детско-юношеским спортивным школам, физкультурно-оздоровительным клубам по месту жительства и иным организованным группам населения для занятия физической культурой и спортом.

Также установлено, что из 25 муниципальных образований Республики Крым на 1 октября 2020 г. только 3 (городской округ Симферополь, Раздольненский район, Бахчисарайский район) приняли порядок использования населением объектов спорта, находящихся в муниципальной собственности, в том числе спортивной инфраструктуры образовательных организаций во внеучебное время.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что участие аппарата полномочного представителя Президента РФ в работе органов государственной власти

Республики Крым как форма взаимодействия с органами исполнительной власти субъекта РФ позволяет обеспечить реализацию контрольных полномочий Администрации Президента РФ относительно контроля исполнения федеральных законов, указов, распоряжений, поручений и указаний Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ, а также за реализацией федеральных программ.

Проведенный анализ свидетельствует, что именно реализация контрольных полномочий позволяет выявить и устранить недостатки в работе органов власти полуострова, в частности, относительно реализации национальных проектов, региональных программ, ведь на сегодня их реализация является основным инструментом стратегического планирования в стране. Вместе с тем, следует обеспечить максимальное исполнение поручений Президента и протокольных рекомендаций.

Список литературы

1. Максимова К. А. Принципы взаимодействия полномочных представителей Президента Российской Федерации с правоохранительными органами // Инновации и инвестиции. 2015. №4.; Меженина О. В., Полуэктова Н. Н. Полномочные представители Президента в федеральных округах РФ: социально профессиональные аспекты (2000-2014 гг.) // Известия АлтГУ. 2014. №4 (84).; Кокурина О. Ю. Политико-правовые аспекты участия института полномочного представителя Президента России в проведении государственной наградной политики // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2013. №3-2.; Сурков Д. Л. Взаимодействие полномочных представителей Президента в федеральных округах с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2012. №2 (31).
2. Сурков Д. Л. Взаимодействие полномочных представителей Президента в федеральных округах с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2012. №2 (31).
3. Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. N 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» (с изменениями и дополнениями) http://base.garant.ru/12119586/#ixzz6eeFDWVRW
4. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию физической культуры и спорта http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62119
5. Об утверждении Государственной программы развития физической культуры и спорта в Республике Крым (с изменениями на 22 сентября 2020 года) http://docs.cntd.ru/document/4139107306.
6. Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского Края от 29 ноября 2019 года № 822 «Об утверждении региональной программы «Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности жизни граждан старшего поколения в Краснодарском крае» на 2020 - 2024 годы» http://docs.cntd.ru/document/561621078
7. Постановление Правительства Москвы от 18 декабря 2018 года № 1578-ПП «О реализации в городе Москве проекта «Московское долголетие» https://www.mos.ru/authority/documents/doc/40286220/
8. Постановление правительства Ростовской области от 16 декабря 2019 № 945 «Об утверждении региональной программы «Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения в Ростовской области на 2019 – 2024 годыhttps://pravo.donland.ru/doc/view/id/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_945_20122019_15915/
9. Постановление Правительства Воронежской области от 28 мая 2020 г. № 461 «Об утверждении региональной программы «Активное долголетие», направленной на вовлечение граждан старшего возраста в систематические занятия физической культурой и спортом, на 2020 – 2024 годы» http://docs.cntd.ru/document/570806509
10. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. № Пр-2346 http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/53425
11. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» http://kremlin.ru/acts/bank/41449

Boyko K. V. Forms of interaction between the offices of the plenipotentiary representatives of the president of the Russian Federation in the federal districts and the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation (on the implementation of national projects and regional projects in the Republic of Crimea projects and programs) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 198-204.

The article provides a theoretical and legal analysis of the concept of interaction between the plenipotentiary representatives of the President in federal districts, as well as practical aspects of the implementation of

certain forms of interaction with the plenipotentiary representatives of the President in federal districts with the executive authorities of the Republic of Crimea in the implementation of national projects, in particular, «Demography», «Education» and regional projects-programs «Promotion for the women employment in creating the conditions for preschool education for children under the age of three», «Active longevity», «Success of every child», etc.

The purpose of the article is to study the practice of implementation and effectiveness of government programs. The course of implementation of individual national projects and regional programs operating in the Republic of Crimea is analyzed, using materials from the office of the plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the Southern Federal District. It was also found that certain orders of the President of Russia are being partially fulfilled, which leads to difficulties in planning and implementing national projects and regional programs, and also causes a relatively low efficiency of their implementation.

Keywords: office of the plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation, national projects, regional programs, interaction, the Republic of Crimea, executive authorities.

Spisok literaturi

1. Maksimova K.A. Principi vzaimodeistviya polnomochnih predstavitelei Prezidenta Rossiiskoi Federacii s pravoohranitelnimi organami // Innovacii i investicii. 2015. №4.
2. Mezhenina O.V., Poluektova N.N. Polnomochnie predstaviteli Prezidenta v federalnih okrugah RF: socialno professionalnie aspekti (2000-2014 gg.) // Izvestiya AltGU. 2014. №4 (84).
3. Kokurina O.YU. Politiko-pravovie aspekti uchastiya instituta polnomochnogo predstavitelya Prezidenta Rossii v provedenii gosudarstvennoi nagradnoi politiki // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2013. №3-2.
4. Surkov D.L. Vzaimodeistvie polnomochnih predstavitelei Prezidenta v federalnih okrugah s organami ispolnitelnoi vlasti subektov Rossiiskoi Federacii // Vestnik OmGU. Seriya. Pravo. 2012. №2 (31).
5. Ukaz Prezidenta RF ot 13 maya 2000 g. № 849 «O polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiiskoi Federacii v federalnom okruge» (s izmeneniyami i dopolneniyami) http://base.garant.ru/12119586/#ixzz6eeFDWVRW.
6. Perechen poruchenii po itogam zasedaniya Soveta po razvitiyu fizicheskoi kulturi i sporta http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62119.
7. Ob utverzhdenii Gosudarstvennoi programmi razvitiya fizicheskoi kulturi i sporta v Respublike Krim (s izmeneniyami na 22 sentyabrya 2020 goda) http://docs.cntd.ru/document/413910730.
8. Postanovlenie Glavi administracii (gubernatora) Krasnodarskogo Kraya ot 29 noyabrya 2019 goda № 822 «Ob utverzhdenii regionalnoi programmi «Ukreplenie zdorovya, uvelichenie perioda aktivnogo dolgoletiya i prodolzhitelnosti zhizni grazhdan starshego pokoleniya v Krasnodarskom krae» na 2020 - 2024 godi» http://docs.cntd.ru/document/561621078.
9. Postanovlenie Pravitelstva Moskvi ot 18 dekabrya 2018 goda № 1578-PP «O realizacii v gorode Moskve proekta «Moskovskoe dolgoletie» https://www.mos.ru/authority/documents/doc/40286220/.
10. Postanovlenie pravitelstva Rostovskoi oblasti ot 16 dekabrya 2019 № 945 «Ob utverzhdenii regionalnoi programmi «Ukreplenie zdorovya, uvelichenie perioda aktivnogo dolgoletiya i prodolzhitelnosti zdorovoi zhizni grazhdan starshego pokoleniya v Rostovskoi oblasti na 2019 – 2024 godi https://pravo.donland.ru/doc/view/id/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_945_20122019_15915/.
11. Postanovlenie Pravitelstva Voronezhskoi oblasti ot 28 maya 2020 g. № 461 «Ob utverzhdenii regionalnoi programmi «Aktivnoe dolgoletie», napravlennoi na vovlechenie grazhdan starshego vozrasta v sistematicheskie zanyatiya fizicheskoi kulturoi i sportom, na 2020 – 2024 godi» http://docs.cntd.ru/document/570806509.
12. Prikaz Mintruda Rossii ot 12.04.2019 № 242 «Ob utverzhdenii rekomendacii po povisheniyu effektivnosti meropriyatii regionalnih programm, napravlennih na ukreplenie zdorovya, uvelichenie perioda aktivnogo dolgoletiya i prodolzhitelnosti zdorovoi zhizni grazhdan starshego pokoleniya» https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Mintruda-Rossii-ot-12.04.2019-N-242/.
13. Perechen poruchenii po realizacii Poslaniya Prezidenta Federalnomu Sobraniyu ot 1 dekabrya 2016 g. № Pr-2346 http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/53425.
14. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federacii ot 01.12.2016 g. № 642 «O Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federacii» http://kremlin.ru/acts/bank/41449.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 205-210.

УДК 342.951
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-205-210

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ВОИНСКОГО УЧЕТА РФ

Боренштейн А. Л.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Одной из ключевых задач, стоящих перед государством в любой исторический период, является задача по обеспечению обороны страны. От её своевременного, должного и качественного исполнения, прежде всего, зависит безопасность населения, в связи с чем обязанность по прохождению воинской службы закреплена на конституционном уровне в подавляющем большинстве государств. Исключением не является и Российская Федерация, которая не только прописывает воинскую обязанность в своём основном законе, но и предусматривает меры юридической ответственности за её неисполнение. В последние годы значительным законодательным изменениям подверглась сфера административно-правового регулирования воинского учета, что говорит о наличии в ней ряда проблем и трудностей, обуславливает актуальность выбранной темы и требует её тщательного исследования.

Ключевые слова: воинский учет, обязанность, военный комиссариат, взаимодействие, уклонение, должностное лицо, административный штраф.

Обязанность по прохождению воинской службы гражданами РФ мужского пола на сегодняшний день закреплена в основном законе нашей страны – Конституции РФ, ст. 59 которой определяет обязательный характер её осуществления за исключением строго установленных в законе случаев. Государство, возлагая указанную обязанность на каждого российского гражданина, таким образом заботится о реализации функции обороны страны, которая выходит на первый план в целях обеспечения целостности и неприкосновенности её территории. Одной из важнейших задач военного строительства на современном этапе является развитие военной организации государства в соответствии с характером существующих и прогнозируемых военных угроз, интересами национальной безопасности, а также возможностями конкретного государства [1, с. 46-51].

Однако долг по защите Отечества не всегда исполняется российским населением, в связи с чем государство устанавливает меры юридической ответственности за противоправные деяний в указанной сфере. В соответствии с принятым 24.04.2020 Федеральным законом №132-ФЗ российский законодатель усилил меры административной ответственности за правонарушения в области воинского учета, что, безусловно, говорит о существовании проблем и недостатков при правовом регулировании данного рода общественных отношений.

Рассмотрение административно-правового механизма привлечения к ответственности в сфере воинского учета следует начать с изучения особенностей прохождения воинской службы, которые на сегодняшний день закреплены в нормах Федерального закона от 28.03.1998 №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». В соответствии с ним воинская обязанность предусматривает целый комплекс действий, включающих в себя: воинский учет; обязательную подготовку к военной службе; призыв на военную службу; прохождение военной службы по призыву;

пребывание в запасе; призыв на военные сборы и прохождение военных сборов в период пребывания в запасе. Важно при этом отметить, что при исполнении воинской обязанности неизбежно ограничиваются конституционные права и свободы личности, что обусловлено особым характером военной службы [2, с.30-39].

В свою очередь, нормы Кодекса об административных правонарушениях РФ (ст.21.1-21.7 КоАП РФ) закрепляют административную ответственность в области воинского учета, что подчеркивает особую роль государства в сфере обеспечения действия по сбору, обобщению и анализу сведений о количественном составе и качественном состоянии мобилизационных сил РФ. От должной организации воинского учета напрямую зависит эффективность иных, последующих этапов осуществления гражданами воинской обязанности.

Более детально рассматривая особенности административно-правовой ответственности за нарушение воинского учета, следует отметить, что ст.21.1 КоАП РФ закрепляет ответственность за действия по непредставлению в военный комиссариат или в иной орган, осуществляющий воинский учет, списков граждан, подлежащих первоначальной постановке на такой учет (списки подлежащих первоначальной постановке на воинской учет в следующем календарном году подаются не позднее 1 ноября текущего года). Важно при этом отметить, что в соответствии с внесенными в текст данной статьи законодательными изменениями усилены меры административной ответственности за указанные действия должностных лиц организации, органов местного самоуправления, ответственных за военно-учетную работу. В частности, в три раза увеличен размер административного штрафа за указанные деяния (ранее варьировался в пределах от 300 руб. до 1 тыс. руб, теперь составляет от 1 тыс. до 3 тыс. руб.).

Аналогичное наказание теперь предусмотрено и за действия указанных должностных лиц по неоповещению граждан о вызове их по повестке военного комиссариата или иного органа, осуществляющего воинский учет, а также по необеспечению гражданам возможности своевременной явки по такому вызову (ст.21.2 КоАП РФ).

Ужесточена ответственность за деяния по непредставлению соответствующих сведений о лицах, состоящих на воинском учете, представителями организации, осуществляющей эксплуатацию жилых помещений (ст. 21.3 КоАП РФ), должностными лицами учреждений медико-социальной экспертизы (ч. 1 ст. 21.4 КоАП РФ), органов ЗАГС (ч. 2 ст. 21.4 КоАП РФ). Наконец, до 5 тыс. руб. увеличены размеры штрафа за действия граждан, ответственных за военно-учетную работу, по несообщению в военкомат данных о лицах, принятых на работу (учебу) либо уволенных или отчисленных лицах, состоящих на воинском учете (ч. 3 ст. 21.4 КоАП РФ).

Изменения также коснулись и регламентации сроков давности привлечения к ответственности за административные правонарушения в области воинского учета. Теперь они увеличены с двух месяцев до 3 лет.

Подобные изменения, с нашей точки зрения, продиктованы двумя основными факторами. Во-первых, административное законодательство в сфере воинского учета не подвергалось изменениям с 2007 года, в связи с чем имеющиеся санкции потеряли свою актуальность (размеры штрафов не обновлялись в соответствии с уровнем индексации и иными экономическими показателями) и перестали выполнять превентивную функцию. Уполномоченным должностным лицам гораздо проще за-

платить небольшой по размеру штраф, нежели в установленном порядке вести воинский учет граждан (так, обязанности по ведению такого учета ложатся на ответственных лиц организации, если в них трудится хотя бы один военнообязанный сотрудник).

Во-вторых, в последние годы во внутренней политике российского государства всё более серьезный упор делается на вопросах обеспечения должной системы воинского учета, позволяющей ответственным органам и должностным лицам осуществлять необходимый контроль каждого военнообязанного на своевременность исполнения воинского долга, а также выявлять случаи незаконного уклонения от него, наказывая нарушителей.

Так, еще в начале 2019 года российский законодатель позаботился о необходимости совершенствования должного порядка соблюдения воинского учета в отношении отдельных категорий «уклонистов». В этой связи 06.02.2019 г. Президентом РФ был подписан ФЗ №8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе», закрепивший правило, в соответствии с которым лица, у которых отсутствует регистрация по месту жительства или пребывания, не освобождаются от обязанности состоять на воинском учете.

Обозначенные меры были направлены на сокращение количества «уклонистов», пытающихся избежать призыва путем переезда в другой город. До принятия указанных норм действующий закон предусматривал учет граждан «по месту их жительства или пребывания». Иными словами, к территориальному военкомату «приписывались» только те военнообязанные граждане, у которых имелась постоянная или временная регистрация.

Кроме того, вышеуказанный закон установил для ответственных за воинский учет лиц организаций обязанность сообщать в двухнедельный срок в военные комиссариаты сведения о своих сотрудниках, которые должны состоять, но не состоят на воинском учете. Такое расширение обязанностей дополнилось также обязанностью работодателя по вручению своему работнику-уклонисту направления в военкомат для его постановки на воинский учет.

Видим, что государство, увеличивая полномочия обозначенных лиц, в некоторой степени разделяет обязанности специализированных органов с гражданами и организациями, ответственными за военно-учетную работу.

Однако, с нашей точки зрения, подобных мер недостаточно, процесс взаимодействия военных комиссариатов с «гражданскими» учреждениями до сих пор не налажен. Об этом свидетельствуют статистические данные: по данным Главного военного следственного управления СК РФ, за первое полугодие 2020 года в России почти вдвое — в 1,7 раза — увеличилось число случаев уклонения от военной службы [3].

Представляется, что организация воинского учета должна осуществляться в постоянном тесном взаимодействии между уполномоченными сотрудниками различных ведомств и подразделений, в чьи функции входит осуществление подобных мероприятий. К сожалению, такая работа на сегодняшний день ведется очень слабо. Отдельным её аспектам уделяется недостаточно внимания, что в целом негативно влияет на состояние воинского учета в РФ.

Так, например, И.М. Зраева указывает на низкий уровень организации взаимодействия органов внутренних дел с военными комиссариатами по вопросам розыска

граждан, уклоняющихся от исполнения воинской обязанности [4, с. 224-229]. А.И. Мазаник, Ю.Н. Малека, А.И. Пономарёв в своём исследовании среди основных трудностей функционирования военных комиссариатов называют недостаточную на законодательном уровне проработанность в сфере организации взаимодействия с государственными и муниципальными органами власти, учреждениями и организациями [5, с. 30-34]. Неразвитость такого взаимодействия также порождает ещё одну проблему, связанную с невыполнением должностных обязанностей по воинскому учету, зачастую включающим коррупционную составляющую [6, с. 263-264].

Недостаточный уровень взаимодействия между военными комиссариатами и иными органами и организациями порождает ряд практических проблем, одну из которых описывает в своем исследовании И.В. Берентшейн. Изучение правоприменительной практики позволило автору выявить определенные трудности при привлечении к административной ответственности по ст. 21.5 КоАП РФ за действия по несообщению соответствующих сведений о гражданине (об изменении семейного положения, образования, места работы или должности, о переезде на новое место жительства) в военный комиссариат. Так, не совсем понятным становится вопрос, следует ли привлекать призывника к административной ответственности, если такие сведения не сообщаются уполномоченными органами. На практике данный вопрос не урегулирован в должной мере: одни административные субъекты привлекают к ответственности «уклонистов», другие – должностных лиц, третьи – и тех, и других [7, с.40-49].

Подробный анализ законодательства о военной службе говорит о том, что наиболее тесное взаимодействие между военными комиссариатами и иными гражданами и организациями осуществляется на этапах проведения мероприятий по воинскому учету военнообязанного населения, а также призыва на военную службу. В отдельных регионах нашей страны ситуация с таким взаимодействием налажена. Так, например, по словам губернатора Белгородской области Е.С. Савченко «разработка и реализация целого ряда направлений по взаимодействию между региональной властью и военным комиссариатом привели к тому, что между ними сложились эффективные партнерские отношения» [8].

В то же время возлагать ответственность по данному направлению на местные власти, на наш взгляд, видится не совсем правильным. Учитывая масштабы нарушений в данной сфере, следует на федеральном уровне предусмотреть разработку эффективных мер по обеспечению такого взаимодействия. При этом на первом этапе необходимо привести в соответствие нормативную базу.

Полагаем, что современное российское законодательство нуждается в разработке единого нормативного правового акта, посвященного вопросам взаимодействия военных комиссариатов с иными субъектами воинского учета. На сегодняшний день подобный аспект частично регулируется в утвержденной 10 сентября 2007 г. Инструкции «Об организации взаимодействия военных комиссариатов, органов внутренних дел и территориальных органов Федеральной миграционной службы в работе по обеспечению исполнения гражданами Российской Федерации воинской обязанности».

Однако в условиях становления и развития институтов гражданского общества в нашей стране наиболее целесообразным и разумным вариантом видится разработка единого Федерального закона «Об организации взаимодействия военных комисса-

риатов с органами местного самоуправления, общественными и религиозными объединениями, гражданами и организациями», в котором необходимо обозначить правовые и организационные основы, а также основные направления такого взаимодействия. Полагаем, что такой единый нормативный акт по вопросам совместного решения мобилизационных задач станет первым шагом на пути к становлению системы эффективного взаимодействия военных комиссариатов с иными субъектами, прямо или косвенно позволит на законодательном уровне четко разграничить полномочия обозначенных субъектов, и, соответственно, навести порядок в данной сфере на практике.

Таким образом, в целях стабилизации административно-правового регулирования в сфере воинского учета, снижения правонарушений и преступлений в данной области, а также формирования условий для более оперативного реагирования государства на нарушения порядка учета военнообязанных лиц, видится целесообразным разработать на законодательном уровне единый нормативный акт, устанавливающий правовые и организационные основы взаимодействия военных комиссариатов с гражданами, организациями и институтами гражданского общества. Способствовать решению выявленных в исследовании проблем поможет разработка Федерального закона «Об организации взаимодействия военных комиссариатов с органами местного самоуправления, общественными и религиозными объединениями, гражданами и организациями».

Список литературы

1. Слесарский К.И. Современные правовые модели воинской обязанности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – №5 (72). – С. 46-51.
2. Слесарский К.И. Ограничение конституционных прав и свобод личности при исполнении воинской обязанности в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2018. – №6 (258). – С. 30-39.
3.Штрафы не помогли: в России стало больше «уклонистов». Электронный ресурс. URL: https://www.gazeta.ru/army/2020/07/24/13164619.shtml (дата обращения:16.11.2020). – Текст электронный.
4. Зраева И.М. Розыск граждан, уклоняющихся от исполнения воинской обязанности: вопросы взаимодействия органов внутренних дел и отделов военного комиссариата // Вестник БГУ. – 2018. –№3 (37). – С. 224-229.
5. Мазаник А.И., Малека, Ю.Н., Пономарёв, А.И. Проблемные вопросы правового обеспечения деятельности военных комиссариатов и основные направления их решения в интересах МЧС России // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2015. – №2 (25). – С. 30-34.
6. Кузьменко А. В. Административные правонарушения в области воинского учета // Молодой ученый. – 2020. – № 46 (336). – С. 263-264.
7. Беренштейн И. В. Административная и уголовная ответственность призывника // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2013. – №3 (24). – С.40-49.
8. Между областной властью и военкоматом налажено эффективное взаимодействие. Электронный ресурс. URL: https://voenkom.ric.mil.ru/Stati/item/186819/ (дата обращения: 16.11.2020). – Текст электронный.

Borenstein A.L. On The Current State Of Administrative And Legal Regulation Of The Russian Federation In The Field Of Military Accounting // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 205-210.

One of the key tasks facing the state in any historical period is the task of ensuring the country's defense. The security of the population, first of all, depends on its timely, proper and high-quality execution, in connection with which the obligation to undergo military service is enshrined at the constitutional level in the overwhelming majority of states. The Russian Federation is not an exception either, which not only prescribes military service in its main law, but also provides for measures of legal responsibility for non-compliance. In

recent years, the sphere of administrative and legal regulation of military registration has undergone significant legislative changes, which indicates the presence of a number of problems and difficulties in it, determines the relevance of the chosen topic and requires its careful study.

Key words: military registration, duty, military commissariat, interaction, evasion, official, administrative fine.

Spisok literatury

1. Slesarsky K.I. Modern legal models of conscription // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2018. – No. 5 (72). – S. 46-51.
2. Slesarsky K.I. Limitation of constitutional rights and freedoms of the individual in the performance of military duties in the Russian Federation // Journal of Russian law. – 2018. – No. 6 (258). – S. 30-39.
3. The fines did not help: there are more “draft dodgers” in Russia. Electronic resource. URL: https://www.gazeta.ru/army/2020/07/24/13164619.shtml (date accessed: 11/16/2020). - Electronic text.
4. Zraeva I.M. The search for citizens who evade military duty: issues of interaction between the internal affairs bodies and departments of the military commissariat // Bulletin of BSU. - 2018. –№3 (37). - S. 224-229.
5. Mazanik A.I., Maleka, Yu.N., Ponomarev, A.I. Problematic issues of legal support for the activities of military commissariats and the main directions of their solution in the interests of the EMERCOM of Russia // Scientific and educational problems of civil protection. - 2015. - No. 2 (25). - S. 30-34.
6. Kuzmenko A. V. Administrative offenses in the field of military registration // Young scientist. – 2020. – No. 46 (336). – S. 263-264.
7. Berenshtein IV Administrative and criminal liability of a conscript // Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. – 2013. – No. 3 (24). – P.40-49.
8. Between the regional authorities and the military registration and enlistment office, effective interaction has been established. Electronic resource. URL: https://voenkom.ric.mil.ru/Stati/item/186819/ (date of access: 11/16/2020). - Electronic text.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 211-217.

УДК 342.76
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-211-217

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОД РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19

Казанцева Е. В.

Крымский Филиал Краснодарского университета МВД

В статье анализируется нормы международного и национального законодательства, регулирующие порядок ограничения права человека (гражданина Российской Федерации и иностранного гражданина) на свободу передвижения и основания такого ограничения. Делаются выводы о том, что ограничение прав человека на свободу передвижения является следствием защиты высшей ценности человека «права на охрану здоровья человека». На основании изученных правовых актов субъектов Российской Федерации имеющих разные названия, такие например как «О введении чрезвычайного положения», «Об ограничении права на свободу передвижения», «О введении режима повышенной готовности» и так далее, принятых с целью недопущения распространения коронавирусная инфекция (2019-nCoV), автор указывает на недостатки, допущенные высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации при подготовке и утверждении правовых актов, которыми ограничивается право граждан на свободу передвижения по территории субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: ограничение, право на свободу передвижения, коронавирусной инфекции, COVID19, права на охрану здоровья граждан

Общеизвестно, что вспышка коронавирусной инфекции, получившая название «коронавирусная инфекция (2019-nCoV)» или «COVID-19», началась в китайском городке Ухань в декабре 2019, и продолжила свое шествие по всей планете.

11 марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила COVID-19 – пандемией, после чего Россия, как и большинство стран, приняла решение о временном закрытии своих внешних границ, и введении временного ограничения такого права человека как: «права на свободу передвижения».

Первыми мерами по защите здоровья населения и, соответственно, безопасности государства, а также по ограничению права граждан на свободу передвижения принимаются Правительством Российской Федерации, которое 31.01.2020 г. дополняет перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих новым видом заболевания: «коронавирусная инфекция (2019-nCoV)» [6]. А 16 марта 2020 г. вводит временное (с 18 марта по 1 мая 2020 г.), ограничение на въезд в страну для иностранных граждан. В марте 2020 года, на основании решений высших должностных лиц субъектов РФ, введено временное ограничение на передвижение граждан и транспортных средств по территории субъектов РФ. Несмотря на то, что с мая введенные ограничительные меры, как в России, так и в мире, стали постепенно сниматься, осеней всплеск заболевания COVID-19 потребовал от должностных лиц государств повторного введения ограничений права на свободу передвижения.

Повторные введение ограничений в свободе передвижения граждан, введение карантина и штрафных санкций за нарушение требований, в некоторых государства, в том числе и в России, привело к тому, что граждане, привыкшие свободно передвигаться не только в пределах своей страны, стали воспринимать такие ограниче-

ние как нарушение их права на свободу передвижения, закрепленного и в международном законодательстве, и в национальном.

Любые ограничения прав и свобод человека (в том числе законные) воспринимаются, обществом и(или) отдельным человеком «в штыки», и это несмотря на то, что они [ограничения] направлены на защиту их жизни и(или) здоровья и(или) собственности. Вопросы правового регулирования ограничения прав и свобод граждан были, есть и будут актуальны в каждом обществе. Анализирую труды ученых, мнения юристов, политиков и представителей государственной власти, можем отметить две позиции касательно введенных ограничений: одни считают введённые ограничения законными, другие – незаконными, то есть противоречащими законодательству, и прежде всего Основному закону России.

Для того чтобы присоединиться к той или иной позиции необходимо проанализировать международное и национальное законодательство, регулирующее право на свободу передвижения и его ограничение, в период распространения COVID-19.

Прежде всего проанализируем международное законодательство, которое регулирует права человека. И так, право человека свободно передвигаться в пределах каждого государства, закреплено в основных международных актах, а вот вопросы ограничения прав и свобод человека, изложены в них по-разному.

Во Всеобщей декларации прав человека, ограничения распространяются на все закрепленные ею права и свободы человека. При этом они [ограничения] устанавливаются на основании закона и *исключительно* (выделение автора) с целью общего благосостояния в обществе (ч. 3 ст. 29) [1]. Допускает ограничение прав и свобод человека и Международный пакт о гражданских и политических правах, но не всех перечисленные в нем прав и свобод, а только некоторые из них. К примеру, допускается ограничение права на свободу передвижения человека, но только на основании закона и только если это ограничение *необходимо* (выделения автора), к примеру, для охраны здоровья населения (ч. 3 ст. 12) [2].

В российском законодательстве право на свободу передвижения человека закреплено в Конституции РФ (ст. 27). Что касается ограничений, то они распространяются на все закрепленные основным законом права и свободы, и возможны только: во-первых, на *основании* федерального закона, а во-вторых, только *в целях* защиты, к примеру, здоровья лиц, обеспечения безопасности государства и так далее (ч.3 ст. 55) [3].

Следовательно, и международное и национальное законодательство допускает ограничение прав и свобод человека, но только на основании закона и с целью защити более высшего и ценного блага человечества чем то, которое ограничивается.

Конституционная ценность «право на свободу передвижения» граждан России и иностранных граждан, реализована в отраслевом законодательстве, среди которых основными, являются: Закон № 5242-1 от 25.06.1993 [5], ФЗ № 115 от 25.07.2020 [14], Постановление Правительства РФ № 754 от 11.10.2020 [8]. Несмотря на это, отдельные вопросы правового регулирования права на свободу передвижения остаются не разрешенными, к примеру, вопросы регистрации места пребывания или места жительства лиц на территории России или ее субъектах [4].

Вопросы ограничения права на свободу передвижения в России нашли свое отображение в указанных основных нормативно-правовых актах. Так ст. 8 Закона от 25.06.1993 № 5242-1, закрепляет исчерпывающий перечень оснований ограничения

анализируемого права, среди которых, с учетом тематики нашего исследования, содержится указание на ограничения по передвижению на *отдельных* (выделение автора) территориях страны, где введены особые условия проживания населения, в случае опасности распространения инфекционных заболеваний (абз.5). Право на свободу передвижения по территории России или по территории ее субъекта, иностранных граждан, закреплено в ст. 11 ФЗ № 115 от 25.07.2020 г. Вопросы ограничения указанного права, регулируются Постановлением Правительства РФ № 754 от 11.10.2020 г., которым закреплен перечень территорий России, для въезда на которые требуется специальное разрешение, в том числе указано и территорию на которой введены особые условия и режим пребывания в случае опасности распространения инфекционных заболеваний (п. 4).

Таким образом, одним из оснований ограничения права на свободу передвижения человека, как в международном законодательстве, так и в национальном, является опасность распространения инфекционных заболеваний на всей территории государства или отдельных ее частях, а также введение особых условий пребывания. А указание законодателя в нормативно-правовых актах на «отдельные территории» или «территории», в совокупности с полномочиями, закрепленными в ст. 72 Конституции РФ, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о предоставлении законодателем России, права субъектам РФ принимать решения по введению ограничения права на свободу передвижения граждан по территории субъекта РФ, с целью предотвращения (профилактики) распространения COVID-19.

Следует отметить, что деятельность по предотвращению распространения инфекционного заболевания является составной частью деятельности государства по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения страны и, соответственно, условием реализации такой конституционной ценности как «право на охрану здоровья граждан», которая закреплена в ФЗ № 52 от 30.03.1999 [16]. В указанном законе названо и раскрыто ряд понятий, которые применяются в регулировании правоотношений в сфере охраны здоровья граждан, среди которых такие как: 1) «инфекционные заболевания» и «инфекционные заболевания, представляющие опасность для окружающих», которым присущи такие признаки как: распространение или быстрое распространение инфекции; высокий уровень смертности и(или) инвалидности; 2) «карантин или ограничительные мероприятия» – меры (административные, медико-санитарные и так далее), которые направлены на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных.

Проанализировав законодательство, предметом которого является правовое регулирование порядка осуществления ограничительных мероприятий (карантина) на территории России или ее субъектов, следует отметить следующее:

во-первых, ограничительные мероприятия (карантин) вводятся с целью предупреждения возникновения и распространения инфекционных заболеваний, а их введение должно характеризоваться своевременностью (считаем, что это означит его введения на первых этапах возникновения инфекционного заболевания) и в полном объеме (иными словами охватывать все направления деятельности субъекта РФ, с учетом степени и быстроты распространения инфекционного заболевания).

во-вторых, полномочиями по введению и(или) отмене карантина наделены: а) правительство РФ, при введении карантина на территории всего государства; б) органы исполнительной власти субъекта РФ (органы местного самоуправления) на территории субъекта Российской Федерации.

В-третьих, единственным основанием для принятия решения о введении или отмене карантина, (определенным законом) является предписание главных государственных санитарных врачей или их заместителей (ст. 31 ФЗ № 52 от 30.03.1999).

Отметим, что первые рекомендации, связанные с возникновением и распространением коронавирусной инфекции, Главный государственный санитарный врач РФ изложил в постановлении от 2 марта 2020 г. № 5, которым рекомендует высшим должностным лицам субъектов РФ: 1) обеспечить организацию и проведения мероприятий по предупреждению распространения коронавирусной инфекции (п. 1.1 Постановления); 2) вводить ограничительные мероприятия, с учетом складывающейся эпидемиологической ситуации в субъекте (п. 1.2. Постановления) [16].

Несмотря на то, что коронавирусная инфекция в начале 2020 г. характеризовалась быстрой распространения, в том числе большой смертностью, как во всем мире, так и в России, высшие должностные лица субъектов РФ ввели ограничительные мероприятия только во исполнение Указа Президента РФ от 02.04.2020 № 239 (с учетом рекомендаций Главного государственного санитарного врача РФ от 02.03.2020 года). Указом, высшим должностным лицам субъектов РФ, исходя из особенностей распространения коронавирусной инфекции на территории субъекта, предписывалось: «… обеспечить разработку и реализацию комплекса *ограничительных* и иных мероприятий, направленных на улучшение санитарно-эпидемиологической обстановки, в частности установить особый порядок передвижения на территории данного субъекта, лиц и транспортных средств…» (пп. «В» п. 2 Указа), но только в период с 4 по 30 апреля 2020 года (п. 3 Указа) [11]. Указам Президента РФ от 28.04.2020 № 294, ограничительные мероприятия были продлены с 01 по 11 мая 2020 г. [12]. Указом Президента РФ от 11.06.2020 № 316, с целью дальнейшего обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах РФ в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), дано указание: в случае необходимости, продлить действие ограничительных мероприятий, в том числе, особый порядок передвижения на соответствующей территории лиц и транспортных средств [13].

Изучив первые правовые акты (указы, постановления, решения) высших должностных лиц субъектов РФ, принятые в мае 2020 г., как и все последующие, отметим, что они имеют разные названия, к примеру: «О введении режима повышенной готовности» или «О мерах по противодействию распространению в … новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» или «О введении на территории … области режима повышенной готовности для органов управления и сил … областной подсистемы РСЧС и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории … области» или «О введении режима повышенной готовности» или «Об ограничении права на свободу передвижения» и так далее [10], можем отметить, что принимались они во исполнение ФЗ № 68 от 21.12.1994 и характеризовались введением на территории своего субъекта режима повышенной готовности, а также ограничительных мероприятий, в том числе связанных с передвижением граждан и

транспортных средств. И это несмотря на то, что основой указанных нами выше указов Президента РФ и постановлений Главного государственного санитарного врача РФ является санитарно-эпидемиологическое благополучие населения.

Проанализировав ФЗ № 68 от 21.12.1994 с учетом тематики нашего исследования, можем отметить следующее:

Во-первых, анализируемый закон регулирует правоотношения, которые возникаю в *процессе деятельности* (выделение автора) государственных органов указанный в сфере защиты территории страны или ее части и населения от чрезвычайных ситуаций.

Во-вторых, чрезвычайная ситуация – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате различных явлений, в том числе распространение заболевания.

В-третьих, определение основных направлений в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций, а также введение чрезвычайного положения является исключительно полномочием Президента РФ (ст. 80 Конституции РФ, пп «а» ст. 8).

В-четвертых, принимать решение о введении *режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации* (выделение автора) имеют право: 1) правительство РФ – на всей территории России или на любой ее части (п. а1 ст. 10); 2) органы местного самоуправления, но только для органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (пп. «и» ч. 2 ст. 11).

В-пятых, органы государственной власти субъектов РФ имеют право устанавливать дополнительные обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (ч. 1 ст. 11) [14].

Таким образом, в соответствии с нормами закона вводить режим повышенной готовности имеет право только Правительство РФ.

Подводя итог исследованию следует отметить, что:

1) COVID-19 – В России признано заболеванием, которое представляет опасность для окружающих, потому ограничение права на свободу передвижения является результатом защиты и реализации другой конституционной ценности – права на охрану здоровья граждан.

2) Анализ юридической литературы указывает на однозначность интерпретации ч. 3 ст. 55 Основного закона, как возможность (предоставление полномочий) введения ограничения конституционного права, непосредственно «права на свободу передвижения», только в форме федерального закона, к которым следует отнести: Закон № 5242-1, ФЗ № 52 от 30.03.1999, ФЗ № 115 от 25.07.2020.

3) Губернаторы, правительство субъектов РФ, в соответствии с нормами действующего законодательства имеют право вводить ограничительные мероприятия, направленные на предотвращение распространение короновиросной инфекции, но только по предписанию Главного государственного санитарного врача РФ, и руководствуясь статями 5-8 ФЗ № 52 от 30.03.1999, а не ФЗ № 68 от 21.12.1994.

4) Нормы законодательства субъектов РФ не содержат в себе ограничения конституционного права на свободу передвижения, а только лишь уточняют и конкретизируют действия норм федеральных законов, в которых закреплено ограничение конституционных прав человека.

5) Спорность законности введения ограничительных мероприятий на территориях субъектов РФ должностными государственными лицами органов исполнительной власти субъектов РФ является следствием множественности использования понятий и неточность употребляемых терминов.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru
4. Казанцева Е.В. Реализация права на свободу передвижения. Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 4. С.350-357.
5. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 08.12.2020) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru
6. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 02.03.2020 г. № 5 «О дополнительных мерах по снижению рисков завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» // (Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru
7. Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 (ред. от 31.01.2020) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // (Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru
8. Постановлении Правительства РФ от 11.10.2020 № 754 «Об утверждении перечня территорий, организаций и объектов, для въезда на которые иностранным гражданам требуется специальное разрешение» // (Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru
9. Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2020 № 635-р (ред. от 04.12.2020) «О временном ограничении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства и временном приостановлении оформления и выдачи виз и приглашений» // (Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru
10. Справочная информация: «Коронавирус (COVID-19). Введение режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации. Признание форс-мажором» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
11. Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // (Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru
12. Указ Президента Российской Федерации от 28.04.2020 г. № 294 // (Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru
13. Указ Президента РФ от 11.06.2020 № 316 "Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // (Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru
14. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // (Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru
15. Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 15.10.2020) // (Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru
16. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // (Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru

Kazantseva E. V. Legal regulation of restrictions on freedom of movement during the spread of covid-19 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 211-217.

THe article analyzes the norms of international and national legislation regulating the procedure for restricting the right of a person (a citizen of the Russian Federation and a foreign citizen) to freedom of movement and the grounds for such restriction. It is concluded that the restriction of human rights to freedom of movement is a consequence of the protection of the highest human value "the right to protect human health". Based on the study of legal acts of constituent entities of the Russian Federation with different names, such as "the emergency", "On the restriction of the right to freedom of movement and the introduction of high alert" and so on, taken to prevent the spread of coronavirus infection (2019-nCoV), the author points out the shortcomings of the highest officials of subjects of the Russian Federation in the preparation and adoption of legal acts, which restricted the right of citizens to freedom of movement on the territory of the Russian Federation.

Keywords: restriction, the right to freedom of movement, coronavirus infection, COVID19, the right to protect the health of citizens.

Spisok literatury

1. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»
2. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskih pravah (Prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON) // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru
4. Kazanceva E.V. Realizaciya prava na svobodu peredvizheniya. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2019. № 4. S.350-357.
5. Zakon RF ot 25.06.1993 № 5242-1 (red. ot 08.12.2020) «O prave grazhdan Rossijskoj Federacii na svobodu peredvizheniya, vybor mesta prebyvaniya i zhitel'stva v predelah Rossijskoj Federacii» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru
6. Postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 02.03.2020 g. № 5 «O dopolnitel'nyh merah po snizheniyu riskov zavoza i rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii (2019-nCoV)» // (Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru
7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01.12.2004 № 715 (red. ot 31.01.2020) «Ob utverzhdenii perechnya social'no znachimyh zabolevanij i perechnya zabolevanij, predstavlyayushchih opasnost' dlya okruzhayushchih» // (Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru
8. Postanovlenii Pravitel'stva RF ot 11.10.2020 № 754 «Ob utverzhdenii perechnya territorij, organizacij i ob"ektov, dlya v"ezda na kotorye inostrannym grazhdanam trebuetsya special'noe razreshenie» // (Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru
9. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 16.03.2020 № 635-r (red. ot 04.12.2020) «O vremennom ogranichenii v"ezda v Rossijskuyu Federaciyu inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva i vremennom priostanovlenii oformleniya i vydachi viz i priglashenij» // (Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru
10. Spravochnaya informaciya: «Koronavirus (COVID-19). Vvedenie rezhima povyshennoj gotovnosti v sub"ektah Rossijskoj Federacii. Priznanie fors-mazhorom» // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»
11. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.04.2020 g. № 239 «O merah po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya na territorii Rossijskoj Federacii v svyazi s rasprostraneniem novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19)» // (Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru
12. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28.04.2020 g. № 294 // (Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru
13. Ukaz Prezidenta RF ot 11.06.2020 № 316 \"Ob opredelenii poryadka prodleniya dejstviya mer po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v sub"ektah Rossijskoj Federacii v svyazi s rasprostraneniem novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19) // (Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru
14. Federal'nyj zakon ot 21.12.1994 № 68-FZ (red. ot 08.12.2020) «O zashchite naseleniya i territorij ot chrezvychajnyh situacij prirodnogo i tekhnogennogo haraktera» // (Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru
15. Federal'nogo zakona ot 25.07.2002 № 115-FZ «O pravovom polozhenii inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federacii» (red. ot 15.10.2020) // (Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru
16. Federal'nyj zakon ot 30.03.1999 № 52-FZ (red. ot 13.07.2020) «O sanitarno-epidemiologicheskom blagopoluchii naseleniya» // (Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 218-221.

УДК 341.91.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Карявкина Е. А.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

В данной статье рассматривается институт пересмотра постановлений по делу об административном правонарушении. Так же исследуются теоретические и практические вопросы, связанные с полномочиями органов власти отмены постановлений по административным правонарушениям, вступивших в законную силу, в порядке надзора. Рассматриваются источники права, регулирующие процедуру рассмотрения дел об административных правонарушениях в арбитражных судах.

Ключевые слова: административное правонарушение, постановление, надзор, протест, прокурор, арбитражный суд, первая инстанция, арбитражный процесс.

Основными источниками права, регулирующими процедуру рассмотрения дел об административных правонарушениях в арбитражных судах являются два федеральных закона РФ – это Кодекс об административных правонарушениях РФ [1] и Арбитражный процессуальный кодекс РФ [2].

Актуальность темы статьи обусловлена многочисленными судебными разбирательствами в арбитражных судах по требованиям о признании незаконными и подлежащими отмене постановлениям об административных правонарушениях в настоящее время. Процент удовлетворения судами требований заявителей о признании незаконными поставленный об административных правонарушениях весьма незначителен, составляет не более 2-3%. Требования для обращения с жалобой в арбитражный суд, установленные АПК РФ и КоАП РФ, имеют особенности, которые необходимо знать и применять

Пробелы процессуального механизма реализации властных полномочий правоприменительных органов приводят к нарушениям прав и законных интересов организаций в ходе производства по делам из административных правонарушений. Различные процессуальные режимы для обжалования постановлений по административным делам в зависимости от органа, рассматривавшего дело об административном правонарушении (орган исполнительной власти, суд общей юрисдикции, арбитражный суд) приводят к нарушению конституционного обязательства равенства всех перед законом и судом. При этом, практически полностью отсутствует упорядоченная процедура обжалования действий исполнительной власти.

Можно согласиться с определением Стаханова А.И., «административная ответственность — реакция государства на вред, причиненный административным правонарушением, государственная оценка нарушения правовой нормы, охраняемой административно-правовыми санкциями» [3].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях последовательно расширяет поле обеспечения и соблюдения гарантий законности на ста-

дии производства по пересмотру постановлений по делам об административных правонарушениях.

Стадии производства по пересмотру постановлений по делам об административных правонарушениях является необязательной (глава 30 КоАП РФ), поскольку данные акты вступили в законную силу и подлежат исполнению. Круг лица, имеющих право подавать жалобу весьма ограничен: виновное лицо и прокурор. Данная стадия производства является контрольной, т.к. судом проверяется законность и обоснованность вынесенных ненормативных актов. Пересмотр вступивших в законную силу постановлений и решений по делам об административных правонарушениях только в порядке, предусмотренном статьями 30.12 - 30.19 КоАП РФ [4].

По мнению Кикоть В. Я. «особенность административно-правовых норм состоит в том, что большинство административно-правовых норм являются императивными, т.е. определяют соответствующие правила поведения в административно-публичной сфере в виде категорических предписаний, отступление от которых не допускается» [5].

Так, только прокурором субъектов Российской Федерации и их заместителями, может быть принесен в суд протест, полномочный пересматривать такие жалобы, протесты в порядке, предусмотренном статьями 30.12 - 30.19 КоАП РФ.

При осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы, само по себе представление прокурора содержит лишь предложение по устранению выявленных с позиции прокурора нарушений закона и не приводит к возникновению, изменению, прекращению прав лица, которому оно выдано [6].

Порядок рассмотрения дел об оспаривании постановлений о прекращении производства по делу об административном правонарушении, определений об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении определяется, как и для дел об оспаривании постановлений о назначении административного наказания, исходя из положений статьи 207 АПК РФ.

Таким образом правоприменительный орган не уполномочен отменять свой ненормативный акт без постановления суда, даже если получен протест прокурора п. 19.2 Постановления Пленума ВАС РФ от 02 июня 2004 г. № 10 [7].

Обоснованность позиции автора подтверждается арбитражной практикой, согласно которой суды рассматривают постановления об административном правонарушении по протесту прокурора в порядке ст.30.12-30.14 КоАП РФ:

В постановлении Верховного Суда РФ от 05 июля 2018 г. № 18-АД18-31 указано, что «вместе с тем на указанное постановление мирового судьи был принесен протест заместителя прокурора Краснодарского края в порядке статей 30.12 - 30.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в Краснодарский краевой суд. Постановлением заместителя председателя Краснодарского краевого суда от 21 апреля 2017 года постановление мирового судьи судебного участка № 111 г. Туапсе Краснодарского края от 7 июня 2016 года отменено, производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 4 статьи 12.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в отношении Бауэра (Степанова) Д.В. прекращено».

В Решении Арбитражного суда г. Москвы от 08.02.2019г. по делу № А40-262701/18-94-2784 [8] не уполномоченным лицом было отменено постановление

административного органа, вступившее в законную силу. Судом не исследовано, имеет ли ИФНС №25 пересматривать вступившие в законную силу административные решения в порядке надзора.

Неприменение п. 1 ст. 30.14. КоАП подлежащего применению в данном деле повлекло неправильное применение норм материального права.

16.07.2018 г. ИФНС №25 вынесло постановление №29 о прекращении производства по делу об административном правонарушении.

27.07.2018 г. вступило в законную силу постановление №29 ИФНС №25 от 16.07.2018 г. о прекращении производства по делу об административном правонарушении.

23.10.2018 г. ИФНС №25 отменило постановление №29 вынесенное ИФНС №25 от 16.07.2018 г. о прекращении производства по делу об административном правонарушении.

Однако, законодательством не предусмотрено право налоговой инспекции отменять вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении.

Налоговая инспекция не имела полномочий удовлетворить Протест на вступившее в законную силу решение, что подтверждает законодательство и сложившаяся практика: протест приносится в суд на вступившее в законную силу постановление АП (ч. 1 ст. 30.14. и ч. 3 ст. 30.1 КоАП): Постановление Верховного Суда РФ от 05.07.2018 N 18-АД18-31.

Административным органом постановление могло быть обжаловано в арбитражный суд только по правилам гл. 30 КоАП РФ и параграфа 2 гл. 25 АПК РФ (п. 39 "Обзор судебной практики ВС РФ N 5 (2017)", п. 33 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2005 N 5 (ред. от 19.12.2013).

Кроме того, дело № А40-262701/18-94-2784 рассмотрено не по процедуре, установленной ч. 1 ст. 207 АПК РФ, по нормам параграфа 2 гл. 25 АПК РФ и ч. 3 ст. 30.1 КоАП РФ (вопрос 10 "Обзор судебной практики ВС РФ 1 (2014)", п. 19.2 постановления Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. N 10.) Ч.3 ст. 201 АПК РФ не применяется при рассмотрении дел АП.

Можно сказать, что теория – это теория, а практика – это практика, апелляционная инстанция оставила решение без изменения [9].

Количество дел, в отношении которых была устранена судебная ошибка посредством пересмотра, чрезвычайно мало и составляет 2-3 %. Поэтому институт пересмотра постановлений по делу об административном правонарушении арбитражными судами имеет большую значимость как контроль от произвола органов исполнительной власти.

Список литературы

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 95-ФЗ, принят 24 июля 2002 г. (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Стахов А.И. Административная ответственность: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности Юриспруденция» / под ред. А.И. Стахова, Н.В. Румянцева. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, — 2012- С.78.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета, № 80. 19.04.2005.
5. Кикот В.Я., Кононов П.И., Килясханов И.Ш. Административное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.Я. Кикотя, П.И. Кононова, И.Ш. Килясханова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, — 2012. – С.24.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 29 мая 2007 г. № 1865/07 по делу № А73-4482/2006-63// Вестник ВАС РФ. 2007. № 9.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. № 8. 2004.
8. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 08.02.2019г. по делу № А40-262701/18-94-2784, https://kad.arbitr.ru.
9. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда №09АП-10440/2019 от 26.04.2018 г. https://kad.arbitr.ru.

Karyavkina E. A. Procedural features of consideration of cases of administrative offenses in commercial courts of the first instance // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 218-221.

This article discusses the institute for reviewing decisions in the case of an administrative offense. The article is also examines theoretical and practical issues related to the powers of the authorities to cancel decisions on administrative offenses that have entered into legal force in the order of supervision. The sources of law is explored the procedure for consideration of cases of administrative offenses in arbitration courts are considered.

Keywords: administrative offence, decision, supervision, protest, the Prosecutor, the arbitration court of the first instance, the arbitration process.

Spisok literaturi

1. Kodeks ob administrativnih pravonarusheniyah Rossiiskoi Federacii: Federalnii zakon ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (v aktualnoi redakcii) // Sobranie zakonodatelstva RF. 2002. № 1 (ch. 1). St. 1.
2. Arbitrazhnii processualnii kodeks Rossiiskoi Federacii: Federalnii zakon № 95-FZ, prinyat 24 iyulya 2002 g. (v aktualnoi redakcii) // Sobranie zakonodatelstva RF. 2002. № 30. St. 3012.
3. Stahov A.I. Administrativnaya otvetstvennost: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayush'ihsya po specialnosti YUrisprudenciya» / pod red. A.I. Stahova, H.V. Rumyanceva. — 7-e izd., pererab. i dop. — M.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, — 2012- S.78.
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24 marta 2005 g. № 5 «O nekotorih voprosah, voznikayush'ih u sudov pri primenenii Kodeksa Rossiiskoi Federacii ob administrativnih pravonarusheniyah» // Rossiiskaya gazeta, № 80. 19.04.2005.
5. Kikot V.YA., Kononov P.I., Kilyashanov I.SH. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayush'ihsya po specialnosti «YUrisprudenciya» / pod red. V.YA. Kikotya, P.I. Kononova, I.SH. Kilyashanova. — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, — 2012. – S.24.
6. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 29 maya 2007 g. № 1865/07 po delu № A73-4482/2006-63// Vestnik VAS RF. 2007. № 9.
7. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 02.06.2004 № 10 (red. ot 21.12.2017) «O nekotorih voprosah, voznikshih v sudebnoi praktike pri rassmotrenii del ob administrativnih pravonarusheniyah» // Vestnik VAS RF. № 8. 2004.
8. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvi ot 08.02.2019g. po delu № A40-262701/18-94-2784, https://kad.arbitr.ru.
9. Postanovlenie Devyatnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda №09AP-10440/2019 ot 26.04.2018 g. https://kad.arbitr.ru.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 222-236.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 343.4, 341.4
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-222-236

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: ВОПРОСЫ ПРЕДМЕТНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Рублев А. Г.
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

Международный уголовный суд является результатом длительного исторического процесса, в ходе которого общество стремилось наказать виновных в тяжких преступлениях против человечества на основе практики Нюрнбергского Суда и других специальных судов. Предлагается предусмотреть внесение поправок в статут МУС с целью уточнения и расширения его юрисдикции.

Ключевые слова: международные преступления, юрисдикция, государство, военные преступления, международный уголовный суд, ответственность.

К сожалению, конфликты и трагедии сопровождают человечество протяжении всей его истории. Массовые убийства, этнические чистки и другие серьезные нарушения прав человека время от времени случаются в разных уголках мира и в настоящее время, несмотря на бесспорные запреты таких деяний по международному уголовному праву. Тем не менее, современное международное право дает нам механизмы противодействия подобным нарушением.

Исторические истоки международного уголовного права переплетаются с построением международной системы уголовного правосудия. Идея о том, что виновное лицо должно нести ответственность за совершение тяжких преступлений непосредственно перед международным сообществом, возникла одновременно с созданием международных судебных механизмов для уголовно-правового противодействия нижеупомянутым преступлениям.

Без сомнения, указанная практика показала стремление мирового сообщества противостоять безнаказанности и привлечь к ответственности виновных в различных тяжких преступлениях. Уголовное преследование, как на национальном, так и на международном уровнях является сигналом, что человечество не закроет глаза на совершение резонансных преступлений и не остановится, пока справедливость не будет восстановлена.

Между тем, невозможно не исследовать два основных аспекта развития международного уголовного правосудия: неизбежной его политизации и избирательности, определяющей его применение.

Рассмотрим развитие наднациональных органов международного сообщества в сфере уголовной юстиции. Как известно, предшественницей Международного уголовного Суда (далее – МУС) стала Конвенция об учреждении международного уголовного Суда 1937 г. (не вступила в силу). Были и другие предложения создать постоянно действующий орган в том или ином варианте. И хотя ни одно из них не было реализовано, эти инициативы создали почву для основания МУС – первого постоянно действующего мирового Суда по уголовным делам. Неслучайно, что МУС

является одновременно правопреемником и воплощением противодействия мирового сообщества безнаказанности за самые тяжкие военные и иные преступления.

В результате многочисленных инициатив и участия правозащитных организаций в 1998 г. в Риме 120 государств подписали Римский Статут (далее - РС). Устав ввел в действие эффективный механизм для установления и наказания виновных лиц – МУС. Он призван обеспечить неотвратимость наказания лицам, виновным в серьезных нарушениях гуманитарного права, в совершении агрессии и военных преступлений, в тех случаях, когда органы государств по каким-либо причинам не смогли выполнить эту задачу [1].

Таким образом, МУС стал первым постоянным международным судом по уголовным делам, созданным на основе международного договора. Кроме того, МУС является постоянно действующим судом с довольно широкой юрисдикцией с возможностью инициировать рассмотрение дел в Суде Советом Безопасности ООН, Прокурором МУС или государством-участником РС, а также страной, которая его не ратифицировала, однако признала юрисдикцию МУС над конкретной ситуацией.

Следовательно, вышеизложенное отличает МУС от Нюрнбергского, Югославского и Руандийского трибуналов, поскольку все они были трибуналами, созданными для конкретного рассмотрения преступных нарушений, совершенных на одной территории или в рамках одного вооруженного конфликта. В свою очередь, МУС не является частью ни одной международной организации. Это отличает его от Международного Суда ООН, который является органом ООН, хотя и действует независимо.

Компетенция Международного Суда ООН состоит в осуществлении правосудия между государствами. Между тем, задачей МУС является привлечение к ответственности виновных лиц за совершение ими тяжких международных преступлений. Преступления, которые рассматривает МУС: преступления геноцида, военные преступления, преступления против человечности, преступления агрессии.

Как известно, термин «геноцид» (греч., лат. «génos» – род, племя, «caedo» – убиваю) в 1944 г. предложил Рафаэль Лемкин. Ученый считал, что в международном праве должна существовать специальная категория, обозначающая преследования людей за их принадлежность к определенной группе. Впоследствии, в 1948 г., геноцид был признан преступлением, которое грубо нарушает нормы международного права и наносит большие потери человечеству. Особыми признаками геноцида, отличающими его среди других международных преступлений, является: намерение уничтожить полностью или частично любую национальную, этническую, расовую или религиозную группу [2].

В соответствии со статьей 6 РС геноцидом считается: убийство членов соответствующей группы, насильственная передача детей из одной человеческой группы к другой. Меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы.

Рассмотрим в качестве примера акты геноцида последних десятилетий 20 – начала 21 веков: 1994 г. – геноцид этнической группой тутси (Руанда): уничтожено, по разным оценкам, до 1 млн. лиц. Международный трибунал по Руанде признал ответственными за геноцид, в частности, Жан-Поля Акэезу [3], Жана Камбанде [4] (приговорены к пожизненному заключению), Теонесте Багосору (приговорен к 35 годам заключения) [5].

В 21 веке невозможно не отметить события 2002 г. – массовые убийства и другие акты насилия, в т.ч. с применением химического оружия, в Дарфуре (регион Судана): убито более 300 тысяч человек, уничтожено 171 село [6].

Безусловно, преступления против человечности оказывают серьезное разрушительное влияние на человеческую личность, унижающие достоинство, тем самым наносят существенный физический, материальный и моральный вред потерпевшим.

Преступления против человечества могут совершаться как в мирное время, так и во время вооруженного конфликта. Для правильной квалификации этих преступлений необходимо установить, что они являются частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население. Такие преступления являются не единичными случаями, а частью политики, проведению которой способствует или поощряет государство, или определенная организация [7].

К преступлениям против человечности относятся (ст.7 РС): истребление, порабощение, насильственное исчезновение людей. Кроме того, преступление апартеида (политика расовой дискриминации, сегрегации и угнетения). Половое насилие (изнасилование, сексуальное порабощение, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация и другие формы сексуального насилия).

Другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении существенных страданий, или серьезных телесных повреждений, или серьезного ущерба, нанесенного психическому или физическому здоровью. К указанным преступлениям относят незаконное тюремные заключения, пытки.

В компетенцию рассмотрения МУС входят такие виды преступлений как депортация или насильственное перемещение населения, массовые убийства. Ответственность за преступления против человечества предусмотрена Конвенцией о неприменении сроков давности военных преступлений и преступлений против человечества 1968 г.; Конвенцией о прекращении апартеида и наказании за него 1973 г.; РС МУС 1998 года [8].

Выделяется следующая последовательность развития понятия «преступления против человечества». В начале 1940-х гг. британский юрист Херш Лаутерпахт, успешно разработал юридическую концепцию преступлений против человечности. Уже в 1945 г. сформулированная Лаутерпахтом категория «преступления против человечества» впервые признана нарушением международного права, закрепленная в Уставе Нюрнбергского военного трибунала и является одним из пунктов обвинения против нацистского руководства Германии [9].

В послевоенный период, в частности, в 1954 г. преступления против человечества закреплены в перечне международных преступлений в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. В период 1968–1973 гг. произошла отмена сроков давности по преступлениям против человечества (Конвенция о неприменении сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, Конвенция о прекращении апартеида и наказании за него).

Развернутое определение преступлений против человечества в 1996 г. включено в текст проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, принятого Комиссией международного права ООН [10].

И, наконец, в 1998 г. сформулировано самое широкое определение преступлений против человечества, закрепленное в ст. 7 РС МУС. К примеру, установлено, что военные преступления совершаются участниками вооруженных действий и лицами, которые отдают им приказы. Определено, что они совершаются в отношении лиц, не принимающих активного участия в боевых действиях (гражданское население, военнопленные, раненые, больные, медицинский персонал, лица из состава вооруженных сил, сложивших оружие). Указанные деяния могут происходить во время вооруженного конфликта международного и немеждународного характера.

В силу РС к военным преступлениям относятся серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г. (международные преступления, являющиеся грубыми нарушениями законов и обычаев ведения войны), а также дополнительных протоколов к ней и других законов и обычаев, применяемых в вооруженных конфликтах международного и не международного характера, например, целенаправленное нападение на гражданское население, которое не принимает непосредственного участия в военных действиях.

Кроме того, необходимо к военным преступлениям отнести обстрел или нападение на гражданские объекты, не являющиеся военными целями, например, на гражданские населенные пункты, жилые помещения, культурные ценности, а также умышленное совершение действий, направленных на создание массового голода среди гражданского населения, как способа ведения войны, умышленное создание помех для помощи населению, вербовка детей в возрасте до восемнадцати[12] лет в состав вооруженных сил или их использование для участия в вооруженных действиях, причинение ущерба имуществу, не оправданное военной необходимостью, пытки или бесчеловечное обращение, в том числе биологические эксперименты, принуждение военнопленного или другого лица служить в вооруженных силах вражеской стороны, взятие заложников.

Представляет интерес следующее развитие содержания и понятия «военные преступления». Еще в XIX в. в 1864 г. была подписана Конвенция об уходе за ранеными и больными солдатами воюющих армий, которая впервые гарантировала неприкосновенность военных госпиталей, медицинского персонала и права раненых пленных. В 1899 г., 1907 г. приняты Гаагские конвенции о законах и обычаях ведения войны. В 1929 г. подписана в г. Женева Конвенция об обращении с военнопленными, запрещающая репрессии и коллективные наказания военнопленных и определила правила организации их работы.

При этом первое официальное использование понятия «военное преступление» относится к 1945 г., тогда же и дано его определение (ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала). В 1949 г. четыре Женевские конвенции о защите жертв войны определили перечень деяний, которые составляют военные преступления. Среди прочего, основными принципами ведения вооруженных действий согласно Женевским конвенциям являются: гуманное отношение к лицам, которые не принимают активного участия в военных действиях; возможность оказывать помощь раненым.

[1] В соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка относительно участия детей в вооруженных конфликтах от 01.01.2000.

Таким образом, существует утверждение, что союзные военные трибуналы не были собственно органами международного правосудия, а были общими судебными органами государств, которые их учредили. Тем не менее, их создание и судебные процессы, проведенные после 2-й Мировой войны, представляют собой поворотный момент для международного уголовного права. Прежде всего, определены три категории международных преступлений (две из которых представляли собой абсолютную новизну – преступления против человечества и преступления против мира), которые стали сердцевиной международного уголовного права.

В 1954 г. принята Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, а в 1976 г. принята Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. В 1977 г. дополнительными протоколами к Женевским конвенциям 1949 г., касающиеся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, значительно расширен перечень деяний, которые составляют военные преступления.

Еще одним видом преступлений, содержащимся в компетенции МУС – преступления против мира или преступление агрессии, предусмотрено в ст. 5 РС. Во время обсуждения юрисдикции Статута не было серьезных проблем при определении трех других преступлений (геноцид, военные преступления и преступления против человечества), поскольку их определения уже были сформулированы в истории международного гуманитарного права. Конкретный пример этого преступления (в отличие от незаконного оборота наркотиков или терроризма, которые не были включены) заключается в том, что оно уже имело прецедент в судебных процессах в Нюрнберге и Токио.

В рамках этой схемы против агрессивной войны должен быть предусмотрен абсолютный запрет и потенциальное применение уголовного преследования Суда против любого, кто организует, поддерживает или проводит агрессивные или захватнические войны. Его политическая основа заложена в гл. VII Устава ООН. Начало агрессивной войны является преступлением, предусмотренным в обычном международном праве, как любая война, которая не является самообороной или не санкционирована ст. 51 Устава ООН.

Определение преступления было обусловлено главным образом определением, содержащимся в Уставе Нюрнбергского Суда, как «преступление против мира», которое можно разделить на 3 замечания, а именно: первое установило, что для целей Статута рассматриваемое преступление означает действия, совершенные лицом, которое может осуществлять контроль или компетентно руководить политическими или военными действиями; второй вариант добавляется к первому в нарушение Устава ООН, который прибегает к применению вооруженной силы, чтобы нарушать суверенитет, территориальную целостность или политическую независимость государства, где они перечисляют действия, представляющие собой агрессию, отличную от первого варианта; третий, отличается от первого, когда прямо ссылается на ст. 10 Устава проекта, которая касается отношений между МУС и Советом Безопасности.

Как известно, акт агрессии – это незаконное применение государством вооруженных сил против: суверенитета, политической самостоятельности другого государства или любым другим способом, что не соответствует Уставу ООН, территориальной целостности.

К исследуемым преступлениям необходимо также относить действия государства, которое позволяет, чтобы ее территория, предоставленная ею в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства, направление государством или от имени государства вооруженных банд, групп и регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства столь серьезный характер, что это соответствует вышеуказанным деянием, или ее существенное участие в них [11].

Таким образом, в ходе противодействия преступности в мире ключевую роль сыграла активная деятельность международного сообщества по созданию трибуналов – специальных судов для расследования наиболее тяжких преступлений, которые всколыхнули человечество. Однако впоследствии стало понятно, что создание отдельных временных судов для разрешения дел, касающихся только одного конфликта, нерациональное с точки зрения расхода предусмотренных времени и ресурсов. В результате создан единый международный суд для расследования наиболее вопиющих преступлений.

Кроме того, в ряде стран виновные лица в рассматриваемых преступлениях МУС, как правило, на время исполнения полномочий, не несут уголовной ответственности, в отношении них не может быть возбуждено уголовное дело. По сути, это нивелирует положения национальных уголовных кодексов, поскольку нормативное правовое регулирование уголовной ответственности характеризуются иногда реальным отсутствием возможности привлечения некоторых субъектов к ответственности.

Идея индивидуальной ответственности является основополагающим принципом, на котором основана уголовная ответственность, без которой лица, совершившие эти преступления, останутся безнаказанными. Этот принцип, несомненно, важен, когда речь идет о широкомасштабном преследовании за преступления, подобные тем, которые подпадают под юрисдикцию МУС.

Следует отметить, что принцип индивидуальной ответственности исходит из доктрины индивидуалистического либерализма XIX века о типичности преступных деяний, в которой подтверждается тезис о том, что каждое преступление представляет собой уникальное деяние. По этой причине, когда факт, вменяемый обвиняемому, не совсем соответствует юридическому определению, переводчику, например, запрещается расширять сферу действия правила, используя, по аналогии, определение аналогичного или приблизительного преступления (ст. 22 РС).

По сравнению с юрисдикцией ad hoc создание постоянной уголовной юрисдикции означает значительный прогресс, приносящий важные преимущества, например, институциональную стабильность и, прежде всего, в идеале повышение легитимности на основе гарантии беспристрастности, равенства и единообразия в применении закона.

Рассмотрим конкретный пример действия ч. 3 ст. 12 УК РФ, связанный с уголовным преследованием Н. Савченко по факту совершения преступления на территории ведения боевых действий на Донбассе в отношении мирных граждан (журналистов). На первый взгляд судебное разбирательство относится к компетенции Международного уголовного Суда.

Например, если исследовать теоритическую возможность переноса рассмотрения уголовного дела в отношении Н. Савченко в МУС, то такой вариант не был бы возможен с учетом всех обстоятельств дела, поскольку, хотя Россия подписала РС в 2000 г., но в 2016 г. отозвала подпись под РС по причине того, что Суд согласно официальной позиции не является действительно независимым и не оправдал возложенных на него надежд.

Представляет интерес применение принципа male captus bene detentus [12] (Неправильность поимки не ведет к неправомерности задержания). Например, печально известное похищение Адольфа Эйхмана в Аргентине в 1960 г. и похищение подозреваемого террориста Абу Омара в Италии в 2003 г. показывают, что использование незаконных средств было и по-прежнему рассматривается в качестве варианта задержания виновных лиц, особенно когда цели таких мероприятий не считаются с национальным законодательством.

Подводя итоги, необходимо отметить, что МУС предоставляет консультации странам, желающим привлечь к уголовной ответственности виновных в собственных Судах, и оказывает правовую помощь защиты в случаях, когда страны не желают или не могут судить самостоятельно из-за насилия, запугивания, нехватки ресурсов или политической воли. Представляется, что МУС не предназначен для замены национальных судов. Для судебного преследования за упомянутые преступления национальные системы правосудия остаются на переднем крае.

Подтверждением вышесказанного является ст. 1 в соответствии с которой юрисдикция МУС должна носить исключительный и взаимодополняющий характер, то есть она будет осуществляться только в случае явной неспособности или отсутствия готовности национальной судебной системы осуществлять свою основную юрисдикцию. Следовательно, государства имеют приоритет в расследовании и судебном преследовании виновных.

Согласно п. 1 ст.11 РС Суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений, совершенных после вступления Статута в силу. Это также относится к действиям, которые являются общепризнанными преступлениями против международного права, такими как геноцид, и которые согласно универсальному принципу, при котором государства обладают юрисдикцией для рассмотрения дела, независимо от того, где было совершено преступление. В этом отношении Статут отличается от Статута судов Югославии и Руанды.

Распространение запрета обратной силы закона на несущественные положения уголовного законодательства можно рассматривать как защиту права, привлекаемого к ответственности полагаться на процессуальные стандарты, действовавшие на момент совершения преступления, Подчеркивая эту точку зрения в Статуте, мы разграничиваем от предыдущих международные уголовные трибуналы такие как Нюрнбергский трибунал по военным преступлениям и Югославский трибунал.

Кроме того, в Статуте не уточняется, когда преступление считается оконченным. Преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, носят крупномасштабный характер, и ответственность за них возлагается в первую очередь на руководящие органы, ответственные за их планирование. Таким образом, рассматриваемая серия событий может растягиваться на длительный период времени. Проблемы толкования могут возникнуть в отношении того, следует ли рассматривать преступление как совершенное после вступления Статута в силу. Это относится, в частности,

к вопросам национального права, касающимся выбора применимого права в случаях, когда исполнение преступления характеризуется широким временным измерением. Примеры - так называемые длящиеся преступления.

Суд может осуществлять свою юрисдикцию только в отношении преступлений, совершенных на территории соответствующего государства или его граждан после вступления Статута в силу для этого государства. Однако государство может предоставить объяснение в соответствии с п. 3 ст. 12, в котором оно признает юрисдикцию Суда в отношении конкретного преступления.

Договаривающаяся сторона, признает юрисдикцию Суда в отношении преступлений, указанных в ст. 5. Это положение создает «неотъемлемую юрисдикцию»: признание юрисдикции не требует отдельного заявления о намерениях, и государство не может, становясь стороной, выбирать, какие преступления оно признает юрисдикцией Международного уголовного Суда.

Связь между членством в договоре и признанием юрисдикции, предусмотренной в ст. 12, была одним из самых сложных вопросов в переговорах по Статуту. В качестве альтернативы была предложена модель, в которой стороны указали бы в отдельном заявлении либо во время ратификации, либо позднее, в какой степени они признают юрисдикцию Суда. Однако большинство участников конференции сочли невозможным для государств присоединиться к договору, но в то же время отрицать свою юрисдикцию в отношении этих очень серьезных международных преступлений.

РС предусматривает, что государство может при ратификации заявить, что оно исключает юрисдикцию в отношении военных преступлений, охватываемых ст. 8, если преступление предположительно было совершено лицами его гражданства или если преступление предположительно было совершено на его территории.

Более того, суд может осуществлять юрисдикцию на основании заявления Договаривающегося государства или по инициативе прокурора (ст. 13 (a) и (c)), если одно или несколько из следующих государств являются участниками настоящего Статута или прямо признали юрисдикцию. Юрисдикция Суда действует после того, как Совет Безопасности передал дело Прокурору (ст. 13 (b)), связь с государством-участником не требуется.

Предыстория этого положения содержится в предложениях для переговоров, которые ограничивают осуществление компетенции, обусловливая ее согласием определенных государств. В настоящих предложениях, помимо государств, включенных в заключительную статью, список включает государство, на территории которого проживает подозреваемый, и государство проживания жертв преступлений. В различных предложениях эти государства указывались в качестве кумулятивных или альтернативных доноров. Присоединившись к Статуту, государства должны передать свою собственную универсальную юрисдикцию в соответствии с международным правом Суду. Однако такая широкая юрисдикция вызвала широкую оппозицию. Таким образом, юрисдикция Суда в силу условий РС более ограничена, чем юрисдикция государств, признающих юрисдикцию в соответствии с универсальным принципом в их национальном законодательстве.

В согласованной формулировке согласие государства где совершено преступление или государства происхождения подозреваемого определяется как достаточное условие для осуществления юрисдикции. Если гражданин определенного государ-

ства подозревается в совершении преступления на территории государства-участника Статута, суд, в принципе, обладает юрисдикцией при соблюдении других условий юрисдикции, независимо от принадлежности или должности государства-члена происхождения подозреваемого. Однако необходимо принимать во внимание, в частности, принцип субсидиарной юрисдикции. В случае привлечения к ответственности подозреваемого национальное государство имеет средства согласно статьям 17–19 для передачи уголовного дела исключительно своим властям. Значит, в таком случае Суд утратит юрисдикцию.

Подчеркнем, что согласно РС государство, не являющееся «статутным», может путем заявления, адресованного МУС, признать юрисдикцию Суда в отношении конкретного преступления.

Рассмотрим для примера практику взаимоотношений США и МУС. Как известно, в 2020 г. президент Дональд Трамп при поддержке государственного секретаря Майка Помпео подписал распоряжение [14], вводящее серию санкций против должностных лиц МУС за расследование под руководством главного прокурора Фату Бенсуда о военных преступлениях, совершенных, в том числе американскими солдатами, в Афганистане с 2003 года, и других преступлениях, связанных с афганским конфликтом, совершенных на территориях других государств-членов МУС с 2002 года.

Действительно, 20 ноября 2017 г. прокурор Бенсуда запросил в соответствии со ст.15 § 3 Статута МУС, разрешение Палате предварительного производства Суда на возбуждение расследования предполагаемых преступлений против человечества и военных преступлений, совершенных на афганской территории. Инициатива основана на возникших ранее случаях, связанных с бесчеловечными действиями самих американских военных в Ираке, в том числе в тюрьме Абу-Грейб [15], которые вызвали большой резонанс во всем мире и в самих США.

Однако сначала МУС отклонил просьбу прокурора о проведении дальнейшего расследования преступлений против человечества и военных преступлений, предположительно совершенных на территории Афганистана. Судьи сочли, что расследование ситуации в Афганистане на данном этапе «не будет служить интересам правосудия» [16]. Впоследствии, после подачи апелляции прокурором, Апелляционная палата МУС своим решением от 5 марта 2020 г. единогласно санкционировала продолжение расследования [17]. Тот факт, что США, как традиционные сторонники уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, ставят под сомнение роль международного органа уголовного правосудия, может быть противоречивым, но определенно не беспрецедентным.

С момента создания Суда, санкционированного конференцией в Риме 17 июля 1998 г., американцы оспаривали определенные аспекты. Фактически, они входят в число тех 32 государств, которые не ратифицировали Римский статут: подписание договора гарантирует только его подлинность, но без акта ратификации он не имеет обязывающий эффект для государства.

Среди оспариваемых положений США всегда отклоняли положение, предусмотренное в ст.12 Статута Суда, которое дает ему экстерриториальную юрисдикцию в отношении деятельности государства, не являющегося членом, если последнее совершило преступление на территории государства-участника Статута. По той же причине, что США будут подпадать под юрисдикцию Суда для оценки совер-

шенных нарушений, поскольку Афганистан, а также другие страны, где отмечена американская деятельность, присоединились к Статуту еще в 2003 г.

Закон о защите американских военнослужащих стал первой попыткой США бойкотировать Суд и другие государства, начиная с 2002 г. Генеральная прокуратура США решила в качестве встречного ответа отозвать въездную визу для некоторых должностных лиц и самой судебной прокуратуры, пригрозив в будущем индивидуальными экономическими санкциями против должностных лиц, которые активно участвовали в расследовании против них. По словам советника по национальной безопасности Джона Болтона еще в 2018 г., его настойчивое стремление продолжить расследование означало бы посягательство на конституционные права американского народа и суверенитет США.

11 июня противодействие между США и Судом обострились после принятия Президентом США Дональдом Трампом Указа о блокировании собственности определенных лиц, связанных с Международным уголовным судом [18]. Предусмотрены санкции, такие как немедленное замораживание средств и активов, принадлежащих должностным лицам уголовного Суда в СШУ, а также в отношении любого другого иностранного гражданина, который сотрудничал с судом в расследовании. Кроме того, для должностных лиц Суда и членов их семей предусмотрено ограничение на въездные визы в США.

Действия Трампа были основаны на Законе о международных чрезвычайных экономических полномочиях, который дает президенту право вводить экономические и краткосрочные санкции, затрагивающих собственность лиц, представляющих чрезвычайную угрозу национальной безопасности [19]. Именно поэтому используемый в прошлом в отношении конкретных террористических угроз, парадокс его применения к судебным органам, стремящимся противодействовать терроризму, свидетельствует о его очевидности.

Международный уголовный суд постоянно подвергается критике со стороны следующих государств: России, Израиля и Китая, которые никогда не соглашались с ущемлением своей юрисдикции для защиты своих интересов. Этим объясняется намерение некоторых африканских государств, чьи лидеры были подвергнуты судебным процессам, проводимым должностными лицами Суда, планировать выход из договора, который считается инструментом, направленным на распространение гегемонии самых могущественных государств.

Однако Суд продолжает, хотя и «хромая», выполнять свою роль гаранта международного уголовного правосудия перед лицом Америки, которая становится все более непоследовательной в своих политических позициях.

Несомненно, что юрисдикция Суда является дополнительной к юрисдикции государства в зависимости от недееспособности или упущения внутренней судебной системы. Очевидно, что МУС создан для возможности прекращения безнаказанности, которой часто пользуются лица, виновные в совершении тяжких международных преступлений в области прав человека [20].

Таким образом, МУС представляет собой определенный прогресс в области международной правовой безопасности и особую эволюцию международного права, поскольку он создал инструменты, которых до этого не существовало для защиты справедливости и защиты прав человека на международном уровне, несмотря даже на определенную политизированность его деятельности. Как известно, некоторые из

наиболее важных государств международного сообщества (в частности, США, Россия и Китай, три постоянных члена Совета Безопасности) не присоединились к МУС и неоднократно подвергали сомнению практику Суда.

Следует иметь в виду, что среди актуальных вопросов, касающихся деятельности МУС, выделяются проблемы квалификации преступлений и единых подходов к реализации международного уголовного права. Более того, представляется необходимым внести предложения по дополнению в РС по криминализации международного терроризма.

К примеру, кратко рассмотрим отсутствие ответственности по РС за совершение международного терроризма, поскольку его изучение, как глобального явления, требует междисциплинарного реагирования. В свою очередь необходимо отметить, что различные национальные правовые системы по-разному трактовали термин терроризма в ходе эволюции этого понятия, например, существовала необходимость отличать его от законной освободительной войны.

По этой причине США и западные страны, как правило, всегда сопротивлялись из-за очевидных политических трудностей, непреодолимых в контексте холодной войны в 20 веке. Речь идет о столкновении различных международных позиций, основанных на различии между законным революционным насилием и преступным террористическим актом. Это было особенно ясно в прошлом веке и в настоящее время, хотя и в меньшей степени.

Таким образом, процесс определения международного терроризма был частью более широкого противостояния между противоположными идеологиями и целями. Современные террористические действия, осуществленные «Исламским государством», продемонстрировали серьезные отличия от прошлых, привнося или усиливая специфические черты современных террористических стратегических операций; иностранные боевики, систематические «мученики», действия одиноких «волков» создают новые проблемы, как для сотрудников служб безопасности, так и для подвергшихся нападению в целом западного общества и не только. Возникает не террористическая сеть «без лидера», а сложная и разветвленная система, способная соединить широких масс участников, действующих в рамках вооруженной борьбы. Иностранные боевики – это совершенно новый инструмент, используемый для нанесения ударов по западным мегаполисам с особой тактикой вербовки, поддержки и развертывания террористических ячеек. Эти процессы реализуют научные усилия, направленные на изучение того, как формируются радикальные идентичности, и на понимание того, как повернуть вспять эту тенденцию и адекватно противодействовать таким вызовам, а также восстановить и реинтегрировать бывших радикализованных людей.

Безусловно, терроризм предполагает насилие в политических целях, не всякое политическое насилие является терроризмом. По нашему мнению, квалификация, которая наиболее адекватно позволяет нам отличать террористические акты от других актов политического насилия или других обычных преступлений, заключается в конкретной связи - или, точнее, ее отсутствии – между террористом и его жертвами. Они становятся просто символами в общении между террористами и истинной целью: правительством или организацией с правоохранительными органами, от которых ожидается получение уступки или определенного поведения. Жертвы являются непосредственной или инструментальной целью, или «целью», в то время как ос-

новная цель другая. Это ставит жертв в положение особой уязвимости или беззащитности перед лицом нападений, которые не спровоцированы ими и которые по своей природе являются чрезвычайными, внезапными и произвольно выбранными.

В заключении, возможно предположить, что, столкнувшись с невозможностью формулирования международного понятия по определению терроризма, западные страны десятилетиями утверждали, что это определение не является необходимым для принятия мер, ведущих к его искоренению. Вместе с тем террористическая угроза представляет собой одну из самых серьезных опасностей на международном уровне, в том числе потому, что в ней используются новые методы и инструменты по сравнению с прошлым.

Однако не следует недооценивать важность определения исследуемого явления как академической проблемы. Фактически, отсутствие общепринятого определения оказало определенное влияние на разработку правового режима, поддерживаемого ООН. Точно так же концептуальное разногласие до самого недавнего времени выражалось в неоднозначном осуждении со стороны Генеральной Ассамблеи и в ограниченном и сдержанном участии Совета Безопасности. Несмотря на дискуссии по этому поводу, на сегодняшний день нельзя сказать, что существует однозначное определение терроризма как международного преступления. Все это, конечно, оценивается как свидетельство несовершенства МУС, поскольку мировое сообщество, меньше готово отвечать на посягательства упомянутого типа.

Международный уголовный суд квалифицирует в настоящее время использование биологического оружия, ослепляющего лазерного оружия и некоторых типов осколочного оружия как военные преступления, что направлено на улучшение защиты людей в зонах боевых действий.

Международное гуманитарное право направлено на спасение жизней, облегчение страданий и сохранение человечности в вооруженном конфликте. Для людей, находящихся в зонах боевых действий, нарушения международного гуманитарного права имеют драматические последствия. Для обеспечения глобальных мирных инициатив и обеспечения прочной стабильности важно, чтобы военные преступления не оставались безнаказанными. В декабре 2017 г. договаривающиеся государства МУС решили расширить статью 8 Римского статута и сделать использование трех видов оружия, караемых как международное военное преступление: биологическое оружие, ослепляющее лазерное оружие и оружие, поражающее осколками, которые невозможно обнаружить с помощью рентгеновских лучей.

Следовательно, расширение юрисдикции Суда укрепит международное уголовное правосудие и обеспечит надлежащую защиту людей в опасных территориях. Поощрение международного гуманитарного права является важным компонентом внешней политики стран, ратифицирующих поправки к РС МУС, что способствует применению международного гуманитарного права и обеспечению справедливости для жертв военных преступлений. Тем самым совершенствование РС укрепляет фундаментальную предпосылку для эффективного предотвращения военных преступлений, поддержания мира на прочной основе и, в конечном счете, обеспечения стабильности. Посредством последовательного уголовного преследования МУС должен способствовать применению международного гуманитарного права и прав человека во всем мире.

Международное уголовное правосудие в качестве политического и избирательного проекта нередко подвергается критике за попытки монополизировать доктринальное производство, из чего делается вывод, что оно не может претендовать на беспристрастность вне всяких сомнений. Например, в ходе обращения Совета Безопасности в МУС по делу Дарфура в 2005 г., посол Судана при ООН обвинил Суд в том, что он является инструментом для реализации превосходства западных государств над слабыми государствами [21].

В итоге следует констатировать, что эволюция международного уголовного права тесно связана с созданием и развитием международной системы уголовного правосудия. Основная цель этой отрасли права - регулировать и обеспечивать индивидуальную уголовную ответственность за нарушение правил, имеющих основополагающее значение для международного сообщества, международные преступления, а также налагать на государства обязательства по предотвращению и пресечению таких преступлений. В частности, основные элементы преступных деяний, которые включены в юрисдикцию международного уголовного Суда с момента их возникновения: военные преступления, преступления против человечества, геноцид и агрессия. Следовательно, МУС, независимый и обладающий универсальной юрисдикцией, имел бы сдерживающий эффект и в будущем избавил бы бесчисленное количество людей от ужаса и страданий, которые могут повлечь рассмотренные преступления.

Отметим, что отсутствие действенных средств привлечения к уголовной ответственности, например, высших должностных лиц государств может негативно влиять на функционирования целых стран, на обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина. Реальная же возможность уголовного преследования будет служить важным сдерживающим фактором в отношении радикализированных лиц, представителей власти государств заставлять их считаться с национальным законодательством стран и международным уголовным правом.

Список литературы

1. Рабцевич, О.И. Уголовный процесс: учебник / О.И. Рабцевич, В.С. Раменская, О.В. Рябкова, Е.В. Салтыков, Т.А. Соловьева; под ред. д.ю.н., проф. В.С. Балакшина, к.ю.н., доц. Ю.В. Козубенко, д.ю.н., проф. А.Д. Прошлякова. – Москва: Инфотропик Медиа, 2016. URL: https://base.garant.ru/57240800 (дата обращения: 10.04.2020). – Текст: электронный.
2. Понятие геноцида. Историческая обусловленность международно-правового закрепления геноцида как преступления против безопасности человечества / М.В. Арутюнян. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 406-408.
3. Legacy website of the International Criminal Tribunal for Rwanda, AKAYESU, Jean Paul (ICTR-96-4). – URL: http://unictr.unmict.org/en/cases/ictr-96-4 (дата обращения: 27.09.2020). – Текст электронный.
4. Legacy website of the International Criminal Tribunal for Rwanda, KAMBANDA, Jean (ICTR-97-23). – URL: http://unictr.unmict.org/en/cases/ictr-97-23 (дата обращения: 27.09.2020). – Текст электронный.
5. Legacy website of the International Criminal Tribunal for Rwanda, BAGOSORA et al. (Military I) (ICTR-98-41-A). – URL: http://unictr.unmict.org/en/cases/ictr-98-41 (дата обращения: 27.09.2020). – Текст электронный.
6. Amnesty International, Scorched earth, poisoned air. – URL: https://www.amnesty.org/en/latest/news/2016/09/chemical-weapons-attacks-darfur/ (дата обращения: 27.09.2020). – Текст электронный.
7. International Criminal Court, Elements Of Crimes. – URL: https://www.icc-cpi.int/resource-library/Documents/ElementsOfCrimesEng.pdf. (дата обращения: 27.09.2020). – Текст электронный.
8. Каламкарян, Р.А. Россия в рамках международного сотрудничества в борьбе с преступностью / Р.А. Каламкарян. – Текст: электронный // Гражданин и право. – 2011. – № 2. – URL: https://base.garant.ru/55097514 (дата обращения: 15.04.2020). – Режим доступа: по подписке.
9. International Criminal Court, Elements Of Crimes. – URL: https://www.icc-cpi.int/resource-library/Documents/ElementsOfCrimesEng.pdf. (дата обращения: 27.09.2020). – Текст электронный.
10. Ашавский, Б.М. Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов [и др.]; отв. ред. С.А. Егоров. – Москва: Статут, 2015. – 848 с. – URL:

http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/ashavskii_bm_biriukov_mm_bordunov_vd_mezhdunarodnoe_pravo/ (дата обращения: 10.04.2020). – Текст: электронный.
11. Тимошков С.Г. Формирование юрисдикции международного уголовного Суда в отношении преступления агрессии / С.Г. Тимошков. – Текст: электронный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 3. – URL: https://base.garant.ru/77773983 (дата обращения: 22.09.2020). – Режим доступа: по подписке.
12. International Criminal Court, Elements Of Crimes. – URL: https://www.icc-cpi.int/resource-library/Documents/ElementsOfCrimesEng.pdf. (дата обращения: 27.09.2020). – Текст электронный.
13. Лямин, Н.М. Международный уголовный суд и ответственность за преступные нарушения прав человека: специальность 12.00.10 «Международное право. Европейское право»: автореферат дис. на соик. ... к-та юр. наук / Лямин Николай Михайлович; Федер. гос. авт. обр. учреждение высш. образования «Российский университет дружбы народов». – Москва, 2017. – 30 с.– Текст: непосредственный.
14. Макарычев. М. США ввели санкции в отношении руководства Международного уголовного суда / М. Макарычев. Текст электронный // Российская газета. - 2020. URL: https://rg.ru/2020/09/02/ssha-vveli-sankcii-v-otnoshenii-rukovodstva-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-suda.html. (дата обращения: 03.12.2020).
15. Васильев А. Прокурор из Гааги хочет привлечь Пентагон и ЦРУ к суду / А. Васильев. - Текст: электронный // Российская газета. - 2017. - URL: https://rg.ru/2017/11/20/prokuror-iz-gaagi-hochet-privlech-pentagona-i-cru-k-sudu.html (дата обращения: 03.12.2020).
16. МУС отказал прокурору в расследовании преступлений в Афганистане: официальный сайт ООН. URL: http: https://news.un.org/ru/story/2019/04/1353071 (дата обращения: 06.12.2020). – Текст электронный.
17. Прокурор МУС получила «добро» на расследование преступлений, предположительно совершенных в Афганистане с мая 2003 года: официальный сайт ООН. URL: http: https://news.un.org/ru/story/2019/04/1353071 (дата обращения: 06.12.2020). – Текст электронный.
18. Абашидзе, А. «Защита» прав и свобод человека «по-американски» / А. Абашидзе. – Текст: электронный // Российская газета. - 2015. - URL: https://rg.ru/2015/04/20/pravo-site.html (дата обращения: 09.12.2020).
19. H.R. 7738 (95th): International Emergency Economic Powers Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/95/hr7738/text. (дата обращения: 17.12.2020). – Текст электронный.
20. Правовые результаты Нюрнбергского процесса и их современное значение. Доклад главы КС РФ В. Зорькина на конференции, посвященной 65-летию Нюрнбергского процесса. // Российская газета. - 2011. - URL: https://rg.ru/2011/05/16/dokladZorkina-site.html (дата обращения: 03.12.2020).– Текст электронный.
21. Rodrigue Nana Ngassam. La Cour pénale internationale dans la tourmente en Afrique. Le site du Conseil québécois d'Études géopolitiques. – 2020 - URL: https://cqegheiulaval.com/la-cour-penale-internationale-dans-la-tourmente-en-afrique/ (дата обращения: 05.12.2020).– Текст электронный.

Rublev A.G., International criminal court: matters of subject jurisdiction // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 222-236.

The International Criminal Court is the result of a long historical process, during which society sought to punish those responsible for serious crimes against humanity, based on the practice of the Nuremberg Court and other special courts. It is proposed to envisage amending the statute of the ICC in order to clarify and expand its jurisdiction.

Key words: international crimes, jurisdiction, state, war crimes, international criminal court, responsibility.

Spisok literaturi

1. Rabcevich, O.I. Ugolovnii process: uchebnik / O.I. Rabcevich, V.S. Ramenskaya, O.V. Ryabkova, E.V. Saltikov, T.A. Soloveva; pod red. d.yu.n., prof. V.S. Balakshina, k.yu.n., doc. YU.V. Kozubenko, d.yu.n., prof. A.D. Proshlyakova. – Moskva: Infotropik Media, 2016. URL: https://base.garant.ru/57240800 (data obrash'eniya: 10.04.2020). – Tekst: elektronnii.
2. Ponyatie genocida. Istoricheskaya obuslovlennost mezhdunarodno-pravovogo zakrepleniya genocida kak prestupleniya protiv bezopasnosti chelovechestva / M.V. Arutyunyan. – Tekst: neposredstvennii // Aktualnie problemi rossiiskogo prava. 2009. – № 3. – S. 406-408.
3. Legacy website of the International Criminal Tribunal for Rwanda, AKAYESU, Jean Paul (ICTR-96-4). – URL: http://unictr.unmict.org/en/cases/ictr-96-4 (data obrash'eniya: 27.09.2020). – Tekst elektronnii.
4. Legacy website of the International Criminal Tribunal for Rwanda, KAMBANDA, Jean (ICTR-97-23). – URL: http://unictr.unmict.org/en/cases/ictr-97-23 (data obrash'eniya: 27.09.2020). – Tekst elektronnii.
5. Legacy website of the International Criminal Tribunal for Rwanda, BAGOSORA et al. (Military I) (ICTR-98-41-A). – URL: http://unictr.unmict.org/en/cases/ictr-98-41 (data obrash'eniya: 27.09.2020). – Tekst elektronnii.

6. Amnesty International, Scorched earth, poisoned air.¬ – URL: https://www.amnesty.org/en/latest/news/2016/09/chemical-weapons-attacks-darfur/ (data obrash'eniya: 27.09.2020). – Tekst elektronnii.
7. International Criminal Court, Elements Of Crimes. – URL: https://www.icc-cpi.int/resource-library/Documents/ElementsOfCrimesEng.pdf. (data obrash'eniya: 27.09.2020). – Tekst elektronnii.
8. Kalamkaryan, R.A. Rossiya v ramkah mezhdunarodnogo sotrudnichestva v borbe s prestupnostyu / R.A. Kalamkaryan. – Tekst: elektronnii // Grazhdanin i pravo. – 2011. – № 2. – URL: https://base.garant.ru/55097514 (data obrash'eniya: 15.04.2020). – Rezhim dostupa: po podpiske.
9. International Criminal Court, Elements Of Crimes. – URL: https://www.icc-cpi.int/resource-library/Documents/ElementsOfCrimesEng.pdf. (data obrash'eniya: 27.09.2020). – Tekst elektronnii.
10. Ashavskii, B.M. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik / B.M. Ashavskii, M.M. Biryukov, V.D. Bordunov [i dr.]; otv. red. S.A. Egorov. – Moskva: Statut, 2015. – 848 s. – URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/ashavskii_bm_biriukov_mm_bordunov_vd_mezhdunarodnoe_pravo/ (data obrash'eniya: 10.04.2020). – Tekst: elektronnii.
11. Timoshkov S.G. Formirovanie yurisdikcii mezhdunarodnogo ugolovnogo Suda v otnoshenii prestupleniya agressii / S.G. Timoshkov. – Tekst: elektronnii // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitelnogo pravovedeniya. – 2017. – № 3. – URL: https://base.garant.ru/77773983 (data obrash'eniya: 22.09.2020). – Rezhim dostupa: po podpiske.
12. International Criminal Court, Elements Of Crimes. – URL: https://www.icc-cpi.int/resource-library/Documents/ElementsOfCrimesEng.pdf. (data obrash'eniya: 27.09.2020). – Tekst elektronnii.
13. Lyamin, N.M. Mezhdunarodnii ugolovnii sud i otvetstvennost za prestupnie narusheniya prav cheloveka: specialnost 12.00.10 «Mezhdunarodnoe pravo. Evropeiskoe pravo»: avtoreferat dis. na soik. ... k-ta yur. nauk / Lyamin Nikolai Mihailovich; Feder. gos. avt. obr. uchrezhdenie vissh. obrazovaniya «Rossiiskii universitet druzhbi narodov». – Moskva, 2017. – 30 s.– Tekst: neposredstvennii.
14. Makarichev. M. SSHA vveli sankcii v otnoshenii rukovodstva Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda / M. Makarichev. Tekst elektronnii // Rossiiskaya gazeta. - 2020. URL: https://rg.ru/2020/09/02/ssha-vveli-sankcii-v-otnoshenii-rukovodstva-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-suda.html. (data obrash'eniya: 03.12.2020).
15. Vasilev A. Prokuror iz Gaagi hochet privlech Pentagon i CRU k sudu / A. Vasilev. - Tekst: elektronnii // Rossiiskaya gazeta. - 2017. - URL: https://rg.ru/2017/11/20/prokuror-iz-gaagi-hochet-privlech-pentagona-i-cru-k-sudu.html (data obrash'eniya: 03.12.2020).
16. MUS otkazal prokuroru v rassledovanii prestuplenii v Afganistane: oficialnii sait OON. URL: http: https://news.un.org/ru/story/2019/04/1353071 (data obrash'eniya: 06.12.2020). – Tekst elektronnii.
17. Prokuror MUS poluchila «dobro» na rassledovanie prestuplenii, predpolozhitelno sovershennih v Afganistane s maya 2003 goda: oficialnii sait OON. URL: http: https://news.un.org/ru/story/2019/04/1353071 (data obrash'eniya: 06.12.2020). – Tekst elektronnii.
18. Abashidze, A. «Zash'ita» prav i svobod cheloveka «po-amerikanski» / A. Abashidze. – Tekst: elektronnii // Rossiiskaya gazeta. - 2015. - URL: https://rg.ru/2015/04/20/pravo-site.html (data obrash'eniya: 09.12.2020).
19. H.R. 7738 (95th): International Emergency Economic Powers Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/95/hr7738/text. (data obrash'eniya: 17.12.2020). – Tekst elektronnii.
20. Pravovie rezultati Nyurnbergskogo processa i ih sovremennoe znachenie. Doklad glavi KS RF V. Zorkina na konferencii, posvyash'ennoi 65-letiyu Nyurnbergskogo processa. // Rossiiskaya gazeta. - 2011. - URL: https://rg.ru/2011/05/16/dokladZorkina-site.html (data obrash'eniya: 03.12.2020).– Tekst elektronnii.
21. Rodrigue Nana Ngassam. La Cour pénale internationale dans la tourmente en Afrique. Le site du Conseil québécois d'Études géopolitiques. – 2020 - URL: https://cqegheiulaval.com/la-cour-penale-internationale-dans-la-tourmente-en-afrique/ (data obrash'eniya: 05.12.2020).– Tekst elektronnii.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 237-245.

УДК 340.5

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА ЕАЭС В ОБЛАСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА УСЛУГ В СФЕРЕ НАУКИ

Берг Л. Н.

Уральский государственный юридический университет

Право ЕАЭС содержит множество положений, направленных на организацию научного сотрудничества (и сотрудничества в сфере инноваций) государств Союза. Предметом настоящего исследования является совокупность источников права Евразийского экономического союза в области регулирования рынка услуг в сфере науки. Цель работы – классификация источников права, содержащих в себе нормы, регулирующие отношения на рынке услуг в сфере научной деятельности. Методология научного исследования включает в себя диалектический метод, а также общенаучные логические операции (дедукции и индукции, анализ и синтез), так и частнонаучные методы (формально-юридический и сравнительно-правовой методы).

По результатам исследования, автор предлагает собственную классификацию источников права ЕАЭС, содержащих нормы в области правового регулирования научной деятельности и научного сотрудничества в рамках евразийской экономической интеграции. Результаты исследования применимы в дальнейших теоретических исследованиях евразийской экономической интеграции и права ЕАЭС, а также имеют практическую значимость для систематизации законодательства Евразийского экономического союза, развития юридической техники, законотворчества ЕАЭС. Актуальность исследования и научная новизна обусловлена высокой степенью теоретизации.

Ключевые слова: право ЕАЭС, Евразийский экономический союз, интеграция, правовая база, наука ЕАЭС, научное сотрудничество, единый рынок, интеграционные объединения, международное сотрудничество.

В рамках Евразийской экономической интеграции сотрудничество в сфере науки и развития технологий является одним из основополагающих направлений. Данное направление определяет дальнейшее развитие интеграционных процессов в ЕАЭС. Именно от эффективного взаимодействия государств-членов союза зависит значительное повышение уровня конкурентоспособности на мировом рынке в целом, и переоснащение отдельных секторов экономики каждого из государств, в частности. Что приобретает особую актуальность «в условиях перехода к Пятому и Шестому технологическому укладу, которые предполагают глобальные изменения производственного сектора экономики.

Исследование источников права ЕАЭС в области регулирования рынка услуг в сфере науки позволяет изучить основы такого сотрудничества в рамках интеграции. Предмет настоящего научного исследования – совокупность источников права Евразийского экономического союза в области регулирования рынка услуг в сфере науки. Основной целью исследования является проведение и обоснование классификации источников права ЕАЭС, содержащих нормы права, регулирующие правоотношения в области научного сотрудничества стран ЕАЭС. Настоящее исследование носит общетеоретический характер, и на основе применения совокупности определённых методов, которая обеспечивает возможность познания внутреннего

строения правовых явлений, позволяет проанализировать и изучить основные источники права ЕАЭС и провести их классификацию.

При анализе научных исследований в области права ЕАЭС, научного и технологического сотрудничества государств-участников союза удалось выделить следующие категории исследований:

1. Исследования влияния отдельных институциональных образований на развитие права ЕАЭС в сфере научно-технологической интеграции. Так, И.В. Шугурова проводит исследование по выявлению и систематизации полномочий Евразийской экономической комиссии в сфере научно-технологической интеграции государств-членов ЕАЭС [13, с. 114-115].

2. Исследования отдельных правовых положений национальных законодательств и законодательства ЕАЭС на предмет правового регулирования трудовых правоотношений, в том числе, научных сотрудников в рамках интеграционного взаимодействия [12], а также изучение вопросов подготовки кадров и проблем образовательного процесса в ЕАЭС [11].

3. Комплексные исследования. Одним из таких исследований является исследование научного коллектива Уральского государственного юридического университета под редакцией Д.В. Винницкого: «Либерализация сектора услуг по проведению научно-исследовательских работ и внедрению в области общественных и гуманитарных наук в Евразийском экономическом союзе». Данное исследование носит комплексный характер, в нем определен перечень нормативных правовых актов, регулирующих деятельность в рамках соответствующего сектора услуг, проведен анализ на наличие в данных актах административных и иных барьеров, ограничивающих проведение научно-исследовательских работ, разработаны механизмы по выявлению и преодолению таких барьеров [6].

Таким образом, большинство работ по исследованию нормативной базы ЕАЭС в сфере научной деятельности носят фрагментарный характер, ориентированы на отдельные сферы деятельности, институты или отрасли права. Комплексные исследования в данной области, преимущественно, практикоориентированы и решают конкретные проблемы применения норм права ЕАЭС и национальных законодательств в рамках региональной интеграции. Отсутствие концептуальных теоретических исследований, позворяющих провести классификацию источников права ЕАЭС в области регулирования рынка услуг в сфере науки, что еще раз подчеркивает актуальность и научную новизну данной работы.

В первую очередь следует остановиться на основном нормативном правовом акте, Договоре о ЕАЭС. Договор о ЕАЭС содержит множество положений, направленных на организацию научного сотрудничества (и сотрудничества в сфере инноваций) государств Союза в отдельных секторах (видах) деятельности. Одним из основных направлений сотрудничества в рамках региональной интеграции является поддержка научного и инновационного развития [1]. Для эффективного развития высокотехнологичных производств государства-члены Союза проводят совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки.

Научно-исследовательская деятельность в рамках ЕАЭС подлежит косвенному налогообложению. Правила косвенного налогообложения научно-исследовательской деятельности предусмотрены Договором о ЕАЭС. Взимание косвенных налогов осуществляется на территории реализации работ, услуг. Место

реализации работ, услуг - это территория государства-участника интеграции, в том случае, когда, научно-исследовательские, опытно-конструкторские и опытно-технологические (технологические) работы приобретаются налогоплательщиками данного государства. Научно-исследовательские работы для целей налогообложения – организация и проведение научных исследований, в соответствии с техническим заданием заказчика.

В договоре о ЕАЭС особым образом регламентирован вопрос получения специальных компенсирующих мер, в случаях получения субсидии в виде помощи на исследовательскую деятельность. Компенсирующие меры не могут быть приняты при такой специфической субсидии, как помощь на исследовательскую деятельность, осуществляемую хозяйствующими субъектами, а также высшими учебными заведениями и научными учреждениями на контрактной основе с хозяйствующими субъектами, при условии, что такая помощь покрывает не более 75 процентов стоимости промышленных исследований или 50 процентов стоимости разработок на доконкурентной стадии и что она предоставляется исключительно на покрытие:

1) расходов на персонал;

2) расходов на инструменты, оборудование, землю и сооружения, используемые постоянно и только в целях исследований;

3) консультации и подобные услуги, используемые исключительно в целях исследования;

4) дополнительных накладных расходов, понесенных непосредственно в результате исследования;

5) других текущих расходов (на материалы, обеспечение и т.п.), понесенных непосредственно в результате исследования.

Но, к фундаментальным исследованиям, которые проводятся ВУЗами или другими научными учреждениями самостоятельно и независимо, не применяются. Фундаментальное исследование в обязательном порядке должно обеспечивать расширение научных и технических знаний. Цели фундаментальных исследований не должны быть направлены на внедрение новых идей в конкретное промышленное производство и получение прибыли.

Напротив, промышленные исследования должны обеспечивать прирост новых знаний, которые принесут пользу при создании новых товаров или услуг, разработке технологических процессов, а также для их существенного улучшения.

Общий правовой режим рынка услуг по сектору научно-исследовательской деятельности определяется Протоколом о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение № 16 к Договору о ЕАЭС).

В соответствии с данным Протоколом рынок услуг в отдельных секторах должен соответствовать всем признакам единого рынка. Государствам-членам интеграции распространение единого рынка услуг выгодно на максимальное количество секторов услуг, обеспеченное путем постепенного сокращения барьеров и ограничений, предусмотренных в национальном законодательстве.

Государства-члены ЕАЭС совместно с Комиссией ЕАЭС разрабатывают для отдельных секторов рынка услуг, таких как гостиничные услуги, франчайзинговые услуги, услуги инженерных отраслей, планы либерализации. В планах либерализации отдельных секторов рынка услуг закреплены этапы формирования единого рынка. Сроки для государств-участников различны, но они могут приступить к со-

зданию единого рынка услуг между государствами раньше, на условиях взаимности путем двустороннего взаимодействия. Что касается научной деятельности в ЕАЭС, то планы либерализации утверждены по следующим секторам услуг: по проведению научно-исследовательских работ и внедрению в области общественных и гуманитарных наук и по сектору услуг по проведению научно-исследовательских работ и созданию опытных разработок в сфере естественных наук [4].

Исполнение данных планов возложено на соответствующую рабочую группу, начало функционирования единого рынка по данным секторам услуг по проведению научно-исследовательских работ запланировано на 2020 год. До этого времени в данных секторах услуг применяются разделы подразделы 1-4 раздела VI Протокола [5, 6, 8].

Иная международная договорная база, имплементированная в правовую базу ЕАЭС. Международно-договорная база ЕАЭС включает в себя множество многосторонних и двусторонних соглашений, заключенных между государствами ЕАЭС и закрепляющих основы осуществления научных исследований в целом и в отдельных отраслях хозяйствования. При этом такие соглашения могут быть заключены и до подписания Договора о ЕАЭС, таким образом, они интегрируются в уже формируемую договорную правовую базу ЕАЭС, применяются, как правило, в той части, которая не противоречит Договору о ЕАЭС, и дополняют регулирование тех вопросов, которые пока прямо или косвенно не охвачены договорной правовой базой ЕАЭС.

2.1. Многосторонние соглашения. Основные целями интеграции - создание равных возможностей получения образования и доступа к достижениям науки и культуры. Для обеспечения равного доступа к образованию и достижениям науки и культуры, каждому из государств-членов необходимо предпринять меры по устранению барьеров, препятствующих данной деятельности на рынке научных исследований региональной интеграции.

Следует отметить, что и законодательство стран СНГ по вопросам научной деятельности входит в правовую базу ЕАЭС, регулирующую режим научных исследований на территории ЕАЭС, поскольку государства ЕАЭС являются также членами СНГ. Примерами таких нормативных актов являются: Решение Экономического совета СНГ «О ходе работ по подготовке проекта программы научных исследований на казахстанском материаловедческом токамаке» (Принято в г. Москве 11.09.2015) определяет план мероприятий по исследованию на казахстанском материаловедческом токамаке и конкретных участников данных исследований от России, Республики Беларуси, Кыргызской Республики, условия осуществления резидентами данных государств научной деятельности в рамках упомянутого соглашения:

Следует особо отметить Соглашение «О взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях». Соглашение принято до создания Евразийского экономического союза, более того, не все страны-участницы присоединились к данному соглашению, например, соглашение не было ратифицировано Арменией. Тем не менее, оно подлежит применению в части, не противоречащей Договору о ЕАЭС.

Нормы Договора о ЕАЭС содержат в себе лишь некоторые аспекты признания эквивалентности документов об образовании, ученых степеней и званий, в то время

как положения Соглашения вносят дополнения и позволяют применять его субсидиарно.

Нормы договора о ЕАЭС в части признания документов об образовании ученых степенях и званиях, направлены на правовое регулирование взаимоотношений лишь в части оформления трудовых отношений, либо гражданско-правовых отношений, в то время как осуществление научно-исследовательских работ может производиться на основании иных соглашений, например, государственных (муниципальных) контрактов, соглашений, заключаемых по результатам закупок. Соглашение, восполняет указанные пробелы, так как не ограничено только сферой трудовых и гражданско-правовых отношений [7, 8, 9, 10].

2.2. Двусторонние соглашения. Двусторонние соглашения между странами-участницами Евразийской интеграции являются неотъемлемой частью права ЕАЭС в сфере правового регулирования научной деятельности. Помимо этого, они восполняют пробелы в правовом регулировании, если иное не предусмотрено Договором о ЕАЭС или многосторонними соглашениями стран-участниц ЕАЭС, а также содержат некоторые изъятия из общего режима регулирования рынка научных исследований на евразийском пространстве в конкретных сферах сотрудничества.

Рассмотрим на примерах конкретных соглашений между государствами-членами ЕАЭС.

Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан.

Некоторые общие формы сотрудничества в сфере научно-исследовательских работ предусмотрены в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о научно-техническом сотрудничестве (Заключено в г. Москве 25.11.1996).

Однако большую часть двусторонних соглашений между Российской Федерацией и Республикой Казахстан в сфере науки составляют соглашения о научном сотрудничестве в отдельных секторах (отраслях) хозяйствования. Они, как правило, содержат более конкретные нормы о правовом режиме совместных научных исследований. Такие соглашения предусмотрены в следующих отраслях научно-технического взаимодействия:

- сотрудничество в научных исследованиях и разработках в ядерно-энергетической сфере;
- Сотрудничество в производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности;
- Сотрудничество в военно-технической области;
- Сотрудничество в области геологического изучения и использования недр.

Особую категорию соглашений составляют договоры по вопросам взаимного признания документов об образовании, квалификации, аттестации и иным взаимосвязанным вопросам. Выделим конкретные положения:

- Признание эквивалентности выданных документов об образовании, разработка положений о признании новых документов, которые могут быть утверждены после проведения реформ [2].
- Признание квалификационных документов об ученых степенях и званиях, выдаваемых соответствующим национальным органом другой Стороны, а также признание сопоставимости этих документов устанавливается в процессе переаттестации их владельцев [3].

Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь.

Также выделим отдельные отрасли двустороннего взаимодействия Российской Федерации и Республики Беларусь, закрепленные двусторонними соглашениями:

- научно-техническое сотрудничество;
- военное сотрудничество;
- о взаимное признание эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях;
- сотрудничество в области культуры, образования и науки.

Данные соглашения содержат ряд стандартных норм, обязывающих государства обеспечить соблюдение некоторых общих гарантий при осуществлении научных исследований в отдельных отраслях хозяйствования.

Отдельный блок двусторонних соглашений составляют документы Союзного государства. В большинстве своем данные соглашения представляют собой плановые документы, в которых уже прямо определены поставщики услуг в области научно-исследовательских работ либо в которых содержится отчет о выполнении каких-либо запланированных научно-исследовательских работ.

Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Армения.

Основныме двусторонниме соглашения, устанавливающие общие правила осуществления научных исследований субъектами указанных государств ЕАЭС приняты по следующим отраслям:

- в области аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации;
- в области производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности;
- в области научно-технического сотрудничества;
- сотрудничество в гуманитарной сфере;
- о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях.

Данные соглашения устанавливают общий режим научных исследований, который не отличается от режима, устанавливаемого аналогичными соглашениями, заключенными между иными государствами ЕАЭС.

Между тем в Соглашении о расширении научных связей и обмена научной информацией между Российской академией наук и Национальной академией наук Республики Армения (Заключено в г. Москве 11.06.1994) обнаруживаются специальные правила организации научных исследований и режима пребывания научных сотрудников указанных научных учреждений.

Упомянем также о Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о сотрудничестве в области высшего образования (Заключено в г. Москве 11.01.1993), в статье 9 которого Стороны разрешают своим органам государственной аттестации научно-педагогических кадров проводить аттестационную работу по делам граждан государства другой Стороны на возмездной основе. Однако порядок и условия данной аттестационной работы не выявлены.

Соглашения между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой

Некоторые общие формы сотрудничества в сфере научно-исследовательских работ предусмотрены в:

Соглашении о расширении экономического и научно-технического сотрудничества между Республикой Кыргызстан и Санкт-Петербургом (Заключено в г. Санкт-Петербурге 30.05.1993);

Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о сотрудничестве в гуманитарной сфере (Заключено в г. Бишкеке 05.04.2012);

Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о сотрудничестве в области высшего образования (Заключено в г. Москве 29.03.1996).

Данные соглашения содержат ряд стандартных норм, обязывающих государства обеспечить соблюдение некоторых общих гарантий при осуществлении научных исследований.

Иные источники, относимые к правовой базе ЕАЭС. Реализация обязательств государств ЕАЭС в области формирования единого рынка научно-исследовательских работ и устранения в пределах него всевозможных правовых барьеров невозможно без гибкого регулирования, осуществляемого органами ЕАЭС.

Высшим Евразийским экономическим советом утверждены все планы либерализации, в том числе по сектору услуг в области научных исследований [4], а также иные документы по реализации научных исследований в отдельных отраслях хозяйствования.

Евразийская экономическая комиссия также утверждает ряд плановых документов в сфере научных исследований, как правило, в отдельных отраслях хозяйствования.

Таким образом, среди всех источников права ЕАЭС в области регулирования рынка услуг в сфере науки, возможно провести следующую классификацию:

1. Договор о ЕАЭС;
2. Иная международная договорная база, имплементированная в правовую базу ЕАЭС:

- многосторонние соглашения;
- двухсторонние соглашения;

3. Иные источники, относимые к правовой базе ЕАЭС:

- нормативные акты принимаемые Высшим Евразийским экономическим советом;
- нормативные акты, принимаемые Евразийской экономической комиссией.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г.Астане 29.05.2014) // СПС «Консультант Плюс».
2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области культуры, науки и образования (Заключено в г. Москве 28.03.1994) [СПС КонсультантПлюс]
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации (Заключено в г. Москве 28.03.1994) [СПС КонсультантПлюс]
4. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26.12.2016 № 23 «Об утверждении планов либерализации по секторам услуг, указанным в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 30» [СПС КонсультантПлюс]

5. Винницкий Д.В. Налоговое право Евразийского экономического сообщества: правовой режим налога на добавленную стоимость / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.В. Винницкого. – М. : Волтерс Клувер, 2010.
6. Винницкий Д. В. Либерализация сектора услуг по проведению научно-исследовательских работ и внедрению в области общественных и гуманитарных наук в Евразийском экономическом союзе : монография // Издательство Савицкого А. И. — Екатеринбург, 2019. — 365 с.
7. Захаров Е.А. Функционирование единого рынка научно-исследовательских услуг в ЕАЭС и ЕС, сравнительно правовое исследование // «Международное право». — 2018. - № 1. - С.28-34;
8. Курочкин Д.А. Проблемы правового регулирования сектора услуг по проведению научно-исследовательских работ в Евразийском экономическом союзе // «Вестник Санкт-Петербургского университета. Право».- 2019. - Т. 10(2). - С. 332-352;
9. Пустовалов Е.В. Барьеры и ограничения единого рынка услуг ЕАЭС в секторе научно-исследовательских работ // «Международное право и международные организации. International Law and International Organizations». — 2018. - № 3. - С.16-26;
10. Савицкий А.И. Фискальные барьеры на пути к единому рынку услуг в секторе научно-исследовательских работ в Евразийском экономическом союзе // «Евразийский юридический журнал». – 2017. -. № 11. - С. 209-212.
11. Тулейко Е. В. Система совместной подготовки кадров государств-членов ЕАЭС// «Современная Европа». - 2020. - №3. - С. 181 - 187.
12. Чанышев А. С. Некоторые вопросы правового регулирования труда отдельных категорий работников в странах Евразийского экономического союза // «Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». - 2017. - № 10. - С. 138-147.
13. Шугурова И.В. Полномочия Евразийской экономической комиссии в сфере научно-технологической интеграции государств-членов ЕАЭС // «Вестник саратовской государственной юридической академии». - 2020. - № 5. - С. 114 – 128.

Berg L.N. Problems of classification of the EAEU law sources in the sphere of the regulation of science services market // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 237-245.

The EAEU law contains many provisions aimed at organizing scientific cooperation (and cooperation in the field of innovation) of the Union states. The subject of this article is a research of sources of law of the Eurasian Economic Union in the field of regulation of the market for science services. The author makes attempt to classify sources of law that contain norms that regulate relations in the market for scientific activity services. The methodology of scientific research includes the dialectical method, as well as general scientific logical methods (deduction and induction, analysis and synthesis), and special scientific methods (formal legal and comparative legal methods).

Based on the results of the study, the author proposes his own classification of the sources of the EAEU law, containing norms in the field of legal regulation of scientific activity and scientific cooperation within the framework of Eurasian economic integration. The results of the study are applicable in further theoretical studies of the Eurasian economic integration and the law of the EAEU, and also have practical significance for the systematization of the legislation of the Eurasian Economic Union, the development of legal technology, lawmaking of the EAEU. The relevance of the research and scientific novelty are proven by a high degree of theorization.

Keywords: EAEU law, Eurasian Economic Union, integration, legal framework, EAEU science, scientific cooperation, single market, integration associations, international cooperation.

Spisok literatury

1. Dogovor o Evrazijskom ekonomicheskom soyuze (podpisan v g.Astane 29.05.2014) // SPS «Konsul'-tant Plyus».
2. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan o sotrudnichestve v oblasti kul'tury, nauki i obrazovaniya (Zaklyucheno v g. Moskve 28.03.1994) [SPS Konsul'tant-Plyus]
3. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan o sotrudnichestve v oblasti podgotovki i attestacii nauchnyh i nauchno-pedagogicheskih kadrov vysshej kvalifikacii (Zaklyucheno v g. Moskve 28.03.1994) [SPS Konsul'tantPlyus]

4. Reshenie Vysshego Evrazijskogo ekonomicheskogo soveta ot 26.12.2016 № 23 «Ob utverzhdenii planov liberalizacii po sektoram uslug, ukazannym v Reshenii Vysshego Evrazijskogo ekonomicheskogo soveta ot 16 oktyabrya 2015 g. № 30» [SPS Konsul'tantPlyus]
5. Vinnickij D.V. Nalogovoe pravo Evrazijskogo ekonomicheskogo soobshchestva: pravovoj rezhim naloga na dobavlennuyu stoimost' / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. D.V. Vinnickogo. – M. : Volters Kluver, 2010.
6. Vinnickij D. V. Liberalizaciya sektora uslug po provedeniyu nauchno-issledovatel'skih rabot i vnedreniyu v oblasti obshchestvennyh i gumanitarnyh nauk v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze : mo-nografiya // Izdatel'stvo Savickogo A. I. — Ekaterinburg, 2019. — 365 s.
7. Zaharov E.A. Funkcionirovanie edinogo rynka nauchno-issledovatel'skih uslug v EAES i ES, sravnitel'no pravovoe issledovanie // «Mezhdunarodnoe pravo». — 2018. - № 1. - S.28-34;
8. Kurochkin D.A. Problemy pravovogo regulirovaniya sektora uslug po provedeniyu nauchno-issledovatel'skih rabot v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze // «Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo».- 2019. - T. 10(2). - S. 332-352;
9. Pustovalov E.V. Bar'ery i ogranicheniya edinogo rynka uslug EAES v sektore nauchno-issledovatel'skih rabot // «Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii. International Law and International Organizations». — 2018. - № 3. - S.16-26;
10. Savickij A.I. Fiskal'nye bar'ery na puti k edinomu rynku uslug v sektore nauchno-issledovatel'skih rabot v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze // «Evrazijskij yuridicheskij zhurnal». – 2017. -. № 11. - S. 209-212.
11. Tulejko E. V. Sistema sovmestnoj podgotovki kadrov gosudarstv-chlenov EAES// «Sovremennaya Evropa». - 2020. - №3. - S. 181 - 187.
12. Chanyshev A. S. Nekotorye voprosy pravovogo regulirovaniya truda otdel'nyh kategorij rabotni-kov v stranah Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza // «Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA)». - 2017. - № 10. - S. 138-147.
13. Shugurova I.V. Polnomochiya Evrazijskoj ekonomicheskoj komissii v sfere nauchno-tekhnologicheskoj integracii gosudarstv-chlenov EAES // «Vestnik saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii». - 2020. - № 5. - S. 114 – 128.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 246-250.

УДК 341.9
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-246-250

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ВО ВНУТРЕННЮЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РЕСПУБЛИКИ НАМИБИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Шатская В. В.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В настоящей статье рассматривается процесс формирования национальной правовой системы Республики Намибия в историко-правовом аспекте. Намибия как небольшое государство, длительное время, находившееся под влиянием оккупационных государств, полностью игнорировавших демократические принципы международного права, приступила к формированию собственной правовой системы лишь после получения суверенитета в 1990 г. Этим обусловлен монистический подход во внутреннем правовом режиме Республики Намибия, который закрепляет непосредственное применение международного права на всей территории государства. Имплементация норм и принципов международного право во внутреннюю правовую систему Намибии произведена на высшем законодательном уровне - в Конституции, что свидетельствует о направленности как внутренней, так и внешней политики Намибии на приверженность принципам мирового сообщества.

Ключевые слова: Республика Намибия, конституция, международное право, правовая система.

В годы становления современного международного права ряд малых государств, особенно в Африке, находились под иностранной оккупацией, и, поскольку они не достигли суверенного правления, то не могли участвовать в разработке современного международного права. В свою очередь, институт международного права оказывал значительное воздействие на формирование внутренних правовых систем таких государств.

Республика Намибия расположена в Юго-Западной Африке, имеет население около 2,5 миллиона человек и территорию, площадью 824,3 тысячи км² [1]. Длительное время Намибия находилась под воздействием различных колониальных государств, что значительным образом сказалось на формировании ее внутренней правовой системы.

С 1884 г. по 1915 г. Республика Намибия находилась под жёстким колониальным правлением Германии. В свою очередь, необходимо отметить, что вклад Германии в развитие непосредственно правовой системы Намибии был незначительным. Одним из основных последствий нахождения Республики под влиянием Германии на сегодняшний день является то, что немецкий язык в Намибии признан одним из национальных языков наряду с африкаанс, гереро, ошивамбо и английским [2].

В 1915 г. после поражения Германии в Первой мировой войне Южно-Африканский Союз получил мандат Лиги Наций на административное управление Намибией. Управление такого типа планировалось осуществлять на протяжении того периода времени, пока жители подконтрольных территорий не станут способны управлять государством самостоятельно. Однако, после Второй мировой войны

территория Намибии оказалась аннексирована Южно-Африканским Союзом (Южно-Африканская Республика с 1961 г.) и находилась в статусе провинции фактически до приобретения независимости в 1991 г. [3].

До обретения независимости Намибия не была полноценным участником международной правовой системы, ввиду того, что ее суверенитет еще не был установлен. Республика была субъектом международного права только в тех случаях, когда международное сообщество обсуждало незаконную оккупацию Намибии Южно-Африканской Республикой.

Тот факт, что международное право рассматривалось как неотъемлемая часть национального права Южно-Африканской Республики и автоматически применялось во внутреннем праве государства, оказал значительное влияние на имплементацию норм международного права в правовую систему Намибии.

В 1990 г. Намибия приняла собственную конституцию, которая была расценена мировым сообществом как отличный пример закрепления суверенности и демократии [4].

Конституция Республики Намибия не только являлась положительной с точки зрения международного права, но также регулировала отношения между международным правом, как обычным, так и договорным, и правом национальным. Конституция устанавливала условия и обстоятельства, при которых международно-правовые нормы могут действовать в рамках внутреннего права Намибии.

Описывая конституцию Намибии в рамках международных отношений и международного права через десять лет после обретения независимости, Герхард Эразмус утверждал: «В течение первых десяти лет независимости Намибия преуспела в формировании своей международной репутации. Содержание принятой конституции и то, как правительство в целом следует ее положениям, цитируются в поддержку этой положительной оценки» [5].

Необходимо отдельно отметить, что Намибия придерживается монистического подхода в своем внутреннем правовом режиме, в отношении как обычных, так и договорных норм. Что касается обычного международного права, то Намибия не изменила своего правового положения, существовавшего до получения независимости, так как обычное международное право напрямую применяется во внутреннем праве государства. С другой стороны, внутреннее положение договорного права было противоположным. В отличие от ранее существовавшего права, где договора регулировались традиционной дуалистической теорией, согласно новому конституционному и правовому порядку 1990 года они регулируются монизмом.

Теория монизма предполагает, что нет необходимости законодательно инкорпорировать международные соглашения во внутреннее право Намибии: они являются самоисполняющимися. Монистический подход стремится ограничить возможность парламента преобразовывать нормы международного права. Однако, если положение Намибии о международном праве согласовано с другими конституционными положениями, в частности с теми, которые касаются полномочий президента и парламента, в отношении некоторых норм международного права становится ясно, что отдельные соглашения все же требуют ратификации парламентом для того, чтобы стать частью законодательства Намибии [6].

Стоит отметить, что в Конституции Намибии отражен позитивный подход к международному праву. Ряд статей Конституции относится к международному пра-

ву или, скорее, положительно относится к нему. В преамбуле к Конституции провозглашается, что народ Намибии желает укреплять между собой достоинство личности, а также единство и целостность намибийской нации «среди народов мира и в сотрудничестве с ними».

Конституция также провозглашает, что национальная территория Намибии состоит из всей территории, «признанной международным сообществом через органы Организации Объединённых Наций». Кроме того, в соответствии со статьей 95 Конституции, одним из принципов Республики Намибия является то, что государство должно активно поддерживать благосостояние людей, принимая, среди прочего, политику, направленную на членство в Международной организации труда (МОТ) и, где это возможно, присоединение к международным конвенциям и действиям в соответствии с рекомендациями МОТ [7].

Статья 96 Конституции, которая отражает порядок внешних сношений Намибии гласит, что Государство в своих международных отношениях должно стремиться к тому, чтобы принимать и поддерживать политику неприсоединения, способствовать международному сотрудничеству, миру и безопасности, создавать и поддерживать справедливые и взаимовыгодные отношения между народами, способствовать уважению международного права и договорных обязательств, поощрять разрешение международных споров мирными средствами.

Позитивное отношение Конституции к международному праву основано на множестве факторов. Прежде всего, опыт длительного периода колониального правления апартеида при полном пренебрежении международным правом и неповиновении международному сообществу напомнил создателям Конституции, что прежде всего они должны создать такую правовую систему, которая бы опиралась на твердые принципы международного права. Кроме того, отцы-основатели Конституции считали, что намерение внедрить демократические ценности не должно ограничиваться национальными границами страны, а должно полностью соответствовать международному поведению Намибии – отсюда провозглашённая приверженность вновь созданного намибийского государства общим стандартам поведения, согласованным подавляющим большинством членов международного сообщества [8].

Существующий статус и роль как обычного, так и конвенционного международного права во внутреннем праве Намибии теперь регулируются Конституцией. В последней прямо признается международное право, его роль и функции во внутреннем праве Намибии. Соответствующая статья 144 Конституции прямо и недвусмысленно закрепляет следующее: «Если иное не предусмотрено настоящей Конституцией или Актом парламента, общие нормы международного публичного права и международные соглашения, обязательные для Намибии в соответствии с настоящей Конституцией, являются частью законодательства Намибии». Действие этого положения заключается в том, чтобы обеспечить прямое и автоматическое применение как общих норм международного публичного права, так и международных соглашений во внутреннем праве Намибии с двумя основными оговорками. Во-первых, общие нормы международного права и международные соглашения могут быть исключены из прямого применения во внутреннем праве самой Конституцией Намибии. Во-вторых, они могут быть исключены на основании парламентского акта. Но до этого, общие нормы международного права и международные соглашения

непосредственно включены во внутреннее право Намибии. Эти правила подлежат непосредственному исполнению всеми государственными и муниципальными учреждениями, в том числе судами. Подобное включение положений о международном праве в Конституцию фактически придаёт нормам международного права конституционный статус [7].

Из содержания статьи 144 Конституции следует, что автоматическое применение международного права в законодательстве Намибии не является абсолютным, оно может быть исключено Конституцией или законом. Это единственные признанные исключения и ограничения автоматического включения международного права в законодательство Намибии. Эти исключения вытеснили акт государственной доктрины и нормы прецедентного права, которые, согласно ранее существовавшему праву, также были признаны способными исключить внутреннее действие обычного международного права.

В свою очередь, отказ от этих исключений может потенциально повлечь за собой некоторые проблемы, особенно для судебной и исполнительной ветвей власти Республики. Прежде всего, прецедентное право является важным аспектом любой правовой системы, особенно системы с атрибутами общего права, такой как система Намибии. Суды низшей инстанции Намибии должны будут следовать прецеденту судов высшей инстанции, даже если их решения противоречат нормам международного права, особенно обычного международного права. Кроме того, существуют определённые вопросы, по которым окончательное решение принимают органы исполнительной власти, типичный пример – национальная безопасность. Однако с учётом проактивности национального законодательства Намибии по отношению к международному праву можно разумно предположить, что судебная система сможет согласовать международные обязательства Намибии с этими двумя правилами и обеспечит выполнение ими первых.

Также стоит отметить, что в соответствии со статьей 66 Конституции Намибии общее право Намибии, действовавшее на дату обретения независимости, остается в силе в той степени, в которой такое общее право не противоречит Конституции Намибии или любому другому нормативному акту. Это положение обеспечивает преемственность правовых норм с периода правления Южно-Африканской Республики до периода независимости и в последующий период. Таким образом, статья 66 дополняет статью 144 Конституции и усиливает статус международного права во внутреннем праве Намибии.

На сегодняшний день, конституционная стратегия Намибии является рациональным и весьма предпочтительным способом включения международного права во внутреннее право государства. Данный подход обеспечивает ясность, достоверность и предсказуемость. Наиболее важно то, что, как высший закон страны, Конституция пользуется неоспоримым уважением на общенациональном уровне [9].

Созданная правовая система Намибии коренным образом изменила статус статус Республики на международной арене. Подобное правовое устройство делает внутригосударственное право Намибии дружественным к международному праву, это укрепляет единство и взаимодействие между двумя правовыми режимами, национальным и международным, а также делает международное право более эффективным на внутригосударственном уровне. Граждане могут ссылаться на международные нормы и напрямую полагаться на них в государственных и муници-

пальных учреждениях, национальных судах и иных органах с аналогичными атрибутами.

Список литературы

1. World Population Prospects: Highlights// United Nation, Department of Economic and Social Affairs, New Yourk. - 2019. – 6 p.
2. Katjavivi Peter. A history of resistance in Namibia, Paris: UNESCO, 1988. – 56-57 pp.
3. Matz Nele. Civilization and the mandate system under the League of Nations as origin of Trusteeship", in Max Planck Yearbook of United Nations Law, Volume 9, edited by A.von Bogdandy and R. Wolfram, Leide, " Koninklijke Brill, 2005. – 47- 95, 73 pp.
4. Erasmus Gerhard. The Constitution, its impact on Namibian statehood and politics, in State, society and democracy: a reader in Namibian politics, edited by C. Keulder. Windhoek: Gamsberg Macmillan: 77, 2010 – 107-101 p .
5. Mushelenga Peya. Principles of foreign policy, in Bösl A. and Du Pisani A (Eds.), 2014, Namibian Foreign Relations, Windhoek: Macmillan Education Publishers, 2014. – 59-78 pp.
6. Onkemetse Tshosa. National Law and International Human Rights Law: Cases of Botswana, Namibia and Zimbabwe. Aldershot: Ashgate, 2001. – 141-142 pp.
7. Constitution of the Republic of Namibia, Act No. 1 of 1990, Government Gazette, 1990-03-21, No. 2. – 1-80 p.
8. Cliffe Lionel. The transition to independence in Namibia, Boulder: Lynne Reinner Publishers, 1994. – 16 p.
9. Skjærseth Birger Jon, Stokke and Wettestad Jorgen. Soft law, hard law, and effective implementation of international environmental norms, in Global Environmental Politics, 6, no 3, 2008. – 10 p.

Shatskaya V. V. The Implementation of international law into the domestic legal system of the Republic of Namibia, historical and legal perspective // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 246-250.

This article examines the process of formation of the national legal system of the Republic of Namibia from a historical and legal perspective. Namibia, as a small state, which was for a long time under the influence of the occupying states, which completely ignored the democratic principles of international law, started to form its own legal system only after gaining sovereignty in 1990. This explains the monistic approach in the domestic legal regime of the Republic of Namibia, which enshrines the direct application of international law throughout the state. The incorporation of the rules and principles of international law into Namibia's domestic legal system has taken place at the highest legislative level, in the Constitution of the State, which demonstrates the commitment of both Namibia's domestic and foreign policies to the principles of the world community.

Key words: Republic of Namibia, constitution, international law, legal system.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 251-260.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 347.121.1
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-251-260

ПРАВО ГРАЖДАНИНА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ИЗОБРАЖЕНИЯ: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ КРИТЕРИЕВ НЕПРАВОМЕРНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье исследуются проблемы защиты изображения гражданина, как одного из нематериальных благ, охраняемых гражданским законодательством Российской Федерации. Авторы обращают внимание на необходимость совершенствования гражданского законодательства в сфере охраны личного изображения гражданина и способов восстановления нарушенного права, так как в связи с развитием технологических возможностей и появлением новых интернет-платформ проявляются аспекты, не рассмотренные ранее, в связи с чем возникают правовые пробелы. Анализируя критерии неправомерности использования изображения граждан, авторами изучена судебная практика, выделены основные проблемы и установлены основные условия необходимые для эффективной защиты нарушенного права. На основе анализа действующего гражданского законодательства и судебной практики сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, которые будут способствовать стабилизации института охраны изображения гражданина, предотвращению возникновения подобных нарушений, а также расширит возможности восстановления нарушенного права.

Ключевые слова: изображение гражданина, неприкосновенность изображения, обнародование, Интернет-ресурсы, неправомерное использование, моральный вред, нематериальные блага, судебная практика.

Для современного мира характерны высокий уровень развития информационных технологий, широкое использование социальных сетей и видеохостингов. На сегодняшний день практически у любого человека есть возможность опубликовывать для обозрения большого количества людей различного рода материалы, в том числе фотографии и видеозаписи. С одной стороны, это носит положительный характер, так как существует возможность распространять информацию для многих людей, не ограничиваясь пространством, с другой – создает почву для нарушения одного из личных неимущественных прав гражданина, предусмотренного гражданским законодательством Российской Федерации – права на охрану и неприкосновенность личного изображения. По мере развития возможностей использования компьютерных технологий и популяризации социальных сетей все чаще происходят ситуации, в которых используются изображения граждан без их ведома и согласия, нередко это сопровождается комментариями, порочащими честь и достоинство личности. Несмотря на то, что право на неприкосновенность изображения гражда-

нина обеспечивается государством и на распространенность правонарушений, связанных с использованием изображения гражданина, данный вопрос является недостаточно изученным и нуждается в более подробном рассмотрении, что обуславливает актуальность исследования. Исходя из этого, целями работы являются рассмотрение проблем, возникающих при применении норм, регулирующих право гражданина на неприкосновенность изображения, а также анализ судебной практики по данному вопросу.

Прежде всего необходимо определить, что конкретно необходимо понимать под «изображением гражданина». Так как законодательством такая дефиниция не закреплена, следует обратиться к определениям, данными авторами толковых словарей русского языка и учеными. Так, согласно словарю С.И. Ожегова «изображением является предмет, рисунок, изображающий кого-то или что-то; зрительное воспроизведение чего-нибудь» [1, с. 248]. С.А. Кузнецов под изображением понимает то, что изображено (рисунок, фотография, скульптура и т.п.); предмет, изображающий кого-либо, что-либо [2, с. 384]. В словаре Д.Н. Ушакова изображение определяется как предмет, изображающий кого-нибудь или что-нибудь, художественный образ, воспроизведение чего-нибудь [3, с.190]. А.М. Эрделевским предлагается определять внешний облик как «индивидуализирующий гражданина в обществе элемент его личности» [4]. Николаева А.А., считает, что «под изображением следует понимать предназначенную для зрительного восприятия информацию о физическом лице, воспроизведенную в любой объективной форме, обладающую совокупностью неповторимых индивидуальных признаков внешности этого физического лица и позволяющую отличить его от других лиц» [5, с.19].

Таким образом, изображением является предмет, содержащий образ кого-либо, а также характерные внешние черты, с помощью которых можно идентифицировать ту или иную личность. С учетом частого использования в общедоступных источниках как фото, так и видеоматериалов, представляется целесообразным, что право на охрану личного изображения касается не только фотографий или рисунков, содержащих изображение человека, но также и видеозаписей.

Изображение гражданина непосредственно связано с закрепленными Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) [6] нематериальными благами: во-первых, с неприкосновенностью частной жизни, во-вторых, с личной и семейной тайной. Также, нарушение права гражданина на неприкосновенность личного изображения часто сопряжено с нарушением права на честь и доброе имя, охрану деловой репутации.

Особенности охраны изображения гражданина закреплены в ст. 152.1 ГК РФ. Так, в соответствии с положениями рассматриваемой статьи, обнародование и использование изображения гражданина (фотографии, видеозаписи или произведения изобразительного искусства, на которых он изображен), в дальнейшем возможно только с его согласия, а после его смерти – только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей. Законом также закреплены обстоятельства, при которых такое согласие не требуется. Например, когда изображение было получено при съемке на публичных мероприятиях или в местах, которые открыты для свободного посещения (собрания, конференции, съезды, концерты, представления, спортивные представления или соревнования и иные подобные мероприятия). Однако, к исключениям относятся изображения, являющиеся основ-

ным объектом использования. Следующим условием, при котором не требуется согласие гражданина на использование его изображения, является получение гражданином платы за позирование, результатом которого является данное изображение. Кроме того, согласие гражданина не требуется, если изображение используется в государственных, общественных или иных публичных интересах. Таким образом, перечень случаев, когда использование изображения гражданина без его согласия является правомерным, является исчерпывающим и закреплен законодательством России.

Данные положения гражданского законодательства являются развитием важнейших для правового государства принципов, закрепленных в Конституции РФ [7]. Так, человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью, а государство обязано признавать, соблюдать и защищать их [7, ст.2]. Кроме того, Конституцией РФ закреплены охрана права на личную неприкосновенность (ч.1 ст.22), неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст.23), достоинство личности (ч.1 ст.21). Перечисленные блага закреплены в ст. 150 ГК РФ в качестве неотчуждаемых нематериальных благ. Кроме того, указанные нормы российского законодательства соответствуют принципам, закреплённым в международном праве: согласно ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции [8, ст. 8].

В ранее действующем ГК РСФСР также было предусмотрена неприкосновенность изображения гражданина. При использовании изображения гражданина было необходимо его согласие, кроме тех случаев, когда опубликование, воспроизведение и распространение изображения осуществлялось в интересах государства или общества, а также если лицо позировало за плату [9]. По мере развития общественных отношений вводились новые законодательные положения, и в действующей редакции ГК РФ впервые введена норма, закрепляющая право граждан на защиту изображения в сети Интернет. Гражданин вправе требовать удаления изображения и пресечения или запрещения дальнейшего распространения незаконно полученного или используемого изображения, опубликованного в сети Интернет (п. 3 ст. 152.1 ГК РФ). Это положение очень важно в период, когда практически все сферы жизни общества неразрывно связаны с применением тех или иных компьютерных и информационных технологий и у большинства людей есть доступ к Интернет-ресурсам, поскольку из-за неправомерного поведения лиц право граждан на охрану изображения часто нарушается путем публикаций на интернет-сайтах, в социальных сетях или видео-платформах. Закрепление в законе способов защиты нарушенного права упрощает использование права на защиту для лиц, чьи права нарушены. Профессор И.А. Михайлова отмечает, что применение закрепленных способов защиты нематериальных благ способно действенно противостоять широко распространенным нарушениям в названной сфере и обеспечить более эффективную защиту нематериальных благ и личных неимущественных прав [10].

Неправомерные действия в сфере использования изображения гражданина связаны, прежде всего, с его обнародованием, в связи с чем возникает необходимость рассмотрения данного понятия. В законодательстве подобное определение отсутствует, однако согласно позиции Верховного Суда РФ [11, п. 43-45] обнародованием изображения гражданина является действие, которое впервые делает данное

изображение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа либо любым другим способом, включая его размещение в сети «Интернет». Однако обнародование изображения гражданина, в том числе им самим, и его общедоступность сами по себе не дают иным лицам права на свободное использование такого изображения без согласия изображенного лица. При этом обстоятельства размещения гражданином своего изображения в сети «Интернет» могут свидетельствовать о согласии лица на дальнейшее использование того или иного изображения. К примеру, если это предусмотрено условиями пользования сайтом, на котором было опубликовано данное изображение. Пленумом также было отмечено, что когда существует публичный интерес, например, если гражданин занимает государственную или муниципальную должность либо играет существенную роль в сфере политики, экономики, искусства, спорта или иной области и интерес к данному лицу является общественно значимым, а использование изображения необходимо в связи с политической или общественной дискуссией, то согласие гражданина для обнародования и использования его изображения не требуется. Случаи, при которых возможно использование изображения лица без его согласия в публичных интересах, регламентированы также Федеральным законом «О полиции», Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

Существует проблема формы выражения согласия гражданина на обнародование и использование своего изображения. В ст. 152.1 ГК РФ формы такого согласия не регламентированы, поэтому Пленумом ВС РФ № 25 даны соответствующие разъяснения о природе данного права и основаниях возникновения гражданских правоотношений в контексте охраны изображения гражданина [11, п.46]. Согласие гражданина является сделкой, а значит оно может быть выражено в устной, простой письменной или конклюдентной форме. В сфере интернет-технологий такое согласие, как правило, спрашивается при регистрации пользователя на сайте или создании аккаунта. Следует отметить, что администрация некоторых веб-сайтов предупреждает об ответственности за размещение изображений граждан без их согласия.

В связи с популяризацией использования социальных сетей все чаще происходят ситуации, связанные с неправомерным поведением лиц, которое выражается в опубликовании изображений граждан на аккаунтах в социальных сетях и на иных сайтах без их согласия, из-за чего граждане обращаются в суд с целью восстановления нарушенного права. Необходимо иметь в виду, что удовлетворение исковых требований зависит от доказательств, предъявленных истцом. В качестве примера приведем дело, рассмотренное Петрозаводским городским судом Республики Карелия от 20 февраля 2020г. по делу № 2-1070/2020 [12]. Истец обратилась в суд с иском об удалении материалов, содержащих ее изображения, запрете их дальнейшего использования и компенсации морального вреда. Свои требования истец обосновала тем, что на странице в социальной сети «В Контакте» в свободном доступе для неопределенного круга лиц ответчиком были размещены видеоролик и пять фотографий, на которых она изображена. Между истцом и ответчиком не заключались трудовые или гражданско-правовые договоры, своего согласия на обнародование и использование своего изображения, а также своих персональных данных истец не давала. Во всех указанных выше фото и видеоматериалах истец изображена индивидуально, крупным планом. В качестве доказательств истец приложила к исковому

заявлению фотокопии распечатанных скриншотов страниц с интернет-сайта и протокол осмотра доказательств, выданный нотариусом. Ответчиком не были представлены доказательства того, что истец позировала за плату или что распространение изображений истца было осуществлено в государственных или общественных целях, что освобождало бы его от необходимости получить изображение истца. На основании изложенных фактов суд признал требования истца законными и подлежащими удовлетворению.

В приведенном случае у истца были доказательства размещения материалов в виде скриншотов, что способствовало удовлетворению исковых требований, однако при недостаточности доказательств суд может отклонить требования лица, утверждающего, что было нарушено его право на неприкосновенность изображения. Например, Королевский городской суд рассмотрел дело № 2-228/2020, связанное с опубликованием личного изображения, о защите чести и достоинства, компенсации морального вреда [13]. В обоснование требований истец указала, что ответчиком в статьях, опубликованных на Интернет-сайте, были распространены сведения о ее личных данных, а также было размещено видео с использованием изображения ее несовершеннолетнего ребенка без ее ведома. Однако суд отказал в удовлетворении исковых требований на основании того, что истцом не было представлено доказательств того, что указанные статьи и видеозапись с изображением ее ребенка были опубликованы непосредственно на сайте ответчика. Таким образом, для признания судом неправомерности действий лица, осуществившего обнародование изображения гражданина и для восстановления нарушенного права, истцу необходимо предоставлять доказательства, подтверждающие основания его обращения в суд.

Нередко нарушение неприкосновенности изображения сопряжено с посягательством на иные личные неимущественные права. Так, при обнародовании изображения гражданина ему может причиняться моральный вред либо уничижаться его честь, достоинство и деловая репутация. В случае установления судом факта причинения гражданину морального вреда, возможно возложение обязанности денежной компенсации на нарушителя в пользу лица, против которого было направлено неправомерное деяние. Необходимо упомянуть, что нормами, регулирующими право на охрану изображения граждан, не предусматривается возможность денежной компенсации при его незаконном использовании. К примеру, Ленинским районным судом города Курска от 21 февраля 2020 года по делу № 2-642/2020 было рассмотрено дело о компенсации морального вреда [14]. Судом было установлено, что ответчик произвел видеосъемку истцов на рабочих местах и дальнейшее опубликование в социальных сетях полученного в результате съемки материала без их согласия. Кроме этого, под видеозаписью содержались высказывания оскорбительного характера, унижающие честь и достоинство истцов. Несмотря на поданный иск, ответчик продолжал размещать в сети тексты оскорбительного характера. Наконец, он не предоставил доказательств получения согласия истцов на обнародования их изображения, аргументируя это тем, что в законодательстве отсутствует запрет на видеосъемку истцов в общественном месте. Однако судом данный аргумент был опровергнут, так как нарушение прав истцов заключается не в факте проведения съемки, а в ее дальнейшем обнародовании без получения соответствующего согласия. Так как своими действиями ответчик нарушил права истцов на личную неприкосновенность, в том числе неприкосновенность изображения, судом признано воз-

никновение у них права на компенсацию морального вреда в порядке, установленном ст. 151 ГК РФ, в связи с чем решением суда было установлено взыскание денежной компенсации с ответчика в пользу истцов.

Подобное дело было рассмотрено районным судом г. Казани Республики Татарстан [15]. Истец обратился в суд с иском о защите права на изображение, удалении видеозаписи, размещенной на сайте Youtube.com и компенсации морального вреда. В видеороликах, размещенных ответчиком, использовалось изображение истца, более того, содержались порочащие его сведения. Судом было установлено, что изображение истца было основным объектом съемки. Кроме этого, данные видеоролики были направлены исключительно на формирование у просмотревших лиц негативного мнения об истце и его деятельности, а изображения истца в вышеуказанных видеороликах нельзя расценивать как социально значимую информацию, входящую в сферу общественных интересов, а также он не позировал за плату. На основании установленных обстоятельств, для размещения изображения истца было необходимо его разрешение, однако его не было, что является неправомерным. Руководствуясь вышеперечисленным, суд признал незаконным использование изображения истца в видеороликах на хостинге youtube.com, а также обязал удалить их с дальнейшим запретом размещения. Так как в результате действий ответчика истцу был причинен моральный вред, суд обязал ответчика выплатить истцу денежную компенсацию. Приведенные судебные решения свидетельствуют о возможности получения лицом, чье изображение было незаконно использовано, денежной компенсации лишь при установлении судом наличия морального вреда в результате таких действий.

В следующем примере проиллюстрирована не только взаимосвязь неправомерного обнародования изображения гражданина с нарушением иных личных неимущественных прав, но и проблема определения, является ли изображение гражданина основным объектом использования при съемке в местах, доступных для свободного посещения. Центральным районным судом г. Красноярска было рассмотрено дело № 2-3101/2019~М-680/2019 от 07 февраля 2020 года [16]. Истец обратился в суд с иском к ООО «Сеть городских порталов» с требованиями о защите чести и достоинства, удалении из общего доступа фотографии и видео на которых он изображен и опубликовании опровержения статьи, распространенной ответчиками, в которой размещены его изображения на фотографии и в видеоролике, посвященном новости о том, что в Красноярске задержана банда воров, которая выслеживала жертв и грабила их машины, похитив более 2,5 млн. рублей. В судебном заседании истец и его представитель поддержали заявленные исковые требования, пояснив, что опубликованное ответчиком видео получено с камеры видеонаблюдения в магазине, где истец делал покупки, при этом никакого отношения к информации, размещенной в статье про банду воров, истец не имеет, однако при прочтении статьи, проиллюстрированной фотографией истца и видеороликом с его изображением, складывается впечатление, что истец и является членом той банды воров, о которой говорится в статье. Кроме того, согласия на опубликование изображения истца ответчики не получали. Данное обстоятельство порочит честь и достоинство истца, с учетом того, что эти изображения длительное время размещены на одном из популярных сайтов города Красноярска, имеют множество просмотров, что свидетельствует о том, что с ними ознакомилось большое количество лиц. По итогам рассмотрения обстоя-

тельств дела, судом было установлено, что ООО «Сеть городских порталов» опубликовало фотографию с изображением истца, на которой истец является основным объектом использования, поскольку его лицо изображено четко и разборчиво, и основное внимание при просмотре изображения акцентировано именно на нем.

Касательно видеозаписи, судом не было признано, что изображение истца является основным объектом использования. С учетом этих обстоятельств, суд обязал ответчика удалить из общего доступа фотографию с изображением истца из статьи, расположенной в сети Интернет на сайте ООО «Сеть городских порталов» в рубрике «Криминал»; однако требование удалить видеоматериал, содержащий изображение истца суд не признал подлежащим удовлетворению. В проанализированном решении суда можно увидеть проблему, возникающую при определении, является ли гражданин основным объектом съемки или нет по ознакомлении с фото- и видеоматериалами. Из-за отсутствия установленных законом критериев, определяющих, что может считаться основным объектом при съемке, материалы, содержащие изображение гражданина, могут не быть изъяты из публичного доступа.

Нередко обнародование изображения гражданина сопряжено с нарушением неприкосновенности частной жизни. На ответчике лежит обязанность предоставить либо разрешение истца на использование данных сведений и его изображения, либо доказательства наличия обстоятельств, при которых такое разрешение не требовалось. В качестве иллюстрации ознакомимся с судебным решением от 25 февраля 2020 года по делу № 2-292/2020 [17]. Гражданин обратился в Белорецкий межрайонный суд Республики Башкортостан с иском о защите неприкосновенности частной жизни. Ответчик опубликовал на своем YouTube-канале видеообращение, содержащее фотографию истца и адрес его места жительства, как было указано истцом в обоснование его требований. Ответчик не предоставил доказательств того, что использование изображения истца затрагивало интересы общественной и государственной безопасности, в связи с чем для его опубликования было необходимо разрешение истца. На основании этих обстоятельств суд признал незаконным использование изображения истца и распространение информации о месте его жительства, обязал ответчика удалить видеоролик со своего канала на сайте YouTube.com и взыскал с него в пользу истца компенсацию морального вреда в размере десяти тысяч рублей. Как видно из рассмотренного решения, при использовании изображения гражданина необходимо предоставлять доказательства согласия последнего на подобные действия либо предоставить обоснования правомерности его опубликования, в противном случае такое деяние будет признано неправомерным.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что часто неправомерное использование изображения гражданина осуществляется путем его обнародования посредством использования различных интернет-сайтов. Кроме того, лицо, обращающееся в суд для восстановления такого права должно предоставить доказательства, подтверждающее неправомерность деяния. На ответчике лежит обязанность доказать наличие либо согласия истца, либо обстоятельств, при которых такое согласие не требуется. Обобщая материалы судебной практики следует выявить проблемы, связанные с защитой и восстановлением нарушенного права на охрану изображения: во-первых, в законодательстве отсутствует четкое закрепление критериев для определения того, является ли изображение гражданина основным объектом

съемки и дальнейшего использования; во-вторых, в случае признания судом использования изображения лица незаконным, восстановление права истца будет заключаться лишь в удалении указанных материалов с дальнейшим запретом их использования, денежная компенсация возможна лишь при наличии морального вреда.

На основе вышеизложенного, подытожим, что основные правила защиты неприкосновенности изображения гражданина как нематериального блага, как и обстоятельства, от которых зависит правомерность и неправомерность его использования, закрепляются и регулируются законодательством. При этом установлены последствия признания таких деяний неправомерными: материальные носители, содержащие изображения гражданина, подлежат изъятию из оборота и уничтожению, а материалы, размещенные в сети «Интернет» – удалению и запрету на дальнейшее распространение. На основании изученного законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере охраны изображения граждан, рассмотренных работ ученых и судебной практики, можно сделать вывод, что исследование такого института гражданского права как охрана изображения гражданина актуально и необходимо в настоящее время, так как в связи с развитием технологических возможностей и появлением новых интернет-платформ проявляются его аспекты, не рассмотренные ранее, в связи с чем возникают правовые пробелы. Несмотря на то, что гражданское законодательство развивается в сфере охраны изображения гражданина (в частности, были введены нормы, закрепляющие ответственность за нарушение права гражданина на охрану изображения в сети «Интернет», что особо важно в современных реалиях, о чем свидетельствует судебная практика), при рассмотрении дел судами и вынесении решений о восстановлении нарушенных прав, возникают некоторые вопросы.

Таким образом, представляется необходимым в целях совершенствования гражданского законодательства в сфере охраны личного изображения гражданина и способов восстановления нарушенного права: во-первых, закрепить понятие «изображение гражданина» в ст. 152.1 ГК РФ; во-вторых, установить критерии, согласно которым возможно будет определить, является ли изображение гражданина основным объектом использования; в-третьих, предусмотреть возможность денежной компенсации за нарушение права гражданина на неприкосновенность изображения, в таком случае у истца будет возможность получить денежную компенсацию нарушенного права, не приводя доказательства наличия морального вреда. Введение данных положений будет способствовать стабилизации института охраны изображения гражданина, предотвращению возникновения подобных нарушений, а также расширит возможности восстановления нарушенного права.

Список литературы

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 3 изд., стер. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Швецов – М.: Азъ, 1996. – 907 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. под ред. С. А. Кузнецова СПб.: Норинт, 2008 – 1536 с.
3. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д.Н. Ушаков. – Москва: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.
4. Эрделевский А.М. Об охране гражданина / А.М. Эрделевский // Законодательство. – 2007. – № 7. – С. 9-13.
5. Николаева А.А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2015. – 22 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года №51-ФЗ (ред. от

31.07.2020) // Собрание законодательства РФ, N 32, 1994, ст. 3301
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 4 июля 2020 г. N 144.
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства РФ, 2001, 8 янв. (№ 2), Ст. 163.
9. Гражданский кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 26.11.2001) (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР, 1964, N 24, ст. 407.
10. Михайлова И. А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы / И. А. Михайлова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 3-9.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2015 г., N 8
12. Решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 20 февраля 2020 г. по делу № 2-1070/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sudact.ru/regular/doc/Cud7qtz0EAw/(дата обращения: 07.11.2020)
13. Решение Королевского городского суда от 6 февраля 2020 г. по делу № 2-228/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sudact.ru/regular/doc/QzqqusVmmp5K// (дата обращения: 08.11.2020)
14. Решение Ленинского городского суда города Курска от 21 февраля 2020 года по делу № 2-642/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sudact.ru/regular/doc/PJdyCqEWSgWn/(дата обращения: 06.11.2020)
15. Решение Ново-Савиновского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 29 января 2020 года по делу № 2-244/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sudact.ru/regular/doc/CxFcuW3P4LZ4/ (дата обращения: 07.11.2020)
16. Решение Центрального районного суда г. Красноярска от 07 февраля 2020 года по делу № 2-3101/2019~М-680/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sudact.ru/regular/doc/U41ONMYurPVV/ (дата обращения: 06.11.2020)
17. Решение Белорецкого межрайонного суда Республики Башкортостан от 25 февраля 2020 года по делу № 2-292/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sudact.ru/regular/doc/MnvZan1U2zxK/ (дата обращения: 08.11.2020)

Ablyatipova N.A., Volkova I.Yu. The citizen's right to image invalidity: analysis of the effectiveness of law enforcement practice in determining the criteria of unlawful use // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 251-260.

The article examines the problems of protecting the image of a citizen as one of the intangible benefits protected by the civil legislation of the Russian Federation. The authors draw attention to the need to improve civil legislation in the field of protecting the personal image of a citizen and methods for restoring violated rights, since in connection with the development of technological capabilities and the emergence of new Internet platforms, aspects that have not been considered earlier appear, and therefore legal gaps arise. Analyzing the criteria for the illegality of using the image of citizens, the authors studied judicial practice, highlighted the main problems and established the basic conditions necessary for the effective protection of the violated right. Based on the analysis of the current civil legislation and judicial practice, proposals were formulated to improve the legislation, which will help stabilize the institution of protecting the image of a citizen, prevent the occurrence of such violations, and also expand the possibilities of restoring violated rights.

Keywords: image of a citizen, image inviolability, disclosure, Internet resources, misuse, moral harm, intangible benefits, judicial practice.

Spisok literatury

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. – 3 izd., ster. / S.I. Ozhegov, N.Ju. Shvecov – M.: Az#, 1996. – 907 s.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. pod red. S. A. Kuznecova SPb.: Norint, 2008 – 1536 s.
3. Ushakov D.N. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka: sovremennaja redakcija / D.N. Ushakov. – Moskva: Dom Slavjanskoj kn., 2008. – 959 s.
4. Jerdelevskij A.M. Ob ohrane grazhdanina / A.M. Jerdelevskij // Zakonodatel'stvo. – 2007. – № 7. – S. 9-13.
5. Nikolaeva A.A. Izobrazhenie grazhdanina: problemy pravovogo regulirovanija, ispol'zovanija, ohrany i zashhity: Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2015. – 22 s.
6. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30 nojabrja 1994 goda №51-FZ (red. ot 31.07.2020) // Sobranie zakonodatel'stva RF, N 32, 1994, st. 3301
7. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmenenijami, odo-

brennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 01.07.2020) // Rossijskaja gazeta ot 4 ijulja 2020 g. N 144.
8. Konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod ETS N 005 (Rim, 4 nojabrja 1950 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 2001, 8 janv. (№ 2), St. 163.
9. Grazhdanskij kodeks RSFSR» (utv. VS RSFSR 11.06.1964) (red. ot 26.11.2001) (utratil silu) // Vedomosti VS RSFSR, 1964, N 24, st. 407.
10. Mihajlova I. A. Lichnye neimushhestvennye prava i nematerial'nye blaga: tradicionnoe ponimanie i novye podhody / I. A. Mihajlova // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2012. – № 4. – S. 3-9.
11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23 ijunja 2015 g. N 25 "O primenenii sudami nekotoryh polozhenij razdela I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" // Bjulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii, avgust 2015 g., N 8
12. Reshenie Petrozavodskogo gorodskogo suda Respubliki Karelija ot 20 fevralja 2020 g. po delu № 2-1070/2020 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://sudact.ru/regular/doc/Cud7qtz0EAw/(data obrashhenija: 07.11.2020)
13. Reshenie Korolevskogo gorodskogo suda ot 6 fevralja 2020 g. po delu № 2-228/2020 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://sudact.ru/regular/doc/QzqqusVmmp5K// (data obrashhenija: 08.11.2020)
14. Reshenie Leninskogo gorodskogo suda goroda Kurska ot 21 fevralja 2020 goda po delu № 2- 642/2020 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://sudact.ru/regular/doc/PJdyCqEWSgWn/(data obrash-henija: 06.11.2020)
15. Reshenie Novo-Savinovskogo rajonnogo suda g. Kazani Respubliki Tatarstan ot 29 janvarja 2020 goda po delu № 2-244/2020 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://sudact.ru/regular/doc/CxFcuW3P4LZ4/ (data obrashhenija: 07.11.2020)
16. Reshenie Central'nogo rajonnogo suda g. Krasnojarska ot 07 fevralja 2020 goda po delu № 2-3101/2019~M-680/2019 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://sudact.ru/regular/doc/U41ONMYurPVV/ (data obrashhenija: 06.11.2020)
17. Reshenie Beloreckogo mezhrajonnogo suda Respubliki Bashkortostan ot 25 fevralja 2020 goda po delu № 2-292/2020 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://sudact.ru/regular/doc/MnvZan1U2zxK/ (data obrashhenija: 08.11.2020).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 261-269.

УДК 347.238.8
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-261-269

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СИСТЕМНОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ О РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА, НАХОДЯЩЕГОСЯ В ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ И ВЫДЕЛА ДОЛИ ИЗ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА

Аблятипова Н. А., Куница Е. В.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В данной статье на основе анализа действующего гражданского законодательства, судебной практики и научной литературы исследуются некоторые проблемы раздела имущества, находящегося в общей долевой собственности и выдела доли из общего имущества. Проанализированы отдельные случаи реализации статьи 252 ГК РФ на примере решений Центрального районного суда г. Симферополя, выделены отдельные особенности порядка рассмотрения и условий удовлетворения требований. Авторами рассмотрен вопрос о необходимости уточнения положения о разделе имущества и предлагается конкретизация случаев необходимости подачи иска о разделе имущества, отграничение данного института от выдела доли.

Ключевые слова: право собственности, общая собственность, доля, выдел доли, раздел общей собственности, соглашение сособственников, правоприменительная практика.

Эффективное и правильное развитие общественных отношений, связанных с имуществом невозможно без четкого, обоснованного и справедливого регулирования института права собственности на это имущество. Под правом собственности в юридической доктрине понимается исключительное господство лица над вещью, но при этом предполагаются определенные ограничения воли собственника. Эти пределы могут быть установлены в интересах всего общества, отдельных лиц, обеспечения безопасности государства и т.д. Право собственности, понимаемое со времен римского частного права как единоличное господство лица над вещью, как наиболее полное, «абсолютное» право, конструируется на индивидуальном начале. В то же время жизненные обстоятельства могут приводить и нередко приводят к ситуации, когда одна вещь принадлежит нескольким лицам, что влечет появление коллективного начала, конкурирующего с индивидуальным. Эффективное правовое регулирование отношений общей собственности возможно только при условии примирения этих начал, что является непростой задачей, которую должно разрешить государство при официальном закреплении правовых отношений.

Способов приобретения вещи в общую собственность неограниченное количество, однако самыми частыми примерам служат предусмотренное п. 1 ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации правило, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью [1], а также наследование вещи несколькими наследниками, поскольку как предусмотрено п. 2 ст. 1141 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), «наследники одной очереди наследуют в равных долях» [2].

ГК РФ предусматривает два вида общей собственности: долевую и совместную. При этом, общая долевая собственность имеет место в тех случаях, когда доли каждого из сособственников в праве общей собственности определены [3].

Права на общее имущество осуществляются по соглашению всех сособственников, а при недостижении соглашения между ними спор разрешается судом. То есть отдельные сособственники, как мы уже отмечали, при реализации своего права, могут быть в чем-то ограничены, для защиты прав других совладельцев. Каждый из сособственников может владеть и пользоваться общим имуществом, но при этом он ограничен в своих действиях тем, что обязан учитывать права и законные интересы других сособственников. Данное положение существенно затрудняет лицам, участникам общей собственности возможность реализовать свои гражданские права при распоряжении своим имуществом, являющемся одним из условий «триады собственника». Особое значение в таком случае имеют нормы о разделе имущества, находящегося в общей собственности, и выдела из него доли.

Прекращение долевой собственности, может производиться в судебном порядке, а также во внесудебном, путем заключения соглашения между участниками общей долевой собственности. Данное соглашение подлежит государственной регистрации. На практике существует много ошибок при составлении таких соглашений, доходящих до абсурда, например, когда происходит раздел дома и земельного участка и по соглашению дом стоит не на земельном участке, выделяемом лицу.

Предусмотренные ст. 252 ГК РФ право раздела имущества, находящегося в общей долевой собственности и возможность выдела доли из общего имущества в натуре значительно «упрощают жизнь сособственников» [3].

Полагаем, что необходимо определить, что именно делится между собственниками. Теоретически существует несколько подходов к определению того, с чем именно мы работаем при разделе имущества и выделе доли. Согласно первого подхода, делится не объект, а право собственности, заключающиеся в нем правомочия. То есть рассматривается не существующее в натуре, а только условные, подтвержденные правоустанавливающими документами права. Согласно другого подхода, предмет общей собственности не делится реально, но каждая частица вещи считается разделенной. Это означает, что каждый из совладельцев имеет право собственности на долю всякого атома данной вещи. В подтверждение этой теории стоит отметить высказывание Г. Победоносцева, что «предмет, будучи в сущности нераздельным, делится на идеальные части, и в каждой из этих частей собственность участника получает свойство исключительности» [4]. Отчасти это проявляется в современном законодательстве при разделе домовладений, когда суд должен каждому собственнику выделить и дом, и хозяйственные постройки. Еще одна концепция касается экономической ценности вещи. Приверженцы данной теории считают, что совладельцами делится не вещь и не право, а только экономическая ценность вещи. Данный аспект условно отражается в ситуациях, когда раздел имущества по идеальным долям собственников невозможен и кого-то обязывают выплатить компенсацию лицу, чье право ущемляется. Также этот подход можно применить к ситуациям выкупа доли при признании ее незначительной. То есть главное в таких ситуациях – именно экономическая ценность имущества.

Самой оптимальной, на наш взгляд, является позиция, что каждому сособственнику принадлежит доля (в данном случае значение «доля» употребляется

условно) в праве, но не в вещи. Каждый из владельцев является обладателем доли в праве общей долевой собственности на имущество целиком.

Стоит отметить, что рассматриваемые понятия «раздела» и «выдела», давно известные законодателю, порой путаются лицами при обращении в суд, либо же считаются синонимичными. Несмотря на схожесть институтов раздела имущества и выдела доли, настаиваем о необходимости их разделения. Для начала необходимо провести разграничение понятий «раздел имущества» и «выдел доли».

Как закрепляет п. 1 ст. 252 ГК РФ, имущество, находящееся в долевой собственности, может быть разделено между ее участниками по соглашению между ними. Пункт второй этой статьи закрепляет возможность выдела, устанавливая, что участник долевой собственности вправе требовать выдела своей доли из общего имущества [3]. Разница между категориями «раздел» и «выдел» состоит в том, что при разделе имущества долевая собственность полностью прекращается, и вся имущественная масса, ранее находящаяся в долевом владении, распределяется соразмерно долям всех собственников. Каждому из владельцев в результате такого раздела будет принадлежать на праве собственности новый объект.

Выдел участнику общей собственности его доли означает передачу в его собственность определенной изолированной части (например, жилого ома и построек хозяйственного назначения) и утрату им права на эту долю в общем имуществе [5]. Следовательно, конечным итогом выдела будет прекращение общей собственности и создание условий бывшим сособственникам беспрепятственно самостоятельно владеть, пользоваться и распоряжаться выделенным имуществом.

Рассмотрим применение данного института на практике. Центральным районным судом г. Симферополя рассматривалось дело №2-149/2020 от 23 января 2020 года по иску Ш. к Р. о прекращении права общей долевой собственности, разделе домовладения в натуре, определении порядка пользования земельным участком [6]. Истец мотивирует свои требования тем, что она является собственником 35/100 долей домовладения №1, а ответчик Р. является собственником 65/100 доли этого домовладения. Решить вопрос о разделе домовладения в добровольном порядке с ответчиком не представляется возможным, в связи с чем истец вынуждена была обратиться в суд с иском. В ходе рассмотрения Р. ответчик выступила с самостоятельными аналогичными требованиями.

Судом при разрешении спора была назначена судебная строительно-техническая экспертиза, поскольку необходимо определить возможность выделить собственнику жилого домовладения отдельную площадь, имеющую отдельный вход. Следует подчеркнуть, что для правильного разрешения споров по категории исследуемой нами в данной статье, большое значение имеют специальные познания в области жилищного строительства и коммунального хозяйства [5]. В силу ч. 3 ст. 86 ГПК РФ, разъяснений данных в пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2013 № 13 «О применении норм гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» [7], заключение экспертизы является в деле одним из доказательств, которое должно быть в обязательном порядке оценено судом в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами на предмет относимости, допустимости и достоверность, соответствия требованиям Федерального закона от

31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [8].

Согласно заключению судебной строительно-технической экспертизы по рассматриваемому нами делу, домовладение представляет собой одноэтажный дом, состоящий из структурно обособленных частей, выделенных в автономные блоки, которые имеют отдельный вход с прилегающих к ним земельных участков. Между блоками имеется общая стена без проемов. Инженерные сети каждого блока являются независимыми друг от друга с отдельными приборами учета. Каждый из блоков является изолированным и обладает физической автономностью, которые можно признать целыми самостоятельными объектами.

На рассмотрение суда экспертом был предложен один вариант раздела в натуре строений в домовладении с учетом сложившегося порядка пользования, без учета самовольных построек. Согласно предложенному варианту раздела домовладения каждая часть жилого дома будет иметь возможность эксплуатироваться автономно, независимо от остальных частей жилого дома. Удовлетворяя требования суд исходил из того, что право собственности истца и ответчика на спорные доли домовладения подтверждаются правоустанавливающими документами. Согласно заключению эксперта, раздел домовладения в натуре возможен, каждому собственнику передается обособленная часть домовладения.

В отличие от раздела, выдел доли в натуре нужен тогда, когда собственник доли хочет индивидуализировать свой объект права, стать независимым от воли других участников долевой собственности в плане пользования, владения или распоряжения имуществом.

В теории, требовать выдела доли в натуре можно практически из любого объекта недвижимости – жилого дома, квартиры, нежилого помещения, нежилого здания, линейного объекта, сооружения и т.п. [9]. Тем не менее на практике, правила выдела не могут распространяться на неделимые вещи и предусмотренные законодательством случаи, когда выдел невозможен в связи с незначительностью доли лица в праве общей собственности.

Центральным районным судом г. Симферополя рассматривалось дело №2-640/2020 от 22 июня 2020 года по иску З. к М. о прекращении права общей долевой собственности, выделе доли в натуре [10]. Истец З. мотивирует исковые требования тем, что он является собственником 1/2 доли в праве общей долевой собственности на домовладение. Другим участником общей долевой собственности на указанное домовладение является ответчик М, который в ходе рассмотрения дела также выступил со встречным исковым заявлением.

Судом при рассмотрении дела была назначена экспертиза, которая подтвердила возможность выдела каждому из собственников помещений, являющихся жилыми блоками жилого дома блокированной застройки. В силу положений Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», при разделе объекта недвижимости образуются новые объекты недвижимости того же вида, что был начальный объект недвижимости, однако с собственными индивидуальными характеристиками, которые разнятся с характеристиками первоначального объекта недвижимости, а сам исходный объект полностью прекращает свое существование. При этом образованные объекты должны иметь возможность

эксплуатироваться самостоятельно, независимо от иных образованных в результате такого раздела объектов.

Суд при удовлетворении исковых требований и встречных исковых требований исходил из того, что право собственности участников подтверждено правоустанавливающими документами. В данном случае при разделе домовладения обеспечивается физическая автономность и независимость образуемых в результате раздела зданий друг от друга. Также судом установлено, что иных собственников спорного домовладения нет. Поскольку суд, сохраняя свою независимость, объективность, а также беспристрастность, создает требуемые условия для всестороннего и полного исследования доказательств по делу, установления фактических обстоятельств и правильного применения положений закона, в соответствии с п. 3 ст. 40, п. 1 ст. 43 ГПК РФ привлекает к участию в деле всех лиц, право собственности которых зарегистрировано в установленном порядке либо предполагается в силу закона (например, если строение приобретено в период брака, то оно презюмируется совместно нажитым имуществом и суд должен привлечь супруга; наследников, вступивших во владение наследственным имуществом, но еще не оформивших прав на наследство; и других). На основании этого, исковые требования были удовлетворены.

Центральным районным судом г. Симферополя рассматривалось дело №2-981/2020 от 30 июля 2020 года по иску Я. к Д., П. о выделе доли домовладения из общей долевой собственности, определении порядка пользования земельным участком [11]. Требование мотивировано тем, что стороны по делу являются собственниками долей в праве общей долевой собственности на домовладение. Вместе с тем, юридически отношения по владению и пользованию имуществом не закреплены, а ответчики уклоняются от его окончательного оформления путем подписания соглашения. Истец полагает, что в данном случае выдел доли в натуре допускается законом и является технически возможным без несоразмерного ущерба имуществу, которое находится в долевой собственности, согласно сложившемуся порядку пользования. Ответчики со встречными исковыми требованиями не обращались, необходимость в разделе между собой у них отсутствует, поскольку это одна семья.

Суд при удовлетворении исковых требований исходил из того, что участники общей долевой собственности имеют равные права в отношении общего имущества пропорционально своей доле в нем. При выделе доли в натуре суд должен передать сособственнику часть жилого дома и нежилых построек, соответствующую по размеру и стоимости его доле, если это возможно без несоразмерного ущерба хозяйственному назначению строений. Проведенной по делу экспертизой установлено, что выделить в натуре, принадлежащую истцу Я. долю в праве общей долевой собственности на домовладение в соответствии с идеальной долей невозможно. На рассмотрение суда экспертом был предложен один вариант выдела доли истца в указанном домовладении с учетом сложившегося порядка пользования с выделом самостоятельной изолированной части с отступлением от идеальных долей и расчетом компенсации. В рамках судебного заседания ответчики от компенсации отказались, не возражая относительно выдела доли истца. Решением суд выделил долю истца Я. В отношении земельного участка было установлено, что выделить долю истцу невозможно, в связи с чем был определен порядок пользования.

В другом деле № 2-250/2020 от 03 марта 2020 года истец П. обратился с требованием о выделе в натуре доли домовладения и прекращении права общей долевой собственности [12]. Согласно условиям дела, истец уже ранее обращался с требованием о выделе доли, но судом ему было отказано поскольку у сторон имелись самовольные строения. В настоящее время причины, послужившие основанием для отказа П. в исковых требованиях о выделе доли домовладения, устранены, право собственности сторон П. и К. зарегистрировано в целом на домовладение, в том числе на пристройки, что усматривается из технического плана здания. Соответственно, как установлено судом, нельзя говорить о тождественности указанного гражданского дела с прошлым гражданским делом поскольку основания настоящих исковых требований изменились.

На основании заключения экспертом судом было установлено, что совокупность выделенных сторонам строений и помещений являются жилыми блоками жилого дома блокированной застройки, каждый из которых является самостоятельным объектом недвижимого имущества.

Учитывая установленные обстоятельства и соответствующие им правоотношения, суд признал исковые требования законными и подлежащими удовлетворению в полном объеме.

Особо интересным считаем дело от 28 августа 2020 года № 2-50/2020 по иску М. к А., Р. о выделе в натуре доли из общего имущества в нежилых помещениях, прекращении права общей долевой собственности, взыскании упущенной выгоды [13]. В рамках данного дела истец М. пояснила, что до 22.12.2017 года между ней и ответчиками осуществлялась совместная коммерческая деятельность клиники с целью получения коммерческой прибыли. 22.12.2017 года совместная деятельность между ней и ответчиками была прекращена. А так как между ними не заключались какие-либо соглашения о совместной деятельности, с целью экономии налогообложения и упрощения оформления деятельности, официально для осуществления коммерческой деятельности был зарегистрирован Р. в качестве индивидуального предпринимателя, а истец М. и ответчик А. были оформлены как наемные сотрудники, с устной договоренностью распределения прибыли от совместной деятельности. Прибыль от совместной деятельности распределялась в оговоренном устном порядке, согласно принадлежащим долям. Начиная с 02.07.2018 года, ответчики прекратили всякие выплаты от получаемых клиникой доходов. 02.07.2018 года и в последующем, вплоть до предъявления искового заявления М. неоднократно обращалась к ответчикам о заключении договора аренды и выплаты арендной платы за использование 1/3 доли помещений, принадлежащих ей на праве собственности. 10.10.2018 года ею было направлено в адрес ответчиков соглашение. Ответ с предложением рассмотрения возможности заключения договора аренды был направлен ей без указания цены. Иные предложения или согласие на предложенное ею соглашение до настоящего времени направлено не было. С 02.07.2018 года по настоящее время, с момента прекращения совместной деятельности между ней и ответчиками, истец не может реализовать свои права собственника помещений, так как ответчики препятствуют ей в использовании ее помещений.

В ходе рассмотрения дела, как и по всем аналогичным делам такой категории, была назначена судебная экспертиза. Согласно заключению эксперта, только одному собственнику возможно выделить в собственность его долю в натуре, поскольку

занимаемое сторонами помещение представляет собой два обособленных помещения. Два других собственника останутся с неделимым помещением в общей собственности. В связи с таким выводом эксперта оба ответчика обратились со встречными исковыми требованиями. Ответчик А. обратился с требованием о выделе ему его доли в натуре, что по сути аналогично требованиям истца по первоначальному иску. Третий участник процесса – ответчик Р., поскольку троим собственникам выделить долю невозможно, обратился с требованием о признании доли истца незначительной и ее выкупе. Аргументировал свою позицию он тем, что истец не намерена использовать имущество, а желает продать его или передать в аренду.

Суд при вынесении решения об удовлетворении только первоначальных требований истца М. учел, что ответчик А. обратился с иском о выделе своей доли лишь спустя полгода с момента возбуждения данного дела по иску М., а Р. – почти через год. Суд не согласился с доводами представителя ответчика Р. о том, что доля М. является незначительной, поскольку ее доля составляет 1/3, является аналогичной долям иных сособственников. Доводы ответчиков о том, что в случае выдела доли М. будут нарушены их права, учитывая, что они являются такими же собственниками, и также претендуют на выдел своей доли, суд не может принять во внимание, поскольку ответчики продолжают до настоящего времени использовать принадлежащее им имущество совместно, доказательств невозможности владения и пользования принадлежащим им имуществом суду представлено не было. В данном случае суд полагает, что подача встречных исков была направлена не на защиту своих прав, а воспрепятствование истцу М. в защите ее законных прав и интересов. На основании этого, суд посчитал, что встречные исковые требования удовлетворению не подлежат [13].

Исходя из ст. 252 ГК РФ и правоприменительной практики можем заключить, что если участников общей долевой собственности более двух, то собственник, заинтересованный в прекращении общей долевой собственности и обособлении своего имущества должен обращаться с иском о выделе своей доли из общего имущества. Выступать с иском о разделе имущества с передачей каждому из сособственников конкретного имущества он не вправе, так как в данном случае он будет обращаться в суд с целью защиты прав иных лиц, что гражданским процессуальным законодательством не предусмотрено. При этом, никто не ограничивает иных собственников, которые в обязательном порядке должны быть привлечены к участию в деле по иску одного из них о выделе ему доли, подать встречные иски о выделе им долей или о разделе общего имущества, если их требования в совокупности с первоначальным иском не предусматривают оставление за кем-либо из совладельцев общей долевой собственности после выдела.

Таким образом, институты раздела имущества, находящегося в долевой собственности, и выдел из него доли широко применяются на практике судами. Законодатель, закрепляя возможность раздела имущества и выдела доли общей долевой собственности не разграничивает их особенности. Анализ судебной практики выявил лишь отдельные случаи отказа в разделе имущества или выдела доли, однако связаны они с тем, что несколько собственников претендуют на одну и ту же часть спорного имущества, что неосуществимо в реальности. В преобладающе положительных решениях судов по вопросам раздела и выдела, полагаем проявляется возможность собственника реализовывать свои права в отношении принадлежащего

ему имущества. Значительное количество дел направлено именно на выдел доли из общего имущества, а не на раздел имущества, даже если сособственника всего два и достигнуть соглашения легче, чем при множестве лиц. Однако, выделяются отдельные дела, в которых заявленные встречные требования о разделе имущества основываются на уже установленном фактическом разделе и порядке пользования. В связи с этим, стоит отметить что, исходя из толкования пункта 1 статьи 252 ГК РФ имущество, находящееся в долевой собственности, может быть разделено между ее участниками по соглашению между ними, то есть досудебное урегулирование согласно установленного порядка пользования. И только при недостижении участниками долевой собственности соглашения о способе и условиях раздела общего имущества участник долевой собственности вправе в судебном порядке требовать выдела в натуре своей доли из общего имущества.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Российская газета от 27 января 1996 г. N 17.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // "Собрание законодательства РФ", N 49, 03.12.2001, ст. 4552
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ, N 32, 05.12.1994, ст. 3301
4. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Т. 1 (по изд. 1896 г.) (Классика российской цивилистики). М: Зерцало, 2003. 656 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 10 июня 1980 г. N 4 "О некоторых вопросах практики рассмотрения судами споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом" (в ред. от 21 декабря 1993 г.) // Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1980 г., N 9.
6. Решение Центрального районного суда г. Симферополя от 23.01.2020 по делу №2-149/2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://centr-simph--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15379956&delo_id=1540005&new=0&text_number=1(дата обращения: 06.11.2020).
7. Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2013 № 13 «О применении норм гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Российская газета от 2 июля 2008 г. N 140
8. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета от 5 июня 2001 г. N 106
9. Горяинова А. О выделе доли в натуре из права долевой собственности на недвижимость через суд. Электронный документ. Режим доступа: https://jurist-goraynov.ru/vydel-doli-v-nature/(дата обращения: 06.11.2020).
10. Решение Центрального районного суда г. Симферополя от 22.06.2020 по делу №2-640/2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://centr-simph--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33148407&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 06.11.2020).
11. Решение Центрального районного суда г. Симферополя от 30.07.2020 по делу №2-981/2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://centr-simph--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=37368049&delo_id=1540005&new=0&text_number=1. (дата обращения: 06.11.2020).
12. Решение Центрального районного суда г. Симферополя от 03.03.2020 по делу № 2-250/2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://centr-simph--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=16970063&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 06.11.2020).
13. Решение Центрального районного суда г. Симферополя от 28.08.2020 по делу № 2-50/2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://centr-simph--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33469682&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 06.11.2020).

Ablyatipova N. A., Kunitsa E. V. Some issues of systematic law enforcement practice in resolving disputes on the division of property in common ownership and allocation of shares from common property // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 261-269.

In this article, based on the analysis of the current civil legislation, judicial practice and scientific literature, some problems of the division of property in common share ownership and the separation of a share from common property are investigated. Individual cases of implementation of Article 252 of the Civil Code of the Russian Federation are analyzed on the example of decisions of the Central District Court of Simferopol, separate features of the procedure for consideration and conditions for satisfying claims are highlighted. The authors considered the issue of the need to clarify the provisions on the division of property and propose specifying the cases of the need to file a claim for the division of property, delimiting this institution from the allocation of a share.

Keywords: property right, common property, share, allocation of a share, division of common property, agreement of co-owners, law enforcement practice.

Spisok literatury

1. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 N 223-FZ (red. ot 06.02.2020) // Rossijskaja gazeta ot 27 janvarja 1996 g. N 17.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' tret'ja) ot 26.11.2001 N 146-FZ (red. ot 18.03.2019) // "Sobranie zakonodatel'stva RF", N 49, 03.12.2001, st. 4552
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 31.07.2020) // Sobranie zakonodatel'stva RF, N 32, 05.12.1994, st. 3301
4. Pobedonoscev K. P. Kurs grazhdanskogo prava. T. 1 (po izd. 1896 g.) (Klassika rossijskoj civilistiki). M: Zercalo, 2003. 656 s.
5. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RSFSR ot 10 ijunja 1980 g. N 4 "O nekotoryh voprosah praktiki rassmotrenija sudami sporov, voznikajushhih mezhdu uchastnikami obshhej sobstvennosti na zhiloj dom" (v red. ot 21 dekabrja 1993 g.) // Bjulleten' Verhovnogo Suda RSFSR, 1980 g., N 9.
6. Reshenie Central'nogo rajonnogo suda g. Simferopolja ot 23.01.2020 po delu №2-149/2020. [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: https://centr-simph--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15379956&delo_id=1540005&new=0&text_number=1(data obrashhenija: 06.11.2020).
7. Plenum Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 26.06.2013 № 13 «O primenenii norm grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii pri rassmotrenii i razreshenii del v sude pervoj instancii» // Rossijskaja gazeta ot 2 ijulja 2008 g. N 140
8. Federal'nyj zakon ot 31.05.2001 № 73-FZ «O gosudarstvennoj sudebno-jekspertnoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii» // Rossijskaja gazeta ot 5 ijunja 2001 g. N 106
9. Gorjainova A. O vydele doli v nature iz prava dolevoj sobstvennosti na nedvizhimost' cherez sud. Jelektronnyj dokument. Rezhim dostupa: https://jurist-goraynov.ru/vydel-doli-v-nature/(data obrashhenija: 06.11.2020).
10. Reshenie Central'nogo rajonnogo suda g. Simferopolja ot 22.06.2020 po delu №2-640/2020. [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: https://centr-simph--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33148407&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (data obrashhenija: 06.11.2020).
11. Reshenie Central'nogo rajonnogo suda g. Simferopolja ot 30.07.2020 po delu №2-981/2020. [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: https://centr-simph--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=37368049&delo_id=1540005&new=0&text_number=1. (data obrashhenija: 06.11.2020).
12. Reshenie Central'nogo rajonnogo suda g. Simferopolja ot 03.03.2020 po delu № 2-250/2020. [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: https://centr-simph--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=16970063&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (data obrashhenija: 06.11.2020).
13. Reshenie Central'nogo rajonnogo suda g. Simferopolja ot 28.08.2020 po delu № 2-50/2020. [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: https://centr-simph--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33469682&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (data obrashhenija: 06.11.2020).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 270-280.

УДК 347.440.76
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-270-280

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА И ОПЦИОНА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА: АНАЛИЗ ТЕОРИИ И СИСТЕМНОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аблятипова Н. А., Адлер А. В.
Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В данной статье на основе анализа действующего гражданского законодательства, судебной практики и научной литературы рассматривается проблема соотношения предварительного договора с опционом на заключение договора. Проанализирована их правовая природа, определены критерии сходства и различия между указанными договорными конструкциями. В работе приводятся примеры случаев неправильного разграничения предварительного договора и опциона на заключение договора на практике, а также описаны особенности их квалификации как смешанных договоров. Авторы приходят к выводу, что конструкция предварительного договора является отличной от опциона на заключение договора, несмотря на их некоторую схожесть. Отмечена необходимость легального разграничения указанных договорных форм, а также включения в Гражданский кодекс РФ некоторых смешанных конструкций, что позволит избежать их неправильного использования правоприменителем.

Ключевые слова: договор, предварительный договор, опцион на заключение договора, сравнительный анализ, форма договора, содержание договора, судебная практика.

Наиболее часто встречающимся способом осуществления прав и исполнения обязанностей в гражданско-правовом обороте является заключение договора. Его основная функция заключается в создании правовой связи между сторонами путем определения их правосубъектности и установления правового режима их отношений в рамках образовавшейся связи. В системе соглашений предварительный договор обоснованно занимает особое место, так как в отличие от других, обязует стороны заключить основной договор в будущем на определенных ими условиях. Можно сказать, что он представляет собой гарантию заключения основного договора, вследствие чего является универсальным и очень важным гражданско-правовым институтом.

В правовой доктрине вопрос о сущности предварительного договора является широко обсуждаемым, что можно отметить, проанализировав количество научных публикаций, посвященных его изучению. Однако на практике нередко возникают ситуации, в которых предварительный договор затрагивает смежные правовые конструкции, что приводит к спорам относительно его соотношения и разграничения с другими видами соглашений. Кроме того, изменения в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], внесенные Федеральным законом РФ №42-ФЗ [2] сформировали новые правовые конструкции, на первый взгляд близкие по юридической природе с предварительным договором, но на самом деле имеющие значительные отличия. Так в ст. 429.2 ГК РФ получил легальное определение опцион на заключение договора. Несмотря на то, что впервые в гражданском законодательстве опционы были закреплены лишь в 2015 году, правовая конструкция опци-

онного типа использовалась и до этого, а доктринальные споры касательно их юридической сущности и соотношения с предварительным договором до сих пор актуальны. Вопрос такого соотношения правовых конструкций и будет рассмотрен в статье с целью определения их общих и отличных признаков и как следствие предотвращения ошибочного использования договорных конструкций правоприменителем. Для выполнения этой задачи в первую очередь необходимо рассмотреть правовую природу предварительного договора и опциона на заключение договора.

Легальная дефиниция предварительного договора содержится в ст. 429 ГК РФ, которая определяет его как договор, на условиях которого стороны обязуются заключить в будущем основной договор о передаче имущества, оказании услуг, выполнения работ и т.д. [1].

Исследуя сущность предварительного договора, большая часть ученых указывают на его организационный тип. Для того, чтобы определить предварительный договор как организационный, необходимо ознакомиться с активно разрабатываемыми на данный момент теоретическими положениями о сущности организационного договора и создаваемых им правоотношениях. В научных работах, рассматривающих правовую сущность указанных договоров, содержатся различные подходы к их пониманию. Так, Е.А. Суханов считает, что основным отличием организационных договоров является их направленность не на предоставление товаров, услуг и работ, а на формирование связей участников будущего договора [3, с. 142]. С.Ю. Морозов, определяет организационный договор как договор, по которому «стороны обязуются выполнить определенные договором совместные действия, направленные на возникновение иного гражданского обязательства между теми же или иными лицами и (или) на его исполнение в соответствии условиями организационного договора» [4, с. 132].

Так, А.В. Андрющенко называет предварительный договор организационным, основываясь на его целевой направленности: «предварительный договор не является инструментом прямого воздействия в хозяйственном обороте, это своего рода организационный договор, регулирующий заключение отдельных видов гражданско-правовых договоров» [5, с. 111]. Также Р.А. Мустафин подчеркивает зависимость между способом и порядком исполнения предварительного договора и его организационным характером [6, с.111]. Свою точку зрения автор подтверждает, ссылаясь на труды А.В. Максименко, который считает, что основной признак предварительного договора заключается в направленности волевого действия на заключение основного договора, а не на передачу имущества, выполнение работ или оказание услуг [7, с. 54]. Помимо упомянутой цели предварительного договора, учитывая которую уже можно охарактеризовать его как организационный договор, исследователи рассматривают также в этом смысле и его роль. Так, М.Н. Малеина пишет: «роль предварительного договора сводится именно к организации договорных связей» [8]. В доктрине гражданского права также подчеркивается особая функция предварительного договора в системе организационных правоотношений, к примеру, В.П. Миронов называет ее колоссальной [9, с.126]. Также, определение предварительного договора, данное законодателем, содержит в себе словосочетание «обязуются заключить...», что свидетельствует о его консенсуальном характере.

В свою очередь, опцион на заключение договора, еще не получив законодательного закрепления, но при этом широко применяясь в сфере гражданских право-

отношений, также вызывал дискуссию касательно своей правовой природы: первая концепция заключалась в том, что эта конструкция является разновидностью предварительного договора [10, с. 30]. Иная позиция заключалась в квалификации опциона как договора особого рода, не поименованного в ГК РФ, но существующего согласно принципу свободы договора [11, с. 8]. Кроме того, В.Г. Бородкиным было высказано мнение, согласно которому опцион «не является самостоятельным договором, поскольку не может существовать без основного договора, который считается заключенным с момента акцепта держателя опциона. Опционное соглашение входит в состав основного договора» [12]. Мы не можем согласиться с таким заключением, так как считаем его самостоятельным наравне с предварительным договором. Этот вывод основывается на двух признаках: из опциона на заключение договора возникает самостоятельное обязательство предоставить плату или иное встречное предоставление за приобретение права на заключение основного договора, а также им предусмотрены последствия неисполнения договора, заключенного в одностороннем порядке. Кроме того, законодатель поименовал опцион на заключение договора как самостоятельную правовую конструкцию в ст. 429.2 ГК РФ, которая определяет, что «в силу соглашения о предоставлении опциона на заключение договора (опцион на заключение договора) одна сторона посредством безотзывной оферты предоставляет другой стороне право заключить один или несколько договоров на условиях, предусмотренных опционом» [1].

Основываясь на положениях гражданского законодательства, а также судебной практики, можем выделить следующие сходные положения предварительного договора и опциона на заключение договора:

1. Обязательные условия. Обязательным признаком предварительного договора и договора о предоставлении опциона является наличие условий, позволяющих определить предмет, а также существенных условий основного договора (п. 3 ст. 429 ГК РФ; п. 4 ст. 429.2 ГК РФ). По смыслу п. 1 и п. 3 ст. 429 ГК РФ условие об определении предмета предварительного договора считается согласованным в случае, когда обе договаривающиеся стороны имеют о данном предмете одинаковое представление и могут его определить. Относительно опциона, п. 4 ст. 492.2 ГК РФ определяет, что предмет договора, подлежащего заключению, может быть описан любым способом, позволяющим его идентифицировать на момент акцепта безотзывной оферты.

Однако, В.В. Витрянский считает также существенным условием предварительного договора срок заключения основного договора [13, с. 344]. Однако, согласно п. 4 ст. 429 ГК РФ, если в предварительном договоре не определен срок заключения основного договора, то основной договор подлежит заключению в течение одного года. Таким образом, условие о сроке не может быть существенным, так как его отсутствие не влечет признания договора незаключенным и отношения регулируются диспозитивной нормой.

2. Форма. Исследуемые договоры заключаются в той же форме, что и основной договор, а несоблюдение этих требований влечет его ничтожность (п. 2 ст. 429 ГК РФ; п. 5 ст. 429.2 ГК РФ). Также по смыслу п. 6 ст. 492.2 ГК РФ, опцион может быть включен в другое соглашение, если иное не вытекает из сущности такого соглашения. Однако, исходя из судебной практики, если для заключаемого в будущем основного договора есть требование о государственной регистрации, предварительь-

ный договор такой регистрации не подлежит [14]. Также, согласно позиции ВС РФ, предварительный договор купли-продажи недвижимости, в том числе части квартиры, должен быть заключен в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами [15]. Стоит отметить, что если для основного договора не установлена форма, то предварительный договор должен быть заключен в письменной форме. Таким образом, заключение предварительного договора в устной форме не допускается.

3. Срок. Если в указанных соглашениях не определен срок заключения основного договора или не установлен срок для акцепта безотзывной оферты, то соответственно основной договор подлежит заключению в течение одного года с момента заключения предварительного, а для опциона срок акцепта также считается равным одному году (п. 4 ст. 429 ГК РФ; п. 2 ст. 429.2 ГК РФ). В соответствии со ст. 190 ГК РФ, срок может определяться календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами, а также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить. Таким образом, срок договора не может устанавливаться указанием на исполнение одной из сторон своего обязательства;

4. Действие во времени. Обязательства, предусмотренные предварительным договором, прекращаются вместе с истечением его срока (п.6 ст. 429 ГК РФ), равно как и окончание срока действия опциона на заключение договора лишает акцептанта возможности заключить договор с контрагентом. Так как предварительный договор направлен на заключение основного, он теряет силу с заключением последнего. Также и после реализации одной из сторон права на акцепт, опцион на заключение договора прекращается.

5. Правопреемство. По общему правилу, правопреемство в сделках допускается лишь тогда, когда исполнение обязательства не связано неразрывно с личностью должника, а также если оно не противоречит закону или договору. Вместе с этим, в научной литературе разделились мнения касательно того, могут ли права и обязанности по предварительному договору входить в наследственную массу. Так, Е.Н. Селезнева считает, что с соблюдением требований ст. 418 ГК, наследник может быть правопреемником умершей стороны договора [16, с.33], а П.А. Меньшин указывает, что «обязательство заключить договор в будущем является неимущественным и неразрывно связано с личностью должника и кредитора, вследствие чего не входит в часть наследства, а также не допускается уступка права требования заключить такой договор» [17]. Эту дискуссию разрешает определение судебной коллегии Верховного Суда РФ, указывающее, что обязательство, возникшее из предварительного договора, не связано неразрывно с личностью должника [18]. Также, стоит отметить, что права и обязанности по предварительному договору могут переходить между юридическими лицами в ходе реорганизации. Такой вид правопреемства является универсальным и включает переход неимущественных, а также неразрывно связанных со сторонами договора прав и обязанностей.

Таким же образом согласно пункту 7 статьи 429.2 ГК РФ права по опциону на заключение договора могут быть уступлены другому лицу, если иное не предусмотрено соглашением и не вытекает из существа обязательства, которое возникнет в случае акцепта опциона.

Выявленная схожесть двух соглашений привела к указанию судебными ин-

станциями в своих постановлениях на то, что «договор предоставления опциона содержит в себе элементы предварительного договора…» [19; 20]. Или же сами стороны неверно определяют вид своих договорных отношений, на что указывает суд [21], и подают кассационную жалобу. Такая жалоба не подлежит передаче на дальнейшее рассмотрение, о чем и вынес Определение Верховный Суд РФ [22]. Таким образом, схожесть рассматриваемых правовых конструкций при неправильном их применении на практике может создать лишнюю нагрузку на органы судебной власти.

Кроме того, сами участники гражданских правоотношений неверно квалифицируют свои договоры, что в последствии влечет за собой ошибочное применение норм права, регулирующих сходные правовые институты, и обращения в суд. Так, в гражданском деле № 2-1867/2017, рассматриваемым Устиновским районным судом г. Ижевска, истец указал, что сложившиеся правоотношения являются предварительным договором оказания услуг, а оплата считается внесением аванса [23]. В свою очередь, суд определил, что данные отношения по своей правовой природе не являются ни договором купли-продажи, ни предварительным договором оказания услуг, а по всем признакам представляют собой опцион на заключение договора. Также, в практике есть обратный случай, когда стороны по ошибке квалифицировали предварительный договор как опцион на заключение договора. В частности, в гражданском деле № 2-788/2016 Белгородский городской суд истолковал условия договора, предоставленного истцом в подтверждение сделки купли-продажи квартиры, и пришел к выводу, что он является не опционным, а по всем признакам представляет собой предварительный договор [24]. В решении по делу № 2-7956/2015 от 9 марта 2016 г. суд также указал, что договор, определенный сторонами как опционный, по своей сущности является предварительным. Однако, как было отмечено в решении, к сложившимся отношениям были вообще неприменимы положения ст. 429.2 ГК РФ, так как они возникли до введения в силу указанной нормы [25].

Приведенные судебные дела лишь подтверждают необходимость легального и доктринального разграничения предварительного договора и опциона на заключение договора. Несмотря на некоторую схожесть, указанные гражданско-правовые институты существенно различаются между собой и применяются в разных сферах правоотношений.

На основании анализа сущности предварительного договора и опциона на заключение договора можно выделить их основные отличительные черты.

1. Предмет. Предметом предварительного договора является заключение в будущем между сторонами основного договора о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг на условиях, предусмотренных предварительным договором. В свою очередь, предметом опциона на заключение договора является право заключить один или несколько договоров на условиях, предусмотренных опционом.

Также для имущества, составляющего предмет договора, законодательство не устанавливает требование о существовании его в натуре на момент заключения договора. Согласно позиции ВС РФ «отсутствие на момент заключения предварительного или основного договора возможности передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, являющихся предметом будущего договора, не может служить препятствием к заключению предварительного договора. Например, не требуется, что-

бы товар, являющийся предметом будущего договора, имелся в наличии у продавца в момент заключения предварительного или основного договора; договор также может быть заключен в отношении товара, который будет создан или приобретен продавцом в будущем. Иное может быть установлено законом или вытекать из характера товара (п. 2 ст. 455 ГК РФ)» [26].

2. Характер взаимоотношений участников. Опцион на заключение договора имеет алеаторный характер, так как в силу непредсказуемости рынка возникает риск того, что он так и не будет реализован. В свою очередь, предварительный договор является меновым, так как основной договор в будущем будет заключен на предусмотренных в нем условиях.

3. Распределение прав и обязанностей между сторонами. Предварительный договор создает для обоих участников обязательство заключить основной договор в определенный срок в будущем, в то время как опцион на заключение договора предусматривает такую обязанность только для одной стороны – предоставляющей опцион. Вторая же сторона – держатель опциона, может воспользоваться или не воспользоваться правом на его акцептование. Таким образом, держатель опциона обладает односторонним правом, которое в гражданско-правовой доктрине называется секундарным, и от него зависит реализация опциона на заключение договора. В свою очередь, предварительный договор в основном существует в качестве двусторонней и в редких случаях многосторонней сделки, однако в юридической доктрине существует позиция, предполагающая, что предварительный договор может быть заключен и в одностороннем порядке. Комментируя статью 429 ГК РФ, А.Г. Карпетов высказывается о допустимости существования предварительного договора, в котором «обязательство заключить основной договор по требованию контрагента возникает лишь у одной из сторон, в то время как контрагент заключать основной договор не обязан, но имеет право требовать от другой стороны заключения такого договора» [27]. Также, аргументируя возможность заключения одностороннего предварительного договора, автор ссылается на принцип свободы договора, а также предусматривает условие о вознаграждении обязанной стороны. Однако, приведенная конструкция по своей сущности представляет собой законодательно закрепленный на сегодняшний день опцион на заключение договора. Кроме того, эта сделка уже не будет квалифицироваться как односторонняя, так как одна сторона обязана заключить договор, а вторая – предоставить встречное предоставление в виде платы. Данная ошибка в очередной раз указывает на сложности в практическом отграничении предварительного договора и опциона на заключение договора.

Также, необходимо подчеркнуть, что в отличие от опциона на заключение договора, где стороны действуют каждая в своих интересах, действия участников предварительного договора являются сонаправленнными, так как они имеют одинаковую цель – заключение основного договора в будущем.

4. Судебное принуждение. Согласно п. 5 ст. 429 ГК РФ и п. 4 ст. 445 ГК РФ в случае уклонения от заключения основного договора обе стороны предварительного договора могут быть принуждены судом к его заключению по обращению контрагента. Но в конструкции опциона на заключение договора обязанность заключить договор предусмотрена только для одной стороны, кроме того, она не может уклониться от ее исполнения, так как считается направившей безотзывную оферту. В силу предоставления опциона на заключение договора, основной договор будет

признан заключенным после акцепта второй стороной этой оферты, поэтому судебное принуждение в данном случае не будет необходимо.

5. Наличие встречного предоставления. ГК РФ в ст. 423 в зависимости от наличия либо отсутствия встречного предоставления квалифицирует договоры на возмездные и безвозмездные. Если возмездные договоры предполагают получение одной из сторон платы или какого-либо встречного предоставления в случае исполнения своих обязательств, безвозмездные договоры этого не предусматривают.

Учитывая положения п. 2 ст. 423 ГК РФ предварительный договор имеет безвозмездный характер (если организационный договор вообще можно оценивать с позиции наличия или отсутствия встречного предоставления), так как исполнение обязательства по нему не влечет встречного предоставления со стороны контрагента. А опцион напротив, предоставляется за плату или другое встречное предоставление, которое называется опционной премией и ее размер оговаривается сторонами. В случае, если указание на размер платы отсутствует, согласно п. 3 ст. 424 ГК РФ применяются общие положения о цене, и она определяется исходя из стоимости аналогичных товаров, работ и услуг.

Так, рассматривая вопрос о передаче денежных средств по предварительному договору, суд сослался на п. 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 №54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем», указывая, что если стороны поименовали заключенный договор как предварительный, и в соответствии с ним обязуются заключить в будущем на предусмотренных условиях основной договор о продаже недвижимого имущества, которое будет создано или приобретено в последующем, но при это указанный предварительный договор устанавливает обязанность приобретателя имущества до заключения основного договора уплатить цену недвижимого имущества или существенную ее часть, суды должны квалифицировать его как договор купли-продажи будущей недвижимой вещи с условием о предварительной оплате[28].

6. Обусловленное исполнение. Согласно абз. 2 п. 1 ст. 429.2 и ст. 327.1 ГК РФ, опцион позволяет поставить возможность акцептования оферты под условие, совершения или несовершения одной из сторон определенных действий или наступлением обстоятельства, которое в том числе может зависеть от воли сторон. В конструкции предварительного договора такое условие не может быть предусмотрено.

Таким образом, несмотря на определенное сходство правовых конструкций предварительного договора и опциона на заключение договора, а также их направленность на регулирование преддоговорных отношений, первый из них имеет исключительно организационную сущность, а опцион на заключение договора относится к имущественным договорам ввиду своей возмездной формы. Следовательно, сравниваемые договорные конструкции вопреки имеющимся общим чертам являются разными способами оформления договорных отношений и применяются в разных целях.

Однако, как показывает практика, в предварительный договор может быть внесены условия о предварительной оплате или элементы иных соглашений, но в таком случае он будет квалифицирован как смешанный договор. Подобный казус был рассмотрен Верховным Судом РФ [29], где суд принял во внимание условия заключенного сторонами соглашения, а также наличие в нем элементов договора купли-

продажи и опционного договора и охарактеризовал его как смешанный. Понятие и признаки смешанного договора содержатся в п. 3 ст. 421, согласно которому он должен состоять из элементов различных договоров (двух или более), предусмотренных законом или иными правовыми актами. Однако, как указано судом в решении от 23 июня 2016 г. по делу № 2-6351/2016 поименованный в гражданском законодательстве опцион на заключение договора может быть также квалифицирован как смешанный договор с элементами купли-продажи права, если он был заключен до вступления в силу ст. 429.2 ГК РФ [30].

В виду большого количества видов смешанных договоров он является непоименованным в Гражданском кодексе РФ (за некоторыми исключениями) и к его регулированию применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых в нем содержатся, если иное не вытекает из соглашения сторон или сущности смешанного договора. В таком случае возникает вопрос о необходимости включения конструкций смешанных договоров в гражданское законодательство. Считаем, что такое легальное закрепление оправдано для смешанных договоров, часто используемых и проверенных на практике, так как позволит сформировать для них более четкое правовое регулирование и получить официальное признание. В вопросе соотношения рассматриваемых в статье правовых конструкций достижение этой цели представляется наиболее актуальным, так как позволит избежать ошибки правоприменителя касательно определения отдельных черт соглашения как относящихся к предварительному договору или же к опциону на заключение договора.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301
2. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 8 марта 2015 г. №42-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. ст. 1412
3. Суханов Е.А. Российское гражданское право. Обязательственное право. М.: Статут, 2011. 1208 с.
4. Морозов С. Ю. Система транспортных организационных договоров: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 491 с.
5. Андрющенко А. В. Место организационных отношений в предмете гражданско-правового регулирования // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Право. 2014. № 2 (12). С. 111-116
6. Мустафин Р.Ф. Правовой режим исполнения договора присоединения и предварительного договора // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 2. С. 69-72
7. Максименко А.В. Особенности исполнения обязательств, возникающих из предварительного договора // Закон и право. 2011. № 3. С. 54-55
8. Малеина М.Н., Мозолина В.В. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный). М., 2004. 848 с.
9. Миронов В.В. Предварительный договор как разновидность организационного договора в гражданском праве // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: сборник науч.-практ. статей II Междунар. науч.-практ. конференции молодых ученых / отв. ред. д.ю.н., проф. В.П. Камышанский, к.ю.н. Е.Ю. Руденко. – Краснодар: АНО «НИИ АПСП», 2017. – 231 с.
10. Красников Н. О концепции опционного соглашения как предварительного договора по российскому праву // Юрист. 2009. № 12. С. 25-30
11. Жуков Д.А. Правовое регулирование срочных сделок на фондовом рынке: дис. канд. юрид. наук. М., 2006. 184 с.
12. Бородкин В.Г. Опционный договор в проекте изменений в Гражданский кодекс // Московский юрист. - М.: Закон, 2013, № 2 (9). - С. 78-87
13. Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей /

под общ. ред.: Карпович В. Д. – М.: Спарк, Хозяйство и право. 1995. 597 с.
14. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 февраля 2001 г. N 59 "Обзор практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации", 2001 г., N 4
15. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 января 2018 г. N 50-КГ17-27 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09012018-n-50-kg17-27/(дата обращения 01.02.2021)
16. Селезнева Е.Н. Некоторые проблемы предварительного договора и его обеспечительной функции, а также гарантии и риски заключения сделки // Державинский форум. 2018. Т. 2. № 8. С.31-38
17. Меньшин П.А. Предварительный договор в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2011. 179 с.
18. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 мая 2019 г. N 56-КГ19-2 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21052019-n-56-kg19-2/(дата обращения 01.02.2021)
19. Постановление АС Московского округа от 12.03.2015 № Ф05-15488/2013 по делу № А41-6339/13 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/BFP0RL4h7SWg/ (дата обращения 01.02.2021); 20. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 01.04.2013 по делу № А19-22854/10 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/va6iXoSKrRlp/(дата обращения 01.02.2021)
21. Решение Арбитражного суда города Москвы по делу N А40-26875/13, А40-64947/13 от 19 ноября 2013 г. // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/y0EhlfMz7Uln/ (дата обращения 01.02.2021)
22. Определение Верховного Суда РФ от 22 июля 2015 г. N 305-ЭС15-7532 Об отказе в передаче кассационной жалобы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации // URL: https://base.garant.ru/71156344/ (дата обращения 01.02.2021)
23. Решение № 2-1867/2017 2-1867/2017~М-1428/2017 М-1428/2017 от 8 ноября 2017 г. по делу № 2-1867/2017// URL: https://sudact.ru/regular/doc/S8lt62zWEWd3/ (дата обращения 15.02.2021)
24. Решение № 2-788/2016 2-788/2016~М-498/2016 М-498/2016 от 16 июня 2016 г. по делу № 2-788/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/YlVKVaNqCLbF/ (дата обращения 15.02.2021)
25. Решение № 2-7956/2015 2-908/2016 2-908/2016(2-7956/2015;)~М-7091/2015 М-7091/2015 от 9 марта 2016 г. по делу № 2-7956/2015 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/jJSWtSAGI8Y8/ (дата обращения 15.02.2021)
26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. N 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора" // Российская газета от 11 января 2019 г. N 4
27. Карапетов А.Г. Предварительный договор: комментарий к новой редакции ст. 429 ГК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zakon.ru/blog (дата обращения 15.02.2021)
28. Решение № 2-2905/2020 2-2905/2020~М-2749/2020 М-2749/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 2-2905/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/TwTwLyPa0IUL/ (дата обращения 15.02.2021)
29. Определение Верховного Суда РФ от 17.09.2020 N 307-ЭС20-12333 по делу N А56-60167/2019 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17092020-n-307-es20-12333-po-delu-n-a56-601672019/ (дата обращения 01.02.2021)
30. Решение № 2-6351/2016 2-6351/2016~М-7169/2016 М-7169/2016 от 23 июня 2016 г. по делу № 2-6351/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/64uPU8zyF2Hl/(дата обращения 15.02.2021)

Ablyatipova N.A., Adler A.V. Correlation of legal structures of a preliminary contract and an option to conclude a contract: analysis of theory and system of legal practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 270-280.

In this article, based on the analysis of the current civil legislation, judicial practice and scientific literature, the problem of the correlation of a preliminary agreement with an option to conclude an agreement is considered. Their legal nature is analyzed, criteria for similarities and differences between the specified contractual structures are determined. The paper provides examples of cases of incorrect differentiation of a preliminary contract and an option to conclude a contract in practice, and also describes the features of their qualification as mixed contracts. The authors conclude that the design of a preliminary contract is different from an option to conclude a contract, despite some similarities. The necessity of legal delimitation of the specified contractual forms, as well as the inclusion of some mixed structures in the Civil Code of the Russian Federation, which will allow to avoid their misuse by the law enforcement officer, is noted.

Keywords: agreement, preliminary agreement, option to conclude an agreement, comparative analysis, form of agreement, content of the agreement, judicial practice.

Spisok literatury

1. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 08.12.2020) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 5 dekabrya 1994 g. N 32 st. 3301
2. O vnesenii izmenenii v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 8 marta 2015 g. №42-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 10. st. 1412
3. Sukhanov E. A. Rossiiskoe grazhdanskoe pravo. Obyazatel'stvennoe pravo. M.: Statut, 2011. 1208 c.
4. Morozov S. Yu. Sistema transportnykh organizatsionnykh dogovorov: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2011. 491 s.
5. Andryushchenko A. V. Mesto organizatsionnykh otnoshenii v predmete grazhdansko-pravovogo regulirovaniya // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Seriya: Pravo. 2014. № 2 (12). S. 111-116
6. Mustafin R.F. Pravovoi rezhim ispolneniya dogovora prisoedineniya i predvaritel'nogo dogovora // Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2012. № 2. S. 69-72
7. Maksimenko A. V. Osobennosti ispolneniya obyazatel'stv, voznikayushchikh iz predvaritel'nogo dogovora // Zakon i pravo. 2011. № 3. S. 54-55
8. Maleina M. N., Mozolina V. V. Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii, chasti pervoi (postateinyi). M., 2004. 848 s.
9. Mironov V. V. Predvaritel'nyi dogovor kak raznovidnost' organizatsionnogo dogovora v grazhdanskom prave // Aktual'nye problemy grazhdanskogo i predprinimatel'skogo prava: sbornik nauch.-prakt. statei II Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii molodykh uchenykh / otv. red. d.yu.n., prof. V.P. Kamyshanskii, k.yu.n. E.Yu. Rudenko. – Krasnodar: ANO «NII APSP», 2017. – 231 s. 10. Krasnikov N. O kontseptsii optsionnogo soglasheniya kak predvaritel'nogo dogovora po rossiiskomu pravu // Yurist. 2009. № 12. S. 25-30
11. Zhukov D. A. Pravovoe regulirovanie srochnykh sdelok na fondovom rynke: dis. kand. yurid. nauk. M., 2006. 184 s.
12. Borodkin V.G. Optsionnyi dogovor v proekte izmenenii v Grazhdanskii kodeks // Moskovskii yurist. - M.: Zakon, 2013, № 2 (9). - S. 78-87
13. Kommentarii chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii dlya predprinimatelei / pod obshch. red.: Karpovich V. D. – M.: Spark, Khozyaistvo i pravo. 1995. 597 s.
14. Informatsionnoe pis'mo Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 16 fevralya 2001 g. N 59 "Obzor praktiki razresheniya sporov, svyazannykh s primeneniem Federal'nogo zakona "O gosudarstvennoi registratsii prav na nedvizhimoe imushchestvo i sdelok s nim" // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii", 2001 g., N 4
15. Opredelenie SK po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 9 yanvarya 2018 g. N 50-KG17-27 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09012018-n-50-kg17-27/(data obrashcheniya 01.02.2021)
16. Selezneva E. N. Nekotorye problemy predvaritel'nogo dogovora i ego obespechitel'noi funktsii, a takzhe garantii i riski zaklyucheniya sdelki // Derzhavinskii forum. 2018. T. 2. № 8. S.31-38
17. Men'shin P. A. Predvaritel'nyi dogovor v rossiiskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. M., 2011. 179 s.
18. Opredelenie SK po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 21 maya 2019 g. N 56-KG19-2 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21052019-n-56-kg19-2/(data obrashcheniya 01.02.2021)
19. Postanovlenie AS Moskovskogo okruga ot 12.03.2015 № F05-15488/2013 po delu № A41-6339/13 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/BFP0RL4h7SWg/ (data obrashcheniya 01.02.2021); 20. Postanovlenie FAS Vostochno-Sibirskogo okruga ot 01.04.2013 po delu № A19-22854/10 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/va6iXoSKrRlp/(data obrashcheniya 01.02.2021)
21. Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy po delu N A40-26875/13, A40-64947/13 ot 19 noyabrya 2013 g. // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/y0EhlfMz7Uln/ (data obrashcheniya 01.02.2021)
22. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 22 iyulya 2015 g. N 305-ES15-7532 Ob otkaze v peredache kassatsionnoi zhaloby v Sudebnuyu kollegiyu Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii // URL: https://base.garant.ru/71156344/ (data obrashcheniya 01.02.2021)
23. Reshenie № 2-1867/2017 2-1867/2017~M-1428/2017 M-1428/2017 ot 8 noyabrya 2017 g. po delu № 2-1867/2017// URL: https://sudact.ru/regular/doc/S8lt62zWEWd3/ (data obrashcheniya 15.02.2021)
24. Reshenie № 2-788/2016 2-788/2016~M-498/2016 M-498/2016 ot 16 iyunya 2016 g. po delu № 2-

788/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/YlVKVaNqCLbF/ (data obrashcheniya 15.02.2021)
25. Reshenie № 2-7956/2015 2-908/2016 2-908/2016(2-7956/2015;)~M-7091/2015 M-7091/2015 ot 9 marta 2016 g. po delu № 2-7956/2015 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/jJSWtSAGI8Y8/ (data obrashcheniya 15.02.2021)
26. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 25 dekabrya 2018 g. N 49 "O nekotorykh voprosakh primeneniya obshchikh polozhenii Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii o zaklyuchenii i tolkovanii dogovora" // Rossiiskaya gazeta ot 11 yanvarya 2019 g. N 4
27. Karapetov A.G. Predvaritel'nyi dogovor: kommentarii k novoi redaktsii st. 429 GK. [Elektronnyi resurs]: https://zakon.ru/blog/2015/11/17/predvaritelnyj_dogovor_kommentarij_k_novoj_redakcii_st429_gk
28. Reshenie № 2-2905/2020 2-2905/2020~M-2749/2020 M-2749/2020 ot 30 iyulya 2020 g. po delu № 2-2905/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/TwTwLyPa0IUL/ (data obrashcheniya 15.02.2021)
29. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 17.09.2020 N 307-ES20-12333 po delu N A56-60167/2019 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17092020-n-307-es20-12333-po-delu-n-a56-601672019/ (data obrashcheniya 01.02.2021)
30. Reshenie № 2-6351/2016 2-6351/2016~M-7169/2016 M-7169/2016 ot 23 iyunya 2016 g. po delu № 2-6351/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/64uPU8zyF2Hl/(data obrashcheniya 15.02.2021)

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 281-288.

УДК 347
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-281-288

ДВА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Онищенко В. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье анализируются сложившиеся подходы к исследованию и выявлению юридического содержания положений гражданского законодательства. Констатируется, что господствующий подход вообще не может быть назван методологическим, поскольку он основан на интуиции и не предполагает использования какого-либо методологического инструментария. Этот подход господствует в практике применения положений гражданского законодательства в России. Неудовлетворенность таким подходом к исследованию и выявлению юридического содержания положений актов гражданского законодательства привела к попыткам использования в этих целях понятия рефлексивного действия права. Не отрицая вообще значения этого понятия как методологического инструмента познания права, автор доказывает, что этот инструмент непригоден для исследования и выявления юридического содержания положений гражданского законодательства. Единственно пригодный для этих целей методологический инструментарий был разработан на рубеже XIX – XX веков Е.В. Васьковским. Более, чем через 100 лет он был усовершенствован и приспособлен к изменившимся условиям.

Ключевые слова: положения гражданского законодательства; юридическое содержание законодательства; текстуально закрепленные правовые нормы; логически закрепленные правовые нормы; методологический инструментарий правотолкования; вывод а контрарио.

Профессия юриста предполагает прежде всего знание методологического инструментария, используемого с целью познания юридического содержания положений гражданского законодательства, реальное владение умениями и навыками использования указанного инструментария для выявления этого содержания. Попытки постановки проблемы, вытекающей из приведенного тезиса, и ее исследования в науке гражданского права были. Но, как представляется, постановка проблемы была недостаточно острой и четкой, а ее исследование не получило надлежащего развития. Изложенное дает основание утверждать, что обращение к исследованию методологических аспектов познания юридического содержания положений гражданского законодательства является актуальным.

К проблеме методологических подходов к исследованию юридического содержания положений гражданского законодательства в разной мере детально обращались Р.ф. Иеринг, Е.В. Васьковский, Ф. Регельсбергер, В.А. Белов, В.Г. Ротань, О.Е. Сонин, Ю.В. Черткова и другие ученые.

Целью настоящей статьи является попытка более острой постановки проблемы методологических подходов к исследованию юридического содержания положений гражданского законодательства и разработка теоретических положений, направленных на совершенствование методов познания этого содержания.

В заглавии настоящей статьи указано на два методологических подхода к исследованию юридического содержания положений гражданского законодательства. И это представляется правильным. Однако следует признать, что есть еще и третий подход к познанию этого объекта. Но третий подход нельзя назвать методологическим, ибо он не предполагает использования каких-либо методов вообще. Более того, он отрицает использование каких-либо методологических инструментов, а потому и не может быть назван методологическим. К сожалению, этот подход освящен классиками мировой цивилистической и более широко – юридической мысли и получил всеобщее распространение.

Ф.К.ф. Савиньи выполнил огромную работу по исследованию действовавшего в Германии вплоть до конца девятнадцатого века римского гражданского права. Больше, чем Ф.К.ф. Савиньи, внимания букве римского гражданского права оказали разве что глоссаторы и постглоссаторы. Но их творчество в отечественных профессиональных трудах менее известно. Автору настоящей статьи не хотелось бы выбирать себе в оппоненты классиков мировой цивилистической мысли. Но выхода нет. Приходится вступать в дискуссию, раз уж классики отрицает возможность использования вообще каких-либо методов познания юридического содержания положений гражданского законодательства (правда, термин «методы» Ф.К.ф. Савиньи не употребляет, но употребляемый им термин «правила», который в контексте того, что писал классик, полагаем, можно признать тождественным термину «методы»). Ф.К.ф. Савиньи признает теорию толкования, то есть науку о методах познания юридического содержания положений актов гражданского законодательства, «недостаточной и хотя эта недостаточность является случайной (так сложилось), но даже наилучшим образом разработанная теория толкования не может быть признана имеющей ценность, ибо толкование – это искусство, которое, как и любое другое «невозможно передать или приобрести через правила» [1, с. 389]. Эти слова, перефразируя известную пословицу, из творчества Ф.К.ф. Савиньи не выкинуть, хотя они плохо согласуются с другими положениями его произведений, в том числе с положениями, буквально стоящими рядом. Все же следует заключить, что Ф.К.ф Савиньи отрицает какие-либо методологические подходы к познанию юридического содержания положений гражданского законодательства.

Г.Ф. Пухта также должен быть отнесен к классикам мировой цивилистической мысли. Его отрицание возможности использования каких-либо методологических инструментов с целью познания содержания положений законодательства более категорично. Он характеризовал юридическую герменевтику, то есть науку, исследующую методологические инструменты познания юридического содержания положений актов законодательства, как «весьма поверхностную, бесполезную, не проникающую в суть дела дисциплину». Ей он противопоставлял «юридический такт и разум», полагая, что «внешние правила полезны только слабым головам» [цит. по: 2, с. 57].

К тем, кто отрицает методологические инструменты познания юридического содержания, относится и Г.Кельзен. Он тоже предельно резок: «… обычные средства толкования argumentum a contrario, доказывание от противного и по аналогии никуда не годятся… И принцип так называемого взвешивания интересов является только формулировкой, а не решением проблемы…» [3, с. 374]. Против этого классика, который все-таки философ и теоретик права, не работавший никогда с нормативными

текстами, могут быть выставлены те же аргументы, которые использовал Р.ф. Иеринг против Цицерона, неодобрительно отзывавшегося о юриспруденции, и Гегеля, отрицавшего соответствующую монополию сословия юристов [4, с. 322, 324]: «… Мышление юридическое и мышление неюристов находятся между собою в крайнем противоречии» [4, с. 324].

С Ф.К.ф. Савиньи и Г.Ф. Пухтой в дискуссию вступать труднее. Да, никто этого не хотел и никто на это не решался. Так утвердился иррациональный, интуитивный подход к правотолкованию. Он утвердился и в континентальной Европе, и даже в Германии, которая, по свидетельству современных исследователей, склонна искать содержание права исключительно в пределах законодательства даже с учетом концепций Interessenjurisprudenz и Wertungsjurisprudenz [5, с. 207-278]. Интуитивная юриспруденция прочно утвердилась и в России. Параллельно с этим в науке, законодательстве и, само собой разумеется, в судебной практике утверждается идея судебного правотворчества.

Но параллельно с этим осуществляются попытки рационального осмысления юридического содержания положений законодательства. Одну из таких попыток предпринял В.А. Белов путем использования в качестве методологического средства (инструмента) понятия рефлекса объективного права (рефлексивного действия права, рефлексивных правовых норм) [6, с. 326]. В своих научных поисках В.А. Белов опирается на разработанные Р.ф. Иерингом научные положения, в которых проявилось его стремление «свести к одной правильной точке зрения ряд загадочных до сих пор почти не исследованных или неправильно понятых явлений и раскрыть их для юридического понимания» [7, с. 563].

Но уже в указанном Р.ф. Иерингом ряду оказались явления, которые трудно или невозможно вообще поставить в один ряд. С одной стороны, автор ведет речь, например, о вещной защите установленного договором ограничения права собственности покупателя на купленного раба и сохранении таких ограничений и защиты при последующих продажах того же раба, т.е. о явлениях сугубо юридических. С другой стороны, переводчик в своих примечаниях указывает на то, что Р.ф. Иеринг вообще пишет не о рефлексивном действии права, а тем более, - не о рефлексивных правовых нормах, а о «рефлексивном (отраженном) действии юридических событий» [7, с. 563], о влиянии юридических событий на посторонних лиц. «Влияние юридических событий на посторонних лиц» – это выходит за пределы темы настоящей статьи.

Но в интерпретации В.А. Белова понятием рефлекса объективного права охватывается и та проблематика, которая охватывает выявление юридического содержания положений актов гражданского законодательства и которую нет никакой необходимости включать в понятие рефлекса объективного права или смежных с ним понятий. Может быть, дело даже не в отсутствии указанной необходимости, а в том, что использование в таком случае понятия рефлекса объективного права не служит цели познания соответствующей правовой реальности, а уводит в сторону от этой цели (возможно, даже в противоположную).

Покажем это на примере п.1 ст. 426 ГК («публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже

товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т.п.)»).

Раскрывая содержание рефлексивного эффекта, заложенного положением абзаца первого п.1 ст. 426 ГК, В.А. Белов пишет: «Логическое преобразование данной нормы дает нам следующие выводы: 1) коммерческая организация должна заключать договоры об осуществлении ею публичной деятельности со всяким обратившимся; 2) всякий и каждый может исходить из того (полагаться или рассчитывать на то), что ни одна коммерческая организация, занимающаяся публичной деятельностью, не откажет ему в заключении договора на осуществление ею такой деятельности. Возможно ли в такого рода высказываниях заменить слово «должна» словом «обязана» (в смысле «несет юридическую обязанность»), а слова «может исходить из того» - словом «вправе требовать» (имеет субъективное право)? Ответ на первый вопрос столь же спорен, сколь однозначен и несомненен ответ на вопрос второй, - ни в коем случае! Ни о каком «субъективном праве всякого и каждого требовать заключения публичного договора» не может быть и речи. Перед нами – еще одна категория юридических возможностей, образовавшихся в результате рефлексивного действия права (норм ст. 426 ГК)» [6, с. 326-327].

Вместо рациональной обработки нормативного текста с использованием при этом надлежащего методологического инструментария, В.А. Белов усмотрел в приведенном выше законодательном положении рефлексивное действие права, а юридическое содержание положения абзаца первого п.1 ст. 426 ГК раскрыл сугубо интуитивно и, как представляется, - неправильно.

Рефлексивную правовую форму В.А. Белов усмотрел и в закреплении возможности всякого и каждого лица пользоваться (в соответствующей части) земельным участком в случаях, когда закон определяет правовой режим земельного участка [6, с. 326]. Представляется, что категория рефлексивной правовой нормы использована и в данном случае совершенно неуместно. А использование этой категории для познания юридического содержания положений актов гражданского законодательства не может дать положительный результат, а только прикрывает собою интуитивное и иррациональное правотолкование.

Перспективным средством познания содержания положений гражданского законодательства является цивилистическая методология, разработанная Е.В. Васьковским [8]. Но она, как дающая инструменты для рациональной обработки законодательных текстов, признания не получила. В последнем случае, который взят из творчества В.А. Белова и который заключается в определении правового режима земельных участков и предоставлении через посредство этого соответствующих правовых возможностей всякому и каждому, имеет место логическое закрепление правовых норм, текстуально в законе не выраженных. Такое закрепление правовых норм является обычным и распространенным явлением. Так, вред подлежит возмещению (п.1 ст. 1064 ГК), убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой (п. 1 ст. 394 ГК), определенные виды выморочного имущества переходят в собственность Российской Федерации (п.2 ст. 1151 ГК). И речь в подобных случаях должна идти о логически закрепленных в названных здесь законодательных положениях правовых нормах, которые обнаруживаются при помощи вывода от последующего

правового явления к предыдущему: раз вред полежит возмещению (п.1 ст. 1064 ГК), то кто-то имеет право на его возмещение, а кто-то другой обязан его возместить; раз убытки, как правило, возмещаются в части, не покрытой неустойкой (ч.1 ст. 394 ГК), то должник, нарушивший обязательство, обязан возместить убытки именно в соответствующей части, а кредитор имеет право на возмещение убытков именно в этой части; раз выморочное имущество переходит в собственность Российской Федерации (п.2 ст. 1151 ГК), то Российская Федерация имеет право получить в собственность в порядке наследования соответствующее выморочное имущество.

Такие правовые нормы замечены были еще в Древнем Риме. До рубежа между старой и новой эрой они не замечались, поскольку господствовало жестко буквальное правотолкование и правоприменение. Но уже Цицерон (I век до н.э.) призывает за буквой закона искать смысл последнего [8, с.359]. И формулировку договора, в соответствии с которой лицо имеет право прогона скота к водоему (предыдущее правовое явление) стали толковать так, что она закрепляет и право поить скот из этого водоема (последующее правовое явление). Формулировка договора, дающая право поить скот из чужого водоема (последующее правовое явление) стали толковать так, что она дает и право прогона скота к водоему через земельный участок, принадлежащий собственнику водоема (предыдущее правовое явление). Со временем завещание в пользу раба, то есть предоставление ему права получить в собственность имущество, входящее в состав наследства (последующее правовое явление) стали толковать как предоставление рабу свободы (предыдущее правовое явление).

Но современная наука не признает логически закрепленные правовые нормы, о которых здесь идет речь. Отсюда и пошло признание особого вида правовой формы – формы «юридического объекта или объекта права» [6, с. 316]. Между тем, такая правовая форма сама по себе не имеет какого-либо реального правового значения, она должна быть логически преобразована в правовые нормы и правоотношения, что предполагает в частности и выявление тех лиц, которым принадлежат права и которые несут обязанности, которые установлены указанными правовыми нормами и которые составляют содержание указанных правоотношений.

О применении норм права «по аналогии и по противоположности» В.А. Белов пишет и при анализе вопроса подбора норм – предписаний» [6, с. 215-217] при характеристике рефлексивных правовых форм [6, с. 325-326]. Однако, применение правовых норм «по противоположности» он выводит за пределы «рефлексивных правовых норм», хотя как раз результат, полученный путем использования вывода от противоположного (a contrario) в наибольшей мере подпадал бы под формулировку «обратное действие права», отождествляемую В.А. Беловым с формулировкой «рефлексивное действие права».

Избежав в последнем случае расширения содержания понятия рефлексивного (обратного) воздействия права, В.А. Белов расширяет это содержание за счет правовых явлений, которые находятся в сфере действия п. 1 ст. 426 ГК. Положение абзаца первого п.1 ст. 426 ГК сформулировано громоздко, его формулировка очень уж далека от формулировок, которые напоминают суждения импликативного типа. Поэтому оно в особенности нуждается в рациональной обработке с помощью надлежащего методологического инструментария.

Прежде всего следовало бы обратить внимание на то, что в положении абзаца первого п.1 ст. 426 ГК формулируется определение понятия публичного договора. Это определение вполне может быть признано логически строгим, классификационным. А правовая норма, закрепленная в положении абзаца первого п.1 ст. 426 ГК, по классификации С.С. Алексеева, должна быть признана дефинитивной нормой [9, с. 71]. Дефинитивные нормы в свою очередь С.С. Алексеев относит к ряду специализированных норм, которые он выделяет наряду с регулятивными и охранительными [9, с. 66]. С этими научными положениями, сформулированными ведущим советским теоретиком права, согласиться нельзя. В легальных определениях понятий обычно текстуально напрямую или логически закрепляются правовые нормы. Но в абзаце первом п.1. ст. 426 ГК ни текстуально ни логически не закреплена правовая норма, обязывающая лиц, осуществляющих предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, заключать договоры, подпадающие под определение публичных. И дело не в том, что слово «должно» в этом законодательном положении нельзя заменить словом «обязано», как полагает В.А. Белов. Такая замена вполне допустима, как и допустимо признать, что, если лицо, осуществляющее предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, *обязано*, то другая сторона соответствующего правоотношения *вправе*. Но указание на обязанность в абзаце первом п. 1 ст. 426 ГК содержится не в законодательном положении, формулирующем диспозицию правовой нормы, а в положении, называющем признак публичного договора: если соответствующее лицо должно (обязано) осуществлять определенную деятельность в отношении каждого, кто к нему обратиться, то такой договор является публичным. Но сама обязанность осуществлять эту деятельность в отношении каждого в абзаце первом п.1 ст. 426 ГК не устанавливается ни путем указания на долженствование (должно), ни путем указания на обязанность (обязано).

В.А. Белов не стремится использовать при интерпретации п.1 ст. 426 ГК методологический инструментарий, к которому в данном случае относятся понятия правовой нормы, гипотезы и диспозиции. Он «логически преобразовывает» положение абзаца первого п. 1 ст. 426 ГК, а далее интуитивно и произвольно делает вывод о том, что «должно» еще не означает «обязано», а «может рассчитывать» на заключение договора не означает предоставление субъективного права на заключение договора [6, с. 326-327]. Между тем, безотносительно к содержанию п. 1 ст. 426 ГК «должен» всегда означает «обязан». Другое дело, что положение абзаца первого п. 1 ст. 426 ГК не обязывают заключать публичные договоры и не предоставляют права на заключение публичных договоров. Обязанность заключать публичные договоры текстуально закреплена в положении абзаца первого п.3 ст. 426 ГК: формулировка, запрещающая отказываться от заключения договора, в результате ее грамматического преобразования может интерпретироваться как обязанность совершить положительные действия – заключить договор.

П.3 ст. 426 ГК может быть согласован с п.1 той же статьи одним из двух таких способов. Первый: обязанность осуществлять соответствующую деятельность в отношении каждого при помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему правовому явлению, интерпретируется как обязанность заключить договор. Второй: обязанность заключать публичные договоры интерпретируется как обязанность осуществлять соответствующую деятельность в отношении каждого.

После такого согласования обнаружен порочный логический круг. Положение абзаца первого п. 1 ст. 426 ГК указывает на наличие обязанности осуществлять соответствующую деятельность (и заключить договор) в отношении каждого как на признак публичного договора, что предполагает наличие положения, обязывающего или осуществлять соответствующую деятельность в отношении каждого или заключать договоры с каждым обратившимся. А п. 3 ст. 426 ГК предусматривает обязанность осуществлять деятельность и заключать договоры в случаях, когда договор является публичным. Получается, что п.1 ст. 426 ГК отсылает к п. 3 той же статьи, а п. 3 ст. 426 ГК отсылает обратно к п.1 той же статьи.

Для разрыва этого порочного круга необходимо установление правовой нормы, диспозиция которой устанавливала бы обязанность осуществлять деятельность (заключать договоры) в отношении каждого, а гипотеза определяла бы сферу, в которой эта диспозиция действует. Но такая правовая норма не устанавливается. Есть правовые нормы, которые распространяются на отдельные сферы имущественных отношений. Так, п. 1 ст. 12 Закона «О защите прав потребителей» возлагает на продавца (исполнителя) обязанность возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора. В этом законодательном положении логически закреплена правовая норма, обязывающая соответствующих лиц заключать договоры с потребителями. Подпункт 5 п.1 ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции» запрещает экономически или технологически необоснованный отказ либо уклонение от заключения договора.

Поэтому ст. 426 ГК нуждается в дополнении положением, которое устанавливало бы обязанность лиц, осуществляющих предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, заключать договоры и определяло бы сферы, где эта обязанность действует.

Изложенное дает основание для вывода о том, что неприемлемым является как сугубо интуитивное выявление юридического содержания положений гражданского законодательства, так и использование для этого ненадлежащих средств, которые в научной литературе преподносятся как методологические инструменты, но на самом деле не способны выполнять методологическую функцию. Надлежащие методологические средства выявления юридического содержания положений актов гражданского законодательства были разработаны на рубеже XIX и XX веков Е.В. Васьковским, а в новейшее время исследуются учеными Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского В.Г. Ротанем, О.Е Сониным, Ю.В. Чертковой.

Список литературы

1.Ф. Савиньи Ф.К.. Система современного римского права. Том I. – М.: Статут, 2011. – 510с.
2.Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 508с.
3.Кельзен Г. Чисте правознавство. – К.: Юніверс, 2004. – 496с.
4.Ф. Иеринг Р. Избранные произведения в 2 т. Т II. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 547с.
5.Грехениг К., Гелтер М. Трансатлантические различия в правовой мысли: американский экономический анализ права против немецкого доктринализма // Вестник гражданского права. – 2010. - №6. – Том 10. – С.207-278.
6.Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право: учебник. – М.: Юрайт, 2011. -521с.
7.Ф. Иеринг Избранные труды. В 2 т. Т.I. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 618с.
8.Муромцев С. Гражданское право Древнего Рима. – М., 1883. – 697с.

9.Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т.II. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360с.

V. V. Onischenko. Two methodological approaches to the study of the legal content of the provisions of civil legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 281-288.

The article analyzes the existing approaches to the study and identification of the legal content of the provisions of civil legislation. It is stated that the prevailing approach cannot be called methodological at all, since it is based on intuition and does not involve the use of any methodological tools. This approach dominates the practice of applying the provisions of civil legislation in Russia. Dissatisfaction with this approach to the study and identification of the legal content of the provisions of civil legislation acts has led to attempts to use the concept of reflexive action of law for this purpose. Without denying the meaning of this concept as a methodological tool for the knowledge of law, the author proves that this tool is unsuitable for the study and identification of the legal content of the provisions of civil legislation. The only methodological tools suitable for this purpose were developed at the turn of the XIX – XX centuries by E. V. Vaskovsky. More than 100 years later, it was improved and adapted to the changed conditions…

Keywords: provisions of civil legislation; legal content of legislation; textually fixed legal norms; logically fixed legal norms; methodological tools of legal interpretation.

Spisok literatury

1.F. Savin'i F.K. Sistema sovremennogo rimskogo prava. Tom I. – M.: Statut, 2011. – 510 s.
2.Vas'kovskij E.V. Civilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskih zakonov. – M.: Centr YUrInfoR, 2002. – 508 s.
3.Kel'zen G. CHiste pravoznavstvo. – K.: YUnivers, 2004. – 496 s.
4.F. Iering R. Izbrannye proizvedeniya v 2 t. T II. – SPb.: YUridicheskij centr Press, 2006. – 547 s.
5.Grekhenig K., Gelter M. Transatlanticheskie razlichiya v pravovoj mysli: amerikanskij ekonomicheskij analiz prava protiv nemeckogo doktrinalizma // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2010. - №6. – Tom 10. – S. 207-278.
6.Belov V.A. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'. T. I. Vvedenie v grazhdanskoe pravo: uchebnik. – M.: YUrajt, 2011. -521s.
7.F. Iering Izbrannye trudy. V 2 t. T.I. – SPb.: YUridicheskij centr Press, 2006. – 618 s.
8.Muromcev S. Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima. – M., 1883. – 697s.
9.Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava. V 2 t. T.II. – M.: YUridicheskaya literatura, 1982. – 360 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 289-303.

УДК: 347
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-289-303

НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Саченок Л. И., Змерзлый Б. В.

Россия располагает огромным потенциалом для развития внутреннего и въездного туризма. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2025 года ставит максимальное воплощение данных видов туристической деятельности приоритетной задачей. Развитие туризма является также стимулом для таких отраслей экономики, как торговля, строительство, сельское хозяйство, коммунальное хозяйство, транспорт, связь. Туризм, как таковой содействует укреплению физического и духовного здоровья граждан, обогащению знаний об окружающем мире, помогает понять и принять чужую культуру, традиции, обычаи. В связи с этим автором проведено исследование, изучены цели и принципы основных нормативно-правовых актов на федеральном и региональном уровнях, регулирующие туристическую деятельность Российской Федерации и выявлены проблемные аспекты. Автором разработаны пути и методы решения проблем и перспективы развития правового регулирования туристской деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: туристическая деятельность, стратегия, регулирования, антикризисные программы, права граждан.

В настоящее время туристская сфера деятельности выходит на качественно новый уровень. Государство разрабатывает программы по реализации планов развития и совершенствования туристической отрасли, постепенно увеличивает финансирование и усиливает безопасность российских и иностранных граждан, как в нашей стране, так и за её пределами.

Основными целями государственного регулирования являются положения, выполнению которых служат все нормативно – правовые акты Российской Федерации. Это могут быть обеспечение прав граждан на отдых, свободу передвижения и других прав при осуществлении путешествия, охрана и защита окружающей среды и развитие международного сотрудничества, также сюда можно отнести увеличение количества рабочих мест, рост дохода государства и сохранение, и развитие туристических ресурсов.

Государственное регулирование туризма – значительный компонент в экономике страны. Регулирование туристической деятельности в нашей стране базируется на принципах законности, справедливости и добросовестности сторон гражданско–правовых отношений. Ему посвящена глава в ФЗ «Об основах туристской деятельности».

Практически все эксперты туристической сферы считают, что туризм – это сложная система и для её развития необходимо слаженное взаимодействие органов государственной власти. Государство, признавая туристскую деятельность одной из приоритетных отраслей экономики Российской Федерации, на законодательном уровне содействует туристской деятельности и создает благоприятные условия для ее развития, определяет и поддерживает приоритетные направления в этой сфере [8].

Государственные интересы и международная конкуренция – основные причины, которые требуют внимания государственных органов в регулировании туристской сферы. Если государство будет разумно принимать решения, то это привлечет не только инвестиции, но и изменит к лучшему образ Российской Федерации.

Координирующими органами являются Президент РФ и Правительство РФ.

В Российской Федерации регламентирование туристской сферы осуществляет Федеральное агентство по туризму, непосредственное участие принимает Министерство иностранных дел РФ, Федеральная миграционная служба, Министерство внутренних дел РФ, Федеральная служба безопасности и таможенная служба.

Федеральное агентство по туризму функционирует на базе Указа Президента РФ «О Федеральном агентстве по туризму и Федеральном агентстве по физической культуре и спорту» (12 мая 2008 г.). Агентство предоставляет государственные услуги, регулирует государственное имущество и законодательство в туристской отрасли.

Руководит федеральным агентством Министерство культуры Российской Федерации.

Основными задачами ФАТ являются:

- осуществление главных направлений государственного регулирования туристической сферы в РФ, ведение единого федерального реестра туристических операторов;
- продвижение туристского продукта на внутреннем и мировом рынках;
- информирование об угрозе безопасности туристов;
- прием граждан.

Федеральное агентство по туризму занимается продвижением туристского продукта на мировой и государственный рынок. В законе «Об основах туристской деятельности» сказано, что продвижение туристического продукта – это множество мер, которые направлены на его продажу. К ним относятся: реклама, выставки, ярмарки, издание каталогов и буклетов. Эту работу осуществляют туристические операторы и агенты.

Министерство иностранных дел Российской Федерации действует согласно Положению о Министерстве иностранных дел в Российской Федерации. Это орган исполнительной власти, осуществляющий выработку и ведение государственной политики.

Важнейшими функциями МИДа РФ в туристической сфере являются:

- защита дипломатических прав, свобод и интересов граждан РФ;
- участие в создании связей и контрактов с гражданами РФ, живущими за границей.
- осуществление консульской работы;
- оформление паспортно-визовой документации.

Министерство внутренних дел РФ занимается государственной политикой и нормативно – правовым регулированием в сфере внутренних дел и миграции.

Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий обеспечивает безопасность путешественников на территории нашего государства.

Федеральная миграционная служба (ФМС России) – орган исполнительной власти, который осуществляет функции контроля и надзора в миграционной сфере.

Функции ФМС:

- оформление и выдача лицам другого государства к лицам без гражданства документов для въезда в Российскую Федерацию;
- контроль над соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства правил временного пребывания в РФ.

ФМС занимается выдачей виз, созданием приглашений, оформлением запретов въезда в Россию, принимает решения о продлении или сокращении времени нахождения лиц другого государства в РФ.

Министерство природных ресурсов и экологии РФ регулирует вопросы об особо охраняемых природных территориях.

Федеральная служба безопасности обеспечивает безопасность РФ: контрразведывательная деятельность, борьба с преступностью и терроризмом.

Федеральная таможенная служба – федеральный орган исполнительной власти, осуществляет государственную политику, контроль и регулирование таможенной деятельности. Он взыскивает пошлины и сборы.

Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека защищает права граждан в туристской отрасли.

Выполнение скоординированных действий органов власти позволяет извлечь из туристской отрасли значительный вклад в рост показателей экономики, увеличить налоговые поступления в бюджет, создавать новые рабочие места и сохранить туристический потенциал.

Важнейшие задачи и принципы государственного регулирования туристической деятельности можно увидеть в ФЗ РФ «Об основах туристской деятельности».

Ст. 4 гласит, что основными целями государственного регулирования является обеспечение права граждан на отдых, свободу передвижения, охрану окружающей среды, развитие туристической индустрии.

Единый федеральный реестр в Российской Федерации – один из методов государственного регулирования туристической сферы. Регламентируется Федеральным агентством по туризму.

Реестр – это информационная система, которая содержит в себе сведения о туроператоре: полное и сокращенное название; адрес; данные об учредителях; серия, номер и дата выдачи подтверждающего внесение в реестр документа и налогового свидетельства; фамилия, имя и отчество руководителя; объем денежного обеспечения; сфера туристической деятельности; адреса подразделений; адрес официального сайта.

Реестр ведется на бумажном и электронном носителе. Данные туроператора вносят в реестр на основании заявления, а орган не позже, чем через 5 дней со дня подачи заявления выносит решение о внесении или об отказе во внесение в реестр таких сведений. Слаженную работу туристической системы невозможно представить без планирования регулирования, координации и контроля со стороны ответственных структур.

Туристская политика – это система методов, мер и мероприятий социально – экономического, правового, внешнеполитического, культурного и иного характера, которая осуществляется парламентами, правительствами, государственными и частными организациями, ассоциациями и учреждениями в целях создания условий

для развития туристской индустрии, рационального использования туристских ресурсов, повышения эффективности функционирования системы туризма [2].

При осуществлении туристической политики государство реализует такие функции:

- Регулирование. Заключается в предоставлении прав лицам на отдых, свободу перемещения, охрану окружающей среды и формирование необходимых условий для осуществления деятельности, которая направлена на воспитание, образование и поправку здоровья туристов, расширение туристической индустрии.

Государственное регулирование туризма осуществляется, как правило, путем создания соответствующей законодательной и нормативной правовой базы. Эта база обеспечивает эффективное функционирование туристского рынка, доступ к ресурсам и их использование в целях туризма, соблюдение и защиту прав и интересов субъектов системы туризма и туристов, установление правил въезда, выезда и пребывания на территории страны с учетом интересов развития туризма [9].

Отношения в туристической отрасли регламентируются нормами общего и специального законодательства.

Административное законодательство регулирует порядок приема въездных виз, валютное законодательство – формы расчетов, таможенное – режим перемещения через границу товаров.

Главными методами регулирования туристической деятельности являются лицензирование, стандартизация и сертификация.

- Планирование – это деятельность по развитию инфраструктуры и маркетинга.

«Туризм должен планироваться государственными властями, а также местной администрацией и туристскими организациями на комплексной и последовательной основе» [9].

Планирование отображается в программе развития туристической деятельности. Программы могут быть национальными, региональными и местными;

- Координация - важная функция, которая реализуется государством в туристической отрасли. Государство способствует налаживанию взаимоотношений министерств и ведомств по решению поставленных задач по совершенствованию туристской политики;
- Стимулирование – предоставление государством субсидий (очень развито во Франции, Великобритании, Австрии, Италии и Греции), выдача кредитов туристическим предприятиям, налоговые льготы;
- Маркетинг способствует формированию, продвижению и позитивному развитию туристического образа государства, что важно для появления интереса у иностранных лиц.

Национальный туристический продукт – это множество существующих природных, культурных и историко–архитектурных ресурсов, которые используются в туристской отрасли.

В маркетинге большое значение имеет рекламная и информационная деятельность, она способствует притоку денежных средств;

- Социальный туризм – применение программ по обеспечению возможностей туризма для инвалидов, детей, молодежи и пенсионеров.

Туристическую политику можно разделить на национальную и международную. Национальная политика осуществляется на местном уровне и определяется государством.

Международная политика – государство действует согласовано с другими государствами и использует договора и соглашения для регулирования отношений международного характера.

В широком смысле под туристской политикой понимают систему методов, мер и мероприятий социально – экономического, правового, внешнеполитического, культурного и иного характера. Осуществляется парламентом, правительством, государственными и частными организациями, ассоциациями и учреждениями в целях создания условий для развития туристской индустрии, рационального использования туристских ресурсов, повышение эффективности функционирования системы туризма [10].

Существуют такие рычаги государственного регулирования туризма:

• создание законодательных актов, регулирующих туристскую сферу;

• формирование антикризисных программ, смягчающих спад показателей;

• создание благоприятных и комфортных условий для инвестирования;

• согласование темпов развития туристической сферы и др. похожих;

• регулирование туристических потоков путем образования спроса и предложения в туристской сфере.

Принципами государственного регулирования в сфере туризма являются важнейшие мысли и идеи, воплощение в жизнь которых способствует продуктивному осуществлению и развитию туристской отрасли с учетом интересов всех её участников.

К целям государственного регулирования можно отнести:

- предоставление права гражданам на отдых, свободу передвижения и др. прав при осуществлении путешествий;
- охрана окружающей среды;
- построение таких условий, которые способствовали бы воспитанию, образованию и оздоровлению туристов;
- совершенствование индустрии туризма.

Лицензирование – один из видов государственного регулирования туристской сферы. Оно предусматривает выдачу лицензии на оказание туристических услуг.

Лицензирование – это деятельность, выполнение которой может вызвать причинение вреда правам, интересам, жизни и здоровью граждан. Её регулирует ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности».

Целью лицензирования является защита прав и интересов государства и туристов, улучшение качества обслуживания.

Лицензирование – это осуществление процедур по переоформлению документов, которые подтверждают наличие лицензий, прекращение и возобновление действия лицензий, контролю лицензирующих органов за выполнением требований и ведению реестра лицензий.

Лицензия – специальное разрешение на осуществление конкретного вида деятельности при обязательном соблюдении лицензионных требований и условий, выданное лицензирующим органом соискателю лицензии [11].

Лицензиат – юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, у которого есть лицензия на осуществление конкретного вида деятельности.

В нашей стране лицензированию подлежит отдельно туроператорская и отдельно турагентская деятельность. Органом, занимающимся лицензированием является Федеральное агентство по туризму.

Лицензирование туристической деятельности, выполнение лицензионных требований помогает (содействует) поддержке высокой степени качества обслуживания и защите прав туристов.

Лицензии выдаются уполномоченным государственным органом при таких условиях:

• наличие служебного помещения;

• наличие в штате не менее одного работника, имеющего специальное образование или стаж работы в туризме 3 года;

• наличие полной информации о работе лицензиата;

• наличие документов на туристический продукт;

• наличие условий и возможностей доведения до туристов полной информации о туристическом продукте [8].

Основным средством государственного регулирования является стандартизация.

Стандартизация – это действия, направленные на построение и утверждение требований и норм, обязательных для выполнения и рекомендуемых.

Цель стандартизации – обеспечение роста уровня качества обслуживания и защиты прав граждан.

Важнейшие задачи, которые ставит перед собой стандартизация, можно разделить на:

• утверждение перечня показателей качества услуг;

• формирование требований к технологиям;

• формулирование требований для безопасности услуг;

• постановка задач для сертификации;

• координация деятельности туристических организаций;

• утверждение терминов и определений, важнейших понятий в стандартизации и управлении качеством в туристической сфере.

Объектом стандартизации является услуга или процесс обслуживания, для них создают различные требования и параметры.

Стандартизация может быть международной, региональной, национальной, государственной, отраслевой.

Стандарт – это нормативный документ, разработанный на основе консенсуса, утвержденный признанным органом, направленный на достижение оптимальной степени упорядочения в определенной области [12].

Государственные стандарты (ГОСТы) диктуют необходимые условия туристического обслуживания, которые защищают жизнь и здоровье граждан, окружающую природу.

Сертификация – это мероприятия, которые подтверждают соответствие, с их помощью организация утверждает в рукописной форме, что услуги и продукты проходят проверку на качественное выполнение требований.

Не так давно в нашей стране образовалась концепция национальных инновационных систем (НИС). Это разнообразие отношений государственных, частных и

общественных предприятий по поводу формирования, развития и сохранения свежих знаний и превращение их в туристические продукты и услуги.

Большинство стран создают свои особые национальные организации для распространения различных инноваций в туристской отрасли: Visit Britain, Tourespana, Polska Organizacia Turystyczna.

Общегосударственное и региональное значение туризма состоит в способности приносить большие поступления доходов в государственный бюджет и региональный бюджет через налоги. И чем больше доходы туристских организаций и предприятий, тем больше поступлений в эти бюджеты [11].

Применение сертификации формирует условия для удачного разрешения возникающих проблем.

Сертификация продукции может быть обязательной и добровольной.

Туристская политика нацелена на усиление туризма с экономической точки зрения и рост эффективности этого сектора. На сегодняшний день, государство стремится передать свои полномочия на региональный уровень.

Государство при регулировании туристической политики ставит перед собой такие задачи:

- построение программ развития туризма;
- утверждение принципов охраны окружающей среды;
- контроль над соблюдением качественного обслуживания туристов;
- льготы для новых туристских предприятий;
- организация поддержки рекламы, ярмарок, фестивалей и спортивных мероприятий;
- обеспечение новыми кадрами с профессиональной подготовкой.

Принципы государственной политики:

- Поддержка туристической сферы и создание комфортных условий для её улучшения;
- Установление и поддержка главных отраслей туристической деятельности;
- Принятие туризма с экономической и социальной стороны, как значимую отрасль. Социальная сторона проявляется в совершенствовании социального туризма в пользу наименее обеспеченных слоев населения. Экономическая же во влиянии на структуру бюджетов субъектов РФ;
- Содействие в доступности туристических услуг всем гражданам нашей страны и гражданам с минимальным доходным уровнем;
- Создание представления о России как о государстве, благоприятном для туризма, укрепление отношений между государствами (международное сотрудничество);
- Содействие российским туристам, туроператорам и турагентам заключается в создании нормативно – правовых актов, которые регулируют туризм, принятии мер обеспечения безопасности, установлении мер административной, уголовной и гражданской ответственности за несоблюдение закона.

О. В. Ткаченко считает, что туризм – явление социальное, требующее хорошего знания и учета местных природно–климатических, историко–литературных, экономических условий, обычаев и традиций, инфраструктуры, в связи, с чем развитие туристской деятельности возможно при сочетании федерального и регионального ведения при безусловном первенстве федеральной политики в области туризма [9].

Туристская деятельность объединяет различные отношения между разнообразными субъектами. Туристские взаимоотношения регламентируются разнообразными отраслями права. Если говорить о нахождении содержания договора, то это ведение только Российской Федерации, сюда также можно причислить отношения, складывающиеся по поводу пересечения государственной границы РФ, установления валютных и таможенных правил, стандартизацией в туризме.

Туристская деятельность – важнейший инструмент физического и духовного развития и оздоровления граждан, гарантия обновления и возрождения страны.

Вследствие перехода РФ к рыночной модели развития, проявились некоторые проблемы: отсталость отечественной туристской отрасли, недостаток методологического материала и нехватка разработок осуществления государственного регулирования.

Эти проблемы могут быть решены в условиях реализации государственной политики реформ и включения в средне и долгосрочные программы социального и экологического развития Российской Федерации.

Перспективы совершенствования туристской отрасли напрямую зависят от государственного регулирования на общенациональном и региональном уровнях.

В Российской Федерации система правового регулирования туристской сферы деятельности трехуровневая: федеральный, региональный и муниципальный уровни работают слаженно и дополняют друг друга:

- На Федеральном уровне: Министерство курортов и туризма РФ;
- На региональном уровне: Министерство курортов и туризма в регионе
- Управление курортами и туризмом на муниципальном уровне: город, район, микрорайон, село, хозяйственные субъекты

На муниципальном уровне разрабатывается система документов, которая не противоречит и соответствует федеральным и региональным актам, регулируются вопросы местного налогообложения и финансирования, а также подготавливаются местные программы развития.

Региональный уровень характеризуется исполнением вопросов местного налогообложение и поступлений выплат в бюджеты всех уровней.

На федеральном уровне выносят решения по поводу владения, распоряжения и пользования собственностью, федерального налогообложения, сертификации услуг и таможенных пошлин.

На федеральном и региональном уровне государственная политика в Российской Федерации ориентирована на:

- поиск экономических данных, которые необходимы для эффективного развития туристской политики;
- увеличение конкурентоспособности и производительности туристской деятельности;
- образование условий для привлечения большего количества граждан;
- усиление сотрудничества в международном плане.

Приоритетными направлениями государственного регулирования туристической отрасли считают поддержку и развитие внутреннего, въездного, социального и самодеятельного туризма.

Устойчивое развитие туризма является определяющим принципом при формировании структуры регулирования туристской деятельности. Устойчивое развитие

должно учитывать социальные и экономические, экологические факторы, живую и неживую ресурсную базу, долгосрочные и краткосрочные преимущества и недостатки альтернативных действий [8].

Всемирная хартия «Об устойчивом развитии туризма», которая была принята на Всемирной конференции по устойчивому развитию туризма в 1995 году, содержит эти основные положения «устойчивого развития туризма». В Малайзии в мае 2001 г. принят кодекс устойчивого развития туризма. Эти документы направлены на укрепление мира, развитие межгосударственных отношений, рост взаимопонимания между нациями. Огромное значение для развития туристской деятельности имеет государственная поддержка, а именно: образование инфраструктуры, строительство гостиниц и рационализация нормативно – правового законодательства.

Государство, признавая туристическую деятельность важной задачей в экономической политике Российской Федерации, поддерживает это направление деятельности и обеспечивает благоприятные условия для её совершенствования.

Для вынесения туристского продукта на мировой рынок федеральный орган исполнительной власти организует работу представительств за пределами РФ.

Регламент их деятельности определяется Правительством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации.

При чрезвычайных ситуациях наше государство осуществляет экстренную эвакуацию из страны временного пребывания.

Для защиты прав и интересов потребителей туристского продукта применяются лицензирование, стандартизация и сертификация туроператорской и турагентской деятельности.

В России развитие сферы туризма во многом определяется государственной политикой. Основные цели, задачи, принципы и направления государственной политики Российской Федерации соответствует международным нормам, а также регламентируются нормами российского права.

Цели государственного регулирования достигаются путем:

- нормативно – правового регулирования в туристской сфере, утверждения правил реализации туристического продукта;
- разработки и реализации программ развития туризма;
- поддержки в продвижении туристического продукта на рынок;
- защите прав и интересов туристов;
- помощи в обеспечении кадрами;
- стандартизации и сертификации;
- формирования и ведения единого федерального реестра.

Также составляющей государственного регулирования туризма признают участие его в образовании культуры туризма.

Культура туризма – это такое состояние, которое характеризуется высоким коэффициентом развития отношений между туристами, должностными лицами, представителями власти и работниками. В узком смысле, культура туризма – это понимание места и роли туристской отрасли в мировой экономике.

В результате слаженного и эффективного сотрудничества федерального органа исполнительной власти в туристской сфере, Правительства Российской Федерации и Федерального собрания Российской Федерации были утверждены нормативно–

правовые акты, которые на сегодняшний день соответствуют положениям международного права.

Ю. А. Барзыкин подчеркнул, что задача государства – разработка действующих, эффективных механизмов защиты прав и туристов, и туристического бизнеса, а затем внедрить их.

Туристическая система – это важнейшая отрасль экономики Российской Федерации. От её гибкости и полезности зависит интенсивность их функционирования.

Государственное регулирование туристской сферы в наше время является объективной реальностью. Его роль в развитии туристических услуг:

• обеспечение роста его показателей эффективности;

• содействие туризму;

• создание условий для возрождения традиций, культуры и рационального использования природных ресурсов в РФ;

• поддержке и защите производителей туристского продукта;

• разработка такого механизма в экономике, который содействует совершенствованию доступного туризма;

• обеспечение равных условий для реализации туристских услуг физическими и юридическими лицами;

• создание нормативно – правовой базы;

• оказание помощи в развитии межрегиональных и международных отношений;

• защите законных интересов и прав местных разработчиков туристического продукта.

Опыт последних лет показывает, что сейчас для эффективного функционирования народного хозяйства необходимо качественное государственное регулирование.

На сегодняшний день цель государственного регулирования туризма – это образование новейшего конкурентоспособного и высокоэффективного туристского комплекса, который обеспечил бы обширные возможности для удовлетворения спроса российских и иностранных граждан в различных услугах.

Регулирование туризма состоит из координирующих действий, способствующих развитию туризма в полном объеме с помощью Всемирной туристской организации, также, из согласованности на межгосударственном, национальном и региональном уровне.

Главными направлениями государственного регулирования являются совершенствование концепции государственного регулирования относительно туристской деятельности и исследования методических положений и представлений, которые обеспечивают выполнение целей государственного регулирования.

Можно сделать вывод, что в последние годы в туристической сфере деятельности активно формируется нормативно – правовая база, создаются местные, региональные и федеральные программы развития туристской сферы, образуются новые средства и инструменты, которые содействуют росту показателей эффективности туризма в Российской Федерации.

Закон «О техническом регулировании предусматривает передачу контроля качества выпускаемых товаров и услуг саморегулируемым организациям (некоммерческая организация, которая создана на базе членства), она закрепляет высокие стандарты выполнения профессиональных обязанностей участниками и регулирует их

соблюдение. История саморегулирования и самоуправления длится уже более 140 лет.

Важной функцией саморегулируемых организаций является защита интересов предпринимателей в их отношениях с государством [12].

Значение туристической сферы деятельности очень велико, несмотря на все существующие проблемы.

Существующие нормативно – правовые акты в Российской Федерации не всегда регламентируют важнейшие проблемы совершенствования туризма на региональном уровне.

Для эффективного развития туризма на региональном уровне необходимо выявлять такие вопросы правового регулирования, как поиск и поддержка важнейших направлений туристической деятельности, систематизация туристических ресурсов и их оценка, организация режима и охраны, а также порядка сохранения целостности и выполнение мер по их восстановлению, поддержка предпринимателей в туристской сфере.

Очень важна для туризма поддержка государства и формирование инфраструктуры, также развитие нормативного законодательства и строительство новых объектов.

Исходя из имеющийся проблем туристического бизнеса, необходимо разработать пути и методы решения проблем и перспективы развития правового регулирования туристской деятельности в Российской Федерации

Важнейшими направлениями развития туристической сферы Российской Федерации в настоящее время являются:

• рост регионального развития и возникновение новых центров на туристическом рынке;

• совершенствование IT – технологий и on – line магазинов;

• уменьшение деятельности туристических поездок и объединение разных видов отдыха;

• изменение спроса от массового к индивидуальному туризму;

• повышение спроса на качественные лечебно – оздоровительные услуги.

Для эффективного развития туристической сферы необходимо в первую очередь решить такие вопросы:

• Разработать и утвердить электронные туристические путевки как бланки строгой отчетности;

• Улучшать область страхования рисков в туристских путешествиях;

• Признать лечение в санаториях страховым случаем;

• Повысить качество системы классификации гостиниц и снизить цены на данные услуги;

• Ввести запрет на требования авиакомпаний о доплате туроператоров и туристов за выкупленные билеты на чартерные рейсы (за месяц до вылета авиалайнера).

Предпринимательство в туристской сфере может развиваться с помощью:

• разработки эффективных средств взаимодействия на рынке и создания системы коллективной безопасности;

- образование новых направлений и технологий совершенствования бизнеса;
- совершенствование на рынке и эффективная политика в области рекламы;
- сокращение затрат, минимизация рисков и развитие бизнеса;

- введение IT – технологий;
- повышение квалификации персонала.

Для рынка туристических услуг РФ необходимо развитие пляжного и оздоровительного туризма. Требуется реализовывать санаторно–курортный туристский продукт с помощью применения ресурсов уже имеющегося комплекса. В этой ситуации очень выручает заполнение курортных учреждений в низкий сезон туристами, приехавшими в деловых целях.

Сегодня, с помощью ведения активной политики по совершенствованию туризма, внимательному отношению государства и осуществлению масштабных международных культурных и спортивных мероприятий в государстве – степень развития туристской индустрии значительно возросла.

Около половины населения планеты принимает участие в туристской деятельности, несмотря на катаклизмы, терроризм и разнообразные социально–экономические и политические ситуации.

Значительная часть стран – лидеров туристических прибытий заняты увеличением бюджета и держат ориентир на совершенствование внутреннего туризма – наиболее перспективной сферы мировой экономики, Российская Федерация же, которая обладает всеми предпосылками для его динамичного развития.

У Российской Федерации есть все шансы построить большой рынок туристских услуг согласно с мировыми требованиями и стандартами.

Туристскую отрасль необходимо развивать так, чтобы усиливать локальную экономику, рационально и бережно применять природные ресурсы, нести пользу местным жителям с помощью предоставления рабочих мест, поддерживать развитие местных ремесел и народных промыслов, развивать инфраструктуру и сервис для туристов так, чтобы приносить пользу местным жителям.

Главные направления развития нормативно – правового регулирования в туристической сфере допускают разработку правовых актов, которые касаются всех секторов совершенствования туристской индустрии.

Сюда входят вопросы развития федерального и регионального законодательства, стимулирование инвестиционной деятельности, рост качества туристических услуг и государственной поддержки внутреннего туризма.

Актуальным вопросом является осуществление мер, которые направлены на улучшение культуры безопасности туризма и, которые предполагают у туристов образование сознательного отношения к обеспечению личной безопасности и к охране окружающей среды, культурно – историческому и природному наследию.

В настоящее время в Российской Федерации осуществляются серьезные процессы развития правового регулирования отношений, которые возникают при предоставлении туристских услуг.

Главнейшим принципом сегодняшней туристической деятельности считается его стабильное развитие. В 1 ст. Всемирной хартии «Об устойчивом развитии» под устойчивым развитием понимается такое развитие туризма, которое должно быть экологически приемлемым в долгосрочной перспективе, экономически жизнеспособным, этически и социально сбалансированным для местных общин. Устойчивое развитие является контролируемым процессом, предусматривающим глобальное управление ресурсами с целью обеспечения их жизнеспособности, создавая, таким

образом, возможность сохранения нашего природного и культурного богатства, включая охраняемые зоны.

В 1995 году общими усилиями Всемирной туристической организации, Всемирного совета по путешествиям и туризму и Совета Земли был разработан документ «Повестка дня на 21 век для отрасли путешествий и туризма» (Agenda 21, for the Travel and Tourism Industry). В этом документе были определены важнейшие принципы устойчивого развития туризма.

• Путешествиям и туризму подобает предоставлять гражданам здоровую и продуктивную жизнь в согласии с природой.

• Путешествиям и туризму подобает вносить вклад в защиту, сохранение и восстановление экосистем Земли.

• Они должны базироваться на устойчивом потреблении и производстве.

• Защита окружающей среды составляет основную часть процесса развития туризма.

• Проблемы, возникающие в процессе развития туризма, решаются с заинтересованными лицами, с планированием решений, которые принимаются на локальном уровне.

• Путешествия и туризм обеспечивают создание полной занятости местного населения.

• Совершенствование туризма распознает и поддерживает индивидуальность, культуру и интересы местных жителей.

• Международное законодательство, которое защищает окружающую среду должно исполняться туристской индустрией.

Развитие индустрии туризма сегодня происходит по интенсивному пути в условиях жесткой зависимости от различных угроз современного мира, от периодов спадов мировой экономики, техногенных аварий и природных катаклизмов, террористических актов, вооруженных конфликтов и т.д. в условиях сильнейшего воздействия геополитики различных стран и государственных объединений.

Сегодня важным шагом для туристской индустрии является решение проблемы с транспортом. Важно увеличить количество назначенных перевозчиков по межправительственному соглашению, совершенствовать lowcost – перевозки, увеличить географию дотирования сезонных перевозок, отменить НДС на внутренние пассажирские перевозки, осуществлять мониторинг ценообразования на авиатопливо и услуги транспорта с точки зрения соблюдения антимонопольного законодательства.

Росту туристского потока в РФ препятствует визовая проблема. Привлечению иностранных туристов важно упрощение туристских формальностей: установление безвизового въезда на 72 часа в большие туристские центры страны при существовании ваучера на гостиницу и другого авиа – или железнодорожного билета, применение безвизового въезда на масштабные мероприятия, список которых утверждается Правительством Российской Федерации.

Российская Федерация – самая большая страна по площади в мире. Соответственно, здесь необходима развитая транспортная сеть. Особенно применяется железнодорожный транспорт, а, значит, подающим надежды туризмом является железнодорожный.

Существует множество обстоятельств, которые определяют совершенствование туристской деятельности. Благоприятные обстоятельства приводят регион или гос-

ударство к позиции лидера в туризме на мировом рынке, неблагоприятные – вызывают падение туристического потока.

Воплощение в жизнь государственной программы РФ «Развитие культуры и туризма» на 2013 – 2025 годы дает возможность получить такие результаты:

• Образование высокой конкуренции туристского комплекса государства.

• Увеличение внутренних и въездных туристических потоков.

• Улучшение качества туристических услуг.

• Интеграция отечественного туризма в мировое туристское хозяйство.

• Увеличение части международного туристического рынка, который занимают отечественные предприятия.

• Улучшение образа Российской Федерации как страны, которая благоприятна для туристической деятельности.

• Высокий уровень совершенствования международного сотрудничества РФ в туристской области.

• Рост информированности зарубежных граждан о возможностях и преимуществах туризма в России.

Основной итог Государственной Программы – формирование целостной общегосударственной системы туризма, которая основана на выполнении туристического потенциала во всех регионах нашей страны.

Мировая практика показывает, что первейшими технологиями выступают технологии создания особых экономических зон туристско–рекреационного типа, туристско–рекреационных кластеров муниципального, межмуниципального, регионального, межрегионального (общегосударственного) и трансграничного (международного) уровней, инновационные технологии продвижения регионов и стран на внутреннем и международном туристическом рынке, технологии научного и кадрового сопровождения туристской индустрии.

С помощью технологий, скоростных путешествий и современных процессов экономики совершается стремительное увеличение региональных и международных связей.

Для воплощения Программ необходима активная деятельность учреждений образования, которые готовят профессионалов для туристского бизнеса и которые доказывают свою конкурентоспособность.

Подводя итог, можно сделать вывод, что туризм – важная отрасль экономики, которая предполагает экспортно-импортные процедуры с услугами. Туризм очень существенно влияет на совершенствование смежных сфер народного хозяйства: транспорта, торговли, бытового обслуживания, связи и многих других.

Список литературы

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации № 151-ФЗ от 30.11.1994г.
2. Федеральный закон "Об основах туристской деятельности в РФ" от 24.11.1996 N 132-ФЗ (последняя редакция) от 24 ноября 1996 года N 132-ФЗ.
3. Указ Президента РФ «О Федеральном агентстве по туризму и Федеральном агентстве по физической культуре и спорту» (12 мая 2008 г.).
4. Постановление Правительства РФ от 3 декабря 2020 г. N 2000 "Об утверждении Правил аккредитации организаций, осуществляющих классификацию гостиниц, классификацию горнолыжных трасс, классификацию пляжей.
5. Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. N 1852 "Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта"
6. Постановление Правительства РФ от 23 сентября 2020 г. N 1532 "Об утверждении Правил возмещения реального ущерба туристам и (или) иным заказчикам туристского продукта из денежных средств фонда персональной ответственности туроператора в сфере выездного туризма"
7. Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. N 1853 "Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации".

8. Гребенькова Я.В. Инновации в гостиничном бизнесе // Южный федеральный университет / №10-2, 2013. 247 с.
9. Левочкина Н.А. Региональный туризм: организационно-правовые аспекты регулирования // Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. № 4, 2011 С. 23-27.
10. Саченок Л.И., Никитина А.П. Государственная политика Российской Федерации в сфере туризма и ее реализация в регионах Республики Крым // Материалы конференции Проблемы и перспективы развития туризма в Южном Федеральном округе. Сборник научных трудов. Симферополь, 2016. С. 37-41.
11. Сирик И.Б. Субъекты, договора, оказание туристических услуг// Смоленский гуманитарный институт. №3, 2008 С.6-10.
12. Туляганова Ш.Х. Понятие, содержание и место договора об оказании туристических услуг в гражданско-правовых отношениях // Ташкентский государственный юридический университет № 10-12 (220-222), 216. С. 17-38.
13. Удалов Д.Э. Государственное регулирование туристической деятельности // МГИИГ им. Сенкевича. М., № 3(17). 2012. С.19-23.

Sachenok L. I. Directions of state-legal regulation of tourism activities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 289-303.

Russia has a huge potential for the development of domestic and inbound tourism. The strategy for the development of tourism in the Russian Federation for the period up to 2025 puts the maximum implementation of these types of tourist activities as a priority. The development of tourism is also an incentive for such sectors of the economy as trade, construction, agriculture, utilities, transport, communications. Tourism, as such, contributes to strengthening the physical and spiritual health of citizens, enriching knowledge about the world around them, helps to understand and accept foreign culture, traditions, and customs. In this regard, the author conducted a study, studied the goals and principles of the main regulatory legal acts at the federal and regional levels that regulate the tourist activity of the Russian Federation and identified problematic aspects. The author has developed ways and methods of solving problems and prospects for the development of legal regulation of tourist activities in the Russian Federation.

Keywords: tourism activity, strategy, regulation, anti-crisis programs, citizens rights.

Spisok literatury

1. Grazhdanskij Kodeks Rossijskoj Federacii № 151-FZ ot 30.11.1994g.
2. Federal'nyj zakon "Ob osnovah turistskoj deyatel'nosti v RF" ot 24.11.1996 N 132-FZ (poslednyaya redakciya) ot 24 noyabrya 1996 goda N 132-FZ.
3. Ukaz Prezidenta RF «O Federal'nom agentstve po turizmu i Federal'nom agentstve po fizicheskoj kul'ture i sportu» (12 maya 2008 g.).
4. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 3 dekabrya 2020 g. N 2000 "Ob utverzhdenii Pravil akkreditacii organizacij, osushchestvlyayushchih klassifikaciyu gostinic, klassifikaciyu gornolyzhnyh trass, klassifikaciyu plyazhej.
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18 noyabrya 2020 g. N 1852 "Ob utverzhdenii Pravil okazaniya uslug po realizacii turistskogo produkta"
6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23 sentyabrya 2020 g. N 1532 "Ob utverzhdenii Pravil vozmeshcheniya real'nogo ushcherba turistam i (ili) inym zakazchikam turistskogo produkta iz denezhnyh sredstv fonda personal'noj otvetstvennosti turoperatora v sfere vyezdnogo turizma"
7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18 noyabrya 2020 g. N 1853 "Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya gostinichnyh uslug v Rossijskoj Federacii".
8. Greben'kova YA.V. Innovacii v gostinichnom biznese // YUzhnyj federal'nyj universitet / №10-2, 2013. 247 s.
9. Levochkina N.A. Regional'nyj turizm: organizacionno-pravovye aspekty regulirovaniya // Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo. № 4, 2011 S. 23-27.
10. Sachenok L.I., Nikitina A.P. Gosudarstvennaya politika Rossijskoj Federacii v sfere turizma i ee realizaciya v regionah Respubliki Krym // Materialy konferencii Problemy i perspektivy razvitiya turizma v YUzhnom Federal'nom okruge. Sbornik nauchnyh trudov. Simferopol', 2016. S. 37-41.
11. Sirik I.B. Sub"ekty, dogovora, okazanie turisticheskih uslug// Smolenskij gumanitarnyj institut. №3, 2008 S.6-10.
12. Tulyaganova SH.H. Ponyatie, soderzhanie i mesto dogovora ob okazanii turisticheskih uslug v grazhdansko-pravovyh otnosheniyah // Tashkentskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet № 10-12 (220-222), 216. S. 17-38.
13. Udalov D.E. Gosudarstvennoe regulirovanie turisticheskoj deyatel'nosti // MGIIG im. Senkevicha. M., № 3(17). 2012. S.19-23.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 304-309.

УДК 347.1(035.3)
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-304-309

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

Некрасова Е. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Злоупотребление правом является интересной и спорной категорией в доктрине гражданского права. Отмечено, что история возникновения указанной категории имеет начало в праве Древнего Рима, где вопросы злоупотребления правом рассматривались римскими юристами в отношении конкретных случаев. Указаны основания классификации злоупотребления правом по различным основаниям. В статье рассматривается вопрос соотношения категорий «злоупотребления правом» и обязательств вследствие причинения вреда. Проведен анализ оснований деликтной ответственности и ответственности за злоупотребление правом в разных формах (шикана, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав). Выявлено, что указанные категории не являются тождественными и нормы о внедоговорной ответственности в случае злоупотребления правом начинают работать в субсидиарном режиме.

Ключевые слова: злоупотребление правом, шикана, деликт, обязательства вследствие причинения вреда, вред, виды злоупотребления правом.

Злоупотребление правом является одной из наиболее спорных категорий частного права, благодаря своей неопределенности и оценочному характеру. Она вызывает большое количество доктринальных проблем начиная от своего названия и правовой природы, заканчивая признаками этого явления. Данная категория имеет межотраслевой характер и недопустимость злоупотребления правом все чаще рассматривается как общеправовой принцип, который основывается на ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, которая гласит: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

По общему правилу, в римском праве действовал принцип qui jure suo utitur, neminem laedit., что означает, тот кто пользуется своим правом никому не причиняет вреда [1, с. 28]. Несмотря на это, вопросы злоупотребления правом рассматривались римскими юристами в отношении конкретных случаев. Именно в римском праве можно найти многочисленные указания на недопустимость конкретных действий, которые хотя и не назывались злоупотреблением правом, в связи с отсутствием такого термина, однако по своей сущности относились к этой категории. Например, институты Юстиниана содержали правило, по которому не любой может отпускать раба на волю, ведь тот, кто отпускает раба для обмана кредиторов, ничего не достигает, такой раб не получает свободы [2, с. 250].

В европейском праве нормативное регулирование недопущения злоупотребления правом при осуществлении обязательств реализуется при помощи трех групп правовых норм: тех, которые прямо запрещают шикану, как форму злоупотребления правом, тех которые содержат требования об осуществлении субъективных прав добросовестно и согласно добродетели, тех которые содержат требования осуществлять субъективные права с учетом общественных интересов [3, с. 7].

В теоретическом плане существуют различные классификации злоупотребления правом, в соответствии с разными критериями 1) в зависимости от вины (умышленная, неосторожная); 2) в зависимости от вида причинения вреда (имущественный, неимущественный); 3) по субъектному составу (юридические и физические лица, публично-правовые образования); 4) по предмету злоупотребления - вещь, другое имущество, личное неимущественное благо, результат интеллектуальной собственности; 5) по объекту злоупотребления (власть, право); 6) в зависимости от средств злоупотребления. В зависимости от цели злоупотребление правом предлагается виды злоупотреблений подразделить на следующие формы: а) злоупотребление правом с единственным намерением, т.е. с исключительной целью - причинить вред другому лицу (шикана); б) злоупотребление правом с целью обогащения, т.е. с целью получения имущественной выгоды; в) злоупотребление правом с целью избегания (уклонения) от выполнения своих обязанностей; г) злоупотребление правом с целью воспрепятствования, блокировки реализации субъективных прав кредиторов на их защиту и восстановление [4, с. 299].

В гражданском праве Российской Федерации запрет злоупотребления правом содержится в ст. 10 ГК РФ «Пределы осуществления гражданских прав», пункт 1 которой содержит такую норму: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении № 32-КГ14-17 от 03.02.2015 г. указала, что «злоупотребление правом, по смыслу статьи 10 Гражданского кодекса РФ, то есть осуществление субъективного права в противоречии с его назначением, имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки правовой норме, предоставляющей ему соответствующее право; не соотносит свое поведение с интересами общества и государства; не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность» [5]. Верховный Суд РФ конкретизировал данную позицию в Определении от 14 апреля 2015 г. указав, что «из содержания ст. 10 ГК РФ следует, что под злоупотреблением правом понимается ситуация, когда лицо действует в пределах предоставленных ему прав, но недозволенным способом» [6]. Кроме того, Верховный суд РФ указал, что: «злоупотребление субъективным правом имеет место в случае с любыми негативными последствиями, явившимися прямым или косвенным результатом осуществления этого права» [7]. ВАС РФ высказал интересную позицию, в соответствии с которой: «Злоупотребление правом может быть вызвано такими действиями лица, в результате которых другая сторона не могла реализовать свои права» [8].

Дискуссия о правовой природе злоупотребления правом имеет длительную историю. Не вдаваясь в ее подробности, необходимо заметить, что злоупотребление правом является видом правонарушения. В частности, В.П. Грибанов определяет злоупотребление правом таким образом: «Злоупотребление правом есть особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведе-

ния [1, с. 57]». В.С. Ем относит злоупотребление правом к числу неправомерных действий [9, с. 324]. В.С. Белых указывает, что «злоупотребление правом представляет собой гражданское виновное правонарушение, совершаемое управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [10, с. 406-407]. А.А. Малиновский полагает, что злоупотребление субъективным правом представляет собой «такой способ осуществления субъективного права в противоречии с его назначением, посредством которого причиняется вред личности, обществу, государству» [11, с. 27].

Проанализировав ст. 10 ГК РФ можно отметить, что в зависимости от способа осуществления, недобросовестное поведение (злоупотребление) структурировано в четырех видах (п. 1 ст. 10 ГК РФ): шикана (осуществление гражданских прав с намерением причинить вред другому лицу); действия в обход закона с противоправной целью; использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке; иное недобросовестное осуществление гражданских прав.

Дискуссионным является вопрос о том, возможно ли злоупотребление правом квалифицировать как деликт и все ли виды злоупотребления правом можно считать деликтом. В.И. Емельянов, высказывая свою точку зрения, пишет: «принимая во внимание то обстоятельство, что любое действие, причиняющее вред, является противоправным в силу самого факта причинения вреда, а также то, что шикана представляет собой действия, причиняющие вред, можно заключить, что шикана является случаем деликта и, следовательно, вред, причиненный в результате ее совершения, подлежит возмещению на основании ст. 1064 ГК РФ» [12, с. 87]. Т.Е. Яценко считает, что шикана, проявляющаяся во внедоговорной сфере, в ряде случаев выступает обязательством из причинения вреда и ответственность за ее совершение должна наступать в соответствии с нормами гл. 59 части второй Гражданского кодекса РФ» [13, с. 9]. Об отнесении шиканы к случаям деликта упоминали В.Б. Грибанов, и И.А. Покровский.

Как известно, деликтное обязательство и, соответственно, деликтная ответственность за причинение вреда, по общему правилу, возникают при наличии следующих трех составляющих: противоправность поведения лица, причинившего вред; причиннаясвязь между противоправным поведением причинителя вреда и возникшим вредом; вина лица, причинившего вред [14, с. 1084].

Что касается такой составляющей, как вред, то она является обязательной. Если же вреда нет, то нет оснований для возникновения деликтных правоотношений. Наличие вреда не является обязательным признаком злоупотребления правом или, по крайней мере, всех его возможных форм. Этот вывод можно сделать, проанализировав ст. 10 ГК РФ. Кроме того, с точки зрения целесообразности, факт наступления вреда не должен считаться обязательным элементом злоупотребления правом, поскольку в таком случае, лицо, права которого нарушены, будет вынуждено ждать причинения вреда для того, чтобы воспользоваться возможностью защиты, предоставленной п. 2 и 4 ст. 10 ГК РФ. Однако, это не означает, что вред при злоупотреблении правом не причиняется. Именно в связи с возможностью причинения вреда третьему лицу возник запрет на осуществление гражданских прав исключительно с

намерением причинить вред другому лицу (шикана). Можно предположить, что именно в случае шиканы наличие вреда является обязательной составляющей. Таким образом, нельзя признавать вред характерной чертой всей категории «злоупотребления правом» в гражданском праве.

Следующее обязательное звено деликта - причинная связь между действиями субъекта и вредом. Такая причинная связь свойственна и злоупотреблению правом в тех случаях, когда вред имеется. Иными словами, если вред не связан с действиями (бездействием), которые квалифицируются как злоупотребление правом, нет оснований для возникновения деликтных правоотношений.

Что касается вины, то в научной литературе она часто признается необходимым признаком злоупотребления правом. Как уже было отмечено, в науке гражданского права можно выделить два вида злоупотребления правом: а) злоупотребление правом, совершенное в форме действия, осуществляемого исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана); б) злоупотребление правом, совершенное без намерения причинить вред, но объективно причиняющее такой вред другому лицу [15, с. 405]. Учитывая, что в данной статье понимание категории «злоупотребление правом» включает все виды проявления недобросовестного осуществления субъективного права, обоснованной является позиция, в соответствии с которой, вина не является обязательным признаком злоупотребления правом. Впрочем, вина может и должна считаться характерной чертой шиканы.

Таким образом, вопрос о возможности квалификации злоупотребления правом как деликта напрямую зависит от наличия в действиях уполномоченного субъекта, который злоупотреблял своим правом, оснований для привлечения его к деликтной ответственности.

Интересной является точка зрения В.А. Волкова, который придерживается позиции, что злоупотребление правом и деликт являются различными категориями и отмечает взаимодействие этих двух видов правовых институтов, когда они могут дополнять друг друга. Например, при причинении вреда личности и имуществу субъекта в результате актов злоупотребления правом законом предусмотрены отказ в защите права и применение иных мер, предусмотренных законом (п. 2 ст. 10 ГК РФ). В этом случае, на помощь приходят нормы об обязательности возмещения внедоговорного вреда, ведь для деликтных норм не важно, каким действием причинен вред - злоупотреблением правом или иным, при осуществлении права или вне права. Нормы о внедоговорной ответственности в этом случае начинают работать в субсидиарном режиме. Квалификация поведения субъекта в качестве злоупотребления снимает вопрос о вине причинителя вреда и совместно с причинной связью становится основанием для возмещения противоправно причиненного вреда.

Обобщая вышеизложенное, следует признать, что категория злоупотребления правом является необходимым инструментом правового регулирования, Таким образом, злоупотребление правом может выступать как деликт или в виде нарушения условий договора или принятого одностороннего обязательства, возможно и в иной форме, но злоупотребление правом нельзя полностью отождествлять с деликтом.

Список литературы

1. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав: сборник научных трудов / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2020. – 414 с.

2. Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 1998. – 400 с.
3. Хмель М.М. Принцип недопустимости злоупотребления правом (теоретико-правовой аспект) : автореф. дисс. канд. юрид. наук. / М.М. Хмель. - Х, 2005. - 19 с.
4. Волков В.А. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики / В.А. Волков. - М.: Волтерс Клувер, 2009. - 464 с.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 32-КГ14-17 от 03.02.2015 г. – Текст: электронный. - URL: http://base.garant.ru/70896620/.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 апреля 2015 г. Дело № 33-КГ15-5. – Текст : электронный. –URL:https://base.garant.ru/71041994/.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.06.2016 г. Дело № 52-КГ16-4. – Текст : электронный. - URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14062016-n-52-kg16-4/.
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.05.2013 г. № 17388/12 по делу № А 60- 49183/2011. – Текст : электронный. - URL: https://base.garant.ru/70427704/.
9. Ем В.С. Основания возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений // Гражданское право. Учебник: В 2-х томах. Т. 1 / Отв. ред.: Суханов Е.А. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: БЕК, 1998. - 816 с.
10. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России / В.С. Белых. - Москва : Проспект, 2014. –432 с.
11. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., – 2009. – 52 с.
12. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. – М.: Лекс-Книга, 2002. – 160 с.
13. Яценко Т.Е. Категория шиканы в гражданском праве: история и современность. - М.: Статут, 2003. – 154 с.
14. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – 1208 с.
15. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – 958 с.

Nekrasova E. V. To the question about correlation of abuse of a right and obligations from injury // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 304-309.

Abuse of law is an interesting and controversial category in the doctrine of civil law. The article notes that the history of this category originates in the law of ancient Rome, where the issues of abuse of law were considered by Roman lawyers in relation to specific cases. The grounds for classifying the abuse of a rights on various grounds are indicated. The article deals with the correlation between the categories of «abuse of a right» and obligations from injury, analyze the grounds of tort responsibility and responsibility for abuse of a right in various forms was carried out (actions bypassing the law with an illegal purpose, as well as other deliberately unfair exercise of civil rights). It was revealed that these categories are not identical and the rules on non-contractual liability in case of abuse of law begin to work in a subsidiary regime.

Keywords: abuse of the right, delict, obligations from injury, harm, types of abuse of the right.

Spisok literaturi

1. Gribanov, V.P. Osushchestvleniye i zashchita grazhdanskikh prav : sbornik nauchnykh trudov / V.P. Gribanov. – 2-ye izd. – Moskva : Statut, 2020. - 414 s.
2. Institutsii Yustiniana / per. s lat. D. Rassnera ; pod red. L. L. Kofanova, V. A. Tomsinova. - M. : Zertsalo, 1998. - 400 s.
3. Khmel' M.M. Printsip nedopustimosti zloupotrebleniya pravom (teoretiko-pravovoy aspekt) : avtoref. diss. kand. yurid. nauk. / M.M. Khmel'. - KH, 2005. - 19 c.
4. Volkov V.A. Zloupotrebleniye grazhdanskimi pravami. Problemy teorii i praktiki / V.A. Volkov. - M.: Volters Kluver, 2009. - 464 s.
5. Opredeleniye Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF № 32-KG14-17 ot 03.02.2015 g. - Tekst : elektronnyy. - URL: http://base.garant.ru/70896620/.

6. Opredeleniye Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 14 aprelya 2015 g. Delo N 33-KG15-5. - Tekst : elektronnyy. -URL:https://base.garant.ru/71041994/.
7. Opredeleniye Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 14.06.2016 g. Delo № 52-KG16-4. - Tekst : elektronnyy. - URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14062016-n-52-kg16-4/.
8. Postanovleniye Prezidiuma VAS RF ot 21.05.2013 g. № 17388/12 po delu № A 60- 49183/2011. - Tekst : elektronnyy. - URL: https://base.garant.ru/70427704/.
9. Yem V.S. Osnovaniya vozniknoveniya, izmeneniya i prekrashcheniya grazhdanskikh pravootnosheniy // Grazhdanskoye pravo. Uchebnik: V 2-kh tomakh. T. 1 / Otv. red.: Sukhanov Ye.A. - 2-ye izd., pererab. i dop. - M.: BEK, 1998. - 816 c.
10. Belykh V.S. Pravovoye regulirovaniye predprinimatel'skoy deyatel'nosti v Rossii / V.S. Belykh. - Moskva : Prospekt, 2014. - 432 s.
11. Malinovskiy A.A. Zloupotrebleniye sub"yektivnym pravom kak yuridicheskiy fenomen: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. - M., - 2009. - 52 s.
12. Yemel'yanov V.I. Razumnost', dobrosovestnost', nezloupotrebleniye grazhdanskimi pravami. - M.: Leks-Kniga, 2002. - 160 s.
13. Yatsenko T.Ye. Kategoriya shikany v grazhdanskom prave: istoriya i sovremennost'. - M.: Statut, 2003. - 154 s.
14. Rossiyskoye grazhdanskoye pravo: Uchebnik: V 2 t. T. II: Obyazatel'stvennoye pravo / Otv. red. Ye.A. Sukhanov. - 2-ye izd., stereotip. - M.: Statut, 2011. - 1208 s.
15. Rossiyskoye grazhdanskoye pravo: Uchebnik: V 2 t. T. I: Obshchaya chast'. Veshchnoye pravo. Nasledstvennoye pravo. Intellektual'nyye prava. Lichnyye neimushchestvennyye prava / Otv. red. Ye.A. Sukhanov. - 2-ye izd., stereotip. - M.: Statut, 2011. - 958 c.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 310-315.

УДК 347
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-310-315

ПРОБЛЕМЫ ОСПАРИВАНИЯ СОМНИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Яценко А. О.
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»,
г. Симферополь

В настоящей статье автором исследуются проблемы, которые возникают в связи с оспариванием сомнительных сделок при несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций. На основе приведенных примеров из судебной практики арбитражных судов, автор приходит к выводу, что пробелы в действующем законодательстве, регламентирующем признание недействительными сделок, которые совершены кредитной организацией в период осуществления специфической банковской деятельности или после принятия арбитражным судом заявления о признании кредитной организации несостоятельной (банкротом), могут привести к невозможности соразмерного удовлетворения требований кредиторов, в связи с чем возникает необходимость модернизации действующего законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: сомнительные сделки, несостоятельность (банкротство), кредитные организации, недействительные сделки, подозрительная сделка.

Признание сделок, совершенных кредитной организацией, недействительными является правовым инструментом, направленным на реализацию механизма восстановления нарушенных прав кредиторов профессиональных участников гражданского оборота и осуществляемым в целях пополнения конкурсной массы, объем которой составляет все имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, и последующего исполнения и удовлетворения финансовой организацией данного вида требований кредиторов.

Статистика рассмотрения дел, рассмотренных арбитражными судами о признании сделок недействительными за 2016-2019 годы говорит о том, что процент удовлетворения таких исков крайне мал, а количество поданных исков не уменьшается.

Статистика по спорам о признании сделок недействительными.

Вид спора	Год	Рассмотрено дел, шт.	Удовлетворено исков, шт.	Доля удовлетворенных исков, %
Споры о признании сделок недействительными	2016	1 283	323	25
	2017	1 322	306	23
	2018	1 212	330	27
	2019	1 038	238	23

Положения ст. 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] предопределяют разделение подозрительных

сделок по признакам неравноценного предоставления и наличия цели причинения вреда кредиторам. Особенностью последней является обширный предмет доказывания, вследствие чего «арбитражному управляющему или иному заинтересованному лицу не всегда удается доказать, что подозрительная сделка была совершена во вред кредиторам» [6, с. 36].

Недействительной в соответствии со ст. 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» также может быть признана сделка кредитной организации, совершенная в отношении отдельного кредитора или иного лица, и возможным результатом которой явилось оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в части удовлетворения требований. Данные сделки по своей правовой природе являются оспоримыми и подлежат рассмотрению арбитражным судом в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) кредитной организации по правилам гл. III.1. Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

По мнению О.В. Сысоевой, отсутствие определенных показателей существенности ухудшения положения должника ввиду совершения сделки «размывает объективность данного основания и переводит данный вопрос в область оценки представленных доказательств» [7, с. 90]. В российском законодательстве период подозрительности применительно к сделкам с неравноценным встречным исполнением обязательств составляет один год до принятия заявления о признании несостоятельным (банкротом) или после принятия этого заявления. Подозрительная сделка по признаку неравноценности является недействительной независимо от добросовестности контрагента по сделке [8, с. 69].

Так, Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 20 сентября 2018 года № Ф05-4335/2017 по делу №А40-31573/16 [2] удовлетворено заявление коммерческого банка «АЛЬТА-БАНК» в лице конкурсного управляющего – государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» о признании недействительным заключенного между коммерческим банком «АЛЬТА-БАНК» (цедент) и обществом с ограниченной ответственностью «ПРОФФИНАНС» (цессионарий) договора об уступке прав требования к третьим лицам (договор цессии).

При рассмотрении дела на основании представленных конкурсным управляющим кредитной организацией доказательств отсутствия поступления от цессионария денежных средств в счет оплаты договора цессии, утраты кредитной организацией возможности предъявления требования о возврате кредита к первоначальному должнику и права на получение процентов за пользование кредитными денежными средствами в отсутствие предоставления встречного обеспечения со стороны цессионария суд пришел к выводу об отличии условий указанного договора от условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки, что свидетельствует о нетипичности, неравноценности сделки и противоречии целям профессиональной деятельности кредитной организации.

В действующей редакции ст. 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не установлены критерии определения неравноценности встречного исполнения, что влечет неопределенность квалификации неравноценности в правоприменительной практике. Признание арбитражным судом недействительной сделки, совершенной при неравноценном встречном

исполнении обязательств другой стороной сделки, осложняется доказыванием неравноценности.

В качестве примера из судебной практики, подтверждающего приведенное выше положение, укажем на определение Арбитражного суда Самарской области, постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда [4], которые были вынесены по делу о несостоятельности (банкротстве) АО «ФИА-БАНК». В рамках данного дела Агентству по страхованию вкладов как конкурсному управляющему было отказано в признании недействительными соглашений об отступном, которые были заключены между АО и ООО «Инкомцентр», ООО «Инкомцентр-Транс», Носоревой Н.А. Как следствие, было отказано в применении последствий недействительной сделки.

Ответчики в процессе рассмотрения этого дела подали ходатайство на проведение судебной экспертизы для оценки, а также запрос на предоставление заявителю материалов дела, в которых содержалась оценка переданного имущества, исходя из чего можно судить о том, что встречное исполнение кредитных обязательств неравноценно. Что касается решений судов первой и апелляционной инстанции, то в их основу были положены выводы эксперта, изложенного им в заключении. Суды, нарушая положения ст. 64, 71, 89 АПК РФ, не дали оценку тем доказательствам, которые предоставил заявитель. В частности, оцененным не был письменный отчет об оценке, в котором было указано, что рыночная цена объекта, который был передан по оспариваемому соглашению об отступном, была завышена. Также суд не принял во внимание и доводы заявителя об изменении срока возврата кредита по кредитным договорам в момент перед заключением сделок, которые оспариваются. Суд не учел и тот факт, что сделка была совершена между аффилированными лицами.

Если сделка совершается кредитной организацией с такой целью, чтобы причинить вред имущественным правам кредиторов, то признание ее недействительной возможно в том случае, если она была совершена на протяжении трех лет до того момента, как должник был признан банкротом либо же после такого признания. В частности, чтобы признать сделку недействительной по такому основанию, следует предоставить доказательства, которые подтвердят нацеленность данной сделки и то, что совершением этой сделки кредитору причинен существенный имущественный ущерб. Также необходимо судье подтвердить, что другая сторона не была осведомлена о реальной цели сделке, которая совершалась должником, на момент ее совершения. Если хотя бы одно из тех обстоятельств, которое было представлено в суд, не будет доказано, то суд откажет в признании сделки недействительной по анализируемому основанию.

В деле о несостоятельности (банкротстве) кредитной организации - публичного акционерного общества «ИнтехБанк» №А65-5816/2017 Арбитражным судом Поволжского округа подлежали исследованию и установлению обстоятельства причинения вреда имущественным правам должника и его кредиторов в результате совершения подозрительной сделки по выплате единовременной премии заинтересованному лицу – работнику кредитной организации. Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 29 ноября 2018 года №Ф06-29579/2018 требования публичного акционерного общества «ИнтехБанк» в лице конкурсного управляющего – государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» о призна-

нии недействительной данной сделки удовлетворены, поскольку оспариваемая сделка совершена кредитной организацией как работодателем и не связана с осуществлением присущей кредитной организации специфической банковской деятельности, причины премирования не мотивированы и спорная единовременная премия не входит в систему оплаты труда. Последствием совершения оспариваемой конкурсным управляющим выплаты премии стала частичная утрата возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества, поскольку в результате выплаты премии в соответствующей части уменьшился объем денежных средств, за счет которых могли бы быть удовлетворены требования иных кредиторов несостоятельной (банкротной) кредитной организации [3].

Сделка, совершенная с предпочтением, характеризуется тем, что она должна быть нацелена на обеспечение исполнения обязательства должника, третьего лица, перед отдельным кредитором, которое возникло до момента совершения оспариваемой сделки, и следующими возможными случаями:

- изменение очередности удовлетворения требований кредитора по обязательствам, которые возникли до момента совершения оспариваемой сделки;
- удовлетворение требований, срок исполнения которых в момент совершения сделки еще не наступает, одних кредиторов при наличии требований перед другими кредиторами, которые не исполнены в установленный срок;
- отдельному кредитору оказано или может быть оказано большее предпочтение по удовлетворению требований, которые совершены до оспариваемой сделки, чем было бы оказано при расчетах с кредиторами в определенной очередности, которая устанавливается действующим законодательством.

Такая сделка может быть признана недействительной, если она совершена после принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом или в течение одного месяца до принятия заявления о признании должника банкротом, а также в случае совершения сделки в течение шести месяцев до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом при наличии условий, содержащихся в абз. 2 и 3 п. 1 ст. 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», или при установлении факта осведомленности кредитора или иного лица, в отношении которого совершена такая сделка, о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества должника либо об обстоятельствах, которые позволяют сделать вывод о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества.

Несовершенство юридической техники и сложность нормативных конструкций, регламентирующих особенности опровержения сделок в рамках несостоятельности (банкротства) кредитных организаций, обусловливают необходимость соответствующих разъяснений по вопросам, возникающим при оспаривании сделок, совершенных кредитными организациями. При определении соотношения п. 2 ст. 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», являющегося основанием признания недействительной сделки, целью которой стало причинение вреда имущественным правам кредиторов, и статьи 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» стоит учитывать, что если сделка с предпочтением была совершена в течение шести месяцев до принятия заявления о признании банкротом или после при-

нятия этого заявления, то для признания ее недействительной достаточно обстоятельств, указанных в ст. 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в связи с чем доказывание иных обстоятельств, определенных п. 2 ст. 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в частности, цели причинить вред), не требуется [5].

На основании изложенных положений отмечается возможность менее рискованного снятия недобросовестными вкладчиками – физическими лицами несостоятельных (банкротных) кредитных организаций денежных средств с лицевого счета в период подозрительности.

Таким образом, нормативное закрепление специальных составов оспаривания сомнительных сделок в рамках несостоятельности (банкротства) кредитных организаций в Российской Федерации не исключает проблем правоприменения. Пробелы в правовом регулировании признания недействительными сделок, совершенных кредитной организацией в период осуществления специфической банковской деятельности или после принятия арбитражным судом заявления о признании кредитной организации несостоятельной (банкротом), могут привести к невозможности соразмерного удовлетворения требований кредиторов, в связи с чем возникает необходимость модернизации действующего законодательства в рассматриваемой сфере.

Список литературы

1. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.09.2018 № Ф05-4335/2017 по делу № А40-31573/16 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. М., cop.1997-2020. URL: http://www.consultant.ru/. (дата обращения: 10.11.2020).
2. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29.11.2018 № Ф06-29579/2018 по делу № А65-5816/2017 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. М., cop.1997-2020. URL: http://www.consultant.ru/. (дата обращения: 10.11.2020).
3. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.12.2018 № Ф06-22279/2017 по делу № А55-9320/2016 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. М., cop.1997-2020. URL: http://www.consultant.ru/. (дата обращения: 10.11.2020).
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 №59 «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 №63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»» // Солидарность. 2013. №31.
5. Жужома Ю.Н. Оспаривание сделок должника: риски предпринимательской деятельности. // Научный журнал НИУ ИТМО. 2014. №1(16). С. 36.
6. Сысоева О.В. Оспаривание сделок с неравноценным встречным исполнением обязательств: анализ арбитражной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. №10. С. 90.
7. Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018. С. 69.

Yvatsenko A.O. Problems of challenging doubtful transactions in case of insolvency (bankruptcy) of credit organizations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 310-315.

In this article, the author examines the problems that arise in connection with challenging dubious transactions in the event of insolvency (bankruptcy) of credit institutions.On the basis of the above examples from the judicial practice of arbitration courts, the author comes to the conclusion that gaps in the current legislation governing the invalidation of transactions that were made by a credit institution during the period of specific banking activities or after the arbitration court accepts an application for declaring a credit institution insolvent (bankrupt) , can lead to the impossibility of commensurate satisfaction of creditors' claims, in connection with which there is a need to modernize the current legislation in the area under study.

Key words: doubtful transactions, insolvency (bankruptcy), credit organizations, invalid transactions, suspicious transaction.

Spisok literatury

1. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 20.09.2018 № F05-4335/2017 po delu № A40-31573/16 // Konsultant Plyus [Elektronnyy resurs]. M.. cop.1997-2020. URL: http://www.consultant.ru/. (data obrashcheniya: 10.11.2020).
2. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 29.11.2018 № F06-29579/2018 po delu № A65-5816/2017 // Konsultant Plyus [Elektronnyy resurs]. M.. cop.1997-2020. URL: http://www.consultant.ru/. (data obrashcheniya: 10.11.2020).
3. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 27.12.2018 № F06-22279/2017 po delu № A55-9320/2016 // Konsultant Plyus [Elektronnyy resurs]. M.. cop.1997-2020. URL: http://www.consultant.ru/. (data obrashcheniya: 10.11.2020).
4. Postanovleniye Plenuma VAS RF ot 30.07.2013 №59 «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v postanovleniye Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 23.12.2010 №63 «O nekotorykh voprosakh. svyazannykh s primeneniyem glavy III.1 Federalnogo zakona «O nesostoyatelnosti (bankrotstve)»» // Solidarnost. 2013. №31.
5. Zhuzhoma Yu.N. Osparivaniye sdelok dolzhnika: riski predprinimatelskoy deyatelnosti. // Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. 2014. №1(16). C. 36.
6. Sysoyeva O.V. Osparivaniye sdelok s neravnotsennym vstrechnym ispolneniyem obyazatelstv: analiz arbitrazhnoy praktiki // Zakony Rossii: opyt. analiz. praktika. 2017. №10. S. 90.
7. Shishmareva T.P. Nedeystvitelnost sdelok i deystviy v protsedurakh nesostoyatelnosti v Rossii i Germanii. M.: Statut. 2018. S. 69.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 316-321.

УДК 343.98

ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Азарова Е. С.

Волгоградский государственный университет

Во время судебного разбирательства необходимо использовать специальные знания. В уголовном судопроизводстве возрастает роль специальных знаний. Прежде всего, это связано с объективацией процесса доказывания в ходе реализации принципа конкуренции. Процесс доказывания занимает ключевое место в уголовном процессе. Криминалистика-это форма специальных знаний в процессе судебного доказывания. В статье автор уделяет особое внимание понятию судебного доказательства. Например, определяет последнее как акт познания, в процессе которого информация оказывается истинной и адекватной действительности.

Актуальность использования специальных знаний в судопроизводстве связана с наличием большого количества ошибок. Например, неправильное установление пределов доказывания, нарушение процессуального порядка. Основной задачей судебного доказывания было оказание помощи судьям и другим участникам уголовного процесса в установлении обстоятельств с использованием специальных знаний.

Ключевые слова: специальные знания, судебная экспертиза, признаки экспертизы, усмотрение суда, уголовное судопроизводство, эксперт, доказывание, обвинение, уголовное дело, защита.

В юридической науке нет однозначного определения специальных знаний. Например, Д.В. Арсеньев определяет специальные знания как систему сведений, которые получены в процессе деятельности в сферах общественной жизни [1]. Некоторые авторы определяют специальные знания как находящиеся за пределами правового знания, как правило, такого рода знания получаются из опыта индивидов [7].

В уголовном судопроизводстве суд самостоятельно определяет так называемую специальность знаний. Анализируя понятие специальные знания, можно выделить следующие его признаки: научная основа основных дефиниций, процессуальная форма использования.

В юридической литературе в уголовном судопроизводстве выделяют формы использования специальных знаний. Например, Ю.К. Орлов к последним относит следующие: судебная экспертиза, несудебная экспертиза, ведомственные проверки, информационно-справочная детальность [5].

В этой связи одной из форм использования специальных знаний представляет собой судебная экспертиза. Благодаря совершенствованию различных видов судебных экспертиз, происходит расширение сферы специальных знаний. Судебная экспертиза имеет отличительные признаки. Среди ученых нет единого мнения относительно основных признаков данного понятия. Выделим некоторые позиции. А. Г. Давтян анализирует три основных признака, при этом расшифровывая каждый из них (рис. 1).

Рисунок 1. Основные признаки судебной экспертизы (по Давтяну А.Г.) [3].

Представляется, что предложенный подход к определению судебной экспертизе содержит в себе спорные, неоднозначные моменты. В этом плане, целесообразно для уточнения понятия специальных знаний выделить четвёртый признак, а именно, процессуальную форму, выражающуюся в установленном законом порядке проведения исследования. Следует отметить, что судебный эксперт должен обладать криминалистическим мышлением, являющемся элементом профессионализма [2].

Некоторые ученые выделяют большее количество признаков, с помощью которых судебную экспертизу можно отличить от других видов экспертиз (рис. 2).

Рисунок 2. Признаки судебной экспертизы (по Орлову Ю.К.) [6]

Следует выделить подход, предложенный А.А Моховым. Ученый подчеркивает, что, говоря о судебной экспертизе, следует особое внимание уделить обязательным компонентам [4].

.

Рисунок 3. Обязательные компоненты судебной экспертизы (по А.А. Мохову)

Таким образом, согласно данному подходу судебная экспертиза представляет собой специальной исследование, которое проводится по назначению суда, если имеются основания.

Само по себе рассмотрение уголовного дела в заочном порядке не является нарушением прав подсудимого, если лицо имеет определенные процессуальные гарантии правового режима доказывания и право защищать себя опосредованно через защитника. В тоже время существуют определенные затруднения и неразрешенные вопросы проведения и правового регулирования режима заочного рассмотрения уголовного дела на стадии судебного разбирательства.

Некоторые из этих вопросов представляют собой антимонии уголовного процесса.

Во-первых, участие обвиняемого в состязательном процессе носит обязательный характер, хотя представлять свои интересы в суде – это право обвиняемого. Общий запрет на рассмотрение уголовного дела в отсутствии подсудимого и обязанность уполномоченных органов обеспечивать такое присутствие, лишает лицо действовать по своему усмотрению при отказе сотрудничества с органами предварительного расследования. Данное выражение такой позиции подсудимого, неоднократно проявляется, как эмпиризма применения заочного рассмотрения уголовного дела.

Во-вторых, наличие усиленных процессуальных гарантий для заочно осужденного и непосредственный режим доказывания при заочном судебном заседании, представляют собой дуализм состязательного процесса, выявляющий дисфункцию стадии судебного разбирательства.

В-третьих, считается, что участие защитника само по себе не означает того, что принцип равноправия и состязательности сторон будет реализован в полной мере, поэтому гарантией такой реализации является активная роль суда в исследовании доказательств. При этом доказывание по уголовному делу не упрощается, а усложняется в виду отсутствия подсудимого. Здесь противоречия возникают при определении режима доказывания и самого состязательного процесса, а также их соотношении между очными и заочными формами стадии судебного разбирательства.

Перечисленные общие проблемы и частные противоречия уголовного судопроизводства возможно разрешить путем легализации института усмотрения суда в двух формах стадии судебного разбирательства и определение его места в структуре уголовно-процессуальной схемы состязательного процесса, имеющийся на сегодняшний день в качестве гипотезы.

Общеизвестно, что уголовный процесс регулирует систему правоотношений между компетентными государственными органами с одной стороны и гражданами и иными лицами с другой, в целях реализации действующего уголовного закона. Наука уголовного процесса изучает закономерности возникновения таких правоотношений, основные понятия и принципы его проведения на различных стадиях уголовного судопроизводства. Основная часть науки уголовного процесса посвящена изучению доказательственного права и разработке новых положений в теории судебных доказательств, а также правоотношения между участниками процесса доказывания, юридические факты возникающие в процессе функционирования уголовного судопроизводства.

Изучение совокупности этих правоотношений образует научно обоснованную систему, где взаимодействие её элементов подвергается критическому анализу с точки зрения диалектики – теории познания. Основой такого исследования может служить построение логических схем, поэтому конструирование таких исходных концептуальных логических схем (парадигмы) невозможно без развития понятия (знания). Чтобы провести самостоятельное исследование учёному необходимо овладеть определенным методом познания, который и должен проложить путь исследователю. Таким методом может выступать «абсолютность относительного», когда путем развития идет не пути «отрицание отрицания», а сохранение ядра и наращивание положительных моментов, другими словами «отрицание отрицательного с сохранением положительного». Поэтому исследователь отбрасывает только то, что не жизнеспособно: отрицание случайного, негативного – закрепление и развитие нужного и позитивного.

Согласно ст. 244 УПК РФ стороны состязательного процесса равны в своих правах на стадии судебного разбирательства, за исключением процессуальных правил оценки доказательств и свободой такой оценки (ст. ст. 17, 88 УПК РФ).

Соответственно сторона обвинения и защиты, не участвуя в оценке исследуемых доказательств, заменяют такую оценку трактовкой разбираемых доказательств с точки зрения категорий «непредвзятости», «полноты» и «интерпретируемости» по отношению к преступному событию прошлого, т.е. обстоятельств, составляющих предмет доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). При этом надо учесть, что ст. 87 УПК РФ регламентирует проверку доказательств судом без учета понятия «внутреннее убеждение». Возникает вопрос, каким образом суд убеждается в ис-

тинности проверяемого доказательства. Можно предположить, что речь в данном случае идет об оценочных понятиях, которые согласно теории права, относятся к усмотрению суда.

Если взять за основу то, что вышеперечисленные категории являются оценочными понятиями, которые используют стороны при проверке доказательств, то единственно верным решением является оценка таких понятий в режиме усмотрения. Здесь надо учитывать, что критерии полноты и непредвзятости по своему содержанию соответствуют таким понятиям как относимость и допустимость, что позволяет сторонам состязательного процесса предлагать суду «принять» или «отвергнуть» представленные для проверки доказательства, а суд по своему усмотрению должен оценить высказанные критерии сторон. Что касается понятия интерпретируемости доказательства, то данная трактовка относится к такому понятию как достоверность. При этом надо учитывать, что достоверность является главным вопросом состязательного процесса, так как разрешение «сомнений суда» является главным при определении его итогового решения.

Таким образом, выделив судебную экспертизу как одну из форм специальных знаний, можно сделать вывод об их значимости в уголовном процессе. Проведение судебных экспертиз позволяет получить дополнительную информацию, ориентирующую судью на проведение дополнительных процессуальных действий. Многообразие судебных экспертиз связано с запросами суда для разрешения дела, в рамках которого требуются специальные знания в той или иной области знания. Главная особенность судебной экспертизы в отличие от других видов экспертиз состоит в ее появлении по заданию суда и дальнейшее использование в интересах правосудия. Специальные знания необходимые для рассмотрения дел, взяты из любых областей знания. Процесс формирования судебных экспертиз включает в себя два процесса, интеграция и дифференциация знания, которые способствуют их развитию и появлению новых специальных знаний.

Список литературы

1. Арсеньев В.Д. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. – Красноярск, 1986. – 68 с.
2. Бессонов А.А. К вопросу о понятии криминалистического мышления // Эксперт-криминалист. – 2019. - № 2. – С. 17-20.
3. Давтян А.Г. Экспертиза в гражданском процессе. – М., 1995. – 114 с.
4. Мохов А.А. Специфика экспертного заключения как судебного доказательства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2003. - № 9. – С. 36-48.
5. Орлов Ю.К. Производство экспертизы в уголовном процессе. – М.., 1995. – 54 с.
6. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. – 264 с.
7. Треушников М.К. Судебные доказательства. – М., 2004. – С. 192-193.
8. Эйсман А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). – М., 1976. – 164 с.

Azarova Ekaterina S. Application of special knowledge in judicial activity // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 316-321.

During the trial, the use of specialized knowledge is necessary. First of all, this is connected with the objectification of the process of proving in the conditions of implementation of the principle of competition. The process of evidence occupies an important place in the criminal procedure. Forensic examination is a form of using special knowledge in the course of judicial evidence. In the article, the author pays special attention to the concept of judicial evidence. The purpose of this article is to disclose the features of forensics as a means of proof in the activities of the courts. The task of the examination is to assist the judges in establishing the

circumstances of the case. Conducting forensic examinations allows you to obtain additional information that guides the judge to conduct additional procedural actions. A variety of forensic examinations is associated with requests from the court to resolve a case, within the framework of which special knowledge is required in a particular field of knowledge. The main feature of forensic examination, unlike other types of examination, is its appearance on the instructions of the court and its further use in the interests of justice.

Key words: special knowledge, forensic examination, evidence of examination, discretion of the court, criminal proceedings, expert, evidence, prosecution, criminal case, defense.

Spisok literatury

1. Arsen'ev V.D. Ispol'zovanie special'nyh znanij pri ustanovlenii fakticheskih obstoyatel'stv ugolovnogo dela. – Krasnoyarsk, 1986. – 68 s.
2. Bessonov A.A. K voprosu o ponyatii kriminalisticheskogo myshleniya // Ekspert-kriminalist. – 2019. - № 2. – S. 17-20.
3. Davtyan A.G. Ekspertiza v grazhdanskom processe. – M., 1995. – 114 s.
4. Mohov A.A. Specifika ekspertnogo zaklyucheniya kak sudebnogo dokazatel'stva // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2003. - № 9. – S. 36-48.
5. Orlov YU.K. Proizvodstvo ekspertizy v ugolovnom processe. – M.., 1995. – 54 s.
6. Orlov YU.K. Sudebnaya ekspertiza kak sredstvo dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve. M., 2005. – 264 s.
7. Treushnikov M.K. Sudebnye dokazatel'stva. – M., 2004. – S. 192-193.
8. Ejsman A.A. Zaklyuchenie eksperta (struktura i nauchnoe obosnovanie). – M., 1976. – 164 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 322-329.

УДК 345
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-322-329

ВИДЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ (ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ) ОТНОШЕНИЙ В НЕФТЯНОЙ СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

Гусяков В. Ю.

Севастопольский государственный университет

В статье дана характеристика экономических (предпринимательских) отношений в нефтяной отрасли. Выявлены особенности таких отношений. Предложено определение нефтяной отрасли как отрасли промышленности. С учетом специфики экономических отношений в нефтяной отрасли предложено выделить группу отношений в сфере поиска, оценки, разработки месторождений нефти, а также отношения в сфере реализации нефти и нефтепродуктов. Целесообразным представляется урегулирование выделенных групп отношений в разных законах с учетом особенностей.

Ключевые слова: энергетика; нефтяная отрасль; отрасль промышленности; правовое регулирование.

Особенности правового статуса участников отношений в нефтяной сфере обусловлены спецификой экономических (предпринимательских) отношений, существующих в топливно-энергетической сфере в целом и в нефтяной сфере энергетики как ее составной части.

Представляется целесообразным выявить виды экономических (предпринимательских) отношений в нефтяной сфере энергетики. Выделение отношений в нефтяной отрасли позволит определить объект правового регулирования в целях обеспечения законодательного регулирования. Сложность в том, что до настоящего времени нет специального закона, регулирующего отношения в нефтяной сфере энергетики, в отличие от других отраслей энергетики – газовой, электроэнергетики, теплоснабжения. Очевидно, что отношения в той или иной сфере энергетики возникают в связи с реализацией экономических интересов участников. Так, в газовой отрасли согласно ст.1. Федерального закона от 31.03.1999 N 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации»[1] определяются правовые, экономические и организационные основы отношений в области газоснабжения в Российской Федерации. При этом нормы закона направлены на обеспечение удовлетворения потребностей государства в стратегическом виде энергетических ресурсов. Как определено в ч.2 ст.1 рассматриваемого закона положения его основываются на положениях Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми вопросы, касающиеся федеральных энергетических систем, правовых основ единого рынка, основ ценовой политики, безопасности Российской Федерации, относятся к предметам ведения Российской Федерации.

[1] Федеральный закон от 31.03.1999 N 69-ФЗ "О газоснабжении в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 05.04.1999. N 14. Ст. 1667.

А в соответствии со ст.1 Федерального закона от 26.03.2003 N 35-ФЗ «Об электроэнергетике»[2] в законе устанавливаются правовые основы экономических отношений в сфере электроэнергетики, а также определяются полномочия органов государственной власти на регулирование этих отношений, основные права и обязанности субъектов электроэнергетики при осуществлении деятельности в сфере электроэнергетики (в том числе производства в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии) и потребителей электрической энергии. Круг отношений, возникающих в сфере электроэнергетики, раскрывается в определении понятия «электроэнергетика». К отношениям в сфере электроэнергетики отнесены экономические отношения, возникающие:

а) в процессе производства (в том числе производства в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии),

б) в процессе передачи электрической энергии,

в) в процессе осуществления оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике,

г) в процессе сбыта и потребления электрической энергии с использованием производственных и иных имущественных объектов (в том числе входящих в Единую энергетическую систему России), принадлежащих на праве собственности или на ином предусмотренном федеральными законами основании субъектам электроэнергетики или иным лицам.

В Федеральном законе от 27.07.2010 N 190-ФЗ «О теплоснабжении»[3] в ст.1 определен следующий предмет правового регулирования:

1) это экономические отношения, которые возникают в сферах, связанных с производством, передачей, потреблением тепловой энергии, тепловой мощности, теплоносителя с использованием систем теплоснабжения, созданием, функционированием и развитием таких систем;

2) это полномочия органов государственной власти, органов местного самоуправления по регулированию и контролю в сфере теплоснабжения;

3) это права и обязанности участников данных экономических отношений - потребителей тепловой энергии, теплоснабжающих организаций, теплосетевых организаций.

Специальный закон был принят и в целях регулирования такой сферы энергетических отношений как угольная энергетика[4]. В преамбуле этого закона определено, что закон устанавливает основы государственной политики в области добычи (переработки) и использования угля (горючих сланцев), а также направлен на регулирование отношений, возникающих при осуществлении деятельности в этой области.

В нефтяной сфере энергетики экономические отношения также имеют комплексный характер и свои особенности, требующие соответствующего законодательного обеспечения. Возникают данные экономические отношения в связи с по-

[2] Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ "Об электроэнергетике" // Собрание законодательства РФ. 31.03.2003. N 13. Ст. 1177.

[3] Федеральный закон от 27.07.2010 N 190-ФЗ "О теплоснабжении" // Собрание законодательства РФ. 02.08.2010. N 31. Ст. 4159.

[4] Федеральный закон от 20.06.1996 N 81-ФЗ "О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности" // Собрание законодательства РФ. 24.06.1996. N 26. Ст. 3033.

требностью в обществе использовать такой энергетический ресурс, как нефть, для целей производства таких видов энергоресурсов как электроэнергия, тепловая энергия, которые в свою очередь обеспечивают все сферы жизнедеятельности. По отношению к нефти электрическая и тепловая энергия являются производными. В связи с этим следует отметить, что экономические отношения, возникающие в нефтяной сфере, ко всему прочему являются базовыми, основными для отраслей, зависимых от нефти как от первичного энергоносителя. Этот факт должен быть законодательно закреплен в виде принципа правового регулирования отношений, возникающих по поводу первичного энергоносителя – нефти.

Структура и система этих отношений имеет сложный многоуровневый характер. Как свидетельствуют исторические факты зарождения и развития экономических отношений в нефтяной сфере начальными этапами появления этих отношений являются поиск месторождений, содержащих запасы нефти. Затем следуют процессы добычи; транспортировки (перевозки); хранения; переработки; реализации.

Очевидно, что каждый из перечисленных элементов экономических отношений в нефтяной сфере энергетики имеет характерные особенности по составу участников, по видам экономической и управленческой деятельности, по содержанию прав и обязанностей субъектов. Поскольку нефтяная отрасль относится к промышленности в целом, целесообразно в целях правового регулирования основываться на общих положениях закона о промышленной политике.

В целях установления общих правил регулирования отношений в промышленности был принят Федеральный закон от 31.12.2014 N 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»[5], в котором приведено общее понятие отрасли промышленности. Согласно этому закону под отраслью промышленности понимается совокупность субъектов, осуществляющих деятельность в сфере промышленности, в рамках одной или нескольких классификационных группировок одного или нескольких видов экономической деятельности в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности. На основании данного определения отрасли промышленности, руководствуясь Общероссийским классификатором видов экономической деятельности целесообразно выявить виды экономических отношений в нефтяной отрасли.

Согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности к видам деятельности в нефтегазовой отрасли относится добыча сырой нефти и природного газа. В Классификаторе дается подробная расшифровка этой группировки видов деятельности, которая включает:

- добычу сырой нефти;
- добычу нефтяного (попутного) газа;
- добычу горючих (битуминозных) сланцев и битуминозных песков и извлечение из них нефти;
- деятельность по эксплуатации и/или разработке нефтяных и газовых месторождений.

Подобная деятельность может включать оснащение и оборудование скважин, эксплуатацию промысловых сепараторов, деэмульгаторов, илоотделителей, нефте-

[5]Федеральный закон от 31.12.2014 N 488-ФЗ "О промышленной политике в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 05.01.2015. N 1 (часть I). Ст. 41.

промысловых трубопроводов для сырой нефти и все прочие виды деятельности по подготовке нефти или газа, для перевозки от места их добычи до пункта отгрузки (поставки).

Кроме того к данной сфере относятся:

- услуги по добыче нефти и газа за вознаграждение или на контрактной основе;
- поисково-разведочные работы на нефтяных и газовых скважинах;
- разведочное бурение;
- очистка нефтепродуктов;
- разведка нефтяных месторождений и другие геофизические, геологические и сейсмические исследования. Далее отнесены также к видам деятельности производство кокса и нефтепродуктов; ремонт и обслуживание машин, используемых в горнодобывающей промышленности, строительстве, добыче нефти и газа; гидрометеорологическое обеспечение работ по добыче, транспортировке и переработке нефти и газа и т.д.

С учетом изложенных в классификаторе видов деятельности, руководствуясь общим определением отрасли промышленности, содержащимся в Федеральном законе от 31.12.2014 N 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», можно сформулировать следующее определение нефтяной отрасли: под нефтяной отраслью промышленности понимается совокупность субъектов, осуществляющих виды деятельности в рамках таких классификационных группировок как добыча сырой нефти и природного газа, а также виды деятельности по эксплуатации и/или разработке нефтяных и газовых месторождений, включающие также сопутствующие виды деятельности, указанные в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности.

Одна из особенностей экономических отношений в нефтяной сфере энергетики заключается в том, что до момента добычи нефти, доведения ее до товарного содержания и включения в экономический оборот она (нефть) относится к природным ресурсам, находящимся в недрах[6]. Согласно ст.1.2. Закона «О недрах» природные ресурсы, включая энергетические ресурсы, до момента их извлечения из недр являются государственной собственностью. Соответственно регламентируются отношения, связанные с предоставлением участков недр в пользование. При предоставлении лицензии на право пользования недрами устанавливаются предварительные границы участка. Далее разрабатывается технический проект, который утверждается государственной экспертизой, согласовывается в установленном порядке. Неотъемлемой составной частью лицензии являются документы, уточняющие точные границы горного отвода.

Как справедливо отмечается авторами[7] «эффективность распоряжения государственным фондом недр в части пополнения доходной части бюджетов бюджетной системы Российской Федерации выражена в существующей системе платежей, взимаемых государством в процессе лицензирования пользования недрами».

---

[6] Современная добыча невозобновимых природных ресурсов, по мнению экономистов, «сокращает их количество, которое потенциально может быть использовано в будущем. Это породило страх, что страны мира исчерпают все указанные ресурсы и их исчезновение поставит предел экономическому росту» (Фишер С., Дорнбуш Р., Шаленз Р. Экономика / Пер. с англ.- М., 1998.- С.659-660).

[7] Казна и бюджет / Р.Е. Артюхин, А.В. Богданова, Ю.В. Гинзбург и др.; отв. ред. Д.Л. Комягин. М.: Наука, 2014. 501 с.

В соответствии со ст. 39 Закона «О недрах» недропользователями уплачиваются следующие платежи:

1. разовые платежи за пользование недрами при наступлении определенных событий, оговоренных в лицензии, включая разовые платежи, уплачиваемые при изменении границ участков недр, предоставленных в пользование;

2. регулярные платежи за пользование недрами;

3. сбор за участие в конкурсе (аукционе).

Размер разового платежа определяется в соответствии с Приказом Минприроды России от 30.09.2008 N 232[8]. Фактически, Методика определяет принципы расчета минимального (стартового) размера разового платежа за пользование недрами при подготовке условий проведения конкурсов или аукционов на право пользования участками недр, содержащих полезные ископаемые и предназначена для использования Федеральным агентством по недропользованию, его территориальными органами и подведомственными организациями.

Фундаментальным является вопрос о стоимостной оценке ресурсов, содержащихся в недрах. В литературе отмечается, что оценить недра распределенного и нераспределенного фонда как непроизведенный актив казны в стоимостном выражении, даже для целей полноты учета ресурсов недр в содержимом государственной казны, затруднительно, поскольку информация о запасах основного ресурса недр в виде полезных ископаемых носит вероятностный характер, а сам механизм такой оценки не разработан и нормативно не закреплен[9].

Сохраняя правило о государственной собственности на природные ресурсы, включая энергетические, в специальном законе, законодатель сохраняет и возможность эффективного использования природных ресурсов в публичных (государственных) интересах, включая социальные (общественные) интересы.

Отношения недропользования регулируются законодательством о недрах, исходя из того, что нефтегазовые ресурсы являются государственной собственностью, а отношения в сфере добычи и реализации нефти регламентируются нормами разных отраслей права, в том числе нормами частного права. Очевидно, что принципы правового регулирования в публично-правовой и частноправовой сферах различны, но при этом существуют и точки пересечения в части установления правил государственного регулирования.

Полагаем, что в связи с этим существует потребность в совершенствовании правового регулирования в сфере управления природными ресурсами в публичных (государственных) интересах, и вместе с тем необходимость совершенствования регулирования рыночных отношений, складывающихся по поводу использования нефти как объекта экономических (имущественных) отношений, но также в публичных интересах.

Возможно, что средством достижения цели соблюдения публичных интересов может быть создание единого центра по управлению нефтегазовыми ресурсами в

---

[8] Приказ Минприроды России от 30.09.2008 N 232 "Об утверждении Методики по определению стартового размера разового платежа за пользование недрами" (вместе с "Методикой расчета минимального (стартового) размера разового платежа за пользование недрами") // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти", N 3, 19.01.2009.

[9] Казна и бюджет / Р.Е. Артюхин, А.В. Богданова, Ю.В. Гинзбург и др.; отв. ред. Д.Л. Комягин. М.: Наука, 2014. С.288.

России. Вместе с тем целесообразно учитывать тенденции создания единого энергетического рынка в рамках Евразийского экономического союза, а также необходимость совершенствования системы оценки и учета нефтегазовых ресурсов. В настоящее время в промышленно развитых англоязычных странах, как правило, параллельно действуют две системы учета и классификации минеральных ресурсов[10]. Первая представляет собой одну из подсистем учета национального природного богатства и служит для информационного обеспечения государственных нужд при решении крупных стратегических задач, долгосрочном экономическом планировании и прогнозировании. Вторая система – это «кодексы» (codes) отчетности и раскрытия информации о минерально-сырьевых активах горнопромышленных и геологоразведочных компаний. Данная система оценки имеет значение для потребностей бизнеса и имеет банковско-биржевую направленность[11].

Таким образом, в нефтяной сфере существует комплекс взаимосвязанных отношений, которые условно можно разделить на две группы: 1) поиск, оценка, разработка нефтяных месторождений в целях добычи нефти, являющейся природным ресурсом и находящейся в собственности государства, и 2) добыча нефти как носителя энергии и полезного ископаемого, а также в последующем реализация, до реализации возможны переработка, хранение. До момента добычи нефть является энергетическим ресурсом, находящимся в собственности государства, а с момента добычи после прохождения технологии очистки нефть становится товаром, принадлежащим тому субъекту, который указан в лицензии на право пользования недрами. Отношения в нефтяной отрасли имеют специфику, обусловленную тем, что:

- добываемый энергетический ресурс - нефть является первичным носителем энергии, от которого зависят многие отрасли экономики, и до ее добычи является государственной собственностью;

- организация работ по добыче нефти требует больших экономических затрат, постоянного обновления и внедрения инновационных технологий, а также требует постоянного контроля (надзора) за соблюдением технологических процессов освоения недр;

-деятельность организаций в нефтяной сфере имеет разнородный характер и осуществляется холдинговыми компаниями, объединяющими поисковые работы и услуги и торгово-экономические виды деятельности, осуществляемые на основе конкуренции;

- производственно-хозяйственная деятельность организаций по добыче нефти, а также ее переработке оказывают наибольшее по сравнению с другими отраслями экономики негативное воздействие на окружающую среду.

Указанные особенности также предопределяют государственное регулирование отношений, соответствующую систему налогообложения и ценообразования (тарифообразования) в деятельности хозяйствующих субъектов нефтяной отрасли, а также специфику экономики и управления, включая систему проектного управления и управления инвестициями, особенности хозяйственной деятельности в сфере естественных монополий (транспортировки по магистральным трубопроводам); тамо-

[10] Кавун К.П. Минерально-сырьевые активы: международные стандарты классификации, отчетности и раскрытия информации.-2-е изд.-М.: НП НАЭН, 2007.- С.9.
[11] Там же.

женно-тарифное регулирование при осуществлении внешнеэкономической деятельности.; необходимость обеспечения безопасности на всех стадиях хозяйственной деятельности.

С учетом выявленных особенностей производственно-экономических отношений в нефтяной сфере и на основе общего понятия об отрасли промышленности предлагается понимать под нефтяной отраслью промышленности совокупность субъектов, осуществляющих виды деятельности в рамках таких классификационных группировок видов деятельности как добыча сырой нефти и природного газа, а также виды деятельности по эксплуатации и/или разработке нефтяных и газовых месторождений, указанные в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности.

Выявленные особенности позволяют сделать вывод о целесообразности разработки и принятия специального закона о государственном регулировании в сфере поиска, оценки месторождений нефти, а также рынков нефти и нефтепродуктов.

Вопросы государственного регулирования в экономике, особенно в добывающих отраслях, в современных экономических условиях остаются дискуссионными. Как отмечает верно С.Н.Шишкин «В реальном секторе экономики проблемными составляющими являются добывающая отрасль (особенно добыча таких полезных ископаемых, как углеводороды) и сферы деятельности субъектов естественных монополий»[12].

В настоящее время Госдуме РФ обсуждается проект Федерального закона «О государственном регулировании деятельности в нефтяной отрасли Российской Федерации»[13], целью которого является определение правовых, экономических и организационных основ отношений в нефтяной отрасли Российской Федерации, включающей разведку, разведочное бурение, добычу, использование и транспортировку по трубам углеводородов (нефти, нефтепродуктов, нефтяного (попутного) газа) по территории Российской Федерации, в российских внутренних водах, территориальных водах и на континентальном шельфе, и направлен на обеспечение удовлетворения потребностей государства в стратегическом виде энергетических ресурсов.

Полагаем, что в Проекте целесообразно было бы отразить теоретические положения о, принципах государственного регулирования общественных отношений. Также необходимо определить предмет правового регулирования с учетом специфики экономических отношений в нефтяной отрасли. Возможно с учетом специфики экономических отношений в нефтяной отрасли в отдельном законе урегулировать отношения в сфере поиска, оценки, разработки месторождений нефти, а также в отдельном законе урегулировать отношения в сфере реализации нефти и нефтепродуктов.

Список литературы

[12] Шишкин С.Н. Предпринимательско-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики: монография. М: Инфотропик Медиа, 2011. 328 с.

[13] Проект Федерального закона N 886989-7 "О государственном регулировании деятельности в нефтяной отрасли Российской Федерации" (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.01.2020) // СПС КонсультантПлюс. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте https://sozd.duma.gov.ru/ по состоянию на 22.01.2020.

1. Кавун К.П. Минерально-сырьевые активы: международные стандарты классификации, отчетности и раскрытия информации.-2-е изд.-М.: НП НАЭН, 2007.- С.9.
2. Казна и бюджет / Р.Е. Артюхин, А.В. Богданова, Ю.В. Гинзбург и др.; отв. ред. Д.Л. Комягин. М.: Наука, 2014. 501 с.
3. Фишер С., Дорнбуш Р., Шаленз Р. Экономика / Пер. с англ.- М., 1998.- С.659-660.
4. Шишкин С.Н. Предпринимательско-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики: монография. М: Инфотропик Медиа, 2011. 328 с.

Gusyakov V. Yu. Types of economic (entrepreneurial) relations in the oil and energy sector // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 322-329.

The article describes the economic (entrepreneurial) relations in the oil industry. The features of such relations are revealed. The definition of the oil industry as an industry is proposed. Taking into account the specifics of economic relations in the oil industry, it is proposed to distinguish a group of relations in the field of search, evaluation, development of oil fields, as well as relations in the field of sales of oil and petroleum products. It is advisable to regulate the selected groups of relations in different laws, taking into account the specifics.

Key words: energy; oil industry; industry; legal regulation.

Spisok literatury

1. Kavun K.P. Mineral'no-syr'evye aktivy: mezhdunarodnye standarty klassifikacii, otchetnosti i raskrytiya informacii.-2-e izd.-M.: NP NAEN, 2007.- S.9.
2. Kazna i byudzhet / R.E. Artyuhin, A.V. Bogdanova, YU.V. Ginzburg i dr.; otv. red. D.L. Komyagin. M.: Nauka, 2014. 501 s.
3. Fisher S., Dornbush R., SHalenz R. Ekonomika / Per. s angl.- M., 1998.- S.659-660.
4. SHishkin S.N. Predprinimatel'sko-pravovye (hozyajstvenno-pravovye) osnovy gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki: monografiya. M: Infotropik Media, 2011. 328 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 330-341.

УДК 343.721
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-330-341

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ХИЩЕНИЙ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ И ИХ КВАЛИФИКАЦИЯ

Евтушенко И. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Рассматриваются теоретические и практические вопросы разграничения преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159, ст. 1593, ст. 1596 УК РФ. В статье анализируются понятие и признаки имущественных прав, таких как безналичные деньги, электронные денежные средства, цифровые финансовые активы, цифровая валюта и цифровые права, электронные средства платежа. В одних случаях они выступают в качестве предмета преступления, а в других – средства его совершения. На практике отсутствие четкого понимания их различий привело к тому, что однородные деяния различными органами следствия и судами квалифицируются по-разному. В связи с чем автором излагается собственное представление о принципиальных различиях кражи и мошенничества при хищениях имущественных прав, основанное на анализе теории и практики применения уголовного законодательства в РФ, а также даются практические рекомендации по квалификации хищений имущественных прав, разграничиваются кражи и мошенничества, приводятся критерии их правильной квалификации.

Ключевые слова: мошенничество, дистанционные хищения, безналичные деньги, электронные денежные средства, цифровые права, цифровые финансовые активы, электронные средства платежа, хищения имущественных прав.

На сегодняшний день хищение имущественных прав может быть квалифицировано органами суда и следствия по одному из составов: п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159, ст. 159^3, ст. 159^6 УК РФ.

Сходство названных выше составов преступлений в виду внесения изменений в УК РФ федеральным законом № 111-ФЗ от 23.04.2018 г. в части дополнения ст. 158 ч. 3 пунктом «г», изменения редакции ст. 159^3 и дополнения ст. 159^6 УК РФ новыми квалифицирующими признаками породило как у правоприменителей, так и у ученых много вопросов.

Становится очевидно, что объединяют эти составы преступлений часто отождествляемые понятия: безналичные денежные средства на банковском счете, электронные денежные средства, электронные средства платежа, цифровые права. В одних случаях они выступают в качестве предмета преступления, а в других – средства его совершения. Поскольку развитие информационных технологий происходит стремительно, то многие граждане и правоприменители не совсем понимают различия в них и механизм совершения преступлений с различного вида электронными имущественными правами. На практике такое непонимание привело к тому, что однородные деяния различными органами следствия и судами квалифицируются поразному.

Безналичные денежные средства на банковском счете указаны в качестве предмета преступления в п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159^6 УК РФ.

Деньги как вид имущества существуют как в наличной, так и в безналичной форме согласно ФЗ от 27.11.2011 г. № 161 «О национальной платежной системе».

Безналичные денежные средства появляются через посредничество наличных денег. Безналичные деньги является лишь формой существования реальных, бумажных денег. И они появляются лишь после эмиссии денег и зачислении их на счет банка, поступлении в хранилище банка. Таким образом, безналичные деньги – это вещи, но существующие в особой форме, которые находятся на принадлежащем потерпевшему банковском счете.

С 1 октября 2019 г. вступили в силу поправки в ст. 128 ГК РФ, в соответствии с которыми «к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага». Таким образом, в настоящий момент, наличные деньги являются имуществом и обладают физическим признаком предмета хищения, а безналичные – имущественными правами и в соответствии с договором банковского обслуживания правообладатель вправе требовать их от банка или совершать с ними операции с помощью электронных средств платежа.

Другой разновидностью предмета преступления в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ являются электронные денежные средства. Они так же используются при осуществлении безналичных расчетов.

Электронные денежные средства – «денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа» в соответствии с федеральным законом «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ.

Данные средства отображаются на особом консолидированном счете, который используется различными платежными системами (PayPal, WebMoney, QIWI, Яндекс-Деньги и другие) и электронными средствами платежа (кредитными, дебетовыми, предоплаченными картами телефонии, электронными проездными картами, подарочными картами). Электронные денежные средства могут формироваться за счет: наличных или безналичных средств физического лица; перечислений от юридического лица; аванса за услуги связи. Но им тоже соответствует равное количество наличных денег, хранящихся в банке или внесенных на счет получателя за предоставление услуг.

Как справедливо отмечает А.А. Южин, «электронные денежные средства представляют собой определенную информацию, которая была конвертирована в эквивалент, выраженный в стоимостной или натуральной единице (деньги, минуты, количество поездок, литры)» [19]. То есть, и электронные деньги хоть и опосредованно, но обладают физическим признаком вещи.

Однако в новой редакции ст. 128 ГК РФ электронные денежные средства так же являются имущественными правами, а не самим имуществом.

Кроме того, федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» введено понятие «цифровые финансовые активы», такие как «цифровые права» и «цифровая валюта».

В этой части новая трактовка имущественных прав напрямую приводит к конкуренции с предметом ч. 1 ст. 159 УК РФ – именно в случае посягательства на право, а не на имущество, поскольку ГК РФ рассматривает имущественные права как специальную разновидность имущества.

Таким образом, изменив правовой статус безналичных денег и электронных денежных средств в Гражданском кодексе РФ и дополнив ч. 3 ст. 158 УК РФ новым квалифицирующим признаком, законодатель расширил границы применения ст. 158 УК РФ. То есть, в настоящий момент предметом кражи могут быть не только безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, но и цифровые права (электронные денежные средства).

Еще до внесения этих поправок в законодательство, Верховный Суд РФ признал цифровые права в виде биткоинов и других денежных суррогатов предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174^1 УК РФ, разрешив, таким образом, существовавшую до недавнего времени неопределенность с их правовым статусом (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»).

Под электронными средствами платежа федеральным законом «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ понимается «средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств».

То есть, с помощью электронных средств платежа могут быть похищены как наличные денежные средства (например, при снятии денег через банкомат), так и безналичные денежные средства, электронные денежные средства и цифровые права.

Получается, что законодатель, формулируя в разное время диспозиции статей Уголовного и Гражданского кодексов РФ в одном случае в основу усиления уголовной ответственности по ст. 158 УК РФ положил признак предмета преступления, а в другом – способ изъятия имущества как основание для смягчения уголовной ответственности по ст. 159^3 и 159^6 УК РФ, чем окончательно запутал и ученых, и практиков.

Ставить квалификацию деяния и размер назначаемого наказания в зависимость только от того, наличные деньги или безналичные были похищены, при том, что общественная опасность этих разновидностей хищений несущественна, также, как и другие исследователи, считаем несправедливым [2; 4; 15].

Об этом говорит с точки зрения теории профессор С.В. Скляров [14], и это же подтверждает с точки зрения практики А.З. Абитов. Оба проводят аналогичный пример, когда квалификация хищений с банковской карты на сумму 2 тыс. рублей

является тяжким преступлением, в то время как кража наличных 2 тыс. рублей вообще преступлением не является. В связи с чем, прекратить уголовное преследование за примирением сторон или с уплатой судебного штрафа по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ не получится, а при краже 249 тыс. рублей (с причинением значительного ущерба гражданину) – не составит труда. В результате чего, судами выносятся оправдательные приговоры при сумме хищения менее 2 500 руб., переквалифицируя деяния с п. «г» ч. 3 ст. 158 на ч. 1 ст. 158 УК РФ. В результате чего и прокуратура не решается направлять в суд уголовные дела п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ при сумме ущерба менее 2 500 руб. [1].

Внося поправки в ч. 3 ст. 158 УК РФ, законодатель исходил из необходимости усиления уголовной ответственности за совершение краж дистанционным способом, объясняя это повышенной степенью общественной опасности таких хищений, поскольку они совершаются хорошо подготовленными преступниками высокотехнологичными средствами [13]. Это осложняет их розыск и привлечение к ответственности, а безнаказанность приводит к повышению уровня профессионализма и увеличению сумм причиненного ущерба.

Однако изменение редакции ст. 159^3 УК РФ в сторону расширения случаев ее применения и одновременно смягчения наказания привели к нарушению принципа справедливости.

Например, А.В. Архипов считает неверным и несправедливым квалификацию хищений безналичных (электронных) денежных средств по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ как тяжкого преступления и сложившуюся практику рассмотрения их в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ. Кроме того, автор отмечает, что при конкуренции двух специальных норм с отягчающим и смягчающим признаком, предусматривающих уголовную ответственность за одно и то же деяние, предпочтение должно отдаваться более мягкой норме, то есть ст. 159^3 УК РФ [3].

Вместе с тем, кража и мошенничество в сущностном своем понимании не конкурируют между собой, поскольку различаются объективной стороной деяния. А это уже не конкуренция двух составов в узком ее понимании, а правильная и точная квалификация совершенных деяний. Как справедливо отмечает профессор П.С. Яни, эти составы являются смежными [20]. То есть вменению подлежит тот состав, который наиболее полно и точно описывает признаки содеянного.

Разграничение кражи и мошенничества традиционно проводится по двум критериям: по предмету преступления и по способу изъятия чужого имущества.

Классическая школа уголовного права исходит из того, что предметом кражи как тайного хищения чужого имущества могут быть только вещи, обладающие как физическими, так и юридическими признаками.

Профессор П.С. Яни подробно анализирует сложившиеся подходы к пониманию предмета кражи и мошенничества и их трансформацию в последнее время. В частности, автор поддерживает наметившуюся тенденцию к расширению предмета кражи с помощью указания на имущественные права, которая получила и свое законодательное закрепление в действующей редакции ст. 158 УК РФ [20].

Таким образом, в настоящий момент, кража и мошенничество безналичных и электронных денег и других цифровых прав по предмету преступления различаться не будут.

Что касается второго критерия – способ изъятия чужого имущества, – то тут все ученые и практики разделились на два «лагеря», при чем в обоснование своей позиции каждый «лагерь» приводит выдержки из одного и того же Постановления Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Однако всем очевидно, что в отсутствие новых разъяснений Пленума ВС РФ по данным спорным вопросам, единства практики применения не будет, поскольку рекомендации действующего Пленума ВС РФ были приняты до внесения поправок в УК РФ от 24 апреля 2018 г. № 111-ФЗ в части хищений электронных активов и уже устарели.

Однако вопросы с разграничением смежных составов хищений – с банковского счета, в отношении электронных денежных средств, с использованием электронных средств платежей [6] по-прежнему актуальны.

Отличительной особенностью кражи с объективной стороны деяния является способ – тайное изъятие чужого имущества, а в мошенничестве – обман или злоупотребление доверием.

Именно поэтому Верховный Суд РФ в своих рекомендациях в п. 17 Пленума от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» обозначает следующее отличие ст. 158 и ст. 159^3 УК РФ. Если банковская карта предъявляется уполномоченному сотруднику банковской или торговой организации, после чего производится идентификация владельца карты, который вводит указанного сотрудника в заблуждение относительно правообладания данной картой и денежными средства на ее счету, то такие действия должны быть квалифицированы как мошенничество. Если же злоумышленник использует заранее похищенную или поддельную банковскую карту для снятия наличных денег в банкомате, то такое деяние является кражей, так как обмануть можно только человека, но не машину [11].

Таким образом, квалифицирующий признак совершения кражи с банковского счета может иметь место только при хищении безналичных или электронных денежных средств путем их перевода в рамках применяемых форм безналичных расчетов в порядке ст. 5 ФЗ от 27.11.2011 г. № 161 «О национальной платежной системе» в отсутствие потерпевшего и без его непосредственного участия в совершении транзакции.

Анализ приговоров по пункту «г» части 3 ст. 158 УК РФ показал, что так суды чаще всего квалифицируют безналичные хищения денежных средств с помощью сервиса «Мобильный банк».

Полагаем справедливым утверждение профессора С.В. Склярова о том, что и при снятии наличных денежных средств через банкомат списание денег происходит с банковского счета потерпевшего без его ведома и согласия в его отсутствие, то есть тайно, а значит также должно квалифицироваться по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а не по основному составу кражи. Иная позиция противоречит тексту закона и основана на толковании пояснительной записки к закону, которая источником права не является, «смысл закона изложен в букве закона» [14].

Еще одной проблемой в разграничении краж и мошенничеств стали случаи совершения хищений с использованием бесконтактной оплаты банковскими картами на кассах магазинов, АЗС. На практике одними органами следствия такие действия

квалифицируются как кражи с банковского счета, а другими – как мошенничества с использованием электронных средств платежа. Причем обе позиции в обвинительных заключениях и приговорах обосновываются со ссылками на мнение Верховного Суда РФ.

По мысли автора законопроекта статья 159^3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа» должная была выглядеть так: «1. Мошенничество с использованием электронных средств платежа, то есть хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельного или принадлежащего другому лицу электронного средства платежа, в том числе кредитной, расчетной или иной платежной карты, путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации, -» [9]. Но в ходе обсуждения текст подвергся изменению и в итоговом виде диспозиция ч. 1 ст. 159^3 УК РФ выглядит так: «1. Мошенничество с использованием электронных средств платежа,-».

И не смотря на такую формулировку, традиционно органы следствия и суды квалифицируют оплату товаров на кассе магазина чужой банковской картой как мошенничество, совершенное путем обмана уполномоченного сотрудника торговой организации по ст. 159^3 УК РФ в соответствии с уже морально и юридически устаревшей рекомендацией Верховного Суда РФ, следующей из п. 17 Пленума от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Например, по ч. 2 ст. 159^3 УК РФ органами следствия и судом квалифицированы действия Н., который 30.05.2018 года незаконно завладел банковской картой, принадлежащей потерпевшей. Продолжая реализацию своего преступного умысла, Н. действуя умышленно и из корыстных побуждений, путем обмана, с использованием электронных средств платежа – банковской карты путем умолчания о незаконном владении им платежной картой, предъявляя данную банковскую карту продавцам магазинов, для безналичного расчета при приобретении товаров [10].

А вот противоположный пример: Л. взял не принадлежащую ему банковскую карту С. и, увидев, что карта оснащена функцией бесконтактной оплаты, реализуя внезапно возникший у него умысел на тайное хищение денежных средств, решил совершать хищения суммами до 1 000 рублей до тех пор, пока на счете не закончатся денежные средства. Свой умысел Л. реализовал в нескольких магазинах, осознавая, что карта и денежные средства ему не принадлежат, а окружающие не понимают преступный характер его действий. Всего Л. похитил денежные средства в сумме 7 470 рублей, причинив потерпевшей значительный ущерб [12]. Действия виновного были квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ как кража с банковского счета.

На эту же позицию ссылается и профессор Ю.В. Грачева полагая, что изменение текста уголовного закона не должно менять позицию правоприменителя, выраженную в тексте Постановления Пленума ВС РФ [5]. По мнению автора, законодатель пытался подчеркнуть различие между кражей и мошенничеством, ибо в иной трактовке они совпадают по объективной стороне деяния, если их предметом выступают цифровые права. С чем мы полностью согласны и в этой части поддерживаем предложение Ю.В. Грачевой об исключении из УК РФ ст. 159^6 и ст. 159^3 УК РФ.

Становится очевидно, что упрощение описания признаков объективной стороны ч. 1 ст. 159^3 УК РФ привело к непониманию квалификации хищения, когда предме-

том преступления выступают электронные и безналичные денежные средства, которые выводятся со счетов собственника и обналичиваются с использованием электронных средств платежа (банковских карт, электронных платежных систем).

Тут необходимо уточнить, что в теории уголовного права сложилось два подхода к оценке платежной карты по аналогии с ключами от квартиры или жетона в театральном гардеробе: это либо «ключ к сейфу, где деньги лежат» или это сам «сейф, где деньги лежат» [20].

Мы придерживаемся той позиции, что банковская карта является средством платежа, орудием совершения преступления, то есть «ключом к сейфу», а значит, во всех приведенных случаях квалификация должна осуществляться по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и вот почему.

Изъятие денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств с электронных кошельков с помощью электронных денежных средств осуществляется тайно и дистанционно, то есть в отсутствие собственника денежных средств, который узнает о списании у него денег только после совершения транзакции. Получается, в момент завладения денежными средствами потерпевший сам их добровольно не передает, а их перечисление осуществляется в его отсутствии и даже в присутствии третьих лиц (например, кассир в магазине), но которые не осознают факта противоправного безвозмездного изъятия денежных средств со счета потерпевшего. Теория и судебная практика в данном случае едины: способ изъятия имущества определяется на момент его изъятия и он тайный.

Критики такой позиции говорят о том, что при мошенничестве происходит обман потерпевшего и получение от него пин-кода или номера привязанного к карте телефонного номера, которые в последующем используются злоумышленником для списания денежных средств со счета потерпевшего. Вынуждены не согласиться с этой позицией. Способ хищения должен определяться на момент изъятия имущества, а получение информации, подделка банковской карты, установка программшпионов и пр. является приготовлением к последующему изъятию чужого имущества. То есть сам факт изъятия чужого имущества происходит позднее, в отсутствие потерпевшего и без его согласия, то есть тайно!

В абз. 3 п. 17 Пленума от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» также сказано: «В случаях, когда лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются как кража».

Такие действия с поддельными пластиковыми картами как изготовление, приобретение, хранение и транспортировка в целях использования или сбыта могут квалифицироваться самостоятельно как подготовительные по ст. 187 УК РФ.

Нужно понимать, что для мошеннического обмана характерной особенностью является то, что потерпевший, введенный в заблуждение, сам добровольно по своей воле передает имущество преступнику, в обмен на какие-то услуги, действия, приобретение товаров, «снятие порчи и венца безбрачия» и т.п. При этом преступник в целях убеждения потерпевшего создает у последнего иллюзию, что он действитель-

но может осуществить обещанное, использует «подставных довольных покупателей», документы-фальшивки, вывески, сайты-двойники, рекламу, обещания высоких процентов, пробную поставку и т.п.

Как справедливо отмечает А.А. Южин, «в этой же ситуации добровольно имущество никто не передает, как мы уже отмечали, платежная карта выступает орудием преступления, с помощью которого субъект мошенничества пытается получить доступ к денежным средствам. Когда происходит обман представителя торговой организации (официанта), то никто не удостоверяет – является данное лицо правомочным держателем карты или нет. Списание денежных средств происходит до того момента, как владелец карты ставит свою подпись на чеке» [19].

Электронное средство платежа выступает в ст. 159^3 УК РФ не как предмет хищения, а именно как средство изъятия денежных средств, а предметом являются только безналичные денежные средства или цифровые права, находящиеся на банковском или консолидированном счете держателя карты или в информационной системе.

К электронным средствам платежа относятся: электронные кошельки и предоплаченные банковские (кредитные, расчетные, платежные) карты. Электронные средства платежа могут быть: персонифицированными, когда клиент прошел процедуру идентификации, и неперсонифицированными. Для неперсонифицированных электронных средств платежа установлены ограничения по остатку электронных денежных средств – не более 15 тыс. руб., при этом общая сумма переводимых клиентом средств не должна превышать 40 тыс. руб. в месяц. При этом возможна идентификация клиента в упрощенном порядке (проверка только Ф.И.О.).

Более того, использование банковских карт с электронным чипом позволяет осуществлять транзакции бесконтактным способом с банковского счета клиента вообще без какой-либо идентификации. Технология бесконтактной оплаты для карт Visa называется PayWave, для Mastercard – PayPass. Суть одинакова: карту можно не вставлять в терминал при оплате покупки, а просто поднести ее. При этом используется технология RFID (когда пластиковая карта и терминал обмениваются радиосигналами). Если сумма покупки меньше 1 000 рублей, то система пин-код не спрашивает – просто списывает деньги со счета. Лимит 1 000 рублей, установленный международными платежными системами, считается оптимальным с точки зрения безопасности, так как пользователь в случае компрометации карты теряет 1 000 рублей и сразу же узнает об этом, если у него подключена услуга смс-уведомления об операциях, совершенных с использованием банковской карты. Так у держателя карты есть время на то, чтобы ее заблокировать до следующего списания, например, отправив смс-запрос со словом «блокировка» на короткий номер. Ограничить количество транзакций или уменьшить сумму списания денежных средств сейчас по утверждению банков технически невозможно.

Таким образом, при использовании неперсонифицированных электронных средств платежа или при использовании упрощенной идентификации никакого обмана уполномоченных сотрудников банковской или торговой организации не происходит. То есть кассир выполняет роль третьего лица, который присутствует при изъятии чужого имущества, но факта его неправомерности не осознает, что также соответствует описанному в Постановлении Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г.

№ 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» тайному способу изъятия чужого имущества.

Даже при использовании контактных чипированных карт (в отличие от карт, оснащенных только магнитной лентой) не требуется процедура идентификации – проверка паспортных данных, принадлежности данной карты ее предъявителю, подпись клиента в чеке, которая до настоящего момента осуществляется в отделениях банков России при проведении расчетов у менеджера банка. Даже введение пин-кода при проведении расчетов на кассе магазина не является процедурой идентификации. Это верификация, которая подтверждает ваши полномочия на совершение операции, но не удостоверяет личность держателя карты. Поэтому нарушение будет отсутствовать и транзакция будет проведена, если владелец карты передал ее другому лицу и добровольно сообщил ему пин-код.

Во всех перечисленных случаях квалификация должна осуществляться по ст. 158 УК РФ ч. 2 или ч. 3, в зависимости от того, наличные деньги перечислялись злоумышленнику, электронные деньги (например, авансовые платежи на счете мобильного оператора, деньги с электронного кошелька), безналичные деньги похищены с банковского счета потерпевшего или цифровые финансовые активы.

В таком случае возникает закономерный вопрос: а когда же действия преступника должны квалифицироваться по ст. 159^3 УК РФ?

Исходя из действующей редакции статьи, полагаем, что как мошенничество с использованием электронных средств платежа должны квалифицироваться такие ситуации, когда потерпевший под влиянием обмана добровольно именно сам перечисляет денежные средства в безналичном виде со своего банковского счета или электронные денежные средства на счет злоумышленника.

Например, мошенник, разместив информацию на сайте объявлений о продаже какой-либо вещи, просит в качестве предоплаты перечистить на его счет с банковской карты или электронного кошелька потерпевшего на его электронный неперсонифицированный кошелек предоплату (полную оплату), обещая выслать вещь почтой, и в подтверждение своих намерений высылает фото описи вложений для посылки, отправленной на имя потерпевшего. Однако в итоге потерпевший вместо вещи в лучшем случае получает плитку шоколада … Масса интернет-магазинов используют именно такую схему дистанционного мошенничества. Или потерпевшему предлагают получить причитающуюся ему денежную компенсацию, но за ее получение необходимо перечислить на счет злоумышленника налог.

По официальным данным Банка России «в 2019 г. объем всех операций, совершенных без согласия клиентов (физических и юридических лиц) с использованием электронных средств платежа, составил 6 426,5 млн. рублей. 69% всех операций без согласия клиентов было совершено в результате побуждения клиентов к самостоятельному проведению операции путем обмана или злоупотребления доверием (методами так называемой социальной инженерии)» [16].

Изучение статистических данных по ст. 159^6 ч. 3 п. «в» – «Мошенничество в сфере компьютерной информации с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» показал, что такое мошенничество практически не встречается в следственно-судебной практике. И этому есть закономерное объяснение.

Такое мошенничество не имеет признаков мошеннического способа завладения имуществом, так как компьютерная информация позволяет преступнику завладеть чужими денежными средствами без личного контакта с потерпевшим, а значит – отсутствует и как таковой обман. Состав преступления, описанный в ст. 159^6 УК РФ является разновидностью кражи, что и признается большинством как ученых, так и практиков [7; 17].

Однако только незаконное воздействие на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети [18], которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации образует состав данного преступления, о чем говорится в пп. 20, 21 Пленума от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Более подробно особенности квалификации по ст. 159^6 УК РФ приводит Е.А. Русскевич, отмечая, что по этой статье должны квалифицироваться такие деяния, когда злоумышленник устанавливает на компьютер (смартфон, терминал) потерпевшего вредоносное программное обеспечение, позволяющее ему получить доступ к управлению счетом или телефоном, или иным техническим устройством, после чего удаленно производит перечисление денежных средств потерпевшего на счета электронных платежных систем [13].

Во всех остальных случаях хищение денежных средств при использовании технических устройств – мобильных телефонов, банкоматов, скимингов или «фишиг» с поддельными сайтами, – является разновидностью кражи.

В настоящий момент мошенники трансформировали свою схему совершения мошенничеств в отношении владельцев банковских карт. Они, звоня на номер держателя карты, не спрашивают у него персональные данные, пин-код или CRV-код, а в целях защиты смартфона абонента от хакерских и мошеннических атак предлагают ему скачать специальную, как будто антивирусную программу. Но эта программа, будучи установленной на телефон, предоставляет злоумышленнику неограниченный доступ ко всем персональным данным держателя смартфона, и позволяет в последующем без его ведома и согласия тайно произвести списание денежных средств с его банковского счета. В таких случаях квалификация по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ представляется более обоснованной.

Таким образом, отсутствие системного подхода при внесении изменений в текст статей УК РФ не способствует совершенствованию судебно-следственной практики и, как следствие, повышению эффективности уголовного законодательства. Напротив, приводит к конкуренции норм, которую правоприменители вынуждены преодолевать, толкуя их исходя из собственного понимания и опыта.

Список литературы

1. Абитов А.З. Проблема квалификации преступлений, связанных с хищением электронных денежных средств // Законность. 2019. № 9. С. 42-44.
2. Архипов А.В. Актуальные вопросы квалификации хищения безналичных денежных средств // «Вестник Томского государственного университета», 2017. № 418. С. 195-198.
3. Архипов А.В. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) // Уголовное право. 2019. № 5.
4. Архипов А.В. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства // Уголовное право. 2018. № 3.

5. Грачева Ю.В. Цифровизация: некоторые уголовно-правовые риски в сфере экономики // Уголовное право. 2019. №5.
6. Евтушенко И.И. Практическое применение новелл уголовного закона о хищении электронных денежных средств и с использованием электронных средств платежа // В сборнике: Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения). 2019. - С. 137-139.
7. Иванченко Р.Б., Малышев А.Н. Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 194–200.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8442/ (дата обращения: 22.09.2020).
9. Пояснительная записка к проекту ФЗ «О внесении изменений в УК РФ (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств) // [Интернет-ресурс] URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=159733#034043780500899923.
10. Приговор Дудинского районного суда (Красноярский край) № 1-106/2018 от 18 сентября 2018 г. по делу № 1-106/2018; а так же Приговор Серовского районного суда (Свердловская область)№ 1-393/2018 от 17 сентября 2018 г. по делу № 1-393/2018 // ГАС «Правосудие».
11. Приговор Ефремовского районного суда (Тульская область) № 1-112/2018 от 24 сентября 2018 г. по делу № 1-112/2018 // ГАС «Правосудие».
12. Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска № 1-700/2018 от 26 сентября 2018 г. по делу № 1-700/2018 , а также Приговор Карагайского районного суда (Пермский край)№ 1-73/2018 от 25 сентября 2018 г. по делу № 1-73/2018, Приговор Московского районного суда г. Рязани № 1-223/2018 от 17 сентября 2018 г. по делу № 1-223/2018.
13. Русскевич Е.А. Отграничение кражи с банковского счета или в отношении электронных денежных средств от смежных составов преступлений // Уголовное право. 2019. № 2.
14. Скляров С.В. Квалификация снятия денежных средств через банкомат по чужой платежной карте // Уголовное право. 2019. № 4.
15. Филатова М. Разграничение посягательств на безналичные денежные средства по формам хищения // Уголовное право. 2020 г. № 1.
16. ЦБ России: Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций за 2019 год // сайт. – 2020. – URL: http://www/cbr.ru (дата обращения: 22.09.2020)
17. Шебанов Д.В., Терещенко Л.С. О некоторых проблемах квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 4. – С. 240–242.
18. Энгельгардт А.А. Вопросы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 86–95.
19. Южин А.А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Социально-экономические явления и процессы Т. 11, № 1, 2016. С. 141-144.
20. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 4, 5, 6, 7.

Evtushenko I.I. Issues of differentiation of related structures of stealings of property rights and their qualification // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 330-341.

The article deals with theoretical and practical issues of delineation of crimes provided for in paragraph " d " of Part 3 of Article 158, Article 159, Article 1593, Article 1596 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyzes the concept and features of property rights, such as non-cash money, electronic money, digital financial assets, digital currency and digital rights, electronic means of payment. In some cases, they act as the subject of a crime, and in others-the means of its commission. In practice, the lack of a clear understanding of their differences has led to the fact that similar acts are classified differently by different investigative bodies and courts. In this connection, the author presents his own idea of the fundamental differences between theft and fraud in the theft of property rights, based on the analysis of the theory and practice of the application of criminal law in the Russian Federation, as well as practical recommendations for the qualifi-

cation of theft of property rights, differentiates theft and fraud, and provides criteria for their correct qualification.

Keywords: fraud, remote theft, non-cash money, electronic money, digital rights, digital financial assets, electronic means of payment, theft of property rights.

Spisok literatury

1. Sostoyanie prestupnosti za 2016, 2017, 2018 gody. [internet resurs] //url: https MVD RF reports 1. Abitov A.Z. Problema kvalifikacii prestuplenij, svyazannyh s hishcheniem elektronnyh denezhnyh sredstv // Zakonnost'. 2019. № 9. S. 42-44.
2. Arhipov A.V. Aktual'nye voprosy kvalifikacii hishcheniya beznalichnyh denezhnyh sredstv // «Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta», 2017. № 418. S. 195-198.
3. Arhipov A.V. Moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha (st. 159.3 UK RF) // Ugolovnoe pravo. 2019. № 5.
4. Arhipov A.V. Otvetstvennost' za hishchenie beznalichnyh i elektronnyh denezhnyh sredstv: novelly zakonodatel'stva // Ugolovnoe pravo. 2018. № 3.
5. Gracheva YU.V. Cifrovizaciya: nekotorye ugolovno-pravovye riski v sfere ekonomiki // Ugolovnoe pravo. 2019. №5.
6. Evtushenko I.I. Prakticheskoe primenenie novell ugolovnogo zakona o hishchenii elektronnyh denezhnyh sredstv i s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha // V sbornike: Ugolovno-pravovoe vozdejstvie i ego rol' v preduprezhdenii prestupnosti (IV Saratovskie ugolovno-pravovye chteniya). 2019. - S. 137-139.
7. Ivanchenko R.B., Malyshev A.N. Problemy kvalifikacii moshennichestva v sfere komp'yuternoj informacii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2014. – № 1. – S. 194–200.
8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 7 iyulya 2015 g. № 32 «O sudebnoj praktike po delam o legalizacii (otmyvanii) denezhnyh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennyh prestupnym putem, i o priobretenii ili sbyte imushchestva, zavedomo dobytogo prestupnym putem» // URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8442/ (data obrashcheniya: 22.09.2020).
9. Poyasnitel'naya zapiska k proektu FZ «O vnesenii izmenenij v UK RF (v chasti usileniya ugolovnoj otvetstvennosti za hishchenie denezhnyh sredstv s bankovskogo scheta ili elektronnyh denezhnyh sredstv) // [Internet-resurs] URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=159733#034043780500899923.
10. Prigovor Dudinskogo rajonnogo suda (Krasnoyarskij kraj) № 1-106/2018 ot 18 sentyabrya 2018 g. po delu № 1-106/2018; a tak zhe Prigovor Serovskogo rajonnogo suda (Sverdlovskaya oblast')№ 1-393/2018 ot 17 sentyabrya 2018 g. po delu № 1-393/2018 // GAS «Pravosudie».
11. Prigovor Efremovskogo rajonnogo suda (Tul'skaya oblast') № 1-112/2018 ot 24 sentyabrya 2018 g. po delu № 1-112/2018 // GAS «Pravosudie».
12. Prigovor Sverdlovskogo rajonnogo suda g. Irkutska № 1-700/2018 ot 26 sentyabrya 2018 g. po delu № 1-700/2018 , a takzhe Prigovor Karagajskogo rajonnogo suda (Permskij kraj)№ 1-73/2018 ot 25 sentyabrya 2018 g. po delu № 1-73/2018, Prigovor Moskovskogo rajonnogo suda g. Ryazani № 1-223/2018 ot 17 sentyabrya 2018 g. po delu № 1-223/2018.
13. Russkevich E.A. Otgranichenie krazhi s bankovskogo scheta ili v otnoshenii elektronnyh denezhnyh sredstv ot smezhnyh sostavov prestuplenij // Ugolovnoe pravo. 2019. № 2.
14. Sklyarov S.V. Kvalifikaciya snyatiya denezhnyh sredstv cherez bankomat po chuzhoj platezhnoj karte // Ugolovnoe pravo. 2019. № 4.
15. Filatova M. Razgranichenie posyagatel'stv na beznalichnye denezhnye sredstva po formam hishcheniya // Ugolovnoe pravo. 2020 g. № 1.
16. CB Rossii: Obzor operacij, sovershennyh bez soglasiya klientov finansovyh organizacij za 2019 god // sajt. – 2020. – URL: http://www/cbr.ru (data obrashcheniya: 22.09.2020)
17. SHebanov D.V., Tereshchenko L.S. O nekotoryh problemah kvalifikacii moshennichestva v sfere komp'yuternoj informacii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2014. – № 4. – S. 240–242.
18. Engel'gardt A.A. Voprosy kvalifikacii moshennichestva v sfere komp'yuternoj informacii // Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2016. – № 4. – S. 86–95.
19. YUzhin A.A. Ugolovno-pravovaya harakteristika i problemy kvalifikacii moshennichestva s ispol'zovaniem platezhnyh kart // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy T. 11, № 1, 2016. S. 141-144.
20. YAni P.S. Moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha // Zakonnost'. 2019. № 4,5,6,7

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 342-348.

УДК 343.2/.7
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-342-348

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ, ОСНОВАНИЯ И ПРИНЦИПЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ СОЗДАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА И УЧАСТИЯ В НЕМ

Губанова Е. В.

Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского

Статья посвящена анализу, теоретическому обоснованию установления уголовной ответственности за деяния, связанные с созданием и участием в террористическом сообществе, а также дан анализ социальной обусловленности криминализации создания террористического сообщества и участия в нем. В статье раскрыты цель и основания криминализации данного деяния. Особое внимание автор уделил принципам криминализации и их соответствием с решением законодателя об установлении уголовной ответственности за создание террористического сообщества и участия в нем. Уделено внимание общественной опасности создания террористического сообщества и участия в нем, на которой основывается социальная оценка таких деяний как преступных.

Ключевые слова: социальная обусловленность, принципы криминализации деяния, основания криминализации деяния, террористическое сообщество, общественная опасность.

Вопросы, связанные с привлечением к уголовной ответственности лиц за террористические проявления, сегодня остаются актуальной проблемой, как теории, так и практики противодействия распространению идеологии терроризма, борьбы с организованной преступностью в целом, а также с созданием организованных форм террористических групп и сообществ в частности. В международном и национальном праве уделяется особое внимание правовому регулированию противодействия идеологии терроризма и террористической деятельности. В связи с вышеизложенное чрезвычайное значение приобретает задача создания эффективного антитеррористического законодательства и, в первую очередь, усовершенствование его уголовно-правовой составляющей.

Основной целью криминализации деяний, направленных на организацию террористического сообщества и участие в нем является эффективное противодействие организованному терроризму уголовно-правовыми средствами. В 2013 году Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.11.2013 № 302-ФЗ [1] в Уголовный кодекс Российской Федерации введена соответствующая законодательная новелла - ст. 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем» [2], устанавливающая уголовную ответственность и наказание за следующие деяния:

– создание террористического сообщества, то есть устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 Уголовного Кодекса, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, а равно руководство таким террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями;

– участие в террористическом сообществе.

Введение данной нормы вызвано и криминологической ситуацией. Официальные данные о количестве преступлений террористической направленности свидетельствуют о следующем. С 2010 по 2016 год наблюдалась существенная положительная динамика данного вида преступлений: 2010 г. - 581; 2016 г. – 2227. В 2017, 2018 годы мы наблюдаем снижение количества данных деяний до уровня 1679. Однако уже в 2019 г. снова наблюдается рост преступлений террористической направленности до 1806 преступлений и за 7 месяцев 2020 года их количество составило 1419 деяний. Примерно такая же картина и по количеству выявленных лиц, совершивших преступления террористической направленности. За 2020 год в Республике Крым зарегистрировано 57 преступлений данной категории и выявлено 15 лиц, совершивших преступления террористической направленности. Крым занимает 5 позицию в рейтинге регионов, что подтверждает актуальность выбранной тематики [3]. Такое решение государства полностью соответствует основаниям и принципам криминализации, принятым в уголовно-правовой доктрине:

Понятие «основания криминализации» означает, что в материальной и духовной жизни общества происходят такие процессы, развитие которых порождает объективную необходимость уголовно-правовой охраны тех или иных ценностей, то есть основания криминализации – это то, что создает действительную потребность в уголовно-правовой новелле, внутренняя необходимость возникновения правовой нормы [4, с. 204-205.].

До введения данной новеллы в уголовный закон в правоприменительной практике террористическое сообщество рассматривалось как вид экстремистского сообщества, соответственно террористическая организация – как вид экстремистской организации. Безусловно, учитывая эти обстоятельства, внесенные изменения и дополнения в УК РФ были целесообразны и оправданы.

Основания криминализации могут быть различными, но в качестве основных ее видов можно выделить следующие:

1) неблагоприятная динамика определенного вида общественно опасных деяний, которые ранее не организовывали специальный состав преступления;

2) возникновение или заметное развитие новой группы общественных отношений, происходящих на основе экономического или технического прогресса;

3) наличие опасных последствий в хозяйственной и иной деятельности людей, в связи с чем возникает необходимость ограничить формы или границы этой деятельности, либо вообще наложить запрет не нее;

5) такое развитие общества, при котором возникает нетерпимость к некоторым действиям, с которыми ранее приходилось (или можно было) мириться, но в новых условиях подобные действия находятся в противоречии со всем общественным строем;

6) необходимость выполнения государством обязательств по международным соглашениям [5, с. 61–62].

Если мы рассмотрим предложенные основания, то увидим, что в данной группе отношений в качестве реальных оснований могут выступать все виды из приведенной классификации оснований.

В Российской Федерации до сих пор присутствует определенная динамика в создании террористических сообществ и в признании судами организаций террористическими, а также есть стойкая неблагоприятная динамика организованной преступности, которая, как отмечалось выше, в последнее время тесно сплетается с террористической деятельностью на фоне изменений в экономике, политике, и в социальной сфере. «Терроризм, по словам В. С. Комиссарова, имеет тенденцию к росту именно в переходные периоды и этапы развития общества, когда в нем создается определенная эмоциональная атмосфера» [6, с. 135].

Россия, безусловно, присоединяется и к международным усилиям в противодействии терроризму. Нельзя не отметить, что любой террористический акт по своей сути может быть международным преступлением, поскольку, какова бы ни была страна его совершения, жертвами могут выступать граждане разных государств, да и резонанс всегда будет международным, поскольку такие деяния всегда наносят непоправимый ущерб международному правопорядку. Таким образом, основания как внутреннего, так и международного характера криминализации создания террористического сообщества и участия в нем присутствуют.

В доктрине уголовного права принципы криминализации представляют как наиболее абстрактный и общий уровень обеспечения и обоснования уголовного нормотворчества, это отправные позиции, учет которых необходим при любом изменении системы действующего уголовного законодательства [4].

Различают две группы принципов криминализации.

1. Принципы, отражающие общественную необходимость и политическую волю установления уголовной ответственности, или социальные и социально-психологические принципы криминализации, то есть принципы, раскрывающие социальную адекватность криминализации, ее допустимость с точки зрения основных характеристик социальных систем и процессов общественного развития, соответствия уголовно-правовой нормы уровню, характеру общественного сознания и состояния общественного мнения.

2. Принципы соответствия уголовно-правовой нормы требованиям внутренней логической, отсутствию противоречий системы норм уголовного права, то есть системно-правовые принципы криминализации.

Среди социальных и социально-психологических принципов криминализации мы можем выделить:

– принцип общественной опасности;

– принцип относительной распространенности деяния;

– принцип соразмерности положительных и отрицательных последствий криминализации;

– принцип уголовно-политической адекватности криминализации.

Системно-правовые принципы криминализации делятся на общеправовые и уголовно-правовые системные принципы.

Общеправовые системные принципы криминализации:

– принцип конституционной адекватности;
– принцип системно-правовой непротиворечивости;
– принцип международно-правовой необходимости и допустимости;
– принцип процессуальной осуществимости преследования.

Уголовно-правовые системные принципы криминализации:

- принцип беспробельности и неизбыточности запрета;
- принцип определенности и единства терминологии;
- принцип полноты состава;
- принцип соразмерности санкции и экономии репрессии.

Как видим, принципы криминализации тесно связаны с основаниями. «Эта взаимная системность оснований и принципов криминализации, - отмечает Г. А. Злобин, - ведет к тому, что как единичное, взятое вне системы, основание не может быть достаточным в пользу криминализации деяний, так и каждый отдельный принцип криминализации не может быть использован самостоятельно без обязательного применения к рассматриваемому случаю других принципов» [4].

Проанализируем содержание с. 205.4 УК РФ на предмет соответствия принципам криминализации.

Принцип общественной опасности означает, что только то деяние может быть криминализировано, общественная опасность которого является достаточно высокой. Общественная опасность в уголовно-правовой науке определяют, как внутреннюю, объективную, сущностную, как основное свойство преступления [6], она существует в реальной действительности независимо от воли законодателя, а задача законодателя как раз и заключается в том, чтобы правильно оценить условия жизни общества на данном этапе и принять решение об отнесении деяния к числу общественно опасных, к числу преступлений [7, с. 96–97; 20].

Характер общественной опасности преступлений террористической направленности обусловлен важностью тех объектов, на которые они посягают, «к тому же специфика этих действий заключается именно в их многообъектности» [8, с. 50]. Они одновременно посягают на нормальное функционирование институтов органов государственной власти, жизни и здоровья граждан, имущество физических и юридических лиц. Тому подтверждение – обстоятельства всех преступлений, связанных с совершением террористической деятельности, террористических актов в особенности.

Общественные последствия террористических действий или возможность их наступления нередко сравнивают с катастрофой вселенского значения, но при этом особую обеспокоенность в мире вызывает реальная возможность появления ядерного, технологического и других видов терроризма, что напрямую связанно с созданием террористических сообщества. Что же касается такого вида терроризма как компьютерный, то, как подчеркивает Ю. В. Батурин, «компьютерный терроризм – это реальность» [9, с. 130], и если до недавнего времени террористы в основном занимались «физическим разрушением компьютеров или массивов данных» [10, с. 26], то, когда компьютеры «вообще становятся нервной системой современного общества» [10, с. 27], они все чаще используются как центральный инструмент воздействия на тот или иной объект. Террористические действия в виде компьютерной преступности, которая угрожает всем сферам жизни общества, может вызвать и военные последствия, которые станут катастрофическими.

Суть принципа относительной распространенности деяния заключается в том, что уголовное право регулирует форму реакции общества и государства на такие общественно опасные деяния, которые, по крайней мере, являются реальными и

возможными, то есть они имеют в своих проявлениях некоторые общие тенденции и закономерности.

Как мы определили выше, террористическая деятельность в России сегодня не является распространенным явлением, однако есть серьезная опасность увеличения ее масштабов в связи с ее распространенностью в мире, а также в связи с реальной активизацией организованной преступности. В такой ситуации террористическая деятельность возникает на территории Российской Федерации именно в организованной своей форме, в форме террористических сообществ.

С рассмотренными двумя принципами тесно связан также принцип уголовно-политической адекватности криминализации. В условиях сращивания терроризма с организованной преступностью главные направления государственной политики сосредоточены на противодействии организованной преступности в любых ее формах и проявлениях, поскольку эта преступность в наше время приобретает масштабы межрегионального, государственного и международного характера.

Принцип соразмерности положительных и отрицательных последствий криминализации говорит о том, что сколь бы ни было опасным то или иное поведение, его криминализация никогда не может рассматриваться как абсолютное благо, всегда одни интересы общества или его части жертвуются ради других, более значимых [4].

Из числа общеправовых принципов первым называется принцип конституционной адекватности, то есть принцип соответствия законодательных новелл положениям, содержащимся в Конституции государства. Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [11], человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Противоречия в законодательстве – это путь к нарушениям конституционных прав и свобод граждан.

В связи с этим важное значение приобретает соблюдение принципа системно-правовой непротиворечивости криминализации организации террористических сообществ.

Вследствие систематического толкования действующего Уголовного кодекса можно сделать такой вывод, что, согласно его нормам, криминализации подлежит создание тех или иных организованных преступных групп/организаций: ст. 205.5 Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации; ст. 208. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем; ст. 210 Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней); ст. 239 Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан; ст. 282.1 Организация экстремистского сообщества. Понятно, что в указанных нормах речь может идти только о преступных формированиях на уровне организованных групп или преступных организаций, таким образом, криминализация организации террористического сообщества полностью соответствует данному принципу.

В ч. 2 ст. 205.4 УК установлена ответственность не только за организацию террористического сообщества, но также и за участие в этом сообществе. Для уголовного права такое нововведение – полная неожиданность, поскольку не вполне по-

нятно, что же следует понимать под понятием «участие» в группе лиц-исполнителей без предварительного сговора между собой или в группе лиц по предварительному сговору, в том случае, когда член группы не выполняет непосредственно объективной стороны конкретного преступления, ради совершения которого эта группа создана. До этого нововведения в уголовном законодательстве ответственность за участие (без непосредственного участия в совершении иного конкретного общественно опасного деяния) была установлена в ст. 209 «Бандитизм».

В связи с этим необходимо отметить, что законодатель учел положения ст. 5 Палермской конвенции ООН «Против транснациональной организованной преступности» от 15 ноября 2000 года, в которой государствам-участникам рекомендуется «осуществить криминализацию участия лица в какой бы то ни было форме в организованной преступной группе» [12].

Список литературы

1. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.11.2013 № 302-ФЗ: сайт / информационно-правовой портал ГАРАНТ – URL: http://base.garant.ru/70493356/ (дата обращения: 30.03.2021) – текст электронный.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ: сайт / информационно-правовой портал Консультант – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/(дата обращения: 22.03.2021) – текст электронный.
3. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ – URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 21.03.2021) – текст электронный.
4. Основания уголовно-правового запрета: криминализации и декриминализация /коллектив авторов, отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. Н. Яковлев. - М.: Наука, 1982.
5. Комиссаров В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества. По новому УК РФ / В.С. Комиссаров – М.: Кросно-Лекс, 1997.
6. Курс уголовного права. Общая часть: Учебник для вузов / коллектив авторов, под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. Ф. Кузнецовой и канд. юрид. наук, доц. И. М. Тяжковой. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. - Т. 1: Учение о преступлении.
7. Дурманов Н. Д. Понятие преступления / Н.Д. Дурманов – М.-Л.: АН СССР, 1948.
8. Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование / П.В. Емельянов - Юридический центр – 2002. – 320 с.
9. Батурин Ю. В. Проблемы компьютерного права / Ю.В. Батунин – М .: Юрид. лит., 1991. – 271 с.
10. Батурин Ю. В. Право и политика в компьютерном круге / Ю.В. Батунин. –М.: Наука, 1987. – 111 с.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020): сайт / информационно-правовой портал Консультант – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 24.03.2021) – текст электронный.
12. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.: сайт/ Организация объединённых наций – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 27.03.2021) – текст электронный.

Elena V. Gubanova. Social causality, foundations and principles of criminalization of the creation of a terrorist community and participation in it // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 342-348.

The article is devoted to the analysis, theoretical substantiation of the establishment of criminal responsibility for acts related to the creation and participation in a terrorist community, as well as an analysis of the social causality of the criminalization of a terrorist community creation and participation in it. The article reveals the purpose and grounds for the criminalization of this activity. The author has paid special attention to the principles of criminalization and their compliance with the decision of the legislator to establish criminal liability for the creation of a terrorist community and participation in it. Attention is paid to the public danger

of creating a terrorist community and participation in it, on which the social assessment of criminal acts is based.

Key words: social causality, principles of criminalization of activity, grounds for criminalization of activity, terrorist community, public danger.

Spisok literatury

1. Federalnyy zakon «O vnesenii izmeneniy v otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii» ot 02.11.2013 № 302-FZ: sayt / informatsionno-pravovoy portal GARANT – URL: http://base.garant.ru/70493356/ (data obrashcheniya: 30.03.2021) – tekst elektronnyy.
2. «Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii» ot 13.06.1996 № 63-FZ: sayt / informatsionno-pravovoy portal Konsultant – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/(data obrashcheniya: 22.03.2021) – tekst elektronnyy.
3. Portal pravovoy statistiki Generalnoy prokuratury RF – URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (data obrashcheniya: 21.03.2021) – tekst elektronnyy.
4. Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta: kriminalizatsii i dekriminalizatsiya /kollektiv avtorov. otv. red. V. N. Kudryavtsev. A. N. Yakovlev. - M .: Nauka. 1982.
5. Komissarov V. S. Terrorizm. banditizm. zakhvat zalozhnika i drugiye tyazhkiye prestupleniya protiv bezopasnosti obshchestva. Po novomu UK RF / V.S. Komissarov – M .: Krosno-Leks. 1997.
6. Kurs ugolovnogo prava. Obshchaya chast: Uchebnik dlya vuzov / kollektiv avtorov. pod red. d-ra yurid. nauk. prof. N. F. Kuznetsovoy i kand. yurid. nauk. dots. I. M. Tyazhkovoy. – M .: ZERTsALO. 1999. - T. 1: Ucheniye o prestuplenii.
7. Durmanov N. D. Ponyatiye prestupleniya / N.D. Durmanov – M.-L .: AN SSSR. 1948.
8. Emelianov V. P. Terrorizm i prestupleniya s priznakami terrorizirovaniya: ugolovno-pravovoye issledovaniye / P.V. Emelianov - Yuridicheskiy tsentr – 2002. – 320 s.
9. Baturin Yu. V. Problemy kompyuternogo prava / Yu.V. Batunin – M .: Yurid. lit.. 1991. – 271 s.
10. Baturin Yu. V. Pravo i politika v kompyuternom kruge / Yu.V. Batunin. –M .: Nauka. 1987. – 111 s.
11. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 s izmeneniyami. odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020): sayt / informatsionno-pravovoy portal Konsultant – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya: 24.03.2021) – tekst elektronnyy.
12. Konventsiya Organizatsii Obyedinennykh Natsiy protiv transnatsionalnoy organizovannoy prestupnosti ot 15 noyabrya 2000 g.: sayt/ Organizatsiya obyedinennykh natsiy – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (data obrashcheniya: 27.03.2021) – tekst elektronnyy.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 349-354.

УДК 340.1
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-349-354

КЛАССИФИКАЦИЯ ФАКТИЧЕСКИХ СОСТАВОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОРЯДКА НАКОПЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ

Цуканова Е. Ю.

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»

В данной статье анализируется порядок накопления элементов фактического состава как классификационный критерий их деления на виды. В зависимости от этого выделены составы: 1) с последовательным накоплением их элементов; 2) с независимым накоплением элементов; 3) построенные с использованием различных структурных принципов. Приводится логическое объяснение деления на указанные виды с использованием теории абсолютных и относительных правоотношений. Обозначена актуальность данной проблематики для современного уровня теории права. Формулируется вывод о том, что относительные субъективные права как бы не являются самодостаточными. Они не в состоянии служить средством удовлетворения интереса на неопределенном отрезке времени. Данное право существует лишь ограниченное время и направлено на достижение такого правового состояния, в котором интерес будет обеспечиваться за счет собственного активного поведения. Вследствие этого временной порядок развития фактических обстоятельств в одних ситуациях может иметь правовое значение, а в других быть совершенно индифферентным к будущим правовым последствиям.

Ключевые слова: фактический состав, юридический факт, последовательное накопление элементов, абсолютное и относительное правоотношение.

Фактический состав как основание возникновения, изменения и прекращения правоотношений включает в себя в качестве структурных элементов различные юридические факты. Причем последние представляют собой не хаотичный набор элементов, а взаимосвязанную систему фактических обстоятельств, которые в совокупности производят определенные, заранее предусмотренные законом, правовые последствия. Это дает основание сделать вывод о том, что специфика фактических составов, детерминирующая деление их на виды, может проявляться в особенностях как самих элементов состава, так и связей между ними. Таким образом, одним из направлений изучения фактических составов посредством их классификации является учет особенностей структурных взаимосвязей отдельных элементов фактического состава между собой.

Анализ процесса накопления юридических фактов как элементов фактического состава позволил выделить в теории права составы двух типов. Во-первых, составы, элементы которых могут проявляться в реальной действительности в любом порядке. Последовательность их накопления не имеет квалифицирующего значения. Во-

вторых, фактические обстоятельства иных составов должны иметь четкую временную последовательность. Можно говорить о наличии в этом процессе заранее определенного алгоритма.

Деление фактических составов в зависимости от порядка накопления в нем отдельных элементов, полагаем, имеет наибольшее значение в раскрытии внутренних структурных связей для правотворческого и правоприменительного процессов.

Для составов первого вида не является определяющим, какой из элементов состава появился последним, их совокупность порождает предусмотренные законом правовые последствия. Так, например, п. 2 ст. 26 Жилищного кодекса РФ определяет перечень подтверждающих определенные фактические обстоятельства документов, необходимых для переустройства или перепланировки помещения в многоквартирном жилом доме. К их числу отнесены:

1) заявление о переустройстве и (или) перепланировке;

2) правоустанавливающие документы на переустраиваемое и (или) перепланируемое помещение в многоквартирном доме;

3) подготовленный и оформленный в установленном порядке проект переустройства и (или) перепланировки переустраиваемого и (или) перепланируемого помещения в многоквартирном доме;

4) технический паспорт переустраиваемого и (или) перепланируемого помещения в многоквартирном доме;

5) согласие в письменной форме всех членов семьи нанимателя;

6) заключение органа по охране памятников архитектуры, истории и культуры о допустимости проведения переустройства и (или) перепланировки помещения в многоквартирном доме.

Порядок оформления соответствующих документов юридического значения не имеет. В данном примере речь идет о перечне документов, представляемых в орган, осуществляющий согласование переустройства (или) перепланировки. Однако, в конечном итоге, можно говорить о перечне юридических фактов, поскольку каждый документ подтверждает наличие в объективной реальности жизненного обстоятельства, необходимого для согласования переустройства или перепланировки.

Такому независимому порядку накопления элементов состава противостоит иной, в котором отдельные юридические факты должны появляться в определенном порядке. Нарушение установленного порядка приведет к утрате возможности данной совокупности фактов проявить себя в качестве фактического состава.

Вместе с тем, имеются и такие составы, построение которых включает оба вышеназванных порядка накопления.

В этой связи правоведами предлагалось выделять фактические составы:

- с последовательным накоплением их элементов;
- с независимым накоплением элементов;
- построенные с использованием различных структурных принципов.

Такие названия для обозначения выделенных групп фактических составов были предложены В.Б. Исаковым [1, с. 33] и в дальнейшем поддержаны некоторыми учеными [2, с. 159]. В этой связи можно обратить внимание на то обстоятельство, что авторы используют несколько отличающуюся терминологию при обозначении данных видов фактических составов.

С.С. Алексеев, к примеру, писал о наличии трех видов, а именно: 1) простые (свободные) составы; 2) сложные (связанные) составы; и 3) смешанные составы, в которых проявляются системные связи двух предыдущих групп [3, с. 364-365].

М.А. Рожкова данные группы фактических составов именует свободные, связанные и смешанные [4, с. 24].

Р.Х. Миннебаев считает, что наиболее точно суть рассматриваемой классификации передают такие обозначения, как: зависимые, независимые и смешанные [5, с. 63].

Логическое объяснение различного порядка накопления фактического материала внутри состава видится в следующем. Субъективное право должно пониматься в совокупности двух составляющих, а именно правомочии на собственные действия и возможности требовать определенного поведения от обязанного лица.

Субъективные права, в свою очередь, также могут быть различными по своему содержанию. Различия обусловлены иным соотношением его двух составляющих. Так, зачастую доминирующей составляющей субъективного права является возможность собственного активного поведения. Например, абсолютные субъективные права, которым противостоит обязанность неопределенного круга лиц не препятствовать реализации управомоченным субъектом его правомочий (такие права мы будем условно называть субъективными правами первого типа).

Право собственности, являясь абсолютным правом, предоставляет собственнику возможность оставлять вещь в своем владении, использовать ее любым, не запрещенным законом способом, а также определять дальнейшую юридическую судьбу вещи. Причем данные возможности могут быть реализованы путем собственных фактических действий, а также посредством предоставления иным лицам прав в определенной мере владеть и пользоваться собственностью. Однако для этого совершаются юридические действия (например, заключение договора купли-продажи, аренды и др.), посредством которых у иных лиц может возникнуть производная возможность владения и пользования.

Данные действия собственника охватываются содержанием его субъективного права, однако влекут за собой возникновение иных правоотношений производного характера. Производность в этом плане означает, что они возникают вследствие реализации иного правоотношения. Возможные варианты поведения собственника зависят лишь от его собственного усмотрения.

Субъективные права, обеспечивающие возможность удовлетворения интереса за счет собственных действий, естественны и могут существовать неопределенно долгое время. Они позволяют субъекту реализовывать свои потребности и исключать влияние иных лиц в сфере своего хозяйственного господства. Именно такие права называют абсолютными.

В противовес абсолютным существуют права относительные, в которых возможность удовлетворения интереса обеспечивается за счет действий иных лиц. Они временны и стремятся к завершенности, после которой у управомоченного субъекта также появляется возможность существовать автономно в условиях, исключающих постороннее вмешательство в сферу обеспеченных законом собственных интересов. Специфика такого субъективного права состоит в том, что на первое место в нем ставится правомочие требования определенного поведения от обязанного лица (субъективные права второго типа).

Существование такого рода разновидностей субъективных прав обусловлено существованием двух типов социальных отношений. Во-первых, это отношения принадлежности субъекту определенных благ общественной жизни. Во-вторых, это отношения, связанные с оборотом таких благ. Это дает основание правопорядку использовать два механизма обеспечения законных интересов управомоченного лица. Первый направлен на правовое «прикрепление» благ к данному лицу, что обеспечивается за счет модели абсолютного правоотношения, второй механизм призван обеспечивать интересы оборота благ. Для этого используется модель относительного правоотношения [6, с. 103].

А.О. Рыбалов, развивая данную мысль, уточняет, что необходимость регулирования двух типов общественных отношений приводит к появлению двух разновидностей правоотношений. В одном удовлетворение интереса управомоченного лица возможно за счет его собственных действий, в другом это возможно только за счет действий иных лиц, которые становятся обязанными. И заключает при этом: «именно способ удовлетворения интереса – собственными действиями или посредством действий других лиц – служит водоразделом абсолютных и относительных прав» [7, с. 65-66].

Это же приводит к появлению таких типов норм, как запретительные и обязывающие. В абсолютном правоотношении налагается запрет на вмешательство в сферу реализации индивидуального интереса иным лицам. Еще И. Кант об этом образно писал следующее: «мое в правовом отношении (meum iuris) – это то, с чем я связан так, что если бы кто-то другой пользовался им без моего согласия, то это нанесло бы мне ущерб» [8, с. 296]. В относительных правоотношениях интерес управомоченного лица защищается путем обязывания к определенному поведению иных субъектов.

Поведение субъектов в общественной жизни стремится к самодостаточности, то есть к появлению таких субъективных прав, которые состоят в возможности удовлетворения интереса за счет собственных действий. Другие субъективные права относительного типа временны. Их функциональное назначение заключается в переводе жизненного состояния лица в несколько иное качество.

В силу этого можно говорить о том, что относительные субъективные права как бы не являются самодостаточными. Они не в состоянии служить средством удовлетворения интереса на неопределенном отрезке времени. Данное право существует лишь ограниченное время и направлено на достижение такого правового состояния, в котором интерес будет обеспечиваться за счет собственного активного поведения.

Иногда появлению субъективного права первого типа может предшествовать целая серия прав, в которых кроме права требования к иным лицам ничего нет. При такой ситуации фактический состав возникновения абсолютного права обусловлен содержанием предшествующих субъективных прав второго типа. Исполнение юридической обязанности со стороны иных лиц может приводить к появлению у управомоченного лица другого права требования. Это может продолжаться до тех пор, пока заинтересованный субъект не получит обеспеченной законом возможности удовлетворять свой интерес путем собственных действий, а не только за счет поведения обязанных лиц.

Указанная последовательность действий с точки зрения вопроса о порядке формирования фактического состава приводит к тому, что юридические факты выстра-

иваются в определенном порядке. Это характеризует последовательное накопление элементов, то есть составов второго типа.

В других ситуациях появление отдельных жизненных обстоятельств либо вообще не зависит от субъекта, либо обусловлено содержанием правоспособности или таких субъективных прав, содержание которых в большей степени сводится к возможности активного поведения их обладателей. Появление данных обстоятельств характеризуется тем, что субъект свободен в выборе своего поведения и не ограничен в удовлетворении своего интереса действиями сторонних лиц. Поэтому фактический состав, на основе которого возникает соответствующее правоотношение, может накапливаться в любом порядке. Такой порядок зависит исключительно от усмотрения заинтересованного лица.

Список литературы

1. Исаков, В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В.Б. Исаков. – Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 1980. – 128 с. – Текст : непосредственный.
2. Чуча, С.Ю. Основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений, связанных с коллективными трудовыми спорами / С.Ю. Чуча // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 2. – С. 157-163. – Текст : непосредственный.
3. Алексеев, С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права / С.С. Алексеев. Курс лекций в 2-х томах. Т. 1 / Науч. ред.: Р.К. Русинов; Отв. за вып. В.М. Семенов. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – 396 с. – Текст : непосредственный.
4. Рожкова, М.А. Юридические факты в гражданском праве / М.А. Рожкова // Приложение к журналу «Хозяйство и право». – 2006. – № 7. – 80 с. – Текст : непосредственный.
5. Миннебаев, Р.Х. Теоретические проблемы оптимизации фактических составов / Р.Х. Миннебаев. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 184 с. – Текст : непосредственный.
6. Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав / В.А. Лапач. – СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – 544 с. – Текст : непосредственный.
7. Рыбалов, А.О. Проблемы классификации гражданских правоотношений: дис. … канд. юрид. наук / О.А. Рыбалов. – СПб., 2007. – 221 с. – Текст : непосредственный.
8. Кант, И. Метафизика нравов. Введение в учение о праве / И. Кант. – СПб.: Наука, 1995. – 528 с. – Текст : непосредственный.

Tsukanova E. Yu. Classification of actual compositions depending on the order of accumulation of elements // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 349-354.

This article analyzes the order of accumulation of elements of the actual composition as a classification criterion for their division into types. Depending on this, the following compositions are distinguished: 1) with the sequential accumulation of their elements; 2) with independent accumulation of elements; 3) built using various structural principles. A logical explanation of the different order of construction of legal facts using the theory of absolute and relative legal relations is given. The relevance of this issue for the modern level of the theory of law is indicated. The conclusion is formulated that relative subjective rights are not, as it were, self-sufficient. They are not able to serve as a means of satisfying interest indefinitely. This right exists only for a limited time and is aimed at achieving such a legal state in which the interest will be ensured through one's own active behavior. As a result, the temporary order of development of actual circumstances in some situations may have legal significance, and in others - be completely indifferent to future legal consequences.

Key words: actual composition, legal fact, successive accumulation of elements, absolute and relative legal relationship.

Spisok literatury

1. Isakov, V.B. Fakticheskij sostav v mekhanizme pravovogo reguliro-vaniya / V.B. Isakov. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvenno-go universiteta, 1980. – 128 s. – Tekst : neposredstvennyj.

2. CHucha, S.YU. Osnovaniya vozniknoveniya, izmeneniya i prekrashcheniya pravootnoshenij, svyazannyh s kollektivnymi trudovymi sporami / S.YU. CHucha // Vestnik Omskogo universiteta. – 1999. – Vyp. 2. – S. 157-163. – Tekst : neposredstvennyj.
3. Alekseev, S.S. Problemy teorii prava: Osnovnye voprosy obshchej teorii socialisticheskogo prava / S.S. Alekseev. Kurs lekcij v 2-h tomah. T. 1 / Nauch. red.: R.K. Rusinov; Otv. za vyp. V.M. Semenov. – Sverdlovsk: Izd-vo Sverdl. yurid. in-ta, 1972. – 396 c. – Tekst : neposredstvennyj.
4. Rozhkova, M.A. YUridicheskie fakty v grazhdanskom prave / M.A. Rozhkova // Prilozhenie k zhurnalu «Hozyajstvo i pravo». – 2006. – № 7. – 80 s. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Minnebaev, R.H. Teoreticheskie problemy optimizacii fakticheskih sostavov / R.H. Minnebaev. – M.: YUrlitinform, 2020. – 184 s. – Tekst : neposredstvennyj.
6. Lapach, V.A. Sistema ob"ektov grazhdanskih prav / V.A. Lapach. – SPb: Izd-vo «YUridicheskij centr Press», 2002. – 544 s. – Tekst : neposred-stvennyj.
7. Rybalov, A.O. Problemy klassifikacii grazhdanskih pravootno-shenij: dis. … kand. yurid. nauk / O.A. Rybalov. – SPb., 2007. – 221 s. – Tekst : neposredstvennyj.
8. Kant, I. Metafizika nravov. Vvedenie v uchenie o prave / I. Kant. – SPb.: Nauka, 1995. – 528 s. – Tekst : neposredstvennyj.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 355-361.

УДК: 343.98
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-355-361

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ

Ветчинова Ю. И.

Юго-Западный государственный университет

Статья посвящена исследованию уголовной ответственности несовершеннолетних за деяния, которые содержат признаки современного хулиганства в России. Детально рассмотрено само понятие «уголовная ответственность», так же рассмотрен возраст, с которого она наступает. Особое внимание уделяется распространенности хулиганства среди несовершеннолетних, так как оно является одним из наиболее опасных видов преступлений против общественного порядка. Автором сделан вывод, что тенденция на гуманизацию уголовной ответственности несовершеннолетних не означает попустительства в отношении несовершеннолетних преступников. Каждый человек, в том числе и подросток, должен помнить, что нельзя жить в обществе, коллективе, семье и быть свободным от обязанности соблюдать те нормы и правила, которые там существуют.

Ключевые слова: несовершеннолетние, хулиганство, уголовная ответственность, общество, государство, закон, общественный порядок, преступность.

Одним из самых строгих видов юридической ответственности, которая наступает вследствие несоблюдения правовой нормы, является уголовная ответственность. К уголовной ответственности привлекаются лица, виновные в совершении самого опасного для общества вида правонарушения — преступления, то есть нарушившие нормы уголовного права.

Что же такое «уголовная ответственность», и в каких случаях она наступает? Для того чтобы лучше понять это, небезынтересно заметить, что, в отличие от широко используемой в юридической науке и практике терминологии, слово «уголовный» происходит от древнерусского «уголовить», т. е. разорить, разграбить, разобидеть, отсюда и понятие «уголовник». В. И. Даль в своем Толковом словаре живого великорусского языка пишет, что уголовное дело, преступление – то, «за что виноватый подлежит смертной казни или тяжкой, торговой каре» [1].

Говоря языком современным, можно сказать, что уголовная ответственность – обязанность виновного лица ответить в установленном законом порядке за совершенное им преступление и понести соответствующее наказание.

Следовательно, основанием уголовной ответственности может быть только факт совершения лицом уголовного преступления.

Так, в ст. 5 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) говорится, что уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, т. е. умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом [2].

С момента совершения преступления государство в лице его правоохранительных органов вправе привлечь виновное лицо к уголовной ответственности: осудить и наказать в соответствии с действующим уголовным законодательством.

Уголовная ответственность является самым строгим видом юридической ответственность потому, что никакой другой ее вид не предусматривает столь строгих мер наказания, как этот. В частности, к лицам, совершившим преступления, могут применяться не только такие виды наказания, как исправительные работы, штраф, которые предусматриваются административным законодательством, но и лишение свободы, причем и в отношении несовершеннолетних.

Строгость ответственности за совершение уголовно наказуемых деяний обусловлена степенью их общественной опасности, теми негативными последствиями, которые наносят преступления обществу, правам и охраняемым законом интересам граждан. Примерно каждый четвертый из опрошенных граждан считает целесообразным жесткие меры наказания. При этом следует отметить, что серьезную озабоченность вызывает продолжающийся с 1988 года рост преступности в нашей стране и особенно ее организованных форм.

Так, только за январь 2020 года было зарегистрировано 159 172 преступлений, тогда как за этот же период прошлого года – 154 698.

В структуре преступности на долю лиц, совершивших преступление в возрасте 16—17 лет, приходится 15 % и более половины всех преступлений (57%) составляют корыстные преступления.

Это может быть связано с тем, что, к сожалению, довольно широко, особенно в среде младших школьников, распространено мнение о том, что уголовной ответственности и наказанию подлежат только лица, достигшие совершеннолетия, т. е. люди взрослые, и подростки, несовершеннолетние в уголовном порядке не отвечают либо за их поступки отвечают родители. Это обстоятельство часто используется взрослыми преступниками при вовлечении в преступную деятельность несовершеннолетних [3, с. 56-58].

Да, действительно, к уголовной ответственности можно привлечь не каждого подростка, а лишь тех из них, которые достигли определенного возраста. Следовательно, достижение предусмотренного законом возраста — одно из необходимых и обязательных условий привлечения к уголовной ответственности.

Закон устанавливает минимальный возраст уголовной ответственности, и необходимость такого установления обусловлена, прежде всего, тем, что далеко не во всяком возрасте человек способен отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. Недопустимо в этой связи привлекать к уголовной ответственности малолетнего за такие действия, опасность которых он не осознает, не понимает, что подобное поведение противоправно.

Конечно, многие запреты, в том числе и правовые по характеру, понятны и малолетнему ребенку: нельзя грабить, присваивать чужое и т. п. Такие запреты доступны для понимания даже детей детсадовского возраста. Однако при решении вопроса о привлечении подростка к уголовной ответственности необходимо наличие у него определенного уровня правового сознания, способности оценивать социальную значимость своих поступков.

Важным обстоятельством, побудившим законодателя определить минимальный возраст, с которого наступает уголовная ответственность, является и то, что именно

при достижении определенного возраста подросток становится способным правильно воспринимать уголовное наказание.

Результаты опросов школьников и учащихся ПТУ показывают, что каждый второй из них не знает, кто расследует преступления, 25 % не имеют представления о том, какой орган вправе решать вопрос о лишении свободы за совершение преступления, лишь 35 % респондентов смогли правильно указать возраст, с которого наступает уголовная ответственность за хулиганство, хищение, убийство [4].

Устранить такие пробелы в правовой образованности молодых граждан – значит предотвратить многие преступления, совершаемые в условиях юридической осведомленности.

С какого же возраста наступает уголовная ответственность? Согласно ст. 20 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста [2].

Вместе с тем законодательство определяет ряд преступлений, за совершение которых могут быть привлечены к уголовной ответственности лица, достигшие 14-летнего возраста.

Часто на вопрос о том, за какие же преступления подростки отвечают, начиная с 14 лет, говорится: «За самые тяжкие». Может быть, такой ответ и логичен, но неверен.

Лица, достигшие ко времени совершения преступления 14-тилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности в соответствии с нормами статей УК РФ: за убийство (ст. 105), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112), похищение человека (ст. 126), изнасилование (ст. 131), насильственные действия сексуального характера (ст. 132), кражу (ст. 158), грабеж (ст. 161), разбой (ст. 162), вымогательство (ст. 163), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (статья 166), умышленные уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах (часть вторая ст. 167), террористический акт (ст. 205), захват заложника (ст. 206), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207), хулиганство при отягчающих обстоятельствах (часть вторая ст. 213), вандализм (ст. 214), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229), приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267) [2].

При решении вопроса о признании подростка ответственным за совершение преступления в возрасте от 14 до 16 лет суд не может выйти за пределы этого перечня, он носит исчерпывающий характер и расширительному толкованию не подлежит.

Таким образом, за указанные выше преступления закон устанавливает более низкий возраст уголовной ответственности, чем предусмотрено общим правилом. Почему? Законодатель здесь исходит, прежде всего, из того, что это преступления достаточно высокой степени общественной опасности.

Кроме убийства по неосторожности (ст. 109 УК РФ), это все преступления, совершаемые умышленно и, следовательно, подростки в возрасте от 14 до 16 не несут ответственность [2]. Это означает, что в этом возрасте подростки отвечают в уголовном порядке только в том случае, если сознают общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидят его общественно опасные последствия

и желали их или сознательно допускали наступление этих последствий – так уголовное законодательство определяет умышленный характер преступления.

Важно и то, что перечень преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет, включены лишь такие, общественная опасность которых очевидна и уже в этом возрасте доступна для понимания. Так, в 14-летнем возрасте несовершеннолетние еще могут и не представлять себе отчетливо, что такое бандитизм или диверсия, но, безусловно, не могут не знать, что нельзя убивать, грабить и т. п. [5, с. 233].

При установлении перечня преступлений, ответственность за которые может наступать в 14 лет, существенную роль, видимо, сыграла и относительная распространенность этих преступлений именно среди несовершеннолетних. Было также отмечено, что наиболее часто ими совершаются преступления против личной собственности, хищения государственного и общественного имущества, хулиганство, изнасилование.

Особую тревогу в этой связи вызывает большая распространенность хулиганства — одного из наиболее опасных видов преступлений против общественного порядка.

Учитывая, что в законе дается исчерпывающий перечень преступлений, за совершение которых лица в возрасте от 14 до 16 лет могут быть привлечены к уголовной ответственности, возникает вопрос: а как быть в тех случаях, когда общественно опасные действия, предусмотренные законом в качестве уголовно наказуемых, но не вошедших в перечень уголовного законодательства, совершаются подростками, не достигшими 16-летнего возраста? Означает ли это, что за свои поступки, фактически образующие состав преступления, они не отвечают вовсе?

Например, всем известно о широко распространенном среди подростков различных возрастных групп и молодежи движении так называемых рокеров, которые в вечернее и ночное время устраивают на дорогах гонки на мотоциклах. Во многих случаях эти развлечения заканчиваются трагически. Обобщающие данные за четыре последних года свидетельствуют, что только в Москве по вине мотоциклистов-рокеров произошло более 1,12 тыс. дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибло более 100 человек и почти полторы тысячи получили серьезные травмы.

Уголовное законодательство предусматривает ответственность за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ). Однако эти действия не охватываются перечнем тех преступлений, за которые установлена уголовная ответственность с 14-летнего возраста [2].

Следовательно, здесь действует общее правило, и уголовная ответственность наступает с 16 лет, поэтому 14-15-летний подросток, совершивший во время управления мотоциклом наезд на пешехода, повлекший его гибель, не может быть привлечем к уголовной ответственности за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшее смерть потерпевшего, т.е. по ч. 3 ст. 264 УК РФ [2].

Но это вовсе не означает безнаказанность подростка за его противоправные действия. В подобных случаях ответственность наступает за фактически причиненный вред и подросток в возрасте 14-15 лет может быть привлечен к уголовной ответственности за убийство по неосторожности по ст. 109 УК РФ [2].

Правда, зачастую не только подросткам, но и взрослым непонятно, почему закон допускает привлечение к уголовной ответственности за убийство по неосторожности, когда человек «не желал» этого, «не хотел» наступления смерти потерпевшего, она наступила как бы мимо его воли и т.п.

Характерен в связи с этим такой случай. Подростки играли в «войну» на территории подлежащего сносу и частично разрушенного дома. У троих были самодельные пистолеты. Один из них выстрелил в окно во время игры, а второй пробегал в это время под окном дома, заряд попал ему в голову, в результате чего мальчик умер. Аналогичный случай произошел во время другой игры, уже с ножами, когда 14-летний школьник бросил нож в забор, а попал в своего товарища, который скончался по дороге в больницу.

Конечно, в этих случаях никто не хотел убивать, но убил, и смерть наступила в результате легкомысленного отношения к своим действиям.

Вообще следует отметить, что легкомыслие, беспечность весьма характерны для поведения подростков. Это особенно проявляется в наиболее распространенном в среде несовершеннолетних преступлении, о чем уже говорилось, — в хулиганстве. Как правило, они не задумываются о том, где озорство, ребячество, а где это переходит границы безобидных шалостей и становится уголовно наказуемым деянием — хулиганством, за которое ст. 213 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность [2].

Хулиганство можно назвать особым видом преступления, отличающимся от всех прочих невыраженностью мотива поведения, видимой беспричинностью, бессмысленностью действий. Закон определяет хулиганство как умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу (ст. 213 УК РФ).

Его еще называют «пьяным» преступлением. Так, в состоянии алкогольного опьянения совершается около 3/4случаев хулиганств.

Особенностью хулиганства является и то, что оно — не только самостоятельное преступление, но во многих случаях выступает в качестве мотива других преступлений. Так, выборочные исследования среди осужденных подростков, отбывающих наказание за насильственные преступления, показали, что хулиганские побуждения отмечались в 34 % случаев совершения убийств и причинения телесных повреждений. Сюда же можно отнести и 16 % случаев совершения таких преступлений, которые, по словам осужденных подростков, они совершили «по глупости».

Характеризуя уголовную ответственность и меры наказания, которые применяются к несовершеннолетним преступникам, следует обратить внимание на неправильность довольно широко распространенных суждений, как среди самих подростков, так и среди взрослых, о том, что «ничего серьезного» за совершенное подростком преступление ему не грозит и ничего не будет, что несовершеннолетние пользуются у нас особыми привилегиями и льготами.

Здесь нужно со всей определенностью сказать, что позиция закона совсем другая. В соответствии с законодательством и на случаи совершения преступлений несовершеннолетними распространяются общие цели и принципы использования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью.

Закон вовсе не фиксирует «льготность» положения несовершеннолетних, а дифференцирует ответственность с учетом особенностей личности несовершеннолетне-

го преступника, обусловленных, прежде всего их возрастом. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством лицо считается достигшим определенного возраста, начиная со следующих суток после дня рождения. День рождения определяется по документам, а при их отсутствии — путем судебно-медицинской экспертизы. Если невозможно назвать точную дату, днем достижения лицом определенного возраста считается последний день года.

Таким образом, лицо, достигшее 16-летнего возраста, а в определенных законом случаях и 14-летнего возраста, может быть субъектом преступления, и обязано отвечать в уголовном порядке за свои общественно опасные действия. И если гражданско-правовая дееспособность наступает в полном объеме с 18 лет, а в возрасте с 14 до 18 лет — ограниченная дееспособность, то по уголовному законодательству несовершеннолетние отвечают за совершенные ими преступления, хотя и не наравне со взрослыми, но с применением почти всех, за некоторыми исключениями, мер уголовного наказания.

Конечно, законодатель учитывает, что личность подростка только формируется, и его в ряде случаев можно исправить быстрее и легче, чем взрослого человека с устоявшимися взглядами и стереотипами поведения.

По отношению к подросткам-правонарушителям применяются все предоставленные законом возможности воздействовать на них мерами воспитательного, дисциплинарного характера. Практика показывает, что, как правило, «за плечами» таких подростков 4–5, а то и более случаев совершения правонарушений и только в крайних ситуациях они попадают на скамью подсудимых и к ним применяются меры уголовно-правового воздействия.

Тем не менее, подобная уголовно-правовая политика и практика в отношении подростков не дает сегодня видимых результатов в предупреждении преступности несовершеннолетних. Среди них растет бродяжничество, в два раза выросла групповая преступность. Особую тревогу вызывает растущая среди подростков тенденция к употреблению спиртных напитков и психотропных веществ, к проституции.

При решении вопроса о наказании несовершеннолетних за совершение ими преступления законодатель исходит из того, что наказание — не только кара за совершенное преступление. Оно также имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, предупреждения совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами.

К сожалению, результаты применения самых жестких мер наказания далеки от поставленных задач. Примерно 35 % отсидевших срок нуждаются в специальном психологическом и психиатрическом вмешательстве для восстановления разрушенных механизмов приспособления к нормальной общественной среде. Пять-семь лет жизни в изоляции влекут труднообратимые отрицательные изменения личности, подавляющее большинство получают в колониях не престижные и узкие профессии.

Учитывая это, применение наказания к несовершеннолетним в особой степени должно быть, подчинено целям их исправления и перевоспитания, а также предупреждения преступлений. Именно с этим, а не с автоматической скидкой на возраст (хотя само по себе несовершеннолетие рассматривается в уголовном законодательстве как обстоятельство, смягчающее ответственность), связаны ограничение для несовершеннолетних максимальных сроков лишения свободы, смягчение режима отбытия наказания, возможность отсрочки исполнения приговора.

Таким образом, тенденция на гуманизацию уголовной ответственности несовершеннолетних не означает попустительства в отношении несовершеннолетних преступников. Характерная черта действующего законодательства — единство гарантий прав и обязанностей граждан. Каждый человек, в том числе и подросток, должен помнить, что нельзя жить в обществе, коллективе, семье и быть свободным от обязанности соблюдать те нормы и правила, которые там существуют.

Список литературы

1.Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. // URL: https://librebook.me/tolkovyi_slovar_jivogo_velikorusskogo_iazyka/vol1/1 (дата обращения: 02.02.2020). – Текст электронный.

2.Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - № 25 - Ст. 2954.

3.Раменская А. А. Основания и порядок медицинского освидетельствования несовершеннолетнего // Юридические и социально-педагогические аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Елабуга, 28 апреля 2017 г.). – Елабуга: Изд-во Рыжиков А.Н., 2017. – С. 56 – 58.

4.Кривенцов П. А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. // URL: https://msal.ru/common/upload/Kriventsov_P.A._Disertatsiya.pdf (дата обращения: 02.02.2020). – Текст электронный.

5.Синяева М. И., Ветчинова Ю. И. Предпосылки возникновения, развития и законодательного закрепления понятия «бандитизм» // Проблемы государственно-правового строительства в современной России: анализ, тенденции, перспективы: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции (Курск, 15 апреля 2017 г.). – Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2017. – С. 231 – 235.

Vetchinova J.I. Criminal liability of minors for crimes committed out of hooligan impactions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 355-361.

The article is devoted to the investigation of the criminal liability of minors for acts that contain signs of modern hooliganism in Russia. The very concept of “criminal liability” is examined in detail, as well as the age at which it comes. Particular attention is paid to the prevalence of hooliganism among minors, as it is one of the most dangerous types of crimes against public order.

The author concludes that the tendency to humanize the criminal liability of minors does not mean connivance in relation to juvenile delinquents. Every person, including a teenager, must remember that you can’t live in a society, team, family and be free from the obligation to comply with the norms and rules that exist there.

Keywords: minors, hooliganism, criminal liability, society, state, law, public order, crime.

Spisok literaturi

1.Dal V. I. Tolkovii slovar zhivogo velikorusskogo yazika. // URL: https://librebook.me/tolkovyi_slovar_jivogo_velikorusskogo_iazyka/vol1/1 (data obrash'eniya: 02.02.2020). – Tekst elektronnii.

2.Ugolovnii kodeks Rossiiskoi Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. ot 30.12.2020) // Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federacii. – 1996. - № 25 - St. 2954.

3.Ramenskaya A. A. Osnovaniya i poryadok medicinskogo osvidetelstvovaniya nesovershennoletnego // YUridicheskie i socialno-pedagogicheskie aspekti profilaktiki pravonarushenii nesovershennoletnih i molodezhi: Materiali IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii (g. Elabuga, 28 aprelya 2017 g.). – Elabuga: Izd-vo Rizhikov A.N., 2017. – S. 56 – 58.

4.Krivencov P. A. Latentnaya prestupnost v Rossii: kriminologicheskoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. // URL: https://msal.ru/common/upload/Kriventsov_P.A._Disertatsiya.pdf (data obrash'eniya: 02.02.2020). – Tekst elektronnii.

5.Sinyaeva M. I., Vetchinova YU. I. Predposilki vozniknoveniya, razvitiya i zakonodatelnogo zakrepleniya ponyatiya «banditizm» // Problemi gosudarstvenno-pravovogo stroitelstva v sovremennoi Rossii: analiz, tendencii, perspektivi: Sbornik materialov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii (Kursk, 15 aprelya 2017 g.). – Kursk: YUgo-Zapadnii gos. un-t, 2017. – S. 231 – 235..

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 362-370.

УДК: 342.95
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-362-370

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИЦИИ И ДРУГИХ СУБЪЕКТОВ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

Заброда Д. Г., Тихий И. В.

В статье рассмотрены теоретические, правовые и прикладные аспекты взаимодействие полиции и других субъектов охраны правопорядка в общественных местах.

Под взаимодействием субъектов обеспечения правопорядка предлагается понимать – урегулированную преимущественно административно-правовыми нормами, согласованная по месту и времени деятельность полиции, правоохранительных и других государственных органов, органов местного самоуправления и общественности, направленную на обеспечение правопорядка в общественных местах, осуществляемую путем наиболее рационального объединения сил, средств и полномочий, имеющихся в их распоряжении.

Раскрыта правовая основа совместной правоохранительной деятельности полиции и других субъектов охраны правопорядка в общественных местах в Республике Крым.

Охарактеризованы формы совместной деятельности полиции и других субъектов в этой области, приведены примеры нормативного закрепления их полномочий. В частности, с подразделениями Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации, органами местной власти и общественными формированиями правоохранительной напраленности.

Выявлен ряд проблем, которые снижают эффективность взаимодействие полиции и других субъектов охраны правопорядка в общественных местах и предложены пути их решения.

Ключевые слова: полиция, взаимодействие, общественные места, охрана правопорядка, субъекты охраны правопорядка, Республика Крым.

Охрана правопорядка в общественных местах является сложной социальной проблемой, в решении которой принимает участие значительное число субъектов. Так, в одном из определений правопорядка прямо указан такой его признак, как «… обеспечиваемость государственными органами и иными субъектами» [1].

Определяя круг субъектов обеспечения правопорядка в общественных местах, обратим внимание на то, что их состав зависит от задач, стоящих в конкретный период развития государства. Так, А.В. Виссаров считает, что функция обеспечения правопорядка в пределах компетенции реализуется всеми государственными органами, особое место среди которых занимают органы внутренних дел и другие правоохранительные органы [1, с. 8].

В то же время, наибольший объем задач и полномочий по обеспечению правопорядка в общественных местах возложен именно на органы внутренних дел Российской Федерации, которые и являются организатором взаимодействия в этой сфере.

Перечень участников мероприятий, связанных с обеспечением правопорядка в целом и в общественных местах, в частности конкретизирован в отдельных законодательных и программных документах, в том числе субъектового и местного уровня. Например, участниками мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» определено 18 центральных органов исполнительной власти [2]. Координацию

деятельности по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов осуществляет Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры [3].

Непосредственно в регионах Российской Федерации являются соответствующие правоохранительные и государственные органы субъектов Российской Федерации, а также органы местного самоуправления. В частности, в Республике Крым к ним относятся Аппарат Совета министров Республики Крым, Министерство чрезвычайных ситуаций Республики Крым, Министерство внутренней политики, информации и связи Республики Крым, Министерство здравоохранения Республики Крым, Министерство спорта Республики Крым, Служба по мобилизационной работе и территориальной обороне Республики Крым; администрация муниципальных образований; общественные объединения правоохранительной направленности [3-8].

Следует обратить внимание, что теоретические вопросы взаимодействия в сфере обеспечения правопорядка в целом и в отдельных его областях неоднократно рассматривались в работах отечественных и зарубежных авторов. Как правило, в основу соответствующих определений содержится такие его основные признаки как: нормативная урегулированость, предмет взаимодействия, цель, основной способ обеспечения согласованности действий.

При этом взаимодействие рассматривают как принцип правоохранительной деятельности, направление, этап деятельности и способ достижения целей обеспечения правопорядка.

К признакам взаимодействия относят: общность деятельности; наличие не менее двух участников; согласованность совместной деятельности по цели, месту, времени, способам; нормативно-правовая урегулированость; иерархичность и распределение полномочий.

Интерпретируя понятие «взаимодействие», предложенное Д.Г. Забродой [9, с. 6; 10, с.11; 11, с. 56-63], под взаимодействием субъектов обеспечения правопорядка предлагается понимать – урегулированную преимущественно административно-правовыми нормами, согласованная по месту и времени деятельность полиции, правоохранительных и других государственных органов, органов местного самоуправления и общественности, направленную на обеспечение правопорядка в общественных местах, осуществляемую путем наиболее рационального объединения сил, средств и полномочий, имеющихся в их распоряжении.

Правовой основой взаимодействия полиции в этой области являются законодательные и подзаконные акты, в том числе и органов местного самоуправления. Так, ст. 10 ФЗ «О полиции» указывает, что полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами. Этот закон устанавливает такие формы взаимодействия: оказание помощи (ч. 2 ст.1, п. 34 ч. 1 ст. 13); содействие (ч. 3 ст.1, ч. 3 ст. 10, п. 6, 7, 9, 30, 31, 35, 36, 41, ч. 1 ст. 12); совместная деятельность (п. 6, п. 35, ч. 1 ст. 12, п. 18 ч. 1 ст. 13); уведомление (ч. 2 ст. 11, ч. 7 ст. 15, ч. 6 ст. 19, ч. 3 ст. 22) [12].

В учебной литературе к основным формам взаимодействия относят: обмен информацией, совместное обсуждение её в целях принятия оптимальных управленческих решений; разработку и реализацию совместных планов и отдельных меропри-

тий по обеспечению правопорядка; совместное изучение состояния преступности (мониторинг, прогноз, выявление тенденций, закономерностей и подготовку материалов и справочных баз), разработку компромиссных предложений для действующих сторон с последующим проведением общих или отдельных мероприятий с созданием специальных групп; координацию деятельности; оказание консультационной помощи; участие в совместных мероприятиях [13, с.131-132; 14, с.44-45; 15, с.56-59].

Еще одним важным источником, регламентирующим взаимодействие в сфере обеспечения правопорядка, является ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка». В нем, под участием граждан в охране общественного порядка понимается «…оказание гражданами помощи органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в целях защиты жизни, здоровья, чести и достоинства человека, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, совершаемых в общественных местах» [16].

В соответствии с этим нормативным актом, граждане имеют право: участвовать в мероприятиях по охране общественного порядка по приглашению ОВД (полиции) и иных правоохранительных органов (п. 2. ч.1 ст.8); оказывать помощь органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в мероприятиях по поиску лиц, пропавших без вести (п. 1 ч. 3 ст. 9); в качестве внештатного сотрудника оказывать содействие полиции при выполнении возложенных на нее обязанностей в сфере охраны общественного порядка (п. 4 ч. 5 ст. 10); участвовать в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности путем содействия ОВД (полиции) и иным правоохранительным органам при их обращении в мероприятиях по охране общественного порядка (п. 2 ч. 7 ст. 11) [16].

Формы взаимодействия с общественностью в ходе привлечения к выполнению задач полиции разнообразны. Например, Уставом патрульно-постовой службы полиции к ним отнесены: взаимный обмен информацией об оперативной обстановке, ориентирование нарядов о совершенных преступлениях и иных правонарушениях; оказание методической и практической помощи в обучении формам и методам предупреждения и пресечения правонарушений; информирование руководителей органов внутренних дел о выявленных нарушениях в деятельности представителей общественных формирований правоохранительной направленности; совместное участие в охране общественного порядка и проведение оперативно-профилактических мероприятий, охране места происшествия, преследовании и доставлении правонарушителей и др.[17].

Анализ научных публикаций и практики охраны правопорядка в общественных местах, позволяет сделать вывод о целесообразности рассмотрения взаимодействия полиции с Федеральной службой войск национальной гвардии (далее – ФСВНГ, Росгвардия, ВНГ России) и общественными объединениями правоохранительной направленности, как субъектами наиболее часто участвующими в соответствующих мероприятиях.

Взаимодействие полиции с Росгвардией регламентируется приказом МВД России и национальной гвардии Российской Федерации от 07.10.2016 № 292/633 «О некоторых вопросах организации взаимодействия войск национальной гвардии Российской Федерации с Министерством внутренних дел Российской Федерации, его тер-

риториальными органами (подразделениями) при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности». В ходе скоординированной работа полиции и Росгвардии в 2019 г. удалось повысить уровень безопасности граждан в общественных местах. Например, В 2019 г. на территории Республики Крым состоялось 6765 массовых мероприятий. На охрану общественного порядка было задействовано 27115 сотрудников ОВД, 7398 военнослужащих Россгвардии. Серьёзных нарушений общественного порядка не допущено [18].

Кроме того, военнослужащие Федеральной службы Национальной гвардии Российской Федерации по Республике Крым (в/ч № 6917) активно взаимодействуют с полицией УМВД России по г. Симферополю. Так, в 2019 г. во II смену (16.00-24.00) для совместного несения службы с сотрудниками ОБ ППСП выделялось по – 12 военнослужащих ФСВНГ по Республике Крым (всего - 84 раза). При этом, совместными нарядами: задержаны – по 1 гражданину за хранение наркотиков и за совершение преступления против порядка управления; выявлено – 3 гражданина в оперативном розыске; выявлен – 1 мобильный телефон в розыске; составлено – 434 административных протоколов; проверено – 486 человек по интегрированным банкам данных МВД по РК; проверено у 10-ти граждан, телефонные карты операторов мобильной связи. С августа 2019 г. выделение военнослужащих ФСВНГ по РК, отсутствовало, так как они самостоятельно несли службу по охране общественного порядка, однако с 06.12.2019 продолжили нести совместную службу [19].

Среди проблем, которые возникают в ход совместной деятельности полиции и ФСВНГ в РК и г. Севастополе, руководители территориальных органов внутренних дел на районном уровне отмечают: некачественное документирование правонарушений сотрудниками и военнослужащими Россгвардии, в связи с запретом ношения ими во время службы мобильных телефонов; отвлечение нарядов полиции для реагирования на срабатывание средств технической охраны при наличии в местах патрулирования нарядов внедомственной охраны ВНГ России (далее – ВО, ВО), осуществляющих охрану общественного порядка в общественных местах; потребность в транспортировании служебными автомобилями полиции в подразделения ОВД лиц, доставляемых нарядами Росгвардиии, при наличии у них собственного транспорта; недостаточное участие нарядов Росгвардиии в охране общественного порядка в сельских и отдалённых населенных пунктах, где требуется соответствующее усиление присутствия правоохранительных органов; отсутствие в дежурных частях ОВД информации о расстановке нарядов ОВО ВНГ в отдельных населенных пунктах [19, с. 16; 20].

Решение этих вопросов предусматривает повышение уровня организации совместных мероприятий, в том числе и с использованием имеющихся в распоряжении этих органов средств; налаживание постоянного обмена информацией о размещении нарядов ФСВНГ и полиции для современной координации их совместной деятельности; проведение совместных занятий по документированию преступлений и административных правонарушений; оснащение нарядов Росгвардии служебными видеорегистраторами или средствами фото- видеофиксации; детализировать особенности взаимодействия между нарядами полиции и Росгвардии в совместных планах обеспечения правопорядка в конкретных населенных пунктах.

Полиция активно привлекает к охране общественного порядка представителей общественности. Взаимодействие органов внутренних дел с общественными организациями правоохранительной направленности оказывает положительную динамику в обеспечении охраны общественного порядка и безопасности граждан.

Так, в общественные формирования, оказывающие содействие с сотрудникам территориальных органов МВД России в поддержании общественного порядка и предупреждении фактов совершения преступлений и административных правонарушений, входят 12,7 тыс. общественных организаций общей численностью 348,9 тыс. человек, из которых 10,5 тыс. – народных (184 тыс. человек) и 1,4 тыс. – казачьих (146,8 тыс. человек) дружин, а также 18,1 тыс. внештатных сотрудников полиции.

В 2019 г. с участием народных дружинников, представителей общественных объединений правоохранительной направленности и внештатных сотрудников полиции за совершение преступлений задержано 6,5 тыс. человек, пресечено свыше 348,1 тыс. административных правонарушений [21].

УОООП МВД по РК постоянно проводится работа по реализации требований ФЗ от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» в части привлечения граждан к участию в охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности как индивидуально, так и коллективно, в составе соответствующего объединения. На сегодня в региональный реестр народных дружин, из числа членов казачьих обществ, общественных объединений правоохранительной направленности внесено 48 народных дружин, численностью 942 человека. Так, в 2019 г. на территории Республики Крым в совместных патрулях с сотрудниками полиции задействовалось 8961 дружинник и 2305 реестровых казака. При несении службы по охране общественного порядка нарядами комплексных сил совместно с дружинниками задержано за совершение преступлений 72 лица, за совершение административных правонарушений 1435 лиц. Членами казачьих обществ выявлено 431 административных правонарушений, 218 лиц задержано по подозрению в совершении преступлений [22].

В 2019 г. нарядами отдельного батальона патрульно-постовой службы полиции УМВД России по г. Симферополю совместно с представителями Народной дружины «Народное ополчение – Народная дружина Республики Крым»: задержано – по 3 гражданина за совершение кражи и хранение наркотиков, 4 гражданина, находящихся в розыске, 1 гражданин за совершение преступление (прочее); составлено – 517 административных протокола; проверено – 772 человека по интегрированным банкам данных МВД по РК; проверено у 14-ти граждан, телефонные карты операторов мобильной связи [19, С.16].

Изучение научных публикаций и правоохранительной практики показывает, что к основным вопросам, связанным с участием граждан в охране общественного порядка могут быть отнесены, необходимость: расширения видов участия граждан в охране общественного порядка; внедрение дополнительных средств стимулирования позитивных результатов участия граждан в охране общественного порядка (например, введение региональных льгот по оплате коммунальных услуг, бесплатного проезда в транспорте, снижения ставки налогообложения; учет такого участия при приеме на службу в правоохранительные органы, применение дополнительного оплачиваемого отпуска); усиления правовой и социальной защиты граждан, участ-

вующих в охране общественного порядка, в том числе и лиц, индивидуально пресекающих административные правонарушения (например, мелкое хулиганство (ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ), побои (ст. 6.1.1 КоАП) и др.) [23]; исключения фактов нарушения дисциплины членами народных дружин, в том числе и разработки механизма привлечения их корпоративной дисциплинарной ответственности; целесообразности функционирования народных дружин, фактически не участвующих в охране общественного порядка; повышения уровня информированности населения о роли общественности в охране общественного порядка и о позитивных результатах функционирования общественных объединений правоохранительной направленности [24]; совершенствования подготовки членов народных дружин, внештатных сотрудников полиции к действиям по охране общественного порядка, выполнения поручений сотрудников полиции и др. [25-28].

Основными путями решения очерченных вопросов предлагается признать: активизацию информационно-разъяснительной работы с целью пропаганды участия общественности в охране общественного порядка, оказания помощи полиции; рассмотрение органами государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления возможности дополнительного стимулирования граждан, участвующих в охране общественного порядка; разработка предложений о внесении в КоАП РФ норм, касающихся институтов крайней необходимости и задержания правонарушителей; конкретизация в уставах общественных объединений правоохранительной направленности положений о нарушении обязанностей их членов, порядка привлечения таких лиц к дисциплинарной ответственности; увеличение числа молодёжных организаций, оказывающих помощь полиции в обеспечения правопорядка в местах обучения и проживания студентов и слушателей; разработка комплекса методических материалов, в том числе и использованием Интренет-ресурсов, для обучения граждан основам правоохранительной деятельности, а также повышение качества инструктажей перед заступления нарядов общественности на охрану правопорядка; регулярно изучать результаты деятельности общественных объединений правоохранительной направленности и в случае уклонения их от выполнения уставных обязанностей инициировать приостановление (прекращение) их деятельности и др.

Список литературы

1. Виссаров А.В. Правопорядок и субъекты его обеспечения (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. – 24 с.
2. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» //[Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Закон Республики Крым от 29.05.2014 № 5-ЗРК «О системе исполнительных органов государственной власти Республики Крым» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Закон Республики Крым от 01.09.2014 №60-ЗРК «О профилактике правонарушений в Республике Крым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2014/09/09/krim-zakon60-reg-dok.html;
6. Закон Республики Крым от 26.10.2016 № 288-ЗРК/2016 «Об отдельных вопросах участия граждан в охране общественного порядка в Республике Крым» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Об утверждении Государственной программы Республики Крым «Профилактика преступности и правонарушений в Республике Крым» на 2017-2019годы : Постановление Совета Министров Республики Крым

от 8.11.2016 № 533 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://business.rk.gov.ru/files/strategy/gosprog/16.pdf;.
8. Об утверждении муниципальной Программы «Правопорядок во внутригородском муниципальном образовании города Севастополя – Верхнесадовский муниципальный округ на 2016-2020 годы»: Решение совета Верхнесадовского муниципального округа города Севастополя от 10.05.2016 г. № 22/147 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sev.gov.ru/files/iblock/b08/10_22_147-polozhenie-o-pravoporyadke-novoe.pdf.
9. Заброда Д.Г. Взаимодействие субъектов борьбы с коррупцией (административно-правовой аспект): автореф. дис. канд. юрид. наук. – К., 2005. – 20 с.
10. Организация взаимодействия милиции общественной безопасности с местными органами власти и общественностью: учебн. пособие / под ред. канд. юрид. наук Д.Г. Заброды. - Днепропетровск, ДГУВД, 2009. – 146 с.
11. Заброда Д.Г., Сироштан Ю.В. Правовые и организационные основы деятельности Патрульной службы МВД Украины : учебн. пособие. - Днепропетровск, ДГУВД, 2008. – 112 с.
12. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
13. Административная деятельность полиции: курс лекций. Часть 1. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2015. – 246 с.
14. Швецов Б.Ф. Организация деятельности патрульно-постовой службы полиции по обеспчению общественного порядка и общественной безоапсности на улицах и в других общественных местах: учебное пособие. – М.: Академия управления МВД России, 2016. – 96 с.
15. Охрана общественного порядка: учебное пособие / А.А. Беженцев. — М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2015. — 256 с.
16. Федеральный закон Российской Федерации от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» //Российская газета. – 4 апреля 2014 г.
17. Приказ МВД России от 29.01.2008 № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»
18. Информационно-аналитическая записка к отчету Министра внутренних дел по Республике Крым генерал-майора полиции П.Л. Каранда перед Государственным Советом Республики Крым о деятельности полиции подчиненных органов внутренних дел за 2019 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://82.мвд.рф/Dejatelnost/Otcheti/Otchet_Ministra_vnutrennih_del_po_RK.
19. О результатах работы подразделений охраны общественного порядка за 12 месяцев 2019 года: аналитическая справка. – ОООООП УМВД России по г Симферополю, г. Симферополь, 2020. - 30 с.
20. Докладная записка «О результатах охраны общественного порядка на территории Балаклавского р-на г. Севастополя за 10 месяцев 2019 г. – ОМВД России по Балаклавскому р-ну. – 3 с.
21. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2019 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://media.mvd.ru/files/embed/1789925.
22. Народные дружины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://82.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost.
23. Данелян Р. Н. Проблемные вопросы законодательного регулирования деятельности членов общественных объединений по охране общественного порядка в Российской Федерации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 4566–4570[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-koncept.ru/2015/85914.htm.
24. Об итогах взаимодействия с гражданами по привлечению их к участию в охране общественного порядка в 2018 году. – УМВД России по Амурской области, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://28.xn--b1aew.xn--p1ai/document/15553380.
25. Шапошников В.Л. О некоторых проблемах участия граждан в охране общественного порядка // ППД. 2016. №3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-uchastiya-grazhdan-v-ohrane-obschestvennogo-poryadka
26. Крупин В.А. Актуальность участия граждан в охране общественного порядка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.alley-science.ru/domains_data/files/EJanuary.pdf;
27. Майоров В.И. Проблемы организации добровольных народных дружин как формы участия граждан в охране общественного порядка (на примере Челябинской области) // NB: Административное право и практика администрирования. - 2016. - № 4. - С. 9-14.
28. Проблемы привлечения негосударственных формирований к охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий: Аналитический обзор ВНИИ МВД России, М., 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iam.duma.gov.ru/node/8/4593/16097.

Zabroda D.G., Tihij I.V. Interaction of the police and other entities of law enforcement in public places (on the materials of the Republic of Crimea) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 362-370.

The article considers theoretical, legal and applied aspects of interaction between the police and other law enforcement entities in public places.

The interaction of law enforcement entities is intended to mean the activities of the police, law enforcement and other State bodies, local self-government bodies and the public, regulated mainly by administrative and legal norms, aimed at ensuring law enforcement in public places, carried out through the most rational combination of forces, means and powers at their disposal.

The legal basis for joint law enforcement activities of the police and other law enforcement entities in public places in the Republic of Crimea has been revealed.

The forms of joint activities of the police and other actors in this area are described, examples of the normative consolidation of their powers are given. In particular, with the units of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation, local authorities and public groups of law enforcement.

A number of problems have been identified that reduce the effectiveness of interaction between the police and other law enforcement actors in public places and proposed ways to solve them.

Keywords: police, interaction, public places, protection of law and order, subjects of protection of law and order, Republic of Crimea.

Spisok literatury

1. Vissarov A.V. Pravoporyadok i sub"ekty ego obespecheniya (teoretiko-pravovoj aspekt): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003. – 24 s.
2. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 345 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Obespechenie obshchestvennogo poryadka i protivodejstvie prestupnosti» //[Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
3. Federal'nyj zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 «O prokurature Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
4. Zakon Respubliki Krym ot 29.05.2014 № 5-ZRK «O sisteme ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti Respubliki Krym» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
5. Zakon Respubliki Krym ot 01.09.2014 №60-ZRK «O profilaktike pravonarushenij v Respublike Krym [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://rg.ru/2014/09/09/krim-zakon60-reg-dok.html.
6. Zakon Respubliki Krym ot 26.10.2016 № 288-ZRK/2016 «Ob otdel'nyh voprosah uchastiya grazhdan v ohrane obshchestvennogo poryadka v Respublike Krym» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
7. Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy Respubliki Krym «Profilaktika prestupnosti i pravonarushenij v Respublike Krym» na 2017-2019gody : Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Krym ot 8.11.2016 № 533 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://business.rk.gov.ru/files/strategy/gosprog/16.pdf.
8. Ob utverzhdenii municipal'noj Programmy «Pravoporyadok vo vnutrigorodskom municipal'nom obrazovanii goroda Sevastopolya – Verhnesadovskij municipal'nyj okrug na 2016-2020 gody»: Reshenie soveta Verhnesadovskogo municipal'nogo okruga goroda Sevastopolya ot 10.05.2016 g. № 22/147 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://sev.gov.ru/files/iblock/b08/10_22_147-polozhenie-o-pravoporyadke-novoe.pdf.
9. Zabroda D.G. Vzaimodejstvie sub"ektov bor'by s korrupciej (administrativno-pravovoj aspekt): avtoref. dis. kand. yurid. nauk. – K., 2005. – 20 s.
10. Organizaciya vzaimodejstviya milicii obshchestvennoj bezopasnosti s mestnymi organami vlasti i obshchestvennost'yu: uchebn. posobie / pod red. kand. yurid. nauk D.G. Zabrody. - Dnepropetrovsk, DGUVD, 2009. – 146 s.
11. Zabroda D.G., Siroshtan YU.V. Pravovye i organizacionnye osnovy deyatel'nosti Patrul'noj sluzhby MVD Ukrainy : uchebn. posobie. - Dnepropetrovsk, DGUVD, 2008. – 112 s.
12. Federal'nyj zakon «O policii» ot 07.02.2011 № 3-FZ. [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
13. Administrativnaya deyatel'nost' policii: kurs lekcij. CHast' 1. – Voronezh: Voronezhskij institut MVD Rossii, 2015. – 246 s.

14. SHvecov B.F. Organizaciya deyatel'nosti patrul'no-postovoj sluzhby policii po obespcheniyu obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoj bezoapsnosti na ulicah i v drugih obshchestvennyh mestah: uchebnoe posobie. – M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2016. – 96 s.
15. Ohrana obshchestvennogo poryadka: uchebnoe posobie / A.A. Bezhencev. — M.: Vuzovskij uchebnik: INFRA-M, 2015. — 256 s.
16. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 02.04.2014 № 44-FZ «Ob uchastii grazhdan v ohrane obshchestvennogo poryadka» //Rossijskaya gazeta. – 4 aprelya 2014 g.
17. Prikaz MVD Rossii ot 29.01.2008 № 80 «Voprosy organizacii deyatel'nosti stroevyh podrazdelenij patrul'no-postovoj sluzhby policii» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
18. Informacionno-analiticheskaya zapiska k otchetu Ministra vnutrennih del po Respublike Krym general-majora policii P.L. Karanda pered Gosudarstvennym Sovetom Respubliki Krym o deyatel'nosti policii podchinennyh organov vnutrennih del za 2019 god [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://82.mvd.rf/Dejatelnost/Otcheti/Otchet_Ministra_vnutrennih_del_po_RK.
19. O rezul'tatah raboty podrazdelenij ohrany obshchestvennogo poryadka za 12 mesyacev 2019 goda: analiticheskaya spravka. – OOOOP UMVD Rossii po g Simferopolyu, g. Simferopol', 2020. - 30 s.
20. Dokladnaya zapiska «O rezul'tatah ohrany obshchestvennogo poryadka na territorii Balaklavskogo r-na g. Sevastopolya za 10 mesyacev 2019 g. – OMVD Rossii po Balaklavskomu r-nu. – 3 s.
21. Godovoj otchet o hode realizacii i ocenke effektivnosti gosudarstvennoj programmy «Obespechenie obshchestvennogo poryadka i protivodejstvie prestupnosti» za 2019 god [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://media.mvd.ru/files/embed/1789925.
22. Narodnye druzhiny [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://82.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost.
23. Danelyan R. N. Problemnye voprosy zakonodatel'nogo regulirovaniya deyatel'nosti chlenov obshchestvennyh ob"edinenij po ohrane obshchestvennogo poryadka v Rossijskoj Federacii // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». – 2015. – T. 13. – S. 4566–4570[Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://e-koncept.ru/2015/85914.htm.
24. Ob itogah vzaimodejstviya s grazhdanami po privlecheniyu ih k uchastiyu v ohrane obshchestvennogo poryadka v 2018 godu. – UMVD Rossii po Amurskoj oblasti, 2018 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://28.xn--b1aew.xn--p1ai/document/15553380.
25. SHaposhnikov V.L. O nekotoryh problemah uchastiya grazhdan v ohrane obshchestvennogo poryadka // PPD. 2016. №3. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-uchastiya-grazhdan-v-ohrane-obschestvennogo-poryadka.
26. Krupin V.A. Aktual'nost' uchastiya grazhdan v ohrane obshchestvennogo poryadka [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.alley-science.ru/domains_data/files/EJanuary.pdf.
27. Majorov V.I. Problemy organizacii dobrovol'nyh narodnyh druzhin kak formy uchastiya grazhdan v ohrane obshchestvennogo poryadka (na primere CHelyabinskoj oblasti) // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. - 2016. - № 4. - S.9-14.
28. Problemy privlecheniya negosudarstvennyh formirovanij k ohrane obshchestvennogo poryadka pri provedenii massovyh meropriyatij: Analiticheskij obzor VNII MVD Rossii, M., 2007 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://iam.duma.gov.ru/node/8/4593/16097.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 371-376.

УДК 342.9

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РФ В СФЕРЕ СОЗДАНИЯ ЛЕСОПАРКОВОГО ЗЕЛЕНОГО ПОЯСА (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

Коноплёв В. В.
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье проведен анализ научной, справочной литературы и норм действующего законодательства относительно определения правовых и организационных аспектов деятельности органов исполнительной власти Республики Крым в сфере создания лесопаркового зеленого пояса.

Установлено, что на сегодня достаточно актуальным является вопрос правового и организационного обеспечения деятельности по созданию лесопаркового зеленого пояса вокруг населенных пунктов. Обосновано, что органам власти Республики Крым при разработке и принятия нормативной базы по вопросам создания лесопаркового зеленого пояса необходимо обратиться к практике правового регулирования аналогичных общественных отношений в иных субъектах. Кроме того, на основе проведенного анализа установлено, что на сегодня актуальным является вопрос разработки и принятия федерального законодательства, регулирующего задачи защиты зеленых насаждений и природных сообществ с учетом социальных интересов населения и экономических интересов правообладателей земельных участков.

Ключевые слова: государственное управление, правовое обеспечение, лесопарковые зеленые пояса, субъекты управления.

Конституция РФ гарантирует каждому право на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду. В связи с закрепленными конституционными положениями, справедливо указывает О.А. Зиновьева о том, что «здоровье человека напрямую зависит от состояния окружающей, в том числе, природной среды». Растения являются основным источником кислорода, они уменьшают количество содержащихся в атмосферном воздухе вредных веществ, что благотворно влияет на состояние человека. Площади, занятые растительностью, имеют существенное рекреационное значение, в частности, это место отдыха от городского шума, загазованного воздуха, от всего, что негативно воздействует на человека. Сокращение площадей зеленых территорий происходит для целей строительства и транспорта, ухудшая условия жизни в населенных пунктах. Поэтому очень важно грамотное правовое регулирование использования и охраны лесов, зеленых насаждений, и иной растительности для поддержания благоприятного состояния окружающей среды, так необходимой человеку [1].

Отметим, что развитие нашего государства, а, следовательно, и национального законодательства, обуславливает появление новых общественных отношений и явлений, к которым с уверенностью можно отнести и появление общественных отношение в сфере создания и охраны лесопарковых зеленых поясах.

В соответствии с Федеральным законом от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» лесопарковые зеленые пояса – это пояса, которые включают в себя территории, на которых расположены леса. По мнению Р.А. Казаряной и В.В. Хачатрян, в лесопарковые зеленые пояса законодателем предполагалось объединить

городские леса, зеленые зоны и лесопарковые зоны и другие озелененные территории. Кроме того, ученые отмечают, что соответствующие изменения о лесопарковых зеленых поясах не внесены в Земельный кодекс РФ, Лесной кодекс РФ. В результате в отдельных субъектах РФ были созданы ЛЗП, например, в Республике Адыгея – ЛЗП г. Майкопа, в Республике Алтай – ЛЗП г. Горно-Алтайска, Республике Карелия – ЛЗП г. Петрозаводска и других [2, с. 13].

Важно подчеркнуть, что Конституция Российской Федерации предусматривает, что земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ. Таким образом, субъекты РФ на своей территории могут своим законодательством регулировать вопросы, не урегулированные на федеральном уровне, учитывая специфику своего региона.

Создание лесопаркового защитного пояса (далее – ЛЗП) вокруг г. Симферополь впервые стало предметом разговора органов исполнительной власти Республики Крым в конце 2014 г. Первоначально ширина такого пояса должна была составить 3 км, в границах которой должна была существенно ограничиваться хозяйственная и иная деятельность.

Кроме того, в настоящее время в Российской Федерации вопросы, связанные с необходимостью создания лесопаркового защитного пояса, занимают важное место, о чем свидетельствует постоянное внимание Главы государства В.В. Путина. Так, в соответствии с п. 10 перечня поручений Президент Российской Федерации от 30 апреля 2019 г. № Пр-754 Глава государства рекомендовал высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации обеспечить принятие субъектами Российской Федерации законов о создании лесопарковых зеленых поясов («зеленого щита»), либо представить в Правительство Российской Федерации предложения о создании таких зон, предварительно организовав общественное обсуждение с участием Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию», иных общественных организаций и граждан проектов таких законов и предложений [3].

Итак, относительно практики создания ЛЗП в Республике Крым, а в частности городского округа Симферополь отметим, что 24 августа 2017 года проходили общественные (публичные) слушания совместно с Региональным отделением Общероссийского общественного движения «Народный фронт за Россию» в Республике Крым (далее – ОНФ Крыма) по вопросу создания лесопаркового зеленого пояса вокруг городского округа Симферополь Республики Крым, итогами которых стало направление в Государственный Совет Республики Крым ходатайства о создании лесопаркового зеленого пояса вокруг городского округа Симферополь Республики Крым. Также, ОНФ Крыма в 2018 году направил обращение в администрацию Симферопольского района Крыма и руководству региона с просьбой предусмотреть не менее 10 тыс. га зеленых зон в принимаемом генплане для дальнейшего расширения «зеленого щита» Симферополя [4].

В соответствии с постановлением Государственного Совета Республики Крым от 25 апреля 2018 года № 1964-1/18 «О создании лесопаркового зеленого пояса вокруг городского округа Симферополь Республики Крым» принято решение о создании ЛЗП вокруг городского округа Симферополь Республики Крым площадью 2940 гектаров.

Важно отметить, что федеральным законодательством, а в частности п.1 ст.6.2. Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», уполномоченный орган государственной власти субъекта Российской Федерации не позднее 30 дней с момента принятия решения о создании ЛЗП размещает схему планируемых границ ЛЗП на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Кроме того, уполномоченные органы государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации в течение 180 дней после дня принятия решения о создании ЛЗП устанавливают его границы (п.8 ст.6.2. Федерального закона № 7-ФЗ) и не позднее 10 дней с момента принятия указанного решения размещают соответствующую информацию в текстовом и графическом виде на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (п.2 ст.6.3 Федерального закона № 7-ФЗ). В то же время, данное положение федерального законодательство выполнено не в полном объеме, а границы ЛЗП вокруг городского округа Симферополь Республики Крым не определены и не опубликованы.

Между тем, анализ практики деятельности органов исполнительной власти иных субъектов Российской Федерации по вопросам создания ЛЗП в показывает, что данные требования федерального законодательства регионами исполняются в Воронежской области [5], Красноярском крае [6], Калужской области [7], Республике Карелия (Петрозаводск) [8], Пермском крае [9] и т.д.

Важно подчеркнуть, что с целью исполнения процедуры, предусмотренной Федеральным законом № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», органами власти Республики Крым ведется работа по принятию закона «О лесопарковых зеленых поясах на территории Республики Крым» (далее – Законопроект) [10].

Согласно ст. 1 Законопроекта его целью является регулирование отношений, возникающих при создании и использовании ЛЗП в границах городских населенных пунктов Республики Крым.

Сам Законопроект состоит из следующих статей:

- ст. 1, устанавливающей предмет регулирования закона;
- ст. 2 и 3, содержание которых является ссылкой на положения Закона № 7-ФЗ (что является дублированием федерального законодательства);
- ст. 4, определяющей исполнительный орган государственной власти Республики Крым, уполномоченный на установление границ ЛЗП;
- ст. 5, регламентирующей процедуру вступления в силу закона.

Однако, порядок создания ЛЗП, включающий в себя территории, на которых расположены леса, и территории зеленого фонда в границах городов, которые прилегают к таким лесам или составляют с ними единую естественную экологическую систем, в том числе процедура подготовки и проведения общественных слушаний по данному вопросу, порядок принятия решения о создании таких зон, а также установления их границ, урегулированы статьей 62.2 Закона № 7-ФЗ.

Вопрос о дублировании норм федеральных законов в нормативных правовых актах регионального и муниципального уровней неоднократно был предметом рассмотрения Верховного Суда Российской Федерации.

Так, в определении от 27 марта 2001 года по делу № 11-ГО 1-26 Верховным Судом Российской Федерации отмечено, что субъекты Российской Федерации вправе принимать законы и иные нормативные правовые акты лишь по не урегулированным федеральным законом отношениям и в пределах своих полномочий. Дублиро-

вание положений федерального закона законами субъектов Российской Федерации является неправомерным.

Стоит отметить, что в других субъектах Российской Федерации аналогичные законы разработаны и приняты. Сфера действия данных нормативных правовых актов касается определения полномочий органов государственной власти региона в сфере создания на его территории ЛЗП (например, Закон Томской области «О реализации отдельных положений Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», связанных с созданием на территории Томской области лесопарковых зеленых поясов» от 12 июля 2018 года № 79-ОЗ [11]; Закон Ленинградской область «О регулировании отдельных вопросов, связанных с созданием на территории Ленинградской области лесопарковых зеленых поясов» от 28 февраля 2018 года № 27-оз [12]; Закон Псковской области «О регулировании отдельных вопросов, связанных с созданием на территории Псковской области лесопарковых зеленых поясов» от 28 ноября 2019 года N 2019-ОЗ [13]).

Таким образом, достаточно очевидным является необходимость органам власти Республики Крым принять меры, прежде всего по:

– во-первых, определению и опубликованию границ ЛЗП вокруг городского округа Симферополь;

– во-вторых, разработке и принятию Закон Республики Крым «О регулировании отдельных вопросов, связанных с созданием на территории Республики Крым лесопарковых зеленых поясов» с учетом всех требований, предусмотренных федеральным законодательством.

Подводя итог, отметим, что при разработке и принятии нормативной базы Республики Крым по вопросам создания ЛЗП необходимо обратится к практике правового регулирования аналогичных общественных отношений иных субъектов. Кроме того, на основе проведенного анализа установлено, что на сегодня актуальным является вопрос разработки и принятия федерального законодательства регулирующего задачи защиты зеленых насаждений и природных сообществ с учетом социальных интересов населения и экономических интересов правообладателей земельных участков.

Список литературы

1.Зиновьева О.А. Современные тенденции правового регулирования защиты зеленых насаждений в городах федерального значения Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. №1 (53). С. 129–136.

2. Казаряна Р.А., Хачатрян В.В. Экологический каркас города или зелёный пояс // Вестник евразийской науки. 2020. №1. С. 13–20.

3. Перечень поручений по итогам встречи с представителями общественности для обсуждения национального проекта «Жильё и городская среда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/60466 (дата обращения 21.02.2021).

4. Инициатива ОНФ по созданию «зеленого щита» вокруг Симферополя была поддержана региональным парламентом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://onf.ru/2018/04/26/iniciativa-onf-po-sozdaniyu-zelenogo-shchita-vokrug-simferopolya-byla-podderzhana/ (дата обращения: 18.02.2021).

5. Об установлении границ лесопаркового зеленого пояса города Воронеж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.govvrn.ru/documents/34650/5054896/Приказ+управления+лесного+хозяйства+Воронежской+области+от+27.12.2019+№+1889.pdf/b0b0dd90-fa12-1105-cde1-cfa3ace7b3b1?version=1.0 (дата обращения: 18.02.2021).

6. Лесопарковый зеленый пояс Красноярского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mpr.krskstate.ru/page12178 (дата обращения: 18.02.2021).

7. Лесопарковые зеленые пояса Калужской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа:: https://admoblkaluga.ru/sub/ecology/OxranaOC/lesoparkovye-zelenye-poyasa/ (дата обращения: 18.02.2021).
8. Установлены границы лесопаркового зеленого пояса вокруг Петрозаводска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gov.karelia.ru/news/15-10-2020-ustanovleny-granitsy-lesoparkovogo-zelenogo-poyasa-vokrug-petrozavodska-/ (дата обращения: 18.02.2021).
9. Об установлении границ лесопаркового зеленого пояса города Перми Режим доступа: https://priroda.permkrai.ru/lesoparkovye-zelenye-poyasa/ (дата обращения: 18.02.2021).
10. О лесопарковых лесных поясах в Республике Крым : Проект Закона Республики Крым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.crimea.gov.ru/textdoc/ru/8/project/367.pdf (дата обращения: 21.03.2021).
11. Закон Томской области «О реализации отдельных положений Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», связанных с созданием на территории Томской области лесопарковых зеленых поясов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://depnature.tomsk.gov.ru/uploads/ckfinder/263/userfiles/files/79-%D0%9E%D0%97%20%D0%BE%D1%82%2012_07_18%20%D0%B3.pdf (дата обращения: 24.03.2021).
12. Закон Ленинградской области «О регулировании отдельных вопросов, связанных с созданием на территории Ленинградской области лесопарковых зеленых поясов» от 28 февраля 2018 года № 27-оз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/556983775 (дата обращения: 24.03.2021).
13. Закон Псковской области «О регулировании отдельных вопросов, связанных с созданием на территории Псковской области лесопарковых зеленых поясов» от 28 ноября 2019 года № 2019-ОЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/462722887 (дата обращения: 24.03.2021).

Konoplev V. V. Some aspects of the activities of executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation in the field of creating a forest park green belt (based on materials from the Republic of Crimea) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 371-376.

The article analyzes the scientific, reference literature and the norms of the current legislation regarding the determination of the legal and organizational aspects of the activities of the executive authorities of the Republic of Crimea in the field of creating a forest park green belt.

It has been established that today the issue of legal and organizational support for the creation of a forest-park green belt around settlements is quite relevant. It has been substantiated that the authorities of the Republic of Crimea, when developing and adopting a regulatory framework on the creation of a forest-park green belt, need to turn to the practice of legal regulation of similar public relations in other entities. In addition, on the basis of the analysis, it was established that today the issue of developing and adopting federal legislation regulating the tasks of protecting green spaces and natural communities, taking into account the social interests of the population and the economic interests of land owners, is urgent.

Key words: public administration, legal support, forest park green belts, subjects of management.

Spisok literatury

1.Zinov'eva O. A. Sovremennye tendencii pravovogo regulirovaniya zashchity zelenyh nasazhdenij v gorodah federal'nogo znacheniya Rossijskoj Federacii // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2019. №1 (53). S. 129–136.
2. Kazaryana R.A., Hachatryan V.V. Ekologicheskij karkas goroda ili zelyonyj poyas // Vestnik evrazijskoj nauki. 2020. №1. S. 13–20.
3. Perechen' poruchenij po itogam vstrechi s predstavitelyami obshchestvennosti dlya obsuzhdeniya nacional'nogo proekta «ZHil'yo i gorodskaya sreda» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/60466 (data obrashcheniya 21.02.2021).
4. Iniciativa ONF po sozdaniyu «zelenogo shchita» vokrug Simferopolya byla podderzhana regional'nym parlamentom [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://onf.ru/2018/04/26/iniciativa-onf-po-sozdaniyu-zelenogo-shchita-vokrug-simferopolya-byla-podderzhana/ (data obrashcheniya: 18.02.2021).
5. Ob ustanovlenii granic lesoparkovogo zelenogo poyasa goroda Voronezh [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa:
https://www.govvrn.ru/documents/34650/5054896/Prikaz+upravleniya+lesnogo+hozyajstva+Voronezhskoj+o

blasti+ot+27.12.2019+№+1889.pdf/b0b0dd90-fa12-1105-cde1-cfa3ace7b3b1?version=1.0 (data obrashcheniya: 18.02.2021).
6. Lesoparkovyj zelenyj poyas Krasnoyarskogo kraya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.mpr.krskstate.ru/page12178 (data obrashcheniya: 18.02.2021).
7. Lesoparkovye zelenye poyasa Kaluzhskoj oblasti [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa:: https://admoblkaluga.ru/sub/ecology/OxranaOC/lesoparkovye-zelenye-poyasa/ (data obrashcheniya: 18.02.2021).
8. Ustanovleny granicy lesoparkovogo zelenogo poyasa vokrug Petrozavodska [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://gov.karelia.ru/news/15-10-2020-ustanovleny-granitsy-lesoparkovogo-zelenogo-poyasa-vokrug-petrozavodska-/ (data obrashcheniya: 18.02.2021).
9. Ob ustanovlenii granic lesoparkovogo zelenogo poyasa goroda Permi Rezhim dostupa: https://priroda.permkrai.ru/lesoparkovye-zelenye-poyasa/ (data obrashcheniya: 18.02.2021).
10. O lesoparkovyh lesnyh poyasah v Respublike Krym : Proekt Zakona Respubliki Krym [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.crimea.gov.ru/textdoc/ru/8/project/367.pdf (data obrashcheniya: 21.03.2021).
11. Zakon Tomskoj oblasti «O realizacii otdel'nyh polozhenij Federal'nogo zakona ot 10 yanvarya 2002 goda № 7-FZ «Ob ohrane okruzhayushchej sredy», svyazannyh s sozdaniem na territorii Tomskoj oblasti lesoparkovyh zelenyh poyasov» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://depnature.tomsk.gov.ru/uploads/ckfinder/263/userfiles/files/79-%D0%9E%D0%97%20%D0%BE%D1%82%2012_07_18%20%D0%B3.pdf (data obrashcheniya: 24.03.2021).
12. Zakon Leningradskoj oblast' «O regulirovanii otdel'nyh voprosov, svyazannyh s sozdaniem na territorii Leningradskoj oblasti lesoparkovyh zelenyh poyasov» ot 28 fevralya 2018 goda № 27-oz [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://docs.cntd.ru/document/556983775 (data obrashcheniya: 24.03.2021).
13. Zakon Pskovskoj oblasti «O regulirovanii otdel'nyh voprosov, svyazannyh s sozdaniem na territorii Pskovskoj oblasti lesoparkovyh zelenyh poyasov» ot 28 noyabrya 2019 goda № 2019-OZ [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://docs.cntd.ru/document/462722887 (data obrashcheniya: 24.03.2021).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 377-387.

УДК 34.01

ИНВЭЙДЕРНЫЕ ТОВАРЫ – КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ, МИКРО- И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Ольков С. Г.
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Цель статьи: обосновать понятие инвэйдерного товара, показать его отличие от нормальных товаров, товаров Гиффена и товаров Веблена, а также показать динамику рынка инвэйдерных товаров, как в общем виде, так и с использованием эмпирических данных.

Научные методы: методы математического анализа, теории вероятностей и математической статистики, в частности, интегральное и дифференциальное исчисление, корреляционный и регрессионный анализ, методы формальной логики.

Научные результаты, полученные автором: 1) введено понятие инвэйдерных товаров – товаров – захватчиков, к которым относятся товары преступления; 2) доказано, что инвэйдерные товары отличаются от нормальных товаров законом предложения, тогда как товары Гиффена и Веблена отличаются от нормальных товаров нетипичным спросом; 3) с использованием основного криминологического тождества показана динамика объема продаж инвэйдерных товаров в общем виде и с использованием эмпирических данных по России за период с 1970 по 1989 годы в виде логарифмически линейных уравнений для валового числа преступлений, для латентного числа преступлений и для зарегистрированного числа преступлений; 4) доказано, что криминология является специальным разделом микро- и макроэкономической науки; 5) получена функция полезности инвэйдерных товаров относительно нормальных с учетом их относительных цен.

Научная новизна: заключается во вновь полученных научных результатах. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных научных результатов в развитии макроэкономической, микроэкономической теории и криминологии.

Ключевые слова: закон спроса, закон предложения, товары Гиффена, товары Веблена, инвэйдерные товары, преступность, основное криминологическое тождество, валовая преступность, латентная преступность, зарегистрированная преступность, микроэкономика, макроэкономика, криминология.

Ранее мной было доказано, что преступления являются товарами, и на них такой же закон спроса, как на нормальные товары [1, с. 128-142], то есть они не являются товарами Гиффена[1] и Веблена[2], на которые закон спроса ***нетипичен***, но при этом

[1] Товар, потребление которого увеличивается при повышении цены и уменьшается при снижении цены.

товары-преступления, конечно, обладают комплексом особенностей, в связи с чем их удобно назвать ***инвэйдерными товарами*** или товарами-инвэйдерами (от англ. ***Invader*** - захватчик)). В принципе, можно пойти и по традиционному пути, когда соответствующие нетипичные товары называли в честь их первооткрывателей, и назвать товары-преступления товарами Олькова, как, видимо, и будут поступать авторы соответствующих научных работ, посвященных исследованию инвэйдерных товаров.

Главной отличительной особенностью инвэйдерных товаров является ***нетипичный закон их предложения***. Как было показано ранее [1, с. 128-142] закон спроса на товары преступления описывается уравнением: $\hat{C} = \alpha P^{-\beta}$, где $\hat{C}$ – валовое число преступлений (можно брать зарегистрированное число преступлений для расчетов, тот есть *R*); *P* – цена товаров преступлений в годах лишения свободы или других удобных единицах измерения; α и β – параметры (константы). Параметр β показывает, что при изменении цены на единицу измерения, скажем, один год лишения свободы, количество совершаемых преступлений стабильно меняется на β%. Отсюда, если строгость наказаний возрастает на 1%, то число преступлений снижается на β%, и, наоборот, если цена преступлений снижается на 1%, то число преступлений растет на β%. Здесь перед нами двойная логарифмическая модель, поскольку от переменных, заложенных в левой и правой части уравнения, брался логарифм.

Обратим внимание, что внешне модель $\hat{C} = \alpha P^{-\beta}$ – немного отличается от моделей, представляемых в макро- и микроэкономической литературе, поскольку по непонятным, или, во всяком случае, необъясненным причинам, экономисты независимую переменную (аргумент функции) пускают по ординате, а не по абсциссе. Я этого делать не стал, и предлагаю экономистам отказаться от ошибочного представления своих моделей. Если кто-то когда-то допустил математическую ошибку, то её нужно исправить. В противном случае получим «веселые картинки» на подобие той, о которой сейчас расскажу. У меня есть знакомый доктор физико-математических наук «Г» (начальная буква его фамилии), с которым мы трудились в Сургутском государственном университете (он там возглавлял кафедру, а затем институт). Так вот – этот видный учёный муж как-то заявил мне, что доказал, будто константы – самые изменчивые величины. Я сразу понял его ошибку, хотя он не дал мне никаких пояснений по поводу своего заявления. Эта ошибка как раз и состояла в том, что он перепутал значение координатных осей в декартовой прямоугольной системе координат правой ориентации (той системе координат, с которой мы наиболее часто работаем). Действительно, если расположить константу по абсциссе, а не по ординате, то она начнет непрерывно изменяться в бесконечность, коль аргумент функции – время «лёгким движением руки» превратилось в зависимую от данной константы переменную.

Конечно, ошибка экономистов не велика, если каждый раз «показывать пальцем» – что есть что, но это же глупо, если даже эту глупость высказал в далеком прошлом один из отцов-основателей экономической теории.

---

[2] Демонстративное потребление, которое возникает при потреблении благ, недоступных для большинства обычных потребителей в связи с их высокой ценой. Такое потребление вызвано стремлением продемонстрировать исключительность индивида, который может себе позволить подобное потребление.

После небольшого «лирического отступления» вернемся к закону предложения на инвэйдерные товары. Этот закон не типичен. Как известно типичный закон спроса – это монотонно возрастающая функция количества товара от цены, а на инвэйдерные товары – предложение совпадает со спросом. Это трудно укладывается в голове, это не привычно, но совершенно точно. На инвэйдерные товары спрос и предложение совпадают, поскольку производит и продает эти товары именно тот, кто их покупает. Государство здесь лишь посредник, выставляющий цены на инвэйдерные товары, и требующий уплату цены по установленной уголовно-процессуальной процедуре.

Обычно неудовлетворенный спрос на товары и услуги образуется из таких источников, как 1) ограниченное количество товара (услуги); 2) цена товара (услуги), 3) низкий доход или его полное отсутствие и других «оттенков серого».

Например, нормальный товар есть на рынке в наличии, но его нужное количество конкретный потребитель не может приобрести из-за высокой цены данного товара с учетом низкого или недостаточного дохода данного физического лица. Совершенно не случайно в современной России стабильно велика доля лиц без постоянного источника доходов в числе выявленных лиц, совершивших преступления [2, С. 94-103], то есть купивших товары инвэйдеры, как товары посредники, товары захватчики. Им, собственно говоря, вовсе не были нужны такие товары, как кражи, грабежи, мошенничество и тому подобные, но они использовались для получения нормальных товаров, направленных на удовлетворение конкретных физических потребностей конкретных физических лиц, то есть на доставление потребителям потребительской полезности.

При этом, как правило, инвэйдерные товары их покупатели вовсе не желали оплачивать, а с помощью них надеялись безвозмездно получить нормальные товары. Так, вор-карманник, похитивший деньги у пассажира в автобусе, повысил свое благосостояние за счет этого пассажира, и, если он не будет изобличен, то получит чистую выгоду, естественно, не облагаемую налогом. Тот же вор-карманник не совершает грабежи и разбои, прежде всего, потому, что цена на них существенно выше, чем на кражи, а вероятность поимки за любое преступление всегда больше нуля. При этом вероятность поимки и изобличения за кражу, конечно, существенно ниже, чем за грабеж и, тем паче разбой, что также снижает относительную цену товара «кража». Именно поэтому львиная доля преступлений в структуре преступности – это кражи. Они могут достигать порядка 50% всех зарегистрированных преступлений, а следовательно, и латентной преступности, что показано через основное криминологическое тождество.

Преступность – есть форма конкурентной борьбы между потребителями товаров и услуг, покупателями и продавцами, между продавцами товаров и услуг, выражающаяся в приобретении товаров преступлений, выступающих обычно в качестве товаров «захватчиков», товаров посредников.

Ясно, чем более дефицитным является нормальный товар или услуга, тем выше конкуренция потребителей по поводу этого товара или услуги при прочих равных условиях. Эта борьба может вестись двумя способами: 1) законным (без приобретения товара посредника – товара преступления или, другими словами, инвэйдерного товара); 2) противозаконным – с использованием товара-захватчика – товара преступления.

Обозначим матрицу наличия произвольного набора товаров, как M_1, а равную ей по числу строк и столбцов матрицу спроса на эти товары: M_2, и запишем разность: $\mathrm{M}_1 - \mathrm{M}_2 = M_3$. Ясно, если в ячейках матрицы на пересечении строк и столбцов стоят нули, то спрос полностью покрыт предложением. Если же в матрице M_3 в ячейках есть отрицательные числа, то они характеризуют неудовлетворенный спрос, который при прочих равных условиях может покрываться незаконными или инвэйдерными средствами. Положительные числа в ячейках матрицы M_3 характеризуют избыточное предложение, что также может вызывать инвэйдерное поведение, скажем, со стороны физических лиц, осуществляющих предложение товаров и услуг.

Выразим спрос на инвэйдерный товар через спрос на неинвэйдерный товар в виде линейного уравнения: $x_2 = a - bx_1$, где x_2 количество инвэйдерного товара, x_1 – количество неинвэйдерного товара, $a = \frac{m}{p_2}$, где m – суммарная величина бюджета потребителя; p_2 – цена инвэйдерного товара; $b = -\frac{p_1}{p_2}$, где p_1 – цена неинвайдерного товара. Построение линии бюджетного ограничения очевидно, поскольку: $p_1x_1 + p_2x_2 = m$, откуда $p_2x_2 = m - p_1x_1$ и далее $x_2 = \frac{m}{p_2} - \frac{p_1}{p_2}x_1$, приняв $a = \frac{m}{p_2}$ и $b = -\frac{p_1}{p_2}$, запишем $x_2 = a - bx_1$.

Одну из цен можно сделать ценой-измерителем, то есть ценой относительно которой мы измеряем цену второго товара и доход. Логика здесь простая. Бюджетная линия для двух товаров: $p_1x_1 + p_2x_2 = m$ может быть записана в виде: $\frac{p_1}{p_2}x_1 + x_2 = \frac{m}{p_2}$ и далее: $\frac{p_1}{m}x_1 + \frac{p_2}{m}x_2 = 1$. То есть сначала мы поделили обе части исходного уравнения на цену второго товара, а потом поделили обе части выражения на m. В первом случае мы приравняли цену второго товара к единице, а во втором приравняли к единице доход. Использование идеи товара измерителя удобно, поскольку позволяет исключить из рассмотрения одну из цен.

Уравнение $x_2 = a - bx_1$ имеет простую интерпретацию: если спрос на неинвэйдерный товар меняется на единицу измерения, то спрос на инвэйдерный товар меняется на величину параметра b, что можно также выразить через взаимную эластичность товаров уравнением: $Э_{x_2/x_1} = \frac{-b \cdot x_1}{a - bx_1}$, чтобы получить процентные соотношения, поскольку коэффициент эластичности показывает, насколько процентов изменится зависимая переменная при изменении независимой на 1%.

Функция полезности, связанная с приобретением инвэйдерного и неинвэйдерного товаров в неопределённом виде: $u = f(x_1, x_2)$, а в определенном, с учетом известных свойств функций полезности, в удобной форме может быть записана уравнением: $u = x_1x_2$, представляющем возрастающую поверхность в трёхмерном пространстве. Функция $u = x_1x_2$ есть функция Кобба-Дугласа с постоянной эластичностью, поскольку: $u = x_1^1x_2^1$. В данном случае она показывает изменение полезности потребителя в процентах при однопроцентных изменениях инвэйдерного и неинвэйдерного товаров, естественно, нацеленных на удовлетворение потребностей данного потребителя. Поскольку степени равны единицам, постольку увеличение потребления, скажем, неинвэйдерного товара на единицу при фиксированном значении инвэйдерного товара приведет к однопроцентному увеличению полезности данного потребителя. Аналогично и увеличение потребления инвэйдерного товара

на единицу приведет при фиксированном значении потребления неинвэйдерного товара к однопроцентному увеличению полезности для данного потребителя.

Поскольку инвэйдерный товар линейно выражается через неинвэйдерный: $x_2 = a - bx_1$, постольку изменение функции полезности может быть записано в виде простого дифференциального уравнения первого порядка с разделяющимися переменными: $\frac{du}{dx_1} = x_1 \cdot (a - bx_1)$.

Решая это уравнение, получим:

$$\frac{du}{dx_1} = x_1 a - bx_1^2 \Longrightarrow du = (x_1 a - bx_1^2)dx_1$$

$$\int du = a \int x_1 a dx_1 - b \int x_1^2 \, dx_1$$

$$u = \frac{ax_1^2}{2} - \frac{ax_1^3}{3} + C$$

Или, что тоже самое: $u = \frac{1}{6}(3ax_1^2 - 2ax_1^3) + C$, где C – произвольная постоянная.

Таким образом, мы получили семейство интегральных кривых, характеризующих полезность в системе «инвэйдерный-неинвэйдерный товар» для условного потребителя товаров и услуг, действующего на рынке.

Обратим внимание, что в данном случае речь идет о полезности товаров преступлений в свете полезности нормальных товаров с учетом относительных цен сравниваемых товаров, а не о полезности уголовных наказаний (цен товаров преступлений), которая описывается законом возрастающей предельной полезности.

Переходя от микроэкономического анализа к макроэкономическому, товарный рынок преступности за фиксированный период времени легко описать основным криминологическим тождеством: $C = R + L$.

Формула для вычисления валового числа преступлений: $C = \frac{R^2}{W}$ (№1.1), где C – валовое или совокупное, реальное, фактическое число преступлений, совершенных на исследуемой территории за определенное время в штуках, R – абсолютное число зарегистрированных преступлений на той же территории и за то же время в штуках, W – число осужденных физических лиц на той же территории за то же время за совершение преступлений.

Из основного криминологического тождества: $C = R + L$ (№1.2) очевидно, что латентная преступность записывается формулой: $L = C - R$ (№1.3). С учетом формулы №1.1 латентную преступность запишем формулой: $L = \frac{R^2}{W} - R = \frac{R^2 - RW}{W}$ (№1.4).

Очевидно, что формулы №1.1, №1.4 весьма неудобно интерпретировать напрямую, а поэтому перепишем формулу №.1.1, и приведём её к виду: $C = \frac{1}{W}R^2 = W^{-1}R^2$ (№1.5). Это разновидность функции Кобба-Дугласа с чёткой, ясной интерпретацией, поскольку показатели степени здесь – это постоянные коэффициенты эластичности: $C = W^{-1}R^2$ (№1.5).

Из формулы №1.5 очевидно, если число осужденных увеличивается на 1%, то валовое число преступлений снижается на 1%. Если число зарегистрированных преступлений увеличивается на 1%, то валовое число преступлений увеличивается на 2%. И, наоборот, если число осужденных снижается на 1%, то валовое число пре-

ступлений возрастает на 1%. Если число регистрируемых преступлений снижается на 1%, то валовое число преступлений снижается на 2%.

Формулу латентной преступности с учётом формулы №1.5 удобно переписать: $L = W^{-1}R^2 - R^1$ (№1.6). Такая запись удобна тем, что мы сразу обращаем внимание на процентные соотношения изменений зависимой переменной при однопроцентных изменениях соответствующих независимых (управляющих) переменных.

Из формулы №1.1 очевидно, что регистрируемая преступность выражается формулой: $R = \sqrt{WC}$ (№1.7), что соответствует виду: $R = W^{\frac{1}{2}}C^{\frac{1}{2}}$ (№1.8), что опять-таки удобно интерпретировать. Если число осужденных возрастает на 1%, то уровень регистрируемой преступности возрастает на 0,5%. Если валовое число преступлений возрастает на 1%, то число регистрируемых преступлений возрастает на 0,5%. И, наоборот, если число осужденных убывает на 1%, то уровень регистрируемой преступности снижается на 0,5%. Если валовое число преступлений снижается на 1%, то число регистрируемых преступлений падает на 0,5%.

Очевидно, что результаты вычислений от изменения вида формул не меняются, но интерпретация формул становится более удобной, а это чрезвычайно важно, когда исследователь сразу видит суть дела.

Важно отметить, что **темп прироста валового числа преступлений во времени является средней взвешенной суммой темпов прироста числа зарегистрированных и латентных преступлений**, что следует записать в виде уравнения: $\frac{\dot{C}}{C} = \alpha\frac{\dot{R}}{R} + (1-\alpha)\frac{\dot{L}}{L}$ (№2.1), где $\dot{C} = \frac{dC}{dt} = \lim\limits_{\Delta t \to 0}\frac{C_t - C_{t-\Delta t}}{\Delta t}$ – производная валового числа преступлений по времени; C – исходное (начальное) значение валового числа преступлений; $\frac{\dot{C}}{C} = \frac{\frac{dC}{dt}}{C} = \frac{d\log C}{dt}$ – мгновенный темп прироста или темп прироста в непрерывном времени[3]; $\frac{\dot{R}}{R}$ – темп прироста числа зарегистрированных преступлений; $\frac{\dot{L}}{L}$ – темп прироста латентного числа преступлений; α и $(1-\alpha)$ – коэффициенты взвешивания (долевые коэффициенты: $(1-\alpha)+\alpha = 1$)).

Поскольку мы начали оперировать понятием темп прироста, обратим внимание читателей на тот факт, что в серьезной экономической литературе иногда допускаются довольно грубые математические ошибки, например, темп прироста путают с темпом роста. Так, Чарльз И. Джонс и Дитрих Волларт в работе «Введение в теорию экономического роста» в приложении, посвященном обзору математического аппарата, используют термин «темп роста» вместо термина «темп прироста». Эту деталь пытается нивелировать переводчик, указывая: «В русском языке такую величину корректно называть «темп прироста», однако в макроэкономической литературе закрепился термин «темп роста» [3, с. 245].

Я уже обращал внимание на то, что некоторые экономисты позволяют себе вольность неверного использования математического аппарата, а этого делать нельзя. Темп роста совершенно не соответствует темпу прироста – это разные термины, представляемые разными формулами. Цепной темп роста величины игрек вычисля-

---

[3] Поясняющая математическая теория здесь проста: если $y = f(x) = \log x$, то $\frac{dy}{dx} = \frac{1}{x}$, откуда, если $y(t) = \log x(t)$, то $\frac{dy}{dt} = \frac{dy}{dx}\frac{dx}{dt} = \frac{1}{x}\dot{x} = \frac{\dot{x}}{x}$.

ется по формуле: $\text{Тр}_\text{ц} = \frac{y_i}{y_{i-1}}$. Если его умножить на 100, то получим цепной темп роста, выраженный в процентах. Цепной темп прироста вычисляется по другой формуле: $\text{Тпр}_\text{ц} = \frac{y_i - y_{i-1}}{y_{i-1}}$, что также можно выразить либо в доле, либо в процентах. Как видно формулы сильно различаются. В формуле темпа прироста в числителе стоит абсолютный цепной прирост: $\Delta y = y_i - y_{i-1}$. Это очень важная величина, поскольку является дискретной производной. По временному ряду, взяв средний цепной абсолютный прирост ($\overline{\Delta y}$), мы получим среднюю скорость изменения исследуемого временного ряда, что следует из определения производной: $\frac{dy}{dt} = \lim_{\Delta t \to 0} \frac{\Delta y}{\Delta t}$, но во временном ряду с постоянным абсолютным приростом переменной времени средний абсолютный прирост времени: $\overline{\Delta t} = 1$, откуда для дискретных значений $\frac{dy}{dt} \approx \frac{\overline{\Delta y}}{\overline{\Delta t}} = \overline{\Delta y}$.

Цепной темп прироста можно выразить через темп роста по формуле: $\text{Тпр}_\text{ц} = \frac{y_i}{y_{i-1}} - 1$ или $\text{Тпр}_\text{ц} = \frac{y_i}{y_{i-1}} - 100\%$, что однозначно показывает недопустимость подмены терминов «темп прироста» и «темп роста». Аналогичные рассуждения касаются различий между темпом роста и темпом прироста переменной величины, приведенной к базе.

Уравнение №2.1 можно записать через логарифмические производные по времени:

$$\frac{d \log C}{dt} = \alpha \frac{d \log R}{dt} + (1 - \alpha) \frac{d \log L}{dt} \text{ (№2.2).}$$

Поскольку время непрерывно, а все события происходят во времени, порой удобно от дискретных величин переходить к непрерывным, что мы и сделали.

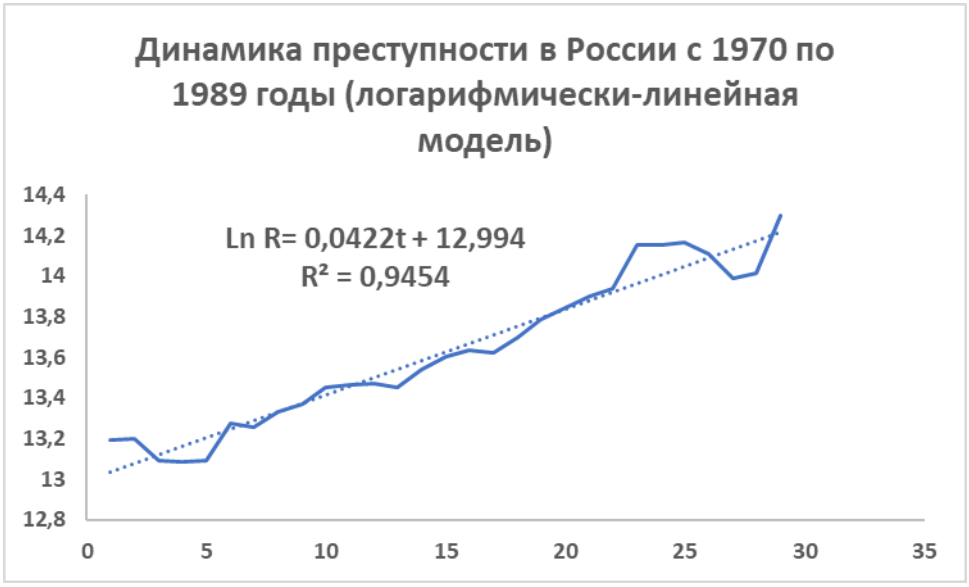
Положим, что темп прироста совокупного числа преступлений во времени равен некоторому положительному числу g, то есть $\frac{d \log C}{dt} = g$, откуда, выражая дифференциал от $\log C$, запишем: $d \log C = g dt$. Интегрируя обе части уравнения, получим общее решение данного дифференциального уравнения первого порядка с разделяющимися переменными: $\int d \log C = \int g dt \Longrightarrow \log C = gt + S$. Взяв экспоненту от обеих частей уравнения[4], получим общее решение: $e^{\ln x} = e^{gt} e^{S}$ или более красиво: $x = Se^{gt}$, где S – произвольная постоянная.

Положим t=0, и получим $x_0 = S$. Это значение функции в начале отсчета. Если привести функцию к линейному виду, то получим: $\log x = \log x_0 + gt$.

Рассмотрим логарифмически-линейную модель динамики зарегистрированной преступности в России за период с 1970 по 1989 годы.

Рис. №1. Динамика зарегистрированной преступности в России с 1970 по 1989 годы (логарифмически-линейная модель).

[4] В данном случае мы использовали неперов (натуральный) логарифм, то есть логарифм с основанием e, для записи которого принято использовать обозначение не log, а ln, но ln – частный случай log поэтому запись корректна.



Видно, логарифм зарегистрированной преступности является линейной функцией времени: $Ln\,(R_i) = \beta_0 + \beta_1 t_i + \varepsilon$. То есть $Ln\,(R_i) = 12{,}994 + 0{,}0422t$ с коэффициентом аппроксимации $R^2 = 0{,}95$.

Интерпретация этого уравнения очевидна [4, С. 278] – изменение времени на 1 год ($\Delta t = 1$) вызывает изменение числа зарегистрированных преступлений на величину $(100 \cdot \beta_1\%)$. То есть для нашего случая: $100 \cdot 0{,}0422\% = 4{,}22\%$.

Ясно, что β_1 – это первая производная полученной функции: $\beta_1 = \frac{d\,Ln\,R}{dt} = 0{,}0422$, а дифференциал полученной функции: $d\,Ln\,R = 0{,}0422 \cdot dt$.

Таким образом среднегодовой темп прироста зарегистрированного числа преступлений в России с 1970 по 1989 год составлял 4,22%.

Более точный расчет параметров данного логарифмически линейного уравнения мы можем получить с использованием соответствующего эконометрического пакета, например, ***Gretl***.

Таблица №1. Расчетные данные по модели динамика зарегистрированной преступности в России с 1970 по 1989 годы (логарифмически-линейная модель).

Модель 1: МНК, использованы наблюдения 1970-1989 (T = 20)
Зависимая переменная: l_R
Стандартные ошибки HAC, ширина окна 2 (Ядро Бартлетта (Bartlett))

	Коэффициент	*Ст. ошибка*	*t-статистика*	*P-значение*	
const	13,3447	0,0319843	417,2	<0,0001	***
t	0,0446661	0,00421663	10,59	<0,0001	***

Среднее зав. перемен	13,81370	Ст. откл. зав. перемен	0,278309
Сумма кв. остатков	0,144945	Ст. ошибка модели	0,089736
R-квадрат	0,901509	Испр. R-квадрат	0,896037

F(1, 18)	112,2085	P-значение (F)	3,65e-09
Лог. правдоподобие	20,89254	Крит. Акаике	−37,78509
Крит. Шварца	−35,79362	Крит. Хеннана-Куинна	−37,39633
Параметр rho	0,499097	Стат. Дарбина-Вотсона	0,976749

Из итоговой таблицы видно, что параметры модели значимы на 1% уровне значимости, на что указывают три снежинки в конце строк для коэффициентов (отражают величину *P-значения*), и немного отличаются от параметров, рассчитанных в пакете ***Excel***, поскольку здесь: $Ln\,(R_i) = 13{,}345 + 0{,}0446t$.

Выполнив аналогичные расчеты для валового числа преступлений, получим нижеследующую таблицу.

Таблица №2. Расчетные данные по модели динамика валового числа преступлений в России с 1970 по 1989 годы (логарифмически-линейная модель).

Модель 2: МНК, использованы наблюдения 1970-1989 (T = 20)
Зависимая переменная: l_C
Стандартные ошибки HAC, ширина окна 2 (Ядро Бартлетта (Bartlett))

	Коэффициент	*Ст. ошибка*	*t-статистика*	*P-значение*	
const	13,4241	0,0703299	190,9	<0,0001	***
t	0,0834414	0,00876254	9,523	<0,0001	***

Среднее зав. перемен	14,30021	Ст. откл. зав. перемен	0,517175
Сумма кв. остатков	0,451885	Ст. ошибка модели	0,158445
R-квадрат	0,911080	Испр. R-квадрат	0,906140
F(1, 18)	90,67822	P-значение (F)	1,89e-08
Лог. правдоподобие	9,521833	Крит. Акаике	−15,04367
Крит. Шварца	−13,05220	Крит. Хеннана-Куинна	−14,65491
Параметр rho	0,457032	Стат. Дарбина-Вотсона	0,974900

Итоговое уравнение: $Ln\,(R_i) = 13{,}42 + 0{,}083t$. То есть $100 \cdot \beta_1\% = 100 \cdot 0{,}083 = 8{,}3\%$. Это значит, что валовое число преступлений имело средний темп прироста 8,3% в год.

Выполнив аналогичные расчеты для латентного числа преступлений, получим нижеследующую таблицу.

Таблица №3. Расчетные данные по модели динамика латентного числа преступлений в России с 1970 по 1989 годы (логарифмически-линейная модель).

Модель 3: МНК, использованы наблюдения 1970-1989 (T = 20)
Зависимая переменная: l_L
Стандартные ошибки HAC, ширина окна 2 (Ядро Бартлетта (Bartlett))

	Коэффициент	*Ст. ошибка*	*t-статистика*	*P-значение*	
const	11,7182	0,103341	113,4	<0,0001	***
t	0,143611	0,0136115	10,55	<0,0001	***

Среднее зав. перемен	13,22614	Ст. откл. зав. перемен	0,885616
Сумма кв. остатков	1,186868	Ст. ошибка модели	0,256782
R-квадрат	0,920355	Испр. R-квадрат	0,915930
F(1, 18)	111,3175	P-значение (F)	3,89e-09
Лог. правдоподобие	−0,134627	Крит. Акаике	4,269255
Крит. Шварца	6,260719	Крит. Хеннана-Куинна	4,658009
Параметр rho	0,538424	Стат. Дарбина-Вотсона	0,920108

Итоговое уравнение для латентной преступности: $Ln\,(R_i) = 11{,}72 + 0{,}1436t$. То есть $100 \cdot \beta_1\% = 100 \cdot 0{,}1436 = 14{,}36\%$. Это значит, что латентное число преступлений имело средний темп прироста 14,36% в год. При этом также параметры уравнения значимы на 1% уровне значимости.

Сравнивая динамику зарегистрированного и латентного числа преступлений за исследуемый период мы видим, что валовое число преступлений росло преимущественно за счет сильного прироста латентного числа преступлений, которое было в 3,22 раза выше (выше на 322%), чем прирост зарегистрированного числа преступлений (14,36/4,46=3,22).

Обратим внимание, что, работая с временными рядами и, сопоставляя временные ряды, нужно проверять их на стационарность. В нашем случае это не имеет смысла, поскольку, во-первых, временной ряд переменной времени, включенной в модель в качестве факторной, имеет средний темп прироста равный единице, и этот прирост равен каждому значению цепного прироста данной переменной. Ясно, что первая разность здесь будет константой для всех значений по столбцу времени (равной единицей), а вторая разность равна нулю (1-1=0). Во-вторых, время не является реальной факторной переменной, поскольку не объясняет поведение зависимой переменной, и наша цель рассмотреть динамику преступности относительно переменной времени, то есть выявить средний темп прироста, что, собственно, и сделано.

Очевидно, что кривая преступности отражает действие всех сил, формирующих преступное поведение, является равнодействующей этих сил, формирующих общий спрос на инвэйдерные товары, но в модели они агрегированны временем.

Как видно из проведенного анализа, криминология – это раздел макро- и микроэкономической науки, занимающийся исследованием рынка инвэйдэрных товаров со всеми вытекающими отсюда последствиями, и именно поэтому в названии статьи подчёркивается «криминологический, микро- и макроэкономический подход».

Выводы. Во-первых, введено понятие инвэйдерных товаров – товаров – захватчиков, к которым относятся товары преступления. Во-вторых, доказано, что инвэйдерные товары отличаются от нормальных товаров законом предложения, тогда как товары Гиффена и Веблена отличаются от нормальных товаров нетипичным спросом. Закон предложения инвэйдерных товаров совпадает с законом спроса, и является монотонно нисходящей кривой, вогнутой к началу координат. В-третьих, с использованием основного криминологического тождества показана динамика объема продаж инвэйдерных товаров в общем виде и с использованием эмпирических данных по России за период с 1970 по 1989 годы в виде логарифмически линейных уравнений для валового числа преступлений, для латентного числа преступлений и для зарегистрированного числа преступлений. В-четвертых, доказано, что криминология является специальным разделом микро- и макроэкономической науки; в-

пятых, получена функция полезности инвэйдерных товаров относительно нормальных с учетом их относительных цен.

Список литературы

1. Ольков, С. Г. О разъяснении природы уголовно-правовых отношений / С. Г. Ольков. – Текст : непосредственный // Вестник Уазанского юридического института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 128-142.
2. Ольков, С. Г. Лица без постоянного источника доходов как фактор раскрытых краж и общей преступности в России (2003-2014 годы) / С. Г. Ольков. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4 (27). – С. 94-103.
3. Джонс, Чарльз, Волларт, Дитрих. Введение в теорию экономического роста/Чарльз Джонс, Дитрих Вол-ларт; пер. с англ. Ю. Перевышина и Е. Перевышиной; под науч. ред. Ю. Перевышина. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. – 2018. – 296 с. – Текст : непосредственный.
4. Сток, Джеймс; Уотсон, Марк. Введение в эконометрику/Джеймс Сток, Марк Уотсон; пер. с англ.; под науч. ред. М.Ю. Турунцевой. – М.: Издательский дом «Дело РАНХиГС», 2015. – 864 с.

Ol’kov S. G. Invader goods - criminological, micro- and macroeconomic approach // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 377-387.

The purpose of the article: to substantiate the concept of invader goods, to show its difference from normal goods, Giffen's goods and Veblen's goods, as well as to show the dynamics of the invader goods market, both in general terms and using empirical data.

Scientific methods: methods of mathematical analysis and probability theory, in particular, integral and differential calculus, correlation and regression analysis, methods of formal logic.

The scientific results obtained by the author: 1) introduced the concept of invader goods - goods - invaders, which include goods of crime; 2) it has been proven that invader goods differ from normal goods by the law of supply, while goods of Giffen and Veblen differ from normal goods in atypical demand; 3) using the basic criminological identity, the dynamics of the volume of sales of invader goods is shown in general form and using empirical data for Russia for the period from 1970 to 1989 in the form of logarithmically linear equations for the gross number of crimes, for the latent number of crimes and for the registered number of crimes; 4) it is proved that criminology is a special section of micro- and macroeconomic science; 5) the utility function of invader goods relative to normal ones, taking into account their relative prices, is obtained.

Scientific novelty: lies in newly obtained scientific results. The practical significance lies in the possibility of using the obtained scientific results in the development of macroeconomic, microeconomic theory and criminology.

Key words: law of demand, law of supply, Giffen's goods, Veblen's goods, invader goods, crime, basic criminological identity, gross crime, latent crime, registered crime, microeconomics, macroeconomics, criminology.

Spisok literatury

1. Ol'kov, S. G. O raz"yasnenii prirody ugolovno-pravovyh otnoshenij / S. G. Ol'-kov. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Uazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 2. – S. 128-142.
2. Ol'kov, S. G. Lica bez postoyannogo istochnika dohodov kak faktor raskrytyh krazh i obshchej prestupnosti v Rossii (2003-2014 gody) / S. G. Ol'kov. – Tekst : neposredstvennyj // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. – 2016. – № 4 (27). – S. 94-103.
3. Dzhons, CHarl'z, Vollart, Ditrih. Vvedenie v teoriyu ekonomicheskogo rosta/CHarl'z Dzhons, Ditrih Vollart; per. s angl. YU. Perevyshina i E. Perevyshinoj; pod nauch. red. YU. Perevyshina. – M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS. – 2018. – 296 c. – Tekst : neposredstvennyj.
4. Stok, Dzhejms; Uotson, Mark. Vvedenie v ekonometriku/Dzhejms Stok, Mark Uot-son; per. s angl.; pod nauch. red. M.YU. Turuncevoj. – M.: Izdatel'skij dom «Delo RANHiGS», 2015. – 864 c.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 388-394.

УДК 347.421
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-388-394

НЕПОИМЕНОВАННЫЕ СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ (ЧАСТЬ II)

Бахриева З. Р., Муртазаева А. А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Данное исследование является продолжением предыдущей работы авторов, посвященной проблеме правовой квалификации и применения на практике непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств. Анализируются особенности применения страхования и государственной (муниципальной) гарантии в качестве способов обеспечения исполнения обязательств. Аргументируется, что законодатель использует данные институты в обеспечительных целях. Делается вывод о том, что им свойственны функции и признаки обеспечительных механизмов, но, не смотря на схожесть с другими правовыми конструкциями, их следует считать самостоятельными способами обеспечения исполнения обязательств.

Ключевые слова: способы обеспечения исполнения обязательств, непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств, страхование, государственная (муниципальная) гарантия.

Свобода договора, как один из фундаментальных принципов гражданского права, предоставляет возможность устанавливать такие условия, которые могут отличаться от правил, закрепленных нормативно-правовыми актами, в частности, сказанное касается случаев заключения соглашения об обеспечении исполнения обязательств, когда стороны избирают так называемые «непоименованные» способы обеспечения исполнения обязательств, что подчеркивает актуальность настоящего исследования. В продолжение нашей предыдущей нашей работы нам представляется достаточно интересным и необходимым обращение к проблеме, связанной с возможностью и особенностями применения в качестве таковых способов также страхования и государственной (муниципальной) гарантии, поскольку указанные правовые институты, не смотря на то, что они применяются на практике в качестве обеспечительных способов, не имеют правовую регламентацию в качестве таковых в Главе 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) [1]. Впрочем, уже отмечалось, что в указанной главе ГК РФ, не только не содержится понятие способа обеспечения, но и перечень имеющихся обеспечительных способов не является исчерпывающим… и при этом указывается на возможность установления других предусмотренных законом или договором способов [2, с. 272].

Договор страхования регламентируется отдельной главой 48 ГК РФ, а государственная (муниципальная) гарантия и вовсе, регулируется иным законом – Бюджетным кодексом Российской Федерации (далее по тексту – БК РФ), что не может не вызывать вопрос о том, почему законодатель не считает необходимостью включить указанные виды в перечень, содержащийся в ст. 329 ГК РФ, иными словами, – вывести их из категории «непоименованных».

Целью настоящей статьи является исследование страхования и государственной (муниципальной) гарантии в качестве правовых инструментов, которые также используются в гражданском обороте в качестве непоименованных в п. 1 ст. 329 ГК РФ способов обеспечения исполнения обязательств.

Начиная с анализа института страхования, нужно сразу оговориться, что квалификация его в качестве способа обеспечения является достаточно спорной. Более того, в юридической литературе можно встретить резкую критику тезиса об отнесении страхования к способам обеспечения исполнения обязательств. При этом, как правило, аргументы такой критики основаны на том, что страхование имеет специальное правовое регулирование [3, с. 57], а также указание на то, что страховым договорам не присуще качество акцессорности [4, с. 21]. Попробуем более детально разобрать указанные доводы.

Так, во-первых, что касается отдельного правового регулирования, считаем, что страхование осуществляется путем заключения договора, и вполне логично, что данный правовой институт помещен в раздел IV ГК РФ, посвященный отдельным видам обязательств, возникающих на основании договоров. Болем того, п. 1 ст. 329 ГК РФ предусматривает возможность закрепления способов обеспечения в иных структурных элементах ГК РФ, либо даже в других законодательных актах. А во-вторых, необходимо установить, присущи ли страхованию функции обеспечительных способов.

Суть страхования заключается в том, чтобы минимизировать возможные имущественные риски и устранить возникшие негативные последствия посредством выплаты денежных средств страховщиком страхователю. При этом сам механизм страхования, как раз, и выступает своего рода гарантией компенсации возможных потерь при наступлении страхового случая. И здесь важно понимать, что кроме страхового обязательства существует основное обеспечиваемое страхованием обязательство, а потому нельзя отрицать роль договора страхования, призванного в таких случаях обеспечить надлежащее исполнение основного обязательства.

Более того, в качестве примера можно привести целый ряд правовых норм, в которых сам законодатель использует институт страхования в обеспечительных целях. В частности, обращаясь к анализу п. 2 ст. 587 ГК РФ, согласно которому «существенным условием договора, предусматривающего передачу под выплату ренты денежной суммы или иного движимого имущества, является условие, устанавливающее обязанность плательщика ренты предоставить обеспечение исполнения его обязательств (статья 329) либо застраховать в пользу получателя ренты риск ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение этих обязательств» [5], можно сделать вывод о том, что страхование риска ответственности – это альтернатива способам обеспечения исполнения обязательств, то есть, с одной стороны, понятно, что законодатель разделяет данные правовые институты, но, в то же время, он подчеркивает обеспечительную функцию страхования в отношении исполнения обязательства плательщиком ренты.

Обращаясь к другим законодательным актам, в частности, к ч. 10 ст. 7 ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [6], ч. 3 ст. 1 ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» [7], п. 3 ч. 2 ст. 38 ФЗ «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], видим, что

договор страхования также используется в качестве конструкции обеспечения исполнения обязательств, что, в свою очередь, позволяет нам отнести страхование к непоименованным способам обеспечения исполнения обязательств.

Обращаясь к судебной практике, выявляется, что в отношении договора личного страхования его трактовка в качестве непоименованного способа обеспечения является вполне приемлемой. Например, в п. 4 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, утвержденным Президиумом Верховного Суда РФ от 22.05.2013 г., указывается, что в кредитных договорах возможность заемщика застраховать свою жизнь и здоровье может быть предусмотрена в качестве дополнительного способа обеспечения обязательств, и что в таком случае выгодоприобретателем является банк [9]. Правда, здесь выявляется еще одна проблема, связанная с тем, чтобы страхование не стало навязанной услугой со стороны банка, но это - уже отдельная тема, связанная с защитой прав потребителя.

Рассматривая же договор личного страхования в качестве способа обеспечения исполнения обязательства, следует отметить, что сам договор личного страхования при этом выступает частью другого (основного) договора в обеспечение исполнения обязанностей по которому он был заключен, то есть, зависит от заключения кредитного договора. Но некоторые авторы указывают на притворный характер заключенных при таких условиях договоров личного страхования. Так, например, А.М. Эрделевский считает, что, по сути, такие договоры выступают ничем иным, как договорами страхования договорной ответственности, регулируемыми ст. 932 ГК РФ [10].

На наш взгляд, при наступлении страхового случая, что влечет неисполнение кредитного обязательства должником, договор страхования, будучи дополнительным по отношению к основному договору, начинает исполнять компенсационную функцию, что свойственно иным способам обеспечения, а кредитор может удовлетворить свои требования за счет страховых выплат. Следовательно, нельзя отрицать наличие обеспечительного механизма в договорах страхования. Причем следует отметить наличие важной проблемы, связанной с погашением кредита, так как если страхование рассматривать как обеспечительный способ, то, по логике, также возникает вопрос и о прекращении договора страхования. Однако, согласно п. 9 ст. 11 ФЗ «О потребительском кредите (займе)» при досрочном возврате части потребительского кредита нет необходимости изменять договор, который обеспечивает исполнение обязательств заемщиком [6], то есть, как видим, законодателем не установлены какие-либо правовые последствия в отношении договора страхования на случай возврата заемщиком полной суммы кредита. И, по нашему мнению, необходимость обеспечения уже исполненного кредитного обязательства отпадает, соответственно договор страхования, который был заключен в обеспечение основного обязательства по кредитному договору, также может быть прекращен.

Обращаясь к договору имущественного страхования, стоит отметить, что сфера его применения как способа обеспечения еще более обширна. В частности, требования о страховании имущества прямо содержатся в пп.1 п. 1 ст. 343 ГК РФ, в ч.10 ст. 7 ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [6], также в ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» предусмотрено страхование заложенного недвижимого имущества [11]. В указанных случаях суть страхования как способа обеспечения сводится к

тому, что в случае утраты (гибели) имущества кредитор может получить удовлетворение своих требований за счет страхового возмещения.

Что касается страхования риска ответственности, то в п. 1 и 2 ст. 932 ГК РФ прямо указывается, что это возможно только в таких случаях, которые предусмотрены законом. Например, возможность страхования ответственности заемщика предусмотрена п. 4 ст. 31 ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [10], также на обязанность страховать договорную ответственность лизингополучателя указывается в п. 4 ст. 21 ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» [12]. Таким образом, можно признать, что договоры страхования могут исполнять обеспечительную функцию.

Что же касается еще одного непоименованного способа обеспечения исполнения обязательств, исследуемого в настоящей работе – это государственная (муниципальная) гарантия. Суть таких гарантий, как обеспечительных мер, совпадает с конструкцией независимой гарантии (ст. 368 ГК РФ) и заключается в том, что гаранты при наступлении предусмотренных в гарантии событий (гарантийных случаев) обязуются уплатить бенефициару определенную денежную сумму из средств соответствующих бюджетов. Соответственно, гарантами в государственной гарантии могут выступать Российская Федерация или любой из субъектов Российской Федерации, а гарантом муниципальной гарантии – муниципальное образование. При этом сразу можно выделить смешанную природу данного обеспечительного способа, поскольку в нем сочетаются, с одной стороны, частно-правовые начала, а с другой - публично-правовые, то есть, проявляется взаимодействие отраслей частного и публичного права.

Так, если обратиться к ст. 115 - 117 Бюджетного кодекса РФ, которые регулируют государственную (муниципальную) гарантию [13], следует отметить, что в указанных правовых нормах не содержится само понятие гарантии. Соответственно, возникает несколько вопросов. С одной стороны, возможно ли применять по аналогии нормы ГК РФ, поскольку государственная (муниципальная) гарантия имеет механизм, схожий с поручительством и независимой гарантией? С другой стороны, важно понять, возможно ли применение к гражданским правоотношениям норм Бюджетного кодекса.

Отвечать начнем с последнего вопроса. Так, с одной стороны, следуя п. 3 ст. 2 ГК РФ, можно сделать вывод о невозможности использования частно-правовых норм в публичной сфере. Также неудивительно, что в юридической литературе встречаются критические высказывания относительно того, что государственная и муниципальная гарантии, регулируемые на сегодняшний день исключительно Бюджетным кодексом Российской Федерации, входят в отношения, составляющие предмет гражданского права. В частности, О.Н. Садиков подчеркивает цивилистическую природу данного института и считает большим недочетом его существование вне рамок ГК РФ [14, с. 24]. Есть и более компромиссные мнения, когда институт государственных гарантий признают результатом слияния норм гражданского и бюджетного законодательства [15, с. 19].

Таким образом, на сегодняшний день следует признать, что конструкция государственной (муниципальной) гарантии имеет и публичную составляющую, и частно-правовую, что, в свою очередь, подтверждает необходимость дополнительной регламентации данного правового института помимо БК РФ еще и ГК РФ.

Нельзя не отметить, что государственная (муниципальная) гарантия регулируются отчасти и нормами о поручительстве. Например, согласно п. 4 ст. 114 БК РФ закреплено, что государственные гарантии могут предусматривать либо субсидиарную, либо солидарную ответственность гаранта по обеспеченному им обязательству принципала, а в ст. 363 ГК РФ содержится правило о том, что поручитель отвечает солидарно, если, конечно, не будет предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя законом или договором поручительства. Как видим, механизм ответственности за неисполнение настоящим должником своего обязательства был заимствован из поручительства. При этом главное отличие поручительства от государственной (муниципальной) гарантии, - в установлении предельного размера ответственности, то есть, в соответствии с п. 1 ст. 363 ГК РФ поручитель обязуется отвечать перед кредитором в том же объеме, что и должник, а согласно п. 5 ст. 115 БК РФ государственная гарантия должна содержать не только объем обязательств гаранта по гарантии, но и предельную сумму гарантии. И в этом нельзя не отметить её сходство с независимой гарантией. Однако есть и ряд отличий от нее, например, если в независимой гарантии обязательно указание бенефициара (абз. 4 п. 4 ст. 368 ГК РФ), то в государственной (муниципальной) гарантии в случаях, когда бенефициара установить невозможно, указывается, что в качестве таких может выступать неопределенный круг лиц (ст. 115.1 БК РФ). К тому же, что касается субъектов, которые выдают государственные (муниципальные) и независимые гарантии, то в первом случае - это коммерческие организации, а во втором - публичные субъекты.

Следовательно, государственная (муниципальная) гарантия - это самостоятельный и непоименованный способ обеспечения, имеющий механизмы, которые применяются также в поручительстве и независимой гарантии, можно сказать, их своеобразное слияние. Что касается непосредственно обеспечительного механизма государственной (муниципальной) гарантии, то здесь у кредитора-бенефициара есть возможность обратиться с требованиями к гаранту, в качестве которого выступает публичный субъект, отвечающий за должника-принципала. При этом, что касается права регрессного требования гаранта к должнику (принципалу) по государственной гарантии, считаем, что оно должно быть закреплено не как право гаранта, а как обязанность. Правда, здесь возникает еще одна проблема, поскольку также требуется предоставление обеспечения исполнения обязательства по удовлетворению регрессного требования к принципалу. Иными словами, чтобы обеспечить обязательство государственной (муниципальной) гарантией, уже необходимо предоставить обеспечение этой гарантии, что во многом усложняет сам порядок получения таких гарантий и позволяет говорить о существовании такой конструкции, как «обеспечение обеспечения», что не соответствует сущности данного института.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного, можно сделать вывод о необходимости совершенствования правового регулирования непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств, в том числе, широко применяемых в качестве таковых договоров страхования и государственной (муниципальной) гарантии. Нельзя не признать наличие у них обеспечительного механизма и признака акцессорности по отношению к основным обязательствам, свойственным другим обеспечительным механизмам, но при этом, не смотря на схожесть с другими правовыми конструкциями, их следует считать самостоятельными способами обеспечения исполнения обязательств.

В целом, можно отметить отсутствие в отечественной юриспруденции какой-либо концепции относительно включения в Главу 23 ГК РФ иных способов обеспечения исполнения обязательств или закрепления каких-либо специальных правил, которые могли бы урегулировать правоотношения с использованием таких способов, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости осуществления дальнейшей сложной работы цивилистов в этом направлении и выработки единообразного обоснованного подхода.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51–ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 1994.– № 32. – Ст. 3301.
2. Бахриева, З.Р. Непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств (Часть I) / З.Р. Бахриева, А.А. Муртазаева // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические Науки. – 2019. - Т. 5 (72). - № 4. – С. 272 -278.
3. Рассказова, Н.Ю. Вопросы общей теории обеспечительных обязательств / Н.Ю. Рассказова. - Правоведение. – 2004. - № 4. – С. 43 – 48.
4. Демидова, Г.С. Отграничение договора страхования от смежных гражданско-правовых обязательств / Г.С. Демидова // Российская юстиция. - 2008. - № 8. - С.21 -24.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 1 4–ФЗ (ред. от 28.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5.– Ст. 410.
6. О потребительском кредите (займе): федеральный закон от 21.12.2013 N 353-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155986/3d235479b90308b2e7d05ca02b5429cf015cd1f6/ (дата обращения: 20.05.2020 г.)
7. О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации: федеральный закон от 23.12.2003г. N 177-ФЗ // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45769/ (дата обращения: 21.05.2020 г.).
8. Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 23.12.2003 г. N 177-ФЗ // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: (дата обращения: 22.04.2020 г.).
9. Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013 // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=8650 (дата обращения 13.05.2020 г.)
10. Эрделевский, А.М. Исполнение кредитных обязательств: судебная практика / А.М. Эрделевский. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://wiselawyer.ru/poleznoe/66801-ispolnenie-kreditnykh-obyazatelstv-sudebnaya-praktika (дата обращения: 13.05.2020 г.). - Текст электронный.
11. Об ипотеке (залоге недвижимости): федеральный закон от 16.07.1998 N 102-ФЗ // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/ (дата обращения: 14.05.2020г.).
12. О финансовой аренде (лизинге): федеральный закон от 29.10.1998 N 164-ФЗ // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/ (дата обращения: 12.03.2020 г.).
13. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 08.06.2020 г.) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/5569a79f2bbf747711f5c8a2bf4a1511442e8d0a/ (дата обращения: 21.06.2020 г.).
14. Садиков, О.Н. Гражданско-правовые категории в публичном праве / О.Н. Садиков // Журнал российского права. - 2011. - № 9. - С. 20 - 24.
15. Гришина, Я.С. Публичная гарантия как правовое средство имущественной поддержки и обеспечения обязательства по банковскому кредиту субъекта социального предпринимательства / Я.С. Гришина // Банковское право. – 2015. – № 5. – С. 18 – 25.

Bakhrieva Z. R., Murtazaeva A. A. Unmentioned methods providing of execution of obligations (part II) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7

(73). № 1. – P. 388-394.

This study is a continuation of the previous work of the authors on the issue of legal qualifications and the application in practice of unnamed methods for ensuring the fulfillment of obligations. The features of the application of insurance, state (municipal) guarantee as ways to ensure ways of ensuring performance of obligations are analyzed. It is alleged that the legislator uses these institutions for ensure purposes. The conclusion is made that they are characterized by the functions and features of the ensure mechanisms, but, despite the similarity with other legal structures, they will be considered as independent ways of ensuring the fulfillment of obligations.

Keywords: ways to ensure fulfillment of obligations, unnamed ways to ensure fulfillment of obligations, insurance, state (municipal) guarantee.

Spisok literatury

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51–FZ (red. ot 16.12.2019) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1994. – № 32. – St. 3301.
2. Bahrieva, Z.R. Nepoimenovannye sposoby obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv (CHast' I) / Z.R. Bahrieva, A.A. Murtazaeva // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie Nauki. – 2019. - T. 5 (72). - № 4. – S. 272 -278.
3. Rasskazova, N.Yu. Voprosy obshchej teorii obespechitel'nyh obyazatel'stv / N.Yu. Rasskazova. - Pravovedenie. – 2004. - № 4. – S. 43 – 48.
4. Demidova, G.S. Otgranichenie dogovora strahovaniya ot smezhnyh grazhdansko-pravovyh obyazatel'stv / G.S. Demidova // Rossijskaya yusticiya. - 2008. - № 8. - S.21 -24.
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 1 4–FZ (red. ot 28.04.2020) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – № 5.– St. 410.
6. O potrebitel'skom kredite (zajme): federal'nyj zakon ot 21.12.2013 N 353-FZ (red. ot 27.12.2018) // [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155986/3d235479b90308b2e7d05ca02b5429cf015cd1f6/ (data obrashcheniya: 20.05.2020 g.)
7. O strahovanii vkladov fizicheskih lic v bankah Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 23.12.2003g. N 177-FZ // [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45769/ (data obrashcheniya: 21.05.2020 g.).
8. Ob avtomobil'nyh dorogah i dorozhnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 23.12.2003 g. N 177-FZ // [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 22.04.2020 g.).
9. Obzor sudebnoj praktiki po grazhdanskim delam, svyazannym s razresheniem sporov ob ispolnenii kreditnyh obyazatel'stv, utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 22.05.2013 // [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://www.vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=8650 (data obrashcheniya: 13.05.2020 g.)
10. Erdelevskij, A.M. Ispolnenie kreditnyh obyazatel'stv: sudebnaya praktika / A.M. Erdelevskij. - [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://wiselawyer.ru/poleznoe/66801-ispolnenie-kreditnykh-obyazatelstv-sudebnaya-praktika (data obrashcheniya: 13.05.2020 g.). - Tekst elektronnyj.
11. Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti): federal'nyj zakon ot 16.07.1998 N 102-FZ // [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/ (data obrashcheniya: 14.05.2020g.).
12. O finansovoj arende (lizinge): federal'nyj zakon ot 29.10.1998 N 164-FZ // [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/ (data obrashcheniya: 12.03.2020 g.).
13. Byudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 31.07.1998 N 145-FZ (red. ot 08.06.2020 g.) // [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/5569a79f2bbf747711f5c8a2bf4a1511442e8d0a/(data obrashcheniya: 21.06.2020 g.).
14. Sadikov, O.N. Grazhdansko-pravovye kategorii v publichnom prave / O.N. Sadikov // Zhurnal rossijskogo prava. - 2011. - № 9. - S. 20 - 24.
15. Grishina, Ya.S. Publichnaya garantiya kak pravovoe sredstvo imushchestvennoj podderzhki i obespecheniya obyazatel'stva po bankovskomu kreditu sub''ekta social'nogo predprinimatel'stva / Ya.S. Grishina // Bankovskoe pravo. - 2015. - № 5. - S. 18 – 25.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 395-402.

УДК 347.1
DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-395-402

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Ярошевская А. М., Муртазаева А. А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Данное исследование посвящено проблемам, связанным с защитой деловой репутации юридического лица. В статье анализируются понятие деловой репутации и факторы, влияющие на ее формирование. Наряду с основаниями возникновения правоотношения по защите деловой репутации также обсуждаются условия, исключающие ответственность.

Авторы приходят к выводу о том, что, не смотря на презумпцию деловой репутации, защите подлежит именно положительная деловая репутация. При этом они признают, что выявленные многочисленные пробелы действующего гражданского законодательства Российской Федерации вызывают определенные трудности в применении на практике норм в сфере защиты деловой репутации.

Ключевые слова: деловая репутация юридического лица, презумпция деловой репутации, условия защиты деловой репутации, способы защиты деловой репутации, порочащие сведения.

Проблема защиты деловой репутации, как особого нематериального блага представляется нам одной из самых актуальных. В особенности, для хозяйствующего субъекта в условиях рыночной экономики от деловой репутации зависит его конкурентоспособность, тем более, что положительная репутация формируется годами. В наши дни в условиях развития предпринимательской деятельности, предполагающей рост конкуренции на товары и услуги, нельзя переоценить значение положительной деловой репутации.

Если задуматься, не составляет особой сложности в медиа и Интернет пространстве распространить не соответствующие действительности сведения, порочащие деловую репутацию. Именно в таких условиях особо остро возникла необходимость защиты деловой репутации от посягательств третьих лиц, что свидетельствует о необходимости закрепления в действующем гражданском законодательстве Российской Федерации данной правовой категории в качестве отдельного объекта охраны.

Прежде всего, считаем необходимым выяснить сущность категории «деловой репутации», а также выделить те факторы, которые ее формируют. При этом сразу отметим, что в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) [1] не содержится понятие репутации, в том числе, не раскрывается понятие и деловой репутации. И в таких случаях мы вынуждены обращаться к толковым словарям. В частности, репутация определяется как «общее мнение о комлибо», а что касается смыслового значения слова «деловая», поясняется, что это значит «относящаяся к общественной, служебной деятельности, либо к работе» [2, с. 367].

З.В. Каменева, исследовавшая понятие деловой репутации, в своей статье приводит одновременно два определения. Так, по ее мнению, «в широком смысле - это

оценка обществом профессиональных, должностных качеств любых физических и юридических лиц… ну а в узком смысле – это оценка деловых качеств именно участников делового оборота» [3, с. 19].

Следовательно, необходимо сделать первый вывод о том, что «деловая репутация» является частным случаем «репутации». То есть, понятие «репутация» выступает родовым понятием по отношению к видовому понятию «деловая репутация». При этом под деловой репутацией условимся подразумевать репутацию, имеющую отношение к профессиональной деятельности субъекта.

В.В. Килинкаров еще в 2011 г. выполнил диссертационное исследование, посвященное праву на деловую репутацию. При этом автор называет деловую репутацию «профессиональным «я» лица», и к тому же раскрывает ее значение как «сумму положительных и отрицательных свойств, отраженных в мнении общества» [4, с. 13 – 14]. И здесь, на наш взгляд, вполне обоснованно указание не только на положительные, но и на отрицательные свойства, поскольку деловая репутация лица не всегда исключительно положительная. Оценка профессиональных качеств, формирующих статус лица, осуществляется обществом, что позволяет говорить о ее объективности. Причем здесь следует подразумевать любую социально-значимую деятельность, будь-то, например, производственная, служебная, общественная или какая-то иная профессиональная деятельность.

Разумеется, если сравнивать с советским периодом, когда в условиях «командно-плановой» экономики отсутствовала хоть какая-то конкуренция, так как государственные предприятия занимали монопольное положение, понятие «диффамации» было чуждо социалистическому обществу. А в настоящее время, когда на мировом рынке развита конкуренция, соответственно, поменялись ориентиры и потребности хозяйствующих субъектов, при этом гарантом защиты деловой репутации выступает само государство.

Сравнивая деловую репутацию с иными близкими по смыслу терминами, не можем не упомянуть иностранный термин «goodwill», который уже хорошо известен и российскому праву. Даже бытует мнение, что этот термин является синонимом для самого термина «деловая репутация», однако, обращаясь к более тщательному анализу значения указных определений, приходим к выводу, что первоначальное мнение об их отождествлении является ошибочным. В частности, об этом свидетельствуют авторы, выпустившие специальную монографию, посвященную защите деловой репутации под общей редакцией М.А. Рожковой. При этом анализируя понятие «goodwil», они отмечают, что здесь мнения ученых кардинально разнятся. В свою очередь, авторами выделяются несколько факторов, (составляющих) данной категории, которые даже могут не зависеть от самой компании, например, по их мнению, провал конкурентов и благоприятная законодательная и географическая среда напрямую отражается на успешной деятельности компании [5, с. 14]. В целом, как видим, понятие «goodwill» трактуется гораздо шире, нежели «деловая репутация».

В последнее время также стал достаточно популярным термин - «имидж». Считаем, что указанное понятие также нельзя отождествлять с деловой репутацией, поскольку имидж может быть специально сформированным с использованием внешних атрибутов, это, так сказать, - некий желаемый образ для восприятия субъекта

именно таким в обществе, а для формирования положительной деловой репутации этого вовсе недостаточно.

На сегодняшний день защита чести, достоинства и деловой репутации закреплена в одной правовой норме - ст. 152 ГК РФ. Кроме того, выявляются также иные правила, упоминающие деловую репутацию. В частности, в п. 2 ст. 1027 ГК РФ указывается на возможность передачи в пользование деловой репутации по договору коммерческой концессии, также в п. 2 ст. 1042 ГК РФ закреплена возможность передачи деловой репутации по договору простого товарищества в качестве вклада в общее дело. И здесь же допускается возможность денежной оценки вкладов товарищей, что, несомненно, ставит под сомнение объективность оценки неимущественных прав, но в этом и особенность такого договора.

Более того, можем сделать вывод о том, что законодатель допускает возможность использования чужой деловой репутации. При этом у потребителей возникает ассоциация с уже известными и зарекомендовавшими себя товарами и услугами, на что и рассчитывают субъекты, использующие чужие средства индивидуализации. Однако здесь есть и вторая сторона, ведь нельзя не учесть, что у последних также имеется доступ к тому, чтобы повлиять на изменение деловой репутации, и, к сожалению, как показывает практика, не всегда в лучшую сторону.

Следовательно, не можем не согласиться и с тем, что деловой репутации характерны такие свойства как динамичность, изменчивость, и что она вообще постоянно подвергается то повышениям, то падениям [6, с. 260].

Если сравнивать положительную и отрицательную деловую репутацию, то хотя такое правило не закреплено законодателем, однако, следуя логике, считаем, что защите подлежит именно положительная деловая репутация, тем не менее, учитывая возможность динамики данной правовой категории, мы не можем утверждать, что в какой-то момент деятельности субъекта его деловая репутация перестает быть охраняемым объектом. Таким образом, следует исходить из презумпции деловой репутации, то есть оспариваемые сведения признаются ложными, пока ответчик не докажет обратное, что распространенная информация соответствует действительности.

Что касается самой природы деловой репутации, то с одной стороны, было напрямую «унаследовано» и сохранилось, в том числе, и в ныне действующем Гражданском кодексе Российской Федерации понимание деловой репутации исключительно как нематериального блага. К слову, перечень нематериальных благ, перечисляемых в ст. 150 ГК РФ, не является исчерпывающим.

С другой стороны, нельзя не заметить и некоторые новации, произошедшие в отношении определения природы деловой репутации в современном гражданском законодательстве. В частности, как уже выше упоминалось, допускается и передача в пользование, и денежная оценка деловой репутации, что, в свою очередь, позволило некоторым цивилистам назвать субъективные гражданские права на деловую репутацию имущественными правами, наполненными имущественным содержанием. Об этом пишет М.А.Рожкова, ссылаясь в качестве примера, опять-таки, на ст.ст. 1027 и 1042 ГК РФ [7, с. 351].

На наш взгляд, не смотря на наличие указанных свойств деловой репутации, все же, ее, как и иные нематериальные блага, нельзя отделить от субъекта, а что касается денежной оценки, то напомним, что она может оцениваться по соглашению това-

рищей (в договоре простого товарищества), иными словами, возможна лишь приблизительная оценка.

О разграничении природы деловой репутации упоминается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [8], где обращается внимание судов на то, что защита деловой репутации - это конституционное право граждан, а деловая репутация юридических лиц при этом названа лишь одним из условий их успешной деятельности. Как видим, здесь разграничивается природа деловой репутации в зависимости от вида субъектов.

Напомним, что и сами способы защиты также отличаются в зависимости от субъекта. Так, в отношении физических лиц согласно п. 9 ст. 152 ГК РФ закреплено правило следующего содержания: «гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию… вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений». При этом в п.11 данного правового положения также прямо указывается на то, что все правила настоящей статьи применяются к защите деловой репутации юридического лица, но за исключением положений о компенсации морального вреда, что, в принципе, не лишает возможности взыскивать убытки.

Деловая репутация юридического лица возникает с момента создания этой организации, именно с этим юридическим фактом связано субъективное право на деловую репутацию. К примеру, если мы говорим о деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности, то право на нее возникает только с момента осуществления этой предпринимательской деятельности, подтвержденного его государственной регистрацией. При этом под субъективным правом юридического лица на деловую репутацию следует понимать меру дозволенного поведения юридического лица, в содержание которого входят:

- правомочие на собственные действия;
- правомочие требовать от других воздержания от посягательств на его деловую репутацию;
- собственно правомочие на защиту.

Обращаясь к контексту п. 1 и п. 11 ст. 152 ГК РФ, необходимо отметить, что основанием возникновения правоотношения по защите деловой репутации юридического лица является совокупность четырех условий:

1) факт распространения сведений;
2) порочащий характер таких сведений;
3) порочащие сведения не соответствуют действительности;
4) сведения распространяет третье лицо.

Так, что касается самого факта распространения сведений, здесь следует иметь ввиду распространение информации любым способом. Как правило, это носит характер сообщения, как одному, так и нескольким лицам, причем как в устной, так и в письменной форме. В наш «век Интернета» также часто сведения размещаются в различных социальных сетях, на сайтах, например, виде различных комментариев. Однако важно отметить, что не следует признавать фактом распространения информации случай, когда она напрямую касается лица, получившего ее. Другой во-

прос о том, можно ли считать возникшим право на защиту деловой репутации, если информация была сообщена третьему лицу, которое не стало распространять ее дальше. Считаем, что ответ должен быть утвердительным, если имело место распространение не соответствующих действительности сведений.

Конституция Российской Федерации гарантировала каждому свободу мысли и слова, на что часто и ссылаются лица, которые предпочитают свободно выражать свою точку зрения. Однако если имело место высказанное лицом мнение, то даже если это оценочное суждение, оно не должно нарушать прав юридических лиц на деловую репутацию. Из ст. 152 ГК следует, что оценочные суждении также можно оспорить в случае, если они носят оскорбительный характер.

Следовательно, для защиты прав юридического лица недостаточно распространения сведений о нем, они должны быть недостоверными, либо иметь порочащий характер. Поэтому далее более подробно рассмотрим второе условие.

Так, что касается порочащих сведений, под данную категорию можно представить любые сведения, которые могут содержать отрицательную информацию о юридическом лице, начиная от качества продукции, услуг либо работ, которые производятся, оказываются данным лицом, вплоть до отрицательных отзывов организаций–контрагентов данного юридического лица.

Но при этом важно обратить внимание на сами последствия распространения таких сведений, ведь распространение таких сведений могло негативно сказаться на различных возможностях юридического лица, например, на количестве заключаемых договоров, либо могло отразиться в иных финансовых потерях.

Еще одна важная проблема касается случаев распространения такой информации, которая не является порочащей, но она и не является достоверной. Речь идет о распространении хотя и положительной, но ложной информации. Так, посредством распространения такой информации формируется такой образ деловой репутации, который далеко не соответствует действительности. Возможно, именно в связи с этим законодатель инициировал внесение изменений в ст. 152 ГК путем дополнения указанной правовой нормы десятым пунктом, согласно которому правила ст. 152 ГК могут применяться также к случаям распространения любых не соответствующих действительности сведений.

Касаемо третьего условия защиты деловой репутации, во-первых, отметим, что сведения, которые содержатся в решениях суда, либо иных процессуальных официальных документах не могут относиться к сведениям, не соответствующим действительности. Кроме того, если распространенные в СМИ сведения были извлечены из официальных источников, они также не могут признаваться порочащими и не соответствующими действительности. Во-вторых, юридическое лицо не может использовать способы защиты деловой репутации при распространении порочащих, но соответствующих действительности сведений.

И наконец, что касается четвертого условия для защиты деловой репутации, необходимо отметить следующее. Лицо имеет право распространять о себе информацию для формирования и поддержания своей деловой репутации, что, естественно, становится предметом оценки окружающими. Но основанием возникновения правоотношения по защите деловой репутации будет являться только такой юридический факт, когда о юридическом лице распространило не соответствующие действительности порочащие сведения именно третье лицо.

Законодательством установлены случаи, когда лица освобождаются от ответственности. В частности, такие случаи перечислены в ст. 57 Закона РФ «О средствах массовой информации». Согласно, указанному правовому положению ни редакция, ни главный редактор, не говоря уже о самих журналистах, не будут нести ответственность за распространение таких сведений в следующих случаях:

- если такие сведения присутствовали в обязательных сообщениях или были получены от информационных агентств;
- если они содержались в ответе на запросы информации или в материалах пресс-служб различных государственных органов и организаций;
- если это было дословным воспроизведением выступления народного депутата, либо официального выступления должностного лица государственного органа;
- если такие сведения содержались в авторских произведениях и шли в эфир без предварительной записи, то есть, без редактирования;
- а также если они являлись дословным воспроизведением сообщений и материалов (их фрагментов), которые были распространенны другими СМИ [9].

Проблема распределения ответственности проявляется, на наш взгляд, в таком случае, если к ответственности привлекают непосредственно самого работника, который распространил такую информацию, но если при этом данный работник действовал по поручению и от имени своего работодателя. То есть, иными словами, физическое лицо всего лишь исполняло свои служебные обязанности и не преследовало противозаконных целей - распространить порочащие и не соответствующие действительности сведения о ком-то. Считаем, что редактор должен нести солидарную ответственность за содержание статей авторов.

Также при решении вопроса, когда автор неизвестен, привлекать ли к ответственности непосредственно администратора конкретного сайта, всегда определяется степень вовлечения такого лица в сам процесс работы с такой информацией, а также, учитывается тот факт, имел ли возможность администратор изменять содержание информации и вообще контролировать поток информации, ведь можно было просто не публиковать, изменить, либо вообще удалить такую информацию. Ведь очень редко на практике администратор сайта не оказывает никакого влияния на информацию, не определяя ни передачу, ни выбор получателя недостоверных сообщений. Поэтому считаем, что его также можно привлечь к ответственности. При этом он, как управомоченное лицо на размещение данной информации на сайте, не освобождается по заявлению потерпевшего лица от обязанности удалить порочащие и не соответствующие действительности сведения. Если же владелец сайта, либо уполномоченное им лицо (администратор) не удалят такую информацию, потерпевший вправе обратиться в суд за защитой своих нарушенных прав.

На наш взгляд, при рассмотрения такого рода дел можно выделить правовой пробел, связанный с тем то, что законодатель не предусмотрел процедуру обязательного досудебного урегулирования такого рода споров. А при невозможности установления лица, распространившего недостоверные порочащие сведения, дела о защите деловой репутации могут быть рассмотрены в порядке особого производства. Такая возможность позволит восстановить деловую репутацию ввиду отсутствия ответчика, правда, это не исключает необходимость доказывания самого факта несоответствия действительности сведений, которыми порочится деловая репутация лица.

В отношении юридического лица нельзя не коснуться важных вопросов, связанных с необходимостью защиты деловой репутации в момент его реорганизации и ликвидации. Так, если мы говорим о реорганизации юридического лица, подразумевающей переход прав и обязанностей к иным субъектам, то нужно учитывать, что вместе со всеми активами реорганизуемого юридического лица, передаваемыми к вновь созданному в результате реорганизации юридическому лицу, также на него будет оказано влияние и деловой репутацией реорганизованного лица, то есть, не смотря на то, что деловая репутация – нематериальное благо, тем не менее, остается информация о деятельности такого юридического лица. Но что касаемо ликвидации юридического лица, скорее всего, и нет необходимости защиты права на деловую репутацию такого юридического лица, деятельность которого прекращена без всякого, в отличие от реорганизации, правопреемства. По крайней мере, на наш взгляд, учредители такого лица также не лишены права судебной защиты уже ликвидированного юридического лица, поскольку порочащая информация может касаться причин прекращения юридического лица.

Что касается вопроса исковой давности, согласно ст. 208 ГК РФ на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ, не должен распространяться срок исковой давности. Однако выявляется исключение из указанного общего правила, в частности, Закон РФ «О средствах массовой информации» ограничивает указанное право, прямо закрепляя, что срок исковой давности равен одному году со дня распространения порочащих сведений. Также п. 10 ст. 152 ГК РФ установлен срок исковой давности по требованиям, которые предъявляются в связи с распространением любых не соответствующих действительности сведений в СМИ и составляет один год со дня опубликования таких сведений. В таких случаях именно специальные правила и подлежат применению.

В целом, по результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что деловая репутация формируется не только на основании оценки деятельности ее правообладателя, но и под влиянием многих факторов, в частности, в результате распространения информации о данном субъекте в медиа и Интернет пространстве. Она нуждается в правовой охране в условиях рыночной экономики, так как выделяется в качестве конкурентного преимущества на рынке товаров, работ и услуг. При этом, не смотря на презумпцию деловой репутации, защите подлежит именно положительная деловая репутация.

В свою очередь, требуют устранения многочисленные пробелы в действующем гражданском законодательстве Российской Федерации в сфере защиты деловой репутации, что вызывает на сегодняшний день определенные трудности в применении соответствующих норм.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон N 51-ФЗ [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года]: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – Текст: электронный.

2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: ИТИ Технологии, 2003. – 939 с. - Текст: непосредственный.

3. Каменева, З. В. Деловая репутация как объект гражданского права / З.В. Каменева. – Текст: непосредственный // Адвокат. - 2014. - № 5. - С. 19 - 22.

4. Килинкаров, В.В. Право на деловую репутацию субъектов предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Килинкаров. - Спб., 2011. - 18 с.

5. Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / под ред. М.А. Рожковой. - М: Статут, 2015. - 270 с. – Текст: непосредственный.
6. Колосова, В. И. Деловая репутация: понятие, проблемы правового регулирования и охраны / В.И. Колосова, Т.Ю. Вавилычева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2011. - № 3. - С. 258 – 266. - Текст: непосредственный.
7. Рожкова, М. А. Средства и способы защиты сторон коммерческого спора/ М.А. Рожкова. - М.: Волтерс Клувер, 2006. – 416 с. – Тест: непосредственный.
8. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24.02.2005 г.: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
9. О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации N 2124-1 от 27.12.1991 (ред. от 01.03.2020). – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – Текст: электронный.

Yaroshevskaya A. M., Murtazaeva A. A. Problems of protecting the business reputation of a legal entity // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – P. 395-402.

This study focuses on issues related to protecting the business reputation of a legal entity. The authors analyze the concept of business reputation and the factors that influence its formation. Along with the grounds for the legal relationship to protect business reputation, the conditions excluding liability are also discussed.

The authors conclude that, despite the presumption of business reputation, it is a positive business reputation that is subject to protection. At the same time, they recognize that the identified numerous gaps in the current civil legislation of the Russian Federation cause certain difficulties in applying standards in the field of business reputation protection in practice.

Keywords: business reputation of a legal entity, presumption of business reputation, conditions for protecting business reputation, ways to protect business reputation, defamatory information.

Spisok literatury

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya): Federal'nyj zakon N 51-FZ [prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 21 oktyabrya 1994 goda]: (s izmeneniyami i dopolneniyami). – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy Garant. – Tekst: elektronnyj.
2. Ozhegov, S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij / S.I. Ozhegov, N.YU. SHvedova. M.: ITI Tekhnologii, 2003. – 939 s. - Tekst: neposredstvennyj.
3. Kameneva, Z. V. Delovaya reputaciya kak ob"ekt grazhdanskogo prava / Z.V. Kameneva. – Tekst: neposredstvennyj // Advokat. - 2014. - № 5. - S. 19 - 22.
4. Kilinkarov, V.V. Pravo na delovuyu reputaciyu sub"ektov predprinimatel'skoj deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / V.V. Kilinkarov. - Spb., 2011. - 18 s.
5. Zashchita delovoj reputacii v sluchayah ee diffamacii ili nepravomernogo ispol'zovaniya (v sfere kommercheskih otnoshenij): nauchno-prakticheskoe posobie / pod red. M.A. Rozhkovoj. - M: Statut, 2015. - 270 s. – Tekst: neposredstvennyj.
6. Kolosova, V. I. Delovaya reputaciya: ponyatie, problemy pravovogo regulirovaniya i ohrany / V.I. Kolosova, T.YU. Vavilycheva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. - 2011. - № 3. - S. 258 – 266.- Tekst: neposredstvennyj.
7. Rozhkova, M. A. Sredstva i sposoby zashchity storon kommercheskogo spora/ M.A. Rozhkova. - M.: Volters Kluver, 2006. – 416 s. – Test: neposredstvennyj.
8. O sudebnoj praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoj reputacii grazhdan i yuridicheskih lic: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF № 3 ot 24.02.2005 g.: (s izmeneniyami i dopolneniyami). – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy Garant. – Tekst: elektronnyj.
9. O sredstvah massovoj informacii: Zakon Rossijskoj Federacii N 2124-1 ot 27.12.1991 (red. ot 01.03.2020). – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy Garant. – Tekst: elektronnyj

НАШИ АВТОРЫ

Аблятипова Н. А.	*к.ю.н., доц., доц. к-ры гражданского права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь*
Адельсеитова А. Б.	*к.ю.н., доц. доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Адлер А. В.	*магистрант Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь*
Азарова Е. С.	*к.ю.н., доц. Волгоградский государственный университет*
Анисимова Г. Ю.	*адвокат Ростовской областной коллегии адвокатов*
Анохин А. Н.	*к.ю.н., доц. доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Арсентьева С. С.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовного процесса и экспертной деятельности Челябинского государственного университета*
Асанов Р. Ш.	*следователь следственного управления МВД по Республике Крым, майор юстиции*
Бахриева З. Р.	*к.ю.н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Берг Л. Н.	*д.ю.н., доц., проф. к-ры теории государства и права*
Бойко К. В.	*Федеральный инспектор по Республике Крым аппарата полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе*
Биляев В. А.	*д.ю.н., доц., проф. к-ры уголовно-процессуального права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Бореншейн А. Л.	*к.ю.н., доц. ЮЗГУ*
Ветчинова Ю.И.	*Преподаватель к-ры административного и трудового права Юго-Западного государственного университета*
Волкова И. Ю.	*студентка Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь*
Галкин А. Г.	*к.ю.н., доц. «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина»*
Гаук А. М.	*аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ*

	ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Габрусь Н. Н.	*слушатель факультета заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Губанова Е. В.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Гусяков В. Ю.	*к.ю.н., доц. Севастопольский государственный университет*
Дербишева О. А.	*старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса. Государственная Образовательная Организация Высшего Профессионального Образования «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»*
Дерюгин А. А.	*к.ю.н., заместитель начальника к-ры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации*
Евтушенко И. И.	*к.ю.н., доц., доц. к-ры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Еникеев А. А.	*к.фил.н., доц. к-ры философии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»*
Игнатов А. Н.	*д.ю.н., проф., проф. к-ры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Заброда Д. Г.	*к.ю.н., доц., проф. к-ры административного права и административной деятельности РВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Змерзлый Б. В.	*д.ю.н., проф., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Казанцева Е. В.	*Старший преподаватель к-ры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Крымский филиал Краснодарского университета МВД*
Карявкина Е. А.	*Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) юридического факультета*
Киров А. А.	*аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Кондакова О. А.	*аспирант к-ры служебного и трудового права, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина РАНХиГС, адвокат Ассоциации «Крымская Республиканская коллегия адвокатов»*

Коноплёв В. В.	*д.ю.н., проф., проф. к-ры юридического факултета Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского*
Кошман А. В.	*к.ю.н., Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь*
Кошкин А. С.	*ассистент кафедры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Куница Е. В.	*магистрант Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь*
Лакиза А. А.	*к.фил.н., юрисконсульт ИП*
Мариева А. А.	*аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Макаренко Д. Д.	*студентка юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Муртазаева А. А.	*студентка 3 курса очной формы обучения направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция, юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»*
Нагорный А. П.	*преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Некрасова Е. В.	*к.ю.н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФ им. В. И. Вернадского»*
Никонов Д. А.	*к.ю.н., доц. к-ры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации*
Новикова Т. Ю.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовного права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Оболенский Ю. Б.	*к.ю.н., доц. Севастопольский государственный университет*
Онищенко В. В.	*старший преподаватель к-ры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского*
Ольков С. Г.	*д.ю.н., проф. к-ры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И.*

	Вернадского
Палиева О. Н.	*к.ю.н., доц. доц. к-ры уголовного процесса Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Пастухов М. М.	*студент 1 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина*
Попов А. Н.	*преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Петров А. Д.	*студент 1 курса юридического ф-та, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина*
Родителева Я. Н.	*Преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Рублев А. Г.	*к.ю.н., доц. к-ры гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»*
Савченко А. Н.	*Федеральный судья в отставке*
Саченок Л. А.	*к.э.н., доц. Севастопольский государственный университет*
Семенцова И. А.	*Московский университет им. С.Ю. Витте (филиал в г. Ростове-на-Дону), доцент кафедры уголовного права и процесса, к.ю.н., доцент*
Сошина Н. В.	*старший преподаватель к-ры уголовно-процессуального права Крымского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»*
Селькова А. А.	*к.ю.н., заместитель директора Института государственного и международного права Уральского государственного юридического университета (УрГЮУ), старший преподаватель к-ры гражданского процесса*
Скворцова О. В.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Тихий И. В.	*УМВД России по г. Симферополю*
Тур В. Г.	*к.и.н., доц. к-ры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Федорова Е. А.	*Государственный морской университет им. адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск), доцент ка-*

	федры «Публичное право», к.ю.н.
Фирсова А. А.	*Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Фоменко И. В.	*к.ю.н., доц., доц. к-ры уголовного права Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский университет правосудия»*
Царева Е. С.	*к.псих.н., старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Цуканов А. Н.	*прокурор Курской области*
Цуканова Е. Ю.	*ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»*
Чухраев Д. А.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовно-процессуального права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Шатская В. В.	*аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Ярошевская А.М.	*к.ю.н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Яценко А. О.	*к.ю.н., доц., Крымский филиал ФГБОУВ «РГУП»*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Анохин А. Н.
Об исследовании пространства системы правового регулирования……3
Галкин А. Г., Еникеев А. А., Пастухов М. М.
Электронное правительство: анализ зарубежных практик интеграции……..11
Гаук А. М.
Правовое регулирование деятельности Сайменского канала во второй половине XIX в……..16
Дерюгин А. А., Никонов Д. А.
История учит: некоторые аспекты применения правовых режимов военного и осадного положения в период Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг……...22
Киров А. А.
Зарождение и развитие правовой организации деятельности лоцманов Архангельска……..33
Кондакова О. А.
Основные подходы к исследованию коррупции: перспективы юридической науки……...41
Кошман А. В.
Factors of emerging statehood in the south-west asia in neolithic – chalcolithic…...49
Кошкин А. С.
Правовые формы сотрудничества СЭВ со странами не являющимися его членами……57
Лакиза А. А.
Философско-правовой подход к установлению родового признака собирательного понятия……...64
Тур В. Г.
Конфессиональная судебная система Российской Империи середины XIX в.: история и современные проблемы…….74

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Адельсеитова А. Б., Мариева А. А.
О необходимости создания Конституционного суда в Республике Крым……..86

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Игнатов А. Н., Габрусь Н. Н.
Преступность в Республике Крым: общая характеристика состояния и мер противодействия……95
Нагорный А. П., Попов А. Н.
Профилактика экстремизма и терроризма среди молодежи России……..105
Новикова Т. Ю., Палиева О. Н., Фоменко И. В.
Особенности официальной политики противодействия терроризму уголовно-правовыми средствами в России и Узбекистане…….116
Оболенский Ю. Б.
Освобождение от уголовной ответственности за деятельность организованных преступных объединений……..126
Родителева Я. Н., Царева Е. С.

Некоторые аспекты деятельности по противодействию распространения экстремистских идей в сети «Интернет»……..131
Семенцова И. А., Федорова Е. А.
Преступления в сфере транспорта: криминологический аспект и специфика уголовно-правовой оценки……..139
Скворцова О. В., Макаренко Д. Д.
Развратные действия с использованием сети «Интернет»…….146
Цуканов А. Н.
Время совершения налогового преступления……..……154

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Анисимова Г. Ю., Сошина Н. В.
Отдельные аспекты участия защитника в судебном следствии……161
Анисимова Г. Ю.
Актуальные вопросы участия подсудимого в судебном следствии…….166
Арсентьева С. С., Савченко А. Н.
Основания возбуждения уголовного дела и судебная проверка законности постановления о возбуждении уголовного дела в досудебном порядке……..172
Асанов Р. Ш.
Правообеспечительная функция следователя: понятие и направления реализации……..177
Биляев В. А., Чухраев Д. А.
К вопросу о совершенствовании института привлечения лица в качестве обвиняемого…….185
Люманова А. Л., Фирсова А. А., Яценко А. О.
Значение стадии подготовки дел к судебному разбирательству и ее задачи…191

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

Бойко К. В.
Формы взаимодействия аппаратов полномочных представителей президента Российской Федерации в федеральных округах с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (на материалах реализации в Республике Крым национальных проектов и региональных проектов-программ).....198
Бореншейн А. Л.
О современном состоянии административно-правового регулирования в сфере воинского учета РФ…….205
Казанцева Е. В.
Правовое регулирование ограничения свободы передвижения в период распространения Covid-19…….211
Карявкина Е. А.
Процессуальные особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях в арбитражных судах первой инстанции……218

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Рублев А. Г.
Международный уголовный суд: вопросы предметной юрисдикции……222
Берг Л. Н.
Проблемы классификации источников права ЕАС в области регулирования рынка услуг в сфере науки……237
Шатская В. В.
Имплементация международного права во внутреннюю правовую систему Республики Намибия: историко-правовой аспект……246

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю.
Право гражданина на неприкосновенность изображения: анализ эффективности правоприменительной практики при определении критериев неправомерности использования……..251
Аблятипова Н. А., Куница Е. В.
Отдельные вопросы системности правоприменительной практики при разрешении споров о разделе имущества, находящегося в общей собственности и выдела доли из общего имущества……261
Аблятипова Н. А., Адлер А. В.
Соотношение правовых конструкций предварительного договора и опциона на заключение договора: анализ теории и системности правоприменительной практики……...270
Онищенко В. В.
Два методологических подхода к исследованию юридического содержания положений гражданского законодательства……281
Саченок Л. И., Змерзлый Б. В.
Направления государственно-правового регулирования туристической деятельности……289
Некрасова Е. В.
К вопросу о соотношении категорий злоупотребления правом и обязательств вследствие причинения вреда…….304
Яценко А. О.
Проблемы оспаривания сомнительных сделок при несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций……310

СРОЧНО В НОМЕР

Азарова Е. С.
Применение специальных знаний в судебной деятельности…….316
Гусяков В. Ю.
Виды экономических (предпринимательских) отношений в нефтяной сфере энергетики…….322
Евтушенко И. И.
Вопросы разграничения смежных составов хищений имущественных прав и их квалификация……..330
Губанова Е. В.
Социальная обусловленность, основания и принципы криминализации создания террористического сообщества и участия в нем……..342

Цуканова Е. Ю.
Классификация фактических составов в зависимости от порядка накопления элементов…….349
Ветчинова Ю. И.
Уголовная ответственность несовершеннолетних за преступления, совершенные из хулиганских побуждений……..355
Заброда Д. Г., Тихий И. В.
Взаимодействие полиции и других субъектов охраны правопорядка в общественных местах (по материалам Республики Крым)……362
Коноплев В. В.
Некоторые аспекты деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ в сфере создания лесопаркового зеленого пояса (на материалах Республики Крым)……..371
Ольков С. Г.
Инвэйдерные товары – криминологический, микро- и макроэкономический подход…….377
Бахриева З. Р., Муртазаева А. А.
Непоименованные способы обеспечения обязательств (часть II)……...388
Ярошевская А. Я., Муртазаева А. А.
Проблемы защиты деловой репутации юридического лица……395